

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

СТАЛИНА

Б.С. Илизаров

**ТАЙНАЯ
ЖИЗНЬ
ВОЖДЕЙ**

Annotation

Книга доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, директора Центра документации «Народный архив» Бориса Илизарова — о душевном, интеллектуальном и физическом облике И. В. Сталина, человека, во многом определившего историю России и всего мира в XX веке. Практически все, что здесь изложено, написано на основании малоизвестных источников. Сталин был гораздо проще, а иногда вульгарнее, коварнее и злее, чем об этом повествовали мало что знавшие, а главное — мало что смевшие и желавшие знать его соратники и современники, сталинские апологеты. В то же время это была натура гораздо более сложная, противоречивая, разносторонняя и незаурядная, чем о нем пишут пережившие «культ личности».

Но эта книга не только о Сталине, его эпохе и людях, на жизнь и судьбу которых он повлиял, — она о всех нас, вынужденных с момента рождения и до момента смерти стоять перед выбором добра или зла.

- [Б. С. Илизаров](#)
 - [Предисловие к четвертому изданию](#)
 - [Предисловие к первому изданию](#)
 - [«Пролог», он же «эпилог»](#)
 - [О Роли любви и ненависти, бесстрастия и беспристрастности в историческом исследовании](#)
 - [Историософия](#)
 - [Несколько Соображений о Миграции Общечеловеческих Идей и О Роли Таланта в Социальной инженерии](#)
 - [О Двойственном характере мобилизационных, «вечных» идей](#)
 - [Раздел 1. Портрет героя](#)
 - [Глава 1. Опорные точки портрета](#)
 - [Глава 2. Болезни, смерть и «бессмертие»](#)
 - [Глава 3. Профиль на фоне библиотеки, архива и посмертной суеты](#)
 - [Глава 4. Душа Кобы подлинного](#)
 - [Глава 5. Женщины кобы](#)
 - [Раздел 2. Потаенные «диалоги» Сталина с классиками художественной литературы](#)
 - [Глава 1. «Под розой», или художественная литература в зеркале сталинской сексуальности и философии жизни](#)

- [Глава 2. Размышления по поводу помет Сталина на страницах романа Л.Н. Толстого](#)
- [Глава 3. Сталин и Достоевский](#)
- [Заключение. О воскрешении Григория Отрепьева в личности Генерального секретаря](#)
- [Философия возвращения](#)
- [Об историческом гештальте, историческом пространстве и тварях истории](#)
-
- [Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина](#)
- [1. История и проблема морали](#)
- [2. Моральный закон есть закон выбора](#)
- [3. Сила добра и очарование зла с историософской точки зрения](#)
- [4. Природа культа личности живого Сталина. Очарование злом](#)
- [5. Культ мертвой личности и его угасание](#)
- [Вкладка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)

- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)

- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)

- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)

- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)

- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)

- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)

- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)

- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)

- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)

- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)

- [624](#)
 - [625](#)
 - [626](#)
 - [627](#)
 - [628](#)
 - [629](#)
 - [630](#)
 - [631](#)
 - [632](#)
 - [633](#)
 - [634](#)
 - [635](#)
 - [636](#)
 - [637](#)
 - [638](#)
 - [639](#)
 - [640](#)
 - [641](#)
 - [642](#)
 - [643](#)
 - [644](#)
-

Б. С. Илизаров

Тайная жизнь Сталина

Памяти отца посвящаю

Но очнулись, пошатнулись,
Переполнились испугом,
Чашу, ядом налитую, приподняли над землей
И сказали: — Пей, проклятый,
неразбавленную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.
Иосиф Сталин

(перевод с грузинского Ф. Чуева)

Человек иль злобный бес
В душу, как в карман, залез,
Наплевал там и нагадил,
Все испортил, все разладил
И, хихикая, исчез.
Дурачок, ты всем нам верь, —
Шепчет самый гнусный зверь, —
Хоть блевотину на блюде
Поднесут с поклоном люди,
Ешь и зубы им не щерь.

Федор Сологуб

*Я перед вами ничего не утаю: меня ужаснула
великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость.*

*Федор Достоевский (из подготовительных
материалов к роману «Бесы»)*

*Каждый из нас, человеческих существ, есть один из
бесчисленных экспериментов...*

*Зигмунд Фрейд. Леонардо да Винчи. Воспоминание
детства*

Предисловие к четвертому изданию

Прошло десять лет с момента первой публикации этой книги. Я благодарен судьбе и издательству за то, что еще при жизни увижу обновленное издание. Обновленное не в том смысле, что пересмотрел взгляды на сталинскую эпоху и историю России XX века. Параллельно с этой выходит моя новая книга: «Почетный академик Сталин и академик Марр. О языковедческой дискуссии 1950 года и проблемах с нею связанных». Несмотря на то что через обе книги проходит один и тот же герой, в них рассматриваются взаимосвязанные, но разные проблемы. В книге, которую читатель держит в руках, анализируются скрытые душевные и моральные изломы сталинской натуры как части его биографии; вторая книга в большей степени посвящена истории интеллекта, причем в той области, в которой Сталин считал себя первым из наипервейших, то есть в области национального вопроса, языка и связанных с ними политических и культурологических проблем. Но и первая и вторая книги не только о Сталине, его эпохе и людях на жизнь и судьбу которых он повлиял, они о всех нас (включая Сталина, конечно), вынужденных с момента рождения и до момента смерти стоять перед выбором: добра или зла. Государственный деятель, как любой человек, родившейся на земле, не свободен от этого судьбоносного и для себя и для страны выбора. Мне кажется, что это новый аспект для современной исторической науки. В связи с этим я добавил заключительный параграф, в котором изложил свое понимание проблемы выбора (проблемы морали) применительно к историческому «герою» вообще и, к Сталину, в частности. Поскольку готовящаяся новая книга посвящена взаимоотношениям Сталина с академиком Марром — автором яфетической теории происхождения языка и мышления, я перенес из этой книги небольшой фрагмент, прямо связанный с языковедческой дискуссией 1950 года.

Сразу после выхода в свет первого издания, в 2002 году, я стал получать различные отклики. Но и положительные и отрицательные часто были поверхностны, а потому — малопродуктивны, и только в последние годы я познакомился с мнениями, касающимися самого существа поднимаемых в книге вопросов.

Патриарх современной русской литературы Даниил Гранин в недавнем интервью поделился такими соображениями:

(корреспондент) «— Как в нескольких словах вы можете охарактеризовать личность Сталина?

— Знаете, у меня в этом плане разные были периоды: до и после XX съезда, где разоблачили все жестокости Сталина и особенно “Ленинградское дело”, с которым немного столкнулся, но потом убедился, что все тут гораздо сложнее. В каком смысле? Ну, вот хотя бы в том, что Иосиф Виссарионович очень любил и знал литературу, много читал... Есть замечательные исследования на этот счет, в частности, историк Борис Илизаров изучал пометы, сделанные Сталиным на полях книг...

— **...красным карандашом?**

— Нет, разноцветными. Все эти надписи: “Так его!”, “Куда ж податься?”, “Неужели и это тоже?”, “Это ужасно!”, “Выдержим” — примечательны тем, что отражают неподдельное чувство читателя. Тут нет никакой показухи, ничего, рассчитанного на публику (кстати, эту читательскую реакцию хорошо показал в “Евгении Онегине” Пушкин).

Так вот, судя по тому, как Илизаров описывает сталинские пометы на “Воскресении” Толстого, на “Братьях Карамазовых” Достоевского, на произведениях Анатоля Франса и так далее, вождь был не просто книгочеем, а вдумчивым читателем, который все как-то усваивал, переживал, хотя на него это не действовало.

— **Злодеем он все-таки был?**

— Ну, объяснение это слишком простое — налицо невообразимая, чудовищная извращенность. Понимаете, Толстой, Достоевский — это же величайшие гуманисты, человековеды, никто лучше их о проблемах совести и добра не писал, но вот на Кобе это никак не сказывалось. Облагораживающее влияние литературы, искусства, о которых мы так любим рассуждать, здесь заканчивалось — он приезжал в свой кремлевский кабинет...

— **...и напрочь забывал Толстого и Достоевского...**

— ...и подписывал расстрельные списки на сотни человек, причем не абстрактных, а тех, которых знал, с кем дружил» ^[1].

А вот прямо противоположное мнение Юрия Емельянова, журналиста, не поленившегося написать толстую книжку, посвященную «разоблачениям» антисталинистских высказываний, начиная с Троцкого, Хрущева, Горбачева, многих известных российских и зарубежных историков, публицистов XX века, апофеозом которых стала, как утверждает автор, моя книга:

«Пожалуй, наиболее ярким примером морального и интеллектуального падения антисталиниста стала книга Бориса Илизарова “Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива”. Спору нет, Илизаров заведомо взялся за трудное дело: попытаться истолковать характер Сталина и раскрыть его мысли, разбирая пометки, которые тот оставлял на полях

книг. Однако к книгам из сталинской библиотеки был допущен человек, явно не способный понять ни смысл сталинских пометок, ни содержание произведений, которые комментировал Сталин.

Сообщая, что он пять лет бился над расшифровкой помет Сталина на нескольких десятках книг, Илизаров лишь расписался в своей интеллектуальной беспомощности....

Но возможно, что Илизаров кое-чего добился бы в своих трудах, если бы не его позиция. Провозгласив принцип “эмоционально высвеченной научной истории”, Илизаров с первой же страницы книги не скрывает своей ненависти к Сталину» и т. д. и т. п. ^[2]

Читатель сам может судить о том, что в писаниях Емельянова правда, а что завистливая пропагандистская чепуха. Хочу так же обратить внимание на то, что я опирался не только на многочисленные сталинские пометы, но и на ранее неизвестные материалы из личного архива Сталина и документы других архивов. Но в одном я согласен: критик благодарит главного редактора издательства «Вече» С.Н. Дмитриева. Со своей стороны я выражаю благодарность С.Н. Дмитриеву за многолетнее сотрудничество и мудрую издательскую политику, позволяющую разным авторам, имеющим разные взгляды, свободно обращаться к современным искушенным читателям.

...

Ноябрь, 2011 г.

Предисловие к первому изданию

Перед вами первая часть давно задуманной книги о душевном, интеллектуальном и физическом облике И.В. Сталина, человека, во многом определившего историю России и всего мира в XX веке. Практически все, что здесь изложено, написано на основании новых или малоизвестных источников.

Хочу предупредить — в книге читатель встретится с незнакомым Сталиным. Кому привычен давно сложившийся положительный или резко негативный образ этого человека, лучше книгу не открывать, чтобы не тревожить душу сомнениями. В то же время я совершенно не стремился занять как бы «третью», среднюю позицию, когда, «с одной стороны», мой герой «то-то и то-то делал и мыслил положительное», а «с другой — то-то и то-то... отрицательное». Я рассматриваю фигуру Сталина без «священного» трепета и не менее «освященного» ернического пренебрежения. Для меня Сталин, недавно по историческим меркам сошедший с мировой арены, — старший современник, с которым я ныне знаком пусть и опосредованно, через источники и документы, но гораздо основательнее, чем если бы это произошло непосредственно при знакомстве, в реальной жизни.

Теперь я знаю — Сталин был гораздо проще, приземленнее, а иногда, как человек, воспитанный в определенной среде и действовавший при определенных исторических условиях, — вульгарнее, примитивнее, глупее, коварнее и злее, чем об этом повествовали мало что знавшие, а главное — мало что смевшие и желавшие знать его соратники и современники и некоторые мои современники, сталинские апологеты. В то же время это была натура гораздо более сложная, противоречивая, разносторонняя и незаурядная, чем о нем пишут другие наши современники, пережившие «культ личности», его разоблачение и настороженно отслеживающие каждую попытку его исторической реабилитации. Более основательно познакомившись с некоторыми ранее скрытыми сторонами сталинской натуры, эту настороженность считаю вполне оправданной. Убежден — к Сталину, к сталинизму как явлению всемирно-исторического масштаба следует относиться чрезвычайно серьезно, не менее серьезно, чем к Гитлеру и нацизму. Так же серьезно, как к Сталину относились все знаменитые его современники — от Троцкого и Черчилля до Рузвельта и того же Гитлера.

О Сталине написано огромное количество работ. Помимо широко известных, разноплановых монографий и исследований Л. Троцкого, А. Авторханова, Д. Волкогонова, Р. Такера, Р. Слассера, Д. Ранкур-

Лаферриера, А. Антонова-Овсеенко, Р. Медведева, Э. Радзинского, Е. Громова, Н. Яковлева, М. Вайскопфа, ежегодно выходят десятки менее значительных книг и у нас, и в особенности за рубежом [3]. «Сталиниана», начавшаяся с середины 20-х годов XX столетия, сейчас насчитывает многие сотни, даже тысячи работ и документальных публикаций самого различного жанра и качества. Сама по себе литература о Сталине давно должна была бы стать темой самостоятельного историографического исследования. Чтобы не увязнуть в ней, я решил не выделять специального историографического раздела, так как работы, вышедшие о Сталине при его жизни, рассматриваю в качестве важнейших источников, раскрывающих процесс формирования историософии сталинизма. Все, что выходило при его жизни в стране, и большую часть того, что издавалось за рубежом, он лично контролировал и часто выступал как соавтор и вдохновитель своих «биографий» и исследований о себе. Заслуживающие доверия работы, вышедшие после его смерти, цитируются в соответствующих местах.

Ясно, что в условиях столь мощного потока публикаций и эмоционального противостояния не просто найти точный аспект в раскрытии личности Сталина, отстаивать собственный взгляд на результаты его интеллектуальной и душевной деятельности. Но я и не претендую на открытие «объективной», беспристрастной и безоговорочно приемлемой для всех истины. Первоначально научная «истина» всегда очень личностна и эмоционально субъективна, поскольку она принадлежит только тому, перед кем раскрылась, или тому, кто ее обнаружил. И лишь в том случае, если кто-то помимо первооткрывателя принимает ее, истина объективизируется, то есть становится истиной для многих, может быть, для очень многих, но никогда — для всех. На каждый закон, даже физический закон Ньютона, найдется свой ниспровергатель, свой Эйнштейн, а на него — еще кто-то, опровергающий и дополняющий казалось бы незыблемые постулаты. Тем более если речь идет об истине в исторической науке, где безраздельно господствует мнение. Однако, даже будучи относительной, истина (как и истинное мнение) таит в себе огромные и очень конкретные силы.

* * *

На протяжении 1998–2002 годов в научных и научно-популярных изданиях, в периодических изданиях России и за рубежом я публиковал отдельные разделы и фрагменты этой работы [4]. Не все они вошли в книгу. Однако то, что ранее было опубликовано, а теперь вошло в книгу, было в значительной степени переработано, расширено и уточнено.

Многим своим коллегам я благодарен за товарищескую критику, облегчившую постановку основных идей. В первую очередь я вспоминаю ныне покойных Ю.С. Борисова и В.П. Дмитренко, несколько лет назад поддерживавших общее направление этого исследования. Особая благодарность А.Н. Сахарову, одоббившему в начале работы ее «сталинскую» и историософскую направленность. Без ценнейших консультаций бывшего заведующего библиотекой ИМЭЛ при ЦК КПСС, а ныне коллеги по Центру истории отечественной культуры Института российской истории РАН Ю.П. Шарапова работа выглядела бы намного беднее. Я благодарю коллег, взявших на себя труд прочесть книгу в рукописи и высказавших о ней свое мнение: Т.Ю. Красовицкую, А.В. Голубева, Ю.А. Тихонова, В.А. Невежина, В.Д. Есакова, А.Е. Иванова, А.П. Богданова. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить немецкого исследователя Дитриха Байрау.

Много лет я работаю в читальном зале Российского государственного архива социально-политической истории (РГА СПИ). Благодарю работников архива за постоянные и ценнейшие консультации. Хочу выразить благодарность М.В. Страхову, чьи уникальные знания о фондах архива не раз облегчали поиск необходимой информации.

На протяжении 2000 года в журнале «Новая и новейшая история» публиковались обширные фрагменты монографии. Инициатива этих публикаций принадлежала главному редактору журнала Г.Н. Севостьянову, которому я особенно благодарен за столь действенную поддержку. Считаю своим долгом поблагодарить и сотрудницу журнала Г.Г. Акимову, осуществившую значительную редакторскую работу над текстами статей. В переводах текстов, напечатанных на грузинском языке, неоценимую помощь оказал Нугзар Шария.

Без двух близких людей, неизменно поддерживавших меня, эта работа вряд ли бы состоялась. Это — историк и архивист А.В. Доронин и С.Е. Кочетова — моя жена и самый строгий критик.

...

«Пролог», он же «Эпилог»

Почему «пролог», а не — «введение»?

Именно с «пролога» начинается эта «Книга в книге». В центре обеих книг — Сталин, но в одной из них он конкретный, живой человек, а в центре другой — историческая личность. Я не берусь судить о том, где заканчивается одна книга и начинается другая.

«Введение» в современном историческом труде — это традиционная форма заявления автора о намерениях, а главное — представление доказательств своего профессионального трудолюбия. Еще со времен Средних веков в западноевропейской гуманитарной науке сложились обязательные формы ученических и школярских трудов, без зачета которых не принимали в цех мастеров. В советское время такие работы сознательно превратили в формальный канон гуманитарного сословия, вне зависимости от того, принадлежит ли труд ученику, подмастерью или мастеру. Все ходили в школярах, все были учениками очередного вождя, как величайшего «Мастера». Сталин первым назвал себя «мастером», «мастером от революции» [5].

В этой книге «Пролог» — нечто вроде сеней в деревенском доме. Это переход совместно с читателем из открытого, по существу, космического пространства всеобщей жизни в обособленный, суженный мир одного общества, одной семьи, одного человека, переход, который уже отделяет нас от внешнего и бесконечно открытого, но еще только таит в себе возможность проникновения внутрь, в интимную глубину. Примерно этим же целям служил пролог в античном театре и в театре времен Шекспира. Проводя зрителя через пролог, автор отсекал его от повседневно текущего и вталкивал в мир объясняющихся символов. Поскольку на земле только «через человека есть выход в иной мир» [6], постольку «пролог» таит в себе возможность такого совместного с автором перехода. В наше время классический «пролог» почти повсеместно заменен занавесом, который, конечно же, использовал и театр времен Сталина. Но в театр Михаила Булгакова, так же как в театр Шекспира или Мольера, естественнее было проникнуть, переступив именно «пролог». Через «пролог» Булгаков пытался войти в сталинский мир. В 1939 году, когда могущество вождя достигло, казалось бы, немыслимых высот, Сталин прочитал о себе пьесу Булгакова «Батум», начинавшуюся таким «прологом»: встреча «накоротке» с товарищем в зале Тифлисской духовной семинарии в 1898 году. Сталину около девятнадцати лет, но вся его судьба как отпечаток на ладони:

«Понимаешь, пошел купить папирос, возвращаюсь на эту церемонию, и под самыми колоннами цыганка встречается. «Дай, погадаю, дай, погадаю!» Прямо не пропускает в дверь. Ну, я согласился. Очень хорошо гадает. Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все! Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала — большой ты будешь человек! Безусловно стоит заплатить рубль» [7]. Здесь пролог — не предчувствие и не предсказание (чего уж там предсказывать, на дворе 1939 год!), а мгновенное сжатие несколькими фразами начала и конца судьбы «мастера от революции», «пастыря народов». Среди первоначальных булгаковских названий пьесы о Сталине были: «Мастер» и «Пастырь».

Пьеса «Батум» была запрещена лично Сталиным не только к постановке, но и к публикации. Но на другую пьесу Булгакова «Дни Турбиных» он ходил пятнадцать раз, и, конечно, неспроста. Наверняка и Сталин посматривал на свою страну так же, как втайне любимый им мхатовский драматург и гениальный писатель смотрел на театральную сцену с зарождающимся в его душе спектаклем. Он видел эту сцену как бы сверху и со стороны, на которой, однако, даже давно убиенные или никогда не существовавшие лица внезапно самовоскрешаются и действуют помимо воли постановщика.

Леон Фейхтвангер, талантливо слепивший из эмоциональных археологических обломков и такой же ветоши целую галерею героев для собственного исторического театра, в том числе зыбкий лик Сталина образца 1937 года, не мог не отметить особое, бездушное великолепие советского театра. «Сценические картины отличаются такой законченностью, какой мне нигде до сих пор не приходилось видеть, — писал он, — декорации, там, где это уместно, например, в опере или некоторых исторических пьесах, поражают своим расточительным великолепием». И все же, несмотря на масштабность и расточительность сталинского театра, «драмы у него нет» — жестко констатировал Фейхтвангер [8]. И это в то самое время, когда на подмостках Колонного зала Дома Союзов разыгрывалась очередная фантазийная драма под периодическим названием «Дело врагов народа», в которой сам Фейхтвангер, в соответствии с замыслом Сталина, играл роль зачарованного гостя и заморского очевидца. Хотя до приезда в Москву предшествующий политический процесс над Зиновьевым и Каменевым представлялся ему «какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством» [9]. Многие говорят о Сталине, в том числе наш известный драматург Эдвард Радзинский, как о ярком режиссере собственного политического театра и потому, как мне кажется, искренне

ценившем талантливых мастеров лицедейства [\[10\]](#). Все же Сталин как драматург и постановщик не так уж интересен. Все его политические спектакли кустарны и говорят о наивной, хотя и безудержной сценической фантазии автора. Но как актер, сыгравший с десяток уникальных ролей исторических героев, он будет не скоро превзойден на мировой политической сцене. В лицедействе он хорошо разбирался. И как истинный актер, он дико завидовал своим партнерам по сцене, в особенности Л.Д. Троцкому. В 1927 году Сталин завистливо и издевательски бросил в партийный «зрительный зал»: «Я думаю, что Троцкий не заслуживает такого большого внимания. (Голос с места: «Правильно!») Тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае» [\[11\]](#).

Основная тема этой (и, дай бог, будущей) книги — подлинный образ героя, поверх которого — лики, маски и исторические личины И.В. Сталина как важнейшие составные части его авторской историософии. И все же, все же — история не театр и люди в ней не актеры!

Когда занавес падает, это значит, что главный герой, даже очень могущественный, бесповоротно мертв и возврат на ту же сцену, в том же исполнительском составе, в тот же зрительный зал и в ту же эпоху невозможен. И это несмотря на шумные рукоплескания современников и даже потомков, переходящие в овации, перекрывающие вопли и стоны. Невозможен, несмотря на здравицы и скандирования «бис!», то есть — «повторить!». Ах, как Сталин, один из главных героев, взобравшихся на сцену XX века, все это любил при жизни! И какое же это счастье, что как бы талантливо исторические герои ни лицедействовали, жизнь постоянно их обманывала — история никогда не будет театром, страна — сценой, а ее люди, сколько с ними не репетируй, — талантливыми статистами. Прав замечательный философ Кьеркегор, считавший, что в жизни каждого из нас на каждом шагу подстерегают все новые и новые повторения, то есть воспоминания, позволяющие предвкушать будущее [\[12\]](#). Но это в раскрытой жизни, в свершающемся, но еще не в свершенном, в личной судьбе, в начатом, но незавершенном труде и во всем том, что еще напряженно ожидает будущего. А человеческая история не предусматривает повторения, как и черновики. Там все в первый и все в последний раз и — навеки.

Но так же как в городе или деревне мы не только входим, но и выходим из дома через те же самые двери подъезда или одни и те же сени, то и выскользнуть из сталинской эпохи, из его внутреннего мира можно также через «Пролог». Тому, кто не хочет себя затруднять кажущимся длительным переходом, советую сразу же открыть первую страницу первой главы. Дочитав книгу, можно будет выйти через тот же «Пролог», на символически

возвратной стороне которого, как и положено в театре, загорается табличка: «Выход здесь», а в классической драме крупно отпечатано — «Эпилог». Но никому не запрещен вход и выход даже через «окно» или сквозь «стены» — многие начинают читать книгу чужой жизни там, где она сама раскроется перед ними или куда упрется пытливый глаз, нетерпеливо ищущий ответы на все и сразу.

Поэтому здесь «Пролог» — всего лишь момент перехода: за нами — настоящее с его открытым будущим, впереди — прошлое, навсегда вечное повторение.

О Роли любви и ненависти, бесстрастия и беспристрастности в историческом исследовании

Вторую половину своей сознательной жизни Сталин думал о себе как об исторической личности исполинских масштабов. Анри Барбюс, мастер метафорической прозы, совершенно искренне писал о нем в 1935 году: «Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это — самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире» [\[13\]](#). И хотя еще не прогрехотала Вторая мировая война, после которой его странная фигура нависла уже не только над Европой и Азией, но и над всем остальным миром, Барбюс здесь во всем прав. До сих пор Сталин — один из самых знаменитых и в то же время один из самых неизведанных (именно так — «неизведанных») государственных деятелей в мире.

Не только Барбюс, но и большинство современников воспринимало Сталина как «гиганта», даже те, кто испытывал одновременно и ужас и омерзение. Почти пятьдесят лет спустя после его смерти, когда страх, восхищение или ненависть притупились и перестали опьянять разум и душу, наступила пора разобраться и в масштабах и в чувствах. Для современного российского историка, за плечами которого строгая школа эмпиризма, возвращенного на скудной почве сталинизма и его поздних модификациях, разговор о человеческом, о чувствах может показаться, по крайней мере, странным.

В исторической науке вялая бесстрастность так же губительна, как и отсутствие беспристрастия. Бесстрастность и беспристрастие — очень разные чувства, а их путают. Я человек и, будучи абсолютно беспристрастным по отношению к другому человеку, могу и должен испытывать как минимум несколько душевных состояний: любить, ненавидеть, быть равнодушным. Разумеется, взвешенное равнодушие — малопродуктивное чувство. В исторической науке, как и в любой другой, часто доминируют любопытство, профессиональный интерес и изощренное ремесло. Исторические труды, написанные из планового или системного интереса к своему объекту, обычно вызывают встречный интерес у коллег по специализации или у товарищей по цеху. Конечно же, ценность таких трудов неоспорима, так как во всем мире именно они пополняют многовековой объем профессионального знания. Но когда Николай

Карамзин писал о своем герое Иване IV, его в первую очередь раздирали чувства историографа, открывшего эволюцию человека в зверя, а не взвешенное любопытство стороннего наблюдателя иной эпохи. Когда древнекитайский историк Сыма Цянь с невыразимой печалью так поведал об удачливом, жесточайшем императоре Цинь Шихуанди, что, внимая ему спустя тысячелетия, и сейчас задыхаешься в тех же рвах, в которых живьем закапывали ученых мужей Поднебесной. Когда римлянин Арриан, горячась, рассказывал о делах и днях македонского царя Александра Великого, жившего за несколько столетий до историка, когда Светоний и Тацит со сдержанным гневом писали о канувших в Лету ритуально-развратных древнеримских императорах, Теодор Моммзен с расчетливым восхищением — о «совершеннейшем» Цезаре, Сергей Соловьев — о Петре I, евангелист Матфей с тоской и надеждой — о неразделенной трагедии Иисуса из Назарета, всеми ими овладевали такие же страстные и противоречивые чувства, какие испытывали при жизни их столь разные герои.

Нас, россиян, европейцы часто упрекают в инфантильной эмоциональности, которая, как им кажется, особенно проявляется в языке, в слове, в интонации. В свою очередь, многие россияне считают преувеличенно эмоциональным способ выражения чувств кавказца или жителя юга России. Я не думаю, что Леон Фейхтвангер, не понимавший по-русски, был прав, когда утверждал, что русский язык «звучит несколько странно, преувеличенно, как будто основным тоном его является превосходная степень» ^[14]. Каждый народ, как и отдельный человек, в определенные периоды своей истории переживает такие мгновения, когда только чувства способны и спасти и подстегнуть косный разум или наоборот — довести его до безумия. Недаром Фейхтвангер бросает тот же упрек в излишней «страстности» не только россиянам сталинской эпохи, но уже большинству своих западных коллег — интеллигентов, которые с негодованием узнавали о московских процессах и репрессиях.

Советская эпоха, как никакая другая в истории России, насыщена людскими эмоциями. Каждая печатная или письменная строчка, каждая звуковая дорожка, каждая фотография и киноплёнка — это застывшая навек эмоция. Ко мне не сразу пришло понимание, что перводвигателем этой эпохальной эмоциональности, ее источником было не спонтанное «воодушевление народных масс, строивших социализм», не их внутреннее душевное напряжение, а конкретные большевистские вожди. При них (Ленине, Троцком, Сталине и других) накал положительных и отрицательных эмоций, радости и злобы, ненависти и любви достиг в общественной жизни невиданного напряжения. Дольше всех — целых три

десятилетия — личность Сталина была источником и фокусом такого напряжения, явственно ощущаемого и в наше время.

Приступая к работе над этой книгой, я вначале ничего, кроме любопытства, не испытывал. Перечитывал опубликованные произведения Сталина, преодолевая их сухой, почти хрусткий стиль, и любопытство стало сменяться скукой и раздражением. Особенно раздражали тексты официальных биографий Сталина и его катехизиса: «История ВКП(б). Краткий курс» — лживая история, убого преувеличенная биография. Однако, знакомясь с архивными документами, с работами его соратников и политических врагов, я в какой-то момент понял, что стал любоваться и даже восхищаться своим героем. Ничего удивительного нет в том, что когда о ком-то очень долго думаешь, он начинает иногда сниться по ночам. Я и теперь в любой момент могу мысленно вызвать его образ и начать непонятно как происходящий молчаливый диалог. В этом диалоге есть оттенки как бы обоюдной заинтересованности. Ведь любой человек способен общаться не только с живым непосредственно, но и с отсутствующим, и с мертвым. Однако на очередном этапе произошел новый перелом.

Я понял, что меня завораживала не сама фигура Сталина, а те тайны, которыми она окутана. Не политические, не семейные, не архивные, а самые главные тайны. Это — тайна абсолютной земной власти, тайна интеллекта этой власти и особенно тайна ее души. Мне показалось, что постепенно я начал некоторые из этих тайн постигать. И тогда стал раскрываться человек в неразрывном единстве души, разума и внешнего облика. Сущность разума — интеллект, сущность души — эмоция, а в единстве с плотью — человек как подобие Божие. Это то единство, в котором нет главного и второстепенного, основного звена и вспомогательных, нет четко выраженной иерархии и приоритетов. Это — то подлинно человеческое единство, в котором мельчайшая деталь, чуть заметная вибрация души есть знак вселенского, а очевидная простота исторического факта многомерна до бесконечности. «Не упрости!» — слова, которые я бы вывесил перед входом в храм науки, чуть ниже слов: «Не лги и не лукавь!»

Мне уже не казалось странным, что этого человека, без сомнения, многие не только смертельно боялись, но и искренне любили при его жизни. А многие и посмертно еще долгое время будут искренне восхищаться или безгранично, болезненно ненавидеть. Еще большее число людей о нем узнает только в школе на уроке истории, а затем без необходимости (дай-то бог!) не вспомнит, занимаясь повседневными трудами. Но того, кто вообразит, что призван постигать сотворенный этим человеком мир,

спускаясь шаг за шагом в глубины сталинизма, постигнет участь Данте. Скоро исполнится семьсот лет с тех пор, как знаменитый итальянец обрек самого себя, свой дух и образ на вековые блуждания с очередными поколениями разноязычных читателей в пространстве адских теней и божественных сфер. И непонятно — завидовать ли этой участи или страшиться ее как вечного наказания за дерзость проникновения за скинию незнаемого? Но я больше полагаюсь на справедливость марксистского толкования акта естественного отчуждения творца от плодов его творчества, тем более если они возвращены на достоверных исторических фактах, а не только порождены его напряженным художественным сознанием.

В этой книге представлен весь спектр чувств. Но я пытался сделать все, чтобы не перейти опасную грань, за которой страстность вырождается в картонную патетику, а равнодушие — в художественное присюсюкивание. В качестве камертона, для более точной настройки на специфическую тональность душевных струн моего героя, на их восприятие, я предлагаю слова, написанные собственной рукой Сталина, той самой, прикасаясь к которой у его ставленника венгра М. Ракоши возникало ощущение, что он пожимает «стеклянную перчатку, под которой скрывается бронированная рука» ^[15]. Сталин карандашом написал в 1935 году на полях XVIII тома третьего издания собрания сочинений В.И. Ленина по малозначимому поводу дореволюционной внутрипартийной борьбы: «Мягко забитый, злобно зацелованный» ^[16]. Был ли Сталин автором этой сентенции, или он у кого-то ее позаимствовал, в данном случае не имеет большого значения. Впрочем, очень похоже на то, что именно он автор столь емкой эмоциональной конструкции. Во встречном и перекрестном столкновении смыслов этих четырех слов вспыхивает такая невероятно мощная, эмоционально чувственная энергия, которой, как я надеюсь, должно с избытком хватить на освещение самых дальних лабиринтов сталинской души и интеллекта. Вряд ли эмоционально тусклый человек способен **так** выразить чье-то отношение к кому-то, а тем более **так** вообразить отношение к себе или свое — к другому. Именно поэтому я с первой строки этой книги настаиваю и буду настаивать до ее последней точки на правомерности и необходимости не только институциональной, биографической и интеллектуальной, но и эмоционально высвеченной научной истории.

Историософия

Книга посвящена философии истории сталинизма. Точнее — историософским взглядам Сталина. Все остальное служит скорее в качестве фона. Правда, такого фона, который многим может справедливо показаться богаче и интересней описываемого объекта. Здесь же приводятся наиболее важные источники, из которых Сталин черпал историософские и научные идеи и конструкции или литературные и исторические образы и личины. Особый разговор о том, как он в эти личины вживался и как он их в себе культивировал.

Как термин «историософия», так и комплекс проблем, связанный с философией истории, вряд ли можно отнести только к строго научным. Термин «философия истории» ввел лукавый, но мудрый Вольтер. Он сам себя испробовал в качестве историка и написал по-французски изящную книгу о шведском Карле XII. Ему надоели труды историков, которые больше напоминали лавки старьевщиков, — масса фактов, пересыпанных словами, но мало мысли и вдохновения. А мы добавим такого вдохновения, которое бы из мертвых фактов возрождало неповторимый исторический «Образ».

Вольтер был великий философ и интеллектуал и потому справедливо полагал, что историю надо не только описывать и переписывать, но о ней надо еще и размышлять. Но в научном или, точнее, в философском смысле основы историософии были заложены Кантом и Гегелем. В советское время, особенно в период правления Иосифа Виссарионовича Сталина, размышления об истории, то есть историософия была разрешена исключительно в рамках «исторического материализма». Этот плод сталинской мысли как «единственно верное учение» сыграл двоякую роль. С одной стороны, начисто отбил вкус к теоретическому мышлению у способных на это профессионалов, что привело к резкому снижению интеллектуального уровня научных исторических и философских работ в СССР. Сам же Сталин уже в молодые годы отлично знал из работ Г.В. Плеханова, что существует особый раздел науки, именуемый «философия истории» ^[17]. С другой стороны, «инъекции» сталинского исторического материализма, введенные в массовое общественное сознание через школу, вуз, печать, литературу, театр, кино, пропагандистский аппарат и т. д., представляли собой смесь не самых примитивных на то время догматов о «движущих силах истории», «общественно-экономических формациях», о классах, их борьбе и др. Самое же главное — он «объяснял» для в массе своей малообразованных и интеллектуально неразвитых людей

советское бытие и быт, то есть **настоящее**, как закономерный результат, как блестящий апофеоз всего **прошлого** развития человечества и рисовал контуры пусть призрачного, но «прекрасного» **будущего**. В 1938 году Сталин, читая книгу заново «обласканного» им Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», подчеркнул в ней и особо пометил на полях крестиком: «*Будущее* способен предвидеть только тот, кто понял *прошедшее*» [18]. К этому времени у него не оставалось сомнений в своих исключительных пророческих способностях, умноженных на силу «марксистско-ленинской» теории и базирующихся на знании истории. В своих выступлениях Сталин любил повторять: «Чтобы руководить, надо предвидеть». В его любимом детище — «Кратком курсе» — не единожды отмечается пророческое предназначение социальной теории. «Сила марксистско-ленинской теории, — говорится там, — состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда разворачиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [19]. Эти слова, которые с тех пор бесконечное количество раз почти неизменно повторялись в различных партийных документах до конца советской эпохи, содержат прямую претензию генерального идеолога партии на владение пророческим даром. В российскую действительность XX века Сталин ввел фигуру древнейшей библейской истории — фигуру пророка. Научная и пропагандистская литература советского времени была полна ритуальными трудами типа опуса Г. Васильева «Ленин и Сталин о роли научного предвидения» [20]. А первоначальной причиной была невероятная с точки зрения здравого смысла и «логики» развития исторического процесса удача государственного переворота в октябре 1917 года и сокрушительная победа большевиков в Гражданской войне. Пророческая настойчивость Ленина, предсказывавшего успех восстания, его и Троцкого одержимость на фоне осторожного скептицизма ведущих ленинских апостолов, включая Сталина, а главное — политическая одержимость ленинцев и их вера в возможность глобального социального переустройства планеты породили в России культ новых пророков. Ленин, по словам Троцкого, подметил в себе пророческий дар еще в 1910 году, называя его «антиципацией», то есть предвосхищением. Сталин в 1924 году объявил Ленина ясновидцем: «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их как на ладони» [21]. При первой же возможности культ ясновидца и пророка Сталин оформил на себя и государственно укрепил. Иван Товстуха, Карл Радек, Клим Ворошилов, Лаврентий Берия, Анри Барбюс, Николай Бухарин,

Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Эмиль Людвиг, Леон Фейхтвангер, Ромен Роллан, Жан-Ришар Блок, Михаил Калинин, Емельян Ярославский, Сергей Киров, Вячеслав Молотов, Анастас Микоян, Григорий Орджоникидзе, Андрей Жданов, Петр Пospelов, Всеволод Вишневский, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, Георгий Леонидзе, Константинэ Гамсахурдия и масса других, кто бездарно, а кто и талантливо, кто по необходимости, но большинство с радостной готовностью брали на себя роль новых евангелистов. Только единицы, например Андре Жид, обманывали его ожидания, да и то не совсем. Возможно, один Лев Троцкий всю жизнь был к нему трезво беспощаден.

Сталинская потребность быть причастным к образному ряду библейской истории была настолько велика и сейчас так очевидна всякому, кто пытается войти в его идейно-пропагандистский, а главное, в его душевный и интеллектуальный миры, что настоятельно диктует нам постоянно находиться на ее орбите. Так что здесь, в этой книге, элементы библейской образности и терминологии — настоящая необходимость, а не художественный прием и не дань новомодным обскурантистским увлечениям.

На вершине могущества Сталину всерьез чудилось, что ему открылась вторая после Бога, самая великая тайна бытия — будущий ход истории человечества. Если Маркс и Энгельс пытались, как и многие до них, опираясь на свое понимание прошлого, это будущее предсказать, Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и другие большевики попытались практически реализовать марксистское предсказание, то Сталин пошел дальше всех — попытался надолго предопределить историю своей страны и в значительной степени всего мира.

Именно для этого Сталин как мог, на свой лад выстроил единообразную историческую ретроспективу и насильственно, как тавро, «выжег» ее в мозгах своих подданных. Многие до сих пор благодарны ему именно за этот указанный им смысл существования, страдания и умирания на Земле. И не просто на Земле, а в стране, называемой СССР-Россия. В советское время в подполье и в подсознание были загнаны все другие историософские модели, включая «идеалистические» (философские), национальные, религиозные, естественно-научные, мифологические, мистические.

Трудно судить о том, многие ли советские люди безоговорочно принимали эти догматы в качестве путеводной звезды, но то, что с конца 30-х годов все граждане от школьников до их родителей в той или иной форме знали их суть, не подлежит сомнению. Лучшим доказательством этого служит заложенная в 30-х годах унитарная сталинистская историософия, в малоизмененном виде господствующая в наших умах, учебниках и книгах

до сих пор. А вот перспектива и в особенности та ее часть, где положено было видеть то самое «будущее», растаяла, как знаменитый марксистский призрак коммунизма. Пока упразднена и должность государственного пророка России.

* * *

Первыми профессиональными историософами были гадалки и прорицатели, во все времена извлекавшие немало преимуществ из своей профессии. Именно им принадлежит знаменитая формулировка — обещание: расскажу, что есть, что было и что будет. Да что там гадалки и прорицатели, любой человек сам себе историософ. Человек живет, но когда у него возникает возможность отвлечься от мыслей о хлебе насущном, он, чуть более пристально вглядываясь в окружающее, интуитивно ищет его истоки в известном ему прошлом и так же неосознанно строит предположения о грядущем. Так же естественно, как дышим, все мы, охраняя свою целостность в мире и непрерывность своего бытия, живем сразу в трех временах, даже не очень задумываясь над этим. Для достижения же ощущения непрерывности жизни и бытия ничего особенного не требуется, кроме одного — быть человеком, а это, как говорил Ф. Ницше, — то же самое, что быть животным с долгой памятью. Мыслить историософски — это значит, плывя в рутинном потоке жизни естественным образом, произвольно сплетать в своем сознании нити трех времен. Вряд ли надо особо подчеркивать то, что связи эти могут быть как причудливо фантастичны, так и по возможности обоснованными, то есть рациональными и даже научными. И там и тут — везде проявляются свойства одной и той же трансвременной человеческой природы. Конечно, все это справедливо, только если не принимать во внимание вполне очевидную разницу качества научного и обыденного восприятия жизни как истории.

Талантливый советский психолог и философ С.Л. Рубинштейн, заслуженно получивший в 1942 году за свои труды Сталинскую премию, а в 1947–1948 годах затравленный как «безродный космополит», писал: «Время жизни (человека. — *Б.И.*) объективно определяется лишь как время истории» [\[22\]](#). Действительно, из истории отдельных жизней складывается история государства, общества, народов. В процессе поиска смысла жизни одного-единственного человека можно надеяться набрести на проблеск смысла истории всего человечества. Тем более если это история жизни человека, вылепившего по своему образу и подобию огромнейшую

Советскую мировую державу. Более тридцати лет, с 1922 по 1953 год, его жизнь была жизнью многомиллионного, многонационального государства и сателлитов. Но почему все же именно он? Ради кого или чего невероятные жертвы, страдания, несбывшиеся мечты? Зачем, кому это было нужно? Какой был смысл в этой пережитой эпохе и наших в ней переживаниях?

Я, конечно же, не знаю ответов на эти и многие другие поставленные в книге вопросы. Но я позволю себе напомнить об одном простом житейском приеме, к которому издревле прибегают дети, женщины, а иногда и суровые мужи, — поделись с близким своими сомнениями и страхами, обсуди, казалось бы, неразрешимые вопросы. И ответ придет, но не в форме прямого откровения или отпущения грехов, а как разрядка, как катарсис, как освобождение от груза прошлого в процессе его припоминания, совместного переживания и осознания. Я убежден — именно в этом главная, очистительная функция истории как науки.

Конечно, гораздо проще лукаво спекулировать на примитивных «теориях» заговоров или, например, на представлениях об особой, мистической роли России и ее народа, избранного Богом, но в советское время отринувшего его и в наказание преданного врагу, этому очередному «бичу Божьему». Все эти и подобные им «объяснения» — самая обычная идеологическая пена, которую поднимает даже небольшой социальный шторм в России в любые времена. Теодор Моммзен по схожему поводу, но для германских условий бросил: «История — та же Библия, и если она, подобно Библии, не может помешать тому, чтобы глупцы понимали ее ложно и чтобы дьявол ссылаясь на нее при случае, то и она, подобно Библии же, будет в состоянии вынести и то и другое и все компенсировать» ^[23]. Не посчитаем и мы для себя зазорным присоединиться к «тевтонскому» оптимизму, заложенному в книге, которая в СССР была подписана в печать буквально накануне войны с Германией, в мае 1941 года.

Теодор Моммзен, как и Лев Толстой, во второй половине XIX века модернизировавший библейский тезис о божественном промысле, говорил о людях типа Цезаря или Наполеона как об «орудиях Господних» ^[24]. Правда, Моммзен признавал право на яркую индивидуальность и на огромную личную свободу очередного «орудия», в то время как Толстой историческую личность низвел до роли божественной марионетки и кривляки. Как известно, Г.В. Плеханов в работе «О роли личности в истории», по-марксистски «отобрав» у Бога роль «кукловода», отдал ее абстрактным социальным и экономическим силам, которые то диктуют свою волю великой личности, то сами подчиняются ей, продолжая при этом дергать ее же за неосязаемые нити и рычаги. Николай Бердяев, всю жизнь

перемалывавший в себе марксистскую историческую доктрину, в конце жизни устало бросил: «Самая свобода в истории превращается в рок» [\[25\]](#).

Все эти и подобные им попытки разобраться с вопросами «свободы и необходимости» в истории в гегельянском, марксистском, ницшеанском или бердяевском духе слишком абстрактны, слишком отдалены от каждого из нас, слишком рассудочны. Нет, все гораздо проще и одновременно — сложнее. Проще потому, что ответ не надо искать очень далеко. Ответ здесь, и его знает каждый, и для этого совсем не обязательно писать ученые труды. Сложнее — потому что не каждый соотечественник способен признаться, что знает этот ответ и всегда его знал. Он содержится в издревле неразрывной для подавляющего большинства россиян связке: власть — это свобода, свобода — это власть. И глубинно понимая это, многие, если не большинство, безотносительно к тому, к какой они принадлежат национальности или вере, стремятся ухватить хотя бы микроскопическую толику власти, сводя все ее разнообразие к власти государственной. Но главный приз получают единицы, а чаще — единственный. И не имеет никакого значения, получает ли он эту абсолютно свободную власть по наследству или как дар судьбы и обстоятельств, или дорывается до нее собственными усилиями.

Может быть, именно поэтому в течение всей тысячелетней истории в России наиболее дефицитной были государственная власть и личная свобода, и одно без другого никогда не существовало. Ни деньги, ни имущество, ни особенный талант, ни даже любовь, ни что другое не были так притягательны, как власть и обретаемая с ней свобода. Тот, кто добивается у нас особо густой концентрации личной власти, только в силу одного этого становится желанным господином и кумиром большинства народа, у которого он эту власть, а с ней и свободу забрал. И если на мгновение согласиться с тем, что нас кто-то наказывает свыше, то уж никак не за неверие в Бога, за бытовой атеизм. Современное человечество в большинстве своем формально относится к любой религиозной обрядовости, а вера в душе — это личное дело каждого. Нет, мы несем вполне земное и человеческое наказание как раз за безграничную веру и яростное поклонение двуликому кумиру — власти и ее свободе. Точнее, много столетий мы сами себя за этот соблазн наказываем. По справедливости наказываем за то, что с каждым новым поколением очередному кумиру приносятся все более отягощенные кровью жертвы. Сталин пока последний в этом ряду. Впрочем, и все те, кто пришел за ним — не без крови.

Пресловутая легенда, которую эксплуатировал и поддерживал Сталин, об особой тяге россиян к самодержавной власти, к культу личности есть

лишь иносказательное толкование повального поклонения кумиру властной свободы. И как бы ни стенали под игом этого кумира и ни проклинали его, находясь под пятой, многие даже там мечтают быть на его месте или хотя бы получить от него милостыню — «ярлык» на правление или на прокорм. Так что как только представится случай, с радостью принимают власть и свободу раба-надсмотрщика (чиновник одна из его разновидностей) над государственными рабами — над своими братьями и сестрами. Не случайно же все революции и перевороты в России приводили лишь к обновлению кумирни и ее обслуживающего персонала. Поэтому Сталин, может быть, всего лишь один из нас, просто более способный, более волевой, более удачливый, более циничный и коварный... В то же время в каждом из нас сидит (может быть, теперь уже и от рождения) «бацилла» сталинизма, не осязаемая до поры, до появления благоприятных для ее развития обстоятельств. Это не утверждения, это вопросы, на которые каждый волен отвечать так, как ему подсказывает внутренний судья.

И эту мысль, то есть о реальном воздействии на общество идейной «бациллы», как и многое в этой книге, не я высказываю первый. В далеком 1905 году Сталин в одной из заметок цитировал выступление Плеханова на II съезде партии (а Плеханов, в свою очередь, процитировал Ленина) о необходимости внесения «революционной бациллы» в «бессознательную массу» ^[26]. Но после успешного заражения революционной «бациллой» еще более успешным оказался опыт заражения нашего общества «бациллой» сталинизма, для которой в XX веке сложились удивительно благоприятные обстоятельства. Мне очень бы хотелось рассмотреть морфологию этой бациллы именно в Сталине, в ком она получила высшее развитие.

* * *

Попытка объяснить настоящее, исходя из знаний о прошлом, с надеждой предвосхитить будущее так или иначе всегда присутствует в любом историческом исследовании. Чаще всего явно это не декларируется. Именно в труде историка историософия начинает приобретать атрибуты научности. Но границы между житейской обыденностью, научным историческим исследованием и философским осмыслением исторического времени чрезвычайно зыбки и неопределенны и часто перекрывают друг друга. В каждой научной концепции всегда присутствует весомая толика фантазии и мифа, из каждого исторического мифа можно извлечь целые пригоршни рациональных зерен. Многое зависит от расстановки акцентов и, как всегда, если речь заходит о человеческом, почти все зависит от таланта.

Поэтому от века в сознании каждого человека, будь он ученым или обывателем, как и в общественном сознании, причудливо переплетены элементы научного, обыденного, мифологического...

Так что, выделив в заголовке этой книги слово «историософия», я имел в виду одновременно как упорядоченную научную систему взглядов на исторический процесс, так и обычную общечеловеческую мешанину представлений о прошлом и настоящем, сообща служащих в качестве строительных материалов для конструирования «моделей» будущего. Именно в этом смысле здесь говорится об **историософии** сталинизма. Поскольку герой книги — Сталин, то ему, как и всякому человеку, родившемуся в определенной социальной обстановке, чему-то учившемуся, что-то читавшему и размышлявшему о своей проживаемой жизни, а тем более размышлявшему о судьбах огромной страны, которой он так долго распоряжался, не откажем в способности мыслить историософски.

Я предлагаю читателю сообща бросить взгляд из сегодняшнего дня на то, как Сталин и люди, к идеям которых он в той или иной степени был причастен, изображали известный им отрезок исторического прошлого своей страны и других народов и сочетали его со своим настоящим и будущим.

Все это тем более интересно, если учесть то, что марксистская доктрина, ставшая одним из отправных пунктов (но не единственным!) теории и практики сталинизма, как никакая другая, пронизана историзмом. Понимая это, Бердяев (чье имя ныне на слуху почти так же, как в недавнем прошлом было имя Маркса) посчитал даже, что «самое большое прельщение и рабство человека связано с историей» ^[27].

Мы не сможем обойти и вопрос о том, во что превратилась философия истории марксизма и ее российских последователей в результате сталинского переосмысления. Какие новые компоненты и откуда были в нее внесены, а какие части бестрепетно изъяты? Здесь же с неизбежностью встает вопрос и об интеллектуальных способностях, идейных истоках и особенностях мышления Сталина, о его внутреннем духовном мире, находящемся в неразрывной связи с внешним обликом. Отсюда неизбежный вход в его философию жизни. На вопрос же — что есть сталинизм? — отвечает вся книга в целом.

Разумеется, все обозначенные вопросы историософии сталинизма не удастся разрешить в рамках одной книги. Поэтому здесь главное внимание уделяется биографии Сталина: как истории личности и его личной истории (автобиографии). Таким образом, я рассматриваю ее одновременно с двух точек зрения: с моей, исследовательской, авторской, и с точки зрения самого Сталина. Я считаю, что с автобиографии и с истории личности начинается

любое историософское осмысление бытия. В последующем я хотел бы рассказать о тех образах, личинах и масках исторических деятелей и героев различных эпох, в которых время от времени жил Сталин. Возможно, тогда же удастся рассмотреть и собственно историософию сталинизма: взгляды Сталина на историю большевистской партии, революции, историю России, всемирную историю и их воплощение в учебную и научную литературу.

И все же некоторые внешние элементы историософии сталинизма как особенной социальной конструкции считаю нужным предварительно обозначить. Тем более что сам термин «сталинизм» был введен еще при жизни вождя его ближайшими соратниками в качестве высшей характеристики философии эпохи.

Несколько Соображений о Миграции Общечеловеческих Идей и О Роли Таланта в Социальной инженерии

Кажется, именно К. Маркс утверждал, что люди в процессе общения и деятельности обмениваются самыми разнообразными продуктами своего труда. Не только теми, которые они произвели в сфере материального производства (то есть товаром), но и словами, мыслями, информацией, то есть идеями. Сам факт «производства», обмена, присвоения, купли, воровства и т. д. идей в наше время настолько очевиден, что не требует особых доказательств. Но точно так же, как при производстве машин и механизмов, возникших как материальное воплощение технических идей, происходит постоянное совершенствование этих механизмов, так случается и с социальными идеями. Однажды, озарив своим завораживающим светом чье-то сознание, идея, овладевая умами людей, стремится через них воплотиться в историческую реальность. Конечно, не идея сама по себе, а люди, открывшие или присвоившие себе эту идею, воплощают ее в жизнь. Вне зависимости от того, становится ли она воплощением плана социального преобразования или нет, ее, передаваемую из поколения в поколение, из одной цивилизации в другую, преобразуемую, обогащаемую или вырождающуюся, все же неуклонно стремятся вновь и вновь воплотить в историческую реальность. Так, общество, однажды случайным образом открыв или сознательно произведя, затем уже сообща пестует «общечеловеческие» или «вечные» идеи, и в первую очередь в сфере организации общественной жизни.

Пока человечество существует, его будет мучить воистину вечная идея конструирования и обустройства наилучшего «государственного дома». Человечество обречено на вечный соблазн, на вечный поиск наиболее «совершенного», «разумного», «свободного», «незыблемого», «самого могучего», «демократичного», «справедливого», «богатого» и т. д. общественного устройства вообще и государственного в частности. Из идеалов, из представлений о наилучшем общественном устройстве выросли все формы политической борьбы — от парламентской и реформаторской до диктаторской и революционной. Или чего стоит, например, роль идеи, ведущей к консолидации, к сплочению общества или к его сбалансированности.

Достижению, допустим, сплоченности служат самые неожиданные и часто противоположные цели. Например, один и тот же народ может сплотиться как для завоевания своей независимости, отстаивания свободы, сохранения целостности своего государства, так и для достижения господства над другими народами или их уничтожения. Цели прямо противоположны, так же противоположны и исторические «вызовы», а механизм сплочения один и тот же — мобилизующая агрессивная общественная реакция. Конрад Лоренц, один из крупнейших психологов и философов XX века, с блеском доказал: агрессия — та сила, которая и разрушает, и строит, и защищает [\[28\]](#).

Состояние агрессии в доцивилизационный период истории человечества, точно так же как и в животном мире, могло быть вызвано спонтанной коллективной реакцией. Но сейчас чаще всего это состояние искусственно разжигают (или, наоборот, гасят) издавна сложившиеся в каждом обществе специализированные институты. Одну из ведущих и долговременных ролей здесь играет национальная историческая наука. Как бы это ни казалось на первый взгляд чрезмерным, за каждым солдатом современной регулярной армии, идущим в бой, за каждым боевиком-партизаном, за каждым политическим террористом и бескорыстным революционером маячит фигура кабинетного ученого-историка. Война между народами готовится, начинается, поддерживается, завершается и вновь готовится на страницах ученых книг, журналов и школьных учебников истории. В них даются объяснения и оправдания всему и вся, которые, если задуматься, по своей доказательности столь же весомы, как пули, летящие с противостоящих сторон. Историческая наука, заряженная агрессией, после очередной войны вновь множит ее вне зависимости от того, кто — «мы» или «они» потерпели поражение или победили. Сталин (как и Гитлер) не только всю жизнь с явным удовольствием штудировал исторические сочинения, но и сам выступил в качестве генератора историософских «патриотических» доктрин, открыв для себя колоссальную агрессивно мобилизующую роль исторической науки, этой эмоциональной сердцевины любого тоталитарного механизма.

Конечно, не Сталин первым взял на вооружение и подчинил своим политическим интересам историческую науку, но он был первым в новейшей истории, кто попытался полностью ее монополизировать, переписать (и не раз!) в сознании многочисленных и с очень разной исторической судьбой народов СССР и народов «социалистического» лагеря.

Задолго до Октябрьской революции некоторые русские марксисты, в особенности А. Богданов, а за ним и другие, плодотворно размышляли о роли идей в общественном развитии. (Сталин перечитал с десятков изданий одной только богдановской «Политэкономии».) Эта «идеалистическая» струя русского марксизма публицистично опровергалась, а на самом деле поддерживалась не кем-нибудь, а его идейным противником В. Лениным еще в далеком 1894 году, в хорошо знакомой многим советским гражданам работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов». Ленин относился к распространенному у нас типу полемистов, которые незаметно для себя (а иногда и умышленно) усваивают чужие мысли и делают их своими именно в борьбе, в полемике, продолжая при этом плевать в сторону противника. До революции по ряду причин это произведение Ленина оставалось малоизвестным. В 1923 году его переиздали массовым тиражом с предисловием Л. Каменева. Свой побольшевистски замечательный текст Каменев завершил наиболее значимой итоговой цитатой из той же работы Ленина: «...когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят **идею** научного социализма, **идею** исторической роли русского рабочего, когда эти **идеи** получают широкое распространение... тогда русский рабочий... поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» (выделено мной. — *Б.И.*). Под этой фразой подписался бы любой представитель так не любимого Лениным философского «идеализма» — от Платона до Гегеля и далее... Сталин дважды отчеркнул эту цитату вертикальными и горизонтальными линиями и дополнительно выделил скобками ^[29]. Тогда она ему (как и мне ныне) явно пришлась по душе.

Конечно, сами по себе люди — как толпа, как масса, как класс или слой — никогда не могут соорганизоваться, даже если они находятся в плену притягательных и даже обольстительных идей или доктрин. Без агрессивной силы авторитета, таланта вождя, лидера, героя и его сподвижников (по-ленински — «партии») здесь не обойтись.

Часто увлекаясь предметом своих занятий, а иногда и из чисто конъюнктурных или националистических соображений, историк раздувает до невероятных размеров значение того или иного национального политика, государственного деятеля, военачальника. На самом же деле выдающийся государственный деятель явление столь же редкое, как и выдающийся ученый, литератор, мыслитель, живописец, шахматист. Политическое

творчество имеет ту же самую природу, что и творчество в искусстве или науке. Творчество в высшем его проявлении — это воплощение в реальность особо насыщенной достоверными знаниями фантазии мощного ума. В политическом творчестве, как и в любом другом, присутствуют десятки градаций и множество степеней. Крупный талант, а тем более — гений, редчайший случай в политической истории не только одного государства, но и человечества в целом. Как же не ошибиться, как убедиться в том, что перед нами государственный гений, значительный политический талант?

У большинства политиков основная часть жизни уходит на то, чтобы добиться или дожидаться власти, затем на то, чтобы удержаться в ней. Совсем немногие обладают волей и умением для того, чтобы без плачевных последствий для себя и особенно для общества что-то изменить и усовершенствовать или распознать и сохранить полезное в существующем порядке вещей. И уж совсем редко мы встречаем в истории людей, в которых сочетаются мощная воля, глубокий конструктивный ум с даром государственного творчества. Такие деятели, вне зависимости от того, что принесли они своим и окружающим народам, оставляют неизгладимый след в истории человечества. Так или иначе, они определяют ее ход.

Отвечать на вопрос, был ли Сталин гениальным политическим и государственным деятелем или посредственной авторитарной личностью, силою обстоятельств дорвавшейся до абсолютной власти в гигантской стране, как будто не наша задача. Но по возможности ответить все же придется, так как интеллектуальная деятельность Сталина, частью которой была его историософия, имела откровенно прагматический и прикладной характер. Сталинская историософия это не только некоторая система исторических взглядов и изменчивых мнений вождя, то есть идеология, но и их воплощение в реальной политике и государственном строительстве. В чем, в чем, а здесь сила воздействия идеологии и практики сталинизма на российское общество до сих пор явственно ощутима.

По критерию воздействия на ход мировой истории XX века Сталин, без сомнения, вошел в группу крупнейших политических деятелей мира. Но многие выдающиеся политические деятели обладали еще одним необходимейшим талантом — даром конструирования и воплощения в жизнь своего долгосрочного «проекта» общественного устройства. Как правило, такими способностями обладали талантливейшие, иногда даже гениальные «социальные инженеры». Каждый из них был неповторим и оригинален в своем государственном и общественном строительстве. Их творческий радикализм, их подлинная **революционность** приводила к созданию новой и чрезвычайно устойчивой общественной **традиции**. Чем

более удачной и новаторской была навязанная обществу социальная конструкция, тем более длительное время «проект» развивался в рамках этой конструкции, превращая ее в историческую традицию. После исчерпывания всех возможностей традиции, заложенной выдающимся политиком, обществу необходим новый импульс. Дальнейшая его судьба зависит от того, в какое время появится, насколько талантлив и удачлив будет новый исторический герой, радикальный реформатор, революционер. От установленной радикальным путем длительной традиции — к преодолению уже одряхлевшей, иссохшей традиции с помощью очередной революции — таков ход маятника часов человеческой истории. Троцкий, который был не только революционером-практиком, но и талантливым историком, справедливо подметил: «Что потеряно в традиции, то выиграно в размахе революции» [\[30\]](#).

Исторический герой при благоприятных обстоятельствах может играть не только роль движущей пружины революции (то есть разрушителя старого), но и главного проектировщика и строителя нового общества. Чаще же всего эти роли разделены, что и создает иллюзию, будто «каждая революция пожирает своих детей». На самом же деле — это новая популяция «детей» пожирает своих родителей-революционеров, в свою очередь кроваво расчистивших им историческое пространство.

Однако вместо подлинного государственного таланта человечество легко принимает за него подражателя, имитатора, эпигона. Политическое и государственное эпигонство так же бесплодно, как и всякое другое, но в своей бесплодности оно еще и крайне опасно для общества, так как подавляет подлинно творческие силы, паразитирует на них и тем самым тормозит общественное развитие, что ведет к загниванию и разложению. Еще опаснее такой «реформатор» и «революционер», который больше напоминает безумного вивисектора, по собственной прихоти кромсающего и уродующего живое общественное тело.

Все это не просто мало уловимые оттенки некоторых типов государственных деятелей. Здесь я хочу более резко подчеркнуть то, что граница между истинным новаторством в области социальной инженерии, эпигонством и безумной авантюрой все же достаточно ощутима для историка. Эту границу определяют три традиционных показателя: цели, средства, результат. Особенно — результат. Не позволим себе свести проблему к банальности типа обсуждения прекраснодушного вопроса — оправдывает ли цель средства? Для тех, кто прикоснулся к реальной власти, этот вопрос уже не актуален, а для того, кто властью вполне овладел, ответ однозначен — оправдывает, еще как оправдывает.

В сохранившейся части сталинской библиотеки я не нашел книги Никколо Макиавелли «Князь», хотя многие утверждают, что он ее штудировал. В этом утверждении сквозит неприкрытый намек — циник Макиавелли дает соблазнительные рекомендации достижения государственной власти столь же циничному государственному деятелю и тем развращает его. Еще в сталинскую эпоху нас всех приучили: знание «преступного» знания есть преступление. И сейчас многие продолжают считать, что сам факт ознакомления с какой-либо идеей уличает человека как ее сторонника. На самом же деле важно лишь то, как он понял и что вынес из этой книги, но это как раз и неизвестно. Можно подумать, что до Макиавелли люди ничего не знали о реальных механизмах достижения и укрепления неограниченной личной власти. Да о механизмах власти «князя мира сего» буквально вопят все мировые религии, историография, философия, литература и практически вся человеческая культура, абстрактно уличая, но применительно к своему, национальному, оправдывая его. Двойственность оценки объективно заложена в самой природе государственной власти, в обособлении части человечества в собственном государстве от всего человечества.

* * *

Римская империя, одна из величайших и длительно существовавших, выдвинула очень много способных государственных деятелей. Но тех, благодаря которым империя в самые критические времена приобретала новые качества и тем самым, трансформируясь, развивалась по восходящей, можно перечислить по пальцам. Чтобы не слишком сильно отклоняться от основной темы повествования, опустим республиканский период, более богатый политическими героями. А вот в императорском периоде можно назвать всего несколько имен действительно выдающихся деятелей, которые не только заботились о расширении империи или поддерживали ее устойчивое существование, но и в критические времена безжалостно разрушали старые и закладывали новые социальные основы для обеспечения последующего мощного импульса развития. Это Юлий Цезарь с Октавианом Августом (середина I в. до н. э.), затем — Константин Великий (первая половина IV в. н. э.). Между Августом и Константином лежат почти четыре сотни лет, на протяжении которых, конечно же, происходили значительные социальные изменения: войны, народные движения, реформы, периоды относительного подъема и упадка. Но все эти изменения протекали в рамках заложенной Цезарем и Августом

насильственным, революционным путем, ценой гражданских войн и большой крови очень живучей социальной парадигмы «цезаризма» («принципата», «военной монархии»), которая и стала **традицией**. Сменившая ее парадигма теократической империи как христианской монархии, заложенная Константином Великим, просуществовала в форме традиции почти тысячу лет, до самого падения Византии. Неисчислимо количество христианских монархов, пытавшихся ее воспроизводить, включая австрийских и русских. Не отставали от них с учетом своих религиозных и национальных особенностей арабские халифы и турецкие султаны.

Другой пример — империя Наполеона Бонапарта. Будучи очень талантливым полководцем и разносторонним для своего времени человеком, он тем не менее был всего лишь блестящим политическим эпигоном и эклектиком. Что-то заимствовал из государственных идей Древнего Рима (законодательство и др.), что-то из идей Карла Великого (территориально-иерархическую организацию империи), что-то сохранил и даже развил из идей Великой французской революции (ее антифеодальную направленность), а что-то — из монархической, консервативной Европы (атрибуты наследственной монархии и т. д.). Академик Е. Тарле, чей «мягко забитый» талант внимательным к историку вождем так и не смог полностью раскрыться, свел разговор о своем любимом герое, о Наполеоне («завоевателе и государственном человеке»), к «объективной» роли «хирурга истории» ^[31]. Тарле, как и многие до и после него, считали возможным высоко оценивать историческую личность и восхищаться ею не по созидательной и конструктивной, а по ее разрушительной силе. Эта древнейшая эпическая и историографическая традиция оправдывала и поддерживала разрушительные инстинкты и иллюзии у творчески несостоятельных государственных деятелей и вождей. Но разве кто-нибудь скажет доброе слово в адрес строителя, развалившего старый дом, но не способного положить даже краеугольный камень в основание нового жилища?

Несмотря на очевидную романтическую эпоху, она была скоротечна, унесла в могилу сотни тысяч человек, но не дала того мощного импульса, которого должно было бы хватить всей Европе или хотя бы Франции на два-три столетия. Несмотря на все усилия эпигонов, от Наполеона III до Гитлера, идея единой Европы-империи как **иерархии** подчиненных одному правителю территорий-государств и народов оказалась мертворожденной. Впрочем, последний — Гитлер — был эпигоном не только Наполеона и Карла Великого, но и Ленина, Муссолини и

во многом — Сталина. Политическому эпигону никогда не суждено основать «тысячелетний рейх».

Я, разумеется, не делаю никакого открытия, указывая на Петра Великого как на выдающегося реформатора и преобразователя России. Убежден, что влияние его социальной парадигмы российское общество ощущало, по крайней мере, до 1917 года. Сошлюсь на мнение одного из мудрейших российских историков XIX века Сергея Соловьева, который считал, что отмена крепостного права в 1861 году, последующие реформы и вообще все положительные начинания XVIII — XIX веков полностью находились в русле петровских преобразований [\[32\]](#). Кстати говоря, он ценил Петра I не только как «западника», но как государственного гения, пытавшегося сочетать и Запад и Восток и сумевшего тем самым развить, а не просто сохранить промежуточную самобытность России. Конечно, тезис С. Соловьева не абсолютен. Как известно, в петровском времени много было случайного, наивного, хаотичного, иррационально-жестокое и попросту бессмысленного, но важен сам принцип оценки масштаба личности. Это — длительная плодотворность развития общества в рамках заданной парадигмы-традиции.

Впрочем, даже значительные современные мыслители, с легкой руки Отто Шпенглера, по-немецки основательно переварившего некоторые идеи Николая Данилевского и Константина Леонтьева, считают петровское вживание элементов западноевропейской цивилизации в ткань незрелой российской культуры делом малопродуктивным и даже опасным. Например, фон Вригт, глубокий знаток русской философской и этической мысли, утверждает (и не только он), что результатом петровских реформ стало не глубинное преобразование всего российского общества, а всего лишь его верхушечный «псевдоморфизм» [\[33\]](#), приведший к тяжелейшему социальному уродству. «История России не полностью синхронизируется с историей Европы, — пишет он. — Модернизация в России не была результатом органичного совершенствования снизу — скорее попытками навязать ее сверху незрелому обществу. Первая была сделана Петром I. Он пожелал пересадить в свою страну знания и практический опыт, обеспеченные наукой и нарождающейся технологией. Можно назвать петровские реформы “модернизацией без просвещения”. В качестве опытной реформации общества это было преждевременно. Это привело к тому, что названо Шпенглером историческими “псевдоморфозами”... Взгляд на историю России от Петра до Ленина как на псевдоморфоз преждевременной западнизации кажется мне в основном корректным» [\[34\]](#).

В этой и подобных мыслях чувствуется привкус европоцентристского высокомерия, которому вряд ли найдем оправдание. Обратим внимание на

ряд вполне успешных модернизаций в такой азиатской стране, как Япония, или в наши дни в Китае, Индии, Бразилии и др. Каждое общество, не желающее впасть в ничтожное состояние, время от времени и по необходимости проходит стадии технической модернизации и культурного заимствования. Только руководители одного общества это делают вовремя и творчески, то есть талантливо, а другие — убого и подражательно. Здесь важно не только то, как происходит заимствование, но и то, что отбирается в качестве образцов. На стадиях революционной ломки и созидания удачность подбора тех или иных конструкций в первую очередь зависит от «социального инженера» и его соратников. С библейских времен человечество склонно преувеличивать роль «объективного» фактора в собственном историческом развитии, что позволяет психологически снять с себя большую часть ответственности и вины за неумение организовать и организоваться, за неоправданно пролитую кровь, за создание адских условий существования на благодатной земле для себе подобных и даже для близких.

* * *

На каком-то этапе Сталин сравнивал себя с Петром Великим, читал С. Соловьева, Н. Карамзина, почитывал научную и художественную литературу о Карле Великом, Кромвеле, Наполеоне, Цезаре, Иване Грозном, Чингизхане и других исторических героях, любил историческую драму, оперу и кино. При жизни он постоянно примерял на себя масштаб мировой истории. Но он хорошо понимал, от чего зависит объективная оценка государственного деятеля. Он не раз высказывался в том смысле, что «слова и легенды проходят, а дела остаются» [\[35\]](#). В 1934 году Сталин заявил Герберту Уэллсу: «Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель...» [\[36\]](#) Совершенно верно — оценка зависит от остающихся потомкам «дел», от исторической судьбы детища государственного деятеля. И вот развал в 1991 году СССР, не протянувшего и сорока лет после смерти своего «проектировщика и инженера», как будто бы предопределил оценку сталинского социального проекта, его эффективность для народов бывшей мировой державы. И все же для окончательных выводов на сей счет время все еще не наступило. Никто не может исключить возможность того, что России (и некоторым бывшим советским республикам) в той или иной форме еще предстоит пережить второе издание сталинизма. Несмотря на всю ее бессмысленность, такая попытка наверняка опять будет многого стоить, но хочется надеяться,

что жертва не будет очень велика, а ее последствия так плачевны для страны, какой была, например, попытка воскресить бонапартизм во Франции Наполеоном III. Афористичному Марксу принадлежит замечательное наблюдение. Напомню его не по современному переводу, а по не очень совершенному дореволюционному изданию, которое Сталин читал с карандашом в руке: «Гегель заметил где-то (на самом деле у Гегеля этого нет. — *Б.И.*), что все великие всемирно-исторические события и лица появляются в истории, так сказать, два раза. Он забыл прибавить: в первый раз как трагедия, а второй раз как фарс» [\[37\]](#). Эта фраза была направлена как раз в адрес двух Наполеонов — дяди и племянника. Очень хочется надеется, что историческое правило Маркса на этот раз в России не сработает. Но иного отношения к эпохе сталинизма и ее последствиям как к очередной волне раз за разом переживаемой во всевозрастающих масштабах национальной трагедии я предложить не могу.

О Двойственном характере мобилизационных, «вечных» идей

Итак, все те идеи, которые рождаются и вращаются в социальной сфере, сами по себе не плохи и не хороши, как не плохи и не хороши любые изобретения человеческого ума. Одна и та же машина может быть использована и для рытья котлована под фундамент нового жилого дома, и для рытья окопа, из которого будет вестись стрельба по этому же дому. То же самое можно сказать относительно универсальных форм общественной мобилизации, стержневых, «вечных» идей человечества, с помощью которых на протяжении тысячелетий мировой истории цементируются или рассыпаются в прах самые разнообразные общества. Это тоталитаризм, социализм и национализм. Конечно, можно назвать и другие, но мы сейчас говорим только об этих. Все они, несмотря на очевидную новизну терминологии, на самом деле имеют древнейшие истоки и насквозь пронизывали все мыслимые общественно-экономические формации, любые глобальные или замкнутые цивилизации, культурно-исторические типы. Они переживались и совершенствовались всеми народами мира в различные периоды их развития.

Понятия «нация», «национализм» появились в первой половине XIX века; термин «социализм» вошел в европейские языки примерно тогда же. Понятие «тотальность» стало впервые разрабатываться фашистскими идеологами в 20—40-х годах XX века. Один из «отцов» испанского фашизма Ледесма Рамос утверждал, что «тотальная государственность» — это «сплав народа и государства». Это самое краткое и самое точное определение тоталитаризма. Слова «тотальная» война, «тотальная» мобилизация нации, насколько мне известно, впервые стали использоваться геббельсовской пропагандой в фашистской Германии в конце войны. Хотя «тоталитаризм» как социальное явление, характерное главным образом для истории XX века, фундаментально рассмотрено Ханной Арендт, а затем другими авторами уже после Второй мировой войны [\[38\]](#).

Несмотря на позднее происхождение терминов, явления, ими обозначенные, столь же древни, как и само человечество. Я не склонен смешивать «идею», ее бытование и процесс ее воплощения. Нельзя смешивать идею с социальными конструктами типа «нация», «национальное государство», «тоталитарное государство», «социализм» или «демократия». В то время как социальные конструкты могут расцветать и

гибнуть, быть вообще нежизнеспособными, устаревать, гнить и медленно разлагаться, идеи, даже на первый взгляд нелепые и экзотические, бесконечно развиваются и совершенствуются человечеством.

Не случайно еще Маркс и Энгельс находили истоки идей социализма в «первобытном коммунизме», в античности и раннем христианстве, в трудах средневековых утопистов и современных им мыслителей. Я же попытаюсь несколькими штрихами показать, что и социализм, и тоталитаризм, и национализм — это такие формы социальной организации, к которым человечество всегда обращалось, и вечно будет обращаться, сочетая их на практике в разных пропорциях, постоянно совершенствуя их через религию, науку и фантазии мечтателей. Как и отдельный человек, общество чаще всего наиболее активно в экстремальных ситуациях.

* * *

С тотальностью, с тоталитаризмом, то есть с поголовной мобилизацией всех членов социума, мы встречаемся в истории каждый раз, как только та или иная человеческая общность оказывается в экстремальных условиях. И часто именно высочайшая степень государственной мобилизации спасает ее от неизбежной гибели. Поэтому есть все основания говорить, что тоталитаризм — это крайняя форма всеобщей мобилизации в условиях, когда ставится под сомнение само существование государства и социума.

Такая всеобщая мобилизация от стариков и инвалидов до детей и женщин, полное слияние государства и общества — не столь уж редкое явление в истории человечества. Так, например, древние греки — афиняне — смогли организовать в V веке до н. э. в тотальное сообщество для отпора намного превосходящих их по экономическим возможностям и по численности персам. Одной из самых ярких иллюстраций такой всеобщей мобилизации может служить рассказ Геродота о том, как вся афинская община, жившая по законам рабовладельческой демократии, до единого человека, включая рабов разных национальностей, покинула полис и села на корабли. Все вдруг ощутили себя гражданами, и все были полны решимости дать коллективный отпор врагу.

Однако эта форма крайней, исключительной мобилизации общества, возникающая как реакция на экстремальные условия и по этой причине по необходимости влекущая за собой в той или иной степени тотальный контроль над каждым членом общества и всеми сферами общественной жизни, при определенных условиях может законсервироваться. Вне зависимости от формы правления, будь то режим личной власти или режим

демократии, в обществе искусственно поддерживается чрезвычайно высокий уровень от мобилизованности и агрессивности. Тогда оно становится крайне опасным для соседей, а внутри общества для части своих же членов, для всякого рода диссидентов («предателей», «врагов народа»), плохо поддающихся тотальному психозу и государственному нивелированию.

Нечто подобное произошло с Афинским союзом, который после разгрома персов из оборонительной фазы стремительно перешел в фазу наступательной агрессии. Это, как известно, в конечном счете привело к затяжной войне со Спартой и к упадку всей Эллады.

В XII веке н. э. небольшая, этнически разнородная группа кочевников Центральной Азии — татаро-монголы, организовавшаяся в целях самосохранения в тотальное сообщество (орду) для отпора многочисленным степным врагам, в чрезвычайно короткий срок использовала эту форму уже для порабощения огромной части Евразийского континента. Здесь, как и во всех подобных случаях, в наличии были все те компоненты тоталитаризма, которые называют современные исследователи ^[39]: унитарная идеология (идея мирового господства в его раннесредневековом варианте), массовое народное движение и жестокий диктаторский репрессивный режим Чингисхана («Бич народов!»), установивший тотальный контроль над обществом и личностью в обширном государстве — орде.

Конечно, между Афинским союзом с его рабовладельческой демократией и раннефеодальной кочевнической империей чингисидов существовали колоссальные различия. Но они такого же примерно свойства, как разница между тоталитарными режимами нацистской Германии или фашистской Италии и маодзэдуновским режимом в Китае или полпотовским — в Камбодже. Эта разница не мешает современным исследователям объединять их одной характеристикой — тоталитаризм.

Отвлекаясь от других не менее ярких иллюстраций, заимствованных из древней и средневековой истории, отметим, что элементы тоталитаризма легко обнаружим в жизни всех тех европейских государств, которые были непосредственно вовлечены еще в Первую мировую войну. Особенно сильно они проявились в Германии в конце войны и в большевистской России в период Гражданской войны.

Правда, тогда предпочитали говорить не о тотальной мобилизации нации, а о «милитаризации» жизни общества для достижения победы. Эта разница в терминах сути не меняет, а лишь справедливо указывает на то, что любая постоянная, а тем более массовая армия организована по тоталитарному принципу — полное подчинение личности авторитарному командующему и его иерархии для достижения общей агрессивной цели, то

есть победы. Здесь так же должна присутствовать общность идеологии, хотя бы в форме официального патриотизма или религии.

Вообще же и в мирное время любая армия даже в самом демократическом обществе по необходимости несет в себе ген тоталитаризма. Исключений нет. Это же, но еще в большей степени относится к любой тюремной, пенитенциарной, полицейской системе, включая, разумеется, и тайную полицию. Не случайно именно армия, тюрьма и полиция со всеми их разновидностями составляют ударную силу всех тоталитарных государств. Но в странах, где демократия имеет твердую почву и длительную традицию, такие же, по сути, тоталитарные структуры используются для ее же защиты извне и изнутри. Так что тоталитаризм при определенных условиях является спасительной формой самосохранения, а порождаемые им институты всего лишь нейтральные инструменты. В каких целях они будут использованы, зависит от того, в чьих они руках.

Во время Первой мировой войны по армейской модели были организованы почти все жизненно важные государственные институты, и особенно жестко в тех воюющих странах, где ограниченность ресурсов была наиболее ощутима. Опыт, пережитый в начале XX века Германией и Советской Россией, показал, сколь сильна и жизнестойка становится нация или ее часть (называвшаяся тогда большевиками пролетариатом и крестьянством), если они организованы по тоталитарному принципу. Большевистские лидеры, хорошо знавшие предвоенную и военную Германию, откровенно говорили о заимствовании идей «милитаризации» народного хозяйства и всей жизни в период Гражданской войны именно из Германии. Как известно, наиболее горячим поклонником идей милитаризации и военного коммунизма в Советской России, вплоть до формирования «трудовых армий» мирного времени, был Лев Троцкий. Не без одобрения Ленина во время Гражданской войны появились и первые трудовые лагеря для «врагов народа».

Таким образом, тоталитаризм возникает как ответная мобилизационная реакция общества на экстремальные условия, которые для различных государств могут иметь диаметрально противоположные исторические причины и последствия. После устранения этих причин общество по возможности возвращается в исходное состояние, но, как показывает история, далеко не всегда. Например, в отличие от разгромленной Германии, где мобилизационный тоталитаризм, вызванный войной, на короткий срок сменился пусть слабым, но демократическим строем Веймарской республики ^[40], в России и в мирное время, после окончания Гражданской войны, он остался доминирующей формой общественной жизни. Более того, агрессивный тоталитаризм в России оказался соединен с идеями

социализма, которые внедрялись в общественную жизнь тоталитарными же методами. Из этой смеси и родился военный коммунизм как первичный питательный «бульон» для саморазвития «бациллы» сталинизма.

* * *

Хочу напомнить, что идеи социализма, то есть идеи общественной поддержки и государственного патроната над отдельным конкретным членом общества или целыми слоями, имеют чрезвычайно древние корни в истории человечества. Их можно обнаружить даже в элементах государственной патронатной политики стран Древнего Востока. Наиболее же отчетливо «социалистические» мотивы, которые зачастую неотличимы от мотивов еще одной стержневой общечеловеческой идеи — демократии, улавливаются в политической жизни античных демократий (равное для свободных избирательное право, государственная помощь малоимущим, возможность участвовать в государственном управлении, организация общественных работ, элементы общественного образования, общественные культурные и религиозные мероприятия и т. д.). Все это элементы социализма, получившие дальнейшее развитие в христианстве, а затем во всем ходе исторического развития европейских государств и США. Не вызывает сомнения, что социалистические идеи сами по себе являлись ответной реакцией на извечно присутствующие в любых обществах экономическое, политическое, этническое, половое, возрастное, интеллектуальное, физическое и другие виды неравенств. Социалистические идеи и социалистические формы общественной жизни также сродни формам мобилизационным. Их особо настойчиво начинают конструировать и проводить в жизнь тогда, когда социальная напряженность достигает такого накала, что обществу угрожает опасность взорваться изнутри.

Идея социальной взаимопомощи и связанное с ней определенное общественное нивелирование сами по себе крайне необходимы для нормального развития. В любом обществе и во все времена постоянно происходит корректировка между бедными и богатыми, между властью и личностью, между малыми и большими народами и т. д. Формы таких социальных корректировок могут быть самыми различными — от национальных и религиозных обычаев до восстаний масс или национальных движений. Но в Советской России навязанные силой тоталитарно организованного государства социалистические идеи второй половины XIX века очень быстро превратились в инструменты дикого,

варварского закрепощения тоталитарной властью всех классов, групп и слоев населения. В 1922 году на XI съезде партии Ленин очень ясно сформулировал авторскую заявку на свой социальный проект: «Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно — работала ли она. Но не в том было дело, а в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано. И поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к Советскому государству» [\[41\]](#). Оставим на совести автора определение «государство пролетарского типа». Тем не менее так называемое «Советское государство» действительно есть изобретение, которое сделал и внедрил Ленин и его ближайшие соратники. И как в каждом изобретении, в нем соседствовали элементы творчества, случайных удач и неслучайных неудач. И как каждое изобретение, оно могло быть использовано, по крайней мере, двояко. Сталин, безраздельно завладев новым типом «государственной машины» (ленинский термин, вокруг которого развернулась дискуссия на том же съезде), не только совершенствовал ее до конца своей жизни, но и оснастил ее дополнительными агрегатами. И вновь зададимся вопросом: каков же результат? Результат однозначен — ленинско-сталинская конструкция не выдержала испытание временем и элементарной человеческой моралью.

Конечно, не только рабочих захватила идея конструирования нового государства и нового общественного устройства. В первую очередь она захватила романтиков разных стран из различных социальных слоев. Тех самых романтиков, для которых новизна идеи и возможности, которые она открывает в практической, социальной сфере, значат больше, чем любые материальные блага, классовые или национальные предрассудки. Как известно, идейные революционеры-романтики, а большевики первой волны именно таковыми и были, обладают мощной агрессивной душевной силой. В 1925 году Сталин несколькими карандашами подчеркнул, обозначил скобками эту ленинскую фразу, тем самым особо выделил ее для себя. Тогда он искал идейные основания для конструирования экономики нового типа как базового элемента для «построения социализма» в отдельно взятой России. Сбоку, на полях, синим карандашом приписал: «Соц.

промышленность (аналогия)» [\[42\]](#). Он, конечно же, чувствовал себя социальным инженером и был им на практике, в жизни.

Социалистические принципы, соединенные с тоталитарным государственным устройством, действительно привели к рождению нового, неведомого до того общественного строя. Уровень бюрократического контроля, зависимости личности от государства и его правителя достиг неведомых в истории размеров. Поскольку все было сосредоточено в руках государства и исходило от него, то степень человеческой несвободы стала приближаться в сталинской России к несвободе раба в Римской империи. Недаром Леон Фейхтвангер, великолепно знавший древнюю историю, публично провел такую аналогию: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножителем” во всех отношениях» [\[43\]](#).

Так, социалистические идеи, имеющие чрезвычайно важное положительное, подлинно демократическое значение для любых обществ, в условиях советского тоталитаризма, «скрестившись» с ним, выродились в свою противоположность, отнимая у человека не только политическую, но и экономическую, а за ними и духовную свободу.

Как известно, социалистические идеи, развиваемые марксизмом, были встречены с энтузиазмом не только в России и Германии, но и в большинстве стран Европы и Азии. Притягательность этих идей была в значительной степени связана с концепцией интернационализма, которая в перспективе должна была привести к единству человечества. Речь шла не только об идее равенства народов, которая сама по себе в эпоху колониальных империй для многих очень привлекательна, но и о слиянии всего человечества в единую семью, в единую расу и единое сообщество. Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан человечеством еще с усвоением интернациональных идей мировых религий. Но, разрушая этнические и национальные преграды и расширяя ареалы человеческой общности, они способствовали установлению более жестких, конфессиональных границ.

Марксов «пролетарский» интернационализм — младший брат космополитизма европейских гуманистов и отличался от него одним — «подлинный» интернационализм возможен только после победы мировой социалистической пролетарской революции, которая, как предполагалось, сметет все национальные и религиозные перегородки.

Однако, осуществляя под социалистическими лозунгами революцию в отдельно взятой, но многонациональной России, большевики бессознательно, объективно направились в прямо противоположном направлении — в сторону национально-имперского социализма. Хочу

подчеркнуть, поворот этот произошел не летом 1924 года, когда Сталин, Бухарин и их соратники провозгласили программу построения социализма в одной, отдельно взятой стране (это скорее символизировало осознанную реализацию национально-социалистической идеи), а в октябре 1917 года. Именно первое поколение большевиков, и в первую очередь Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, как теоретики и практики социалистической революции в России заложили, не желая этого, фундамент невиданного прежде первого тоталитарного национально-социалистического государства. Сталин же осознанно и на свой лад продолжил и завершил постройку. Троцкий первым увидел опасности «национально ограниченного социализма» и даже заговорил о формировании теории советского «национал-социализма» [\[44\]](#), то есть сталинизма, но свою причастность к закладке его фундамента никогда не признавал.

Для большинства сторонних наблюдателей демократического толка идейная близость советского и фашистских режимов была очевидна уже тогда, когда они совместно укоренились на земном шаре. В 1936 году в процессе интервью американский журналист Рой Говард спросил Сталина: «Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?» Сталин, который часто был находчивым полемистом, в этом случае вяло отвечал общими фразами, типа того, что: «Выражение “государственный социализм” неточное», что под эти термином понимают такой порядок, когда вся собственность в руках государства. А в СССР есть и государственная и «общенародная», то есть «кооперативно-колхозная», собственность, а в фашистских странах большая часть собственности в руках капитала и т. д. [\[45\]](#) Сейчас для нас важнее не ответная реакция вождя. Важно то, что Сталин, безусловно, знал о таком сближении во многих человеческих умах коммунизма и фашизма на общей почве «национального социализма», и знал не только из книг врага — Троцкого. И он сам, хотя бы мысленно, внутренним взором не мог не проводить подобные сравнения, хотя бы в целях более убедительных опровержений. Впрочем, будет время, когда он не только найдет много общего у себя и своих нацистских соперников в борьбе за мировое господство, но и возьмет в свой идеологический арсенал часть оружия, выпавшего из рук им же поверженного врага.

Следует учесть, что все три мобилизационных социальных компонента сошлись в стране с ярким историческим своеобразием. И дело не только в том, что при всей географической грандиозности экономическая и культурная база предреволюционной России была примитивной, а против мощнейшего инструментария тоталитарного социализма не было выработано соответствующего общественного, а тем более личностного иммунитета. Гораздо существенней то, что идеи национального социализма внедрялись в многонациональном государстве. Для того чтобы эта мысль стала понятней, рассмотрим также, в какой исторической среде и контексте чаще всего оживает такое явление, как национализм.

Если не шарахаться от столь иногда необходимых абстракций, то национализм можно определить как псевдоиндивидуализацию коллективного. Иначе говоря, это приписывание всей этнической, языковой или культурной общности качественных черт характера, которые могут быть присущи (и то относительно) только конкретному человеку, но никогда не являются общими свойствами социума. Так же как тоталитаризм и социализм, национализм в своих первоначальных импульсах возникает как защитная, агрессивно-мобилизационная реакция социума на угрозу этнического или культурного растворения, порабощения или уничтожения. В основе любой формы национализма лежат завышенная самооценка обезличенных качеств представителей данного сообщества и заниженная оценка членов других сообществ. Символами национальной самобытности могут выступать любые приписываемые качественные признаки и свойства, якобы отличающие данное сообщество от любого другого.

О древнейшей укорененности национализма в общечеловеческую ткань свидетельствует известная формула Б.Ф. Поршнева: «мы» и «они» [\[46\]](#). С нее начались процессы деления, интеграции и смешивания в новые, более высокоорганизованные сообщества первобытных человеческих стад. Даже сама история, как история человека, началась с того, что все люди противопоставили себя природе, животному миру, с того, что вызрел агрессивный «общечеловеческий шовинизм». Благодаря ему люди выделились из природного мира, осознав, что обладают душой, разумом, способностью творить, трудиться и господствовать.

В основе национализма как мобилизационного общественного фактора тоже лежит идея исключительности, но не общечеловеческой, а псевдовидовой. Моей, и только моей, нации якобы природно присущи черты яркой индивидуальности, редких положительных особенностей и уже

только поэтому имеющей право на особые привилегии и преимущества. Любая так называемая «национальная идея» есть не что иное, как претензия на такие преимущества.

В качестве примера можно указать на ярчайший символ «национальной идеи», который сформировался в Древней Иудее — «Богом избранный народ». Именно она позволила сохраниться евреям как народу, несмотря на высокую социальную активность, рассеяние, преследования и малочисленность. Однако эта же самая идея национальной исключительности в своем крайнем развитии и в определенных условиях вырождается и из средства самосохранения превращается в очередное орудие агрессии и господства. Недаром еще Ленин вполне разумно предлагал качественно различать национализм большой и малой нации. Именно он говорил о национализме малой нации как защитной реакции на агрессивный национализм большой. Но дело, конечно, не в численности, а в направленности. Мы и сегодня видим, как в различных уголках земного шара лидеры даже не очень многочисленных этнических групп могут при определенных условиях развернуть мобилизационные свойства национализма в сторону агрессии. А когда подобное происходит с большой нацией, начинается катастрофа, ведущая к геноциду.

Христианство (как и мусульманство) «лишает» евреев божественной привилегии. Христос сказал: «Нет ни эллина, ни иудея...» Если бы в Евангелии не было этой фразы, то христианство (как и мусульманство, Мухаммед был хорошо знаком с иудаизмом и христианством) вряд ли бы утвердилось так широко на земле, как сейчас. Тогда всем христианским народам пришлось бы признать привилегированное пред Богом (а значит, и перед ними) положение иудеев, о чем недвусмысленно говорится в Ветхом Завете. В этом случае весь христианский мир представлял бы собой фантастическую иерархию народов, организованную по степени «близости» к божеству или по времени принятия единобожия.

Благодаря христианству (и мусульманству тоже) национальная идея иудаизма стала интернациональной, всечеловеческой. Но в официальном русском православии XIX века и в связанной с ним общественно-политической мысли отчетливо зазвучала сходная с древним иудаизмом нота национально-религиозной исключительности. Как и многие подметившие это, Николай Бердяев писал: «Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства. И в русском христианстве есть много юдаистических элементов, много ветхозаветного» [47]. После 1801 года, хотя весь Кавказ и Грузия еще не были полностью включены в состав России, царское правительство сумело подчинить грузинскую церковь Священному Синоду [48]. Сталин, как известно, был учеником

православного училища и православной духовной семинарии, где ему, грузину, десять лет проповедовали, в том числе и русские священники, русскую версию православия. О том, какие изломы прошли по его национальному самосознанию и как они проявились в зрелом сталинизме, мы не раз еще будем говорить.

Нечто подобное гипотетической иерархии иудео-христианских народов можно обнаружить во многих многонациональных колониальных империях давнего и недалекого прошлого, где господствующая нация обосновывала свое право на верховенство особым покровительством высших сил, а в наше время как бы особыми, присущими только ей нравственными, интеллектуальными и физическими качествами. Это могут быть воинская доблесть, трудолюбие, высокий интеллект, особая душевность, доверчивость, организованность или милая расхлябанность, рациональность или бесшабашная расточительность, терпеливость, то есть все, что угодно. Нацистские идеологи утверждали, например, что только представители германской расы умеют держать корпус при ходьбе по-настоящему прямо. В таких случаях «враг, — пишет К. Лоренц, — или его чучело может быть выбран почти произвольно и, подобно находящимся под угрозой ценностям, может быть конкретным или абстрактным. “Эти” евреи, боши, гунны, эксплуататоры, тираны и т. д. годятся точно так же, как мировой капитализм, большевизм, фашизм, империализм и многие другие “измы”» [\[49\]](#). Во всех колониальных империях Нового времени с помощью подобных нехитрых идеологических бирок тщательно выстраивалась своя иерархия народов и рас. Вернее, она ими оправдывалась.

Нечто подобное происходило и в Российской империи. Формирование русского национального самосознания, нации, впитавшей в себя различные этнические элементы, началось как мобилизационная реакция на татаро-монгольское иго и как защитная реакция на западный религиозный и культурный «вызов». Однако после избавления от ига «поганных», с началом формирования многонациональной империи, идея национальной исключительности, выросшая из уверенности в религиозной исключительности и нараставшей военной мощи, стала доминирующей. Владимир Соловьев, вслед за отцом, как никто другой глубинно обдумывавший исторические судьбы России, открыто и беспощадно писал: «Признавая себя единственным христианским народом и государством, а всех прочих считая “погаными нехристями”, наши предки, сами не подозревая того, отреклись от самой сущности христианства, то есть от его интернационального “универсализма”. Тогда же, — продолжает мыслитель, — началось “национальное самообожание”, которое привело “к

окончательному заключению, что Россия есть единственная христианская благочестивая страна”» [50].

Еще до революции в России сложилась, как и в любой многонациональной империи, своя иерархия народов. В этих условиях строительство тоталитарными методами национального социализма неизбежно должно было не разрушить, а, напротив, укрепить и ужесточить на новых идейных основах эту иерархию, которая уже несколько столетий формировалась как «традиция». Сталин еще в юности усвоил негативную сторону этой традиции, но затем сознательно использовал ее в борьбе за власть и задолго до войны с Германией творчески «развивал» ее в качестве главной движущей силы всей своей политики. Попробуем показать, как идея национально-религиозной исключительности была трансформирована Сталиным в идею национально-социалистическую.

* * *

Можно подумать, что в конце концов мы пришли к фаталистическому, гегельянско-марксистскому взгляду на историю, в которой господствуют силы, мало подвластные человеку. Это совершенно не так. Напротив, те формы социальной мобилизации, о которых мы говорим, не могут кристаллизоваться сами по себе, но могут быть сознательно использованы или так же сознательно не использованы политическими лидерами — вождями человечества. Они могут быть ими изощренно усовершенствованы или, наоборот, применены в самых древних, грубо-примитивных формах. И чем больше у лидера власти, чем больше у него воли к этой власти (проще говоря, силы), тем большей свободой исторического выбора он обладает. Но, как известно, беспредельная свобода даже сверхвыдающейся личности чревата полной несвободой всех членов общества. Диалектика общественного развития коварна и прихотлива и далека от закономерностей ровно настолько, насколько в ней начинают господствовать человеческий дух и воля. Демократические общества с сильными устоявшимися традициями исторически себя тем и оправдали, что в большей степени живут по законам внутреннего развития, а не по прихоти очередного властного кумира, который может оказаться на поверку бездарем или еще хуже — социальным садистом и вивисектором.

Отцы-основатели, политические гении или олигархи — не важно кто, но обладающие реальной властью, могут раскрутить маховики или установить сильнейшие ограничители на развертывание тех или иных механизмов тоталитарного, социалистического, националистического,

демократического, авторитарного или иного свойства. Сталин был одним из тех, кто умел раскручивать до невероятных скоростей нужные ему маховики, а при необходимости и притормаживать их. И здесь неумолимо встает неразрешимая проблема взаимоотношения государства и личности, государственной власти и человеческой морали.

Ни Моммзен, ни С. Соловьев, ни Тацит и Ариан, ни другие современные и древние историки не знали, как быть, как вывести за скобки, например, проскрипционные списки, широко применявшиеся «блестящим» Августом, санкционировавшим массовые убийства рядовыми гражданами своих же соотечественников, политических противников диктатора? Как быть с бессмысленно жестокими поступками перепившегося «солнечноликого» юноши Александра Македонского, сжегшего Персеполь с жителями и заколовшего лучшего друга? Как забыть, как затушевать не то что страницы, а целые главы истории Петра I, которые он собственноручно вписал массовыми казнями, фантастическими пытками и смертельным мучительством родного сына, гораздо менее порочного, чем отец? А вот Сталин, кажется, собственной, единственно здоровой правой рукой никого не пытал, все его дети умирали не по его вине, а сомнения в отношении причин смерти второй жены — всего лишь молва. Но не домыслы и не молва — прекрасно налаженная машина невиданного государственного террора у этого, без всякого сомнения, неординарного социального инженера. Ну а чем его «проект» порочнее проекта изобретателя водородной бомбы (А. Сахаров), или динамита (А. Нобель), или меча и лука (автор неизвестен)?

Как быть? Можно, конечно, вслед за сонмом достопочтеннейших историков лукаво убрать с глаз долой, скрыть в тени их без преувеличения великих деяний многочисленные моральные извращения «совершеннейших» исторических героев, сославшись все же на некоторую несовершенство человеческой натуры вообще. А можно поступить и по-другому. Например, вслед за некоторыми идеологами русского старообрядчества, вслед за Л. Толстым, Н. Бердяевым, С. Франком и другими искреннейшими христианскими мыслителями, за атеистическими теоретиками анархизма М. Бакуниным и П. Кропоткиным, вслед за К. Марксом и, конечно, вслед за Христом искать и находить неизлечимый порок в самом государственном общежитии человечества. С убежденностью страдавшей души Бердяев писал: «Мы тут имеем дело с мировым принципом, с явлением мирового значения. Из Евангелия следует, что царствует всегда “князь мира сего”, что он становится во главе государств и империй. Но “князь мира сего” не есть нейтральное лицо, помещенное в нейтральную зону между царством Божиим и царством дьявола, это есть

лицо в высшей степени агрессивное и наступательное, всегда посягающее на свободу духа и на сферу царства Божия».

Обозначив государство, причем любое государство, всегда и везде исключительно сферой интересов дьявола, Бердяев говорит о неизбежности грехопадения человека, включенного (а по собственной ли воле? — *Б.И.*) в темную сферу государственности. «Произошел радикальный разрыв между моралью личной, особенно моралью евангельской, христианской, и моралью государственной, — продолжает Бердяев, — моралью царства, моралью практики “князя мира сего”. То, что почиталось безнравственным для личности, почиталось вполне нравственным для государства. Государство всегда пользовалось дурными средствами, шпионажем, ложью, насилием, убийством, различия тут бывали лишь в степени... Никто не мог никогда толком объяснить и оправдать, почему несомненные пороки и грехи для личности — гордость, самомнение, эгоизм, корыстолюбие, ненависть, кровожадность и насильничество, ложь и коварство — оказываются добродетелями и доблестью для государства и нации. Это есть самая большая ложь мировой истории» ^[51]. Он прав. И я не знаю, что здесь можно возразить, разве только задать вопрос: где выход, как человечеству (или хотя бы нам) жить дальше? С ответа на этот вопрос начинается очередной тур очередного бега по кругу, на завершающем этапе которого вас (новое поколение) встретит очередной «добрый человек» с теми же вопросами, а точнее — единственным вопросом: «Что есть истина?» Как бы вновь не перепутать очень реального «божественного Кесаря» с Богом, которого, возможно, и нет? Скоро ваш черед, господа!

Многие поколения историков столетиями будут разбираться с очередной грандиозной «ложью» мировой истории, в том, как она набухла в период столь же грандиозного сталинского строительства «социализма» в СССР. По словам В. Молотова и А. Голованова, Сталин в 1943 году как-то с горечью бросил: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее!» ^[52] Простим несостоявшемуся поэту жалостливое отношение к своей посмертной судьбе, правда, не лишенное исторического оптимизма. Но и возразим его тени — люди от века засыпают трупы прахом, то есть «мусором», а иначе — беда. Трупы, конечно, не воскресают, но грозят разложением. Ведь как будто именно по этому поводу сетовал вами признанный пророк и классик: «Традиция всех умерших поколений как кошмар тяготеет над мозгом живущих» ^[53]. Для нас это повторение, эта традиция-кошмар есть традиция сталинизма, возникшая задолго до того, как родился одноименный герой. Передо мной лежит корявый дореволюционный перевод процитированной книги Маркса из вашей, вождь, библиотеки, и я достоверно вижу, что вы

читали эти строки, как всегда, с карандашом в руке [\[54\]](#). Томас Карлейль, бесшумно открывший новую эпоху мировой историографии, заметил по поводу ухода со сцены очередного исторического героя: «Кто не знает, что человек смертен, но ведь иногда бывает и так, что со смертью человека безвозвратно рушатся созданные волшебные чары, а саму волшебницу вихрь уносит куда-то далеко-далеко, в бесконечность. И вместе с нею навсегда исчезают и подземные духи, не оставив после себя ничего, кроме запаха серы» [\[55\]](#). Но одинаково ли справедливо сказанное и для волшебницы-француженки, и для чародейки-россиянки? Здесь, пожалуй, я все же решусь отстаивать приоритет национальных особенностей.

И еще — не вы ли, генералиссимус, были при жизни одновременно отцом, любовником и сыном той самой дамы, которую призываете ныне обустроить вашу могилу? Тогда же, при жизни ваш враг, ваш «кровник» — Лев Троцкий, которому по вашему приказу разрубили топором (ледорубом) череп, предупреждал, шагая в свою могилу: «Месть истории страшнее мести самого могущественного генерального секретаря» [\[56\]](#). Как известно, настоящий враг никогда не лжет.

Расскажем беспристрастно о том, как выглядел Сталин-человек, какие были его внутренние, интеллектуальные и духовные миры и как, опираясь на них, он пытался заложить на века вперед новую государственную историософскую традицию России.

Раздел 1. Портрет героя

Глава 1. Опорные точки портрета

Историческое портретирование как метод

Историческое портретирование — это метод особого исторического жанра. Портрет может изображать не только лицо и фигуру человека, но и лик эпохи, и даже суть исторического явления. Не важно, **что** изображается историком, а важно то, **как** это изображается. Точно так же, как и в живописном ремесле метод исторического «живописания» не терпит чистой хронологии. Историческое портретирование имеет прямое отношение к теории «гештальта» (образа). В XX веке это немецкое слово вошло в арсенал науки, характеризуя человеческую способность образного мировосприятия. Человек способен разом охватить достаточный минимум черт видимого, чтобы в первом приближении понять то, что перед ним находится. Его глаза и мозг в несколько мгновений фиксируют отдельные, так называемые «реперные», «опорные» точки на видимом. Так формируется эскиз, первичный каркас будущего полнокровного и даже одухотворенного образа.

С позиции компоновки материала во времени, то есть с точки зрения композиции или конструкции, исторические труды можно условно разделить на три вида.

Первые — хронологические исследования, сравнительно последовательно описывающие события по порядку — от ранних к более поздним. Считается, что этот метод наиболее соответствует объективной логике исторического развития, что это и есть подлинный метод исторической реконструкции, воссоздания прошлого. Но обычно «неумолимая» и «очевидная» логика хода истории попросту навязывается материалу как часть творческого замысла, то есть субъективной конструкции историка.

Историк, убежденный в способности достичь таким кратчайшим путем объективной исторической истины, напоминает алхимика, обещающего преобразовать свинец в золото. В наличии вполне реальный исходный материал и вполне осязаемая цель. Вопрос лишь в том, чтобы найти единственно верный путь преобразования исходного материала фактов в драгоценное сокровище истории. Но мало кто решится признать, что здесь важна не столько видимая хроника и кажущаяся логика развития событий, сколько работа по преобразованию обыденной, житейской реальности фактов в особую, новую историческую реальность. В этом суть творчества историка. Подлинный историк — творец новой реальности, «хронист» —

всего лишь имитатор. Кого пугает слишком сильное ударение на слове «творец», включающее в себя необходимую дозу субъективизма, тот может заменить его на слово «первооткрыватель». Историк — первооткрыватель особой исторической реальности. И пусть нас не вводит в заблуждение известный факт, что с имитации, с обучения начинается любое творчество. Такой этап необходим, но во всем мире целые когорты исследователей топчутся на этом пороге, за которым — подлинное «пространство истории».

Второй вид — ретроспективные труды, где события начинают излагать от момента фиксируемого состояния, а затем разворачивают логику развития вспять, к их истоку. Это специфический исторический жанр, применявшийся главным образом некоторыми представителями французской школы «Анналов» (Марк Блок). У нас мастерами ретроспективного метода были Юрий Тынянов и Натан Эйдельман.

Третий и наиболее привлекательный для меня способ исследования проблемы и он же — способ организации материала, это метод исторического портретирования, который сродни ремеслу уличного рисовальщика. Историк на глазах читателя воздымает из небытия исторический «образ». Напомним, не только образ человека, но и любого исторического явления. От первых «опорных» точек к штрихам, от прорисовок к эскизу, от него к фону и к выписыванию деталей, а с их помощью к трактовке всего образа. Здесь тоже есть своя хронология. Но не столько хроника **развития** образа, сколько хронология **раскрытия** образа, то есть его становление и научное воплощение в новую, современную реальность. В этом мне видится суть метода. Пусть этот метод таит для историка гораздо больше ловушек и опасностей, чем любой другой, но и преимуществ у него немало. Главное — свободное перемещение во времени жизненного пространства своего героя (объекта).

Как известно, Алексей Толстой — талантливый сталинский писатель, оказавший гораздо более сильное влияние на людей своей эпохи, чем любой крупный историк, — был признанным мастером исторического портрета. В его галерее портреты всех тех исторических персонажей, мантии которых время от времени примерял к себе наш герой. Это портреты Петра I, Ивана Грозного, Ленина и... самого Сталина. В самый разгар работы над любимыми историческими образами он писал о своем понимании метода: «Портрет героя должен проявиться из самого движения... Портрет возникает из строчек, между строчками, между словами, возникает постепенно, и читатель уже сам представляет его себе без всякого описания...» ^[57] Не будем впадать в подражательство, что, как известно, губительно. Но как принцип, как некий методологический вектор примем эту мысль во внимание.

Недавно было осуществлено очень своеобразное издание. Под одной обложкой опубликовали два исторических портрета одного лица — Ивана Грозного. Один портрет принадлежит перу известнейшего историка России XX века академика С.Ф. Платонова. Другой — не менее известного академика Р.Ю. Виппера ^[58]. Классический труд Платонова написан в ключе «биохроники», статично: все, что известно о герое от рождения к смерти. Виппер, ломая хронологию, набросал портрет Ивана на скупом фоне XVI века, выделяя в нем только самое существенное и прослеживая посмертную судьбу образа царя. Два подхода, два жанра, один объект — два результата.

Виппер не образец, несмотря на замечательный накал чувств, до сих пор осязаемый при чтении книги. Поэтому для нас она могла бы остаться обычной историографической сигнатурой, галочкой на полях будущего портрета Сталина. Если бы не одно обстоятельство: Сталин читал книги Виппера с упоением. К сожалению, в современном архиве вождя именно этой книги нет. Вполне возможно, что ее первое издание 1922 года с критическими замечаниями Сталина все еще находится в архиве историка. Во всяком случае, советские переиздания «Ивана Грозного» (второе вышло в 1942 г. (Ташкент), третье — в 1944 г. (М.—Л.) несут на себе следы подработок в духе сталинского «марксизма». Зато три книги Виппера: «Древняя Европа и Восток», «История Греции в классическую эпоху. IX — IV вв. до Р. Х.» (обе изданы в Москве в 1916 г.) и «Очерки истории Римской империи» 1908 года испещрены сталинской рукой. Без всяких скидок Виппера можно назвать любимым историком Сталина. Отметим, что еще за десять лет до выхода «Ивана Грозного» Виппер рисует портрет Древнего Рима, являя читателю суть его империалистического существования. Сталин как волшебной сказкой был зачарован этой научной монографией.

На суд читателя представлена попытка первого наброска интеллектуального и духовного образа Сталина. Я не претендую на точное соответствие мертвому оригиналу. Не претендую и на безукоризненно выстроенное объяснение феномена сталинизма. Не претендую, даже с учетом меткого замечания Льва Троцкого: «Историческое объяснение не есть, однако, оправдание» ^[59]. Я хотел бы, прежде всего, понять образ мыслей и характер чувств человека, носившего псевдоним «Сталин». Может быть, поняв его исторически вчерашнего, мы кое-что поймем и в себе сегодняшних.

Историческое портретирование Сталина дело, с одной стороны, не такое уж ремесленно сложное, а с другой — почти непосильное. В течение всей своей длинной (и биологически и политически) жизни он, оглядываясь на будущие поколения, целенаправленно упаковывал свое прошлое и настоящее в тысячи вполне благопристойных, отретушированных, отлакированных и словесно стерилизованных оболочек: фотографии, кинохроники, биографии, сочинения... Даже инициированные им беспрецедентные в мировой истории репрессии он облакал в оболочки «документированных» и «доказательных» судебных процессов, смешивал в одну кучу реальных уголовников с миллионами невиновных. Вскрыть такого рода оболочки не так уж трудно. Рецепт известен. Так и хочется заявить: снимая их, мы, без сомнения, доберемся до подлинного Сталина. Достаточно только «вышелушить» его образ из этих заскорузлых оболочек и пелен. Но не будем наивны, «подлинного» Сталина, как и Чезаре Борджиа, Ивана IV, Чингизхана и других личностей прошлого, в историческом пространстве нет. А есть нечто иное.

Любой профессиональный историк знает много больше о своем герое, чем он сам знал о себе. Исследователь видит его на фоне эпохи, страны, семьи, вещей, документов, других людей, различных идей и мнений. Но для портретируемого «фон» это не сцена, по которой он, разгуливая, жестикулирует и делает заявления. «Фон» — это его жизнь, это воздух и свет его времени, это его органическое целое, которое можно понять и почувствовать только изнутри, то есть живя в этой эпохе, в этом времени, в этой среде. Причем, живя, не зная того, что ждет завтра или даже через мгновение. Историк же всегда обитает в будущем своего персонажа, смотрит на него со стороны и поэтому может сразу видеть его **судьбу** и все его дела, как гадалка на ладони, от начала и до конца. У живого человека «судьбы» нет и быть не может, так как его жизнь это не божественный план и не диспозиция, а творческое деяние его свободной воли. Но смерть ставит точку, и все, что свершилось в жизни, есть судьба.

Сталин как рационально мыслящий, живой человек не верил и не мог верить в судьбу. Замечательный диалог состоялся между ним и известным немецким прозаиком Эмилем Людвигом, публиковавшим в 30-х годах документальные портреты исторических деятелей эпохи. «А верите ли Вы в судьбу?» — спросил прозаик. На что Сталин ответил: «Нет, не верю. Большевики, марксисты в судьбу не верят. Само понятие судьбы, понятие «шикзалия» — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей». Но профессионал, который неосознанно смотрел на героя иначе, не унимался: «Значит, тот факт, что Вы не погибли, является случайностью?»

Сталин: «Имеются и внутренние и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб. Но совершенно независимо от этого на моем месте мог быть другой, ибо кто-то должен был здесь сидеть. “Судьба” — это нечто незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня... Так называемая судьба тут ни при чем» ^[60]. Сталин был абсолютно прав, но до того момента, пока не умер.

В позиции каждой стороны, у героя и его исследователя, свои преимущества и свои неисправимые изъяны. Так, исследователь с полным знанием дела, прописывая детали «фона» и детали портрета на этом фоне, не может знать даже того, что творилось, например, в душе и голове портретируемого Иосифа Виссарионовича Сталина 5 марта 1953 года в 21 час 47 минут, то есть за три минуты до последнего удара сердца. Что он чувствовал и думал и был ли он способен чувствовать и думать в тот момент, когда приподнял в последний раз левую, не разгибавшуюся в локте руку с вытянутым вверх перстом, то ли угрожая, то ли призывая кого-то? Историк никогда не сможет узнать ни об этих минутах, ни о тысячах других минут и мгновений внутренней, иначе — подлинной жизни своего героя. Так что выписать подлинный образ Сталина, как и любого другого исторического персонажа, вряд ли когда удастся. Если гипотетически предположить, что такую задачу можно разрешить, не прибегая к неизбежным домысливаниям, то историк смело может взять на себя божественную функцию воскрешения словом. Однако, как и во всех правилах, здесь могут быть некоторые исключения.

Источников, непосредственно отражающих скрытую интеллектуальную и духовную жизнь человека, почти нет. Лишь прерывающимся пунктиром обозначают некоторые внутренние процессы черновые и подготовительные материалы людей, привыкших излагать свои мысли на письме. Сюда же примыкают зафиксированные спонтанные комментарии и высказывания, как бы проговорки. Здесь же — пристрастия и предпочтения, выбор людей, авторов книг, выбор идей, художественных и исторических образов. Много, конечно, зависит от темперамента и способности понимания. Но именно здесь историк может надеяться заглянуть за кулису души.

Сталин читал чрезвычайно много и очень много комментировал прочитанное. Читал не только как высший государственный и партийный чиновник читает документы. Он читал еще и как главный редактор, и как главный политический и духовный цензор огромной державы. Он читал и как обычный заинтересованный, но к тому же еще и как страстный человек, тут же комментируя для себя или других книгу, статью, рукопись учебника,

романа или киносценария. Это небольшие, но все же лазейки, которые могут помочь проникнуть за непроницаемую завесу сталинской души.

Первая опорная точка портрета — Сталин и Бог

Наметим первые опорные точки будущего портрета. На противоположных сторонах незапятнанного, еще чистого исторического полотна поставим соответствующие знаки. На полюсе «+» набросаем первые штрихи того, как он видел себя (и физически и психологически), а на полюсе «—» — как его видели другие в разное время, но со стороны. Не моя идея эта игра с полюсами — Сталина. Как и в электрическом поле, эти условные знаки не несут в себе по отдельности никакой нагрузки, но соединенные вместе приобретают исключительное значение. Недаром, находясь уже ближе к концу жизни, он поставил сам себе в особую заслугу умение учитывать эти самые плюсы и минусы. Совсем не случайно в последнем издании «Краткой биографии» появилась такая характеристика: «Сталин мудр, нетороплив в решении сложных политических вопросов, там, где требуется всесторонний учет всех плюсов и минусов» [\[61\]](#). Казалось бы, речь идет об элементарной взвешенности, необходимой любому человеку при принятии серьезных решений. На самом же деле здесь все сложнее.

Как и всех людей от века, его мучил смысл жизни, который по существу сводится к вере или неверию в Бога. Как и для многих, вера и неверие в Бога для него упирались в дилемму разума и чувства. Как и многие, в Новое время он считал, что его мысли о Боге и представления о нем порождены исключительно человеческим, то есть его же собственным, иллюзорным сознанием.

Как-то он зачитался фрагментами неоконченной книги Анатоля Франса «Последние страницы. Диалоги под розой», которая была издана в СССР до войны. Диалоги были посвящены различным темам. На текстах трех диалогов: «О Боге», «Из диалога о стыдливости» и «Диалог о старости» Сталин сделал отметки, а также оставил много развернутых замечаний. Подчеркнул их названия и в оглавлении книги. Все три диалога имеют особое значение для нашего обозрения душевного и интеллектуального мира вождя.

В диалоге «О Боге» Франс устами одного из героев книги заявлял, а Сталин отмечал:

...

«...если бог существует, его бесконечность прекратилась с того мгновения, как он создал мир...» [\[62\]](#).

Замечание вполне здоровое, если предположить, что Бог создал мир конечным, а это спорно. И другую шутиливую мысль писателя, развивающую идею «смерти» Бога, Сталин пометил, соглашаясь:

...

«Необходимо признать, что его бесконечность причиняла ему неудобства; например, не позволяла ему передвигаться с одного места на другое, так как он был вездесущ» [\[63\]](#).

Согласился Сталин и с мнением составителей и редакторов книги, что Франсу лучше всего удастся критика религиозных представлений о Боге, о творении мира и критика тех моральных запретов, которые Бог наложил на людей. Поддерживая взятый писателем шутиливый тон, Сталин вслед за ним отмечал и увлеченно комментировал размышления о разнице в единобожии христиан и многобожии древних греков:

...

«Единый бог, если он заблуждается, составляет несчастье верящих в него народов. Если даже он мудр, то мудрость его одного сорта, подходящая к одному только сорту людей.

Боги Греции разнообразием своих характеров лучше подходили к разнообразию человеческих умов. Эти боги, не соглашаясь между собою ни в чем, жили, однако, во взаимной гармонии. В троянскую войну одни стояли за греков, другие за троянцев. Этим они научили греков мыслить широко и терпимо» [\[64\]](#).

По поводу религиозного либерализма древних греков Сталин на полях аккуратно написал: «Греки хорошо устроились!»

«Что же касается бога христиан, — рассуждал Франс далее, — то у него от иудейского происхождения осталась ужасающая жестокость и крайняя мелочность во многих отношениях».

Сталин с пониманием подчеркнул и эти строки, а затем с насмешкой написал на полях: «Анатоль порядочный антисемит ...» ^[65] А по поводу замечания Франса о том, что у иудейского Бога есть «ужасный недостаток: он буквоед», Сталин согласно хохотнул: «Ха-ха!» Известно, что по каким-то своим потаенным причинам Сталин всю жизнь особенно не любил евреев и греков, чьи религиозные идеи легли в основу православия. Впрочем, он так же относился к полякам-католикам и армянам.

Глаз Сталина зацепился за рассуждения Франса о взглядах деистов и за реплику Шарля Бодлера об «истинном боге», который может быть скрыт даже в негритянских идолах.

...

«...Бог деистов — совсем не один. Каждый создает его по своей идее и созерцает в нем самого себя. Его присутствие не замечается».

По поводу трудности узнать истинного бога среди множества богов Анатоль Франс повторяет анекдот, вкратце рассказанный им в другом месте, в этюде о Бодлере:

...

«Бодлер, будучи в гостях у Теофиля Готье, увидел, что его приятель Шарль Асселино взял в руки отвратительного маленького идола, вырезанного негром в Конго из куска фигового дерева: фигура человеческая, голова в два раза больше туловища, разрез рта до ушей и две темные дыры вместо глаз. Асселино воскликнул:

— *Какая отвратительная фигура!* —
*Осторожнее, — сказал ему Бодлер. — А что, если это
окажется истинным богом?»*

Издатели сборника Франса достаточно произвольно скомпоновали его выписки и высказывания о взглядах людей и народов на сущность истинного Бога. В целях большей ясности я позволил себе чуть-чуть перегруппировать тексты. К предыдущим положениям тематически примыкают выписки писателя из воспоминаний о религиозных взглядах Наполеона Бонапарта. Когда Франс процитировал генерала Гуро, Сталин с удовлетворением отметил:

«Если бы ему нужно было выбирать для себя религию, Наполеон избрал бы обожание солнца, которое все оплодотворяет и является настоящим богом земли».

Сталин не только подчеркнул эту фразу, а дополнительно обвел карандашом слово «солнца», а на полях написал: *«Хорошо !»* [\[66\]](#)

«В четырех репликах, — указывали составители книги, — Анатолий Франс касается спорного вопроса о влиянии религии на жизнь людей:

...

“Судя по тем сильным чувствам, которые внушает нам христианство, можно было бы подумать, что вы эту религию считаете продуктом сверхъестественного откровения, имеющего целью изменить людей. Успокойтесь. Созданная людьми религия не больше изменяет их, чем платье изменяет тело. Религия может уродовать человека, как платье может уродовать тело”».

Сталин прокомментировал на полях: *«Ха!! Вот и разберись!..»* [\[67\]](#)

Франс подводил общий итог рассуждениям о христианском Боге как о химере, как о порождении человеческой фантазии:

«Люди подчиняются своим собственным выдумкам. Они сами создают богов и повинуются им».

...

«Мысли, которые мы приписываем ему, исходят от нас самих; мы бы их имели, если бы и не приписывали их ему. И не стали бы от этого лучше».

Сталин синим карандашом подчеркнул первое предложение первого фрагмента, а рядом написал: «Известная истина!» — и двумя вертикальными линиями на полях отметил второй тезис.

Еще до Франса Сталин не раз должен был сталкиваться с подобными мыслями, высказанными Марксом или Энгельсом, а может быть — Фейербахом.

Как и многие, он чаще гнал от себя мысли о религии, о вере. Но, как и у всех, бывали в жизни минуты, когда эти мысли все же прорывались в сознание и тревожили его. Он с усмешкой отгонял их. Франс написал:

...

«Христианство есть возвращение к самому первобытному варварству: идея искупления...» (фраза обрывается. — Б.И.).

Бывший ученик православной семинарии Иосиф Джугашвили на правом поле трижды отчеркнул этот обрывок фразы, а на поле слева насмешливо чиркнул: «Так его!!!» [\[68\]](#)

Составители книги написали: «...Анатолий Франс указывает, что религия не имеет влияния на мораль». И это замечание полностью совпало с мнением вождя. Следующий отрывок, подкрепляющий этот тезис, Сталин также отметил:

...

«В одном и том же месте и в одно и то же время могут существовать несколько религий, но мораль бывает всегда одна. Либаний, Юлиан, св. Григорий, Иоанн Златоуст — все имели одну и ту же мораль».

Далее Франс поясняет, что вне зависимости от религии у всех народов и людей одинаковые принципы и одинаковые предрассудки, так как «мораль устанавливается законами». Это, конечно, спорный тезис, во всяком случае, для приверженцев той или иной конфессии. Но для человека, который мог о себе сказать подобно французскому Людовику XIV («король-солнце»): «Государство — это я», не требовались какие-либо иные доказательства того, что мораль легко устанавливается законами правителя. При этом совершенно очевидно то колоссальное влияние, которое действительно оказывает на моральный климат в обществе такой «человек-государство».

Но вот Франс переходит к рассмотрению вопроса о реальности бытия Бога:

...

«Верить в бога и не верить — разница невелика. Ибо те, которые верят в бога, не постигают его. Они говорят, что бог — все. Быть всем — все равно что быть ничем».

Радость совместного открытия истины захлестнула Сталина. Мало того что он много раз отчеркнул и подчеркнул этот текст, он еще и приписал на полях свой вывод: «Следов. не знают, не видят. Его для них нет ». Иначе говоря, получается, что для Сталина Бога нет не потому, что его нет вообще, а потому, что он неосязаем. Не замечая того, он оставляет для себя как бы маленькую психологическую лазейку — может быть, Бог есть, но он просто невидим и непостижим. Именно эту мысль о непостижимости человеческим умом божества Иосифу на каждом богословском занятии внушали преподаватели Тифлисской духовной семинарии.

Как и для многих людей XIX — XX веков, иудео-христианский Бог для Сталина умер еще в юности, когда он ступил на стезю марксизма. Умер в его **душе** , но это не значит, что он исчез из его вечно сомневающегося **разума** и

был вычеркнут из сознания и памяти. Минуя этапы внутренней эволюции, отметим сейчас только то, что он уже в зрелые годы обозначил для себя в качестве базовой точки опоры. Такой «опорой» стала идея аннигиляции, взаимного уничтожения при соприкосновении разума и чувства, превращение в «ничто» положительных и отрицательных жизненных полюсов.

«Бог — перекресток всех человеческих противоречий», — сделал вывод Франс. Сталин согласно подчеркнул его и направил две стрелки. Одну к тезису Франса: «...существование бога есть истина, подсказанная чувством. Это заключение не покажется удивительным для тех, которые полагают, что человек создан для того, чтобы чувствовать, а не познавать. Каждый раз, как его разум приходит в столкновение с чувством, разум оказывается побежденным». Второй стрелкой закольцевал уже эти два тезиса, а сбоку, слегка ерничая, приписал: *«Куды ж податься!»*

Затем откликнулся на насмешливое замечание Франса громогласным *«ха-ха!»* по такому поводу:

...

«Воздают благодарность богу за то, что он создал этот мир, и воздают ему славу за то, что он создал другой мир, совершенно отличный, где вся неправда этого мира будет исправлена».

И наконец, от того же тезиса о Боге как перекрестке всех противоречий направил третью стрелку к собственному пониманию сути противоречия: *«Разум — чувства»*. А уже от этого вывода направил еще одну, четвертую карандашную стрелку к нижнему полю страницы, где подвел окончательный итог: *«Неужели и это тоже?! Это ужасно!»* ^[69]. Плюс-минус обведены кружком так, как символически обозначают в физике электрические заряды. «Ужасно!» — значит, несмотря на все насмешки и ерничанье, его устрасил этот абсолютный ноль? Из этой записи видно, что мысль о «ничтожестве» того бытия, где разум уничтожается чувством и — наоборот, приходит к нему далеко не в первый и не в последний раз. Что же его так устрасило? Похоже, разгадка находится все в той же книге Франса. На одной из страниц он заявил: «Большая разница — думать, что смерть

приведет нас к разгневанному богу, или вернет в небытие, из которого мы вышли.

Как вы это понимаете? **Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада»** ^[70] (выделено мной. — *Б.И.*). Последнюю фразу Сталин отчеркнул на полях. И его можно понять: ад — это все же существование, и не самое безнадежное. Небытие — абсолютное, безвозвратное Ничто, и оно — «ужасно».

Я думаю, я убежден, что здесь, как на дне сказочного океана, спрятана разгадка самой глубокой тайны сталинской души. Это тайна безграничной внутренней свободы, которой он почти достиг, став беспрецедентно неограниченным властителем. Точнее, он стал неограниченным властителем, когда понял, что чувства, благодаря которым спонтанно рождается в душе человека Бог (совесть, сострадание и т. д.), рационально уничтожаются критическим разумом, но и он, в свою очередь, уничтожается чувствами (Богом). Не будем упрощать — перед нами не знакомый материализм и тем более не гуманизм в его крайних проявлениях, когда человек не просто приравнивается к Богу, а, порождая его, возвышается над ним. Пока выскажу только в качестве догадки, что как в молодости, так и в зрелые годы, всю жизнь Сталина грызли сомнения: а не является ли Бог такой же реальностью, как и человек? Он всячески избегал открытых высказываний на этот счет, но категорически запрещал выписывать в свою личную библиотеку атеистическую литературу, брезгливо называя ее «антирелигиозной макулатурой» ^[71]. По правде сказать, она почти вся была низкопробной. Но и к церкви как организации он, став властителем, относился с холодным прагматизмом. Со времен семинарского детства он знал истинную цену многим земным пастырям.

Сталин, страшась своей же собственной мысли, демонстрирует рисунком свое понимание полной свободы. Это свобода от любых последствий своих поступков, кем бы они ни порождались — его разумом (человеческим) или его чувствами (божественным). Сталкиваясь в реальности, они взаимно уничтожаются, как электрические заряды. Поэтому незачем и не на кого оглядываться: ни на Бога, ни на человечество. Абсолютно свободен! От добра и зла, от чувства вины за то и другое. Все, что он делал, вся его жизнь была посвящена достижению, а затем удержанию абсолютной личной свободы. Конечно, не все так прямолинейно и просто.

Полностью освободиться от чувства вины и раскаяний, как и любому человеку, ему не удастся никогда. Так же как освободиться от Бога. И тому мы найдем немало отчетливых свидетельств.

В августе 1942 года в разговоре с Черчиллем, который напомнил о Гражданской войне, Сталин, вздохнув, ответил: «Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу». Тогда он бессознательно соврал Черчиллю, как постоянно врал не только другим, но и самому себе. Не дожидаясь конца войны, он уже в 1944 году вновь вернулся к затеянному еще в 30-х годах грандиозному плану перекраивания истории, то есть того самого «принадлежащего Богу прошлого». Он сам и большинство советских историков упорно продолжали переписывать заново все обозримое прошлое — от его собственной биографии и до всемирной истории. Став правителем, он во всем — и в прошлом, и в настоящем — чувствовал себя абсолютно свободным и господствовал и там и тут безраздельно, при этом не до конца отрицая присутствие Бога. Возможно, в его мире Бог был необходим для полноценного ощущения истинного масштаба своего земного могущества?

Очень хочется указать на Ницше как на сталинский первоисточник с его знаменитым высказыванием о сверхчеловеке, шагнувшем по ту сторону добра и зла. Но среди книг с пометами Сталина произведений Ницше я пока не обнаружил. Дуновение же ницшеанства вполне ощутимо [72]. Впрочем, пусть косвенные, но неоспоримые признаки его знакомства с ницшеанством мне все же удалось отыскать. Выступая на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 года, Сталин так характеризовал Троцкого: «Ошибка Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями...» [73] Как всегда, он обвинял врагов в том, чем был грешен сам.

Пройдут годы, и уже после кровавой Отечественной войны рука Сталина вновь потянется начертать похожую анаграмму. Сталин читает книгу Г. Александрова «Философские предшественники марксизма». На одной из страниц автор излагает философскую систему Фихте, в которой решается диалектическое противоречие между «Я» и «не-Я». По Фихте, как результат разрешения этого противоречия в сознании, как диалектический синтез рождается человеческая личность.

Точно так же, как на страницах книги Анатоля Франса, Сталин и здесь вновь взрывается аккуратной надписью и знакомым рисунком на полях: «*Это же чудесно!.. “Я” и “не-Я”. Это же!*» [74], то есть — ноль, ничто. И если в книге Франса он написал: «*Это ужасно!*», то здесь он уже восхищен: «*Это же чудесно!*»

Родные, находясь слишком близко, как правило, плохо понимают рядом живущего человека. Нет дистанции, а потому не разобрать — что крупно, а что мелко и пустяково. Дочь Сталина Светлана Аллилуева, повзрослев, резко отдалилась от отца, когда поняла, что он был «монстром» [75]. Но возникшая дистанция, кажется, позволила и ей подметить в отце некую фундаментальную точку. Будучи уже не молодой, она неожиданно призналась: «...вся жизнь моего отца возникла передо мною, как отречение от Разума и Добра во имя честолюбия, как полное отдание себя во власть зла» [76].

Впрочем, дело может быть не в отдаленности дочери от отца и появившейся у нее в связи с этим ретроспективе. Были годы, когда дочь была чуть ли не единственным человеком, кому Сталин позволял брать книги из домашней библиотеки в Кремле. На некоторых из них сохранились сделанные детским почерком карандашные каракули, так похожие на отцовские буквы: «Сета», «Светланка» или следы подготовки к экзаменам в вузе. Может быть, ей, уже студентке, попались книга Франса или другие книги с характерными пометами? Даже если это и так, дочь все же до конца не поняла отца. Несмотря на то что он был темпераментным и страстным человеком, его отношение к категориям типа добро, зло, разум, чувство было сугубо рассудочным. И конечно, он никогда не делал сознательного выбора «зла». Да и кто в принципе способен сделать такого рода выбор? Даже Дьявол выбрал зло как добро для себя и присных.

известная
истина!

„Люди подчиняются своим собственным выдумкам. Они сами создают богов и повинуются им. Нет более властного господина, чем тот, которого мы сами изобрели, нет более жестокого тирана, чем тот, которого носят в самих себе“.

Еще отрывок с перечислением упреков, делаемых христианству:

„Церковь, основанная на гибельных иллюзиях, в течение восемнадцати веков держала под спудом науку и красоту и заставила пролить потоки крови.

„Она омрачила гений принявших ее народов.

„Христианство есть возвращение к самому первобыт-
ному варварству: идея искупления...

„Отвергается даже личная ответственность: за преступление должно быть взято возмездие, все равно от кого.

„Это нас возвращает к обычаям дикарей.

„Основа христианства ужасна по своей жестокости.

„В евангелиях этого нет, но у Павла“....

Один из собеседников прерывает:

„Не говорите дурно о Павле. За него стоят все: католики, протестанты, евреи и позитивисты“.

Тем не менее, Анатоль Франс указывает, что религия не имеет влияния на мораль.

„Христианство не имеет своей собственной морали ни для войны, ни для мира. Христианство заимствует свою нравственность от исповедующих его народов и, как хамелеон, принимает окраску почвы, на которой оно расположилось“.

Другой отрывок:

„В одном и том же месте и в одно и то же время могут существовать несколько религий, но мораль бывает всегда одна. Либаний, Юлиан, св. Григорий, Иоанн Златоуст—все имели одну и ту же мораль.

„В настоящее время евреи, протестанты, католики имеют одинаковые принципы и те же самые предрассудки. Мораль устанавливается законами. Она более императивна, чем религии“.

Касательно спасения:

„Каждый желает спастись. Как вы объясняете, что получила преобладание наиболее азартная и трудная метода спасения?

То же самое происходит с играми. Легкие игры пренебрегаются. Любят трудные игры, как бридж, или азартные, как баккара*.

О существовании бога:

— Верить в бога и не верить — разница невелика. Ибо те, которые верят в бога, не постигают его. Они говорят, что бог — всё. Быть всем — все равно, что быть ничем.

— Но они ему приписывают волю, мысли, намерения, касательно управления миром, роль судьи, налагающего ужасные наказания. Это много.

— Мысли, которые мы приписываем ему, исходят от нас самих; мы бы их имели, если бы и не приписывали их ему. И не стали бы от этого лучше*.

В заключение приведем несколько отрывочных мыслей:

... Заключение, к которому мы приходим: существование бога есть истина, подсказанная чувством. Это заключение не покажется удивительным для тех, которые полагают, что человек создан для того, чтобы чувствовать, а не познавать. Каждый раз, как его разум приходит в столкновение с чувством, разум оказывается побежденным*.

Воздают благодарность богу за то, что он создал этот мир, и воздают ему славу за то, что он создал другой мир, совершенно отличный, где вся неправда этого мира будет исправлена*.

Бог — перекресток всех человеческих противоречий*. Бессилие бога бесконечно*.

Сравнение текстов, подвергавшихся многократной переделке и исправлению, показывает, как терпеливо и упорно работал Анатоль Франс. Окружив себя многочисленными и точными выписками, набросками разрозненных мыслей и схваченных на лету внушений, он приступал к работе, переделывая одно и то же место два-три раза, иногда до восьми раз, возвращаясь к нему часто после продолжительных промежутков времени.

По крайней мере, так он работал в последние годы. Потребность в тщательном документировании он, повидимому, имел всегда. Об этом свидетельствуют материалы, относящиеся к роману „Боги жаждут“.

Следов.
не знаю
не видел.
Бог был
мил АС

Кук
т
носа

Ха-ха.
Р. Луи-
-убе

33
Почему это
(+)
миссия

это же
чуждое...
+1
это же

Я и не-Я

личные состояния сознания, то, сравнивая их, Фихте видит, как одно из них уже просто своим наличием ограничивает другое, хотя оба вместе они составляют действующее сознание. Третье положение фиксирует противоречие «я» и «не-я» в сознании. Вся дальнейшая система усложняющихся категорий, тезисов, антитезисов, синтезов выводится из трех указанных решающих оснований.

Фихте считал все эти соображения своим величайшим открытием. С точки зрения Фихте, многие мыслители и в прошлом были «на волосок» от этих «истин», но случайно их не открыли. Автор же «Наукоучения» это открытие осуществил, сделавшись, по его собственным словам, «изобретателем системы» и «наукоучителем человечества», давшим последнему «окончательную систему» интеллектуального созерцания.

Таковы кратко идеи Фихте, развитые им в основных его сочинениях.

В наложенных взглядах Фихте резко выделяются две мысли: во-первых, стремление философа уничтожить непоследовательность учения Канта, преодолеть его колебания в сторону материализма, сделать крайне субъективно-идеалистические выводы, растворить весь мир в сознании человека, во-вторых, стремление представить индивидуальное сознание, мышление, как находящееся в непрестанном восходящем диалектическом развитии ко все более сложным формам мысли, развитию, совершающемуся через борьбу понятий, через противоречие уже достигнутых форм сознания с только еще нарождающимися, более высокими формами, через разрешение этих противоречий сознания.

Фихте определял свою философию — наукоучение, как вполне естественную, положительную историю человеческого духа. Он придавал большое значение истории познания и истории культуры для создания совершенной, истинной философии. В учении об историческом восходящем развитии человеческой мысли, о ее движении ко все более сложным формам через преодоление противоречий — большая научная заслуга Фихте, как выдающегося диалектика-идеалиста. Маркс и Энгельс видели в учении Фихте гораздо более богатое явление философского развития, чем все прежние виды субъективного идеализма. Огромная роль, по Фихте,

Скорее всего, Сталин с какого-то момента жизни оказался душевно пустым, или, что то же, душевно омертвел, и потому делал все так, как считал нужным, невзирая на мораль. Хотя разумом холодно и рационально осознавал, где моральный плюс, а где — минус. Душевная смерть никого не настигает сразу, от рождения. Нам еще предстоит констатировать моменты его душевного умирания, а затем и признаки разложения. Верил ли он сам в наличие души и в ее бессмертие? Скорее всего, да, но как-то по-особому, не церковно. В книге Франса подчеркнул: «Душа, по взгляду Наполеона, состоит из флюидов, которые после смерти возвращаются “в эфир и поглощаются другими мозгами”» [27]. Вслед за Наполеоном он пытался «закольцевать» жизнь и смерть души в механическом круговороте бессмертия, как в физике закольцован закон сохранения материи. Когда останки сталинской души окончательно в нем истлели, он, как ницшеанский герой, действительно оказался за гранью...

— такова первая опорная точка будущего портрета. Вторую опорную точку обозначим его самым любимым эпитетом — «УЧИТЕЛЬ».

Вторая точка — «Учитель из Тифлиса»

Работая с архивом и библиотекой Сталина, я наткнулся на редкое издание пьесы Алексея Толстого «Иван Грозный». На одной из страниц сталинской рукой написано: «Учитель». Невольно мелькнула мысль — Сталин называет деспота Грозного своим учителем... Однако вскоре стало ясно — поторопился. За этой сталинской пометой стоит нечто большее, чем прямое указание на средневекового кровавого царя как на учителя. Да и помета выглядит не совсем обычно. В свое время так же поторопился драматург Эдвард Радзинский, заявивший в телевизионном выступлении о том, что Сталин называл Грозного учителем. Вскоре об этом, как о достоверном факте, стали рассказывать школьникам учителя истории. На самом же деле к Ивану Грозному это помета Сталина не имеет никакого отношения.

Во-первых, в книге много других сталинских надписей, как на обложках, так и на странице со списком действующих в драме лиц, не имеющих никакого отношения к Грозному. Слово «учитель» повторяется несколько раз в окружении десятков других помет и причудливых карандашных обводо, отражающих разнообразие присущей Сталину моторики. В руки Сталина пьеса попала в самый разгар второго года войны, скорее всего летом — осенью 1942 года. Толстой начал над ней работать в октябре 1941 года, а издана она была на правах рукописи уже в июне 1942 года. Книга вышла тиражом всего 200 экземпляров.

Как известно, военная обстановка летом — осенью 1942 года была очень тяжелой. Наверное, поэтому написанные Сталиным слова звучат как заклинания, обращенные к самому себе, а возможно, и к кому-то только ему тогда известному: «*Выдержим*», «*Не могу? =Помогу!*», «*Я помогу* ». В другом месте напоминает сам себе: «*Поговорить с Шапошн.* » (Шапошников — начальник Генштаба. — Б.И.), «*Нитроглиц. (ериновый) завод*» и др., а вперемежку — какие-то цифры, «скрипичные» ключи и много раз: «*Учитель* », а к нему снизу ведет росчерк в виде заглавной прописной буквы «Т» ^[78]. Последнее совсем уже непонятно — почему такое странное сочетание?

Во-вторых, когда просмотрел наудачу еще с десятков других книг из библиотеки Сталина, то убедился, что на очень многих из них есть подобные записи. Поэтому я внимательнейшим образом изучил всю сохранившуюся часть сталинской библиотеки с точки зрения характера надписей. И вновь чуть не попал в ту же ловушку, что и раньше, обнаружив сначала на полях нескольких книг Ленина знакомые слова, а затем на одной из книг Троцкого тот же намек в виде прописной буквы «Т » ^[79]. То, что Сталин мог считать своими идейными учителями Ленина, Троцкого и Грозного одновременно, как бы особенно не противоречило всему тому, что несет в себе для нас современный образ Сталина. «Прогрессивный» опричный царь, «Гениальный Вождь», «Иудушка Троцкий» уже давно причудливо совмещаются в нашем сознании благодаря «учительскому» гению Сталина и отечественным преподавателям истории. Но когда такие же надписи я увидел и на других книгах, не имеющих никакого отношения ни к вождям, ни к царям, ни к особым эпохам и изданных к тому же задолго до того, как Сталин хотя бы в мыслях посмел себя отождествлять с царем Иваном, пришлось отказаться от слишком прямолинейных аналогий. Отношение Сталина к некоторым своим царственным предшественникам и историческим героям было совсем не таким простым, как это сейчас нам рисуется с легкой руки литераторов и журналистов.

Присутствуя на заседаниях, работая в кабинете над документами или читая книгу на даче, Сталин, как и всякий человек, время от времени отвлекался от окружающего и в задумчивости машинально что-то писал или чертил на том, что у него было под рукой. Если это было на заседаниях правительства или Политбюро, то он, по давней генсековской привычке, что-то помечал на память себе в блокнот. Соратники, подозрительные, как и сам вождь, а главное, до крайности запуганные им, думали, что он что-то фиксирует на их счет. Наверное, иногда так и было.

Автографы Сталина на книге А. Толстого «Иван Грозный». Изд-во «Искусство», 1940

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Грозный.
Князь Михайла Репнин.
Князь Дмитрий Оболенский Овчина.
Князь Андрей Михайлович Курбский.
Михаил Иванович Воротынский } боеводы.
Петр Иванович Шуйский }
Поп Сильвестр — духовник Ивана Грозного.
Филипп — игумен Соловецкого монастыря.
Княгиня Ефросинья Ивановна Старицкая.
Князь Владимир Андреевич Старицкий — ее сын.
Князь Ухтомский.
Марья Темрюковна — черкесская княжна, жена
Ивана Грозного.
Михаил и Николай Темрюковичи — братья
княжны Марьи.
Малюта Бельский-Скуратов }
Федор Басманов } опричники.
Василий Грязной, сотник }
Висковатов }
Новосильцев } дьяки.
Блаженный Василий.

Не мист? !
= Промиссу?

Я мист?
Знаю

Об особенностях сталинской памяти пишут многие. В большинстве своем (чаще — военачальники) отмечают феноменальную способность

Сталина запоминать детали, имена, цифры. Возможно, что, как у большинства занимающихся умственным трудом людей, она у него была очень избирательна. Наверняка он сам способствовал распространению завышенной оценки своих мнемонических способностей. Он хорошо знал, что историческая традиция приписывает уникальную память древнеримскому императору Гаю Цезарю, Наполеону Бонапарту, Петру I и целому ряду других исторических личностей. Отсюда истоки легенды и о феноменальной сталинской памяти. Но те, кто знал его особенно близко и оставил свои воспоминания, в частности Молотов, Хрущев, Микоян, отмечают странности памяти вождя, особенно в послевоенный период. С одной стороны, он был явно забывчив и мог в один момент запамятовать фамилию собеседника, своего старого соратника. Однажды он забыл фамилию Булганина в его присутствии ^[80]. В то же время, когда это ему очень было надо, вспоминал события многолетней давности. Вот как эту особенность отметил, например, Микоян: «В последние годы жизни память Сталина сильно ослабла — раньше у него была очень хорошая память, поэтому я удивился, что он запомнил это предложение Молотова (повысить цены на хлеб. — *Б.И.*), высказанное им в моем присутствии Сталину в конце 1946 г. или в начале 1947 г., то есть шесть лет тому назад» ^[81].

В 1923 году, когда ему было всего 43 года, он в первый раз пожаловался врачам на сильное ослабление памяти. А это еще самое начало его государственной карьеры. Позже эта жалоба повторялась. Учитывая недостатки памяти, а также огромный поток информации, который он замыкал на себя, доведя идею централизации управления государством до полного абсурда, ему приходилось многое фиксировать «на память» в особом блокноте или тетради. В тех самых, которые, как считают некоторые современные исследователи, бесследно исчезли из кабинета Сталина в Кремле сразу после его смерти ^[82]. На самом же деле они до сих пор хранятся в архиве Сталина, хотя, возможно, и не все.

Но помимо записей «на память», в этих блокнотах, на отдельных листах бумаги (они также сохранились) и, совершенно достоверно, на обложках читанных им книг он часто бессознательно рисовал привычные карандашные обводы, а внутри их писал почти одни и те же слова и аббревиатуры. Чаще всего это были те самые, бегло написанные с большой буквы слова: «Учитель», «Учительствовать», соединенные снизу уже знакомым нам единым росчерком с каким-то сокращенным, может быть, именем или названием «*Тр* », «*ТИФ* ...». Иногда, но уже в более кратком виде эти сочетания встречаются и на полях книг, заменяя знак *NB* .

Интересное наблюдение на этот счет содержится в книге воспоминаний А. Бармина: «На партийных мероприятиях и деловых совещаниях он

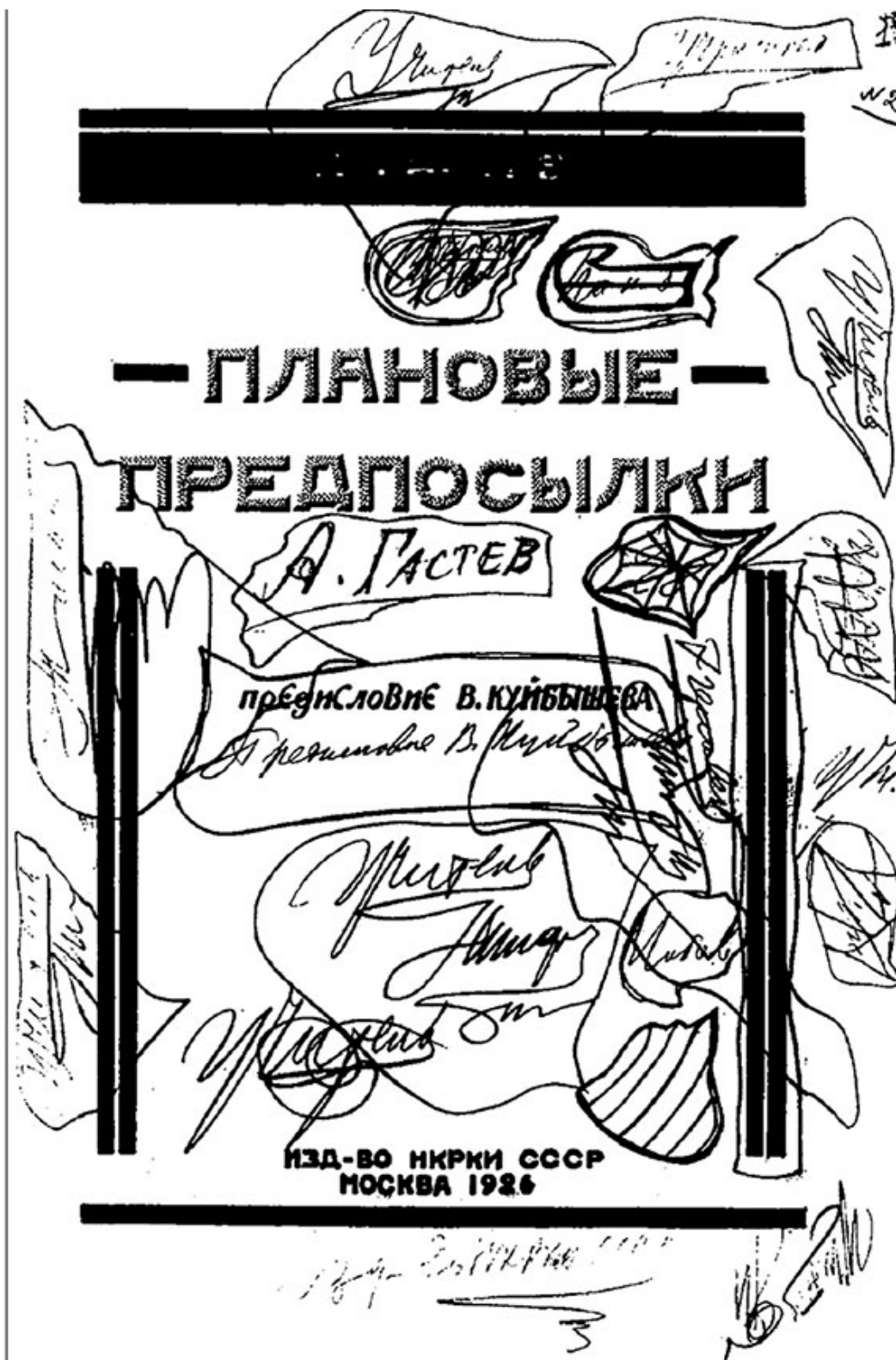
обычно молча слушает, курит трубку или папиросу. Слушая, рисует бессмысленные узоры на листе своего блокнота. Два личных секретаря Сталина, Поскребышев и Двинский, однажды писали в “Правде”, что иногда в таких случаях Сталин пишет в своем блокноте: “Ленин — учитель — друг”. Они утверждали: “В конце рабочего дня мы находили у него на столе листки бумаги с этими словами”. Нельзя исключить, — замечает Бармин, — что Сталин сам инспирирует подобные рекламные трюки, но это совсем не значит, что нам следует верить в его сентиментальность» [83].

Я отыскал эту статью секретарей Сталина, приуроченную к его шестидесятилетию. Примечательно озаглавив ее «Учитель и друг человечества», они действительно писали: «О Ленине он (Сталин. — *Б.И.*) думает всегда, и даже тогда, когда мысли его погружены в проблемы, подлежащие разрешению, рука его машинально, автоматически чертит на листке бумаги “Ленин — учитель... друг...” Как часто после рабочего дня уносили мы с его стола исчерченные этими словами вдоль и поперек листочки» [84].

Бармин прав, Сталин, скорее всего, рационально использовал свой въедливый синдром, действительно сознательно оставляя для секретарей исписанные бумажки. Но в надписях на книгах упоминания имени Ленина нет, а вот любимое словечко «Учитель» мы встречаем несколько раз на вклеенной карте и на последней обложке учебника С.Г. Лозинского «История Древнего мира. Греция и Рим» (Пг., 1923), на обложках книги Н.Н. Попова «Мелкобуржуазные антисоветские партии» (М., 1924), на странноватой брошюре А. Львова «Кинематографическая язва излечима» (М., 1924) [85]. Особенно красиво он расписался на обложке непрочитанной им книги А. Гастева «Плановые предпосылки» (М., 1926), на макете учебника «История Древнего мира. Т. 1», подготовленного в 1937 году коллективом авторов. Даже на полях книги французского генерала Эрра «Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем» (1925 г.), пробуя перо, написал, а затем перечеркнул обводами все то же — «Учитель» [86]. Нет нужды продолжать перечислять другие книги. Отметим только, что хронологически они охватывают почти весь период сталинского правления, не имеют почти никакого отношения к смыслу напечатанного в книге и, скорее всего, через моторику сталинской руки отражают его глубинную психологическую установку.

Учитель сродни проповеднику. Если бы Сталин закончил духовную семинарию, то у него было бы две дороги: принять посвящение в духовный сан или стать школьным учителем. И в том и другом случае он должен был проповедовать и учительствовать. Так и не став православным проповедником, он всю жизнь с упоением учил, поучал, вдалбливал.

Недаром на многочисленных съездах и конференциях, на собраниях ударников труда, передовых колхозников, выпускников военных училищ и т. д. кинокамера и фотоаппарат запечатлевали его в поучающей аудитории позе (а с ней и всю страну) — с наклонившимся вперед туловищем и с поднятым вверх или направленным на аудиторию указательным пальцем правой руки.

Автографы Сталина на книге А. Гастева «Плановые предпосылки». Москва, 1921

Я не задавался целью специально проанализировать статистику употребления в сталинской пропаганде слова «учитель», «учение». Но всякий, кто хоть чуть-чуть помнит его эпоху или знаком с нею по печатным источникам, прекрасно знает, по отношению к кому и как часто употреблялся этот эпитет. Пропагандистские клише «вождь и учитель», «учитель народов», «гениальное учение» употреблялись в первую очередь по отношению к самому Сталину. Но иногда первое из них употреблялось и по отношению к Ленину. Совершенно замечательный намек на разгадку пристрастия Сталина к слову «учитель» дает, как мне представляется, его «Краткая биография».

Во втором (и последнем) издании биографии, тщательно отредактированной самим Сталиным ^[87], в первый раз говорится под 1902 годом, что «батумские рабочие уже тогда называли (его. — *Б.И.*) учителем рабочих» ^[88]. Сталину — 23 года. Но затем уже «учителем и другом», «учителем и воспитателем» Сталина называется Ленин. И так до самой смерти последнего в 1924 году ^[89]. Как известно, вождь не страдал ложной скромностью и поэтому собственной рукой вставил во второе издание: «...Сталин — выдающийся ученик Ленина» ^[90]. Ленин умер, и «биография» цитирует странный опус Сталина, написанный в стиле церковной гомилетики, особого рода ритмической прозы, им самим вставленный во второе издание: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя» ^[91]. Необычно и в то же время как-то очень знакомо звучит призыв «любить» того, которого именуют «учителем». Затем уже только к Сталину применимы все эти и другие превосходные эпитеты с ключевыми понятиями типа «учитель миллионов масс», «учитель народов» ^[92].

В истории человечества «Учителями» народов называли не очень многих, главным образом пророков, и в особенности первенствующего из них — Иисуса из Назарета. Согласно евангельской традиции Иисуса, как только он приступил в 33 года к своей проповеднической деятельности, стали именовать «Учителем» («реббе» на древнееврейском языке) простых людей. Затем он прошел обряд посвящения у Иоанна Предтечи, как Сталин у Ленина. Надеюсь, мне простится столь кощунственное сравнение, но оно лежит на поверхности. Так же как «Учитель из Назарета», будучи во времени вторым после Иоанна Крестителя, стал в силу своей божественной благодати первенствующим, так и «Учитель из Тифлиса» возвысил себя над всеми, в том числе и над своим великим предшественником. Та самая таинственная аббревиатура, о которой говорилось раньше: «Т», «Тиф...», в

ряде сталинских помет вполне отчетливо расшифровывается как «Тифлис». Ныне всем нам известен только один «Учитель из Тифлиса».

Такова вторая опорная точка будущего сталинского портрета.

Третья точка — «Увы, увы! И что же видим мы?»

Всю жизнь человек меняется, оставаясь самим собой. Но и оставаясь собой, изменяться можно по-разному. Можно резко менять «плюс» на «минус» или всю жизнь подниматься на огромную интеллектуальную высоту и одновременно — падать в духовную пропасть. Человек не знает пределов ни в разломах своей собственной сущности, ни в перепаде высот: вместе с Моисеем или Христом можно бесконечно подниматься к вершинам «Синая» и «Нагорной проповеди» или в паре с дьяволом низвергаться в гипнотически завораживающую бездну. Причем и в том и другом случае человек и на земле может испытывать несказанную радость всего лишь от ощущения свободы выбора. От того выбора, который мы делаем каждое мгновение своего бытия. Мы свободны в выборе, но никто и никогда не даст нам свободы не выбирать. И как бы человек, возгордившись, ни старался вскарабкаться выше Бога или пасть ниже дьявола, — тщетно. Два полюса бесконечно удалены, а мы обречены метаться между ними в меру своего разума и ярости чувств. Житейское большинство обычно совершает слабые колебательные и хаотичные движения то в сторону «плюса», то в сторону «минуса». Но никому и никогда не удалось еще вырваться в ницшеанское «ничто», оставив за своей спиной и божественное и дьявольское. Того же, кто пытается это сделать, поражают интеллектуальные и духовные видения и галлюцинации. На протяжении своей генсековской жизни Сталин испытывал множество подобных галлюцинаций. Вот одна из них.

Перед войной, в 1939 году, вышла очередным отдельным изданием книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которую Сталин в который раз трижды перечитал с карандашами различных цветов в руке. На чистых листах в конце книги и на внутренней стороне последней обложки изложил не столько размышления по поводу книги, сколько свои затаенные мысли. Одна из страниц выглядит так:

«1) слабость

2) лень

3) глупость

*единственное, что может быть
названо пороком.*

*Все остальное — при отсутствии
вышесказанного — составляет,
несомненно, добродетель.*

NB! Если человек

1) силен (духовно)
2) деятелен
3) умен (или способен) — то он хороший, независимый от любых иных
“пороков”.

(1) и (3) дают = (2)

Увы, увы!

И что же видим мы?

.....»

Оказывается, Сталин задавался классически житейским вопросом: «Что значит быть хорошим человеком?» Оказывается, он между шестьдесят первым и шестьдесят третьим годами жизни задавался классически богословским вопросом: «А кто он, добродетельный человек?» И отвечал сам себе по-юношески задорно: слабость, лень, глупость — это признаки порока, а добродетельный, хороший человек — духовно сильный, деятельный, умный. Как думал он о себе сам и как об этом твердили окружающие, именно последние три качества были представлены в характере вождя с избытком. Поэтому здесь «вождь и учитель» для себя и под собственный образ разработал удобненькую формулу «добродетельного», «хорошего» человека. Оказывается, если ты: «1) слабый» и «3) глупый», значит — «2) ленивый». Если же ты: «1) сильный» и «3) умный», значит — «2) деятельный». Первая триада — это формула «порока», вторая — «добродетели». Перед нами простенькое, как бы математическое решение тысячелетних задачек, стоящих перед человечеством. А как же жестокость, коварство, предательство, ложь, растление, убийство?.. Все эти качества, без сомнения, требуют высокой активности от человека, то есть — **деятельности** и, конечно же, недюжинного **ума** и наличия **силы**. И всегда ли слабый человек порочен и глуп?

Две последние, «романсные» строчки: «Увы, увы! И что же видим мы?...» — скорее всего обращены к себе же. Подтрунивал сильный духом, умный и деятельный вождь над рудиментами своих **слабостей**, небольшой **ленью** и в чем-то малозначительным и **глупостью**. «Увы, увы...» — все же не Бог и не дьявол, а человек.

Четвертая точка — гештальт врага

Этот рисунок я обнаружил среди разрозненных бумаг, которые собирали секретари Сталина на столах после очередных заседаний в Кремле.

Рисовать друг на друга дружеские, и не всегда дружеские, шаржи любили многие члены сталинского ареопага в 20—30-х годах. Особенно отличались в этом отношении Николай Бухарин и Валериан Межлаук. Клим Ворошилов даже взял себе за правило собирать рисунки коллег у себя в домашнем архиве. Об этом было известно всем членам Политбюро. Поэтому, когда НКВД уничтожал очередную жертву, у которой находили листки с такими шаржами, Лаврентий Берия лично отправлял их на просмотр Сталину, а Ворошилову в архив. В настоящее время в архиве Ворошилова хранится более пятисот подобных рисунков [93]. Но о том, что и Сталин увлекался подобным творчеством, мало кто знал. Правда, дочь в своих воспоминаниях писала о том, что Сталин хорошо рисовал. Об этом увлечении будущего вождя вспоминали его соученики по духовной семинарии. Например, он нарисовал поразивший их портрет Шота Руставели. О том, что у Сталина был талант рисовальщика, вспоминал в конце жизни и В. Молотов. Сейчас у нас есть возможность убедиться в этом самим.

На одном из листков, обнаруженных мною в архиве Сталина, наверху есть пометы: «Личный архив. Дело 215», а внизу: «Среди бумаг за 1923 г.» [94]. Это год, когда Ленин был еще жив, но временами уже почти невменяем. Против Троцкого сплотились все члены Политбюро, и каждый думал, что он если и не вождь правящей стаи, то, по крайней мере, ровня остальным. Сталин уже тогда начинает думать иначе, но пока ни малейшим движением не выдает себя. В лидеры рвется Григорий Зиновьев. Впервые после Ленина именно он должен сделать основной политический доклад на XII съезде партии, который соберется в апреле 1923 года. Значит, все происходит накануне, на заседании Политбюро, на котором предварительно обсуждаются и согласовываются, как дважды записал перьевой ручкой на листке Сталин: «Тезисы т. Зиновьева». Пока Зиновьев докладывает, Сталин быстрыми, точными штрихами, тонким пером, коричневатыми железистыми чернилами набрасывает портрет. Потом, уже не спеша, тем же пером помечает основные соображения выступавших по поводу тезисов: Калинина, Дзержинского, Сокольникова, Хинчука. Одновременно, по давно устоявшейся привычке, машинально чертит обводы, «скрипичные ключи», какие-то цифры и любимый росчерк-метку «*Тиф...*». А профиль головы «Зиновьева», оставляя за собой завихрения, стремительно рвется от верхней кромки листа вниз, парит с устремленным вперед носом и бородкой, с еще более ускоряющей парение залысиной и дьявольски заостренными резко назад, к затылку, «свинячьими» ушами. В полете завораживает следящего за ним своим большим, хитроумно-злым, внимательнейшим глазом. Скупой и точный по подлинному сталинскому чувству портрет. Это образ, «гештальт»

опаснейшего врага — «двурушника». Между 1923 и 1936 годами, то есть тем последним годом, в котором Зиновьев будет казнен, пройдет целых тринадцать лет, но такое впечатление, что казнь предreshена, хотя сам Сталин, возможно, еще не осознает этого.

Однако это не портрет Зиновьева. У сталинского врага № 2 было широкое, мясистое, безусое и безбородое лицо и не очень выразительные глаза. Он был умным человеком и хорошим оратором, но в нем не было энергии полета, которой буквально заряжен рисунок. Такой энергией обладал враг № 1 — Лев Троцкий. Вот здесь уже явно большее сходство: клинышек волос, висящий на кончике подбородка, крупный нос, сливающийся с линией усов, и пронизывающий до костей взор. Посмотрите на его фотографии времен революции или рисунки Юрия Анненкова, вы убедитесь, что в рисунке Сталина злой дух Троцкого ухвачен. Сталин завистливо возненавидел его с первого мгновения их первой встречи в 1906 году и не забывал о своей ненависти до последнего дня, навязывая эту злобу окружающим — и даже нам. О том, что у него с Троцким была не просто политическая борьба, а личная, глубинная ненависть, он не стеснялся признаваться публично. В интервью Эмиля Людвига есть такой эпизод. На заявления Сталина о том, что высланного за рубеж Троцкого все давно забыли, писатель уточнил:

«Людвиг. Совсем забыли?

Сталин. Вспоминают иногда — со злобой.

Людвиг. Все со злобой?

Сталин. Что касается наших рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью» [\[95\]](#).

И все же на рисунке не Троцкий. У него даже к старости не было таких глубоких залысин, и он на людях почти никогда не снимал пенсне или очки.

В 1923 году у Сталина был верный союзник против всех старых членов ленинского ЦК — Николай Бухарин. Я читал письма Бухарина этих лет Сталину, в которых тот брал тон советчика — Старика (Ленина) по отношению к младшему коллеге. Сталин терпел и слушался, пока занимался низложением Троцкого, Каменева, Зиновьева. Потом, в 1928 году, то же произошло и с Бухариным. Тогда Бухарин и назвал генсека: «Чингисхан с телефоном». Но еще раньше Сталин дал и ему убийственную характеристику: «Помесь лисы со свиньей». Говорят, у «мягкого как воск Бухарчика» (Ленин) были большие, прозрачные, как у ангела, глаза. Но на последних фотографиях и на съемках со смертного процесса в профиле Бухарина легко заметить отблеск сталинского рисунка. Генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский в своей заключительной речи сознательно воспроизвел эту сталинскую характеристику, добавив

немножко злобы и от себя: «Проклятая помесь лисы со свиньей». Думаю, что предсмертное оскорбление было вложено в его уста мстительным вождем.

На рисунке изображен Бухарин. И все же перед нами собирательный образ врага, такой, каким он привиделся Сталину.

Handwritten signature/initials

Лето: 215

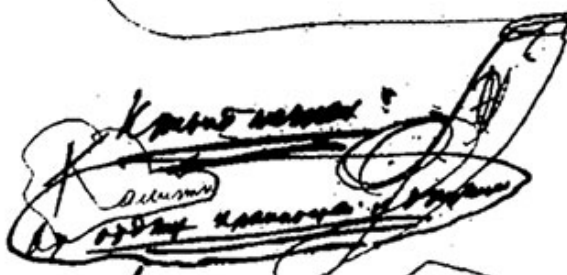
100

Handwritten text

Handwritten text

Мерисе Г. Зиновьева.

Handwritten text

1) Все это так и было
не, не все
перенесено
было не так

2) *Handwritten text*

3) *Handwritten text*

Handwritten text

4) *Handwritten text*

Handwritten text

«Портрет “Зиновьева”». Автограф Сталина. Из архива И.В. Сталина

ЗИНОВЬЕВ

Троцкий

Каменев

Бухарин

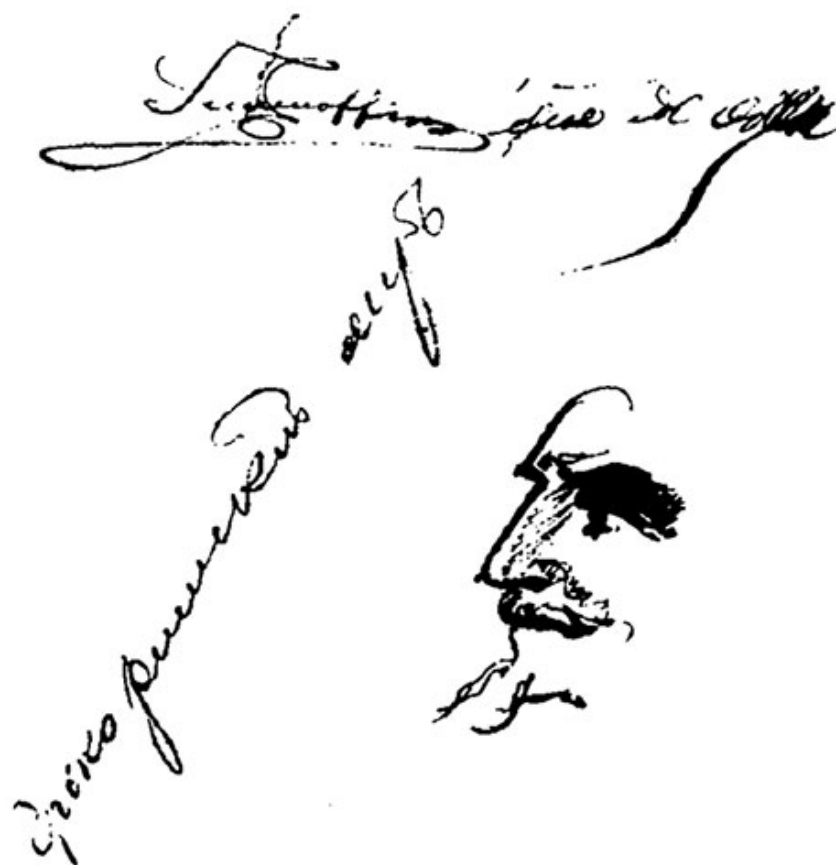
Пятая точка — рисунки Сталина на полях «Истории» Дмитрия Иловайского

Историк Дмитрий Иванович Иловайский не был автором каких-либо глубоких исторических концепций, но был трудолюбив, писал свои сочинения легко и увлекательно, да так, что нередко увлекался и сам. Он родился в 1832 году, в то время когда еще был жив Пушкин, а умер при советской власти в 1920 году. В последние тридцать лет XIX века он был одним из самых популярных официозных историков, так как придерживался монархистских убеждений, был ярким антинорманистом, но, в свою очередь, выдвинул идею сближения Древней Руси с гуннами. Поскольку именно он был автором десятки раз переиздававшихся учебников по всеобщей и русской истории для средней школы, то многие образованные люди, чьи школьные годы пришлось на 70—90-е годы позапрошлого века, были искренне убеждены (например, поэт Николай Гумилёв) в мощной «гуннической» составляющей нашей истории.

В Тифлисской духовной семинарии, в которой учился Сталин в 90-е годы того же XIX столетия, гражданскую историю преподавали, скорее всего, по учебникам Иловайского. Но точно об этом неизвестно. Однако в советское время, в середине 30-х годов, когда Сталин инициировал широкомасштабную работу по подготовке унифицированных учебников истории в неовеликодержавном, а точнее — в сталинистском духе, он лично углубился в изучение некоторых дореволюционных изданий. Среди тех книг, на которых сохранились пометы Сталина, есть и «Средняя история. Курс старшего возраста. Составил Д. Иловайский. Издание пятое, с сокращениями. М., 1874». Книга эта интересна не только тем, что на ней сохранился редкий штамп «Лицей цесаревича Николая», или тем, что она содержит многочисленные пометы и даже нелицеприятные оценки вождя. Например, на последней странице он крупно витиеватым подчерком написал: *«Много неверного в этой истории Х.Х.Х.! Дурак Иловайский!..»* Книга интересна тем, что на ее страницах сохранилось несколько рисунков Сталина, сделанных пером, чернилами в том же стиле, что и портрет «Зиновьева».

Три намеченных пером профиля мужественных, усатых и бородатых красавцев остались на последних листах учебника по соседству с оглавлением и картой Европы IX века. Неясно, чем были навеяны эти образы, но очень может быть, что именно так представил себе Сталин средневековых венгров, австрийцев и испанцев. Если это «венгры», то, скорее всего, периода правления прославленного короля Матвея Корвина. К этой догадке подталкивает не только определенное типологическое сходство, но и то, что на одной из страниц учебника, где идет рассказ о деяниях Матвея Корвина, Сталин написал тем же пером по-венгерски: *«Ma'tya's uta'n ninesigarza'g!»* [96] Он сделал обратный перевод (с русского языка на венгерский) мадьярской поговорки: «После Матвея нет более справедливости». Конечно, Сталин не знал венгерского языка, как он не знал немецкого, французского или латыни. Но и на всех этих языках он оставил небольшие пометы на других книгах, переписывая их из примечаний, сверяясь со словарями или спрашивая знающих языки людей. Впрочем, эту старинную поговорку он мог заучить, общаясь с венграми на фронтах Гражданской войны или по делам Коминтерна. Но важнее другое — Сталин воспринимал историю «по-школьному», через образ, будь то литературный образ или рисунок, киноизображение. Новые школьные учебники истории, выпущенные перед войной, содержали обезличенный и выхолощенный текст, но в то же время — большое количество иллюстраций и фотографий, что было редкостью в массовых учебниках дореволюционной поры. Сталин лично следил за идейным содержанием и техническим

качеством этих иллюстраций. О том, что история была для него как нечто вроде серии «комиксов» на советский лад, говорят обильные иллюстрации в сталинских школьных учебниках, потоки безвкусных живописных полотен на батальные и исторические сюжеты в выставочных залах и музеях и особое пристрастие вождя к фильмам той же тематики. Даже самые талантливые произведения кинематографистов, даже гениальные фильмы Сергея Эйзенштейна об Иване Грозном и Александре Невском — это с научной точки зрения всего лишь иллюстрации наивного видения вождя образов князей и царей, вождей и врагов, народа и героев и т. д. Но без этих псевдоисторических, идеализированных, как и сталинские рисунки, образов невозможно нарисовать исторический портрет самого Сталина.

Рисунки и надписи Сталина пером на страницах учебника Д. Иловайского «Средняя история». Москва, 1874

ni v e t s a b

n i v e t s a b

4

4

4

44

4

h

6 Castu
n i v e t s

Вторая
точка
на
XI века

Рисунки и надписи Сталина пером на страницах учебника Д. Иловайского «Средняя история». Москва, 1874

Шестая точка портрета — «подвесить Брюханова за яйца». — И. Ст.»

Н.П. Брюханов был руководителем второго-третьего калибров в советском правительстве. Занимал посты: в 1921–1926 годах — нарком продовольствия РСФСР и СССР, затем, до 1930 года, — наркомфин СССР. Хорошее, умное было лицо у человека — с приподнятыми бровями и

потому с чуть насильственно приоткрытым, мягким взглядом, с обвислыми усами и небольшой бородкой. Весной — летом 1930 года положение с экономикой и финансами в стране стало катастрофическим. Виновником, конечно же, был министр финансов, а не политика горячечной индустриализации и коллективизации. Но в целом 1930 год был годом очередных сталинских триумфов и «великих переломов». Поэтому нередко были минуты и даже часы, когда Сталин и его окружавшие смеялись, шутили, над кем-то подтрунивали. Даже над Самим иногда. Правда, он с детства был тяжело, страшно обидчив и насмерть злопамятен. Но во время частых пирушек аккуратному, по-кавказски щеголеватому наркомпроду А.И. Микояну временами подкладывали на стул, под зад, зрелый сочный помидор. И... по-детски смеялись. Подвыпившему, а потому ослотившемуся М.И. Калинин усыпали в рюмку соль и перец. Или более зло шутили над пьяным в зюсю Поскребышевым или над очередным гостем, одуревшим от счастья общения с вождями. Заводилой был Сталин, который, по-моржовьи задирая усатую голову, громко и от души хохотал. Рассказывают, что в расстреле Зиновьева участвовал один из сталинских секретарей и личных домоуправителей — К. Паукер. А потом Паукер шутейно изображал в приемной генсека, как Зиновьева буквально тащили на руках к месту казни, и при этом он повизгивал: «Позовите товарища Сталина!» Рассказ вызвал взрыв гомерического хохота, и в первую очередь вождя. А Паукера вскоре самого расстреляли.

Сталин вообще любил временами смех, шутки, улыбки, здравицы и карнавалы по-советски — демонстрации трудящихся и народные гулянья. Несмотря на уродливую ногу, любил поплясать. По радио, после сообщения об очередном процессе и кровавом приговоре, обязательно запускалась пластинка с камаринской или гопаком ^[97]. Анри Барбюс в книге «Сталин» считал нужным поделиться зарисовкой с натуры: «Он смеется как ребенок. Когда в Московском Большом театре шло торжественное заседание, которым был ознаменован юбилей Горького, то во время перерыва, в салонах, расположенных за бывшей императорской или великокняжеской ложей, собрались руководящие деятели. Какой адский шум они там подняли! Какой хохот! Там были Сталин, Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Пятницкий. Они рассказывали эпизоды времен Гражданской войны, припоминали забавные случаи: “Помнишь, как ты свалился с лошади?” — “Да, вот проклятая кобыла! Не знаю, что с ней случилось...” Гомерический хохот, юношеская жизнерадостность, мощное веселье, сотрясающее царскую драпировку в салонах, — короткая, свежая разрядка великих бурлаков реконструкции» ^[98]. Вскоре трое из семерых смешливых «бурлаков» были убиты, а один покончил с собой.

Вот и этот непристойный рисунок явно отражает игривое настроение вождя, которое у него случилось 5 марта 1930 года, о чем есть соответствующая помета на обороте листа [\[99\]](#). Рисунок образно иллюстрирует наказание, которое «дали» Брюханову, до исправления положения с финансами. Брюханов изображен обнаженным и подвешенным за половые органы на веревке, переброшенной через блок с противовесом. Внизу, под рисунком, Сталин аккуратно, печатными буквами написал: «Наркомфин СССР на Второй день испытания». К рисунку приложена записка, также написанная рукой Сталина:

«Членам П.Б.

За все нынешние и будущие грехи подвесить Брюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не выдержат, утопить его в реке.

И. Ст.» [\[100\]](#)

И рисунок, и записка сохранились в архивном фонде одного из молодых тогда сталинских фаворитов Г.М. Маленкова. Из его фонда эти документы были изъяты в 1973 году и переданы в архив Сталина. В левом углу листа проставлено: «О.П.», что, возможно, обозначает «особая папка», то есть особо засекреченный архив ЦК КПСС.

Конечно, ко всему этому сюжету можно отнести как к грубой мужиковатой шутке одуревшего от напряженной работы Генерального секретаря партии и его товарищей, но есть в ней несколько невнятных намеков и скрытых смысловых пластов.

Лицо подвешенного довольно точно передает характерный «удивленный» взгляд Брюханова. Это говорит не только о цепкой и точной зрительной памяти Сталина, но и о его умении ухватить и передать в рисунке главную портретную черту образа, уловить его «гештальт». Но противоестественная поза подвешенного и блок с противовесом, используемый в качестве виселицы, — откуда они?

Известно, что Сталин в юности наблюдал публичную казнь через повешение, читал о таких казнях художественные отчеты любимых им грузинских писателей Ильи Чавчавадзе и Александра Казбеги. На национальных окраинах Российской империи показательные казни при большом скоплении туземцев практиковались вплоть до революции. Во время революции и Гражданской войны публичные изуверские казни и расправы устраивали и белые, и красные, и зеленые, и националисты всех мастей. Есть свидетельства о том, что в 1918 году в Царицыне по личному распоряжению Сталина затопили в Волге баржу, трюмы которой были набиты пленными. Во время Отечественной войны Сталин вслед за

Гитлером возобновил публичные казни. Если немцы устраивали публичные повешения партизан, то наши на отбитых у врага территориях творили расправу над изменниками. Говорят, после войны Сталин хотел начать процедуру «окончательного решения еврейского вопроса» публичными расстрелами осужденных по «делу врачей» на Красной площади. Так что между шуткой, слухами и реальностью дистанция могла быть минимальной.

Но я думаю, что этот рисунок воскрешает отголосок далекого сталинского детства. Хорошо известно, что, подрастая, мальчишки проявляют особую, сладострастную, а потому садистскую жестокость. Пробуждающиеся охотничьи и бойцовские инстинкты, первые волны сексуальности находят выходы в самых причудливых и даже диких формах. Чаще всего в виде мучения растений, животных, а иногда и себе подобных. Вздрыбленная поза подвешенного Брюханова, конечности, напоминающие когтистые лапы, по-звериному напряженная спина не оставляют сомнений, что образцом послужила сцена повешения кота в далеком Гори, где родился и провел детство Сосело (Осечка) Сталин. Сцену подобной казни кота Сосело мог наблюдать или сам участвовать в ней, определяя эффект «на Второй день испытания». Но не будем восклицать: «Наконец-то! Вот он, психоаналитический исток жестокости тирана!» Пусть каждый покопается в своем детстве и отыщет там образы убиенных птичек, котят, лягушек, бабочек, муравьев, червяков, мух.... Таким косвенным способом ребенок неизбежно и необходимо учится понимать, что есть смерть, мучительство и убийство жизни. Другого способа обучения природа не дала. И в подавляющем большинстве своем взрослый человек, поняв это в детстве, уже никогда не переходит некую допустимую черту в уничтожении живого. Но при благоприятных обстоятельствах, особенно на войне и во время разрух, маленький садист вновь воскресает в душе многих, испытывая счастье и радость в страшном существовании через мучительство и убийство. Та власть, которая была у Сталина, давала ему возможность упиваться этой радостью и счастьем в любое время. Отсюда и его любовь к известным многочисленным «шуткам» и психологическим играм с помеченными жертвами.

Н.П. Брюханов

Рисунок, автограф Сталина. Из архива

О.Н. Ткачев № 83

За все прошлые
и будущие грехи
Козвенов Брюханов
за сына; если Андрей
выдержит, ~~смерть~~
он оправдан
Но если, если не
выдержит, ~~чтобы~~
его в плен

И.С.

К рисунку приложена записка, также написанная рукою Сталина

...А Брюханова вскоре и в самом деле «подвесили». За связи с оппозицией 18 октября 1930 года он был снят с поста наркома финансов и назначен зампредом Мособлисполкома. Сталинский рисунок был сделан всего за семь месяцев до отставки. В 1938 году Брюханов был репрессирован. Точный способ казни неизвестен.

От первых опорных точек перейдем к более детальным проработкам портрета. Начнем с физического облика изображаемого, настойчиво украшающего самого себя и украшаемого мощнейшими средствами массовой пропаганды, скрывающими от большинства людских глаз тяжелые физические и даже психические недуги.

Глава 2. Болезни, смерть и «бессмертие»

Для оценки каждого человека есть как минимум два взгляда и несколько мер. Одна мера у любящего, другая — у безразличного, третья — у близкого, четвертая — у врага. Но и любовь, и ненависть, и безразличие имеют тысячи оттенков: любить можно в страхе, а ненавидеть — измучившись в любви... Из этих бесконечно перемешивающихся человеческих измерений выплавляется, — нет, не средневзвешенная и как будто истинная оценка человека («Что есть истина?»), а причудливо-изменчивый действительный человеческий образ. Даже если оригинал давно мертв и распался, его образ живет своей жизнью. Тем более если речь идет о внешности: о лице, фигуре, о выражении глаз... Все это так изменчиво-текуче и так многозначно для каждого из нас. Но прах и тлен тоже претендуют на толику бессмертия. Особенно если этот прах принадлежал человеку, всеми силами стремившемуся себя обессмертить. А у него в руках была мощь и сила полумира. Попытаемся добавить еще несколько штрихов и новых точек к портрету героя, где на одном полюсе — внешность, болезнь и смерть, то есть тлен, а на другом — страстное желание все это внешнее и тленное обессмертить, на худой конец — увековечить.

Сначала два взгляда на тело человека, которое двое впервые увидели обнаженным, причем на смертном одре. Слово врачу, присутствовавшему при кончине Сталина: «Сталин лежал грузный, он оказался коротким и толстоватым, лицо было перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее...» ^[101] А вот взгляд дочери Светланы Аллилуевой через несколько минут после кончины, впервые понявшей, как и всякий из нас, что значит смерть родителя, что значит быть «плоть от плоти»: «Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела отца нагим, — красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское» ^[102].

При его жизни большинство советских людей считали Сталина красивым. Приятным и даже очаровательным в общении признавали его многие мировые государственные деятели: Черчилль, Рузвельт, де Голль; известные писатели и журналисты: Барбюс, Роллан, Фейхтвангер, Уэллс и другие. Свое впечатление о первой встрече со Сталиным его антипод Троцкий выразил так: «Впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное» ^[103]. В. Молотов не раз повторял: «...Сталин красивый был. Женщины должны были увлекаться им. Он имел успех». На людей попроще

он производил сокрушительное впечатление. Одна из героинь Отечественной войны, снайпер, лично убившая несколько сотен немцев и спокойно наблюдавшая в оптический прицел все подробности своего выстрела, во время награждения была вызвана на прием к «самому». Увидев его, бедная воительница обомлела, упала на колени и поцеловала ему руку. Вождь от души хохотал.

Всеволод Иванов, опубликовавший в расстрельном 1937 году исторический очерк под названием «Красная площадь», в качестве наглядной простоты и величия «любимейшего вождя» описал такой эпизод. 7 ноября 1935 года на гостевую трибуну Мавзолея пригласили 71-летнюю ткачиху Е. Каванину. После демонстрации старушка решила прогуляться по Кремлю: «Мимо идет С. Орджоникидзе. Старуха к нему: дескать, была на трибунах, манифестациям порадовалась, а вот от товарища Сталина была далеко, очки даже надела, хотела рассмотреть — не разглядела: “Умирать ведь мне скоро, неужели не увижу?” Орджоникидзе усмехнулся:

— Не умрешь.

Возле входа, у ворот, догоняет старуху машина. Из машины выходит Сталин. Старуха всплеснула руками, побежала к нему навстречу:

— Ой, кого я повидала!

Сталин улыбнулся и сказал:

— Добро какое. Самый обыкновенный человек.

Старуха разрыдалась:

— Ты наш мудрый, ты наш великий... повидала-таки... теперь и помирать можно мне.

Сталин сказал:

— Зачем вам помирать? Пусть другие помирают, а вы поработайте» [104].

От людей он всю жизнь ждал не просто поклонения, а искренней любви. Упрек в неискренности, сформулированный им как принцип «двурушничества», относившийся главным образом к подавленным оппозиционерам — мужчинам, был равнозначен упреку в нелюбви к нему, «любимейшему вождю». Все эти бухарины, рыковы, каменевы и иже с ними перед своим концом делали вид, что смирились и что искренне «любят» его. Большинство предсмертных выступлений и прошений на его имя — об этом. Но он был очень чуток к таким вещам и за неискренность карал беспощадно. При этом свои подлинные чувства тщательно скрывал.

Ему очень нравилось, когда простые люди теряли рассудок от восторга при виде вождя. Возможно, последний раз он прошелся пешком, пусть и под бдительным присмотром охраны, из здания ЦК в Кремль 16 ноября 1931 года, когда была совершена попытка покушения некоего английского

разведчика русского происхождения. Было ли оно в действительности, или это очередная инсценировка, которые он так любил ставить, — сказать трудно. Донесение ОГПУ об этом инциденте он лично направил членам Политбюро. Тогда они решительно потребовали: «Пешие хождения т. Сталину по Москве надо прекратить» ^[105]. После этого были уже все более редкие «явления» народу на собраниях, на манифестациях или во время спонтанного единения вождя и масс. Дочь с ужасом описывает один из его таких спонтанных выходов в народ, когда узнавшая его толпа возликовала и ринулась к нему, а он был явственно опьянен ее восторгом.

О его специфическом природном обаянии говорит и то, что, несмотря на слабое здоровье и физические недостатки, он никогда не имел проблем с женщинами, даже в ссылках. Чем конкретно Сталин страдал до революции, об этом он, естественно, не распространялся. В годы ссылок и революционной деятельности, будучи чрезвычайно бедным, болезненным, неряшливо одетым и неприятным при общении в быту, Сталин тем не менее обладал мощным мужским обаянием и не упускал случая, чтобы завести любовницу. Женщины особенно чувствительны к необычному, к индивидуальности. Благообразный, аккуратный и усидчивый Вячеслав Молотов (оппозиционеры называли его «каменной задницей») до конца своей бесконечно долгой жизни помнил, что в ссылке косматый Иосиф отбил у него любимую девушку Марусю. Нечего и говорить о том, что позже власть, от которой столь крепко пахло кровью, прибавила к его обаянию элемент ритуального поклонения, всеобщего обожания. И здесь уже не только женское, но и мужское население, чуя «подлинного» вожака, влилось в огромную массу искренних поклонников. Чаще всего, но не всегда люди трезвели в тюрьме, лагере или в подвале у стенки. Лучшее средство от похмелья — собственная кровь. Я убежден, что кумиры человечества всегда вырастают на смеси огромного личного обаяния и безграничной жестокости. Страх — источник **«о-божания»**. А страх, замешанный на обожании, в сталинском обществе все активнее вытеснял все иные элементы его атмосферы.

Глядящему со стороны, то есть иностранцу, это было видно невооруженным глазом. Эмиль Людвиг позволил себе поделиться впечатлениями на сей счет с самим вождем. «Мне кажется, — сказал он, — что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед Советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти. Мне хотелось бы знать, какое **душевное состояние** создается у Вас лично (выделено мной. — *Б.И.*) при сознании, что в интересах укрепления власти надо внушать страх. Ведь в общении с Вашими товарищами, с Вашими друзьями

Вы действуете совсем иными методами, не методами внушения боязни, а населению внушаете страх.

Сталин. Вы ошибаетесь. Впрочем, Ваша ошибка — ошибка многих. Неужели Вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно» [\[106\]](#). Очень даже возможно, и не только 14 лет, а много дольше — десятилетиями. Людвиг ошибся в другом — в 1931 году он еще не мог предположить, что Сталин через год-другой будет внушать не меньший, а намного больший страх даже своим ближайшим соратникам. И в то же время не меньшее, чем у простого народа, «обожание».

* * *

Внешность Сталина действительно была незаурядной, причудливо сочетая в себе восточные — кавказские — и среднеевропейские черты. Профессионально наблюдательный советский дипломат и разведчик, а позже невозвращенец А. Бармин писал: «Он не похож ни на европейца, ни на азиата, но представляет собой какую-то смесь этих двух типов» [\[107\]](#). Вопреки распространенному мнению, Сталин по российским меркам конца XIX — начала XX века не был уж очень маленького роста. После 60 лет фигура Сталина стала медленно оплывать, но до конца жизни он весил около 70 килограммов при росте 170 сантиметров [\[108\]](#). Правда, он очень не любил, когда в непосредственном окружении находились люди выше его ростом. Говорят, когда его фотографировали, он, если была возможность, становился на ступеньку выше других. Когда в 1930 году его запечатлели на трибуне Мавзолея рядом с долговязым Максимом Горьким, которому он едва доставал своей головой с фуражкой до плеча, то эти кадры при жизни Сталина больше не показывали народу. И это несмотря на то, что он всячески демонстрировал свою близость к пролетарскому писателю. На двойном фотопортрете Сталина и Горького, снятых на фоне книжных полок, помещенном в «Краткой биографии», заметна легкая неестественность — то ли Горький сполз чуть ниже с дивана, то ли Сталин подложил под себя стопку книг, но два героя разного масштаба сидят строго на одной линии, вдумчиво глядя друг другу в глаза.

Сталину явно нравилось, когда маршалы и охранники, советские герои и героини были дородны, с выразительными открытыми лицами, ясноглазы и светловолосы. Все это ему нравилось точно так же, как и жгучему брютету, малорослому Наполеону и нервическому темноволосому Гитлеру.

Впрочем, на Кавказе, как и у многих восточных народов, независимо ни от чего, издревле питают слабость к рыжим и ясноглазым. Рыжий ребенок в семье — вестник благополучия и счастья. Как известно, у дочери Сталина Светланы в детстве волосы были темного золота. Тогда он ее очень любил.

Сталин лично тщательно отбирал свои фотопортреты для подарков и публикаций. По всей стране за ними следила цензура. Вообще, изобразительный ряд имел для него огромное значение с психологической и пропагандистской точек зрения. Когда во второй половине 30-х годов он приступил к редактированию школьных учебников по истории для младших классов, то особое внимание уделил портретам. Причем как своим, так и соратников. От фотографов он требовал, чтобы они не снимали его слишком близко; с детства на его лице сохранились следы от оспы. Переболел он ею в возрасте семи лет [\[109\]](#) и с тех пор рассматривал ее последствия как свой серьезный физический недостаток. Отмечают, что только незадолго до смерти его лицо необычно порозовело. Произошло это под влиянием гипертонической болезни. Большую часть жизни у него был землистый цвет лица, на фоне которого слабо виднелись буроватые следы от оспы на нижней части лба, на щеках, на носу, на подбородке. Над правой бровью и под левым глазом — две довольно заметные родинки. Такие же следы от оспы были и на непропорционально толстой шее. Может быть, отсюда особое пристрастие Сталина к наглухо застегнутому воротнику полувоенного френча и к стоячим воротникам «николаевских» военных мундиров послевоенного времени? Шея казалась особенно сильно развитой по сравнению с узкими плечами и заостренной в подбородке и затылке головой. После вскрытия выяснилось, что у него был маленький мозг (1341 г), а левое полушарие, ответственное за логический процесс, больше правого, курирующего эмоциональную жизнь человека. Как и у Ленина, его мозг покрывала «твердая мозговая оболочка, местами сращенная с костями черепа» [\[110\]](#).

Впервые я увидел собственными глазами посмертный слепок с лица и головы Сталина в середине 70-х годов прошлого века в его музее в Гори. Бросился в глаза этот самый заостренный подбородок и под тщательно зачесанными после смерти волосами удлиненный в затылке маленький череп. Точь-в-точь такой же, как под зализанными длинными волосами череп Ивана Грозного в одноименном фильме Сергея Эйзенштейна.

Покатый лоб, низко очерченный жесткими с ранней сединой волосами, карие с желтизной глаза, не самый крупный «кавказский» нос, полоса широких усов, которые были явно ему к лицу, — таков схематичный, но достаточно реалистический лицевой портрет вождя, ставший почти неизменным с начала 30-х годов. До этого времени он искал «свое» лицо,

периодически менял прически и чаще зачесывал волосы направо, делая тщательный левый пробор. Одна из последних таких фотографий была опубликована в сборнике, посвященном 50-летию со дня рождения. Там он похож на пожилого интеллигентного рабочего или мастерового, подстриженного и приглаженного накануне церковного праздника [111]. С моей точки зрения, такая прическа была ему больше к лицу, но под головным убором она быстро нарушалась. Открытый же от волос лоб и слегка откинутаая назад голова делали лицо более устремленным, «мудрым и прозорливым». Добавим к портрету немного эмоциональной окраски.

Без всяких имиджмейкеров он так хорошо изучил свой лик, что умел его «делать» так, как «делают» свое лицо актеры. И как у всякого хорошего актера, у него была богатейшая палитра проявлений эмоций: от мягких, женственных до звериных. И еще он умел держать паузу. Поэт, литератор и очень непростого склада человек К. Чуковский 22 апреля 1936 года присутствовал на съезде советских писателей. Сидел в шестом или седьмом ряду и поэтому все хорошо видел. На следующий день Чуковский в своем дневнике записал: «Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое...» У него «прелестная улыбка», — зачарованно пишет Чуковский [112]. И она действительно у него хороша. Вот он выходит под свет юпитеров кинохроники после бессонной рабочей ночи. Он поднимает голову вверх, его брови приподняты, они разметаны, на лицо льются потоки света, и оно действительно как-то женственно озаряется изнутри. Пауза. Утомленные бессонницей глаза чуть прикрываются от слепящего света, но не верхними, а нижними веками. Так делают кинозвезды перед камерой или взрослеющие девочки, когда чувствуют на себе заинтересованный мужской взгляд. Это вождь может быть и не до конца осознанно кокетничает перед своим народом, перед целым миром. Но сколько настроений, а главное, обстоятельств, столько у него подлинных лиц, масок и личин.

На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году Н.И. Ежов с восторгом рассказал о том, как Сталин, поучая Г. Ягоду придерживаться «троцкистско-зиновьевской» версии убийства Кирова, рывкнул в телефонную трубку: «Смотрите, морду набьем» [113]. Своему другу и соратнику наркому К.Е. Ворошилову в марте 1929 года, то есть лет за двадцать до того, как он объявит его английским «шпионом», Сталин весело написал: «Мировой вождь, едри его мать. Читал твой доклад — попало всем, мать их туда» [114]. Нередко смачно матерился, даже в присутствии дочери.

Всех интонаций, все множество сталинских масок и личин нам не возродить и не описать.

* * *

Для целей массовой пропаганды он предпочитал использовать не фотографии, даже отретушированные, и кинохронику, а художественные портреты и скульптуры. Очень быстро выработался канонический, улучшенный облик вождя, который до сих пор многие путают с его реальным портретом. Советские мастера изобразительных искусств очень быстро сообразили, что можно убрать или добавить к портрету, чтобы разные народы СССР легко признали в нем свой идеал «друга, отца и учителя». В этом отношении большой опыт был накоплен еще с царских времен. Приведу фрагмент разговора, который произошел в 1926 году между Сталиным, его женой Надеждой Аллилуевой и скульптором Марией Рындзюнской: «На пожелание Надежды Сергеевны увидеть портрет очень похожим я сказала, что работаю это не для семьи, а для народа. Если какая-либо часть будет больше или меньше, то и я на это иду. “Вот, например, у Вас (Сталина. — *Б.И.*) подбородок имеет линию уходящую, а я Вам сделаю его вперед, и так все остальное. Ведь не секрет, что мы жили с Вами при царе — помните, как народ, проходя мимо портрета царя, искал, хотел видеть и понять по изображению, — почему он царь, но тогда он был по наследству, а теперь же я хочу, чтобы публика, проходя мимо моего изображения, поняла, — почему Вы один из наших главков”. “Вы совершенно правы”, — сказал Сталин» [\[115\]](#). Именно таким, с выдвинутым вперед подбородком, с чистым отвесным лбом, увенчанным зачесанными назад волосами, с чуть откинутой головой, с хорошо сбитой, лишенной сутулости фигурой, видели люди своего вождя, изо дня в день в газетах, на фасадах домов, на плакатах, в художественных кинофильмах, на постаментах привокзальных площадей. В жизни он, конечно, лишь напоминал своих бесчисленных нестареющих двойников. Фейхтвангер сразу подметил то, во что даже часть наших современников не очень верит: «На портретах Сталин производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. В жизни он скорее небольшого роста, худощав, в просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен» [\[116\]](#).

Многие отмечают, что Сталин предпочитал гражданским ботинкам мягкие сапоги, поскольку, мол, он был кавказцем, а там сапоги в виде кожаного чулка без каблука издревле носят горцы. Действительно, в таком

сапоге удобно ходить по опасным горным тропам, чувствуя подошвой каждый камешек, или на гладкой сцене несколько минут танцевать лезгинку. Но на паркете кремлевских кабинетов и в залах дипломатических приемов даже человек со здоровыми ногами много в кожаных чулках не проходит. На фотографиях и на кадрах кинохроники Сталин запечатлен в обычных армейских сапогах на каблуках, но иногда с несколько укороченными, на казачий манер, голенищами. Когда он надевал маршальский мундир — то под него хорошо разношенные ботинки. Френч цвета хаки, полы которого полностью скрывают бедра, такого же цвета, вправленные в сапоги брюки — обычная довоенная форма вождя. Хотя простонародная гражданская одежда того времени (рубашка навыпуск, длиннополая, почти до колен, куртка и картуз) шла, как мне кажется, ему больше. Очень не любил шляпы, галстуки, пиджаки, которые иногда носил в молодости и по необходимости в зрелые годы. Печатать фотографии в «интеллигентской» одежде он не разрешал и самолично вычищал их из публикаций. Увоенный им военизированный стиль одежды — это тоже результат длительных поисков. По существу, он вернулся к моде времен Первой мировой и Гражданской войн. Тогда похожим образом одевались многие комиссары Временного правительства, в том числе премьер Керенский, а после них Ленин, Троцкий, Радек и другие. «Это скорее намек на военную форму, — писал Барбюс, — упрощенная одежда простого солдата: куртка защитного цвета, сапоги, штаны. Вы стараетесь вспомнить, видели ли вы его одетым иначе? — Нет. Разве только летом, когда он одет в белое полотно» ^[117]. На голове округлая «сталинка» — особого покроя фуражка. Эта одежда была не только ритуально непритязательна и скромна, но и функционально ему необходима.

Дело в том, что его телосложению было свойственно несколько анатомических особенностей. Чтобы не быть голословным, приведу свидетельства людей, обладавших особым профессиональным взглядом. Это рассказы уже упоминавшейся женщины-скульптура М.Д. Рындзюнской, врача-курортолога И.А. Валединского и академика А.Л. Мясникова, присутствовавшего при кончине Сталина и на вскрытии трупа.

Профессиональный скульптор Мария Рындзюнская благодаря личному знакомству с Надеждой Аллилуевой одна из первых получила возможность запечатлеть вождя с натуры. Первый раз она увидела Сталина в здании ЦК в конце лета 1926 года. Затем Сталин вместе с женой посетил ее в мастерской на улице Воровского. Удивительно передана атмосфера сталинских «покоев» в ЦК: «Первое, что меня поразило в этом учреждении, поразительная чистота и какая-то молчаливая скупость, если можно так выразиться. Скупость слова, скупость движений, ничего лишнего»

[118]. Рындзюнскую так испугала эта «скупость», что при повторной встрече она решилась сказать об этом Сталину: «...я была так взволнована визитом к Вам в ЦК, что была немного смущена». Товарищ Сталин рассмеялся: “Небось струсили, испугались?” — “Не струсил, а просто бежала сломя голову, так показалось жутко у Вас”. — “Я очень, очень доволен, так и надо”, — сказал он, добродушно улыбаясь» [119]. Это всего лишь 1926 год, а ЦК (как и Кремль) уже превращен «простым и теплым» Сталиным в мавзолей власти. В его специфически «скупой» атмосфере живет и работает, казалось бы, совсем обычный человек. По определению Троцкого — «самая выдающаяся», но все же «посредственность». Вновь предоставим слово зоркой женщине, явно очарованной Сталиным, но остающейся профессионалом-скульптором.

«Меня встретил человек **среднего роста**, с очень широкими плечами, крепко **стоящий на двух ногах**. Это, может быть, дико слушается, но это, например, для меня как скульптора очень важно. Повторяю, среднего роста, **на двух ногах** крепко стоящего человека. И точно вылитая из одного металла с торсом, сильно развитой шеей голова, со спокойным твердым лицом... Сила, до отказа поражающая и захватывающая, с крепко сидящей головой, которая не представляешь себе, чтобы могла повернуть направо и налево, **только прямо и только вперед**» [120] (все выделено мной. — Б.И.).

За исключением широких плеч (ее обманули ватные подкладки кителя) замечание скульптора чрезвычайно точно отражает характерную особенность облика Сталина. Фотографии и кадры кинохроники наглядно передают странную «двуногость» Сталина. Казалось бы, что здесь такого, весь человеческий род двуног? Но взгляните, например, в довоенную фотографию, помещенную в его «Краткой биографии». Он «двуного» стоит на палубе крейсера «Червона Украина» [121]. Или просмотрите кадры кинохроники. Вот он идет по кремлевскому двору с группой соратников. У Сталина странная походка — две ноги как бы самостоятельно несут слегка наклоненное вперед малоподвижное туловище, с неестественно торчащей из кармана пальто левой рукой. Левая нога заметно отбрасывается в сторону. Вот он в 1945 году поднимается по лестнице Мавзолея, чтобы принять парад Победы. Он как-то чересчур прямо и подчеркнуто твердо ставит на нее свои ступни. Когда в процессе движения ему надо повернуть, он это делает не как большинство людей, последовательно поворачиваясь головой, шеей, затем корпусом, а по-армейски, всем телом сразу. Хотя в армии никогда не служил. Так что действительно создается впечатление, что он движется «только прямо и только вперед».

Все эти особенности связаны с тем, что у Сталина был широковатый для мужчины таз (отсюда длинные полы френча), его мучили сильные

мышечные боли, периодически сковывавшие движения, у него были непропорционально длинные и узкие ступни ног, а главное, сросшиеся пальцы на левой ноге. Из-за всего этого — и особенности походки. О его физическом недостатке издавна ходило множество слухов. Источниками этих слухов были, возможно, близкие (в том числе и женщины) или архивисты и врачи. Скорее всего, врачи, имевшие доступ к телу и медицинским картам.

Мне рассказывали, что еще до войны в народе бродили разговоры о том, что у кремлевского правителя сросшиеся на ноге пальцы — признак сатанинского копытца. Недаром булгаковский Воланд, окруженный членами своего куда более симпатичного «политбюро», просит Маргариту растереть покалеченную при изгнании с небес левую ногу. Не будем приумножать мифы — у Сталина не было рудиментов копыта, и тем более десница Господа даже в гневе не касалась его. Просто это был не самый тяжелый среди человеческого рода врожденный анатомический недостаток. Врачи посоветовали носить в сапогах вполне обычные для многих супинаторы. За границей СССР о ноге вождя узнали тогда же, еще до войны [\[122\]](#), и, скорее всего, от врачей или из дореволюционного протокола полицейского осмотра [\[123\]](#). В архиве Сталина сохранились копии полицейских документов за 1904 год с описанием особых примет. Среди них значится: «На левой ноге 2-й и 3-й пальцы сросшиеся» [\[124\]](#). В России даже многие родные и близкие соратники ни о чем не догадывались.

Сталин любил бывать на море, но публичных морских купаний избегал. Даже дочь, как уже говорилось, впервые увидела его обнаженным только мертвым. По поводу этой злосчастной ноги поэт Ф. Чуев задавал вопросы и В. Молотову, и бывшему охраннику, а затем коменданту Большого театра А. Рыбину. И тот и другой заявляли, что ни о чем таком не знают. Впрочем, Чуев, задавая вопрос, как это нередко с ним случается в публикациях интереснейших бесед, сознательно «передернул». Рыбин, по его словам, вспоминал: «Иногда Сталин, закатав свои брюки с лампасами, ходил босиком по воде. Я и спросил А. Рыбина, было ли у Сталина на ноге шесть пальцев, о чем прочитал в одном “демократическом” издании в разгар перестройки. Рыбин даже опешил: “Если б было, мы бы, наверное, сразу обратили внимание...”» [\[125\]](#)

На самом деле речь шла не о шести пальцах, что действительно не заметить было трудно, а о сросшихся пальцах, что не так уж бросается в глаза. И никакие «демократы» здесь ни при чем. Кремлевские врачи обо всем этом и много еще о чем достоверно знали уже в середине 20-х годов. В медицинской карте своего пациента они записали: «Сращивание пальцев

левой ноги» [\[126\]](#). Знали и за границей те, кому это было интересно. Не все было в порядке и с пальцами правой ноги. Первые два пальца были неестественно разогнуты со сморщенными утолщенными ногтями бурого цвета [\[127\]](#). Одна из многочисленных умильных легенд, связанных с особой скромностью Сталина в быту и одежде и, в частности, с его склонностью изнашивать обувь до последней крайности, до дыр на подошве, легко объясняется нежеланием разносить новыми ногами новые сапоги. К тому же по понятным причинам вряд ли ему угрожала опасность промочить или обморозить на улице ноги даже в худых сапогах или ботинках.

Помимо указанных, у Сталина было еще несколько серьезных физических недостатков. Один из них скрыть было практически невозможно — это плохо разгибавшаяся в плече и локте левая рука. Происхождение его объясняли по-разному, и похоже, что вождь был заинтересован в таком разномое. Одни утверждали, что рука искалечена в результате ранения, которое он получил во время дерзкого нападения с группой боевиков в Тифлисе на банковский экипаж. Но более распространенная версия, которую он сам изложил второй жене Надежде Аллилуевой в 1917 году [\[128\]](#), а через несколько лет и кремлевским врачам и которую усвоили некоторые его соратники, заключалась в том, что он якобы в шестилетнем возрасте попал под колеса фаэтона. В результате ранения на локте образовалось нагноение, которое привело к ограничению движения руки [\[129\]](#). Злые же языки утверждали, что ребенку руку повредил в пьяном угаре отец. Но, скорее всего, все эти версии далеки от реальности.

Воспоминания врачей, истории болезней и смерти Сталина многое проясняют не только в причинах пристрастного отношения вождя к медицинским светилам, но и, как мне кажется, проливают дополнительный свет на его внутренний мир и даже на внешний облик, казалось бы, и без того хорошо известный миллионам людей XX века.

Всю жизнь с раннего детства и до последних дней Сталин много и нередко очень тяжело болел. В архиве Сталина хранится часть медицинских карт, выписки из историй болезни (в том числе и из последней), результаты различных анализов, обследований и вскрытия трупа. Картина вырисовывается не полностью, так как практически нет данных о военных годах. Есть сведения, что зимой 1943 года у него случился инсульт. Совпал ли он с событиями Сталинградского сражения неизвестно, но страна не подозревала о том, что в течение какого-то времени народ побеждал без своего главнокомандующего. Думаю, что по этой причине медицинские карты за военный период до сих пор засекречены. В открытых материалах первая запись относится к 25 марта 1921 года, когда ему сделали операцию

по поводу аппендицита [\[130\]](#), последняя — акт патологоанатомического вскрытия, датированный почему-то июлем 1953 года [\[131\]](#). Все, что происходило с его здоровьем до 1921 года, было записано со слов самого Сталина или было обнаружено в результате объективных обследований. Позже были найдены полицейские архивные материалы с описаниями анатомических особенностей молодого революционера, с которыми я также ознакомился.

Так, кремлевские врачи зафиксировали, что у сорокалетнего пациента увеличено сердце и что он перенес в детстве малярию [\[132\]](#). Когда это произошло точно, неизвестно. В феврале 1909 года, в ссылке, в вятской земской больнице Сталин перенес возвратный тиф [\[133\]](#), а в 1915 году, опять же в ссылке в Сибири, в Туруханском крае, — суставной ревматизм, который периодически обострялся, чередуясь с острыми вспышками ангины и гриппа [\[134\]](#). Первый раз тифом он заболел еще в младенческом возрасте. Говорят, что от тифа тоже в младенческом возрасте умер его старший (второй) брат Георгий [\[135\]](#). Как известно, тиф — это остроинфекционное заболевание, в мирное время возникает только там, где отсутствует элементарная гигиена, то есть в обстановке полного обнищания. В царской России, как и сейчас, значительные районы Кавказа и Закавказья находились в таком состоянии. Впрочем, как и в Советском Союзе. Отметим, что у людей, перенесших тиф, появляются язвы на стенках желудка.

Туберкулезом Сталин заболел еще до революции. Им часто болеют целыми семьями. Говорили, что первая жена Сталина Екатерина Сванидзе умерла или от тифа, или от скоротечного туберкулеза. Возможно, что Сталин заболел туберкулезом в одной из ссылок. Известно, что сосланный в Туруханский край, в приполярную деревню Курейка, он первое время поселился в одной комнате с Я.М. Свердловым. Но вскоре они рассорились и разъехались. По одной из версий, причиной тому стало нежелание Сталина готовить пищу и мыть по очереди посуду. У Свердлова, как и у многих сосланных революционеров, была открытая форма туберкулеза, от которой он вскоре после революции умер. Так что дело, видимо, было не только в сталинской барственности и нечистоплотности, а в боязни вновь заразиться. Была и другая, еще более серьезная причина их несогласия, о чем мы еще расскажем. А на Сталина, как об этом написал с его слов А. Барбюс, сухие сильные сибирские морозы подействовали благоприятно и привели к резкому улучшению здоровья [\[136\]](#). Во всяком случае, в 1926 году у Сталина был зафиксирован застарелый, но уже не активный туберкулез.

Как показало посмертное вскрытие, в правом легком произошли сильные патологические изменения, а его верхушка оказалась плотно

припаяна к плевре. На фонограммах с записью голоса Сталина отчетливо слышно его тяжелое, неполное дыхание. Возможно, что в какой-то степени и по этой причине Сталин даже на трибуне говорил очень тихо и без микрофона старался не выступать. В последние месяцы жизни его стала мучить такая сильная одышка, что он, заядлый курильщик, отказался от этой привычки.

Но если тиф и туберкулез — остроинфекционные заболевания, то суставной ревматизм (согласно современной медицинской терминологии — ревматоидный артрит) — это распространенное хроническое заболевание, которое чаще всего начинается в детстве и в подростковом возрасте, но развивается постепенно и заметным для окружающих становится в зрелые годы. В 1904 году, когда ему было 25 лет, полицейские отметили в качестве «особой приметы: движение левой руки ограничено вследствие устарелого вывиха» [\[137\]](#). Причина указана скорее всего с его слов. Если бы у него действительно была заметная травма руки с дореволюционных времен, то о ней знали бы многие из тех, кто был с ним тогда знаком. В том числе Микоян, который впервые увидел Сталина в 1919 году, а узнал о его проблемах с рукой только в 1923 году, в том самом, когда Сталин первый раз обратился по этому поводу к кремлевским врачам. В старости Микоян рассказал о таком эпизоде: «Сталин вышел из кабинета с перевязанной рукой. Я это увидел впервые и, естественно, спросил, что с ним. “Рука болит, особенно весной. **Ревматизм, видимо** (выделено мной. — *Б.И.*). Потом проходит”. На вопрос, почему он не лечится, ответил: “А что врачи сделают?” У него было скептическое отношение к врачам и курортам. До этого он один раз отдыхал в Нальчике, в небольшом домике, без врачебного надзора» [\[138\]](#).

С легкой руки Микояна и по рекомендации врачей, к которым он все же обратился, Сталин начиная с 1923 года регулярно ездил на солнечные курорты Крыма и Кавказа, где проводил не менее одного, а то и двух месяцев в году и лечился главным образом минеральными ваннами. Кроме военных лет он будет ездить на эти курорты постоянно, не только из желания отдохнуть от государственных дел, а по необходимости. Однако лечение и курорты не приведут к радикальным улучшениям здоровья. Болезнь медленно прогрессировала. В 1926 году кремлевские врачи фиксируют уже не только боли в мелких суставах рук и ног, а отмечают, что наблюдается небольшая атрофия мышц левого предплечья. Жалобы на общую усталость, на боль в пальцах левой руки и на новую напасть — изнурительный понос (диарея). И все это на фоне необыкновенной политической активности.

В конце того же 1926 года собирается врачебный консилиум, который выносит следующее, уже более определенное заключение — болезнь Эрба [\[139\]](#). Наступил 1927 год. Сталин на пороге главного политического триумфа — полного разгрома своих основных врагов, бывших соратников Ленина. А врачи вновь фиксируют приступ хронической ангины, считая ее причиной обострения ревматических явлений, и ставят дополнительный диагноз: «Миалгия и артрит левой верхней конечности» [\[140\]](#). Здесь необходимо пояснить, что это за болезни: Эрба, миалгия и артрит.

Ревматоидный артрит знаком, к сожалению, многим. Как утверждает современная Медицинская энциклопедия, это «системное воспалительное заболевание соединительной ткани с преимущественным поражением суставов». Больные обычно жалуются на боль в суставах и скованность в движениях по утрам. Отметим, что при этом отмечается деформация пораженных суставов вплоть до их подвывихов и частичных разрушений (анкилозов и контрактур) [\[141\]](#). Так что левая рука была, скорее всего, поражена болезнью, а не травмирована в результате ранения. Фаэтон в детстве мог быть реальностью, но, наверное, без каких-либо серьезных последствий.

Несмотря на все усилия врачей, ванны с минеральной водой и курорты, рука все более теряла подвижность и постепенно слабела. Ее суставы распухали и краснели, Сталин чувствовал постоянный хруст в коленях, в области лопатки и в шее при повороте головы. К 1928 году левая рука Сталина была уже в два раза слабее правой, и он с трудом поднимал ею что-нибудь тяжелее трубки или папиросы. Как уже говорилось, его мучили боли в мышцах — миалгия или ее разновидность — мышечная дистрофия в форме болезни Эрба [\[142\]](#). Это генетическое заболевание передается по наследству при условии, что оба родителя сразу являются носителями мутантного гена. Первые ее признаки начинают проявляться в подростковом возрасте [\[143\]](#).

О том, что болезнь Эрба наследственная, врачи узнали достоверно только в наше время после становления генетики. Не могу не отметить, что как судьба отомстила Наполеону поражением в войне с Англией за его пренебрежение к изобретенному паровому двигателю, Гитлеру — за недоверие к ядерным исследованиям, так она отомстила и Сталину за его мракобесие по отношению к генетике. Всем им судьба ловко и расчетливо расставляла ловушки. Правда, она это делала часто слишком поздно.

Трое суток, с первых часов ночи 2 марта и до 21 часа 50 минут 5 марта 1953 года, смерть в прямом смысле слова душила Сталина. Дочь наблюдала агонию: «Отец умирал страшно и трудно... Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все нервные центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центр дыхания, и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последний час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах» [\[144\]](#).

Смерть и обстановка ей сопутствовавшая почти сразу же стали обрастать домыслами и слухами. Причиной этих слухов был не только он сам, умерший в самый разгар затеянного им же «дела врачей-убийц», как бы самым страшным образом намекая своей смертью на реальность «врачебно-сионистского заговора». Были и другие причины.

Еще в 1932 году по инициативе М. Горького и при поддержке Сталина было решено создать специальное научное учреждение — Институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), перед которым поставили задачу поиска способов продления человеческой жизни [\[145\]](#). Накануне этого решения, летом 1931 года, смертельно больной туберкулезом Горький встретился со Сталиным и, рассказав ему о книге видного английского философа Бертрانا Рассела «Научное предвидение», увлек его надеждой продления жизни с помощью медицины. Затем опубликовал большую статью в «Правде», где он рассуждал о том, как уберечь людей от старения и преждевременной смерти. За его статьей последовала серия публикаций ученых и врачей на ту же тему. Как всегда в таких случаях, это означало, что и тема и статьи получили благословение сверху. Институт, здание которого начали лихорадочно строить под Москвой, в Серебряном Бору, возглавили личные врачи Сталина профессора Б.С. Преображенский и А.Д. Сперанский. В качестве ведущего специалиста был приглашен с Украины профессор А.А. Богомолец, который в 1938 году опубликовал книгу под соблазнительным названием «Продление жизни». В Киеве был открыт филиал института. (Горький предлагал открыть шесть таких филиалов, в том числе и на Шпицбергене.) ВИЭМ оснастили лучшим по тем временам оборудованием, и он был укомплектован лучшими специалистами. В 1944 году на базе института развернули Академию медицинских наук.

Давали ли специалисты института какие-либо рекомендации лично для Сталина или Горького и других — неизвестно. Накануне войны в

зарубежной печати появились сообщения о создании Богомольцем «сыворотки молодости», благодаря которой якобы Калинин и Сталин продлевают свою жизнь ^[146]. Во всяком случае, среди важнейших учреждений, которые срочно эвакуировали в первые месяцы войны из Киева в Уфу, был институт Богомольца. В самом конце войны вышло новое издание, уже массовым тиражом, книги «Продление жизни», а сам автор был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда», удостоен звания Героя Социалистического Труда. После войны продолжали циркулировать слухи и печататься популярные труды о медицинских возможностях бесконечного продления жизни. В сталинской библиотеке до сих пор находится несколько десятков книг по медицине, в первую очередь по неврологии, по проблемам старости, продления жизни и курортологии.

После войны появилась и новая тематика, связанная с дружественным коммунистическим Китаем. Я очень хорошо помню разговоры о том, что древнекитайские медики будто бы давно открыли эликсир молодости или продления жизни и что, судя по всему, «наш вождь и учитель» будет жить очень долго. Слухи эти, без всякого сомнения, поддерживались тайной полицией. Но то, что Сталин после войны, по совету Поскребышева, постоянно принимал какие-то капли, которые держал в аптечке, — это достоверный факт. Скорее всего, это было общеукрепляющее средство, нечто вроде экстракта женьшеня. Но, пожалуй, важнее — личностная специфика сталинской пропаганды, к которой был непосредственно причастен и цвет советской интеллигенции.

На протяжении нескольких десятилетий, из года в год, изо дня в день, через печать, радио, кино, на всевозможных торжествах, партийных форумах и государственных мероприятиях, на обычных, почти семейных ночных посиделках с ближним политическим кругом на сталинской даче, — везде нескончаемым потоком лилось славословие. Главными пунктами этого славословия были пожелания вождю «здравия» и «вечной жизни». К нему, как к древнеегипетскому фараону, как к земному воплощению божества, зывали в песнях, стихах и обращениях не только в дни юбилеев, но повседневно и даже ежечасно. Впрочем, так же часто обращались с ритуальными пожеланиями здоровья царю православные священники по всей дореволюционной России.

Вот только одна микроскопическая капля из этого потока. Прославленный полярник и мужественный человек И.Д. Папанин послал приветствие к очередному юбилею: «Вы бессмертны, наш любимый вождь. Живите еще трижды по столько, сколько вы прожили до сих пор!» Это еще (или уже!) 1929 год. Сталин на вершине власти всего лишь пять лет.

Чем более беспощадно он вырубал человеческий «лес» и особенно молодую партийную «поросль», чем больше летело «щепок» от этих порубок («Лес рубят — щепки летят», — любил приговаривать он в разгар репрессий), тем больше ему самому хотелось жить, и жить как можно дольше. Знаменитый фантаст и мудрый утопист Герберт Уэллс, повидавший на своем веку почти всех великих государственных деятелей, с англосаксонской сдержанностью отнесся к восторгу А. Бубнова, сталинского наркома просвещения и одного из немногих неотстраненных старых большевиков. Встретившись с ним в 1934 году, Уэллс написал: «Бубнов и Сталин последние из оставшихся в живых вождей, которые участвовали в фанатической борьбе в момент революции, и он сказал, что они оба собираются прожить 100 лет, чтобы увидеть, наконец, плоды русского процветания» ^[147]. Бубнов не прожил и пяти лет после этой встречи, так как был расстрелян. В 1935 году Анри Барбюс в панегирике «Сталин» восторженно всхлипнул: «В этой великой стране... ученые начинают действительно воскрешать мертвых и спасать живых кровью трупов...» ^[148] Не знаю, как это по-французски, но в русском переводе это прозвучало страшно.

* * *

Все эти высказывания, статьи, книги о продлении жизни и правительственные решения появлялись на фоне постоянно муссировавшихся сообщений о раскрытии заговоров с целью покушения на жизнь отдельных членов Политбюро и особенно товарища Сталина. Сердобольный и якобы оппозиционно настроенный Горький направил Сталину записку, прочитав в марте 1935 года первый циркуляр о «причинах» падения Авеля Енукидзе:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Не так поражает поведение Енукидзе, как постыдно равнодушное отношение партийцев к этому поведению. О том, что старик тесно окружен дворянками, меньшевичками и вообще говенными мухами — давно знали и говорили даже беспартийные... Чем ближе к войне — тем более усиленно будут мерзавцы всех мастей стараться убить Вас, дабы обезглавить Союз. Это — естественно, ибо враги хорошо видят: заменить Вас — некем... Берегите себя. Мировая — всемирная — ненависть к Вам всех подлецов и мерзавцев говорит Вам о Вашей величине, о значительности Вашей работы так же красноречиво и убедительно, как горячая любовь всех честных, искренних революционеров...» ^[149]

Мало кто знал и знает до сих пор, что уж в чем в чем, а в физическом и душевном здоровье Сталин действительно нуждался всю жизнь. И особенно в эти роковые для советских людей 30—50-е годы. Даже дочь, когда вспоминала об отце, пользовалась скорее сведениями, почерпнутыми из разговоров и слухов: «Здоровье отца было, в общем, очень крепким. В 73 года сильный склероз и повышенное кровяное давление вызвали удар, но сердце, легкие, печень были в отличном состоянии. Он говорил, что в молодости у него был туберкулез, плохое пищеварение, что он рано потерял зубы, часто болела рука, покалеченная в детстве. Но, в общем, он был здоров. Сибирские сухие морозы оказались нетрудными для южанина, и во второй половине жизни его здоровье только окрепло. Неврастеником его никак нельзя было назвать; скорее ему был свойственен сильный самоконтроль» [\[150\]](#). Почти все здесь не так, кроме замечаний о самоконтроле, туберкулезе и пищеварении.

* * *

Никто не обратил пока должного внимания на то, что «дело» Бухарина одновременно является первым делом «врачей-убийц» и вообще — «отравителей». С Бухариным судили трех виднейших медицинских светил того времени: Д.Д. Плетнева, Л.Г. Левина и И.Н. Казакова, как организаторов под прикрытием медицины покушений на Сталина, убийства А.М. Горького, его сына А. Пешкова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева и других. Самого близкого до определенного времени сталинского соратника-палача Г. Ягodu судили на процессе Н. Бухарина тоже как «отравителя». Это тем более примечательно, что Ягода по своей первоначальной профессии был фармацевтом. По специфически «врачебному» признаку 1938 год довольно тесно связан с 1953 годом. Какова причина, откуда у Сталина эта упорная, почти маниакальная тенденция втянуть в очередной кровавый круговорот репрессий именно людей врачебной профессии? Даже вполне очевидная еврейская «проблема» не все до конца объясняет. Для того чтобы иметь предлог ввергнуть одну из древнейших российских наций в пучину нового геноцида, можно было использовать почти любой отряд советской интеллигенции. Наконец, можно было обойтись вообще без всяких серьезных предлогов, как он это сделал по отношению к калмыкам, чеченцам, балкарцам и другим. Но почему именно врачи?

Известно, что Сталин большую часть своей «кремлевской» жизни боялся быть отравленным. Можно, конечно, все свалить на патологическую подозрительность «отца народов». Но у сталинских страхов были и вполне

реальные причины. Массовые репрессии, особенно захватившие высшие эшелоны власти, должны же были привести хоть к какой-то попытке сопротивления. Сталин только по этой причине уж должен был быть всегда в нервном напряжении и настороже. В то же время он, без сомнения, сам был одним из инициаторов создания в недрах ОГПУ-НКВД специальной токсикологической лаборатории. Об истинной роли этой лаборатории в политической игре сталинской (и не только ее) эпохи не скоро станет все до конца известно. Но уже то, что о ней рассказал П. Судоплатов, один из руководителей НКВД-МГБ того времени, — вполне весомая причина для того, чтобы судить о том, что Сталин действительно возродил средневековую роль ядов и отрав в современной истории. Сотрудники этой лаборатории «привлекались для приведения в исполнение смертных приговоров и ликвидации неугодных лиц по прямому решению правительства в 1937–1947 годах и в 1950 году, используя для этого яды» [\[151\]](#). Так что политические убийства с помощью ядов у нас еще с тех пор стали обычным делом. Недаром Троцкий постоянно сравнивал Сталина с известнейшими в средневековой истории отравителями — Цезаре Борджиа и герцогом Сфорца. С древнейших времен известно, что профессиональные отравители больше всего боятся быть отравленными.

По свидетельству того же Троцкого, если в первые генсековские годы Сталину, как и всем членам правительства, приносили еду из столовой Совнаркома, то через несколько лет он из страха отравления стал требовать, чтобы готовили пищу дома [\[152\]](#). Тогда же он перестал покупать лекарства в кремлевской аптеке на свое имя [\[153\]](#). Скорее всего, эти требования совпали по времени с подозрительными затяжными расстройствами кишечника, которые его стали периодически мучить по крайней мере с 1926 года.

Сталин был очень эмоциональным и, видимо, нервным человеком, но прекрасно умеющим держать себя в руках. Эта бросающаяся всем в глаза и сознательно подчеркиваемая внешняя неторопливость и сдержанность создавали в глазах окружающих «впечатление о человеке какой-то удивительной стабильности и уверенной силы» [\[154\]](#). И это противоречие между нервным внутренним состоянием и подавляющей его волей было наотмашь по физическому и душевному здоровью вождя.

Еще в 1923 году он впервые пожаловался на то, что забывает имена, когда устает. В то же время бывают иногда головокружения [\[155\]](#). Раз Сталин счел нужным сообщить об этом врачам, значит, процесс зашел уже так далеко, что самостоятельно он уже не мог с ним справиться. Отметим, что это происходит в самом начале еще почти тайной борьбы с так называемой троцкистской оппозицией. Позже врачи подтвердили, что это была

«неврастения» ^[156]. Неврастения — заболевание, входящее в группу болезней, объединенных общим названием — неврозы ^[157]. «Неврастения проявляется повышенной раздражительностью, возбудимостью и утратой самообладания в сочетании с утомляемостью, слезливостью, чувством бессилия. В начале болезни возникают жалобы на трудность или невозможность продолжительной умственной работы в связи с рассеянностью, забывчивостью и отвлекаемостью. Для этого периода характерна нетерпеливость, неусидчивость, а также связанная с ними невозможность заниматься каким-нибудь одним делом. На этом фоне легко возникает подавленное настроение. При неврастении отмечаются вегетативные и соматические нарушения (см. Астенический синдром), принимаемые больными за симптомы соматической болезни. Как и при астеническом синдроме, при неврастении расстройство выражено слабее в утренние часы, то есть после отдыха, и значительно усиливается к вечеру, а также после физических и психических нагрузок» ^[158]. Практически все те признаки, которые зафиксировали врачи у Сталина, классически соответствуют клинической картине. Здесь и переутомление, и калейдоскопическое переключение с одного мероприятия на другое, и в то же время — подавленное состояние в конце рабочего дня. Для Сталина это вторая половина ночи, когда он с соратниками, а фактически — единолично принимал важнейшие государственные решения.

Видимо, в той или иной форме неврастения не оставляла его никогда. Почти все близко наблюдавшие его пишут о том, что дома Сталин мог сутками угрюмо молчать, грубо обрывая любые попытки вступить с ним в контакт. И до революции, и в октябре 1917 года, и во время Гражданской войны описаны случаи, когда он внезапно надолго исчезал или уединялся, никак не реагируя на окружающее. Чаще всего это происходило в критических ситуациях. Наиболее известен его срыв в первые дни после нападения Германии на Советский Союз, когда, как говорят, он «исчез» на даче на несколько дней. Впрочем, у каждого бывают в жизни моменты слабости, требующие уединения.

Диагноз — неврастения — был подтвержден в 1929 и в 1930 годах. Приступы неврастения, вне всякого сомнения, указывают на то, что у Сталина действительно были какие-то проблемы с психикой. Патологическая подозрительность Сталина общеизвестна.

В свете этого уже по-другому выглядит получившая широкую огласку история, связанная с крупнейшим отечественным психиатром и невропатологом академиком В.М. Бехтеревым. Не исключено, что он действительно был отравлен по приказанию Сталина после того, как побывал у него в декабре 1927 года и дал поспешное заключение —

паранойя. Вождь, возможно, проявил излишнюю доверчивость, согласившись принять Бехтерева, искренне беспокоясь о своей памяти, мучаясь нарастающей нервозностью, бессонницей и преследующими его страхами. Видимо, старый профессор подзабыл, что не всякому пациенту нужно ставить диагноз. Да и вряд ли он был безошибочный.

Скорее всего, так же не случайно, что профессор Валединский, написавший свои воспоминания к 70-летию вождя, то есть в 1949 году (скорее всего, на основании сохранившихся у него курортных медицинских карт или дневниковых записей), нарочито подчеркнул, что проведенное в Сочи летом 1927 года обследование «...показало, что организм Сталина вполне здоровый, обращало внимание его бодрое настроение, внимательный живой взгляд» [\[159\]](#). Иначе говоря, он подчеркнул хорошее, по его мнению, психическое состояние пациента. Летом 1928 года (после смерти Бехтерева) Валединский пригласил к Сталину для участия в консилиуме двух крупнейших специалистов: невропатолога В.М. Верзилова и терапевта А.В. Щуровского [\[160\]](#). Результаты их обследований неизвестны, но это говорит о том, что пациента Валединского продолжали мучить все те же болезни. Вот их основной набор: общая усталость и переутомление, боли в плече и пальцах левой руки, особенно при тряске на автомобиле, бессонница, частые инфекции (стрептококковые ангины с температурой 39–40 градусов), а самое главное, изнуряющие поносы, которые становятся постоянными спутниками жизни генерального секретаря.

Еще со времен ранения и болезней Ленина для лечения и консультаций кремлевских владык приглашали европейских светил медицины. В медицинской карте Сталина есть заключения нескольких таких специалистов. Возвращаясь домой, они, видимо, тоже многое рассказывали, а некоторые начинали болтать до отъезда. Не случайно поэтому на страницах советской печати время от времени появлялись всевозможные опровержения. Одно из таких личных опровержений вождя появилось в «Правде» 3 апреля 1932 года. Сталин, приближаясь к своему 70-летию, скорее всего, из чувства злорадной насмешки решил перепечатать в собрании сочинений это опровержение пятнадцатилетней давности. Привожу полный текст:

«Ответ на письмо председателя телеграфного агентства “Ассошиэйтед пресс” Г. Ричардсона.

Г-ну Ричардсону.

Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это

ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров. Что касается г. Цондека, он может заняться здоровьем других товарищей, для чего он и приглашен в СССР.

...

И. Сталин

« [\[161\]](#) ».

Обострения так называемого «гастроэнтероколита» странным образом совпадают с периодами осложнения внутренней или внешней политической ситуации. Кремлевские медицинские светила того времени вынуждены были дать ему ряд простых, но, как и для многих нервных и перегруженных работой людей, почти невыполнимых рекомендаций. Они предложили урегулировать образ жизни — своевременно принимать пищу, не превращать ночь в день и вовремя ложиться спать. Меньше пить и меньше курить, делать себе два выходных дня, ежегодно ездить на курорты [\[162\]](#).

Изменить режим дня он не мог, так как был ярко выраженной «совой» и пик активности приходился как раз на ночные часы. При нем все руководящие работники и в первую очередь члены Политбюро выработали в себе «совиные» навыки. Бросить пить было тоже не просто. Помимо того что он, как кавказец, любил застолье, грузинские вина и напитки покрепче, ночные пиры с ближним кругом носили еще и ритуально-политический характер. Во время их решались важнейшие государственные дела и нередко судьбы сидящих за столом подпаиваемых им людей. На курорты он, конечно, ездил, но они приносили лишь временное улучшение. Неизвестно, когда именно, но подозрение, что проблемы с желудком могут быть связаны с возможными покушениями через лечащих врачей, закралось в его сознание, видимо, с конца 20— начала 30-х годов. Возможно, поэтому он периодически менял своих врачей. Но все равно некоторые из них слишком многое знали о тайных делах и его реальных физических и психических недомоганиях.

В 1934–1936 годах одним из постоянных лечащих врачей Сталина был терапевт М.Г. Шнейдерович. После 1953 года, отсидев в тюрьме, Шнейдерович вспоминал, как его пациент до войны любил иногда «пошутить». Сталин как-то спросил врача: «Доктор, скажите, только говорите правду, будьте откровенны: у вас временами появляется желание

меня отравить?» Растерянный врач молчал. Тогда Сталин сокрушенно замечал: «Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете, но у меня есть враги, которые способны это сделать...» ^[163] Профессор Валединский, лечивший Сталина от мышечных болей и ангин с промежутками в 1926–1931 годы, а затем в 1936–1940 годах, вспоминал, что 5 января 1937 года во время застолья по случаю очередного выздоровления Сталин «говорил об успехах советской медицины и тут же сообщил нам, что среди врачей есть и враги народа: “О чем вы скоро узнаете”» ^[164]. Этот разговор состоялся накануне процесса Бухарина.

Вскоре после самоубийства в 1932 году жены он так основательно «законспирировался» в Кремле и на дачах, его пища и покои так тщательно охранялись, что единственно, кого он мог тогда реально заподозрить в покушении на него в связи с упорными расстройствами кишечника, были, конечно, врачи и соратники. Первый «врачебно-бухаринский» процесс 1938 года, как известно, закончился расстрелами и приговорами к длительному заключению. Среди прочих расстреляли профессоров И.Н. Казакова и Л.Г. Левина и к десяти годам приговорили профессора Д.Д. Плетнева. А когда наступила война, среди тех важнейших государственных «преступников», кого расстреляли без приговора суда в первый ее месяц в Орловской тюрьме (М. Спиридонова, Х. Раковский и другие), был и профессор Плетнев. Еще накануне ареста он говорил своим близким и ученикам, что считает себя обреченным, так как «слишком много знает» ^[165].

Хорошо осведомленные известные эмигрантские деятели Н. Вольский (Валентинов) и В. Суварин в 1953 году опубликовали работу, в которой, называя Сталина московским Калигулой, сообщили, что и Плетнев и Левин поплатились жизнью за подтверждение диагноза — паранойя ^[166]. Н. Валентинов в 1954 году в письме Б. Николаевскому рассказал, что в 1937 году заместитель В. Молотова Валериан Межлаук передал в Париж через своего брата Ивана обширные материалы, свидетельствующие о паранойе Сталина. По его словам, за это Ежов, сменивший Ягоду, собственноручно застрелил В. Межлаука. Николаевский в достоверность переданных материалов не поверил и считал, что все это свидетельствовало об «идеологической» подготовке к попытке свержения Сталина, которая началась еще накануне убийства Кирова ^[167]. До сих пор достоверных документальных свидетельств о паранойе Сталина, как в этом, так и в случае с Бехтеревым, пока не обнаружено. Однако приводимые здесь новые данные о здоровье Сталина говорят, что врачебная «проблема» действительно очень волновала Сталина и что совершенно не случайно, не

по велению извращенной фантазии параноидального диктатора в процесс 1938 года были вовлечены врачи и «фармацевт» Ягода. Не исключено, что именно всемогущий глава НКВД провоцировал тесно с ним сотрудничавших врачей на установление рокового диагноза. Если представить на мгновение, что Ягода, понимая шаткость своего положения, мог действительно готовить устранение Сталина (а если не готовил, то это тем более удивительно!), то лучшего предлога, чем душевная болезнь вождя, трудно было придумать. Всем сразу же все стало ясно. И никто бы не стал на защиту вождя-параноика. Главное — легко бы объяснялась причина массовых репрессий и других злодеяний Сталина, а сам Ягода из палача мог превратиться в спасителя Отечества. (Нечто подобное после смерти Сталина предполагал сделать Берия. Фактически вариант этой же версии, но сильно ослабленный провел в жизнь Хрущев на XX съезде партии.) Не исключено, что в этой игре Ягода мог отводить важные роли членам Политбюро Межлаку и Чубарю, а главное — Бухарину, с которым постоянно поддерживал хорошие отношения. Бухарин же мог об этом даже не догадываться. В своей предсмертной записке Бухарин написал: «Коба, зачем тебе была нужна моя жизнь?» Сталин всю жизнь ее хранил на даче, в ящике письменного стола, под старой газетой. Но все это лишь предположения.

Существует масса свидетельств того, что Сталин особенно опасался руководителей советской тайной полиции. В узком кругу он не раз говорил, что Ежов, сменивший Ягоду, прослушивает его телефонные разговоры и собирает на него досье. В последние годы, как единодушно считали Хрущев, Микоян, Молотов и другие, он очень опасался Берии, который якобы тоже собирал материалы, и, как недавно установили в результате реконструкции кремлевского кабинета Сталина, спецслужбы действительно прослушивали вождя. Так что это могли быть вполне реальные опасения.

А четко выраженной душевной болезни у Сталина все же не было. Но у него был «букет» из физиологических и невротических заболеваний.

Война принесла Сталину дополнительные нервные потрясения. Когда я впервые прочитал в воспоминаниях Микояна о событиях, произошедших с Верховным Главнокомандующим во время его единственной поездки на фронт в 1942 году, мне показалось, что старый партийный царедворец, в конце жизни крепко обиженный на своего владыку, пытается посмертно его унижить. Вот что он рассказал: «...Сам Сталин не очень храброго десятка.

Ведь это невозможное дело: Верховный Главнокомандующий ни разу не выезжал на фронт!.. Зная, что это выглядит неприлично, однажды, когда немцы уже отступили от Москвы, поехал по Минскому шоссе, поскольку оно использовалось нашими войсками и мин там уже не было. Хотел, видимо, чтобы по армии прошел слух о том, что Сталин выезжал на фронт.

Однако не доехал до фронта, может быть, около пятидесяти или семидесяти километров. В условленном месте его встречали генералы (не помню кто, вроде Еременко). Конечно, отсоветовали ехать дальше — поняли по его вопросу, какой совет он хотел услышать. Да и ответственность никто не хотел брать на себя или вызвать неудовольствие его. Такой трус оказался, что опозорился на глазах у генералов, офицеров и солдат охраны. Захотел по большой нужде (может, тоже от страха? — не знаю) и спросил, не может ли быть заминирована местность в кустах, возле дороги? Конечно, никто не захотел давать такой гарантии. Тогда Верховный Главнокомандующий на глазах у всех спустил брюки и сделал свое дело прямо на асфальте. На этом “знакомство с фронтом” было завершено, и он уехал обратно в Москву» [\[168\]](#).

Судя по приведенному эпизоду, Микоян, как и другие соратники, видимо, не знали о частых расстройствах желудка вождя. В самом этом факте нет ничего особенного. Именно у внешне сильных, волевых людей нервы или физиология дают самые неожиданные сбои. Троцкий, по свидетельству его жены Наталии Седовой, в самые ответственные периоды своей жизни, в начале Гражданской войны и в момент открытой схватки со сталинистами за власть в 1925 году страдал от острейших приступов кишечного колита и перемежающейся лихорадки [\[169\]](#). Зиновьев перед расстрелом рыдал и валялся в ногах у своих палачей. Об этом публично рассказал Сталину один из них, начальник его личной охраны Паукер. Рыков и Бухарин рыдали в 1938 году, когда их вызвали из тюремной камеры на заседание ЦК. Маршал Жуков, который недрожжащей рукой отправлял на смерть дивизии, армии и целые фронты людей, разрыдался в присутствии членов Политбюро в ответ на упреки Сталина. Было это в первый или во второй день войны. При случае могли всплакнуть и другие известные советские генералы.

Суровые государственные мужи рыдают или страдают расстройством желудка, в том числе и на нервной почве, гораздо чаще, чем это принято думать. Жизнь Наполеона на острове Эльба и Гитлера в последние годы войны недвусмысленно свидетельствует об этом. Вообще же история знает тому бесчисленные примеры. Денис Смит, исследователь жизни Муссолини, пишет о том, что дуче «упорно поддерживал миф о своем крепком здоровье». На самом же деле его постоянно мучили желудочные колики, приступы которых обострялись в периоды наиболее острых политических ситуаций. Временами его мучила кровавая рвота, он вынужден был сесть на строжайшую диету и предпочитал есть в одиночестве [\[170\]](#).

Есть и другие факты, говорящие о том, что Сталин в повседневной жизни мог быть трусом, но — все же смелым трусом. Даже Троцкий

однажды снисходительно написал: «Сталин лично не трус». Сталина по несколько раз в году изводили инфекционные болезни. После вскрытия обнаружилось, что у него были еще и спайки в области кишечника. Они тоже могли давать ощущения внутреннего напряжения и постоянного дискомфорта. Болезни подстегивали подозрительность. Подозрительность обостряла приступы неврастения. Все чаще преследовали мысли о возможных покушениях и смерти. Все более он опасался за свою жизнь и за власть. И этот страх сублимировался в невероятную, холодную, сверхчеловеческую жестокость, которая в свою очередь быстро привела к окончательной душевной омертвелости. Именно поэтому он не боялся быть жестоким и не стеснялся им прослыть. Он даже очень хотел этого. В «Краткой биографии» ни разу не говорится, что Сталин добр или великодушен, зато несколько раз подчеркивается, что он нетерпим и беспощаден к врагам. Он не боялся, как выразился Н.С. Хрущев, быть «государственным убийцей». Но за это бесстрашие Сталин вновь расплачивался изматывавшими душу и тело хроническими болезнями. Так в очередной раз в истории России накручивался мощнейший виток огосударствленного зла.

Как часто историки забывают, что внутренние состояния человеческой души и тела являются неразрывной частью «внешнего» мира. И чем более значимое место занимает человек в этом внешнем мире, тем мощнее внутренний мир (включая физиологию) человека воздействует на него. Дизентерия и смертельное расстройство желудка, которое случилось накануне последнего похода Александра Великого в Индию, изменили весь ход мировой истории. В роковой неудаче в битве при Ватерлоо Наполеон винил не только стечение обстоятельств, но и поразивший его грипп. Как теперь выясняется, исходя из состояния здоровья, Сталин мог бы умереть за много лет до 1953 года и даже — до 1937 года. Тогда история СССР и современной России, конечно же, была бы другой. Другой была бы вся мировая история. Но никто не в состоянии ответить на вопрос — почему? Почему он умер именно в «свой» день, час, минуту, а не раньше и не позже? Почему? Нет ответа.

* * *

Несмотря на то что медицинских данных о здоровье Сталина в период войны пока практически нет, воспоминания людей из окружения и близко его знавших военачальников говорят о том, что война еще сильнее обострила все проблемы. К ним добавились невралгические боли не только

в области левой руки, но и в левой части нижней челюсти, и опять грипп с простудами и кашлем, ангины. Особенно тяжелыми были для него послевоенные 1946–1947 годы. В этот период у Сталина несколько раз начинались катастрофические расстройства желудка с позывами по 14–20 раз за день при очень высокой температуре. На этот раз был назван еще один диагноз — хроническая дизентерия. А к уже имевшимся болезням прибавился хронический гепатит (опять инфекционное заболевание!), атеросклероз, мио дистрофия сердца. Наблюдавший его в Гаграх врач Кипшидзе настоятельно рекомендовал молочно-растительную диету, мясо лишь в умеренных количествах, а из спиртного только легкое столовое вино не более 100–150 граммов в сутки ^[171]. Как человек, хорошо знавший своего пациента, он понимал, что полный запрет на спиртное невозможен. Тем более что Сталин, когда не было обострений, любил обильно и разнообразно поесть и пил в больших количествах шампанское и коньяк. И все же, возможно, с этого времени Сталин завел специальную рюмку, которая была наполовину залита прозрачным стеклом и которая вмещала в себя не более глотка, хотя окружающим казалось, что она полна. Но других он заставлял пить, как и прежде, доводя некоторых уже не молодых соратников до глухого отчаяния, а некоторых до желанного бесчувствия. Не обращая внимания на запреты врачей, время от времени крепко выпивал и сам.

Несмотря на то что расстройства давно стали привычными, а явных признаков отравления врачи не находили, Сталин упорно подозревал окружающих, виновных в плачевном состоянии своего желудка. Поскольку круг лиц, допущенных к нему, был крайне ограничен, а вся обслуга и охрана находилась под особым контролем, он не переставал подозревать и некоторых своих ближайших соратников. Тем более что они почти все были моложе его. В первые дни войны, когда он, как говорят, трусил и растерялся, они посмели проявить самостоятельность, а главное — еще с довоенных времен и с его подачи действительно рассматривали себя в качестве наследников. В первую очередь это были Молотов и находившийся с ним в доверительных отношениях Микоян. Сразу после войны Сталин, угнетенный болезнями, стал заявлять, что собирается на пенсию, и демонстративно назвал Молотова в качестве своего прямого наследника. Последним, кто цитировался еще в первом издании «Краткой биографии» вождя (1939 г.), был Молотов. Второе, дополненное и переработанное издание (1947 г.) уже заканчивается обширной цитатой из доклада Молотова от 7 ноября 1945 года. Сталин собственноручно убрал целый аккорд заключительных славословий в свой адрес, которые следовали за этой не менее велеречивой цитатой ^[172]. Всем стало ясно, что она как бы

символизировала некую политическую эстафетную палочку. Но уже в 1948 году Сталин, несколько физически окрепнув, так же демонстративно начал отодвигать Молотова и так же демонстративно стал искать замену Микояну. Свои подозрения он ясно не формулировал, но то, что он им якобы уже давно не доверяет, не скрывал. У Молотова и Микояна это вызывало возмущенное недоумение. В конце жизни оба вспоминали целый ряд эпизодов, связанных с этими сталинскими подозрениями. Расскажем об одном из них.

Еще до войны, до начала массовых репрессий, Микоян, курировавший всю пищевую промышленность в СССР, присылал по-дружески домой Сталину грузинские и крымские вина. «Но с началом репрессий и усилившейся мнительностью Сталина, — пишет Микоян, — я перестал это делать. Когда же появился Берия, то он стал присылать Сталину разные сорта вин. А пили мы их все вместе. В последние годы, когда мнительность Сталина резко возросла, он делал так: поставит новую бутылку и говорит мне или Берии: “Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других, попробуйте, стоит ли пить это вино?” Я всегда говорил, хорошее вино или плохое — нарочно пил бокал до конца. Берия тоже. Каждое новое вино проверялось таким образом. Я думал: почему он это делает? Ведь самое лучшее — ему самому попробовать вино и судить, хорошее оно или плохое. Потом мне показалось и другие подтвердили, что таким образом он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии. Вот он нас и проверял» [\[173\]](#).

Как известно, после XIX съезда Молотов и Микоян не были допущены в новый высший партийный орган — Бюро Президиума ЦК. Незадолго до смерти Сталин перестал их приглашать на свои ночные посиделки, намекая, что они американские «шпионы» и т. д. Многого говорит о том, что он готовил новый грандиозный процесс по типу процесса 1938 года, причем со сходной расстановкой фигур: вместо Бухарина, Томского и Рыкова — Молотов, Ворошилов и Микоян, вместо Ягоды, возможно, — Абакумов. Так же как в 30-х годах, он заранее очищал свое ближайшее окружение — убрал долголетнего личного секретаря Поскребышева, посадил за решетку верного сторожевого пса, начальника личной охраны генерала Власика. Сторонники версии заговора против Сталина (Авторханов, Радзинский и др.) считают, что все это происходило вследствие дальновидных происков Берии. Но для таких предположений нет никаких оснований. Сталин просто-напросто повторял, даже в деталях, схему 1937–1938 годов, когда накануне «великой чистки» был почти заново обновлен руководящий состав личного секретариата вождя и его охраны. Сталин прекрасно понимал, что и Поскребышев, и Власик, и другие люди из личного окружения слишком

многое знают о его истинных взаимоотношениях с будущими фигурантами процесса и даже невольно могут стать опасными. Да и время подошло для очередной «смены караула». Она имела странную закономерность — десятилетний ритм. Пик репрессий приходился обычно на очередной революционный юбилей: 1937, 1947, а впереди страну ждал 1957 год. В 1953 году начинался очередной забег на новую вершину. Сталин вершил судьбы страны ритмично и планомерно. А вот Берия вряд ли был заинтересован в устранении хорошо ему знакомых в окружении Сталина людей и наверняка многим ему обязанных.

Так же как в 1938 году, но в больших масштабах и в несколько иной последовательности, в процесс вовлекалась целая группа врачей, причем главным образом лечивших его, Сталина. Многие из этих врачей выступали в 1938 году с обличительными статьями, хотя и были учениками казненных тогда профессоров. Пока это новое дело «убийц в белых халатах» разворачивалось на фоне борьбы с «космополитизмом», что придавало ему особо зловещий «сионистский» (то есть антисемитский) фон, здоровье Сталина между 1948 и 1953 годами было все в том же неустойчивом состоянии. Вопреки широко распространенному мнению, согласно которому Сталин в последние годы жизни якобы совсем не обращался к врачам, он по крайней мере шесть раз приглашал к себе медиков. Приглашал главным образом по поводу простуды, гриппа и вновь — понос, рвота, температура... Последний раз его осматривал врач в связи с заболеванием фарингитом в середине апреля 1952 года ^[174]. Были и еще вызовы врачей до 2 марта 1953 года, но документы, свидетельствующие об этом, не доступны, хотя информация о болезни проникла в зарубежную печать тогда же.

Конечно, вряд ли в эти годы его оставляла надежда на реальную помощь медицины, не только в достижении бессмертия, но и в способах продления жизни без ставших обычными мучений. Как выяснилось, он много болел всю жизнь и волей-неволей должен был привыкнуть к своим тяжелым хроническим недугам. Но и о скорой смерти он явно не задумывался, а готовил страну к очередной масштабной дыбе. Но наш мир устроен так, что всему приходит свой срок. Он умер в тот момент, когда подготовил очередную удавку своему рабски покорному, пресмыкающемуся советскому народу.

* * *

К умирающему Сталину вызвали лучших специалистов из тех, кто остался на свободе. И конечно, ни одного еврея. Вокруг последних часов

жизни Сталина клубится множество различных легенд и домыслов. Для того чтобы всерьез все их рассмотреть, нужна специальная книга. Вот один пример. Соратники якобы сознательно оставили Сталина лежать почти сутки без врачебной помощи. Хрущев вполне разумно объяснил это тем, что вечером 1 марта, когда они по вызову охраны приехали первый раз на дачу, увидели лежащего на диване храпящего вождя, который к тому же перед этим обмочился, то решили, что он накануне «перебрал». Хрущев рассказал, что в ночь на 1 марта, провожая их после кино и длительного обеда, Сталин добродушно ткнул его в живот и назвал «Микитой». Это было явным признаком небольшого подпития вождя. А Хрущев эти нюансы научился различать с молодых лет. Поэтому причин для особых беспокойств не было, и, чтобы не ставить его в неловкое положение, они уехали. Через несколько часов их вызвали снова [\[175\]](#). Совершенно очевидно, что никаких сознательных враждебных действий с их стороны не было, да и быть не могло. Тем более что Сталин в последние годы жизни особенно приблизил к себе Хрущева, о чем до конца жизни не мог забыть (и простить Сталину) Молотов. И эта благосклонность вождя имела особый, далекоидущий смысл. Совсем не случайно именно Хрущев после смерти Сталина занял высший партийный пост.

То же самое можно сказать о версии возможного отравления Сталина. На вакантные роли отравителей обычно выдвигают две фигуры: Берия (его людей в охране Сталина) [\[176\]](#) и таинственную еврейку, якобы родственницу Кагановича, как будто бы жену, или давнюю любовницу Сталина, которая была у него в спальне в роковую ночь на 1 марта 1953 года. Почти наверняка все эти версии беспочвенны. Что касается Берии, то никакого влияния на службу и охрану Сталина он не имел и иметь не мог. Как не имели до него Менжинский, Ягода, Ежов. Начальник охраны и все службы всегда непосредственно подчинялись вождю. Тем более что Сталин во все времена, а в последние годы особенно, ко всем без исключения относился с крайним недоверием. И даже, как показывает эпизод с вином, рассказанный Микояном, держал под подозрением своего ближайшего подручного — Берия. А вот кремлевских врачей Берия курировал. И оказать на них давление действительно мог. Особенно на фоне борьбы с «космополитизмом». «Дело врачей» 1953 года, судя по всему, тоже возникло совсем не на пустом месте.

Еще в начале 1952 года, видимо, изнуренный очередными приступами хронических болезней, Сталин вновь вызывает к себе одного из кремлевских медицинских светил — профессора В.Н. Виноградова. Осмотрев пациента, врач пришел к выводу, что организм Сталина полностью изношен. Он сделал категорическое заключение, что пациент

должен совершенно отойти от дел и заниматься своим здоровьем. Говорят, что Сталин, выслушав Виноградова, пришел в бешенство и приказал Берии разобраться с ним. Он, видимо, опять заподозрил врачей-«космополитов» в попытке таким путем устранить его от власти. Виноградова арестовали, но не сразу. Через некоторое время после визита к вождю профессор почему-то решил поделиться в своей клинике с коллегами (не по наущению ли Берии?) о том, что у Сталина уже было несколько опасных гипертонических кризов. Вот тогда и арестовали. Так началось знаменитое «дело врачей», о ходе которого Сталин требовал регулярных докладов от Берии, которого, как позже считали некоторые соратники Сталина, он подозревал в причастности к интриге. Как уже говорилось, Берия курировал Кремлевскую больницу.

Как ни странно, версия о тайной, третьей жене Сталина имеет некоторые основания. Но только в том смысле, что она у него, возможно, была. Если же всерьез подозревать кого-то в преднамеренном устранении Сталина, то это помимо членов охраны и людей из obsługi могла быть только Валентина Истомина — «сестра-хозяйка», последние восемнадцать лет прислуживавшая за сталинским столом и разделявшая с ним постель. Почему-то никто не задавался вопросом: где она, офицер МГБ, была в ночь, когда со Сталиным случился удар? Все это вопросы, на которые вряд ли когда будет получен ответ. Но об отношениях Сталина с женщинами и о том, что для него значили любовь, женская привязанность, подробнее расскажем в одной из следующих глав.

* * *

Хрущев, который, как и Светлана Аллилуева, присутствовал при кончине Сталина, также рассказывал, что он в какой-то момент поднял вверх руку, но совсем не с угрозой, как это поняла дочь, а показал на висевшую над его головой репродукцию из журнала «Огонек», на которой была изображена девочка, кормящая из рожка козлика. Хрущев его понял так: вот и он, Сталин, сейчас такой же беспомощный, как этот козленок [\[177\]](#). У Сталина была полностью парализована правая сторона тела, в том числе и правая часть лица, а его пытались напоить чем-то укрепляющим. Чтобы не подавился, вынули вставные зубы — так он одряхлел. А чтобы уничтожить запах мочи и освежить тело, обтирали ароматным уксусом. Но и от этого полутрупа исходил такой страх, что член консилиума профессор П.Е. Лукомский корчился, прикасаясь к его руке. Берия, по словам Хрущева, даже был вынужден прикрикнуть на него: «Вы врач, так берите как следует» [\[178\]](#).

Уже почти перед самым концом он вновь чуть не спровоцировал опаснейшую ситуацию для окружающих его ложе врачей. А.Л. Мясников (ученик казненного Д.Д. Плетнева) вспоминал: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило, — как его объяснить?»

Для поддержки кровяного давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и в догадках. Дежурил от ЦК Н.А. Булганин. Я заметил, что он на нас посматривает подозрительно и, пожалуй, враждебно. Он блестел маршалскими звездами на погонах, лицо одутловато, клочок волос вперед, борода — немножко похож на какого-то царя Романова или, может, на генерала периода Русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: “Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?” Я ответил: “Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера, в связи с гипертонией и инсультом”. “Возможно? — передразнил он неприязненно. — А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, — прибавил он с оттенком угрозы, — а то у вас все сосудистые да сосудистые, а главное-то и про...” (Он явно хотел сказать — провороните или прошляпите, но спохватился и закончил: “Пропустите”.))» [\[179\]](#)

Вскрытие, которое провели на следующий день, подтвердило, что у Сталина был обширнейший инсульт головного мозга (зона разрушения в левом полушарии достигала 6×2,5 см), а кровавая рвота была результатом кровоизлияний в желудке. Может быть, это были отдаленные последствия перенесенного еще в молодости тифа?

Как известно, труп Сталина набальзамировали. Условия бальзамирования требовали, чтобы не разрушались многие органы и кровеносная система. Поэтому вскрытие было проведено не полностью. Через несколько месяцев законсервированный труп выставили в Мавзолее. Так на восемь лет, до 1961 года, ему было «продлено» земное пребывание. Затем, после XXI съезда, то, что осталось от трупа, зарыли у Кремлевской стены. Если бы сподвижники Сталина были действительно причастны к его смерти, то они должны были бы в тот момент полностью уничтожить труп и тем самым окончательно похоронить тайну смерти вождя, а не закапывать его в землю.

Никаких признаков «тайны» в смерти Сталина не прослеживается. Для того чтобы окончательно снять этот вопрос, достаточно будет провести эксгумацию останков вождя. И это рано или поздно придется сделать. Современные медицинские криминалистические методы позволили

обнаружить наличие ртути в останках Ивана Грозного (она входила в состав лекарств того времени от сифилиса) и мышьяка в волосах Наполеона. Пока же все сталинские смертные «тайны» легко объясняются его болезнями. Это самая правдоподобная версия.

Если взглянуть на всю жизнь Сталина разом, с точки зрения религиозной морали, то можно сделать вывод — не случайно, что уже при жизни его грызли изнутри тяжелые душевные и физические недуги. Его последние мучительные дни и часы были последним земным наказанием. Похоже, что так думала и дочь. Вопрос только в том — достаточным ли наказанием? Но поверить в этот вывод почти невозможно. Сколько совершенно невинных людей, даже младенцев страдают гораздо более тяжкими и более мучительными недугами. Нет, подлинное наказание «государственному убийце» в чем-то другом.

* * *

Расставив первые ориентиры, нанеся первые штрихи портрета вождя, приступим к прорисовке более подробных и сложных деталей его душевного и интеллектуального мира. Обозначим теперь фон, без которого невозможна дальнейшая трактовка образа. В качестве фона изберем его библиотеку и архив.

Глава 3. Профиль на фоне библиотеки, архива и посмертной суеты

На фоне библиотеки

Если экземпляр книги не нов, то он говорит не только о том, что в книге написано автором. Она немало может сказать и о том, кто ее читал и что при этом думал, а иногда и что при этом делал. Дома у меня есть старинные старообрядческие книги из библиотеки бабки по матери. Их листы закапаны воском от свечей, зажигавшихся во время молитв и ночных бдений. На страницах масса помет, сделанных разными почерками за прошедшие три столетия. И отец, родом с Кавказа, чьи лучшие годы пришлись на эпоху сталинщины, всю жизнь собирал и вновь терял несколько прекрасных библиотек. В советскую эпоху единственным накоплением, за которое не преследовали, была библиотека.

За библиотеку же из недозволенных книг не только сажали, но и расстреливали. Инициатива в этом вопросе почти целиком принадлежала Сталину. Как в Древнем Китае или средневековой Европе за книгу могли заживо сжечь, так в стране победившего социализма только за хранение книги, принадлежавшей перу «врага народа» и других «идейных» врагов, стирали в лагерную пыль. В этом смысле не были в полной безопасности даже члены ЦК и даже члены Политбюро.

Возможно, после прихода Гитлера к власти, то есть после 1933 года, а скорее всего, накануне известных переговоров о мире и дружбе с фашистской Германией (1939 г.), была переведена и издана для членов советской правящей «элиты» книга фюрера «Моя борьба». Конечно, ее прочитал и Сталин и оставил на ней любопытные пометы. В фонде номинального главы государства М.И. Калинина также сохранился экземпляр этой книги. Хороший перевод, очень толковые и взвешенные комментарии, отличная и по современным меркам полиграфия. Обложка светло-горчичного цвета с изящной черной свастикой в верхнем левом углу. Выходных данных нет, но не исключено, что ее отпечатали тогда же по-дружески в Германии. Калинин прочитал книгу всю, оставил несколько десятков значительных, сдержанных помет, обнаруживающих его неподдельный интерес. Но на первом листе книги написал: «Многосложно, бессодержательно... для мелких лавочников...» и т. д. Он написал то, что было принято в свете тогдашней советской пропаганды. Боялся «всесоюзный староста» и не читать (вождь приказал!) и читать так, как

хотелось, — проверяют и могут истолковать не так, а жена сидит в лагере [\[180\]](#).

Никто пока не подсчитал конкретно — сколько? Но за годы советской власти, наверное, десятки тысяч наименований книг было сожжено, запрещено и содержалось в «спецхранах». Этот своеобразный «ГУЛАГ» для книг и вообще для любой «вредной» печатной продукции (добавим — и для архивов тоже) стал формироваться еще в правление Ленина по инициативе таких просвещенных личностей, как Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, М.Н. Покровский... Но Сталин придал этому явлению особый размах, организованность и систематичность. Впрочем, как и всему тому, к чему он так или иначе был причастен. Помимо других головокружительных успехов, он сумел добиться того, что к середине 30-х годов единственным свободным читателем в стране стал он сам. И этой свободой он пользовался с размахом и с большим толком.

Уже упоминавшийся молодой советский дипломат Александр Бармин, в 30-х годах близко наблюдавший Сталина, поскольку был знаком с членами его семьи и окружения, а потому накануне войны ставший невозвращенцем, вспоминал об этих годах: «С каждой почтой из Москвы для руководства, секретарей партиячейки и библиотекарей стали поступать списки книг, которые должны быть немедленно сожжены. Это были книги, в которых упоминались теоретики марксизма и другие публицисты, которые считались скомпрометированными прошедшим процессом. Поскольку практически перво-, второ— и третьеразрядные фигуры за последние пятнадцать лет уже были изобличены в какой-нибудь ереси, я с изумлением подумал, что у нас останется на полках библиотек! Достаточно было предисловия Бухарина, Радека или Преображенского к любой классической работе — и она летела в печку! В таком темпе, — подумал я, — мы сожжем больше книг, чем нацисты, и определенно больше марксистской литературы. Что и случилось на самом деле. Огромное число книг было сожжено только потому, что их редактировал недавно изгнанный из страны известный советский библиофил Рязанов, основатель Института Маркса — Ленина. Первые издания сочинений Ленина, вышедшие под редакцией Каменева и содержащие положительные отзывы о сегодняшних “предателях”, были изъяты из обращения.

Сталин лично почистил и переиздал единственный том его “сочинений” — компиляция статей и речей — прежние издания были потихоньку изъяты из магазинов и библиотек» [\[181\]](#).

Бармин ошибается — Д.Б. Рязанова не высылали из СССР. Был сослан в Поволжье, а затем расстрелян. Не точен он и в отношении сочинений Сталина. До выхода в 1946 году первого тома собрания сочинений (при

жизни Сталина вышло тринадцать томов и три тома подготовили к печати) он выпустил десятка два сборников и отдельных брошюр со статьями, докладами и текстами выступлений. Большинство из них с правками автора сохранилось. Сам Сталин наибольшее внимание уделял трем сборникам статей и речей: «На путях к Октябрю», который до 1932 года выдержал в разных вариантах три издания, а потом был изъят. И — не менее знаменитому, чем краткий курс «Истории ВКП(б)», сборнику работ «Вопросы ленинизма». С 1931 года, когда вышло первое издание, и до одиннадцатого в 1947 году сборник постоянно редактировался. Несколькими изданиями выходил сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Все остальное в реплике Бармина чистая правда. Списки подлежащих изъятию книг составлялись вплоть до последнего дня существования СССР.

Сталин правил и изымал не только чужие книги, но и собственные произведения. Пришлось это делать потому, что в ранних изданиях он положительно оценивал, оправдывал и защищал одних против других своих недолгих союзников — Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова... Даже «вечного» врага Троцкого он в 1918 году как-то неосторожно высоко оценил за октябрь 1917 года. Когда же последний текстуально его уличил в предательстве идеи мировой революции и в переходе в 1924 году на позиции «национального социализма» [\[182\]](#), пришлось Сталину вычищать собственные издания и на этот счет.

Устраивая чистки в общественных и личных библиотеках вместе с их владельцами, вытравливая имена и факты со страниц книг, он тем не менее очень бережно относился к своей личной библиотеке. Книги всех репрессированных, причем не только деятелей первого ряда, но и их учеников и приверженцев, Сталин тщательно собирал, читал и хранил. Зачем? Как выяснилось, он был абсолютным прагматиком. В равной степени использовал и плюсы и минусы. В процессе государственного строительства, широко расточая человеческий материал, в то же время старался рационально использовать его физические и интеллектуальные возможности. Бывшие большевистские вожди, лидеры и просто интеллектуалы малогодились в качестве обычной лагерной рабсилы. Но их интеллектуальная мощь по возможности использовалась Сталиным до последнего предела, как при жизни, так и в особенности накануне расстрела, и конечно же — после. Не случайно его самый старый и преданный соратник В.М. Молотов несколько раз возвращался в своих мыслях о прошлом к проблеме утилизации интеллекта врагов: «Сталин, в общем, умел использовать и троцкистов, и правых, но когда потребовалось, тут уж, конечно, полетели щепки... Но не использовать таких лиц — тоже

неправильно. А вот до каких пор можно использовать, тут можно и ошибиться: либо слишком рано с ними разделаться, либо слишком поздно» [183]. Какой молодец Вячеслав Михайлович — в старости вытащил потайной ключик к пониманию феномена сталинизма! Точнее, к источнику его интеллектуальной силы. Похоже, что и сам Сталин бахвалился своей «хозяйственной» хваткой. Фейхтвангеру явно был подсказан такой пассаж: «Великий организатор Сталин... великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает... Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное» [184].

«Трогательный» гений Сталина (гений — без кавычек!) заключался в безошибочном определении того момента, когда враг становился бесполезным. Не опасным, а именно бесполезным. Потому что даже из потенциально опасного врага он умел извлекать пользу. Например, Н. Бухарин и К. Радек, последние три-четыре года отстраненные от серьезных государственных дел, активнейшим образом работали в конкурсной комиссии по оценке новых школьных и вузовских учебников по мировой и российской истории. Образованные и талантливые люди, они сделали все, что могли, для усиления каркаса историософии сталинизма. Участвовали в литературном погроме «школы» М.Н. Покровского, а Бухарин корпел над «сталинской» конституцией. Радек блистал в коминтерновской журналистике. Многие, находясь под следствием в тюрьме, творчески сочиняли расстрельные показания на самих себя и даже (как Радек) писали сценарии судебных процессов над самими собой. А до этого и часто после умерщвления «двурушников и шпионов» (Сталин отлично чувствовал интонационную музыку русского языка, отсюда зловеще шипящие звуки двух его любимых словечек) штудировал их произведения с цветными карандашами в руках. Помимо уже упомянутых, вот перечень имен врагов и их пособников, чьи книги несут на себе следы его вдумчивой работы: Г. Сафаров, Э. Квиринг, Ф. Ксенофонов, Г. Евдокимов, А. Бубнов, Ян Стен, И. Стуков, В. Сорин, С. Семковский и другие. В большинстве своем это публицистические работы по истории партии, замешанные на личных ощущениях. На некоторых из книг есть дарственные надписи авторов, так как почти все они поначалу были активными членами антитроцкистской кампании. На обложках и страницах других книг — комментарий самого Сталина. Заинтересованный и резко враждебный по отношению к Троцкому. Так на книжке Квиринга «Ленин,

заговорщичество, Октябрь», вышедшей в разгар борьбы в 1924 году, начертал сам себе простым карандашиком: «Сказать Молотову что Тр. (Троцкий. — Б.И.) нагнал на Ильича на счет путей возстания » [\[185\]](#). Квиринг критиковал книгу Троцкого о Ленине. Но на некоторых книгах самого Троцкого есть пометы, свидетельствующие о полном единодушии с врагом.

* * *

Сталин был заядлым библиофилом. В дореволюционные годы, в период подполья, ссылок и бродяжьей жизни профессионального революционера, у него было мало возможностей систематически читать, а главное, хранить книги. Но все, кто с ним встречался в этот период жизни, отмечают его постоянно растущую начитанность. В своих ранних работах, газетных и журнальных статьях, опубликованных на грузинском, а затем на русском языках, он цитирует не только марксистских классиков, но и зарубежных философов и историков довольно широкого спектра, правда, опубликованных на тех же двух доступных ему языках.

Из дореволюционных работ Сталина особенное внимание заслуживает довольно большое произведение, показывающее знакомство 25-летнего автора с основами марксистской доктрины, ее первоисточниками и умение работать с литературой в выбранном русле. В первую очередь это относится к публиковавшейся в Тифлисе на грузинском языке в 1906–1907 годах серии статей под общим названием «Анархизм или социализм?». Двенадцатью годами раньше признанный мэтр от марксизма Г.В. Плеханов опубликовал брошюру с похожим названием «Анархизм и социализм». В этих статьях Сталин Плеханова не упоминает, но он уже явно усвоил и его трактовку «оппортунизма» Бернштейна и так называемый «монистический» подход к истории природы и общества. Книги Плеханова вновь войдут в круг научных интересов Сталина в конце 30-х годов. В 1938 году одновременно с кратким курсом «Истории ВКП(б)» будет переиздано одно из лучших произведений Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В библиотеке Сталина сохранился экземпляр этого издания с пометами.

В статьях Сталин обнаруживает знание некоторых трудов Маркса и Энгельса, цитирует Кропоткина, Бернштейна, Каутского, Виктора Консидерана (последователя Фурье), упоминает Прудона, Спенсера, Дарвина и Кювье, а также ссылается на книги французских историков и мемуаристов: Поля Луи «История социализма во Франции», А. Арну

«Народная история Парижской коммуны», Лиссагарэ «История Парижской коммуны» [\[186\]](#). Очень важный момент: в работе «Анархизм или социализм?» Сталин впервые формулирует свое понимание основ диалектики и исторического материализма. Почти через тридцать лет он вновь изложит свой взгляд на эти проблемы, которые будут вынуждены «усваивать» миллионы подданных. Это произойдет после 1938 года, когда выйдут в свет не только краткий курс «Истории ВКП(б)», но и официальная биография Сталина, новые школьные и вузовские учебники по истории, в подготовке которых он примет самое непосредственное участие.

Список авторов, которых он упоминает, несколько настораживает. Скорее всего, первоисточники он читал только те, что были опубликованы на русском и грузинском языках. Недаром же молодой Сталин конкретно ссылается лишь на страницы книг русских переводов французских историков, Каутского и русскоязычного Кропоткина. К этому времени многие ключевые работы Маркса, Энгельса, Прудона и даже Эдуарда Бернштейна были переведены на русский язык. Много было переведено и на грузинский язык. Вспомним, что грузины в социал-демократическом движении по численности занимали второе-третье места после русских и евреев, особенно в меньшевистском крыле. А это были высокообразованные люди.

Еще одна любопытная деталь — в этой работе юный Сталин, наверное, впервые приводит автобиографический факт. Как Маркс в «Капитале» рисует образ некоего портного для иллюстраций своих политэкономических изысканий, так и Сталин использует образ своего покойного отца-сапожника. Объясняя читателю, каким образом мелкобуржуазное сознание трансформируется в социалистическое, Сталин, не называя имени, на нескольких страницах описывает его судьбу: работал в крохотной собственной мастерской, но разорился. Пытаясь скопить денег для открытия нового дела, поступил на работу на обувную фабрику Адельханова в Тифлисе. Но скоро понял, что никаких перспектив для открытия собственного дела не имеет, в результате чего сознание Виссариона Ивановича Джугашвили (именно так, в русской транскрипции «Иванович» будет писаться в будущих биографиях вождя отчество родителя) из мелкобуржуазного трансформируется в пролетарское и наш добрейший сапожник «вскоре приобщается к социалистическим идеям...» [\[187\]](#)

Оставим на совести автора картину эволюции сознания отца, который, по слухам, был убит в пьяной драке. Важнее другое — уже в молодые годы Сталин усвоил и внушал другим: «...за изменением материального положения сапожника в конце концов последовало изменение его сознания». «Сознание» для него уже было прямо производно от материального

положения человека. На этом постулате, вытекающем из притчи о сапожнике, будет вскоре основана вся официальная философия жизни российского общества XX века. Несмотря на наивность иллюстрации, она верно передает главный постулат «материалистического понимания истории» и теоретической основы социализма.

Не обращаясь прямо к услугам психоаналитика, отметим, что использование образа покойного отца, который, как говорят, жестоко обращался при жизни и с ним и с матерью, указывает, что Сталин, как всякий человек, рано оставшийся без родителя, идеализировал его, правда, в духе новой «материалистической» веры.

Через много-много лет, когда Сталину официально исполнилось уже 73 года и он стал седым, отяжелевшим, с хриплым дыханием, Министерство иностранных дел СССР переслало ему подарок. Польская женщина Я. Моравская написала письмо, а к посланию приложила книгу Э. Лиссагарэ «История Парижской коммуны» объемом более пятисот страниц, изданную в Санкт-Петербурге в очень далеком 1906 году [\[188\]](#). Пакет пришел 11 января 1953 года. Жить ему оставалось чуть более полутора месяцев. Но и в эти дни, как вспоминают видевшие его, он был все еще активен и продолжал, пусть не так, как прежде, но все еще много читать.

Накануне XIX съезда партии (1952 г.) он вызвал к себе на дачу подающего надежды молодого партийного функционера Д.Т. Шепилова. Позже Шепилов вспоминал: «...на столе лежала груда книг, журналов и газет. Сталин молча прохаживался около стола, затем вдруг повернулся, подошел довольно близко ко мне, посмотрел прямо в глаза и спросил: “Вы любите читать художественную литературу? Сколько в день можете прочесть страниц, никогда не считали?” Я опешил — никогда не ожидал такого вопроса. Сталин улыбнулся и сам ответил на поставленный вопрос: “Нам ежедневно приходится сталкиваться с самыми различными проблемами, и мы должны быть готовы правильно их решать. А чтобы правильно решать, надо много читать, в том числе художественную литературу. Вот, например, Владимир Ильич читал в день по 600 страниц и мне советовал. Я стараюсь читать четыреста, и вам советую. Наша работа этого настоятельно требует”» [\[189\]](#). О такого рода похвальбе вождя, характерной для любознательных, но малообразованных людей, вспоминают многие. Другим он называл цифру в 500 страниц [\[190\]](#). Ясно, что он хотел казаться и запомниться окружающим как человек с колоссальным интеллектуальным багажом.

Скорее всего, книга Лиссагарэ, это послание из молодости, не успело попасть к нему в руки, или он счел нужным оставить его без внимания, как

всегда насторожившись, когда речь заходила о его дореволюционной биографии. Но как символична жизнь! У многих начало и конец жизни озарены одним и тем же светом. Но мы этого не осознаем.

* * *

Есть свидетельства, что Сталин понимал и мог изъясняться на армянском, азербайджанском и осетинском языках. Кроме русского, других европейских языков Сталин не знал. И видимо, очень из-за этого переживал. Пытался изучать немецкий, когда был за границей [\[191\]](#). В ссылке в Туруханском крае брался за изучение только что изобретенного эсперанто. Предполагалось, что это язык будущего мирового Интернационала [\[192\]](#). Симптоматично, что в годы своего правления он всех эсперантистов беспощадно преследовал. И не только из-за постигшей его неудачи. После войны он, как известно, вплотную занялся вопросами языкознания. Нам еще придется рассказывать о его специфических научных увлечениях. Но истинную цель сталинского языкознания обозначим уже сейчас. «Не зря Сталин занялся вопросами языкознания, — заметил Молотов. — Он считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, главным языком межнационального общения станет язык Пушкина и Ленина...» [\[193\]](#) Отметим, что речь идет не о мировой революции, а о победе «системы», вершиной которой должен был стать сталинский СССР. Личная неудача с освоением иностранных языков стала косвенным фактором глобальной державной политики.

До революции Сталин, видимо, самостоятельно пытался изучать английский. Ничего из всего этого не вышло. Еще в духовном училище, а затем в семинарии усвоил зачатки латыни, греческого и русского церковного языка. Последнее обстоятельство облегчило усвоение русского литературного языка, но сказалось на характере его стилистики. Следы неудовлетворенной тяги к иностранным языкам встречаются на страницах книг из его библиотек сплошь и рядом. Помет нет только на эсперанто. Красивым, ровным почерком писал на полях известные латинские изречения, правда, не всегда относящиеся к смыслу читаемого. С удовольствием их отмечал, если встречались в тексте. Например, в работе Маркса «Критика Готской программы» обвел волнистой линией заключительную фразу: «Dixi et salvavi animam meam». («Сказал и спас душу») [\[194\]](#). Второе издание книги Г. Александрова «Философские предшественники марксизма» (1940 г.), обреченного им в 1947 году на погром и поругание, собственноручно изукрасил цитатами и

комментариями к ним: «“Многознание не научает быть умным”. Гераклит. Т. е. учись, а не дилетантствуй впустую», «Марксизм — не догма, а руководство к действию. Ленин», «Свобода лежит по ту сторону материального производства (К. Маркс)». Переводил на немецкий или английский языки отдельные слова или имена собственные. И не всегда поймешь, знал ли он на самом деле, как они пишутся на родных языках, или, не жалея времени, специально рылся в справочниках? Например, все в той же книге Александрова (и не только в ней) под гравированным портретом Гольбаха воспроизвел русскую надпись по-английски: «Pol Henri Holbach» ^[195]. Судя по неточностям, написал так, как казалось правильным. Очень часто отмечал непонятные или редкие русские и иноязычные слова. В задумчивости он вообще любил чиркать карандашом и ручкой. Часто машинально, но иногда, как выясняется, с глубоким подтекстом.

Сам он не переводил с европейских языков, а многие русские слова, заимствованные из других языков, требовали пояснений. Обращаться за помощью «выдающемуся» специалисту в области языкознания было, видимо, не желательно. Только на Ближней даче в Кунцеве в его библиотеке скопилось к концу жизни почти с десяток толковых словарей иностранных слов. Среди них два словаря иностранных слов дореволюционного издания Ф. Павленкова, «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов» Н. Дубровского, вышедший в Москве в 1905 году 21-м изданием, два словаря, составленные Бурдоном и Михельсоном и изданные соответственно в 1899 и 1907 годах, и др. ^[196] Так что всю жизнь он не чурался черновой и подготовительной работы.

В молодости, в силу политической деятельности на Кавказе, он не только занимался организацией демонстраций, забастовок, стычек с полицией, ограблений банков для пополнения партийной кассы, но и устной агитацией и пропагандой марксизма, а также обустройством типографий, изданием газет и листовок, распространением печатной продукции. В 1889–1901 годах небольшая комнатка при Тифлисской обсерватории, где он работал согласно его официальной биографии «вычислителем-наблюдателем» ^[197], а по мнению современных биографов — ночным сторожем, была превращена в склад нелегальной литературы ^[198]. Это, конечно, не библиотека, но привычка иметь под рукой книги, причем сразу несколько экземпляров одного наименования, сохранилась на всю жизнь. Наиболее значимые для него произведения он возил с собой, и их могло быть сразу два-три экземпляра. Все их он по несколько раз перечитывал с карандашом в руке. Совершенно очевидно, что, даже если бы он захотел все же собрать значительную библиотеку, жизненные обстоятельства того времени не позволили бы этого сделать. И тем не менее ему удалось

сохранить, вплоть до головокружительного взлета своей политической карьеры в 1922 году, несколько марксистских книжек и, возможно, некоторые брошюры Ленина, а главное, довольно полный комплект большевистского легального журнала «Просвещение» за 1911–1914 годы. Отдельные номера именно этого журнала он хранил всю жизнь в нескольких экземплярах. И это не случайно. В журнале публиковались все видные большевистские публицисты: Ленин, Зиновьев, Каменев, Покровский, Стеклов и другие. Публиковались еще неизвестные тогда русскому читателю произведения Маркса и Энгельса, Бебеля, Меринга, Каутского и даже идейных противников большевизма типа Павла Аксельрода и многих других. Скорее всего, этот журнал был главным источником для его политического самообразования на тот момент.

Официальная биография, которую он сам правил и дописывал, в вопросе о круге чтения молодого Сталина и его интеллектуальных упражнениях откровенно привирает. В ней утверждается, что еще в 1893–1898 годах, то есть между 15 и 19 годами жизни, «Сталин много и упорно работает над собой. Он изучает “Капитал” Маркса, “Манифест коммунистической партии” и другие работы Маркса и Энгельса, знакомится с произведениями Ленина, направленными против народничества, “легального марксизма” и “экономизма”. Уже тогда работы Ленина произвели глубокое впечатление на Сталина. “Я во что бы то ни стало должен увидеть его”, — сказал Сталин, прочтя работу Тулина (Ленина)...» [\[199\]](#). Так сказано в последнем издании его официальной биографии. Конечно же, она умалчивает о том, что в ссылке, у полярного круга, когда умер один из сосланных товарищей (И.Ф. Дубровинский), Сталин, нарушая традиции, единолично завладел библиотекой покойного, чем вызвал негодование своих коллег. Они же, напротив, охотно делились с ним. Я.М. Свердлов дал ему обширную монографию француза А. Олара «Политическая история французской революции» [\[200\]](#). Для новых поколений русских революционеров французская революция была если не образцом, то, уж во всяком случае, учебным «пособием». Для Сталина тоже. Но очень быстро в качестве пособия он использовал совсем другие стороны революции — уроки ее победоносных войн против всей Европы, феномен Наполеона (и Кромвеля), борьбу с «врагами народа», механизм организации массовых психозов. Без всякого сомнения, в революции его волновали ожесточенная борьба, гражданские и внешние войны, непримиримое противоборство. Поэтому революционная тема плавно перетекала в военную и наоборот.

В этом своеобразном ряду находится и книга Зиновьева «Война и кризис социализма» о национальных революциях и национальных войнах, о

войнах освободительных и войнах наступательных, захватнических. То, что Сталин потом говорил и писал о войнах справедливых и не справедливых, во многом перекликается с мыслями Зиновьева. Сюда же нужно отнести курс лекций талантливейшего историка Н. Лукина (Н. Антонова), уничтоженного Сталиным в самом конце 30-х годов, — «Из истории революционных армий», а также воспоминания Бисмарка и Людендорфа, военно-исторические монографии Г. Леера и А. Свечина. Даже изучая такие, казалось бы, специфические издания середины XIX века, как «Артиллерийский журнал», он в первую очередь обращал внимание на статьи по истории войн и истории оружия.

Псевдоним Тулин Ленин наиболее часто употреблял именно в публикациях тоненького партийного журнальчика «Просвещение». Да и первое знакомство со всеми этими уже политически громкими именами теоретиков революции и их произведениями — по большей части из того же источника. Но необходима поправка — человек «огромной теоретической мощи», как говорилось о Сталине в официальной биографии, чей профиль на транспарантах и плакатах наплывал на лики великих предшественников — Маркса, Энгельса, Ленина, так и не смог освоить целиком в течение всей своей длинной жизни главную книгу марксизма — «Капитал». В библиотеке Сталина сохранилось несколько томов различных изданий этого фундаментального произведения, вышедших в СССР в 20-х и 30-х годах. Но, судя по пометам, есть веские основания полагать, что он так и не продвинулся в освоении этого труда далее нескольких, главным образом вводных и заключительных разделов. И в той же юношеской статье «Анархизм или социализм?» упоминается лишь «Послесловие» к «Капиталу». Теорию прибавочной стоимости он усваивал, что называется, из «вторых рук», из книг интерпретаторов марксизма, которые присутствуют там же.

Другие работы Маркса и Энгельса, усвоить которые было проще, он, по своему обыкновению, читал и перечитывал в течение своей генсековской жизни не один раз. Здесь и несколько изданий «Анти-Дюринга», и «Немецкая идеология», «Гражданская война во Франции», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», собрание так называемых «Исторических работ» Маркса и другие.

В журнале «Просвещение» в 1913 году было опубликовано и первое заметное произведение самого Сталина на русском языке — «Марксизм и национальный вопрос» ^[201]. Писал он ее в Вене в конце 1912 — начале 1913 года под наблюдением Ленина. Вопреки мнению Троцкого и многим, писавшим о Сталине после XX съезда КПСС, Ленин всю жизнь (за

исключением нескольких предсмертных месяцев) протезировал «чудесному грузину». Благодаря Ленину Сталин еще до революции сделал довольно успешную партийную карьеру: был кооптирован в состав ЦК, стал делегатом нескольких заграничных съездов партии, руководил вместе с другими видными деятелями РСДРП(б) центральными партийными изданиями, в том числе «Правдой». Наконец, именно благодаря Ленину Сталин занял высший административный пост в партии. Ленин явно любил и поощрял Сталина. Так, в момент работы Сталина над брошюрой «Марксизм и национальный вопрос» Ленин, преувеличивая, писал М. Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы» [\[202\]](#).

* * *

Революция не принесла оседлости в его жизнь. Во время Гражданской войны, нередко выполняя роль доверенного лица Ленина, Сталин колесил по всей стране и фронтам, не имея постоянного пристанища. Даже в столице постоянная жилая комната появилась у него только в середине Гражданской войны. Но и в это время он находил возможность читать и собирать книги. Какие из сохранившихся изданий сталинских библиотек относятся к этому времени, сейчас установить трудно. На основании того, что есть в современных архивах и библиотеках, можно предположить, что он продолжал читать и собирать произведения Ленина, Маркса, Энгельса, Р. Люксембург, Каутского, а также других теоретиков и публицистов: Зиновьева, Троцкого, Бухарина, Богданова... Часть книг, относящихся к этому периоду, можно отделить от остальных произведений будущих врагов не только по году публикации, но и на основании той доброжелательной интонации, которая до сих пор сквозит через сохранившиеся на их страницах пометы. Реальный круг его интеллектуальных интересов, конечно же, был шире. Судя по выходившим в то время статьям самого Сталина, сюда входили и произведения видных деятелей европейской социал-демократии, а также публицистические и художественные произведения на русском языке.

Но, как народный комиссар по делам национальностей, отчетливых следов своей деятельности по национальному вопросу среди сохранившихся читанных им книг он не оставил. Однако из текстов докладов, которые Сталин делал на различных форумах как нарком, вытекает, что он вместе со

своим немногочисленным аппаратом прорабатывал большую литературу по национальным проблемам.

Но постепенно, по мере того как Сталин превращался в могущественного Генерального секретаря ЦК РКП(б) и появившейся в связи с этим возможностью вести оседлую жизнь, он стал обрести различные библиотеки. Да и положение обязывало. Мы как-то подзабыли, что в те годы, как никогда раньше, а тем более позже, политическая борьба в России была тесно связана с борьбой интеллектуальной. В этой борьбе оперировали отвлеченнейшими философскими идеями и понятиями, политэкономическими терминами, данными из мировой и российской истории. Журналистика и вообще литературная и научная работа были формой политической жизни большевистских вождей, а не делом лакействующего партийного или государственного аппарата. Для многих большевистских лидеров знание отечественной и мировой литературной классики, поэзии и музыки было так же естественным, как знание нескольких европейских языков. Только Ленин был глух к художественной литературе и поэзии. Все вожди имели зачастую огромные личные библиотеки и архивы, основа которых была заложена еще в эмиграции. Чего, например, стоят дошедшие до нашего времени библиотеки Ленина или Троцкого? О книжных собраниях других вождей приходится судить по косвенным данным. Вместе с людьми в «расход» отправлялись и их личные библиотеки.

Все политические деятели первого ряда были людьми европейски образованными. Из них лишь Сталин так и остался недоучкой-семинаристом. Но он упорно, всю свою жизнь восполнял пробелы в образовании и культуре, не только находя время для учебы в официальных партийных заведениях, но и читая, читая, читая... И об этом можно судить не только на основании воспоминаний современников, часто вызывающих законные сомнения. Почти все воспоминания, написанные в СССР при его жизни, явно льстили, преувеличивали или, не желая того, выбалтывали «лишнее». Он терпеть не мог мемуаристов, особенно из близких родственников. Многих он посадил или уничтожил только за то, что они, как он выражался, «знали слишком много, — и болтали слишком много». Воспоминания о Сталине и эпохе, написанные за рубежом или после его смерти в России, чаще более взвешены, но и они не без вранья. Более надежные свидетели — книги его библиотек.

Совершенно достоверно — Ленин был для него главным теоретическим источником. Проистекало это не только потому, что он использовал Ленина, его партийную публицистику в качестве основного идеологического оружия в борьбе с различными оппозициями. С нажимом

убеждая других и себя, что он по праву является его духовным наследником, Сталин вынужден был постоянно погружаться в ленинские тексты. Не все он безусловно принимал. Редко, но на страницах ленинских работ можно встретить критические замечания Сталина как в адрес Маркса, так и Энгельса. Но в целом ленинское наследие было для него источником, из которого он черпал целые блоки своих вечно меняющихся политически конъюнктурных доктрин. Здесь, конечно, соблазнительно вновь сослаться на церковное воспитание с его библейской догматикой. Но методы церковного догматизма мало чем отличаются от принципов талмудизма, на котором в юности воспитывались его главные политические оппоненты. Ничем не отличался от Сталина в этом отношении Григорий Зиновьев, написавший в том же догматично-цитатническом духе книгу «Ленинизм» и издавший ее в 1926 году. Книга антитроцкистская, но Сталин использовал ее против самого Зиновьева. При случае жонглировали цитатами и гораздо более одаренные Каменев и Бухарин. Троцкий, которому в принципе такой стиль идейного существования претил, вынужден был прибегать к нему, обращаясь к авторитету Ленина.

Сталин всю кремлевскую жизнь собирал произведения Ленина. Получив власть, он разыскивал и собирал у себя как дореволюционные и прижизненные издания Ленина (в том числе редчайшие), так и их последующие переиздания. Как обычно, держа под рукой несколько экземпляров, читал и перечитывал с карандашом в руке: «Детскую болезнь “левизны” в коммунизме», «Что такое друзья народа...», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Две тактики», «Государство и революция», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм как новейший этап капитализма» и т. д. Все четыре издания собраний сочинений Ленина, причем в различных «заводах», читаны им не единожды. Правда, не на всех томах остались пометы, но те произведения, которые его чем-то волновали, испещрены вдоль и поперек.

* * *

В конце 20-х — начале 30-х годов у него было по крайней мере две библиотеки. Одна в Кремле, в рабочем кабинете, другая — на подмосковной даче, в Зубалове. На даче Сталин жил с 1919 по 1932 год. Там же находились не только семья, но и родственники по первому браку, а также родня второй жены Надежды Аллилуевой. До самоубийства жены самая большая библиотека была здесь, на даче. По свидетельству дочери, в ее комплектовании принимала участие и мать. Кроме родителей и детей, никто

этих книг не касался, впрочем, как и книг других собраний. Специального помещения для библиотеки не было. Она располагалась в обширной столовой. С. Аллилуева пишет: «Отец приходил обедать и, проходя мимо моей комнаты по коридору, еще в пальто, обычно громко звал — “Хозяйка!” Я бросала уроки и неслась к нему в столовую — большую комнату, где все стены были заставлены книжными шкафами и стоял огромный резной старинный буфет с мамиными чашками, а над столиком со свежими журналами и газетами висел ее большой портрет...» [\[203\]](#)

Судьба этой библиотеки не совсем ясна. Хотя дача вскоре пришла в упадок, книги, кажется, никуда не вывозили до 1943 года, когда отец приказал закрыть дачу, на которой младший сын устраивал попойки. После смерти отца С. Аллилуева сообщала, что книги из дачи в Зубалове находятся в библиотеке кремлевской квартиры Сталина.

В первой половине 30-х годов в Кремле у Сталина было две библиотеки. Одна в рабочем кабинете, самая старая, которая просуществовала до его смерти. Кабинет и библиотеку хорошо описал известный авиаконструктор А. Яковлев. Его воспоминания относятся к весне 1939 года. «Первое впечатление от кабинета Сталина врезалось в мою память на всю жизнь. Признаться, я был как-то разочарован, меня поразила его исключительная простота и скромность. Большая комната со сводчатым потолком выходила тремя окнами на кремлевский двор. Белые, гладкие стены снизу, в рост человека, облицованы светлой дубовой панелью. Справа, в углу, как войдешь, — витрина с посмертной маской Ленина. Слева — большие стоячие часы в футляре черного дерева с инкрустацией. Через весь кабинет постлана ковровая дорожка к письменному столу. Над письменным столом — портрет В.И. Ленина, выступающего с трибуны, работы художника Герасимова.

На письменном столе — книги и бумаги... За столом — кресло, слева от него столик с телефонами разного цвета, справа, в простенке между окнами — черный кожаный диван и стеклянный книжный шкаф. Я заметил некоторые книги: собрание сочинений Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая Советская Энциклопедия...

Из кабинета была раскрыта дверь в другую комнату, стены которой, как я заметил, сплошь увешаны географическими картами, а посередине стоял огромный глобус» [\[204\]](#). Это была комната отдыха, куда мало кто приглашался из посторонних. Похожие описания кабинета оставили Г.К. Жуков и В.М. Молотов.

Другая библиотека располагалась, как уже говорилось, в кремлевской квартире, которую оборудовали в бельэтаже здания Сената, построенного Казаковым. Когда-то это был просто коридор с отходившими от него, по

словам дочери, унылыми комнатами. Предполагалось, что главный чиновник страны сможет попадать в эту квартиру прямо из своего кремлевского кабинета, который находился на втором этаже этого же здания. Но Сталин приходил на квартиру только обедать, а вечером уезжал на Ближнюю дачу. К моменту смерти Сталина эта библиотека насчитывала не менее 20 тысяч томов, которые находились в дубовых шкафах. Похоже, что Сталин сам был инициатором ее систематического комплектования. Летом 1926 года, видимо, предварительно хорошо продумав, он написал своим помощникам на двух узких полосках линованной бумаги:

«Мой совет (и просьба).

1) Склассифицировать

книги не по авторам,

а по вопросам:

- а) философия;
- б) психология;
- в) социология;
- г) политэкономия;
- д) финансы;
- е) промышленность;
- ж) сельское хозяйство;
- з) кооперация;
- и) русская история;
- к) история зарубежных стран;
- л) дипломатия;
- м) внешняя и внутр. торговля;
- н) военное дело;
- о) национ. вопрос;
- п) съезды и конференции (а также резолюции), партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов);
- р) положение рабочих;
- с) положение крестьян;
- т) комсомол (все, что имеется в отдельных изданиях о комсомоле);
- у) история револ. в других странах;
- ф) о 1905 году;

- х) о февральск. рев. 1917 г.;
- ц) об октябрьск рев. 1917;
- ч) о Ленине и ленинизме;
- ш) История РКП...;
- щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры etc);
(второй листок. — *Б.И.*):
- щ1) профсоюзы;
- щ 2) беллетристика;
- щ 3) художест. критика;
- щ 4) журналы политические;
- щ 5) журналы естественно-научные;
- щ 6) словари всякие;
- щ 7) мемуары.

2) Из этой классифи-

=====

кации изъять книги:

=====

- а) Ленина (отдельно)
- б) Маркса (—)
- в) Энгельса (—)
- г) Каутского (—)
- д) Плеханова (—)
- е) Троцкого (—)
- ж) Бухарина (—)
- з) Зиновьева (—)
- и) Каменева (—)
- к) Лафарга (—)
- л) Р. Люксембург (—)
- м) Радека (—)

3) Все остальное склас-

сифицировать по

авторам (исключив

из классификации и

отложив в сторону:

учебники всякие, мелкие

журналы, антирелиги-

озную макулатуру и т. п.)

29 V — 25 г.» [\[205\]](#).

Помимо того что этот список иллюстрирует широту интеллектуальных интересов вождя и его умение систематически мыслить, обращает на себя внимание особый интерес к персоналиям. Помимо основоположников марксизма, в этот список включены большевистские авторы первого ряда и деятели международного социал-демократического движения. Ленин — на первом месте. Похоже, что классификация отражает иерархию политических и интеллектуальных предпочтений вождя. Почти все авторы представлены в современном архиве-библиотеке Сталина книгами, несущими на себе его пометы. Нет помет только на книгах Лафарга. Но в его выступлениях и статьях 20—50-х годов ссылки на Лафарга встречаются часто.

В 1957 году библиотеку Сталина принимал на хранение Ю. Шарапов — заведующий библиотекой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Позже он вспоминал: «В Кремле бросился в глаза высокий шведский шкаф с выдвижными полками, весь набитый книгами и брошюрами с закладками. Это была эмигрантская, белогвардейская литература и сочинения оппозиционеров, тех, кого Сталин считал своими идейными противниками и просто врагами» [\[206\]](#). Часть книжных шкафов из кремлевской библиотеки Сталина до сих пор стоит в одном из помещений «Российской государственной общественно-политической библиотеке» (бывшей библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В более ранние годы в Кремле у Сталина были и другие жилища. Самую первую кремлевскую комнату он получил по личному распоряжению Ленина. Затем было у него жилище в здании, которое стояло на месте теперешнего Дворца съездов. Здесь он жил в одной квартире с Молотовым. В 1923 году было у него жилье и в двухэтажном, отдельно стоящем флигеле в Кремле [\[207\]](#). Этот флигель и его обитателя описал А. Барбюс, не раз встречавшийся до своей смерти в 1935 году со Сталиным: «Поднимаемся по лестнице в квартиру, где на окнах висят льняные белые занавески. За этими тремя окнами живет Сталин.

Маленькая передняя. В глаза вам бросается большая солдатская шинель и фуражка, висящие на стене. Три комнаты и столовая. Обстановка скромна, как во второразрядном — приличном — отеле. Столовая — овальной формы. Обед подается из ресторана или приготовленный работницей. В

капиталистических странах средней руки чиновник поморщился бы, увидя такую квартиру, и не удовлетворился бы таким меню. В одной из комнат играет маленький мальчик. Старший сын, Яшка, спит ночью в столовой, на диване, который превращается в постель. Младший сын спит в небольшой нише, вроде алькова, тоже выходящей в столовую.

Окончив обед, хозяин этой квартиры курит трубку, сидя в кресле, возле окна» [\[208\]](#). Места для библиотеки в такой квартире было явно маловато.

После 1922 года специальный кабинет был у Сталина и в здании ЦК ВКП(б) на бывшей площади Ногина. Скорее всего, у него и там были книги, но об этом пока ничего не известно.

Ближняя дача в Кунцеве (Волынское) — это любимое жилье. До 1933 года на месте дачи был пустырь. Сначала на нем построили дом из дешевого и потому широко используемого фибролистового материала. Затем там же возвели одноэтажный кирпичный дом по проекту известного сталинского архитектора Мержанова. В этом доме проводились заседания с ближайшими соратниками, принимали иностранных гостей, устраивали банкеты. Здесь Сталин жил один. После войны, в 1948 году, дача была перестроена. Появился второй этаж, где никто никогда не жил и где располагался большой банкетный зал. Сам хозяин всегда обитал внизу и чаще в одной комнате. «Она служила ему всем, — пишет С. Аллилуева. — На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы, большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого не было больше» [\[209\]](#). Конечно же, была и отдельная спальня, где, как говорят, рядом с деревянной кроватью стоял большой книжный шкаф [\[210\]](#).

Кроме этих комнат, на первом этаже дачи был еще один банкетный зал с роялем, куда приглашали по ночам членов Политбюро, а также несколько детских комнат и бильярдная. Со временем хозяин приказал все детские комнаты объединить в одну, куда велел внести диван, постелить ковер и поставить стол, как в других жилых комнатах. Там же стоял еще один книжный шкаф.

В фойе первого этажа по всем стенам были развешаны карты. Работать с картами Сталин любил еще со времен Гражданской войны не меньше, чем с книгами. Молотов вспоминал: «...он очень карты любил географические, вот здесь Азия была, Европа, все карты. Здесь мы топтались подолгу... Как бы Северный Ледовитый океан, сибирские реки, богатства Сибири использовать — этим он очень интересовался, особенно устьем Оби... Как бы там построить порт...» [\[211\]](#) В архивном фонде Сталина сейчас собрано почти двести самых различных карт: военных, географических, политико-

экономических, исторических, относящихся к различным частям света, территориям СССР, отдельным республикам и регионам. На большинстве из них есть пометы, сделанные рукой Сталина. И в книге, не важно, относилась ли она к современности или к глубокой древности, если в ней имелись карты, он обязательно что-нибудь отмечал цветными мягкими карандашами.

Во время войны, в 1941 году, точно так же, как Ближняя дача, было оборудовано для вождя жилище в Куйбышеве, куда предполагался переезд правительства после сдачи немцам столицы. Туда перевезли библиотеку из кремлевской квартиры, а Ближнюю дачу заминировали. Во время войны даже его бомбоубежище в Кремле было оборудовано по тому же принципу, что и дача. Был у него свой кабинет с книгами и картами в бомбоубежище Генерального штаба. Всю войну библиотека из кремлевской квартиры находилась в Куйбышеве.

К концу жизни Сталин был охвачен зудом перестройки своего старого жилища и строительством новых дач. На Ближней даче помимо перестройки старого дома он приказал возвести отдельный деревянный флигель-склад, наполовину врытый в землю. В нем были сооружены стеллажи из неструганых сосновых досок, на которых и расположилась большая часть книг его библиотеки, насчитывавшей несколько тысяч томов. Видевший эту библиотеку Ю.П. Шарапов вспоминал: «Там находилась литература, которую он стал собирать еще в 20-е годы. В первую очередь это были книги по гражданской истории, истории войн, различные варианты уставов Красной армии, а также художественная литература» ^[212].

При демонстративной нетребовательности к бытовому комфорту, Сталин, как древнеримские императоры, обожал строить новые виллы. (Не случайно история императорского Рима его так сильно волновала.) У него было три дачи на Кавказе. Одна в Сочи, в районе серных источников Мацесты. Другая дача в Абхазии — высоко в горах по дороге на Гагру. По замыслу, она напоминала «Орлиное гнездо» Гитлера в Альпах. И еще один дом на берегу Черного моря в районе Зеленого мыса на территории огромного парка. Помимо дач на Кавказе была дача и в Крыму. Везде, судя по всему, Сталин обустроивал свои жилища по все той же привычной схеме с обязательными диванами, коврами, бильярдом, магнитоной (или другими музыкальными устройствами) и библиотекой. В отличие от книг, патефонные пластинки с итальянскими певцами, русскими оперными ариями, грузинскими, украинскими и русскими народными песнями, с записями любимого им Хора имени Пятницкого, он заказывал не только в СССР, но и за границей ^[213]. Согласно описи имущества дачи, сделанной после смерти Сталина, в его коллекции было девяносто три грампластинки оперной музыки, восемь пластинок балетной музыки, пятьсот семь

пластинок русских и украинских песен [\[214\]](#). Прямо на пластинках Сталин писал: «хорошая», «очень хорошая», «плохая», «пустое», «дрянь», «не годится» [\[215\]](#). Судьба пластинок из сталинских фонотек неизвестна. Возможно, они до сих пор находятся на бывшей даче вождя.

У Сталина был небольшой, но приятный и, возможно, поставленный еще в семинарии голос. Во время застолий он вместе с партийными товарищами особенно душевно исполнял русские народные и белогвардейские песни. Если бы Троцкий об этом узнал в то время, когда начал писать биографию Сталина (конец 30-х годов), то он, без сомнения, обыграл бы это как прямое доказательство контрреволюционного перерождения сталинизма. Впрочем, Троцкий был человеком тонкого ума, а Молотов рассказал о песенных пристрастиях спустя почти три десятилетия после смерти вождя. Нечего и напоминать, что за исполнение белогвардейского песенного фольклора обычными смертными даже в очень узком кругу осуждение по статье — контрреволюционная агитация и пропаганда — было бы обеспечено. До конца жизни Сталин любил публично исполнять церковные распевы, разумеется во время застолий.

В Подмосковье у него было еще несколько вилл. До того как в подмосковных Горках был организован музей Ленина, он, выселив оттуда Крупскую, на короткое время расположился сам. Под одну из дач была также приспособлена старинная барская усадьба «Липки» на двухсотом километре Дмитровского шоссе (Дальняя дача). Еще одна — новый дом, построенный перед войной в Семеновском (Средняя дача). И там оборудовалось все точно так же, как в Кунцеве.

Что случилось с содержимым этих дач и с книгами, сейчас установить трудно. На Кавказе обстановка сталинских усадеб стала растаскиваться в первый же год после смерти хозяина. Известно также, что сразу после смерти Сталина вся обстановка Ближней дачи, включая и библиотеку, была перевезена на склады МГБ по приказу Берии. Он был назначен членом комиссии по сохранению наследия вождя. Дом передали под детский санаторий. После расстрела Берии обстановка на Ближней даче была восстановлена со слов бывшей obsługi вождя. Предполагалось, что там будет мемориальный музей, который должен был открыться в сентябре 1953 года [\[216\]](#). Музей был готов к открытию 13 февраля 1956 года. Думали, что первыми посетителями будут делегаты XX съезда партии, но по известным причинам, в связи с «разоблачением» на съезде культа личности, открытие музея не состоялось. Судьба музея решалась на самом высшем политическом и государственном уровне. В феврале того же года музей посетили Л.И. Брежнев и Е.А. Фурцева вместе с руководящими работниками ЦК. Походили, посмотрели и ничего не решили. Затем

Н.С. Хрущев поручил разобраться с судьбой музея Д.Т. Шепилову. Музей-дача Шепилову понравилась, навеяла сентиментальные воспоминания о хозяине. Шепилов был умным и достаточно образованным человеком. После посещения квартиры он поговорил с Хрущевым, и музей, передав в Управление делами ЦК, законсервировали.

Пока мы задержались в 1956 году, у нас есть возможность «пройтись» по комнатам дачи Сталина, незримо следуя за Шепиловым и директором музея А.Я. Казаковым, который был его гидом.

Открыв дверь, входим в обширный вестибюль. Перед нами вешалка. На ней висят личные вещи вождя: бекеша на лисьем меху, драповое коричневое пальто, армейское пальто на котиковом меху. Напомним, что командование Советской армии запрещало одевать военнослужащим под мундир или шинель утепляющие неуставные вещи. Генералиссимус сделал себе исключение, чтобы зимой не замерзать на трибуне Мавзолея. На вешалке висят меховая шапка-ушанка, фетровая коричневая шляпа и разного рода военные фуражки. Внизу стоят старые мягкие подшитые валенки, которые заменяли стареющему вождю теплые домашние тапочки. Напомним — весь вестибюль увешан географическими картами с пометами Сталина.

Проходим далее в дом. К концу жизни хозяина на первом этаже дома было пять комнат, а на втором — две для гостей. На первом этаже у Сталина было три обжитых помещения, по которым он постоянно перемещался, видимо в целях безопасности. С той же целью дом был оборудован специальными датчиками, которые сигнализировали охране о местонахождении хозяина. Если он рано возвращался из Кремля, то обычно работал до 5 часов утра, а затем спал до 11–12 часов дня, а иногда и позже. Все помещения в доме, включая стены и потолки, были отделаны ценными породами дерева, а мебель была тяжеловесного официально-имперского стиля.

В первом помещении, которое находилось направо от вестибюля, в самом конце коридора, первоначально были спальня и библиотека. В 1951 году Сталин приказал библиотеку убрать и сломать перегородку. Эта комната стала «резервной», но Сталин в ней не работал, хотя там поставили письменный стол, сервант, зеркальный гардероб красного дерева, в котором висели костюмы и опять любимые фуражки.

Вернемся в коридор и пройдем во второе помещение, где Сталин чаще всего работал, пил чай, обедал. В центре его стоит обеденный стол, а вокруг — шесть стульев, обитых голубым репсом. Стол завален газетами и книгами, которые Сталин просматривал по утрам. Теперь перейдем в малую столовую, где в дальнем левом углу жарко пылает камин, в центре стоит обеденный стол, а справа — широкий диван. В малой столовой был еще

один круглый стол, на котором стояли четыре телефонных аппарата. Слева — связь с МГБ, в центре — телефон ВЧ, справа кремлевская вертушка и отдельно — красный аппарат с двузначными номерами членов Политбюро. Это помещение наиболее обжито. Оно соединяется с закрытой восточной верандой, где Сталин работал летом и зимой. Там тоже стоит стол, на котором лежат книги и журналы.

Заглянем теперь в большой зал, который до 1948 года служил вождю рабочим кабинетом. В нем проводились заседания Политбюро, во время войны собирались члены ГКО. Здесь же он праздновал свое 70-летие и здесь же на большом «турецком» диване умер. На диване лежат два легких стеганых одеяла и три подушки, помнящие старческое сталинское тело. Директор музея обращает наше внимание на лежащую на специальной подставке гипсовую маску вождя, снятую 6 марта 1953 года скульптором Манизером. Здесь же стоят пять траурных венков от центральных организаций страны. На противоположной стене зала висят две вышитые шелком картины, подаренные китайской делегацией: изображения тигра и орла. Раньше в этом помещении висели портреты Горького, Маяковского, Шолохова, Бедного и других. Одно время висело в этой комнате и фото «Ленин и Сталин в Горках». Но в 1951–1952 годах Сталин приказал все это снять и повесить репродукцию с картины А. Яр-Кравченко «А. Горький читает 11 октября 1931 г. товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку “Девушка и смерть”». Ту самую сказку, по поводу которой Сталин написал на томике с произведениями писателя фразу, ставшую ныне сакраментальной: «Эта штука посильнее Фауста Гете». Образцом для этой картины послужила неудачная фотография, сделанная в тот же день. Но об этом подробнее расскажем в следующих главах. Другие репродукции с картин и фотографий, изображавших детей и животных, о которых вспоминала С. Аллилуева и Н. Хрущев, работники музея, видимо, не вернули на прежнее место. Здесь же стоял рояль знаменитой марки «Стэнвей», на котором музицировал А. Жданов. Но после его смерти рояль перенесли в спальную комнату. Вместо него поставили радиолу зарубежной марки «Виктор» и здесь же на столе лежали пластинки. Переходим в спальную, но ее директор музея описывает стеснительно-скупое, привлекая внимание лишь к книжному шкафу, где находится небольшая часть дачной библиотеки вождя.

После XX съезда, с подачи тогдашнего главного партийного идеолога М. Суслова и министра культуры Е. Фурцевой, от сохранения мемориала Сталина окончательно отказались. Все, что было связано с именем Сталина и его эпохой, стало сознательно уничтожаться и скрываться.

Точно так же, как Сталин уничтожал подлинные свидетельства о своих великих революционных соратниках, уже его совсем не великие соратники принялись выскабливать память о нем самом. Не только сносились бесчисленные и безобразные гипсовые бюсты, бетонные, гранитные и мраморные монументы, вырубались талантливо сделанные флорентийские мозаики и золоченые смальты. Переименовывались бесчисленные колхозы, заводы, населенные пункты. Самое же главное — тщательно скрывались документы и другие источники, проливавшие свет на личность Сталина, на его духовный и интеллектуальный мир. Происходит это вплоть до нашего времени, то есть через почти пятьдесят лет после его смерти. Историк знает — для того чтобы общество изжило какое-нибудь тяжелое социальное явление, оно должно быть осмыслено обществом же с самых различных позиций и оценок. А для этого должен быть сдернут покров «тайны», и в первую очередь с архивов. Но кто слушает историка, а тем более в России и в особенности в XXI веке? Читатель должен учитывать, что в обобщенный образ российского историка намертво впаян образ и самого Сталина как главного идеолога философии истории России XX века. Именно поэтому сталинизм, пусть и в других облициях, еще не умер. Как и бонапартизм во Франции, сталинизм в России полностью не умрет никогда. По последним сведениям, музей-дача Сталина в законсервированном виде все еще ждет своего часа.

* * *

Дочь Сталина Светлана Аллилуева, судя по ее воспоминаниям, любила в Сталине отца, но ненавидела в нем тирана. Ровно через два года, в день смерти — 5 марта 1955 года, видимо, понимая, что квартира и кабинет в Кремле не будут сохранены в неизменном виде, как не будет и музея на Ближней даче, она написала письмо члену Президиума ЦК КПСС Н. Булганину:

«Уважаемый Николай Александрович!

Разрешите обратиться к Вам с просьбой, которая заключается в следующем: на квартире моего отца в Кремле осталась большая библиотека. Ее начала собирать моя мать Н.С. Аллилуева, она пополнялась в предвоенные и послевоенные годы и насчитывает много сотен томов,

главным образом, художественной и исторической литературы. Какова судьба этой библиотеки сейчас — я не знаю, так как уже давно не была на прежней квартире (весной 1953 года мне рекомендовали там не бывать и пропуск в Кремль отобрали).

Я бы очень просила Вас, если Правительство сочтет это возможным, передать мне часть этой библиотеки. Она колоссальна, в ней много книг, не интересующих меня, но если бы мне было разрешено отобрать самой часть книг, я была бы глубоко Вам благодарна. Меня интересуют книги по истории, а также русская и переводная беллетристика, библиотеку эту я хорошо знаю, так как всегда раньше ею пользовалась.

Светлана Аллилуева

5. III.1955» [\[217\]](#).

О письме было доложено Хрущеву, оно было разослано всем членам партийного ареопага и отправлено 10 марта без ответа в архив (Сталина!). Такова была практикуемая и ныне форма хамоватого отказа.

До 1956 года библиотека и на Ближней даче все еще находилась в неизменном виде. Но в феврале того года директор Государственной публичной библиотеки им. Ленина П. Богачев сделал немислимый в сталинское время шаг. Он отправил письмо в ЦК КПСС с просьбой вернуть принадлежавшие ГБЛ книги, находящиеся «в библиотеке И.В. Сталина... взятые по абонементу в прошлые годы». При этом прилагался список на трех листах, содержащий 72 наименования [\[218\]](#). К концу лета выяснилось, что на 62 книгах есть пометы Сталина. Поэтому было принято разумное решение: книги с пометами отправить в ИМЛ, возместив их ГБЛ аналогичными экземплярами из библиотеки института. Помимо словарей, о которых говорилось выше, и нескольких курсов географии, в этом списке значились книги как древних, так и новых историков: Геродота, Ксенофонта, П. Виноградова, Р. Виппера, И. Бельямина, Д. Иловайского, К.А. Иванова, Гереро, Н. Кареева, а главное — двенадцать томов «Истории государства Российского» Карамзина и второе издание шеститомной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (СПб., 1896). Здесь же значились: «История русской армии и флота» (т. 5), «Очерки истории естествознания в отрывках и подлинных работах д-ра Ф. Даннемана» (СПб., 1897), «Мемуары князя Бисмарка» (Мысли и воспоминания) (СПб., 1899). И еще с десятков номеров «Вестника иностранной литературы» за 1894 год, «Литературные записки» за 1922 год, «Научное обозрение» за 1894 год, «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина» (Вып. 3. М., 1934) с материалами о Пушкине, П.В. Анненкове, И.С. Тургеневе и А.В. Сухово-Кобылине. Два дореволюционных выпуска книги А. Богданова «Краткий курс экономической науки», роман В.И. Крыжановской (Рочестер) «Паутина»

(СПб., 1908), книга Г. Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество» (Тбилиси, 1939, на грузинском языке) и др.

Позже, после XX съезда, часть книг из библиотек Сталина (в кремлевской квартире и на Ближней даче) были переданы в библиотеку Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Туда поступило только пять с половиной тысяч из более чем двадцати пяти тысяч томов. Это были книги со штампом библиотеки Сталина и его замечаниями на полях и подчеркиваниями в тексте. Затем те книги, на которых были обнаружены пометы (около четырехсот экземпляров), в 1963 году передали в Центральный партийный архив (ныне РГА СПИ). В библиотеке ИМЛ остались книги с дарственными надписями авторов и со штампами «Библиотека И.В. Сталина» [\[219\]](#). Остальные книги без помет, надписей и штампов были переданы в различные публичные библиотеки, но главным образом в ГБЛ. Удивительное дело! Из шестидесяти двух книг, на которых, как доподлинно известно, были «подчеркивания отдельных предложений... которые по своему характеру являются выводом к вышесказанному» или имели сталинские «замечания на полях» [\[220\]](#), в РГА СПИ мне удалось обнаружить только одну. Это — «История русской армии и флота», т. 5, 1912 года издания. Библиотечный шифр ГБЛ на ее обложке и в списке, представленном Богачевым, совпадают. Куда исчезли остальные книги из этого списка, неизвестно. Особенно жаль, что мы не знаем сейчас, как Сталин воспринимал труды таких историков, как Карамзин и Соловьев. Будем надеяться, что они еще обнаружатся.

Помимо этих таинственно исчезнувших книг, уже сейчас известно, что некоторые экземпляры с пометами Сталина находятся в частных руках. В. Молотов показывал своему мемуаристу Ф. Чуеву книгу с пометами вождя. Известный наш историк и мыслитель М. Гефтер показывал Р. и Ж. Медведевым первый том собрания сочинений Бисмарка, подготовленный к изданию в 1940 году. Вводная статья была испещрена пометами Сталина [\[221\]](#). Есть и другие свидетельства о нахождении в частных руках книг с его пометами. С уверенностью можно говорить о том, что значительное количество не изданных по разным причинам рукописей книг, киносценариев, книг, присланных на различные конкурсы с пометами, замечаниями и отзывами Сталина, находятся в настоящее время в государственных архивах, в фондах различных советских организаций и в особенности в личных фондах деятелей советской культуры и науки и ждут исследователя.

Значительную научную ценность представляют дошедшие до нас в неизменном виде знаменитые собрания книг по-разному знаменитых людей: библиотеки Вольтера, Дидро, Линкольна, Ленина и других. Книга веками

может сохранять тепло (а иногда и грязь) прикасавшихся к ней рук и уж тем более — пометы и другие, часто неожиданные маргиналии. У книги, как и у всего того, к чему прикасалась рука человека, часто таинственная и особая жизнь. В то же время по недомыслию уникальные библиотеки раскассируются. То же произошло и со сталинскими библиотеками. Их раскассировали вопреки протестам специалистов. Хорошо еще, что сотрудники библиотеки ИМЛ сочли возможным составить общий каталог сохранившейся части библиотеки [\[222\]](#). С этим предварительно составленным каталогом и с этой частью до сих пор не разобранной библиотеки Сталина я продолжаю работать.

На фоне архива и посмертной суеты

Некоторая часть книг (в том числе переводных в машинописном виде), художественных и партийных журналов с маргиналиями из сталинского кремлевского кабинета разделила судьбу личного архивного фонда вождя. Он до недавнего времени был сосредоточен в двух местах. Открытый для всех с развалом СССР и КПСС Центральный партийный архив (ныне РГА СПИ) хранит у себя фонд 558, где были соединены материалы, относящиеся к деятельности Сталина как главы партии и правительства, воспоминания и труды о нем, документы, относящиеся к членам семьи, приветствия в связи с юбилеями, материалы, связанные с его болезнью и смертью. Там же в качестве самостоятельного раздела сосредоточена и часть книг с пометами [\[223\]](#). В бывшем Музее Октябрьской революции хранятся подарки вождю, в свое время составлявшие особые экспозиции. Но наиболее ценная часть архива (личный архив Сталин и его помощники стали собирать еще в 1922 году в кремлевском кабинете) находилась после его смерти сначала в так называемой «особой папке» Генерального секретаря ЦК КПСС, которая после 1991 года перевоплотилась в Архив Президента РФ. Только в 1999 году сталинский фонд из Архива Президента РФ вместе с книгами и журналами частично был передан в Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). По какому принципу отбирались дела и книги из Архива Президента, а главное, на каком основании часть из них там до сих пор находится и практически доступна лишь для «избранных», непонятно. Будучи президентом, Б.Н. Ельцин дважды отдавал распоряжение о передаче архива Сталина. Похоже, что его же собственная администрация эти распоряжения саботировала. В 1999 году из 1703 дел 300 остались засекречены. Это дела, касающиеся переговоров с фашистской Германией накануне войны, материалы «дела врачей», «Катыньское дело», «Корейская война» и другие.

Доступная сейчас часть архива несет на себе и другие следы откровенных изъятий [\[224\]](#).

История архива Сталина еще в большей степени, чем история его библиотек, полна неясностей. В ночь с 4 на 5 марта 1953 года, когда Сталин еще дышал, на заседании Бюро Президиума ЦК было принято решение: «Поручить т.т. Маленкову Г.М., Берии Л.П., Хрущеву Н.С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок» [\[225\]](#). Скрывалась ли за этой формулировкой обычная практика того времени, когда после смерти крупного деятеля его архив и квартира опечатывались и охранялись, а их дальнейшей судьбой занималась специальная правительственная комиссия, или же здесь бывшие соратники проявили особую заинтересованность и осторожность, сказать трудно. Делала ли что-нибудь комиссия реально, просматривала ли бумаги или только опечатала сейфы, столы и шкафы — неизвестно. В любом случае мера эта вполне логична и разумна, в том числе и с точки зрения бюрократической преемственности руководства. Впрочем, 5 марта уже для организации похорон была создана еще одна комиссия во главе с Хрущевым, но в ином, расширенном составе [\[226\]](#).

Как уже говорилось, все имущество Ближней дачи (включая документы и книги) было вывезено людьми из любимого ведомства Берии и по его распоряжению на вполне законных основаниях. И хотя на тот момент он давно не был министром госбезопасности (эту должность занимал С.Д. Игнатьев), он действовал как член правительственной комиссии и, без сомнения, с согласия двух других ее членов. Почти наверняка то же самое было сделано и с документами, хранившимися в кремлевском кабинете. Однако, если вывоз имущества Ближней дачи не остался без внимания многих, в том числе и С. Аллилуевой, то вывоз документов из кремлевской квартиры, кабинета и других дач был «замечен» только в апреле того же года. Маленков, Берия, Хрущев лишь по должности, как члены правительства, возглавили комиссию. Естественно, что конкретную работу должны были выполнять приданные комиссии люди из Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Когда в апреле они явились в Кремль, то выяснилось, что шкафы и сейфы с документами и деньгами (Сталин занимал с десятков оплачиваемых государственных должностей) пусты. После этого поползли слухи, обраставшие легендами, о якобы сознательном уничтожении части архива Сталина сначала Берией, а затем Хрущевым.

Особенно упорно говорят об исчезновении многочисленных конвертов, которые многие видели у Сталина на даче и на квартире. Такие конверты действительно были, но, скорее всего, в них содержались тексты официальных правительственных и партийных постановлений, которые

Сталин обязан был подписывать согласно своим должностям. Как вспоминал Молотов, Сталин часто ленился просматривать эти бумаги, и они скапливались в нераспечатанных конвертах у него сотнями до тех пор, пока кто-нибудь из приближенных членов правительства не обращал его внимания на тот или иной государственный акт. Тогда Сталин вытаскивал его из кучи бумаг, внимательно изучал и, если не имел вопросов, подписывал. Естественно, что после его смерти все эти конверты с документами были переданы в соответствующие учреждения.

До 1957 года никто ни тайно, ни явно не поднимал вопрос об уничтожении части архива Сталина. Не предъявлялись какие-либо обвинения и на суде по «делу Берии», хотя именно на него легко было бы свалить вину за исчезновение части архива вождя, если бы в этом возникла надобность у Хрущева и других. Между прочим, на суде шла речь и об архивах, но об архивах ЦК КП(б) Азербайджана, которые Берия тайно держал у себя в течение 20 лет [\[227\]](#). Отметим, хранил, не уничтожил.

Берия сидел в бункере МВО, а руководителям комиссии по наследию, Маленкову и Хрущеву, Президиум ЦК поручил 18 сентября 1953 года сделать «сообщение о материалах архива Иосифа Виссарионовича Сталина на заседании Президиума ЦК КПСС 3 декабря 1953 г.» [\[228\]](#). Неизвестно, чем занималась комиссия до конца апреля 1955 года. Скорее всего, ничем, но 28-го числа на очередном заседании Президиума ЦК было решено вновь пересмотреть состав комиссии и включить в нее помимо Хрущева (председатель) и Маленкова новых членов: Булганина, Кагановича, Молотова, Пospelова и Сулова [\[229\]](#). Вполне очевидно, что кого-то из членов Президиума проблема архива особенно волновала. Это был Молотов.

Комиссия в том составе, как она была сформирована весной 1955 года, ни разу не собиралась. Молотов спустя много лет вспоминал, что в 1957 году, когда его изгоняли из партийных и государственных органов на пленуме ЦК, он пытался предъявить претензии Хрущеву. «— Орали, орали. Я говорил не о нем, но о его руководстве специально, теперь не вспомнить все, что было сказано до этого, в том числе и насчет того, что в 1953 году назначена комиссия по архиву Сталина, председатель — Хрущев, я — член комиссии. Сейчас (1970 г. — Б.И.) с 1957 года ни разу не собирались мы, члены комиссии, Микоян там был, еще кто-то. Архив Сталина нам, комиссии, поручен. Вот видите, как ведет себя Хрущев», — возмущался Молотов [\[230\]](#). Память его кое в чем подвела — до 1955 года он в комиссию не входил, не значился в ней и Микоян.

Почему Молотова спустя десятилетия волновала судьба архива Сталина? Почему до сих пор подогреваются слухи о чистках,

проводившихся в нем? Причин таких три, и они очень традиционны для посмертной судьбы диктаторов. Во-первых, это проблема наследника, а значит, возможного завещания, во-вторых — проблема компромата на ближайших соратников, в-третьих — «тайна» смерти.

Завещания почти наверняка не было, так как существовал не доведенный до конца «проект» Сталина «коллективного руководства» страной. Я уже упоминал о том, что и Ленин в начале своей болезни пытался организовать такое «коллективное» руководство под своим протекторатом. Сталин в конце жизни тоже пытался решить похожую задачу. Отсюда и реорганизация Политбюро после XIX съезда, расширение Президиума ЦК за счет малозначимых фигур, который по типу ленинского «Рабкрина» должен был присматривать за Бюро Президиума ЦК. Главное же — это оттеснение Молотова как наиболее вероятной кандидатуры на роль нового верховного вождя. И даже в этом Сталин шел по стопам Ленина, который лично инициировал оттеснение Троцкого с тех же позиций. Но еще древние говорили, что подобное рождает подобное. Через несколько месяцев после смерти Сталина (как и после смерти Ленина) от коллективного руководства осталась лишь словесная шелуха. Позже еще одну и столь же неудачную попытку заменить себя незаменимого многоголовым органом предпринял в Югославии И. Тито. А вот Дэн Сяопину в коммунистическом Китае идея личного «протектората» удалась. Так что и древняя мудрость оказывается не абсолютной. Лишний раз подтверждается — человек в сфере человеческого может сделать все, были бы талант и воля.

То, что Сталин постоянно собирал у себя в личном архиве компрометирующие материалы на руководящие кадры, не подлежит никому сомнению. И прямых и косвенных свидетельств на этот счет более чем достаточно. Да иначе и быть не могло. На доносе и компромате держалась вся сталинская система власти. Знали об этом и все люди ближнего круга. О ничтожном содержании этого «компромата» говорят те глупейшие, но зловещие пассажи, которые Сталин позволял себе по отношению к Ворошилову, Молотову, Микояну, а еще раньше — обвинения в адрес Вознесенского, Кузнецова и других. Конечно, дело было не в реальном наличии или в достоверности этого компромата, а в желании вождя дать ход очередному «делу». Поскольку ничего действительно порочащего на членов «ближнего круга», включая Берию, Хрущева, Ворошилова или Молотова, не было (за исключением интимных сексуальных дел), то вряд ли кто-нибудь из них испытывал какие-либо страхи и стремился непременно сразу же после смерти Сталина эти материалы найти и уничтожить. Другое дело — документы, свидетельствовавшие о причастности к массовым репрессиям и

убийствам. Но и они, как теперь выяснилось, прекрасно сохранились. Тот, кто знает принципы действия советско-российской государственной администрации, тот согласится со мной, что рано или поздно на каком-нибудь из ее бесчисленных этажей все тайные материалы обязательно найдутся.

* * *

До начала перестройки о судьбе сталинского архива в открытой печати сведений не было. Затем появились биографии Сталина, написанные Дмитрием Волкогоновым и Эдвардом Радзинским, с широким использованием материалов Президентского архива, где внезапно «обнаружился» фонд Сталина. Люди, считавшие себя оплотами борьбы за демократию, просто интеллигентами, ни разу даже не поставили вопрос о сомнительности самой системы «избранных» и «доверенных». Если учесть, что генерал Волкогонов после августовских событий 1991 года в течение нескольких лет возглавлял комиссию Верховного совета РФ по передаче архивов КПСС и КГБ СССР в государственные архивы РФ, одной из задач которой было открытие этих самых архивов для науки и общественности, то его позиция в отношении Архива Президента и фонда Сталина мне до сих пор остается непонятна и чужда. Работая в этой комиссии, я близко наблюдал, как легко генерал лавировал между различными мнениями.

Несмотря на то что часть архива Сталина оставалась «засекреченной», на страницах журнала «Источник», издаваемого при поддержке Администрации Президента РФ, опубликовано много интереснейших документов из сталинского и других фондов. Совершенно очевидно, что дело здесь не в защите государственных интересов, а в корыстной монополии группы чиновников на государственную информацию. По тем же причинам там до сих пор застряла часть книг сталинской библиотеки. Под предлогом засекреченности книги застряли, скорее всего, в так называемой «Коллекции». А между тем еще в начале 90-х годов в своей монографии Волкогонов процитировал некоторые страницы гитлеровской «Майн кампф», отмеченные карандашом Сталина, и упомянул перевод книги Конрада Гейдена «История национал-социализма в Германии», вышедшей в Цюрихе в 1934 году. Книга Гейдена — одно из самых ранних и ярких описаний становления национал-социализма в Германии — была издана в 1935 году отделом пропаганды ВКП(б). Недавно она частично была переиздана в России. Эти и другие книги по истории и практике национал-

социализма, проштудированные Сталиным, как и многое другое, пока скрывают в государственных архивах.

Неизвестно, что происходило со сталинским архивом в годы правления Хрущева. Правда, появлялись глухие обвинения его в том, что фонд Сталина был «почищен», как и другие архивы страны, на предмет уничтожения следов деятельности самого Хрущева в годы репрессий. Однако доказательств чистки именно сталинского архива пока нет.

В марте 1966 года американский журнал «Лайф» опубликовал фотоснимок документа «Особого отдела Департамента полиции» царской России о Сталине [\[231\]](#). Там же, в США в 1967 году, Стэндфордский университет опубликовал на русском языке три книги, как бы 14, 15 и 16-й тома собрания сочинений Сталина. Такие тома действительно были подготовлены ИМЭЛ, но не успели выйти в печать до смерти вождя. Сейчас они находятся в его архиве [\[232\]](#). Американские исследователи на свой страх и риск выбрали из советских официальных изданий тексты сталинских выступлений и другие опубликованные документы и издали их как «продолжение» собрания сочинений. Уже говорилось, что при жизни Сталина в свет вышло только тринадцать томов, охватывающих довоенный период. В 1997 году в России изданы так называемые 15-й и 16-й тома сочинений Сталина под редакцией Р. Косолапова [\[233\]](#). Но это фальсифицированная версия макетов подлинных 14-го и 16-го томов сочинений, содержащих материалы военного и послевоенного времени. Давно пора в целях науки издать недостающие тома и другие сталинские писания и речения. Подготовленный ИМЭЛ 14-й том включал произведения 1934–1940 годов, в 15-й и в последний, 16-й том вошли работы военного и послевоенного времени. Фальшивкой оказался и документ «Особого отдела Департамента полиции».

Сейчас стало известно, что научно-техническая обработка архива Сталина была осуществлена только в 1977–1978 годах. И тогда же была проведена пересистематизация документов фонда, выделены комплексы, как считали работники, архива ЦК КПСС, не имевшие прямого отношения к работе аппарата ЦК. Сама постановка этого вопроса порочна. Известно, что Сталин был всем — и партийным, и государственным, и военным, и дипломатическим, и научным, и т. д. и т. п. деятелем. Если следовать этой логике, весь фонд Сталина надо было раскассировать полностью.

Специалисты из архива ЦК, нарушая так называемый «принцип недробимости архивного фонда», передали в другие хранилища дела губернских жандармских управлений за 1873–1915 годы, дела Юго-Западного фронта за 1918–1920 годы, документы Секретариата НК РКИ за 1918–1922 годы и Секретариата Наркомнаца за 1920–1923 годы. Тогда же

были переданы в Партархив ИМЛ по распоряжению К.У. Черненко дореволюционные и печатные издания, такие как «Искра», «Брдзола», «Листок борьбы пролетариата», подшивки газет «Правда», «Рабочий и солдат», «Рабочий путь» и другие. Всего — 29 наименований печатных изданий, в которых Сталин так или иначе принимал участие. Я убежден, что на многих из этих документов остались сталинские пометы, что делает их особо ценными. В результате опрометчивых действий партийных функционеров и архивистов вряд ли удастся установить точно, какие из печатных изданий принадлежали лично Сталину и с какого времени, а какие из них он получил уже в советское время и из каких источников.

Тогда же был передан в ГПБ (бывшую Ленинку) роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», издания 1837 года. Издание, конечно, редкое, прижизненное. Но и не единичное. Сталин любил поэзию всю жизнь. Сам писал в юности хорошие стихи, которые публиковал великий грузинский поэт Илья Чавчавадзе. Они даже вошли в грузинский учебник «Родной язык», изданный в 1912 году [\[234\]](#). Позже Сталин оказывал протекцию многим поэтам (как и большинство других большевистских вождей «ленинского» набора) и немало их загубил, понимая силу поэтической речи, умноженную на сатиру и сарказм.

Почему Сталин держал у себя под рукой документы наркоматов, которые он возглавлял, и периодические издания, в которых сотрудничал, понять можно, если учесть, что он сам принимал участие в работе по написанию собственной официальной биографии и изданию сборников и собраний сочинений. Наверняка мелькала мысль и о будущем мемориале. Уже во время 70-летнего юбилея настойчиво предлагалось открыть музей Сталина [\[235\]](#). А вот как он использовал материалы жандармских управлений — понять сложнее. Скорее всего, это был источник поиска опытных «специалистов» или же источник шантажа своих бывших и настоящих соратников, а может быть, он лично занимался поиском и уничтожением компрометирующего его материала? Возможно, все вместе. Еще до революции в партийных кругах циркулировали слухи о его провокаторской деятельности, о связях с полицией. Вполне естественно, что в годы борьбы с оппозициями эти слухи усилились и время от времени до сих пор оживают на страницах различных изданий. Особенно упорно эту версию разрабатывают Э. Радзинский и Ф. Волков [\[236\]](#). Но ни ими, ни другими ничего доказательного обнаружено не было и, скорее всего, не будет.

Во вновь поступившей в РГА СПИ в 1999 году части архива Сталина, наряду с разнообразной документацией, характеризующей партийную, государственную и военную деятельность, содержится также его обширнейшая переписка, биографические материалы, фотографии и

фотоснимки, материалы членов семьи, прижизненные публикации о самом Сталине. Но нас в первую очередь интересуют документы, дающие представление не о работе Сталина-бюрократа, хитроумного интригана, организатора террора, политических процессов и идеологических кампаний, военного и дипломатического деятеля, то есть опять-таки бюрократа, пусть и в специфических областях, а источники, характеризующие его внутреннюю духовную и интеллектуальную деятельность. Для этого мы войдем не только в архив, но и в его круг чтения. Войдем через все это в систему его истинных (то есть потаенных) интересов, взглядов и мнений и сопоставим их с официально провозглашенными догмами и установками, предназначенными для всеобщего усвоения.

Войдем, читая его глазами книги, журналы и некоторые документы, следя за движением его непропорционально крупной кисти руки, заламывающей «на память» сразу несколько страниц книги, как радушный кавказец за праздничным столом заламывает угол вкуснейшего лаваша. Наблюдая жесткую хватку пальцев, зажавших граненый толстоватый цветной карандаш и подчеркивающих слово за словом целые абзацы, а часто и страницу за страницей целые главы. Наконец, расшифровывая его замечания, написанные на полях, на отдельных листочках или поперек всей страницы: учебника, научного исследования, романа или журнальной статьи, посвященных древней и новой мировой истории, истории России, истории партии, истории философии, истории войн и военного дела, проблемам языкознания, политэкономии, преподавания истории в школе или проблемам биологии, литературы, драматургии, дипломатии и т. д. Всего и не перечислить. На протяжении всей своей жизни он с бесстрашием дилетанта и безнаказанностью диктатора вторгался практически во все сферы духовной и интеллектуальной жизни общества, принуждая его усваивать собственную систему взглядов, предрассудки, фобии. Впрочем, мы уже давно начали проникать в истинную картину мира вождя — через все эти источники. Последуем далее.

* * *

В кремлевский период своей жизни Сталин был человеком аккуратным и чистоплотным. Но в жизни случается всякое. На некоторых сохранившихся книгах есть следы от случайно пролитого чая или от горячего подстаканника. В задумчивости чистил трубку — на страницах желтые никотиновые пятна, а между ними пепел от осыпавшейся папиросы.

Я, наверное, последний, кто на такие мелочи обратил внимание. Соприкасаешься с ушедшей жизнью и видишь ее частицы. Как пепел.

Помимо того что он по-хозяйски писал, подчеркивал и загибал страницы, не задумываясь над тем, принадлежит ли книга ему лично или получена из публичной библиотеки по абонементу, он делал еще сотни бумажных закладок. Чаще всего полоски резались из розовой или белой писчей бумаги, но иногда, как и всякий много читающий человек, он использовал то, что было под рукой, — оторванный угол газеты или листок перекидного календаря. Благодаря этим случайностям, можно установить конкретную дату, когда он размышлял над той или иной страницей. К сожалению, и здесь сталкиваешься с неудачным внедрением в ткань прошлого руки архивиста. Наводя «порядок», кто-то распрямлял загнутые углы страниц, желая облегчить труд исследователя, вставлял свои закладки в местах, где есть сталинский текст. Пока и то и другое еще можно отличить. Но лет через пять — десять все разгладится и одинаково выцветет.

Сталинские библиотеки пополнялись не совсем обычными способами. Главным из них была система заказов, которые через секретарей или даже охранников [\[237\]](#) он направлял в различные библиотеки, причем как в государственные публичные, так и в партийные и ведомственные. Многие он получал прямо из издательств или от авторов в подарок. Все книги фиксировались в специальных годовых реестрах, которые хранятся ныне в РГА СПИ. Многие книги из библиотек возвращались, но не все. Восемьдесят процентов книг, где есть пометы Сталина, а иногда развернутые рукописные вставки, вопросы и комментарии, — это книги из публичных и специальных библиотек. В свою очередь, они пополнялись из самых разных источников. Поэтому многие книги несут отпечаток судьбы не только самой книги, но и владельца. Вот только один штрих, точнее — кровавая царапина.

Л.Б. Каменев был человеком, не лишенным не только публицистического, но и литературного таланта. К 1932 году, будучи битым-перебитым оппозиционером и уже предчувствуя могильный холод, он публично заявил о своем уходе из большой политики и погрузился в давно задуманный научный труд о Н.Г. Чернышевском. Можно только удивляться этим людям, сохранявшим способность думать и трудиться в то время, когда вокруг рушится ими же установленный мир. В мае 1933 года Каменев сдал свою книгу в печать. В том же году она вышла в свет тиражом сорок тысяч экземпляров, в «Серии биографий. Жизнь замечательных людей. Выпуск XIII». Тринадцать — число, как известно, несчастливое. Каменев был арестован и больше до расстрела на свободу не вышел. Успел ли автор подержать экземпляр своей книги в руках сейчас — неизвестно. Но Сталин

эту книгу затребовал и получил, видимо, авторский экземпляр. Доставили ее вождю прямоком из «Книгохранилища УСОГУГБ Н.К.В.Д.», штамп которого до сих пор красуется на обложке [\[238\]](#). Видимо, в других хранилищах книги было уже не найти. Не исключено, что этот экземпляр попал в НКВД вместе с автором и его библиотекой. Во всяком случае, архивы Каменева и Зиновьева были изъяты тогда же [\[239\]](#).

С именем Каменева связано еще и так называемое «Кремлевское дело». Мне кажется, правильнее было бы его назвать по аналогии с «делом врачей» — «делом библиотекарей». На июньском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был заслушан доклад секретаря ЦК Н.И. Ежова «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе». Ежов заявил, что при попустительстве Енукидзе Каменев организовал на территории Кремля целую сеть террористических групп с целью убить Сталина. Люди, попавшие в число «заговорщиков», были главным образом близкими и дальними родственниками видных и менее известных оппозиционеров и многие библиотекари кремлевских и московских библиотек. Помимо самого Каменева, его родного брата (иллюстратора книг), бывшей жены брата — работницы правительственной библиотеки в Кремле, еще двух родственников и младшего сына Л. Троцкого — Сергея, были осуждены на различные сроки заключения с десятков других работников той же правительственной библиотеки, а также библиотеки ЦИК СССР, библиотеки Комкадемии, Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, библиотеки Всесоюзной академии легкой индустрии. Всего 18 человек [\[240\]](#). Сталин периодически убирал и работников своих библиотек, раздражаясь навязываемой ими систематизацией его книг. Он сам предпочитал расставлять их так, как это было ему удобней и привычней. При этом не последнюю роль играло, видимо, и его особо доверительное отношение к книге.

И все же мы ведем речь не столько о книге, сколько о читателе и о человеке, много писавшем. О человеке, чье имя, спустя почти пятьдесят лет после его смерти, вызывает в любом, живущем на территории того, что когда-то называлось СССР, чувство тревожного замешательства. Это чувство сродни чувству религиозного человека, когда он ощущает присутствие не только Бога, но и дьявола.

На фоне семейных и соседских пристрастий

Как известно, «книга — лучший подарок». Может быть, Сталин был автором столь навязчиво популярного лозунга советской эпохи? Не знаю. Но особое отношение к книге выразилось, в частности, в том, что когда он что-то дарил своим близким или уважаемым людям (на то короткое время, пока

он их «уважал»), то это была книга. Чаще всего книга, написанная им самим. В РГА СПИ, где была собрана большая часть книг с автографами и пометами из разных библиотек вождя, есть с десятков изданий, подаренных им в разное время разным людям, иногда с дарственными надписями, а иногда и с чем-то особенным. Эти книги не остались у адресатов, а были возвращены или прежними владельцами, или стараниями людей бериевского ведомства, или так и не были вручены по каким-то особым соображениям хозяина. Чаще всего подарки были многозначительны, а иногда и не без элемента дидактики и нравовучения.

В 1922–1924 годах, в то самое благословенное для него время, когда он был назначен на высший административный пост в партии, а вторая молоденькая жена Надежда Аллилуева родила ему второго, явно желанного сына Василия, он сделал несколько подарков и одновременно сам же их получил. Жене он преподнес томик с произведениями Ленина. Ближайший его друг и прилежный исполнитель замыслов Молотов подарил ему свое сочинение «Ленин и партия за время революции», нацарапав марким почерком на титуле: «Дорогому товарищу Сталину. На память о совместной работе 16/IV В. Молотов. 1924 г.». А прославленный пролетарский поэт Демьян Бедный, живший по-соседски со Сталиным в Кремле в огромной и, как говорили, роскошно обставленной квартире, подарил в 1922 году давно разыскиваемые генсеком «Протоколы Объединенного съезда Российской социалистической рабочей партии». Поэт написал на подарке, приуроченном ко дню рождения соседа: «Сталину — Д. Бедный с крепкой любовью. 22/XII 22. Москва. Кремль» ^[241]. Любовь, по сталинским меркам, действительно будет достаточно долгой, хотя и претерпит различные эволюции. Во всяком случае, почти до самой смерти Сталина на его Ближней даче висел портрет Бедного. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда в 1925 году Сталин издал свой первый, довольно слабый сборник статей «На путях к Октябрю», выбранных из различных дореволюционных изданий, он по-кавказски сделал «алаверды» — ответный дар поэту, на котором тонким пером красиво написал: «Дорогому другу Демьяну от автора. 20/I—25» ^[242]. Кажется, это пока единственное документальное свидетельство того, что Сталин, находясь на подъеме к личной диктатуре, кого-то искренне назвал своим другом. Но душевный порыв, очевидно, был задавлен в зародыше. Книга так никогда и не попала по назначению, а автор спустя какое-то время густо затушевывал посвящение красными чернилами. Но прочитать посвящение все же можно.

Обычай дарить близким людям подарки так же естествен, как и обычай отмечать семейные даты. Таким был подарок старшему сыну Якову. На обложке книги Б. Андреева «Завоевание природы», выпущенной

Государственным издательством в 1927 году, написано карандашом удивительно четким, твердым и без всякого преувеличения красивым почерком: «Яша! Прочти-ка эту книжку обязательно. И. Ст.» [\[243\]](#). Книга была подарена, скорее всего, к двадцатилетию сына, в 1928 году. Под подписью полукруглая, режущая черта, тем же карандашом. Если вспомнить сложные отношения отца и старшего сына, о чем много и с горечью пишет его любимица — дочь Светлана, то становится понятной эта колючая, понукающая частица «ка». Других помет в книге нет, а это странно. Почти все прочитанное Сталиным исчерчено цветными карандашами и ручками, в полном смысле этого слова, вдоль и поперек. Только в описи имущества Ближней дачи значится 127 столь любимых им мягких карандашей. Поскольку я видел большую часть того, что сегодня сохранилось от библиотек Сталина, я уверен — книга Андреева, вышедшая в популярной серии «Книжная полка рабочего», была Сталиным внимательнейшим образом просмотрена до конца. Чем же она его могла привлечь? Не только тем, что просто и очень грамотно давала сведения не очень подготовленному читателю из истории физики, воздухоплавания, радио, антропологии, истории техники, энергетики и т. д. Все это, без сомнения, было интересно для человека, который не успел получить элементарных технических знаний даже в рамках обычной школы. Правда, в духовном училище, а затем в семинарии преподавали арифметику и математику, которые он, по словам дочери, любил. Но технических знаний у него не было вообще. Поэтому он напитывался знаниями везде, где можно. Любой источник, даже, казалось бы, самый примитивный, был для него приемлем. В этом отношении он не был каким-то особым исключением. Первая половина XX века с ее страшными социальными потрясениями и войнами породила во всех странах развитого мира огромный слой недоучек, дилетантов, но часто не глупых и даже чрезвычайно талантливых людей. Это были очень разные люди, достаточно сказать, что такой замечательный поэт и публицист, как Илья Эренбург, формально не имел даже законченного среднего образования. Довольно скромное образование имел и величайший гений XX века А. Эйнштейн. По свидетельству одного из лучших биографов Гитлера В. Мазера, будущий фюрер Германии был очень начитанным человеком, хотя дальше гимназии не продвинулся [\[244\]](#). Лишь во время войны, под влиянием вполне естественной пропаганды, сложилась легенда о тупом невежестве вождей Третьего рейха и других проигравших стран. Такое же и совершенно несправедливое мнение стало господствовать и после смерти Сталина. А оно не имеет под собой никаких оснований. Гораздо страшнее то, что все эти фюреры, дуче и вожди, будучи неглупыми людьми, усвоившими пусть и поверхностно, но обширные знания, были

начисто лишены всяких моральных и этических устоев. Может быть, как раз гипертрофированный интеллект выжрал у них человеческую душу? Ту самую божественную душу, которой, насмехаясь, страшился Сталин. Но не забудем, что величайшая книга говорит о дьяволе как о много знающем и даже мудром враге человечества. Недаром же дьявол решился помериться силами с Творцом.

Живой ум, не угасающая, а, наоборот, возрастающая с каждым годом, несмотря на многочисленные болезни, любознательность, явное удовольствие, которое он получал от жизни как победитель всех своих реальных и мнимых врагов, безграничность открывающихся политических и жизненных перспектив порождали новый прилив уверенности в своих гениальных способностях. Знания Сталина становились все более обширными и универсальными. Здесь начинал срабатывать эффект лидерства, вождизма.

Интеллектуальный и духовный миры человека никогда не совпадают. В то же время они удивительно пластичны, никогда не бывают неизменны. На протяжении жизни их объем и накал могут резко возрасть и расшириться и столь же резко сокращаться и даже падать. Наследственные способности, генетика — это лишь предпосылки. Если они есть, в дальнейшем многое определяют среда и собственная воля человека. Способности у Сталина явно были. Став, благодаря своему политическому таланту, единственным вождем, сверхдиктатором, он сознательно, а чаще интуитивно действовал сразу в двух направлениях — постоянно повышал свой интеллектуальный уровень и, используя механизмы репрессий, резко снижал его во всех сферах общественной жизни. В первую очередь это затронуло правящую и интеллектуальную элиты.

Когда начались первые грандиозные стройки в Москве, он давал архитекторам указания и принимал нередко, казалось, фантастичные, а на самом деле грамотные решения. По свидетельству Альберта Шпеера, талантливого фашистского архитектора и руководителя военной промышленности Германии, Гитлер в период сближения с Москвой, как юноша, обижался на Сталина, считая, что тот подворовывает его архитектурные идеи [\[245\]](#). Очень может быть, что так оно и было. Но не забудем, что первые планы реконструкции Москвы и монументальные проекты начали осуществляться тогда, когда Гитлер еще только-только дотягивался до власти в Германии.

Без личного сталинского одобрения не принимался ни один проект станции метро. Сталин принимал решения и по проектированию водных каналов, железных дорог и гидроплотин, решения о выпуске тех или иных видов вооружения, издания книг и учебников, строительстве новейших

заводов и т. д. И это были не формальные решения, многие из которых принимает любой глава государства. Талантливейшие конструкторы в своих воспоминаниях в один голос отмечают, что он поражал своих собеседников тонким пониманием конструктивных особенностей тех или иных машин.

В годы Второй мировой войны Сталин, так же как и Гитлер, принял на себя верховное командование. Г.К. Жуков, А.В. Василевский, Г.К. Рокоссовский и другие военачальники, которым не было смысла врать после смерти и развенчания диктатора, в один голос отмечали умение Сталина быстро учиться. Хорошо известно, что именно он принимал все стратегические решения в ходе войны.

Поэтому в «Краткой биографии» Сталин с соавторами вправе был о себе написать: «Круг вопросов, занимающих внимание Сталина, необъятен: сложнейшие вопросы теории марксизма-ленинизма — и школьные учебники для детей; проблемы внешней политики Советского Союза — и повседневная забота о благоустройстве пролетарской столицы; создание Великого северного морского пути — и осушение болот Колхиды; проблемы развития советской литературы и искусства — и редактирование устава колхозной жизни, и, наконец, решение сложнейших вопросов теории и практики военного искусства» ^[246]. Отметим, что не только разработка теории марксизма и успехи в войне вошли в список важнейших деяний вождя, но, что для нас особенно примечательно, — работа над школьными учебниками. А учебники эти были по истории.

Но никто из тех, с кем он близко сталкивался, не обмолвился о том, какие именно оригинальные предложения внес Сталин по военным планам или по строительству, как обогатил философскую и историческую концепции и т. д. Да, он обладал способностью точно оценить чужую мысль. Но творческой потенции в нем не было. Даже его известные «научные» работы по национальному вопросу, по политэкономии и языкознанию ничтожны по своей базе и выводам. Достаточно сказать, что в основе его изысканий по языкознанию лежат несколько статей из одного тома БСЭ, посвященных яфетической концепции Н. Марра, двух небольших отдельных работ академика и нескольких цитат из классиков марксизма.

Не способный к подлинному творчеству, он, не подозревая того, был одним из первых экзистенциалистов-практиков. Никто иной, а именно Сталин сделал открытие, что если поставить человека, особенно талантливого, на грань жизни и смерти, он сможет совершать творческие и трудовые подвиги. И сотни тысяч творцов прошли через бериевские «шарашки», лагеря, тюрьмы, «чистки» и действительно создали советскую, а точнее, сталинскую науку, технику и даже культуру. В годы сталинщины

практически все население СССР было поставлено на грань. Отсюда бешеные темпы строительства «социализма» и даже успехи в войне.

Если в гуманитарных науках Сталин, без сомнения, считал себя глубоким знатоком и даже гением, технические и точные науки были ему менее близки и понятны. Во всяком случае, среди книг с пометами Сталина почти нет изданий по точным наукам. С известной натяжкой сюда можно отнести несколько книг по артиллерийскому вооружению европейских стран и технический обзор военно-морских сил предвоенной Японии. Книга Андреева исключение. Судя по всему, в руки ему она попала не случайно. Его, без сомнения, особенно заинтересовали две проблемы — это социальная роль машины (нового «раба» по терминологии автора) в капиталистическом и новом социалистическом обществах и... детектор лжи. Ознакомившись с принципом его действия, он, конечно же, понял, что для него он не нужен, даже вреден. Именно в эти годы его любимым обвинением, выдвигаемым против «врагов народа», было обвинение в неискренности, фальшивой лести, обмане. Что касается лести, то она и сейчас видна невооруженным глазом, если прочитать стенограммы выступлений на съездах партии Каменева и особенно Зиновьева, да и других видных деятелей разных групп оппозиций. Как и во все времена, лесть вымогалась страхом. Но обмана не было — уже не было борьбы за лидерство и никогда не было предательства национальных интересов, шпионажа и другой страшной чепухи. Может быть, Сталин поверил в действенность детектора лжи и поэтому отверг его. У него могло быть выбито из рук самое любимое «политическое» оружие — собственные признания жертв, а точнее, самооговоры, сделанные под влиянием пыток, избиений, запугивания. До конца советской эпохи детектор лжи, впервые изобретенный в России, оставался запрещенным орудием дознания и был предметом публичных насмешек.

* * *

Сталин был очень любознательным человеком и хотел видеть ту же любознательность в своих детях. В книге Б. Андреева нет его столь обычных помет, комментариев и подчеркиваний не только потому, что это подарок, а потому, что это еще 1928 год. Он уже достиг вершины власти, но на этой вершине он хотя и господствует, но пока еще не полностью освоился со своим одиночеством. В то же время для нелюбимого 20-летнего сына он в 1928 году был, конечно, отцом, но уже Сталиным. Много ли найдется

людей, которые бы подписывали свои обращения к чадам и домочадцам официальным росчерком и к тому же псевдонимом?

Отношение ко второму, младшему сыну было иное, хотя и здесь он подписался так же. На переводе военно-фантастической книги немецкого аса майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года», изданной Государственным военным издательством в 1932 году, все так же размашисто и наискосок пером начертал: «Ваське Красному от И. Сталина. На память. 24/III 34 г. Москва» [\[247\]](#). Отец явно подталкивал сына, которому исполнилось 12 лет, к карьере военного летчика, возлагая большие надежды на очень динамичного (в отличие от старшего) младшего сына. Василий станет летчиком, но утешением стареющему отцу никогда не будет. А пока грубоватое «Ваське» и «На память» звучит вполне по-человечески, по-отцовски тепло.

Шесть лет спустя, когда отец превратит в кровавое месиво не только то, что тогда называлось «оппозициями», но и их вождей, когда репрессированных станут считать не на сотни тысяч, а на миллионы, и он будет искать среди известных исторических персонажей себе подобного, но не сможет его найти, Сталин сделает еще два подарка своим младшим детям. И на этот раз подарки со «смыслом».

В 1938 году после многолетних усилий целого коллектива авторов, можно даже сказать всего пропагандистского аппарата партии, после многочисленных редактур, в том числе и самого Сталина, вышла в свет воистину всемирно известная работа «История ВКП(б). Краткий курс». Сталин так сжился с ее текстом, так его отточил на свой лад, что убедил себя, что он может претендовать на авторство. Других «убедить» было легче. Поэтому в официальной «Биографии» так и указано: «В 1938 году вышла в свет книга “История ВКП(б). Краткий курс”, написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)» [\[248\]](#). Первые ее издания вышли большими тиражами и несколькими заводами. Разумеется, самым простым и дешевым было массовое издание в картонном переплете. Но одновременно «Краткий курс» издали и в более дорогих переплетах и большими, чем обычно, форматами. В архиве Сталина сохранились как первые, так и промежуточные варианты, а также те экземпляры «Краткого курса», которые вышли в свет. Особое, возможно, подарочное издание вышло в парчовом темно-малиновом переплете (царский цвет!), отпечатанное на дорогой мелованной бумаге, красивым крупным шрифтом. Не знаю, были ли еще другие подобные экземпляры, а если были, то кому они достались, но на первом листе «малинового» издания, что хранится в архиве, размашисто написано любимым красным, очень мягким карандашом: «Васе от Сталина».

Конечно, подарок есть подарок, и дело дарителя, как оформить его своему сыну. Но обратим внимание на то, что эта специфическая книга была подарена 18-летнему юноше с примитивно-дидактическим смыслом. Многочисленные свидетели отмечают, что Сталин был человеком в высшей степени скрытным. Даже очень близкие к нему люди никогда не были допущены к его душевным движениям, а тем более к сомнениям и колебаниям. И его вторая жена Надежда, которую, как утверждают все их знавшие, он, без сомнения, любил, не была допущена к его глубинным политическим замыслам. Совсем не пользовались доверием его родственники. Не доверял даже детям, когда те подросли. И Валеньке Истоминой, то ли внебрачной жене, то ли официальной наложнице, которая появляется у него после Надежды Аллилуевой, никаких своих серьезных помыслов и размышлений не доверял. Но книге он доверял многое, может быть, справедливо полагая, что вряд ли кто посмеет ее открыть без ведома хозяина. И пока он был жив, мир жил по его законам.

Если он действительно был одинок, особенно после смерти жены и уничтожения не только всех своих бывших товарищей, но и самых близких людей, то, видимо, книга в какой-то степени заменяла ему друзей и поверенных. Почти ни в одном из изданий, а их только в РГА СПИ на сегодняшний день не менее 500, не так уж много есть такого, что говорило бы о его нарочитости или о том, что он заранее рисуется перед будущими потомками и исследователями его жизни. Нет, он действительно работал с книгой, часто искренно жил тем, что там находил. Но в подарке Василию содержится отчетливое желание показать сыну, как надо читать и ценить при этом «творчество» отца, как «положено» работать с книгой. Малиновый экземпляр «Краткого курса» весь разлинован разноцветными мягкими карандашами, как бы под линейку, разрисован различными и тоже разноцветными стрелками и кружками: красный, фиолетовый, синий, зеленый, простой и сиреневый карандаши. Здесь представлен весь тот спектр цветов, которым он обычно пользовался, прочитывая, как он сам утверждал, несколько сот страниц в день. В этом издании нет только следов чернил и так называемого «химического» карандаша. В других случаях он часто пользовался и этим, в том числе и перьевой ручкой. Вопреки расхожему мнению, цвет карандаша не играл особой роли и не придавал пометам какую-то особую значимость. Точнее — различными карандашами Сталин пользовался не столько для того, чтобы что-то резче выделить, сколько для того, чтобы не запутаться самому. Он был трудолюбивым чтецом, и, как уже говорилось, у него была редкая привычка читать особо значимые книги несколько раз. Похоже, что цвет карандаша позволял ему

сразу видеть, в какой из очередных заходов он размышляет над текстом и что ему думалось раньше.

В подарке сыну все несколько иначе, особенно в первых главах. Красным карандашом он подчеркнул все, что относится к Ленину и большевикам, сиреневым (черным он пользовался редко) текст, характеризующий Мартова, меньшевиков и вообще всяческих оппозиционеров, то есть врагов. Вот как это выглядит в одном из абзацев: «Формулировка Ленина говорила, что членом партии может быть всякий, кто признает программу партии, поддерживает партию в материальном отношении и состоит членом одной из ее организаций», — подчеркнуто красным карандашом. А следующая фраза: «Формулировка же Мартова, считая признание программы и материальную поддержку партии необходимыми условиями членства в партии, не считала, однако, участие в одной из организаций партии условием членства в партии...» — сиреневым карандашом ^[249]. Напрашивается мысль, лежащая на поверхности: похоже, он с детства делил весь мир на две несоединимые половины, как в Евангелии. Видимо, и сыну хотел внушить этими цветовыми сигнатурами «правильное» прочтение и толкование этого воистину сакрального текста. Забегая вперед, отметим, что «Краткий курс» был создан из исторической пустоты, из одной лишь мысленной конструкции. Но благодаря особой силе «автора» эта пустота, эта дикая конструкция способна была творить полнокровную (буквально!) историческую реальность. Основы конструкции «Краткого курса» до сих пор громоздятся в умах тех, кто жил и учился на территории СССР, и даже тех, кто учится сейчас в России и во многих странах СНГ. Но эта тема требует особого и более подробного разговора.

В том же 1938 году он подарил, возможно, такой же, сигнальный экземпляр «Краткого курса» и 12-летней дочери Светлане. Надписал и его, велел прочитать. У дочери не хватило на это терпения, так ей было скучно. Отец разъярился — он хотел, чтобы она стала историком, еще лучше — историком партии ^[250]. Повзрослев, С. Аллилуева действительно закончила исторический факультет.

* * *

Перед нами в 1938 году уже не отец, а Вождь и Учитель, даже для дочери, даже для младшего сына. Он хотел оставить Василию и своим потомкам в назидание пример того, как именно Вождь работал с книгой. Как должно эту книгу понимать, как «отделить в ней главное от второстепенного» (любимое выражение кремлевского философа!). Отец

народов, гениальный Вождь и Учитель, легендарно бдящий по ночам в своем кремлевском кабинете и думающий обо всем человечестве сразу, не поленился расчертить подарок Василию — книгу в триста страниц до самого конца, постепенно теряя представление о смысле задуманного. Чрезвычайно занятый государственный муж, видимо, затратил не один час своего драгоценного времени, разрисовывая различными карандашами текст, обводя кружками даты, которые, как он считал, надо сыну запомнить (так он делал всегда и для себя). Выделял тем же красным карандашом номера пунктов в выводах. Такие номера он особенно любил ставить как в своих рукописях и книгах, так и в опубликованных текстах других авторов. Эта любовь к пунктам придавала его речам и письму особую, дидактическую убедительность, а мыслям, даже самым плоским, осязаемую весомость.

В этом странноватом рисовании видно и другое. Он заранее как бы предвосхищал «академические» издания своих произведений. К этому времени он терпеливо проработал много похожих печатных изданий — подготовительных и черновых трудов Ленина, Маркса и Энгельса. В них графическим образом передавались различного рода рукописные пометы на полях или в самом тексте книг и рукописей. И вот профессиональный редактор дал полную волю своему неодолимому пристрастию. Его привычка выправлять, редактировать и корректировать написанное и напечатанное была так же органична, как стремление к безраздельному господству, к интеллектуальному первенству или к «учительству». В сущности, и его политическая карьера началась как карьера редактора. Редактируя различные большевистские издания на Кавказе и в Центральной России, в частности и «Правду» в 1917 году, он с легкостью включился в работу Секретариата и Оргбюро ЦК после назначения на пост Генерального секретаря. Ведь Ленин и единогласно его поддержавшие члены Политбюро справедливо полагали, что Сталин как Генеральный секретарь партии возьмет на себя всю бумажную, бюрократическую, организаторскую работу в партии. А эта работа, по существу, редакторская, так как связана с подготовкой различных партийных документов, циркуляров, с перепиской и т. п. Этим они надеялись развязать себе руки для революционной, теоретической и «вождистской» работы. Преследовались и другие, чисто политические цели.

Ленин при слабеющем здоровье предполагал, что Сталин станет его доверенным лицом, будет вроде местоблюстителя при своенравном партийном ареопаге. Троцкого он первоначально устраивал, так как тот видел в Сталине преходящую фигуру на период болезни Ленина. Противников Троцкого — Каменева, Зиновьева, Бухарина и других —

устраивали в Сталине его нелюбовь к Троцкому и готовность вместе с ними оттеснить партийного «чужака» с первых позиций. Отсюда постоянные разговоры о «коллективном руководстве». Они особенно усилились после смерти Ленина. (Как позже после смерти Сталина.) Но в действительности никто этого не хотел. Как известно, все просчитались. И не в последнюю очередь потому, что Сталин искренно любил «бумажную» работу, постоянно совершенствуя и стягивая на себя все нити всеобъемлющего партийно-государственного аппарата. Постепенно он стал превращаться в «человека-государство».

«Человек-государство» или «творец»

«Человек-государство» явление уникальное в истории. Многие сильные личности ставили перед собой цель добиться абсолютного личного господства, а значит, абсолютной личной свободы от общества. Но практически никому, даже самым известным диктаторам, этого не удавалось. Все они так или иначе были ставленниками каких-нибудь сил: военных, политических, клерикальных, либо бюрократии, капитала, олигархии, или охлократии и т. д. В этих случаях правитель олицетворял какую-либо из сил или целую группу сил, действуя в той или иной степени в их интересах. Но «человек-государство» создает такую политическую систему, при которой ему подчинены не только базовые институты общества. Воле одного человека подчинена вся материальная, духовная и культурная сферы, им полностью поработан государственный или партийно-государственный (церковно-государственный) аппарат. Не человек является ставленником аппарата волей или неволей, выражая его интересы. Наоборот, вождь, диктатор, император, президент, король, генеральный секретарь, как бы он ни назывался, полностью подчиняет его себе террором, интригой, интеллектом, духовным и моральным растлением — всеми возможными средствами. Человек, добившийся всего этого, приобретает не просто власть над страной, ее институтами и ресурсами, но и контроль над всеми людьми этой страны от младенца до старца. Его власть настолько безгранична, что он может свободно вмешиваться не только в текущие события, но и изменять в общественном сознании, по своему усмотрению, прошлое, то есть историю, и выстраивать по собственному плану будущее. И это не метафора. Это реальный результат деятельности Сталина.

Если бы в мире не было других государств, кроме СССР, или если бы Сталин добился мирового господства, то история человечества впервые стала бы при нем управляема. Сталин доказал на практике, в рамках одной страны, возможность управляемой, то есть плано-предсказуемой и инженерно-сконструированной, жизни человечества. Сталин доказал на

практике возможность «конца истории» как непредсказуемого спонтанного процесса, в котором участвуют миллиардные массы и колоссальные социальные силы. Он доказал (пусть всего лишь на одно, по историческим меркам, мгновение), что воля одного далеко не гениального человека может их себе подчинить. Он же доказал, что никаких моральных и этических запретов в социальной инженерии нет. Все эти, вместе взятые, доказательства и есть «сталинизм».

Хорошо бы разобраться в том, что за общество было им сконструировано на практике и какие при этом избирались исторические модели и образцы, а что было воистину новаторским?

* * *

Троцкий был глубоко не прав, рисуя Сталина как ставленника новой партийной бюрократии, по существу нового эксплуататорского класса. Только однажды, в 1923–1924 годах, то есть на очень короткое время, Сталина поддержал партийно-государственный аппарат. Но уже тогда, с хорошим знанием дела, писал Ленин в своем «Завещании»:»...Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...» [\[251\]](#) Поэтому, за вычетом одного-двух первых лет, все последующие годы Сталин по праву чувствовал себя владыкой. Литературно-одаренная и очень искренняя дочь, вкус к истории которой привил отец, почти безошибочно определила хронологию сталинизма. «Двадцать семь лет — с 1926 по 1953 — было временем, — писала она, — которое историки называют “периодом сталинизма” в СССР, временем единоличного деспотизма, кровавого террора, экономических трудностей, жесточайшей войны и идеологической реакции» [\[252\]](#). Если быть уж совсем точным — сразу же после смерти Ленина все последующие годы Сталин уничтожал, усмирал, перекраивал и подчинял себе лично самым жесточайшим образом в первую очередь именно госпартаппарат. Разве не были те же вожди оппозиции крупнейшими партийно-государственными чиновниками? Впрочем, то же самое он делал и со всеми другими слоями общества и своими близкими «соратниками».

Не Молотов, Каганович, Жданов, Маленков, Берия или Хрущев и иже с ними выпестовали в своей среде «Вождя» и держали его на своих плечах, а, напротив, он их всех выдвигал и «задвигал» по своему усмотрению. Все они рабски, даже с любовью ему служили и смертельно боялись всю жизнь. Конечно, они, как и большинство нашего народа, были рабами нового Навуходоносора. Рабами не только в социальном смысле (беспощадно

эксплуатировал, в любое время мог направить на смерть и мучения!), но и духовно.

При всей своей проницательности и уме Лев Троцкий и Милован Джилас безнадежно ошибались, объясняя феномен возвышения Сталина поддержкой его обуржуазившейся контрреволюционной бюрократией, то есть «новым классом». Здесь сказалось привычное марксистское клише — искать скрытые классовые и групповые силы и интересы в любом историческом явлении. Феномен Сталина — это принципиально иное. Напротив, с помощью миллионов подсобников, помощников и слуг он по собственному усмотрению проектировал и перестраивал всю страну, не разменя «генеральные планы». Бухарин, сыгравший при хитроумном Улиссе Сталине роль политического троянского коня, с глуповатой растерянностью говорил о своем недавнем друге Кобе: «Он с ума сошел. Он думает, что все может, что он один все удержит, что все другие только мешают» [\[253\]](#). Несмотря ни на что, ни на свои болезни и стрессы, Сталин прекрасно все взвешивал и неплохо рассчитывал. Ему действительно все только мешали, и он доказал, что способен удержать все один. И удерживал — тридцать лет! Казалось бы, имея абсолютную свободу, безграничные ресурсы и огромный для смертного запас времени, он сможет в полную силу проявить свои творческие способности. Ан нет!

* * *

Вопреки его же официальному мнению, ставшему обязательным для всех жителей СССР на все времена, не содержание часто определяло для него форму. Форма выражения была более значима, как для многих людей с Востока интонация важнее смысла сказанного. Восток мудр — чаще это действительно так. Поэтому его официальные выступления обычно интонационно бесцветны. Это сделано нарочито. В них мало искренности и реальной правды, но много поучений. (Опять «учительство»!) Интонация может сыграть коварную шутку и выдать. Также интонационно бесцветно большинство его опубликованных статей и докладов. Но когда он взрывался не тостом, а яростью, в его интонации появлялись гремуче шипящие звуки. Тогда грузинский акцент не только не мешал, а придавал его речи особо зловещий оттенок. Эта интонация чувствуется не только на фонограммах и пластинках с его голосом, но и на письме. Конечно же, не случайно в официальном собрании сочинений опубликована масса kloкочущих злобой и нетерпимостью писем, заметок, реплик. Стенограммы его выступлений, особенно на закрытых собраниях, где давались до глупости примитивные

объяснения причин очередных смертоубийств, благоговейно хранят гробовую тишину зала, боящегося пропустить хотя бы одно слово, неумолимо несущее кому-то смерть.

Его искаженный внутренний мир хорошо иллюстрируют две внешние детали. После войны, когда ушли в прошлое все страхи за страну, за власть, за себя и он вновь чувствовал себя пусть одиноко, но и свободно, на стенах подмосковной дачи были развешаны журнальные репродукции с фотографий детей: мальчик на лыжах, девочка с козленком... Дочь пишет в своих мемуарах об этом с возмущенным недоумением. Ведь стены его жилища могли украшать шедевры мирового искусства. В то же время, как уже говорилось, одну из стен большой столовой на даче украшали два ярких вышитых шелком панно, подаренные китайской делегацией ^[254]. На одном был изображен огненно-рыжий рычащий тигр. Согласно китайской традиции, этот зверь символизирует императора, его мощь и бесстрашие. На другом был изображен орел, сидящий на дереве, олицетворяющий дальновидность и величие. Многие отмечали сходство Сталина в минуты гнева с тигром или пантерой. Опубликованы даже соответствующие фотографии. Он знал об этом сходстве, и оно ему, видимо, нравилось. Впрочем, сходство с гривастым львом подмечали и в Троцком. Отсюда же и принятое им русское личное имя. А Гитлер, в традициях «нордического» мифа, соотносил себя с лютым волком. Воистину — каждому свое!

Репродукции же с фотографий не столько говорят о безвкусных художественных пристрастиях хозяина, сколько о том, что он получал положительные эмоции не от живого искусства, а от копии в квадрате... Конечно же, он был законченным формалистом во всем, что касалось творчества. И государственного, и политического, и научного. Отсюда вечно голодная, разоренная до последней крайности страна, превращенная в огромный концентрационный лагерь, объявляется долгожданным раем для трудящегося человека. И все, кто на «свободе», да и в лагерях, должны неукоснительно повторять эту формальность. Пока не поверят. Пропаганда заявляет, что в стране самая полная в мире демократия и самая честная политическая система. И в это не веря верят — формально. Наука — нежнейшая материя, из которой вырастает одновременно и атомный гриб и грибок антибиотика. Но Сталин смело и расчетливо вторгается в эту нежнейшую ткань. Формализм раз и навсегда застывших схем учебников для начальной, средней и высшей школ. Формализм партийных собраний, «стихийных» митингов трудящихся и хорошо отрежиссированных красочных демонстраций. Формализм судебных процессов, формализм «реалистического» искусства во всех его проявлениях. Даже его ближайшие соратники большую часть жизни проводили в придуманном им и иже с ним

формальном убогом мире. Единственный, кто от начала и до конца был подлинным, живым и абсолютно свободным творцом этого мира, был только он — Сталин.

Глава 4. Душа Кобы подлинного

Теория души

Не только внешнее: физический облик, физиология и анатомия, то есть плоть человека, имеет свою неповторимую историю, а в ней пики — периоды физической активности и благополучия и периоды упадка. Свою историю и прихотливый путь развития имеет интеллект, то есть разум человека. В результате еще более сложной, еще более богатой истории складывается каждая человеческая душа — психика. При всем при этом человек суть неразъемное триединство. Так же как в христианской Троице или во фрейдистской стратификации человек есть сгусток трех эманаций Единого — «Я», «сверх Я» и «Оно»: разум, душа, тело. И это не случайно, ведь самый Генеральный Конструктор смоделировал человека по своему образу и подобию. В XX веке ученый мир эмпирически открыл в человеке это восхитительное подобие.

История человека — это не только история частицы общества, социума. История человека — это история его существования и развития как триединства: вместе с младенческим телом одновременно рождаются тени разума и блески эмоций, которые имеют собственную историю. Пик физической зрелости редко у кого совпадает с пиком интеллектуальной активности и одновременно — с полнотой душевной жизни. Хорошо известно, что физический упадок, болезни и даже страдания нередко стимулируют душевные силы, а у некоторых обостряют интеллект. Но еще чаще — интеллектуальный и душевный инфантилизм, даже деградация и распад могут процветать в здоровом и прекрасном теле. В отличие от божественной, человеческая «троица», как и все конечное, постижима и относительно доступна научному исследованию.

Зрелая душа человека — это сложная мифологема или симбиоз мифологем. Она творит, и в ней развиваются те духовные существа (гештальты), те душу формирующие образы, вне которых человеческая психика не может полноценно существовать. Чаще всего образы зарождаются как бы случайно и спонтанно через воспитание, образование и самообразование. Они всегда внедряются извне, со стороны общества, и почти всегда находят путь в еще незамутненную и непорочную душу. Те из них, которым удастся душу «прельстить», сливаются с ней, как сперматозоид с яйцеклеткой, порождая новое духовно-полноценное существо. Некоторые из нас очень любвеобильны, и поэтому ходят с вечно «беременной» душой. По-настоящему же цельных натур, раз и навсегда

верных избранному душевному образу, крайне мало, точно так же, как и в жизни внешней маловато людей-однолюбов. В то же время душа-одиночка, совсем не оплодотворяемая со стороны сильными образами, скудна и первобытна, как юродивая бобылиха, живущая на выселках. Только зрелая душа способна достаточно успешно пройти сложные этапы социализации личности.

Приглянувшийся чужой образ, раз укоренившись в душе, сливается с ней, постепенно развиваясь в базовый элемент личностной психики, и, никогда больше в ней не умирая, погружается в подсознание. Очень часто один образ живет рядом с другими образами — так же глубоко укоренившимися. Но рядом с подлинными, органичными могут процветать фальшивые личины и лики. Человек неискренний и лицемерный ими буквально нашпигован, и для того, чтобы его распознать (не обмануться!), не требуется много времени. Лицемер, как и плохой актер, не органичен, он не живет в образе, а управляет им со стороны с помощью расчетливого интеллекта. Поэтому люди умные лицемерят и играют не свои роли более убедительно, чем глупцы. Впрочем, каждый человек в определенных жизненных ситуациях хоть в чем-то, но лицемерит.

Иногда укоренившиеся образы переплетаются друг с другом; бывает и такое — безуспешно соперничают («сложная натура»). Поэтому в нужную минуту так легко каждый из нас интуитивно воспроизводит отдельные душевные черты своего идеализированного отца или обремененной житейскими заботами матери, поскольку получает их как дар по наследству. Или в результате сложной душевной работы усваивает отдельные черты любимого с юности литературного героя — «Овода», а может быть холодноватых — Печорина, Андрея Болконского или иного героя «нашего» и не нашего времени. Для кого-то это может быть народный мститель дворянин Дубровский или абрек Коба, авантюрист Великий Моурави, а если представится случай — беспощадный Тамерлан или юродствовавший во власти Иван Грозный и даже пророк. Может быть, в определенные минуты кому-то были ближе элементы душевной оболочки дворового товарища или школьной подруги. Или же — невыразительно мычащего бескорыстно доброго дяди Вани — соседа по лестничной площадке или одноименного чеховского героя. У каждого душа — это свой, исключительно неповторимый сплав наследуемых и приобретенных образов, у каждого своя неповторимая психогалерея.

Как в тысячах зеркал, мы отражаемся во внутреннем взоре окружающих, которые интуитивно «считывают» часть нашей сущности, но и мы, в свою очередь, интегрируем в себя массу реальных, исторических и вымышленных образов. Чаще — произвольно, на уровне глубокого

подсознания. Только в детском и юношеском возрасте мы подражаем или копируем кого-то более откровенно и сознательно. Мы ведь еще только учимся Быть. Душа (психика), даже в значительно большей степени, чем тело и интеллект, научаема и воспитуема через синтез образов. Такой синтез возможен, только если он протекает в поле сильнейших эмоций и переживаний. Период этот обычно связан с полосой влюбленностей, особенно сильных душевных переживаний и поисков, романтических срывов, непредсказуемых «безумных» поступков. Но именно так человек становится «душевым», а в особых случаях и — «духовным» в широком, а не конфессиональном смысле этого слова. И так же как интеллект, душа может обладать выдающимися или недостаточными для подобного синтеза врожденными способностями, но все ее способности могут быть направлены как во благо, так и во зло. Принцип свободы воли распространяется не только на физический и интеллектуальный миры, но и на духовный мир человека.

* * *

У молодого Сталина была эмоционально богатая, хотя, возможно, и не очень сложная душевная жизнь. Но по мере восхождения на пик единоличной власти, у него все меньше и меньше оставалось пространства для естественной душевной жизни, все чаще он прибегал к лицемерию, то есть к бездушной, хотя, может быть, и яркой игре в том или ином обличье.

Есть категория людей, для которых упрощенная, юношеская, романтическая форма переноса на себя части чужой сущности остается и в зрелые годы важнейшим элементом повседневной жизни. У них отсутствует совсем или недоразвит личностный душевный «тигель», в котором все приходящие извне образы рано или поздно переплавляются без заметного остатка в собственную индивидуальность, в самость, в гештальт. Поселившиеся в их душах образы, личины, маски продолжают жить самостоятельной жизнью, попеременно вызываемые на подиум сознания внешними причинами и мотивами. И на тот момент, пока эта внешняя причина сохраняется, сущность литературного «Кобы» или исторического «Ленина», или «Троцкого», или нафантазированного деда «Ивановича» будет сущностью Сталина. Они будут развиваться в нем, не сливаемые с ним воедино.

Вначале был мягкий, женственный и капризный шалун, «маменькин сынок» Сосело (Осечка). Затем в Горийском духовном училище объявился будущий «добрый Пастырь». Сам еще подросток Сосо (Ося), обретший

нового Отца, сын Христов, но уже в силу грядущего духовного сана — потенциальный отец сирых и обиженных. А юный «Коба» возник на протесте и на самоутверждении. На протесте против империи, несущей Грузии зло, на протесте против собственной судьбы, предрекавшей скромную карьеру сельского священника или учителя, и на самоутверждении Иосифа в качестве борца с национальным и социальным неравенством как вселенским злом. Меняются обстоятельства, и тогда на сцену выходит иной персонаж, чтобы прожить свой срок. Он отодвигает на время все другие образы с тем, чтобы со временем самому уйти за кулисы души, уступив место старым знакомым или новой душевной привязанности. На протяжении жизни Сталина, Коба, как и другие персонажи, будет самовоскрешаться вновь и вновь, когда обстоятельства потребуют возврата к истокам революционной судьбы, к кавказским друзьям и врагам, к народам юга и юго-востока империи. Когда анархистствующая кавказская импульсивность, прихотливая игра настроений и личностных оценок потребуют хотя бы временного выхода из сталинского волевого зажима вождя. В такие периоды ностальгии по себе наиболее подлинному он иногда будет воскресать за хлебосольным сталинским столом в образе задушевного грузина Кобы, или на экране кинотеатра в образе яростно влюбленного горца-пастуха в фильме «Свинарка и пастух» (артист Зельдин), или в образе реального сержанта-грузина Кантарии, водрузившего флаг в Берлине над Рейхстагом. Он может воскреснуть в образе исторического Георгия Саакадзе или — верховного цензора, редактирующего древнейшую историю Грузии и Армении. И каждый раз это будут всего лишь различные эманации все того же романтика «Кобы». Но завтра, или через годы, или даже через миг — в зависимости от жизненного сценария или в соответствии с заранее продуманной им же сценой — он уже сфокусирован в совершенно другом образе.

В течение жизни количество сосуществующих сталинских образов только возрастает. Весь этот душевный хорост для окружающих и современников не всегда заметен, а если и замечается, то его механизм и последовательность остаются непонятны и потому кажутся парадоксальными. Сегодня он Коба, завтра Иванов, послезавтра Ленин, царь Петр или сам Господь... Иногда в одном и том же образе он находится годами. Иногда параллельно с этим образом он включен в целый ряд других, с прямо противоположными эмоциональными и этическими зарядами. А где же Джугашвили? Где Сталин? Где наш уникальный исторический герой?

Не будем торопиться. Сначала рассмотрим хотя бы то, что в нем все же было первично-подлинным, а затем (скорее всего, в следующей книге) — как сложились основные сталинские личины, среди которых были особенно

значимы по-своему понятые образы исторических героев. Тогда и рассмотрим, каким он видел себя в истории, как он прожил в различных образах и оболочках, то есть воссоздадим историю сталинской души, по возможности отвлекаясь от ее связей с телом. Сейчас же поговорим о Кубе подлинном.

* * *

Почему-то никто не замечает того, что Сталин был необыкновенно романтической натурой. Не только романтиком в юности, когда у него, как и у большинства нормальных людей, молодая кровь и отсутствие сомнений переполняют жизнь, какая бы она ни была. Он был романтиком до последнего своего вздоха. А это состояние души, столь милое российскому интеллигенту как XIX, так и XX века, столкнувшись с грубой прозой жизни, может обернуться и так и эдак. В этом случае многое зависит от силы захваченности души доминирующим образом или комплексом образов в сочетании с реальными жизненными условиями. Романтическое состояние души может стать источником потрясающих открытий в природе, в обществе, в себе самом, в других. Талант всегда романтичен. Только романтик может ставить перед собой цели, для достижения которых нет и как будто не предвидится реальных условий. Истинному романтическому герою кто-то помогает как бы исподволь. Так незримо помогали боги Олимпа наивным героям Древней Эллады. И как у него, у прирожденного романтика, все получается легко, как бы невзначай. Но никто не догадывается о том, через какие сомнения и страхи приходится ему пройти. Сомнения погребены глубоко внутри, а для всех остальных, как хрипел на отрогах Кавказа один из самых романтических бардов конца XX века: «Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там...»

Любая революция делается романтиками, тем более революция социальная. Но идти впереди, быть вождем и вести всех за собой, не проявляя откровенного страха, можно и в бездну. Сталин был прирожденным романтиком.

В юности он — прилежный семинарист и нежный сентиментальный поэт. В традициях восточной поэзии пишет о соловьях и розе, риторически признается в любви к «малой» родине и очень назидательно адресует все это своим сверстникам. Вот образчик его юношеских поэтических утех:

...Пел жаворонок в синеве,

*Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебюю, друзья,
Прославьте Родину свою»* [\[255\]](#).

Неизвестно, продолжал ли он «грешить» и в зрелые годы писанием стихов, но, без сомнения, как большинство романтических людей, не имеющих серьезного поэтического дара, он остался на всю жизнь ценителем поэзии, художественной литературы, знатоком стиля.

Впоследствии Сталин стеснялся своих стихов и чаще возражал против их перепечатки услужливыми издательствами. Но в помпезном юбилейном сборнике: «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения», контрольный экземпляр которого сохранился в его библиотеке, Кобе-поэту, ценителю грузинской поэзии и фольклора, посвящено несколько страниц. В частности, говорилось: «Сосо очень хорошо знал грузинских писателей. Очень любил Шота Руставели, Важа Пшавела.

О его любви к поэзии говорит тот малоизвестный факт, что товарищ Сталин писал очень хорошие стихи. Эти стихи печатались в газете “Иверия” в 1895 году за подписью “Сосело”.

В одном из этих стихов он писал:

*И знай, — кто пал, как прах, на землю,
Кто был когда-то угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.
(Перевод с грузинского А. Канчели)*

Так писал шестнадцатилетний юноша, уверенный в том, что настанут другие дни, когда “кто был ничем, тот станет всем”.

Стихи молодого Сталина очень ценились передовой грузинской интеллигенцией, одно из его стихотворений было перепечатано в юбилейном сборнике, посвященном писателю Рафаэлю Эристави» [\[256\]](#).

Ничего удивительного нет в том, что взрослеющий мальчик с тонкой поэтической душой, поющий в церковном хоре славу Духу Господню,

постепенно, по мере взросления в жестоких социальных условиях, становился драчуном, грубияном, нищим неряхой, наивным революционным романтиком и, может быть, даже «распутником». В общем-то обычная эволюция будущего российского разночинца второй половины XIX века. Конечно же, только романтик может вступить в одну из самых тогда маленьких по численности и влиянию на Кавказе революционных групп — в РСДРП. И все лучшие годы отдать нелегальной работе, тюрьмам и ссылкам. Он не один такой идеалист. Все радикальные партии России того времени состоят из подобных людей. Но он революционный романтик определенного свойства. Джугашвили — революционер с ущемленным национальным достоинством. С юности для него национальное и социальное угнетение были понятиями неразрывными. Отсюда — годами накапливавшаяся зависть, а с нею и злость, порождающие желание любым путем изменить ситуацию. Угнетателями были русские, олицетворявшие несправедную силу Российской империи. Угнетателями были и грузины — те, что принадлежали к высшим и богатым классам и сословиям, служившие, как думали многие, в том числе и Сталин, верой и правдой интересам империи. С первых сознательных шагов все социальные проблемы он воспринимал на фоне национальных. Многонациональная Российская империя в XIX, XX веках и Россия в подкатившем XXI веке наводнена такими людьми. Россия удивительная страна, в которой представители всех наций, даже господствующей русской, считают себя хоть в чем-то национально обделенными.

О Сталине при жизни официально слагали романтические легенды, особенно любили печатать «сказы», живописали его «образ» в художественной литературе, на театральной сцене, кино и, конечно, в поэзии. Сталин, как натура романтическая и поэтическая, сам при случае, как мы уже не раз видели, с удовольствием прибегавший к выразительному речевому обороту или эмоциональному образу, весьма благосклонно относился к тем, кто умело использовал средства языка и искусства для описания истории его жизни и деяний, толковал его мысли и изречения. Охотников и своих и зарубежных была масса, но лишь немногие были допущены к подобному творчеству, а еще меньше смогли опубликовать свои произведения. В современном архиве Сталина хранится множество неопубликованных и увидевших свет документальных, художественных, научно-популярных, драматических, поэтических произведений, живописующих в основном дореволюционный период жизни вождя или его деяния в эпоху Гражданской войны. Невозможно перечислить всех: от крупнейших писателей и ученых до сельских учителей. Как правило, он лично давал санкцию на привлечение того или иного известного деятеля.

Иногда длительное время, используя различные уловки и ухищрения, напористо добивался от признанных во всем мире мастеров своих жизнеописаний. Но бесконтрольного процесса не терпел, спонтанные попытки беспощадно пресекал, даже если мотивы были сугубо раболепными. В 1938 году, накануне очередного, 60-летнего юбилея, получило широкую огласку его письмо в издательство «Детская литература», подготовившего к печати книгу рассказов о его детстве. «Я решительно против, — писал он, — издания “Рассказов о детстве Сталина”. Книжка изобилует массой фактических поверхностей (так в тексте. — *Б.И.*), искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, “добросовестные” брехуны), подхалимы.

Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить (так в тексте. — *Б.И.*) в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория.

Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры.

Народ делает героев — отвечают эсерам большевики!

Всякая такая книжка будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

...

16 февраля 1938 г. И. СТАЛИН» [\[257\]](#).

Такими уловками он создавал себе репутацию скромника, невинно зацелованного народными массами. Но все это — чистой воды ханжество, сквозь которое проглядывает вполне очевидная цель — контролировать каждую печатную букву своей биографии. И такого контроля с начала 30-х годов и до конца жизни он не упускал ни на минуту. Он прочитывал, почти всегда с карандашом в руке, практически все новые биографические тексты и тем более документы, которые публиковались не только в центральных газетах и журналах, но и в республиканских органах, и в изданиях для детей. Право на публикацию любых материалов о вожде и даже на

ознакомление с ними он давал сам или с его санкции — работники, лично к нему приближенные: Товстуха, Мехлис, Двинский, Таль, Поскребышев. В середине 30-х годов на самом высоком уровне были приняты решения, закрывающие доступ к материалам коммунистических вождей: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Даже один из ближайших сподвижников Сталина Ем. Ярославский вынужден был в июле 1938 года униженно просить Лаврентия Берию предоставить ему перевод статьи «Анархизм или социализм?» для будущей книги о хозяине. Но Берия не посмел этого сделать и направил письмо из Тифлиса на имя Поскребышева. Он писал: «Тов. Ем. Ярославский обратился с просьбой прислать ему русский перевод статей товарища Сталина “Анархизм или социализм?”, предполагая воспользоваться им для своей работы об анархизме. (На самом деле Ярославский собирался писать о Сталине. — Б.И.)

Зная, что работы товарища Сталина периода большевистского подполья могут быть опубликованы как целиком, так и частично только по решению ЦК ВКП(б) с ведома и личного согласия товарища Сталина Ем. Ярославскому.

Ввиду того, что тов. Ярославский несколько раз повторял свою просьбу о посылке материалов, я поручил дирекции Тбилисского филиала ИМЭЛ заново отредактировать русский перевод статей товарища Сталина.

Пересылая Вам эти статьи товарища Сталина, прошу доложить товарищу Сталину о просьбе Ем. Ярославского и результат сообщить тов. Ярославскому.

...

Секретарь ЦК ВКП(б) Грузии Л. Берия» [\[258\]](#).

* * *

Начиная с 1929 года каждый новый десятилетний юбилей вождя (точнее, его канун) поднимал на новую высоту санкционированный им вал восхвалений и публикаций. Этому валу восхвалений предшествовал тот самый вал репрессий, пик которого падал на каждый десятилетний юбилей Октября. Чем больше десятилетий ему даровала жизнь, тем больше жизней он отбирал у других. Он вообще любил все процессы раскачивать волнообразно и раскручивать их по восходящей «спирали». Поскольку

К. Маркс утверждал, что исторический прогресс объективно, независимо от воли людей развивается «по спирали», то Сталин волевыми импульсами, используя партийно-государственный аппарат и всю державную мощь, задавал эту двойную конфигурацию движения. Но эта «спираль» была у него своя, особенная.

О том, что революция есть очистительная «буря», твердили еще во времена его романтической молодости все радикальные деятели, от умеренных и до крайних. Позже во многих своих генсековских речах Сталин развивал мысль о периодически вздымающихся «волнах революции» и «истории», говорил об их «приливах и отливах» [\[259\]](#). Но, будучи в политике «практиком» (любимое самоопределение 20-х годов), он не собирался ждать и не ждал, когда скрытые социальные силы стихийно и бесконтрольно содрогнутся и вознесутся в очередной спиральный вал. В том людском водовороте, в котором он властвовал (этот водоворот даже в 20-х годах далеко перехлестывал границы СССР), Сталин примерно каждые десять лет исподволь, но очень целенаправленно подготавливал очередной вал социальной агрессии: государственных убийств, внешних войн, глобальных социальных преобразований, перемалывавших людские судьбы, сопровождавшихся волнами злобно-веселого страха, истеричного покаяния, поклонения и вновь — ненависти... Завершались же они валом неистовых оваций и кликов. Как подлинный романтик, не спеша (а на самом деле стремительно, если мерить по человеческим меркам), этот «мастер революции» творил из подручного материала, доставшегося ему от Ленина и его сподвижников, свою личную сталинскую «вселенную». Там, в этой «вселенной», было все возможно. Там воплощались в реальную жизнь многие, казалось бы, абстрактные философские и экономические идеи Маркса, политические и государственные задумки Троцкого, Богданова, Бухарина, Ленина, Ивана Грозного, Гитлера и других исторических героев помельче или подревнее. Сталин не только сам как государственный деятель был творчески раскован и с каждым годом все более бесконтролен в своих поступках. При его поддержке создавалась атмосфера особой свободы «творчества масс», но, разумеется, в тех областях, где требовался особенно стремительный прорыв. А это в первую очередь в сфере производительности труда, в экономическом освоении новых территорий, залежей ископаемых, в области разработки и освоения новых видов оружия, техники, военного искусства, в формах волеизлияний любви и преданности к нему и ненависти к врагам, в разведке и контрразведке, в системе ГУЛАГа и т. д. Таким образом, основные душевные чувства романтика — зуд первооткрывателя и хмель творца, захлестнувшие его еще в юности, не

исчезали в нем никогда. Вопрос только в том, насколько жизнестоек плод, зачатый во хмелю, если даже это хмель первооткрывательства.

Романтические блески повести о кобе

Одним из тех биографов, к кому Сталин относился благосклонно, был средней руки грузинский поэт и литератор Георгий Леонидзе. Писал и печатался он сначала только в Грузии. В первой половине 30-х годов входил в литературную группу символистов «Голубые роги», в которой ведущее положение занимали Паоло Яшвили и Тициан Табидзе — цвет грузинской (да и мировой!) поэзии XX века. Вскоре соратники Леонидзе погибли, хотя, как и многие, написали о Сталине хвалебные поэтические гимны. Они были слишком талантливы, а вот талант средней руки часто более живуч. В 1940 году в Тбилиси вышла книга Леонидзе «Георгий Саакадзе», посвященная одному из любимых Сталиным грузинских исторических героев начала XVII века. В 1948 году Сталин прочитал с карандашом в руке киносценарий того же автора на ту же тему, но не одобрил его. На книге и киносценарии о Саакадзе он оставил свои пометы, которые говорят об иронично-благосклонном отношении вождя к творчеству поэта, но слабого сценариста [\[260\]](#).

Годом раньше, в 1939 году, в Тбилиси вышла поэтическая эпопея Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». Все эти вещи находились в сталинской библиотеке. Больше того, вскоре после войны, в 1947 году, в Москве была роскошно издана эпопея Леонидзе о детстве и отрочестве вождя в переложении русского поэта Николая Тихонова, искреннего ценителя и знатока грузинской поэзии и культуры. Без сомнения, и автор, и переводчик, и редакторы издания хорошо поработали над дозволенной мемуарной литературой и в поэтизированной форме передали всемирно-историческое значение рождения младенца Сосело и обстоятельства возмужания Сосо (уменьшительно-ласкательные от Иосиф — Осечка, Ося). Не только в этой части работы, но и в дальнейшем мы при случае будем прибегать к крепко сбитому поэтическому тексту Леонидзе — Тихонова, относясь к нему как к своеобразному историческому источнику, поскольку поэма явно была одобрена самим вождем. За эти и другие героико-поэтические произведения грузинский академик Г. Леонидзе трижды награждался Сталинской премией: в 1941, 1950, 1952 годах. Поэт любил прибавлять к своей фамилии гордое: «орденоносец».

Возвращаясь к характеристике молодого Сталина как начинающего романтика и революционера, толчком для которого послужило государственно-унижаемое национальное достоинство подданных, процитируем текст, который мог быть написан со слов самого Сталина или

тех, кто с ним учился в православном Горийском училище и сам был участником похожей сцены:

*Это школа? Нет, темница
Для души и для ума их.*

.....
*На детей урод жестокий
Смотрит, глазки злобно сузив:*

— Ты — грузин?

— Да!

— Очень жалко!

Твоя родина зовется

Как, скажи?

— Зовется — Грузия!

— Врешь! Как Грузия?

Говори: Российская империя!

Говори: Российская империя!

Говори: Российская империя!

Империя!

— Грузия ж?!

— Была когда-то...

Тебя в карцер нужно голый,

Ты же олух,

Тебе б камень бить щербатый...

И с тоской глядит ребенок:

— Вот учитель —

так мучитель!

.....
Запрещен язык грузинский,

Уличным наименован,

Горе тем, неосторожным,

Кто шепнет родное слово.

Говорят, чтоб не попасться,

Все на пальцах — под него [\[261\]](#).

Очевидно, русский язык он действительно первоначально вынужден был осваивать в училище «из-под палки», что безошибочно угадал Троцкий еще в середине 30-х годов. То, что он с обидой вспоминал о запрещении

грузинского языка как о проявлении русификаторской политики в семинарии, упоминают мемуаристы. О насильственной русификации Грузии говорится в многочисленных изданиях, школьных и вузовских учебниках истории, первые варианты которых он лично редактировал. В учебнике «История СССР. Россия в XIX веке», неоднократно переиздававшемся в 30—50-х годах под редакцией одного из официальных историографов сталинской эпохи М.В. Нечкиной, совсем не случайно отмечалось: «После 1801 г. в целях дальнейшей русификации Грузии и централизации всего аппарата управления было решено подчинить духовенство и все церковные имущества синоду и экзархату (округ православной церкви, формируемый в Грузии царским правительством)» [262]. Так что, видимо, с детства Российская империя была для него империей несправедливой и русской. И именно против таковой был первоначально направлен его протест.

Остаточные следы антиимперско-русской направленности прослеживаются буквально во всем его не только раннем творчестве, но и в зрелые годы в официальной пропаганде, в исторических трудах, в официально одобренных произведениях разного жанра. Анри Барбюс воспроизвел ее со свойственным французам темпераментом: «Управлять другими национальностями, как, например, грузинами, для царя означало — угнетать их. Можно сказать, что в те времена кавказские народности пользовались только одним правом — правом быть судимыми. Они имели лишь одну свободу — свободу стонать, да и то только по-русски. При таком порядке вещей в колонии, попросту прицепленной к территории господствующей русской национальности, естественно возникало националистическое движение с конечной целью освобождения Грузии» [263]. Казалось бы, все ясно, но жизнь, как известно, сложнее, чем представления о ней.

В мае 1937 года некто, представившийся ленинградцем Иваном Сергеевичем Книжником-Ветровым, известный в свое время журналист, в 1917–1918 годах сотрудничавший с редакцией газеты «Правда» и печатавшийся в журнале «Молодая гвардия», прислал Сталину или, точнее, Товстухе письмо и большую статью. Он обращал внимание на ряд серьезных ошибок и умолчаний в официальных биографиях и биографических материалах о вожде, в частности в ряде газетных публикаций и в учебнике «История СССР» для 3–4-х классов, только что вышедшем под редакцией профессора А.В. Шестакова. Но дело было не только в ошибках и неточностях, а в скудости сведений о детских и юношеских годах жизни вождя. Книжник-Ветров обнаружил интересные сведения в двухнедельном журнале «Духовный вестник Грузинского экзархата», выходившем с 1891 года под редакцией ректора Тифлисской

духовной семинарии, и в ежегоднике «Кавказский календарь», издававшемся в Тифлисе с 1845 года. В «Кавказском календаре» за те годы, в какие учился Сталин в духовном училище, было указано, что там преподавали одновременно и грузинские и русские учителя-богословы. Они вели занятия вместе со старшими семинаристами и преподавали не только русский и церковно-славянский языки с первого по четвертый классы, но и грузинский и греческий языки. Помимо богословия преподавали чистописание (отсюда и красивый сталинский почерк), арифметику, географию, а также славянское церковное пение, русское, грузинское и имеретинское церковное пение. Большую часть предметов вел Михаил Иванович Имуридзе, «который очень придирался к тов. Сталину». В духовной семинарии прибавился латинский язык (долгое время не было учителя), а также преподавалась русская словесность (все годы обучения), логика и психология, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, космография. В старших классах, в 5-м и 6-м (последнем), обучение проводилось четырьмя кафедрами: «Основное догматическое и православное богословие», «Гомилетика [\[264\]](#), литургия и практическое руководство для пастырей церкви», «Библейская история, общая церковная история и история русской церкви», «Обличительное богословие и история и обличение русского раскола». Судя по дальнейшим сталинским пристрастиям, не только руководство для пастырей, гомилетика, но и обличительное богословие оказали влияние на его полемические приемы и политические привычки. Там же он получил и первые уроки нетерпимости к «раскольникам» и всевозможным уклонистам от «генеральной линии» православия, то есть к еретикам. Кроме русского, других современных европейских языков в семинарии не изучали вообще. В старших классах действительно преподавали большей частью русские учителя.

Примечательно, что по гражданской и церковной истории, по логике у Иосифа были посредственные отметки, хотя в целом до пятого класса семинарии он учился хорошо. Таким образом, и в училище, и в семинарии учили и грузинскому и русскому языкам, но разговорным официально считался русский. При поступлении в училище был предусмотрен подготовительный класс, где грузинских детей в течение одного или двух лет специально обучали русскому языку [\[265\]](#). Обучение началось, когда Сталину было уже около одиннадцати лет, и, видимо, поэтому он так никогда и не смог избавиться от сильного грузинского акцента, но уже ко времени окончания училища научился сносно писать по-русски.

Обучение было платным. Вокруг вопроса о том, кто платил за обучение будущего вождя, в литературе высказывались самые невероятные предположения, вплоть до намеков на предосудительные заработки матери

Иосифа, которая нанималась убирать в богатых домах. Архивные источники говорят, что, действительно, за неуплату мальчика на первом году обучения хотели исключить из училища. Отец даже забрал его оттуда домой помогать по сапожному делу. Но мать добилась от духовного начальства не только освобождения от платы (40 рублей в год), но и небольшой стипендии для сына — 3 рубля в месяц. Так продолжалось до окончания училища, а затем до пятого класса семинарии в Тифлисе, когда Кобе стукнул двадцать первый год. По официальным документам, не перевели его в выпускной шестой класс по очень обыденной причине. В разрядном списке Тифлисской духовной семинарии за 1898–1899 учебный год говорится: «V класс, 1-е отделение... Увольняется из семинарии за неявку на экзамены по неизвестной причине Джугашвили Иосиф» ^[266]. Позже на допросах полицейским он отвечал, что его исключили за неуплату, а товарищам по партии, советскому народу и своим биографам — за успешную революционную деятельность. У меня же есть основания для предположений о том, что истинная причина могла лежать в сфере любовных и сексуальных увлечений уже вполне зрелого семинариста. Позже остановлюсь на этом подробнее. Во всяком случае, о его связях с женщинами до первой женитьбы в 1903 году, то есть на 25-м году жизни, ничего не было известно. Но невозможно поверить в то, что молодой темпераментный кавказец, у которого и в более зрелые годы была масса весьма бурных увлечений, не завел до женитьбы хотя бы одну интрижку.

Тифлисская духовная семинария (как и другие семинарии страны) воспитала целую плеяду активнейших революционеров. О некоторых из них, соратниках Сталина, мы еще будем упоминать. Но не забудем, что она же, то есть церковь, воспитала и самого страшного своего гонителя за всю тысячелетнюю историю русского православия — более разрушительного гонителя христианства, чем все «иноверцы», вместе взятые, в том числе татары и монголы. И это, конечно же, было не случайно.

Спустя много лет он все еще со злостью вспоминал те унижения и издевательства, которые ему пришлось пережить в «пансионе», а фактически в казарме-монастыре для мальчиков. В одном из самых откровенных интервью, данном немецкому писателю Эмилю Людвигу в 1931 году, на вопрос: «Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?», Сталин довольно холодно ответил: «Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо». Далее произнес небольшую, но страстную обличительную речь: «Другое дело православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно

стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения». На это Людвиг, лучше многих современников догадывавшийся о подлинных силах, двигавших сталинской натурой, спросил: «Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?» — «Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики... Что может быть в этом положительного?» ^[267] Понятно, что речь идет не об иезуитах, а о православных наставниках, использовавших «иезуитские» методы. Смею заверить читателя, что и в сталинские, и в более поздние времена те же самые (буквально!) издевательства практиковались не только в советских тюрьмах (знаменитый «шмон»), но и в армейских казармах, в пионерских лагерях, в студенческих и стройотрядовских общежитиях. Здесь я опять выступаю как свидетель.

* * *

У подпольщика Джугашвили было несколько десятков псевдонимов, но три из них (в разных модификациях) сопровождали его всю жизнь. Происхождение и символическое значение самого известного — Сталин от слова «сталь» — прочнейшего рукотворного материала, обладающего одновременно особой твердостью и гибкостью, не нуждается в дополнительных пояснениях для человека, владеющего русским языком. На Кавказе стальной, булатный клинок пользовался особым, почти ритуальным поклонением. Сам Сталин в 1934 году подтвердил, что для него псевдоним ассоциируется именно со сталью. Причем подчеркивал, что не он сам избрал этот псевдоним, а его ему дали «товарищи в 1911 или, кажется, в 1910 году. Они считали, — не без кокетства говорил Сталин, — что имя это ко мне подходит» ^[268]. Два других псевдонима — грузинское имя Коба и русская, как будто бы фамилия Иванов, а может быть отчество — Иванович, как это ни странно, требуют пояснений. Речь идет не столько о происхождении, сколько о таящихся в них, казалось бы, прямо противоположных смыслах.

Для большинства партийных соратников Сталина псевдонимы служили скорее удобными ярлыками. Они облегчали нелегальную жизнь, скрывали социальное и национальное происхождение, позволяли богатым или

знатным родственникам сохранять свой статус. Но для некоторых революционеров псевдоним нес еще дополнительную, идейную, программирующую функцию. С его помощью человек ощущал себя продолжателем начатого героем дела или наследником его умственных и душевных свойств. Он как бы брал на себя обязательство играть в своей жизни схожую роль. Как известно, близкий дореволюционный соратник Сталина Л.Б. Розенфельд, живший в те же годы в Тифлисе, печатавшийся в тех же, что и Сталин, большевистских газетах под псевдонимом Юрий [269] и входивший как и он, в Кавказское союзное бюро РСДРП, а затем ставший одним из одиознейших его врагов, избрал себе тогда же новый псевдоним Каменев. Избрал он его, скорее всего, не только из-за исключительной твердости этого предмета и как бы претендуя на особые свойства своего характера, но и намекая на твердокаменную верность марксистским идеям. «Каменев» — это русская калька евангельского имени апостола Симона-Петра. «Петр» переводится с древнегреческого — «камень», «скала». Похоже, что Розенфельд-Каменев вживался в образ первого апостола. Не ясно только — апостола Маркса или апостола-ленинца? Троцкий (Бронштейн), сам избравший славянский псевдоним и неплохо осведомленный на этот счет, рассуждал примерно так же: «С этого времени (1912 год. — Б.И.) кавказец усваивает русский псевдоним *Сталин* , производя его от *стали* . В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 году будущие большевики назывались “твердыми”, а меньшевики “мягкими”. Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков “твердокаменными”. Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме *Каменев* , — по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, — с усмешкой отмечал Троцкий, — что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру» [270].

* * *

В числе первых любимых литературных персонажей Сталина в поэтической эпопее Леонидзе наряду с разбойником Како (из произведения И. Чавчавадзе «Како-разбойник») упоминается и имя абрека Кобы. Како запомнился ему, но не оставил заметного следа в биографии Сталина, а Коба стал его первой и важнейшей духовной оболочкой.

У меня создалось впечатление, что биографы Сталина, даже самые скрупулезные, ни разу не удосужились внимательно прочитать произведение грузинского литератора второй половины XIX века Александра Казбеги «Отцеубийца». На протяжении десятилетий механически переписывают друг у друга: Коба — имя одного из героев этого произведения, борца за социальную справедливость. Так-то это так, но, взяв себе в 1903 году псевдоним Коба, Джугашвили, который еще не был Сталиным, совершил как бы акт инициации. А может быть, даже символического каннибализма. Коба стал одним из первых в длинной череде героев, философию жизни которого Сталин любовно культивировал в себе до самого конца.

Коба для Иосифа не просто имя приглянувшегося ему литературного героя. Это был характер человека, действовавшего в контексте истории Грузии, недавно включенной в состав Российской империи. И как любили говорить специалисты в области открытого Сталиным «социалистического реализма» по поводу любого яркого литературного героя — это был характер, отразивший «типические черты» своего времени и своей географии. Сталин, без сомнения, нашел в этом характере качества и взгляды ему созвучные и близкие. В период его могущества вся страна знала этот грузинский псевдоним, но только очень близкие товарищи, помнившие его еще дореволюционного, смели так к нему обращаться, и то в особых случаях. Два дня, 21–22 июля 1935 года, длилось торжественное заседание Тифлисского горкома партии, на котором Л.П. Берия делал доклад о дореволюционной деятельности Сталина в Закавказье. После этого конференция приняла резолюцию и обратилась с письмом к Сталину: «ЦК ВКП(б) — ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ. ДОРОГОЙ КОБА!» [271] И Бухарин, как мы помним, обратился к Сталину накануне расстрела: «Коба...» Бухарина не стало, но Коба продолжал жить в Сталине вплоть до самого его конца. К его 70-летию, в 1948–1950 годах, в Тбилиси одновременно вышли на грузинском языке пятитомное собрание сочинений Казбеги и его же избранные произведения в двух томах, на русском.

Александр Казбеги — ярко выраженный романтический писатель, которого один восторженный поэт-современник назвал «грузинским Гомером». Судя по портретам, это был благородного вида бородатый человек. Происходил он из знатного рода. Его дед вместе с царем Ираклием II содействовал включению Грузии в состав империи. За это получил в управление целую область и офицерский чин. Его отец приумножил заслуги деда, сохранил за собой «вотчину» и получил еще более высокий чин. Александру досталось большое феодальное наследство, но по стопам предков он не пошел. Пытался учиться в столицах, писал стихи, делал

переводы произведений Грибоедова, Шекспира. Судя по литературным приемам, любил Вальтера Скотта, Виктора Гюго и Фенимора Купера. Во время пребывания в России заразился идеей «хождения в народ». Вернувшись в Грузию в 1870 году, раздал свою землю крестьянам и ушел «в народ» с учетом кавказской специфики — семь лет пастушествовал. Затем поселился в Тифлисе и написал с десятков пьес и повестей. В 1893 году, когда Сталину исполнилось 15 лет, Казбеги умер в нищете и одиночестве [272]. При жизни его довольно охотно публиковал в своей газете «Иверия» Илья Чавчавадзе, тот самый, который печатал стихи юного Иосифа. Не исключено, что, прочитав в газете возвышенный некролог, написанный Чавчавадзе («Душа каждого грузина отныне качает его колыбель...»), Сталин увлекся произведениями Казбеги, как до этого увлекался произведениями самого Чавчавадзе. Очень похоже на то, что именно под их влиянием, как он сам сообщил своим поздним биографам: «Пятнадцатилетний Сталин становится революционером» [273]. Эта фраза вписана на том основании, что он сам впервые произнес ее в 1931 году в интервью, которое дал Эмилю Людвигу [274]. На самом же деле он в 15 лет просто начинает воображать себя народным мстителем, борцом за справедливость и вести себя соответственно в училище, а затем в семинарии. Многие мальчишки в этом возрасте фрондируют и думают о себе нечто подобное. Тем не менее «народный мститель», как мы помним, благополучно, с отличием оканчивает духовное училище и перебирается в семинарию, из которой он опять-таки не уходит добровольно по идейным соображениям. Его оттуда исключают лишь в мае 1899 года, на 21-м году жизни, якобы за неявку на переводные экзамены из пятого в шестой класс. Никаких других осязаемых следов его революционной деятельности, а главное — творчества до этого времени, кроме инспирированных им лично упоминаний в «биографиях» и в поздних воспоминаниях мемуаристов, нет. Впрочем, в ранних биографических материалах 1926–1927 годов, которые он так же самолично просматривал и дополнял, говорится, что революционной деятельностью он стал заниматься с 17 лет, а руководить марксистскими кружками — лет с двадцати [275].

* * *

Ухватив основную идею русских народовольцев о примате «народа» над обществом, личностью и государством, Казбеги повернул ее в свое национальное, грузинское русло. В его произведениях бушуют шекспировские страсти с отчетливым грузинским акцентом. В них много

слепающих красок, высокопарных сердечных речей, грохота выстрелов и горных бурь, крови, любви, предательства, ненависти, благородства... В целом это была литература, которая стремилась вырваться из состояния литературного лубка, но навеки застыла в нем, как застыла живопись великого Пиросмани на жестяных вывесках кабачков и лавочек дореволюционного Тифлиса. Для Сталина же это была родная и очень близкая по духу, цвету, запаху и вкусу среда, наивная среда «народного романа». Она была и навек осталась основным позитивным пластом, заложенным в его еще юной личности, после первичной и очень ломкой домашней, вторичной, негативной средой — семинарской. Идеи и мысли Маркса, Энгельса, Бакунина, Кропоткина, Плеханова, Троцкого, Каутского, других идеологов и даже Ленина были значительно позже. Еще позже были Петр I, Александр Невский, Иван Грозный, Чингизхан, Наполеон, Тамерлан, Гитлер, Цезарь... Но изначально, каждый раз всю силу их образного влияния ощущал на себе именно народный мститель, анархистствующий герой Коба, жестокой мужественностью которого прикрывал свою нежную душу мальчик Сосело и унижаемый бедностью и произволом православный семинарист Иосиф Джугашвили. Сталин начинается с Кобы. Пора познакомиться.

* * *

Коба не главный герой повести, и он совсем не «отцеубийца». В большинстве произведений Казбеги главный герой — женщина. В повести нежная страстная Нуну не только центральная фигура, но и якобы убийца своего по-шекспировски несчастного отца. А Коба — это отчаянно смелый, удачливый абрек, друг и побратим любимого мужчины Нуну — Иаго. Но к Нуну пылает нечистой страстью богатый и коварный Гиргола, который обманным путем выдает ее замуж за своего брата. Затем он превращает Нуну в свою наложницу, совершая смертный грех кровосмешения... В таком духе на протяжении десятков страниц идет кровавая борьба любви и благородства с похотью и предательством. Конец по-шекспировски величественен: все, кроме Кобы, погибают, оклеветанные герои очищаются, страшные грешники успевают перед смертью покаяться.

Современному читателю, вкушившему горькую сладость прозы Бунина, Бабеля, Булгакова, Борхеса или других волшебников языка и смыслов, читать все это скучно. Почти все современники Сталина, начинающие вожди российской социал-демократии, воспитывались на совершенно иных, более высоких литературных образцах. Ну и что? Пусть так, но у

нелитературного Кобы, у Иосифа явно сильнее билось сердце, когда он читал: «Коба и Гиргола сошлись. Разгорелась борьба. Оба были сильные и ловко увертывались друг от друга.

Гиргола старался оттеснить Кобу к пропасти и столкнуть его туда. Коба понял этот коварный замысел, напряг все силы и свалил Гирголу. Он выхватил кинжал и занес его над врагом. Тогда один из людей Гирголы подскочил сзади, ударил прикладом ружья по занесенной руке, и Коба выронил кинжал. Гиргола воспользовался этим и вскочил на ноги. Между тем Коба быстро схватил левой рукой упавший кинжал и двинулся на того, кто помешал ему в единоборстве с Гирголой. Тот отступил и нацелился из ружья. Коба ловко подскочил к нему и, оттолкнув левой рукой дуло ружья, изо всех сил вонзил ему в грудь кинжал по самую рукоять».

Если мы и не уследили за тем, какая рука и в каком порядке была задействована героем, — не беда! Главное — порыв битвы. Читаем дальше: «Он (Коба. — *Б.И.*) вернулся на место боя, где лежал с искаженным лицом поверженный убитый враг.

— Зачем ты напал на меня, зачем заставил пролить свою кровь, несчастный? — с презрением глянул на него Коба.

И только теперь вспомнил он о своей любимой. Марине лежала в глубоком обмороке. В жаркой схватке Коба этого не заметил.

Он кинулся к ней.

— И женщин стали убивать! — Он думал, что она ранена. — Какое настало время! — горько воскликнул он. — Лучше смерть, чем такая позорная жизнь!

Марине пришла в себя... Она крепко обняла его, и в эту минуту ей казалось, что все беды уже миновали и нет больше горя на земле. Она целовала его, ласкала, вся замирая от счастья» [\[276\]](#).

Торжествующая плотская любовь героя-победителя рядом с еще теплым трупом поверженного врага не такая уж большая редкость в мировой литературе. А возмущенная фраза литературного Кобы: «И женщин стали убивать!» — не может не вызвать благодарное уважение к герою, чья эпоха была отнесена автором на период жесточайшей борьбы России с чеченцами и дагестанцами и их лидером Шамилем. Но не будем торопиться — двойная мораль свойственна народам Кавказа так же, как и всем другим народам Востока и Запада. Женщин всегда убивали, били и мучили из ревности, из жадности и просто так — из садистской жестокости. В годы коллективизации Михаил Шолохов послал несколько личных писем Сталину с описаниями изощренных пыток, совершаемых «уполномоченными» мужиками над своими односельчанками. В одном из них он возопил: «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти», перечислял

один за другим примеры: «В Вешенском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, поджигали, а потом тушили: “Скажешь, где яма? Опять подожгу!” В том же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос» и т. д. [\[277\]](#).

В романе Казбеги есть сцена, когда влюбленный злодей и насильник беспощадно хлещет любимую женщину нагайкой: «Обтянутое платье лопнуло под ударом, и кровь хлынула из раны. Нуну подставила горсть и плеснула кровью в лицо Гирголе.

— Безбожник, пей мою кровь» [\[278\]](#).

В конце повести автор, как мог, покарал «безбожника» Гирголу за невинную жертву. А Коба, который стал Сталиным, убил и растерзал судьбы сразу десятков тысяч женщин из семей «врагов народа», а еще больше — не имевших к ним никакого отношения.

В 1938 году Лаврентий Берия, в чем-то схожий по внутреннему складу с Гирголой, арестовал жену Эрнеста Бедии — фальсификатора, приложившего руку к оформлению легенды о дореволюционных подвигах вождя. Говорят, что Нина Чичуя, жена Бедии, была мегрельской княжной с независимым характером и острым языком. Она, возможно, пострадала за то, что без опаски говорила о муже как об одном из истинных авторов книги о вожде. О последних ее минутах рассказывают: «В камеру после допросов ее приводили истерзанную, в крови. Допрашивал Берия лично. Начинал с одного и того же вопроса:

— Ну, кто написал книгу о революционном движении в Закавказье?

Узница неизменно отвечала:

— Эрик, мой муж.

И получала очередную порцию побоев.

Однажды она схватила со стола тяжелую, оправленную бронзой стеклянную чернильницу и бросила в мучителя. Берия выхватил пистолет...» [\[279\]](#) Так ли это было на самом деле или не совсем, теперь установить трудно. Но в сходстве литературного и реального рисунка чувств, при описании внутренне близких ситуаций сомневаться не приходится. Нам еще не раз придется убедиться в том, что в сталинскую эпоху, как ни в какую другую, мифологическая, литературная и реальная жизнь намертво смыкалась.

Литературный Коба был решителен и жесток, но отчаянно смел и благороден, как индейцы Ф. Купера. Вообще, все кавказцы Казбеги как-то подозрительно похожи на литературных индейцев. Но есть в жестокости горцев и свой оттенок. Устами одного из героев повести Казбеги процитировал расхожую региональную мудрость: «...не грех убить человека, если он недруг твой, но нужно ответ за это держать» [\[280\]](#). «Не

грех убить человека, если он недруг...» Мог ли знать сентиментальный Казбеги, что один из его юных романтических читателей лет через двадцать пять — тридцать претворит эти слова в государственную политику мировой державы? Не мог он знать и того, что Кобе-Сталину ни перед кем не нужно будет держать ответ.

* * *

Хорошо известно, что Сталин с легкой руки Ленина прослыл большевистским специалистом по национальному вопросу. И после смерти Ленина национальная тема была самой главной в его государственной политике, в быту, в интригах и даже там, где, казалось бы, ей не место — в любви его дочери и сыновей, в их детях, а его внуках. И это, конечно же, не случайно. Россия, став империей, всю историю была перенапряжена национальными проблемами.

Пока московские князья выживали под гнетом татарского ига, «собирали» русские земли в условиях «вызова» с Востока, это было делом внутренним, почти семейным. Хотя уже и на этом этапе «отрабатывались» определенные национально-мобилизационные формы жизни. Иван Грозный, покорив восточные татарские ханства, сумел это сделать, используя достаточно эффективные и оригинальные механизмы средневекового тоталитаризма (один из которых — опричнина), изобретенные, судя по всему, им лично. Но его социальный «проект» оказался нежизнестойким. И только после длительного периода Смуты, этого средневекового варианта современной гражданской войны и иностранной военной интервенции, началась самая продолжительная эпоха экспансии Российской империи по всем азимутам: на Восток, Запад, Юг и даже — крайний Север. После присоединения земель на Востоке, с присоединением земель на Западе страна приобрела еще одну, прямо противоположную линию напряжения. С этого времени уже не Россия находилась между Востоком и Западом, как между молотом и наковальней. На Востоке и Западе находились ее колонии, за преумножение и сохранение которых она борется последние пятьсот лет. А завоевав Юг, в частности Кавказ, российские императоры, не подозревая того, получили еще и национальный «ящик» Пандоры.

Даже христианские народы Кавказа, даже «добровольно» присоединенные в 1801 году грузины испытывали смешанное чувство страха, неприязни и обиды по отношению к православным казакам, русским солдатам, чиновникам, «белому царю» и к своим

соотечественникам, ставленникам имперской администрации. Явно в реальной жизни Казбеги подсмотрел вот эту сцену или услышал о ней рассказ:

«Они ясно различили приближавшихся солдат...

— Караульные! — прошептал Коба и достал из чехла ружье.

— Дайте и мне ружье, уложу хотя бы одного из них, а там будь что будет! — попросил Иаго. Он едва стоял на ногах, но зов свободы, ненависть к несправедливости и страх перед нечеловеческими муками удесятирили его силы» [\[281\]](#).

А вот как православные грузины-крестьяне оценивали казаков: «... являются туда казаки, хватают баранов, хотят их резать...

— Нет безбожнее их никого на свете! — заметил кто-то из слушавших.

— А мой милый не стерпел, избил казака...

— Дай ему бог здоровья! — воскликнули все» [\[282\]](#).

В 1921 году, еще в бытность наркомом по делам национальностей и хорошо зная о роли казачества в колониальных войнах на Кавказе и во время Гражданской войны, Сталин на X съезде партии говорил: «...старое государство, помещики и капиталисты оставили в наследство такие загнанные народности, как киргизы, чеченцы, осетины, земли которых служили для колонизации со стороны казачьих и кулацких элементов России. Эти народности были обречены на невероятные страдания и вымирание» [\[283\]](#).

Не менее достоверны действия и реакция другой, российской стороны глазами Казбеги-Кобы-Иосифа:

«— Одно слово, басурманы! — добавил длинноусый ефрейтор.

— Думаю про себя, — продолжал рассказчик, — я вам покажу... Да и свернул в один двор. Смотрю, разгуливают по двору индюки. Я зацепил одного палкой. На лай собачий вышла баба, бросилась ко мне, лопочет что-то на своем языке... рассвирепела баба ихватила меня палкой. Ох ты, чертово отродье, — думаю. — Ну, смотри теперь, что будет, — и шлеп на землю, растянулся, будто дух вон... Сбежался народ, окружили меня, а я лежу не дышу. Думают, убила меня баба, сердятся на нее... Страшно им — за убийство ответ будут держать строгий. Вот открыл я глаза да и хвать одного мужика, который ближе стоял... Пойдем к начальнику ответ держать! А он побледнел весь, упрашивает меня отпустить его. Долго упрашивает, а потом дали мне трех индеек да семь кур, и тут только оставил я их в покое...

— Молодец! — одобрили остальные» [\[284\]](#).

Не только в казачьей и солдатской среде, но даже среди просвещенных социал-демократов, даже в среде интернационально настроенных

революционеров было заниженное отношение к народам восточных и южных национальных окраин России, к народам ее колоний. В последнем издании биографии Сталина приводится известная ленинская характеристика горцев Кавказа как народов, «стоявших» до прихода «русского капитализма» «в стороне от истории» ^[285]. Немалое число просвещенных европейцев того времени, в свою очередь, считали, что вся Россия, в том числе и русский народ, — обочина истории. Очень скоро один из тех, кто, по ленинскому определению, стоял «в стороне от истории», не без его помощи окажется вместе со своей страной в ее мировом эпицентре.

* * *

Когда революционеры разных направлений в один голос говорили о сражении российских властями издревле живущих недружно народов Кавказа, Сталин это знал не понаслышке. Вооруженные столкновения на Кавказе продолжались весь XIX и весь XX век. О Чечне и Шамиле помнили всегда. Сталин тоже. Во времена его правления и именно с его подачи официальная довоенная оценка движения Шамиля поддерживалась Сталиным в духе любимого им Казбеги.

В сталинской библиотеке, в той ее части, что хранится ныне в Государственной общественно-политической библиотеке (бывшей библиотеке ИМЭЛ), я обнаружил экземпляр известного школьного учебника «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А.В. Шестакова. Он был подарен Сталиным своей дочери в 1937 году, когда после нескольких лет подготовительной работы учебник наконец вышел в свет. Об этом свидетельствует дарственная надпись дочери-школьнице: «Светлане Сталиной от И. Сталина. 30.VIII.37». В архиве Сталина и архивах различных отделов ЦК сохранились многочисленные подготовительные и промежуточные варианты этого учебника. На некоторых сохранилась разнообразная правка, вставки и реплики, сделанные самим вождем. Цитирую главку о Шамиле:

«Горцев объединил талантливый и энергичный Шамиль. Он родился в Дагестане и с детства отличался храбростью и решительностью.

Шамиль, сильный, смелый и ловкий, прекрасно ездил на коне, без промаха стрелял из ружья, был неутомимым пловцом и бегуном... Шамиль стал умелым правителем и талантливым полководцем.

Он создал большое государство горцев. Во главе отдельных областей стояли начальники, которые назначались Шамилем из самых умных и храбрых горцев. Каждый горец обязан был учиться военному искусству —

стрельбе в цель, рубке шашкой, езде верхом, чтобы уметь с оружием в руках защищать свою родину от врагов...

Шамиль заманивал отряды русских войск далеко в горы. Обратную дорогу горцы заваливали камнями и срубленными деревьями. Из засады горцы уничтожали русские отряды...

25 лет героически боролись горцы Северного Кавказа под руководством Шамиля. Но они не могли победить огромную армию Николая I».

В упоминавшемся уже вузовском учебнике под редакцией М.В. Нечкиной, в его первой редакции, вышедшей до войны, оценка Шамиля была сходной. По известным причинам во время войны оценка движения под руководством Шамиля изменилась Сталиным на прямо противоположную. В последней редакции, так же подготовленной при его жизни, говорилось, что движение инспирировалось Англией и Турцией и «создало фанатичных врагов России, слепых исполнителей воли своего главы — имама» [\[286\]](#). Сталин еще во время войны, как всегда, коварно и кроваво попытался разрубить чеченский узел, изгнав с родных мест целый народ, но, как выяснилось в наше время, под грубым «рубцом» тлела социальная гангрена. Дело в том, что Сталин был таким «хирургом», который сам был заражен бациллой национализма, правда, к тому времени претерпевшей в его душе несколько радикальных мутаций. А агрессивный имперский национализм только усиливает мобилизационный национализм регионов. И тогда встает вопрос: кто кого? Победителю достается в наследство повышенная национальная агрессивность собственного стана.

* * *

Казбеги перенес приключения своих героев как раз в эту героизированную эпоху Шамиля, которую в конце XIX века многие грузины воспринимали совсем не так, как в начале столетия:

«...подошел поближе и стал слушать. Оказалось, что составляется ополчение для войны против чеченцев, участникам сулились всяческие милости государя императора и неисчислимые награды на небесах за защиту веры.

Народ слушал молча. Многие бывали раньше в Чечне, знали тамошние нравы и обычаи, знали о трудных дорогах, о девственных непроходимых лесах и понимали, на какое опасное дело их зовут.

Наконец выступил вперед пожилой мохевец [\[287\]](#), снял шапку и сказал:

— Мы знаем, ваша милость, что надо служить царю-государю... прежде у нас не было таких непосильных повинностей, но и то мы не

ропщем... Теперь же мы просим вас: освободите нас от похода против соседей, ничего худого они нам не делают. Не надо натравливать нас друг на друга, иначе мы вырежем друг друга и не будет у вас верных людей в нашей стране...

— Враги царя — также и ваши враги, и вы должны, как приказывает наместник царя, идти против Чечни.

— Хорошо, мы пойдем...» [\[288\]](#)

Но именно в свободолюбивой Чечне собирались скрыться герои повести, и именно туда ушел грузин Коба, когда все его друзья погибли. Запомним это.

Не менее напряженными, чем с русскими, были отношения у Кобы и его земляков с другими народами Кавказа. Злые языки время от времени заявляли, что отец Сталина был по национальности не грузином, а пришедшим из других краев осетином. Отец действительно был не местным, не горийцем, но говорить о том, что он не был грузином, нет никаких оснований. Сталин лично добавил в один из первых вариантов своей официальной биографии, подготовленной в 1927 году редакцией «Энциклопедического словаря русского библиографического общества Гранат», текст о происхождении отца из сельской грузинской глубинки из деревни с певучим названием Диди-Лило [\[289\]](#). Другое дело, что неизвестно, откуда там появился дед Сталина и какой он был национальности? Вряд ли сам Сталин знал это. По некоторым сведениям, дед «Иван» был туда сослан или за то, что был абреком (разбойником), или участником антиправительственного движения.

Впрочем, проблема происхождения, как и проблема «чистоты» национальности, тем более в России, темна, как «вода во облаках». А вот малюсенькая хибарка под земляной кровлей, которую арендовали в Гори молодожены Кеке и Бесо Джугашвили, действительно принадлежала осетину Кипшидзе, жившему за стеной. Их дети дружили.

Однако те, кто распускал слухи об осетинских корнях вождя, отлично знали о давней неприязни между двумя народами. Для Казбеги и его Кобы тоже было непреложной истиной, что равнинные черкесы вроде бы ничего, не самые плохие люди, а ближайшие соседи-осетины — коварны и ненадежны. В повести позже выясняется, что труп, рядом с которым Коба целовался со своей любимой, принадлежал не просто коварному человеку, а врагу-осетину: «Тогда же и убил я осетина! — сказал Коба». Он напомнил об этом другу с гордостью. А другой, еще более коварный «осетин, который встретил их с распростертыми объятиями», предает властям Кобу и его друзей за тридцать туманов и офицерский чин. Но деньги не приносят предателю счастья. Так же как Иуда Искарот, он погибает позорной

смертью, успев признаться в финале: «Я предал товарищей и достоин такой смерти!.. Я погубил вас!» [\[290\]](#)

* * *

Кобе, будущему Сталину, не могла не запомниться такая ошеломительная угроза героя в адрес врага: «О-о! Попадись он мне когда-нибудь в руки, будет его рвать первым материнским молоком!» [\[291\]](#)

Известно, что Сталин прекрасно владел всем арсеналом русской матерщины. Он его усваивал в рабочих кварталах закавказских городов, на нефтяных промыслах интернационального Баку и особенно успешно в тюрьмах и ссылках. Став властителем, он не стеснялся материться в любом обществе, особенно когда собирались соратники, матерился в присутствии дочери-подростка. За долгие века все народы империи отлично стали понимать эмоциональный плеск этого специфического языка, его угроз и намерений. Фактический же конкретный смысл угроз давным-давно стерт и загнан глубоко в подсознание. Но в этой угрозе одного из героев повести, несмотря на ее очевидную фантастичность, поражает беспощадная конкретность. Помнил ли о ней Сталин, когда приказывал следователям по «делу врачей» и другим делам: «Бить, бить и бить, пока не признаются!»? Впрочем, об этом не хочется не только писать, даже думать. Он ведь тоже когда-то пил молоко матери. Не оно ли закипело у него кровавой пеной на губах в смертные минуты?

* * *

Здесь я заслуживаю того, чтобы меня обвинили в субъективизме. Это ведь я, а никто иной, пересказал содержание и выбрал наиболее впечатлившие меня фрагменты повести. Сейчас нет никаких доказательств для утверждения — именно эти сцены и эти оценки привлекли внимание Сталина, отложились в его подсознании и управляли оттуда его эмоциями и даже поведением. Ничего этого доказать нельзя. Но есть неоспоримые доказательства того, что Сталин это произведение любил, хорошо знал, как и другие повести Казбеги, а главное, откликался на имя Коба. Своего первенца сына он назвал Яков, что в грузинском уменьшительно-ласкательном варианте и звучит как Коба (от Якоба — Яшенька, Яшка). Значит, ему нравилось играть роль литературного Кобы, быть его

воплощением в жизни. Я же добросовестно старался не упустить ни одной заметной черты литературного героя.

* * *

Официальная оценка Кобы Казбеги не могла не эволюционировать вместе с эволюцией национальной политики Сталина. Но сам Сталин-Коба не имел права на переоценку. В одном из томов первого издания Большой Советской энциклопедии, вышедшего в 1937 году, упоминается Казбеги как автор, который «в лирических патриархальных тонах... изображал патриархальную жизнь горских племен» [\[292\]](#). Специально о Кобе тогда не говорилось еще ничего. Но во втором издании БСЭ, вышедшем в 1953 году, о Казбеги и его Кобе говорится уже четко: «Коба — один из партийных псевдонимов Сталина. За подписью Коба печатались статьи И.В. Сталина в газете “Ахали цховреба” (см. “Новая жизнь”))» [\[293\]](#). Высоко оценивая творчество Казбеги, авторы энциклопедии сочли необходимым указать: «... писатель не создал ни одного положительного образа русского человека, представителя демократических кругов. Ошибка К. заключалась в том, что он не понял реакционного, мнимо национального характера движения Шамиля и мюрадизма, идеализировал, приукрашивал это движение» [\[294\]](#).

Так решительно разошлись пути Кобы-литературного и Кобы-исторического. Один — абрек — до сих пор борется в Чечне против наследников империи, другой — генералиссимус — до сих пор защищает от него эту империю железом и кровью. Коба против Кобы. Но на все времена останется у них вот это общее, с невероятным чувством выраженное их наивным духовным «отцом» Александром Казбеги:

«Кровь моя и сейчас остается прежней: это — смесь воды горного ручья с искрами, исторгнутыми ударом железа о кремневую скалу. Кто так взращен, — всегда видит белое белым, а черное — черным; свое чувствует своим, а чужое — чужим» [\[295\]](#). Может быть, именно здесь истоки того слепящего двухполюсного мира, которые увели стареющего Кобу в «ничто»?

Первоэлементы души

Как ни старайся, подлинную душу вытравить невозможно. Человек рождается не только в своем историческом времени и в своей стране (родине), но и в определенной национальной, культурной и социальной среде. Не человек делает выбор места, времени и обстоятельств своего рождения, а Бог или Случай. И в этом выборе нет ни заслуги, ни вины того, кого мать с отцом зачали, не зная того, «кого Бог даст», и тем «принудили»

неведомого им дитя человеческое родиться в свой час и в своем месте. Но если не по своей воле мы являемся на свет, то почему же тогда никому из людей не удастся навсегда отрешиться от истоков? Да потому, что там, в моменте рождения, в детстве и в юности, самое начало пробуждения души и разума, возмужания тела. Там начало нашей личной истории, укоренение ее в истории общечеловеческой. Мы словно семя, летящее по ветру, где упало — там и родился. И конечно же, до времени краше и лучше своей борозды, камня или пустоши нет ничего на свете. Первые впечатления, навыки и привычки, вкусы, любимые и нелюбимые запахи и звуки — все эти инстинкты и автоматизмы, как некое подобие первоэлементов, остаются на всю жизнь. Как потом, в зрелые годы, ни ломай, как ни воспитывай себя, как ни укореняйся на новом, более благоприятном жизненном поле, первооснова все та же. А все потому, что именно они, эти навыки и вкусы, составляют первичное, а потому подлинное содержание души. Правда, даже эту неистребимую часть души все же можно умертвить или парализовать, а затем облечь в различные личины, маски и одежды. Но это уже совсем иное, неподлинное; это уже область душевного лицедейства.

В мемуарной и научной литературе давно утвердилось мнение о том, что Сталин после революции и в особенности после того, как завладел Кремлем, все больше отдалялся от своих грузинских корней, все больше превращался в «русского» националиста и даже шовиниста. Такое мнение складывалось под влиянием нескольких факторов. Во-первых, он сам, еще до революции, в особенности после нее, очень часто употреблял в своих публичных выступлениях и статьях формулу самоидентификации: «Мы — русские...» Эту формулу он буквально эксплуатировал в период Второй мировой войны во время переговоров и в переписке с руководителями стран антигитлеровской коалиции. С другой стороны, мемуаристы и исследователи, начиная со Светланы Аллилуевой, отмечают, как само собой разумеющееся, что с годами Сталин все более забывал грузинский язык, причем настолько, что не только не писал по-грузински, но и читал и говорил уже с трудом на родном языке. Приемный сын Сталина Артем Сергеев в начале 90-х годов XX века вспоминал: «Я помню, как он однажды сидел и синим карандашом писал ей (матери. — *Б.И.*) письмо. Одна из родственниц Надежды Сергеевны говорит: “Иосиф, вы грузин, вы пишете письмо матери, конечно, по-грузински?” Знаете, что он ответил: “Какой я теперь грузин, когда собственной матери два часа не могу написать письма. Каждое слово должен вспоминать, как пишется”» [\[296\]](#). Поскольку это воспоминание относится к тому времени, когда мать Сталина была еще жива, то выходит, что и проблемы с грузинским языком как будто начались у Сталина где-то в середине 30-х годов. Так ли все было, как вспоминал

Артем Сергеев, но все же Сталин писал матери по-грузински все послереволюционные годы, вплоть до ее кончины, то есть почти до своих шестидесяти лет. В настоящее время сохранилось двадцать девять таких записок [\[297\]](#).

Светлана Аллилуева также пишет о том, что Сталин к концу жизни не только почти забыл грузинский язык, но что важнее — в его характере еще в 30-х годах произошли разительные перемены. Она вспоминает: «Вообще же, грузинское не культивировалось у нас в доме — отец совершенно обрусел.

Да и вообще, в те годы “национальный вопрос” как-то не волновал людей — больше интересовались общечеловеческими качествами. Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: “А знаешь, наш отец *раньше* (выделено. — С.А.) был грузином”. Мне было лет 6, и я не знала, что это такое быть грузином, а он пояснил: “Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами”. Вот и все, что мы знали тогда о своих национальных корнях. Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято — без этого грузинам невозможно! — привозили с собою щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно...» [\[298\]](#). Это воспоминание интересно в нескольких аспектах. Во-первых, лишний раз демонстрирует то, что дети до определенного возраста «не имеют» национальности и даже не испытывают потребности в национальной самоидентификации. Во-вторых, в многонациональных семьях определяющее значение для детей имеет культурная и социальная среда, а уже затем, в сознательном возрасте, начинает сказываться влияние семьи. В-третьих, Сталин, живя и господствуя в русской культуре и в русской среде, на каком-то еще сравнительно раннем этапе своей государственной карьеры не мог не подавлять и не маскировать в себе и в своих близких следы грузинской культуры и воспитания. Причем признаки такого подавления проявились задолго до Великой Отечественной войны и начала кампании по борьбе с «безродным космополитизмом». Но такое вынужденное и заданное внешними обстоятельствами подавление национальной самоидентификации могло быть только искусственным, а значит, притворным. Маленький штрих — через несколько лет подросший Василий Сталин напишет в своих первых официальных документах национальность: «грузин», хотя грузинским языком не владел и в детстве в Грузии почти не бывал, а Светлана Аллилуева останется «русской», как и мать, родившаяся в Грузии и долгое время там жившая. Анкетные пристрастия детей (пятый пункт) вряд ли могли пройти мимо внимания отца.

Аллилуева пишет: «...он любил Россию, он полюбил Сибирь, с ее суровыми красотами и молчаливыми грубыми людьми, он терпеть не мог “феодалных” почестей, оказываемых ему грузинами. Он вспомнил Грузию лишь когда постарел» ^[299]. Не знаю, что имеет в виду Аллилуева, когда утверждает, что он вспомнил Грузию лишь в старости. Может быть, очередную и самую страшную послевоенную чистку компартии Грузии и так называемое «мегрельское дело»? Смею утверждать, вопреки мнению дочери, — он никогда не забывал, что он грузин, «инородец», выросший в империи, давившей все «инородческое». Другое дело, к каким практическим результатам в его жизни и в его политике приводила эта память о первоистоках?

После того как он покинул весной 1899 года духовную семинарию, еще почти десять лет, до 1907 года, Сталин писал и публиковал свои статьи, листовки и брошюры только на грузинском языке. Вопреки распространенному мнению, ни одна из его дореволюционных работ не была оригинальной и даже — самостоятельной. Его знаний русского языка, марксистской теории и терминологии хватало только на то, чтобы выступать в качестве переводчика и интерпретатора изданных по-русски социал-демократических произведений. Примерно в том же качестве выступали и многие другие грузинские революционеры из различных политических лагерей. А еще раньше русские социал-демократы во главе с Г.В. Плехановым выступали в той же ученически-просветительской роли, усваивая, а затем транслируя западноевропейский марксизм в русскую среду.

Когда Сталину исполнилось 28–29 лет, он первый раз решился публиковаться по-русски. Неизвестно, сам ли он писал свои первые статьи на русском языке, или все же на каком-то этапе прибегал к чужой помощи? Конечно, даже родной язык, на котором начал думать, говорить и писать и который был основным до вполне зрелого, почти 30-летнего возраста, можно на протяжении последующих сорока лет постепенно подзабыть, но все же не настолько, чтобы признать единственным родным языком русский. Впрочем, в архиве Сталина и в его библиотеке есть немало свидетельств того, что он не только не забыл язык и грузинское письмо, но и до конца жизни находился внутри грузинской культуры и ее истории. Мне кажется, что и думать он иногда продолжал на грузинском. Правда, интерес к родной культуре и истории был у него свой, какой-то особенный, таким же особенным был в его душе и мир Грузии.

Судя по интервью с Эмилем Людвигом, последние два года в семинарии Кобу грызли сомнения в правильности выбранного для него матерью жизненного пути. В то же время трудно поверить, что он тогда же, сразу и безоговорочно отверг православие и принял марксизм не только юной душой, но и разумом. В подобном резком повороте нет ничего особенного. В раннем возрасте многим свойственно, отвергая и отбрасывая одно, тут же обращаться к прямо противоположному. Сплошь и рядом люди не только в мгновение ока перевоплощаются из «савлов» в «павлы», но и наоборот. В конце концов, и сам Маркс, будучи сыном еврея-протестанта, широко пользовался евангельским языком и образностью в своих публицистических и философских сочинениях атеистического и антиклерикального характера. Но в данном случае нас интересует не столько проблема влияния тех или иных культурных или идейных наслоений, что само по себе важно, сколько проблема выбора. Так ли уж сразу, без переходных мостиков, Коба ступил на стезю марксизма, и только ли это учение на всю будущую жизнь осталось его путеводной звездой? К сожалению, в нашем распоряжении нет прямых источников, позволяющих судить о резкой идейной и душевной эволюции Кобы последних лет пребывания в семинарии. Но о них все же можно составить представление по опубликованным произведениям молодого Сталина.

В 80—90-х годах XIX века на Кавказе, в Грузии (как и в России в целом), наиболее заметны были следующие политические течения: национальные, либеральные и социалистические. Последние распадались на три самых сильных направления: народническое, анархистское, социал-демократическое. Почему Коба выбрал последнее? И был ли здесь действительно сознательный выбор или же — простое стечение жизненных обстоятельств, влияние личных знакомств, следование за молодежной политической модой того времени?

Только в 1935 году Лаврентий Берия в «своей» книге с прямой подачи Сталина впервые опубликовал на русском языке фрагменты дореволюционных произведений Кобы, первоначально публиковавшихся анонимно. Все ли процитированные в брошюре тексты принадлежат перу начинающего вождя, для меня до сих пор остается неясным. Позже, в конце 30-х годов, отдельные письма, листовки и заметки раннего периода печатались в центральных периодических изданиях. Еще в 1924 году встал вопрос об издании собраний сочинений нового лидера партии. Но странное дело, создается впечатление, что Сталин всячески оттягивал решение этого вопроса. Все предвоенные годы шла вялая подготовка к изданию собрания сочинений Сталина. Война опять затормозила этот процесс. Работники ИМЭЛ не раз напоминали ему о необходимости активизировать

публикационную работу. Сталин отмахивался от этих напоминаний. Только в конце 1944 года работа активизировалась, и с 1946 года начали выходить первые тома сочинений. В них наконец-то были полностью опубликованы переведенные на русский язык дореволюционные произведения Кобы. Но в этих текстах, особенно в первом и втором томах, много загадочного.

В те далекие дореволюционные годы из соображений конспирации очень часто не указывалось подлинное авторство. У многих перепечатанных в первом томе статей, воззваний, листовок нет даже подписей псевдонимами. В конечном счете спустя десятилетия их авторство определил сам Сталин. Сначала работники ИМЭЛ (в том числе Грузинского филиала) выявляли и переводили на русский язык тексты. Затем копии подлинников и переводы передавались Сталину, который окончательно решал, какие из них оставить за собой. Процесс этот затянулся на долгие годы, а публикаторы бомбардировали записками помощников вождя и его самого. Даже в декабре 1944 года директор ИМЭЛ В.С. Кружков вынужден был напоминать, что тридцать три произведения, включенные в макет первого тома, идентифицированы только «на основании изучения содержания и стиля, а также основываясь на мемуарные и архивные материалы (так в документе. — *Б.И.*). Окончательное решение вопроса о включении этих произведений в сочинения представляется на решение товарища Сталина» [\[300\]](#).

И действительно, Сталин несколько раз все просмотрел, кое-что исправил в переводах текстов, в том числе сличил с грузинскими первоисточниками и сам определил авторство. Насколько мне известно, протестов по поводу авторства не было. С 1935 по 1946 год были уничтожены почти все главные свидетели кавказского периода жизни вождя, начиная с Авеля Енукидзе и Буду Мдивани. Остальные умерли своей смертью или были насмерть запуганы, как Филипп Махарадзе, или раболепствовали, как Михаил Калинин, Сергей Аллилуев и другие. После войны живых свидетелей практически не осталось.

Из макетов первых томов сочинений собственной рукой Сталина исключены многие тексты, в основном листовки, даже подписанные его известными псевдонимами. О причинах такой операции можно только догадываться. Скорее всего, эти публикации были слишком мелковаты для признанного мыслителя и вождя «всех времен и народов». В то же время среди оставленных Сталиным за собой статей и заметок есть такие, принадлежность которых перу Кобы у меня вызывает сомнение [\[301\]](#). Если учесть, что большая часть из них не имеет подлинников или других достоверных атрибутов, это позволяет поставить вопрос о возможной фальсификации части ранних статей и писем и о присвоении чужого

авторства. Но это особая проблема, ждущая специального рассмотрения. Вообще, все собрание сочинений Сталина требует особого текстуального и источниковедческого анализа. Дело в том, что не только публикаторы, но и сам Сталин вносили изменения в первоначальный текст, а в ряде случаев даже вмешивались в структуру публикации. Так произошло с известной работой молодого Сталина «Анархизм или социализм?». Сталин до конца жизни то ли редактировал, то ли что-то обдумывал, читая разрозненные фрагменты с карандашом в руке. Экземпляр этой статьи с правкой и макет первого тома сочинений были обнаружены на даче после смерти Кобы. Несмотря на то что правка в той или иной степени затронула многие ранние произведения, Сталин сам выкинул из проектов двух предисловий к первому тому сочинений (редакционного и авторского) все упоминания о правке текстов ^[302]. Учитывая все это, дадим общую характеристику раннего публицистического наследия Кобы, опираясь на те произведения, авторство которых почти не вызывает сомнений.

Настораживает, что не сохранилось ни одного произведения, написанного до 1901 года (Кобе 23 года) и нет даже свидетельств о них самого автора. Правда, в предисловии к первому тому издатели утверждали: «До недавнего времени не разысканы архив Кавказского союзного комитета РСДРП и отдельные издания закавказских большевистских организаций, в которых печатались произведения И.В. Сталина. В частности, до сих пор не найдены произведения: “Программа занятий в марксистских рабочих кружках” (1898 г.) и “Кредо” (1904 г.)» ^[303]. Это заявление, мягко говоря, не точно. Архив Кавказского союзного комитета к моменту издания сочинений был давно обнаружен. Не исключено, что архив сохранился не полностью, но непонятно все же — зачем было сообщать о том, что его документов нет вообще? Может быть, потому, что из документов архива становилось ясным, какую значительную роль играл тогда в кавказских делах Л.Б. Каменев? В январе 1945 года заведующий «кабинетом Сталина» в ИМЭЛ В.Д. Мочалов делился своими сомнениями по поводу авторства многих выявленных статей и, в частности, писал: «Кроме того, в сохранившемся в архиве протоколе заседания Кавказского Союзного комитета от 30 января 1905 г. сказано: “Тов. Юр.{ий} является ответственным по редактированию изданий Союза, особенно на русском языке”. Юрий — это, по-видимому, Каменев, **не ему ли принадлежат названные выше статьи, написанные, должно быть, вначале по-русски** (выделено мной. — *Б.И.*), для русского издания “Борьбы пролетариата”?» ^[304] Если Каменев редактировал русский вариант «Борьбы пролетариата», то Сталин по возвращении из очередной ссылки в январе 1904 года параллельно делал то же самое по отношению к ее грузинскому эквиваленту «Пролетариатис Бродзола». Вскоре газета с

тождественным содержанием и под руководством единой редакции, куда помимо Сталина и Каменева входили А.Г. Цулукидзе, С.Г. Шаумян и другие, стала выходить не только на русском и грузинском, но и на армянском языках ^[305]. Не исключено, что среди анонимных статей, опубликованных на грузинском языке, были и работы, написанные по-русски Каменевым или кем-то еще, но переведенные или переложенные на грузинский язык Кобой. Позже Сталин включил их в свои сочинения без каких-либо оговорок. Кроме того, анализ ранних работ Кобы не оставляет сомнений в том, что он до революции, особенно в начале публицистической деятельности, чаще всего был лишь ретранслятором, перекладывавшим с русского языка на грузинский те идеи, которые появлялись в социал-демократической печати. Но при этом он, конечно, с каждым годом все больше вносил и что-то свое. Коба умел и любил учиться.

В начале 1945 года директор ИМЭЛ В.С. Кружков, отчитываясь перед вождем, в частности, писал: «Среди них (документов архива Кавказского союзного комитета. — *Б.И.*) оказались рукописи нескольких статей товарища Сталина, черновики протоколов съездов Союзного комитета, но не было работы товарища Сталина под названием “Кредо”» ^[306]. Сталинские архивисты не нашли и «Программу» занятий в марксистских кружках. Обратим внимание: кроме «Программы» Сталин не смог ничего больше припомнить из того, что он опубликовал или написал до 1901 года. Трудно поверить, что юноша, склонный к поэтическому мировосприятию, к романтизму и проповедованию в семинарских и рабочих кружках, а значит, склонный и к публицистическому творчеству, до 23 лет не пытался как-то оформить свои мысли. Хорошо было бы также понять, в атмосфере каких идей и проблем эти самые мысли зарождались? Если верить официальным и неофициальным биографам, в том числе современным, в 1901 году сразу, как из головы Минервы, пред всем миром явился сложившийся зрелый марксист и убежденный социал-демократ. Единственными источниками на сей счет, широко используемыми современными исследователями, являются мемуары, собранные главным образом в период сталинского могущества. Понятно, что они или рисуют благостную, но совершенно искаженную картину в духе официальной биографии, или просто молчат ^[307]. Думаю все же, что кое-какую информацию на сей счет можно извлечь из опубликованных ранних произведений самого Кобы, тем более что стареющий Сталин предпослал им собственноручно написанное предуведомление, в котором предостерегал читателей: «Чтобы понять и должным образом оценить эти произведения, следует рассматривать их как произведения молодого марксиста, еще не оформившегося в законченного марксиста-ленинца, понятно поэтому, что в этих произведениях

сохранились следы некоторых ставших потом устаревшими положений старых марксистов, которые были преодолены впоследствии нашей партией» [308]. Но дело не только в том, что Коба конца XIX и первых лет века XX, конечно же, не мог предвидеть того, что российские социал-демократы вскоре расколются по отношению к аграрному вопросу и крестьянству, по отношению к характеру будущей российской революции, а он сам в 20-х годах схлестнется с Троцким на почве авторства идеи перманентной революции. Дело в том, что Коба не был рожден ни теоретиком, ни идеологом. Сам Сталин в том же предисловии свои ранние произведения характеризовал подчеркнуто скромно, позволяя тем не менее другим захлебываться от восторга по поводу каждого его напечатанного в молодые годы слова. Несмотря на то что он уже давно был официально признанным «гением всех времен и народов», он демонстративно отстраненно оценивал молодого Кобу лишь как одного из «практиков-большевиков». Все в том же предисловии 1946 года он признавал, что до революции не придавал большого значения теоретическим вопросам: «... мы, практики, — отмечал он, — не вникали в это дело (в теорию перманентной революции. — *Б.И.*) и не понимали его великого значения ввиду нашей недостаточной теоретической подготовленности, а также ввиду свойственной практикам беззаботности насчет теоретических вопросов» [309]. Здесь Сталин в очередной раз пококетничал, как он не раз кокетничал перед слушателями и читателями, а позже ерничал во время дискуссий с Троцким и оппозиционерами 20-х годов, противопоставляя себя и своих соратников, руководящих «строительством» социализма, то есть «практиков», болтунам-оппозиционерам, то есть «теоретикам». И действительно, лишь к моменту подавления «правой» оппозиции и разрыва союза с Н. Бухариным (то есть к 1928 г.) Сталин окончательно уверовал в свои выдающиеся теоретические способности. Видимо, не для одного Бухарина, но и для Троцкого и многих других стала полной неожиданностью в тот момент претензия Сталина на роль главного партийного мыслителя. Только в канун 50-летнего юбилея в 1929 году он был окончательно и бесповоротно официально признан выдающимся марксистом.

* * *

Возможно, что самые ранние заметки (и, конечно, мысли) молодого семинариста, задумывавшегося о своей судьбе и судьбе своего народа, были все же не очень марксистскими и социал-демократическими. Во-первых, в

Грузии социал-демократов в эти годы практически не было. Не было даже переведенных на грузинский язык произведений классиков марксизма. Сохранилось предание о том, что семинаристы-кружковцы по очереди, включая Джугашвили, тайком вручную переписывали «Капитал» Маркса с единственного на весь Тбилиси экземпляра книги. Во-вторых, представители всех без исключения течений, в том числе и будущие социал-демократы, не могли не оказаться под влиянием идей грузинского национального освобождения и культурного возрождения. Ведь не случайно Иосиф понес свои первые стихи, проникнутые «гражданским пафосом», к Илье Чавчавадзе, возглавлявшему патриотическое движение за возрождение грузинской национальной культуры и литературы. Да и герои произведений Казбеги были борцами за национальное достоинство. Иначе и быть не могло. По мере того как человек взрослеет, по мере того как он все больше вырастает в действительность, он начинает определять то, что является его и не его, то, на что ему позволено претендовать по праву рождения и наследования, и то, на что он претендовать не должен или не может. И тогда выясняется, что у него нет ничего или почти ничего из того, чем обладают живущие рядом с ним богатые или просто благополучные люди. Выясняется также, что люди разных национальностей, живущие на родной земле, по какой-то причине имеют преимущества или, наоборот, лишены вполне очевидных прав. И тогда у человека остается только одно достояние — ощущение владения «своим», национальным: историей, культурой, языком, небом, горами.... Недаром говорят: национализм — прибежище поработенных. Национальная самоидентификация означает перенесение внутрь себя, в свою духовную и интеллектуальную жизнь комплекса национальной (или многонациональной) культуры, главной составляющей которой является история. Здесь многое определяют семья, религия, школа, историческая наука, искусство, общественные настроения, политические партии. Все это наполняет национально окрашенным содержанием то, что мы определили как личную «историософию». История угнетенной Грузии как часть истории Российской империи объясняла причины личного унижения и обездоленности. Ранние произведения Кобы пронизаны национальным чувством даже тогда, когда он полемизирует с дворянскими, буржуазными и иными националистами. Не только его поздняя брошюра «Марксизм и национальный вопрос», но и вся ранняя публицистика в той или иной степени посвящена национальной теме и Российской империи как темницы народов. Вот, например, с каким эмоциональным запалом он писал об этом в одной из ранних статей (декабрь 1901 г.): «Стонут угнетенные нации и вероисповедания в России, в том числе гонимые со своей родины и оскорбленные в своих чувствах поляки, финны, права и свободы которых,

дарованные им историей, самодержавие нагло растоптало. Стонут постоянно преследуемые и оскорбленные евреи, лишенные даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные российские подданные, — права жить везде, права учиться в школах, права служить и т. д. Стонут грузины, армяне и другие нации, лишенные права иметь свои школы, работать в государственных учреждениях, вынужденные подчиняться той позорной и угнетающей политике **русификации** (выделено Сталиным. — *Б.И.*), которую с таким рвением проводит самодержавие.

Стонут многие миллионы русских сектантов... Стонут... но всех угнетаемых, всех преследуемых российским самодержавием не перечислить... Угнетенные нации России не могут даже и думать о том, чтобы своими собственными силами освободить себя, пока против них стоит не только русское правительство, но даже русский народ, еще не осознавший, что их общий враг — самодержавие» [\[310\]](#).

«Русификация» — это ключевое слово, материальную силу которого он явно ощущал на себе в училище, на улицах Гори и Тифлиса и особенно в семинарии. Эта та политика, из-за которой грузинские дети в училище чувствовали себя «неполноценными». Из-за этой политики в семинарии время от времени вспыхивали бунты и даже убивали преподавателей и священнослужителей. Одно из таких убийств произошло как раз накануне поступления Сосо в семинарию.

Коба, еще будучи семинаристом, довольно быстро понял, что не все грузины, по разным причинам, сопротивляются русификации. Мало кто сейчас помнит, что первая теоретическая работа Сталина, целиком посвященная национальному вопросу, была им опубликована еще в 1904 году. Она называлась «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?». Это первая значительная работа Кобы, в которой национальный вопрос рассматривается с позиций социального релятивизма, или, как стали говорить позже, «диалектически». В ней нет ничего особо оригинального. Коба просто интерпретирует для грузинского читателя программу РСДРП по национальному вопросу, но в этой интерпретации уже есть все: раздумчивая интонация библейского Екклезиаста, образный авторский язык, простота логических заключений, подкупающая малоискушенного читателя. В старости Сталин с особым удовольствием ее перечитывал.

«Все изменяется... Изменяется общественная жизнь, и вместе с нею изменяется и “национальный вопрос”. В разные времена различные классы выступают на арену борьбы, и каждый класс по-своему понимает “национальный вопрос”...

Существовал, например, у нас так называемый **дворянский “национальный вопрос”** , когда — после “присоединения Грузии к

России” — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которое оно имело при грузинских царях... Это был **феодално-монархический “национализм”** » [\[311\]](#). В этом тексте все самое значимое выделено самим Кобой. И кавычки по поводу добровольного присоединения Грузии — его же. Формула добровольного присоединения к России тех или иных национальных окраин будет вновь возрождена и станет употребляться без всяких кавычек лет через тридцать пять — сорок в послевоенных учебниках. Эта ранняя статья Кобы и проекты новых учебников истории будут одновременно прочитаны Сталиным в Кремле с карандашом в руке. Но пока молодой Коба клеймит грузинское дворянство, его «феодално-монархический «национализм». Этот вид национализма очень быстро сошел на нет, так как дворянство раскололось и одна его часть пошла на службу империи и получила тем самым желанные привилегии. «Другая же, более слабая группа грузинского дворянства, — писал недавний семинарист, — подружилась с грузинскими епископами и архимандритами и, таким образом, укрыла гонимый жизнью “национализм” под крылышко клерикализма. Эта группа с большим увлечением занимается восстановлением разрушенных грузинских церквей (это называется главной статьей ее программы!) — “памятников бывшего величия” — и благоговейно ждет чуда, призванного осуществить ее **крепостническо-монархические** “желания”. Таким образом, феодално-монархический национализм в последние минуты своей жизни принял клерикальную форму».

Отметим насмешливый тон будущего Сталина по отношению к недавним духовным наставникам, а также по поводу сохранения памятников прошлого своей родины. Став «русским», он, как и многие его соратники, санкционировал массовое уничтожение памятников старины, в том числе православных церквей и монастырей по всему СССР. Но не только исторические памятники будут разрушены при прямом попустительстве бывшего семинариста. Массовым репрессиям будет подвергнута и значительная часть православного духовенства. Еще задолго до этого, в 1908 году, Коба написал злобную заметку против земляков из меньшевистского лагеря, которые потребовали наказания для убийц церковного главы, экзарха Грузии. С нескрываемой неприязнью он, обвинив меньшевиков в «бесстыдстве», писал: «Мы имеем в виду оценку убийства идейного поработителя обездоленных, так называемого экзарха...» [\[312\]](#) Почти наверняка еще в бытность свою в стенах семинарии Иосиф не раз целовал во время праздничных богослужений наперсный крест и руку своему высшему духовному пастырю.

По мнению Кобы, после гибели дворянского национализма родился грузинский буржуазный национализм. Мотивы его появления были вполне очевидны — молодая грузинская буржуазия испытывает конкуренцию с «иностранными» капиталистами и поэтому «начала лепетать о **независимой Грузии** ». Грузинская буржуазия пытается перетянуть на свою сторону грузинский пролетариат, призывая его к «патриотизму». Далее он интерпретирует национальную программу РСДРП, противопоставляя ее грузинским «федералистам», пытавшимся организовать социал-демократическое движение по примеру еврейского Бунда.

В конечном счете получалось так, что «национальное» для молодого Кобы — это иносказательное выражение материальных интересов того или иного класса и ничего более. Богатые в разных вариантах разыгрывают национальную «карту» против бедных. И не существует никакой национальной общности бедных и богатых — даже в образе единого национального «духа». Услышав от оппонентов знакомое слово «дух», Коба писал, посмеиваясь:

«Но что такое этот национальный дух и его свойства? Наука устами диалектического материализма давно доказала, что никакого “национального духа” не существует и существовать не может. Опроверг ли кто-нибудь этот взгляд диалектического материализма? История говорит нам, что никто не опроверг... И если это так, если никакого национального духа не существует, — то само собой ясно, что всякая защита того, что не существует, является логической глупостью, которая неизбежно повлечет за собой соответствующие исторические (нежелательные) последствия» [\[313\]](#).

* * *

Романтичной и экспрессивной натуре Кобы социал-демократические идеи импонировали не только декларируемым балансом между национальным и интернациональным, но и его агрессивной наступательной стратегией и тактикой. Среди целого ряда причин, приведших Кобу в стан большевистской фракции РСДРП, без сомнения, одной из главных был устойчивый курс на восстание, на вооруженную борьбу за власть. Сталин никогда не скрывал, хотя и не очень бахвалился по поводу того, что он до революции участвовал в подготовке вооруженных выступлений путем добывания денег, оружия и организации боевых отрядов. И хотя на прямой вопрос Эмиля Людвиг об этом он уклонился от такого же прямого ответа, сейчас стало достоверно известно о его прямой причастности к организации отрядов боевиков в Грузии и в Азербайджане в период революционных

выступлений 1905–1906 годов ^[314]. Иначе говоря, именно в большевистском стане он мог реализовать не только чувства национального и социального протеста, но и с оружием в руках, подобно литературному Кобе, стать профессиональным бойцом за поправленную справедливость. Физический калека, он вряд ли лично участвовал в военных эксцессах. Но участвовать в их подготовке, участвовать, так сказать, теоретически вполне мог. Напомню, что именно в большевистском крыле РСДРП, возглавляемом Лениным, последний ставил вопрос о создании партийного ядра из профессиональных революционеров. Именно за это меньшевики справедливо обвиняли большевиков в бланкизме, хотя у нас в России такая «профессия» появилась еще во времена народовольцев. Положение профессионального революционера освобождало Кобу от необходимости учиться гражданской профессии, обустриваться в обычной жизни и постоянно искать заработка. Он становился как бы подлинным былинным абреком, но в новых исторических условиях и с еще более благородной внутренней и внешней мотивацией. Таким образом, партийная работа по организации тайных «кружков» единомышленников, так напоминавшая организационную и пропагандистскую работу первых христианских апостолов, была не только полна романтики и опасностей, но и предполагала реальные действия, то есть вооруженную борьбу. В профессии революционера сошлись сразу все те качества, которые так ценил зреющий вождь: личная свобода и возможность лидировать, романтика, тайна, проповедь, оружие и кровь, хитрость и изворотливость по отношению к врагу, жертвенность собой, которая вызывала опасливое восхищение непосвященных. Не случайно позже, в 30-х годах, он сравнит партию и ее членов с воинами духовного христианского ордена меченосцев, умевших соединять несоединимое во имя одной цели: меч и крест, ненависть и любовь, свою и чужую кровь. Но все это имело смысл и значение только в том случае, если давало силу и власть над людьми, над «массой».

Слово «масса» — в смысле «люди», «народы» — сплошь и рядом мелькает во всех произведениях молодого Кобы и зрелого Сталина. Уже в анонимном репортаже «К гражданам. Да здравствует красное знамя!» (1905 г.), авторство которого Сталин также оставил за собой, он многотысячную «толпу из армян, грузин, татар и русских», собравшихся в ограде Ванкского собора, обволок этим магическим словом новой, революционной эпохи: «Масса аплодирует ораторам. Распространяются наши листовки... Масса принимает их нарасхват. Настроение массы поднимается. Назло правительству она решает собраться на другой день в ограде того же собора, чтобы еще раз “поклониться друг друга”... Масса разбивается на группы и обсуждает содержание прокламаций...

Настроение массы подымается. Она решает демонстративно пройти около Сионского собора и мечети... Масса приводит в исполнение свое решение. Настроение массы подымается все выше и выше». И вот апофеоз. Над массой и на руках массы возносится знаменосец с красным знаменем: «Да здравствует красное знамя!» — отвечает масса... «Клянемся!» — отвечает масса на призыв бороться с царизмом» [\[315\]](#).

Это видение «массы», начинающей буквально на глазах жить собственной жизнью, и себя, как ее повелителя, возбуждающего ее, а затем через нее возбуждающего и себя, всю жизнь будет преследовать Сталина. И еще один знакомый «субъект» сталинской политической психологии обнаруживается в раннем творчестве будущего вождя.

Все в том же 1905 году в статье без подписи, названной «Буржуазия ставит ловушку», Коба, возможно, впервые употребляет знаменитые словечки: «враг народа» [\[316\]](#). Конечно, это не его изобретение. Тогда он вслед за Лениным и другими большевистскими публицистами так обозвал представителей «либеральной буржуазии». Но придет время, и это зловещее словосочетание, заимствованное из истории Великой французской революции, войдет в обыденный язык советских людей XX века. В повседневность войдет еще одна знаменитейшая сталинская формула об обострении классовой борьбы в обществе по мере продвижения к социализму. Оказывается, первоначальный вариант этой формулы сложился у Кобы задолго до того, как он всерьез задумался о ее применении в своей практической политике. «Раз и навсегда зарубите себе на носу, либеральствующие товарищи, — обращался он в адрес меньшевиков в 1907 году, — что чем более сознательно борется пролетариат, тем более контрреволюционной становится буржуазия. Таково наше объяснение» [\[317\]](#).

Несмотря на то что кличку Коба он использовал в своей повседневной подпольной жизни несколько раньше, первый раз подписал статью этим псевдонимом только в июле 1906 года. Статья называлась «Маркс и Энгельс о восстании». И это не случайно. Иосиф вспомнил об этом воинственном литературном персонаже и его имени в связи с вооруженными выступлениями против царской власти, захлестнувшими страну. Это была совершенно особая заметка, посвященная тому же вопросу, что и знаменитая работа Ленина «Уроки восстания». Вышедший одновременно с этой заметкой в отдельной брошюре сталинский комментарий «Современный момент и объединительный съезд рабочей партии» еще в большей степени затрагивал вопросы вооруженной борьбы. Не важно, что из этих работ становится совершенно ясно — Коба лишь понаслышке, из вторых или третьих рук, узнает о теоретических разногласиях в германской социал-демократии. Важнее то, что он, полемизируя с иностранными и

местными меньшевиками, которые говорили: «Рано взялись за оружие», ссылаясь на Маркса и Энгельса, повторил вслед за Лениным «уроки» Декабрьского вооруженного восстания. Оказывается, главная причина поражения, по Сталину, в том, что не хватало оружия и не было хорошо обученных боевиков. Здесь уже Коба проявляет большую самостоятельность и не только перелицовывает на грузинский язык то, что писали по-русски заграничные лидеры. В отличие от Троцкого, он, никогда не возглавлявший и даже не участвовавший лично ни в одной боевой операции (слухи об участии в вооруженном ограблении банка не в счет), с большим апломбом рассуждает о проблемах организации восстания и вооружении. Почему самодержавие устояло? — риторически спрашивает Коба меньшевика-оппонента. Оказывается: «Прежде всего потому, что у народа не было, либо было слишком мало оружия, — как бы вы сознательны ни были, голыми руками против пуль не устоять!.. В уличных боях народ — герой, но если его не ведут вооруженные братья и не показывают примера, то он может превратиться в толпу». И только в последнюю очередь Коба назвал в ряду причин поражения — разрозненность выступлений и слабую организацию восстания ^[318]. Впрочем, и эта статья всего лишь комментарий к документам IV «Объединительного» съезда РСДРП, опубликованным в той же брошюре.

Надеялся ли Коба, как и другие знакомые ему революционеры, оказаться когда-нибудь в числе победителей самодержавия? Рассчитывал ли он дожить до победного часа и воспользоваться плодами победы? После 1905–1906 годов революционное движение резко пошло на спад. Сталину было уже около 30 лет. Чем дальше шло время, тем все меньше оставалось надежд на скорую победу революции. Спад революционного движения, сибирские ссылки, побег, нелегальная бродячая жизнь, туберкулез, тиф и другие болезни порождали, и не у него одного, чувство усталости и раздражения. Особое раздражение вызывали мелкие бесконечные склоки, временные альянсы и новые раздоры в руководящих заграничных кругах «теоретиков». Но путь профессионального революционера уже был окончательно выбран, и как ему, наверное, тогда казалось, вся его дальнейшая судьба уже была предопределена. Что же его могло ждать, на что он мог рассчитывать в будущем, какова была перспектива?

Сталин редко кого поминал добрым словом, даже после чьей-либо смерти. Курил фимиам перед тенью Ленина, публично скорбел по убитому Кирову, тяжело переживал самоубийство Надежды Аллилуевой. Можно назвать еще два-три имени, которые Сталин лично поминал за гробом добром. Но одним из первых в этом ряду был малоизвестный молодой грузинский революционер Г.П. Телия. Они были почти ровесники. Выйдя из

низов, Телия выучил русский язык и самостоятельно освоил марксистские азы. Так же как Сталин, он участвовал в пропаганде марксизма в грузинской среде. Умер Телия в мае 1907 года от туберкулеза. Его мирная смерть почему-то произвела особо большое впечатление на Кобу. Мне показалось, что в короткой судьбе соратника он вдруг увидел тогда свою скорую судьбу, и душа его затрепетала. Надгробное слово «Памяти тов. Телия» — яркое публицистическое произведение раннего Кобы. В нем он мобилизовал все то лучшее, чему его учили наставники в духовной семинарии. Даже зачин этой заметки построен «от обратного», то есть по классическим правилам надгробного слова.

«Чрезмерное восхваление умерших товарищей вошло в обычай в наших партийных кругах. Замалчивание слабых сторон и преувеличение положительных — характерная особенность нынешних некрологов. Это, конечно, неразумный обычай. Мы не хотим следовать этому обычаю. Мы хотим сказать о тов. Г. Телия только правду, мы хотим познакомить читателя с Телия, каким он был в действительности. И вот действительность говорит нам, что тов. Г. Телия как передовой рабочий и как партийный работник был до конца безупречным и неоценимым для партии человеком. Все то, что больше всего характеризует социал-демократическую партию: жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперед, стойкость, трудолюбие, нравственная сила — все это сочеталось в лице тов. Телия. Телия воплощал в себе лучшие черты пролетариев. Это не преувеличение. Нам это покажет сейчас его краткая биография.

Тов. Телия не принадлежал к числу “ученых”. Он самоучкой одолел грамоту и стал сознательным». Далее автор кратко изложил основные вехи жизни почившего героя. Это Телия поднял однажды красное знамя над толпой демонстрантов, это за ним гналась по пятам полиция, это он организовал в Батуми подпольную типографию, его, как и Кобу, арестовывали, сажали в Кутаисскую тюрьму, и он, как и Коба, заболел в тюрьме туберкулезом. Но его беспокоило лишь одно — «праздное сидение и бездействие». Он словами Кобы вопрошал: «“Когда же я дождусь того дня, когда по-своему развернусь на просторе, снова увижу народную массу, прильну к ее груди и стану служить ей”, — вот о чем мечтал запертый в тюрьме товарищ». Телия, как и Сталин, так же успешно совершал побеги, да и вся его жизнь, описанная в некрологе, почти зеркально отражала крестный путь революционера Кобы. Телия, как и Коба, не только бежал из тюрьмы, вел подпольную жизнь профессионального революционера, но вместе с ним ездил в 1905 году на партийный съезд в Таммерфорс. И только здесь Коба сообщает читателю, что друг-то чуть ли не до конца своих дней был меньшевиком, правда, мало похожим на других представителей

враждебного крыла. «В это время в партии происходил раскол, — писал Сталин. — Тов. Телия тогда примыкал к меньшевикам, но он вовсе не походил на тех “казенных” меньшевиков, которые меньшевизм считают “кораном”, себя правоверными, а большевиков — гяурами. Телия не походил и на тех “передовых” рабочих, которые считают себя “социал-демократами от рождения”... Характерным свойством Телия было именно то, что он отрицал фракционный фанатизм, всем своим существом презирал слепое подражание и до всего хотел дойти своим умом». Услужливые редакторы ИМЭЛ предложили Сталину заменить слово «гяур» (неверный, собака) на что-то более привычное и благозвучное для русского слуха, но Сталин с ними не согласился.

Мы так привыкли, что именно большевики, Ленин, Сталин, Зиновьев и другие воплощали в себе крайнюю нетерпимость, что странно и непривычно читать теперь рассуждения Кобы о вреде политического фанатизма. В заслугу соратнику-меньшевику Сталин поставил (что бы вы думали?), оказывается, то, что он с увлечением читал книги, как Мартова, так и Ленина. «Надо было видеть исхудавшего, пожелтевшего Телия, который, настойчиво корпя над книгами, с улыбкой говорил: как я вижу, решить, быть ли большевиком или меньшевиком, не так-то легко; пока не изучу эти книги, до тех пор мой меньшевизм построен на песке». И лишь после этого он заявил: «Я, товарищи, большевик; как мне кажется, тот, кто не большевик, несомненно, изменяет революционному духу марксизма». «Только теперь, — продолжал Коба, — он начал серьезную литературную деятельность. Во время своей болезни он написал: “Что нам нужно” (см. “Ахали цховреба”), “Старые и новые мертвецы” (ответ Арч. Джорджадзе), “Анархизм и социал-демократия”, “Почему нас называют бланкистами” и другие». К этой фразе добавлена сноска: «Последние две брошюры не могли быть напечатаны, так как были захвачены полицией во время обыска». Сноска принадлежит Сталину. Речь, возможно, идет об обыске в редакции газеты «Ахали цховреба», где заправлял Коба и куда Телия, может быть, передал свои работы. Удивительно, однако, то, что в то же самое время и в той же газете Коба начинает публиковать серию статей из отдельных разделов своей первой книги или брошюры под очень схожим названием, что и брошюра Телии, — «Анархизм или социализм?». Да и упоминавшаяся ранее яркая заметка «Маркс и Энгельс о восстании» была опубликована в то же самое время и в той же газете, что и первые фрагменты брошюры. А ведь эта работа не столько говорила об уроках восстания, сколько была направлена против меньшевиков, обвинявших большевиков в **бланкизме**. Как могло получиться, что два хорошо знающих друг друга человека, работающие в одной партийной организации и даже печатающиеся в одной

газете, пишут в одно и то же время, на одни и те же темы, в том числе обширный теоретический трактат об анархизме и социал-демократии, и не бояться недоразумений? Впрочем, по словам того же Кобы, Телия в последние месяцы был уже так плох, что общался с другом при помощи переписки. Настораживает и то, что сталинская брошюра сейчас имеет две редакции, так как после закрытия газеты Коба еще два раза возобновлял ее публикацию в других изданиях. Но ни в одном из вариантов работа так и не была завершена. И совсем уж странно, что вождь уже в зрелые годы никак не мог сообразить, какая же редакция основная и в какой последовательности следует печатать отдельные статьи этой работы в собственном собрании сочинений. «Анархизм или социализм?» — первая и, по существу, единственная работа Сталина, посвященная теории диалектического и исторического материализма, которая еще несколько раз будет перерабатываться, а затем войдет в качестве теоретической главы в «Краткий курс истории ВКП(б)». Даже после Великой Отечественной войны она переиздавалась отдельной брошюрой.

Завершая некролог, Сталин писал: «Такова картина короткой, но полной бурь жизни тов. Телия.

Изумительные способности, неиссякаемая энергия, независимость и апостольский дар — вот что характеризует тов. Телия» [\[319\]](#). «Апостольский дар»! Ну, никак не мог Коба вытравить в себе не только национальное, но и семинарское восприятие мира.

Давно стало общим местом заявление о глубоком антисемитизме Сталина. Проблема, требующая отдельного и очень серьезного рассмотрения. У меня сейчас создается впечатление, что, как и многое другое в душевной и интеллектуальной жизни вождя, «еврейский вопрос» — действительно очень важная составляющая его жизни и практической политики — развивался в его внутреннем мире как бы циклически. И первый такой «цикл» завершился ко времени V Лондонского съезда партии, собравшегося весной 1907 года. Вернувшись на Кавказ, Коба поделился своими наблюдениями и впечатлениями в статье «Записки делегата».

Среди жителей Гори во времена детства Сосо евреев практически не было. Преобладали армяне и грузины. Даже русских было немного. Но мальчик, воспитываемый набожной матерью, а затем в духовном училище, вторым после имени Христа, конечно же, должен был услышать имя предателя Иуды и имя народа, кричавшего во времена царя Ирода: «Распни, распни Его... и пусть кровь Его будет на нас и детях наших». После того как Иосиф перебрался в Тифлис, «еврейский вопрос» он уже воспринимал не только в трактовке духовных наставников и истории церкви, но и на практике, в жизни. Еврейская община Тифлиса была в те времена одной из

самых древних и довольно многочисленных на Кавказе. В повседневной жизни Иосиф привык видеть в местных евреях мелких торговцев и ремесленников, имеющих низкий социальный статус. И в этом смысле всех «инородцев» Грузии, включая армян, азербайджанцев (до революции их называли «татарами»), он воспринимал как нации, равно с грузинами угнетаемые русским самодержавием. По мере втягивания в политическую борьбу для него становилась все ощутимее не только социальная, но и национальная составляющая. Среди российских социал-демократов разных течений русские, евреи и грузины составляли абсолютное большинство. Но внутри этого течения национальный состав был далеко не одинаков. При желании за политическими пристрастиями можно было легко обнаружить национальный мотив. Сталин, примкнув к большевикам, которые на самом деле длительное время были в РСДРП в меньшинстве, все чаще выступал не только против меньшевиков-грузин, но и против меньшевиков-евреев и бундовцев. И еще один немаловажный факт, который, как я думаю, оказал негативное влияние на отношение Сталина к евреям в то дореволюционное время. Именно на Лондонском съезде он увидел и услышал блистающего Л.Д. Троцкого. Коба тоже выступал, но говорил кратко, невыразительно и затрагивал малозначимые вопросы. Обстоятельства политической борьбы и личная зависть породили первые приступы антисемитизма Кобы Ивановича. Этот гибридный псевдоним он сознательно избрал во время работы съезда и потом подписался им под газетным отчетом. В отчете, написанном уже по-русски, Коба Иванович впервые публично обозвал Троцкого («красивая ненужность») и также впервые использовал статистику съезда для анализа национального состава и для далекоидущих политических выводов. Позже национальный состав съездов и руководящих партийных органов будет им отслеживаться с неизменным вниманием.

«Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей, — делился своими впечатлениями Иванович. — Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев). Далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром» [\[320\]](#). Не будем очень сильно придирааться к шутливой интонации. Делегаты съезда, как и сам автор, явно в доброжелательном тоне обсуждали национально-политический состав съезда. Но затем Коба Иванович переносит вопрос в более широкую область классово-

национального состава населения России. И тогда он уже без всякой ссылки на статистику заявляет, что в большевистской партии потому преобладают русские, что они представляют истинно пролетарские промышленные районы империи. Меньшевики же, среди которых преобладают евреи и грузины, представляют районы «мелкого производства». Коба, конечно же, просто повторил самоутешительные доводы, которые приводили своим последователям большевистские лидеры, терпящие поражение на съезде. Но то, что истинные пролетарии — это большевики и русские, а меньшевики и евреи — это мелкие торгаши, примазывающиеся к революции, он крепко усвоил на будущие времена. Он также повторил, причем с откровенным удовольствием, ядовитое замечание Розы Люксембург в адрес Бунда, которая, в отличие от Алексинского, сама была еврейкой по национальности: «Тов. Роза Люксембург художественно-метко охарактеризовала эту политику Бунда, сказав, что политика Бунда не есть политика зрелой политической организации, влияющей на массы, что это — политика торгашей, вечно высматривающих и вечно выжидающих с надеждой: авось завтра сахар подешевеет» ^[321]. Так «еврейский вопрос» сравнительно плавно вошел в повседневную жизнь новоявленного Навуходоносора.

В Кобе Ивановиче уже было все то, что потом обнаружилось и развилось в зрелом Сталине. Но те первичные мнения, взгляды и пристрастия, которые выработал в себе провинциальный грузинский революционер-пропагандист, стали приобретать совсем иное качество, когда он завладел абсолютной государственной властью.

От «Великого Моурави» до «Великого Сталина»

Состав ленинского руководства российским государством был более интернациональным, чем за всю предыдущую историю. Так или иначе, в нем было представлено большинство национальностей, проживавших в России. Самым видным партийно-государственным деятелем, кровно связанным с Кавказом, был грузин Джугашвили (Сталин). Он был членом высшего политического органа — Политбюро ЦК РКП(б), а также стал одним из первых народных комиссаров советского правительства. То, что впервые в истории России был создан специальный государственный орган, Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил нарком-грузин, также было не случайно. После того как Сталин завладел единоличной властью, до конца войны он продолжал соблюдать в руководстве определенный национальный баланс, стараясь избегать обвинений в землячестве, одновременно шумно демонстрируя и приверженность к «интернационализму», и к «великорусскому» шовинизму. Политика Сталина, со всеми ее разновидностями, была в высшей степени

конъюнктурна и демагогична. Но с середины 30-х годов, благодаря его личной поддержке, все более заметную роль во властных структурах стали играть кавказцы — грузин Серго Орджоникидзе, армянин Анастас Микоян. Главным же действующим «лицом кавказской национальности» в сталинском руководстве был, конечно, мегрел Лаврентий Берия. С середины 30-х годов и до самой смерти Кобы Берия был не только его «глазами и ушами», не только организатором и исполнителем его самых тайных замыслов. Судя по той особой доверительности, которая возникла между ними со времени совместной работы над фальсификацией истории большевистских организаций Закавказья, Берия стал для Сталина особенно близким лицом. Конечно, как и со всеми другими близкими людьми, Сталин играл и судьбой Берия, то приближая, то отдаляя его, то поручая самые важные и тайные дела, то демонстрируя недоверие и отчуждение. Стиль отношения Сталина к политически близким людям — это особая тема. Длительное время у Сталина было несколько человек, которые пользовались его особым расположением. Это русские Молотов, Маленков, еврей Каганович и грузин Берия. По разным причинам другие члены Политбюро, включая Кирова и особенно Орджоникидзе, пользовались гораздо меньшим расположением вождя и, похоже, именно поэтому так рано расстались с жизнью. Я думаю, что Сталин, как многие, воспитанные в атмосфере обостренного отношения к национальной проблеме, постоянно подсчитывал соотношение национального с другими факторами в каждом приближенном человеке. Привычка тщательно взвешивать национальный фактор в повседневной, а значит, и в политической жизни была воспитана в нем еще со времен кавказской юности и подпольной молодости.

Но с середины 30-х годов не только люди с Кавказа все чаще стали появляться в различных партийных и государственных учреждениях, в ближайшем окружении Кобы, на даче, в быту, в карательных органах. Культура Кавказа, в особенности Грузии, в том числе литература, музыкальный фольклор, все в больших масштабах стали проникать в общероссийскую культуру. Любимые с юности писатели и поэты вождя переводились на русский язык и издавались массовыми тиражами. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих неизменный интерес стареющего Кобы к Кавказу, к своей родине.

В сохранившейся части сталинской библиотеки я нашел несколько десятков книг на грузинском языке и много переводной литературы с дарственными надписями авторов, переводчиков, составителей. Среди них, например, грузинский перевод «Божественной комедии» Данте Алигьери, несколько изданий поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», книга Т. Амиранашвили «История грузинского искусства (Т. 1. Тбилиси,

1944), И. Джавахишвили «Введение в историю грузинского народа» (Т. 2. Тбилиси, 1937), работы по кавказоведению и языкознанию Н. Марра, А. Чикобава, художественные произведения К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе и другие. В библиотеке вождя находится сейчас и экземпляр книги Шота Руставели на русском языке, изданный в 1937 году, с дарственной надписью Светланы Аллилуевой своему брату: «Милому Васе в день рождения, Светлуха. 4 марта 1944. Примечание: Этот фолиант предназначен для создания уюта, лежа на столе» [322]. Действительно, эта громоздкая книга в тяжелом переводе Пантелеймона Петренко и с портретом Руставели, нафантазированным Сергеем Кобуладзе, предназначена больше «для создания уюта», чем для чтения. Не знаю, знал ли Сталин о существовании дореволюционного и очень удачного перевода поэмы К. Бальмонта, но то, что он лично инициировал работу над текстами средневекового персидско-грузинского памятника литературы, это очевидно. Напомню, что еще в семинарии он зачитывался романтической поэзией Руставели и даже сам нарисовал его воображаемый портрет. Светлана Аллилуева утверждает, что отец любил иногда рассуждать о достоинствах русского перевода поэмы [323].

В библиотеке Сталина есть также сборник повестей и рассказов Ильи Чавчавадзе, который был издан на русском языке в 1937 году с предисловием В. Гольцева. Автор предисловия сослался, конечно, на доклад-брошюру Л. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (издание 1935 г.), в которой Чавчавадзе характеризовался как основатель «феодално-прогрессивного» политического направления [324]. Гольцев первым высказал предположение, что Чавчавадзе (член Государственного совета царской России), возможно, был убит в 1907 году по распоряжению царской охраны за свои антиимперские антирусские настроения. Позже в БСЭ и в справочниках уже без всяких сомнений утверждалось, что он был тайно убит охранкой, хотя на самом деле писатель был известным карточным игроком, бретером и очень вспыльчивым человеком. Поэтому подлинные мотивы убийства первого светского наставника Кобы, скорее всего, имели мало общего с поздней официальной версией. Хотя в целом Чавчавадзе был скорее национал-либералом, он очень откровенно высказывал свои националистические взгляды, причем не только позволял себе традиционные для многих грузинских националистов антиармянские выпады, но в литературных произведениях допускал выпады антирусского характера. Предисловие Гольцева помогало русскому читателю относиться к ним с пониманием. «Что же касается национализма Ильи Чавчавадзе, — писал он, — его нельзя оценить по достоинству, если не вспомнить, что при царском режиме

революционный и демократический национализм являлся средством самозащиты маленьких угнетаемых народов, что, в частности, Илье Чавчавадзе и его соратникам приходилось вести борьбу против реакционных публицистов вроде Каткова, цинично предлагавших грузинам перенести свои национальные знамена в цирк, против кавказских попечителей вроде Янковского, изгонявшего грузинский язык даже из программ начальных школ, против тбилисских экзархов, проклинавших с высоты амвона грузинский народ» [\[325\]](#).

Чавчавадзе действительно значительный грузинский писатель, но первые переводы его произведений на русский язык уже в советское время не очень удачны. Приведу небольшой отрывок из его повести «Записки проезжего. От Владикавказа до Тифлиса», в котором одновременно пародируются лермонтовский «Герой нашего времени», Гоголь с его образом России, как «птицы-тройки», и художники-передвижники с их чувствительными портретами русского мужика-труженика.

«Удивительно! Как прекрасно тупое лицо этого ямщика на картинах русских художников, — этого самого ямщика с толстой шеей, ленивой, распушенной повадкой и какими-то скотскими, нечеловеческими движениями! Настолько хорош портрет, настолько — даже с виду — отвратительна действительность!..

— Кто изобрел этот возок? — спросил меня француз, указывая пальцем на почтовый возок, на котором неуклюже дремал еще не очухавшийся от сна ямщик.

— Русские, — ответил я.

— Да, пожалуй, ни один народ не станет его у них оспаривать!

— Что поделаешь? Вся Россия так ездит» [\[326\]](#).

Как мы помним, перевод вышел в 1937 году. Оставалось десять лет до начала эпохи борьбы «с безродным космополитизмом» и инспирированных Сталиным заявлений на весь мир о русском приоритете в большинстве областей мировой науки и техники.

* * *

На всех упомянутых книгах из библиотеки Сталина, имеющих отношение к Грузии, нет видимых следов размышлений вождя. Но зато они в изобилии встречаются на других изданиях, художественных и научных произведениях, хранящихся ныне в его архиве. Помимо переписки и официальных документов, там есть три группы источников, характеризующие его личное отношение к Грузии в период своего

могущества. Одна группа — это публикации произведений самого Сталина на грузинском языке, как дореволюционные, так и советского времени. Помимо тех, о которых уже шла речь в связи с изданием первых томов сочинений, упомяну брошюру на грузинском языке (1905 г. издания) «Вскользь о партийных разногласиях». На ее обложке Сталин собственноручно начертил значительно позже: «Составлено И. Сталиным» [\[327\]](#). В сборник статей «Об основных вопросах борьбы компартии Грузии», изданный в Тбилиси в 1934 году, включены работы как дореволюционного периода, так и более поздние тексты [\[328\]](#). Эта публикация предшествовала докладу и брошюре Берии и, возможно, послужила для нее теоретическим подспорьем. На страницах этого сборника есть замечания Сталина на грузинском языке, главным образом грамматического характера.

Вторая группа источников, находящихся в архиве Сталина, — это художественные произведения и киносценарии на тему истории Грузии. Третья группа — научные книги и статьи по истории и культуре Грузии и народов Кавказа. Последние две группы опубликованы как на русском, так и на грузинском языках. На всех них есть более существенные пометы Сталина также на двух языках, которые он делал до начала 50-х годов, то есть фактически вплоть до своей кончины.

В истории Грузии, как и в истории любого народа, есть разные персонажи: благородные герои и негодяи, сильные духом подвижники и приспособленцы, тупые исполнители чужой злой воли... Все как у всех. По-детски идеализируя своих родителей и предков, человечество ищет в них опору во всем, даже в заведомо сомнительном с точки зрения обычной морали. Потомки всегда оправдают предков, которые в целях ли защиты отечества, восстановления его целостности или независимости, то есть в целях «высших» национальных интересов, прибегают ко лжи и коварству, используют в борьбе измену и неблагодарность. Но если в интересах «народа» это делали «они», наши отцы и деды, то и «нам», их наследникам и потомкам, можно и должно делать то же. А поскольку у других народов есть свои авторитетные предки, которые им «завещали» то же самое, но по отношению к своим ближним и дальним соседям, то на земле, на поле боя идут сражения не только между живыми потомками, но и между тенями предков, «подхлестывающих» их эмоциональными бичами. Попробуем понять, почему Сталин избрал в качестве официального героя Древней Грузии Георгия Саакадзе, чье поведение с точки зрения общечеловеческой морали было далеко не безупречным. При этом оставим для специалистов споры о реальном историческом лице, жившем в Грузии в самом конце XVI — начале XVII века.

В истории Грузии было множество исторических деятелей, издревле пользовавшихся огромным уважением и удостоенных благодарной памяти потомков. Например, особой любовью пользуются три властителя Грузии XII века: Давид Строитель, Георгий III и царица Тамара. При них страна достигла наивысшего расцвета, а территория Грузии включала в себя части теперешних Армении и Азербайджана. Они отражали нашествия турок-сельджуков, достигли больших успехов в экономике и культуре. Но Сталин, возможно еще с юности, избрал в качестве образца исторического героя не их, а военачальника-авантюриста, потомственного «моурави». Так называли воеводу, административное лицо, управлявшее небольшой территорией феодального государства. В конце XVI — начале XVII века Грузия стала яблоком раздора для двух могущественных соседних мусульманских государств — Персии и Турции. Поучаствовав в различных феодальных войнах, Саакадзе в 1612 году вместе с дружиной перешел на службу к известному персидскому завоевателю и государственному деятелю шаху Аббасу I. Там он зарекомендовал себя в качестве талантливого полководца и верного сатрапа. В 1623 году шах поручил ему вместе с группой других военачальников возглавить поход на Грузию, которую раздирали феодальные междоусобицы и которой пытались овладеть турки. Оказавшись на родине, Саакадзе в 1625 году изменил персам и вместе с грузинским царем Теймуразом I разбил собственные войска, выделенные ему шахом. Но вскоре он рассорился и с грузинским царем, был разгромлен соотечественниками и поэтому бежал под защиту своих бывших врагов в Турцию, где через несколько лет был убит. Судьба Саакадзе довольно обычна для того времени, когда отважные авантюристы, наемники и конкистадоры из различных стран Европы и Азии с легкостью переходили от одного правителя к другому. Вспомним хотя бы русского князя Андрея Курбского. В грузинской исторической и литературной традиции образ «Великого Моурави» очень быстро приобрел черты защитника угнетенного отечества, хитроумно использовавшего одних своих врагов против других. Возможно, именно этим образ Георгия Саакадзе и привлек к себе Иосифа Джугашвили еще в юности.

В сентябре 1938 года Сталин получил в подарок книгу от Анны Антоновской — писательницы, специализировавшейся на исторических романах. По традиции того времени подарок был предназначен «вдохновителю нашей героической эпохи Иосифу Виссарионовичу Сталину». При этом она сочла нужным добавить: «С глубоким уважением и любовью, автор». Книга называлась «Диди Моурави. Исторический роман (Грузия XVI — XVII вв.)». Она вышла в издательстве «Заря Востока» в 1937 году. Книга была написана и напечатана по-русски, хотя издана в

Грузии и ее грузинское название было напечатано русскими буквами. У меня нет сведений, позволяющих утверждать, что это был личный заказ вождя, но книжка явно пришлась по душе Сталину, и он ее прочитал всю, от корки до корки, включая словарь-комментарий. Книга написана талантливо, читается легко, несмотря на обилие персонажей, грузинских, тюркских, персидских слов и выражений. Конечно, автору помогали грузинские историки, о чем есть соответствующее указание. Переводчиком стихов и составителем комментариев выступил Борис Черный. Как всегда, даже когда читал с увлечением, Сталин отмечал карандашом неточности и, как он считал, допущенные автором ошибки. Так, он везде, где встретил, обвел карандашами разных цветов и поставил вопросительные знаки рядом со словами «чурек» и «аул». Судя по контексту, счел неуместным вкладывать тюркские слова в уста средневековых грузин, принадлежавших к индоевропейской (или, как тогда говорили, яфетической) языковой группе. Ему почему-то не понравилась и поэтическая оценка расстояния, отделявшего русское царство времен Бориса Годунова от Грузии: «Далеко очень русский царь сидит, сто восемьдесят солнц взойдет, пока к нам помощь доберется...» Слово «солнц» он подчеркнул и поставил рядом знак вопроса. Но зато он взял себе на заметку такую вот историческую справку, выписанную автором из научного издания:

...

«Географическая обособленность кавказских племен и народностей в условиях средневековой замкнутости хозяйства способствовала образованию изолированных друг от друга поселений, которые, при наличии различных религиозных воззрений, нередко считали ближних и дальних соседей своими непримиримыми врагами» [\[329\]](#).

С не меньшим интересом, чем сам роман, Коба изучил приложенный грузинско-русский словарь, отметив с десяток незнакомых старинных грузинских и тюркских слов. Он отметил имя легендарного царя Грузии IV века до н. э. Парнаоза, слова: «салтхуцеси» — министр двора, «Самцхе-Саатабаго» — юго-западная часть Грузии, «Светицховели» — название Мцхетского собора, «Тархан — по-татарски — вольная» и т. д. [\[330\]](#) Как

всегда, он пользовался случаем, чтобы пополнить и освежить свои знания, в том числе и знание грузинского языка.

В 1940 году выходит вторая часть романа, и вновь Сталин прочитывает ее с различными карандашами в руке. Замечания все те же. Значит, он не считал нужным сообщить о них в свое время автору ^[331]. Роман Сталину явно все больше нравится. Еще бы, исторический персонаж выглядел в романе как былинный богатырь, защитник бедных и угнетенных, был справедлив даже к врагам, его окружали предатели и негодяи, а все его сомнительные поступки, оказывается, содержали в себе тайный умысел помочь несчастной родине. Об одном из эпизодов хочется сказать особо. Шах, отправляя Великого Моурави походом на Грузию, оставляет у себя заложником его сына Паата. Саакадзе знает, что сыну не жить, если он изменит Аббасу. Об этом догадывается и Паат. Тем не менее Великий Моурави поднимает восстание, громит персов, а взамен получает от шаха голову сына. Так демонстрировалась любовь героя к родине, которая сильнее всяческих родственных привязанностей. Хотя на самом-то деле литературный Саакадзе жертвовал жизнью сына ради приобретения собственного царства. Конечно, ни писательница, ни вождь не могли предположить, что через год после выхода второй книги сын «Великого» Сталина Яша окажется в немецком плену и как бы повторит судьбу сына Великого Моурави. Как и Паат, Яков, невольно давший отцу возможность продемонстрировать готовность жертвовать в войне даже жизнью своего единокровного сына, пропадет в немецком плену бессмысленно и бесполезно.

* * *

Сталин попытался материализовать любимого исторического героя своей юности и поэтому решил поведать о нем и его деяниях всему СССР. После выхода второй части романа, видимо, был объявлен конкурс на лучший сценарий для фильма. Коба выступил в качестве верховного арбитра. В архиве Сталина сохранились два литературных сценария и его записка о них ^[332]. Один сценарий написан в соавторстве Анной Антоновской и Борисом Черным, по мотивам уже опубликованного романа, а другой — грузинским писателем-«орденоносцем» Георгием Леонидзе. Сталин внимательно прочитал оба сценария. Произведение Леонидзе ему явно не понравилось. И действительно, герои будущего фильма чересчур напыщенны, в сценарии нет кинематографической динамики. Текст раздражал Сталина неточностью исторических и бытовых деталей, нечеткими диалогами, неясно выраженными авторскими мыслями. Как

человек, с детства восхищавшийся профессиональными кулачными бойцами, он сразу же подметил неточность в такой сцене: «Гиви схватил турка одной рукой за руку, и глаза его на мгновение встретились с глазами противника. Он ловко нанес ему удар под локоть. Турок выпустил из руки кисть Гиви и упал. Дочь Гуриели с восторгом следит за борьбой из окна». Сталин, отметив эту неточность в тексте, сбоку приписал: «*В борьбе нельзя бить*» [\[333\]](#). Проявил он осведомленность и в истории оружия. Автор написал: «Османы подбираются к Горийской крепости подкопом, закладывают мины и взрывают». Сталин комментирует: «*Мин не было тогда*». И хотя Сталин действительно изучал литературу по истории войн и оружия, ошибается здесь Верховный Главнокомандующий СССР. Минами тогда называли любой заряд пороха, заложенный в подкоп, под укрепление. За несколько десятилетий до описываемых событий стена Казанского кремля была взорвана такой миной по приказу Ивана Грозного. Леонидзе вообще не повезло с Горийской крепостью. Явно желая угодить вождю, он заставляет своего героя совершить стремительный бросок на ее защиту. Но поздно, перед ним возникает «Горийская крепость, полуразрушенная, наполовину выгоревшая». Сталин рассмеялся: «*Ха-ха-ха ...*» [\[334\]](#) Ему ли было не знать, все детство лазавшему по ее развалинам, что во времена шаха Аббаса она стояла нерушимо. Впрочем, достоверных сведений на сей счет нет.

В нескольких местах на полях сценария Сталин написал: «*Глупо!*», «*Глупая сцена*». Вот одна из сцен, не понравившихся Кобе:

«Саакадзе:

— Что ты будешь делать, если меня убьют?

— Этого не будет!

Саакадзе:

— А если случится?

— Я убью того, кто убьет тебя!

Саакадзе улыбнулся» [\[335\]](#).

Если учесть, что Великий Моурави ведет диалог с собственной женой, то в подобных случаях горская романтическая душа ждет от нее, по крайней мере, жертвы собственной жизнью, а не ответной кровной мести, что более подобает родственнику-мужчине. В общем, этот сценарий Сталину не понравился.

Сценарий Антоновской и Черного действительно много лучше, авторы хорошо знакомы со спецификой кинематографического построения образов, да и русским языком они владеют профессиональнее. Главное же, они

уловили потребность вождя в романтическом восприятии истории родины и ее былинных героев. Это становится очевидным буквально с первого кадра и с первых титров:

«Из затемнения. Надпись: “1609”.

Цифры заполняют экран. За ними фоном видны повисшие над пропастью замки. Клубятся облака. Над замками парит одинокий орел. Быстрый наплыв.

Надпись:

Князья все больше раздробляли Грузию на отдельные княжества. Их непрерывные междоусобные войны расшатывали устои царства. От произвола князей страдали крепостные крестьяне, ремесленный люд, азнауры-дворяне. Турция и Иран, пользуясь внутренним положением Грузии, стремились окончательно поработить страну. В эту эпоху бурь и потрясений на борьбу с князьями и внешними поработителями за объединение Грузии в единое государство обнажил свой меч Георгий Саакадзе» [\[336\]](#).

Здесь изложена обычная для периода расцвета историософии сталинизма концепция раздробленного распрями государства, которое ценой титанических кровавых действий некоего вождя объединяется им на погибель внутренним и внешним врагам. Ни для кого не было секретом то, что эта концепция служила средством для проведения аналогий с историей сталинской России периода борьбы с оппозициями. Фильм о Саакадзе, который вышел на экраны в те же послевоенные годы, когда появилась первая серия «Ивана Грозного», должен был доказать, что не только в России, но и в Грузии был исторический прототип «Великого Сталина». Однако литературный сценарий действительно написан хорошо, лучше даже, чем роман. Он создает атмосферу мрачноватой рыцарской романтики, переливается блеском драгоценных камней и металлов, удивляет хитроумием подземных ходов и интриг, освещен всполохами сабельных сеч. Кстати, Коба, конечно, не мог пропустить неточность — в сценарии говорится, что грузины рубились «шашками», то есть было использовано русское слово тюркского происхождения. Сталин везде исправил «шашки» на «сабли» [\[337\]](#). Вообще, вопреки обычаю, замечаний по тексту мало, и это несмотря на то, что читал он сценарий чрезвычайно внимательно. Как это нередко бывает, авторы по ходу изложения в одном месте сами запутались в том, о ком у них идет речь: о турецком или о персидском посольстве? Безошибочный глаз профессионального редактора тут же заметил сбой, а рука Сталина внесла нужные исправления [\[338\]](#).

Мне особенно понравилась заключительная сцена, отсылающая эмоциональную память и воображение зрителя к первым кадрам фильма:

«Стремительно закружился двухэтажный хоровод. Гремит лекури, и барабанный ритм пляски переходит в ритм конского бега.

И уже все дружинники и ополченцы с копьями наперевес устремляются вдаль.

Впереди мчится Саакадзе с обнаженным мечом. Его взор устремлен на вершины, где, сливаясь с облаками, повисли над бездной многобашенные княжеские замки.

Заполняя весь экран, клубятся облака над замками; над ними парит одинокий орел» [\[339\]](#). Сцена, достойная аналогии с «Песней о Нибелунгах».

Прочитав сценарии, Сталин написал краткий отзыв:

«Т-щу Большакову, копии Леонидзе, копии Антоновской и Черному.

Я получил на днях два сценария на тему «Георгий Саакадзе». Один — Антоновской и Черного, другой — Леонидзе.

По-моему, сценарий Леонидзе неудачен. Он беден в художественном отношении. Он несколько примитивен с точки зрения выбора и использования исторического материала.

Сценарий Антоновской и Черного свободен от подобных недостатков. Но у него имеется другой недостаток, он кончается победой, апофеозом политики Саакадзе и самого Саакадзе. Но такой финал, как известно, не соответствует исторической действительности и создает ложное представление о прошлом Грузии. На самом деле, как повествует история, политика Саакадзе, хотя и прогрессивна с точки зрения будущей перспективы Грузии, потерпела поражение (а сам Саакадзе погиб), так как Грузия времен Саакадзе еще не успела созреть для такой политики, то есть для ее объединения в одно государство путем утверждения царского абсолютизма и ликвидации власти князей. Причина ясна: князья и феодализм оказались более сильными, а царь и дворянство — более слабыми, чем предполагал Саакадзе. Саакадзе чувствовал эту внутреннюю слабость Грузии и вознамерился перекрыть ее (так в тексте. — *Б.И.*) привлечением к делу внешней (иностранной) силы. Но сила внешнего фактора не могла компенсировать внутреннюю слабость страны. Так оно и произошло, как известно. В обстановке этих неразрешимых противоречий политика Саакадзе должна была потерпеть — и действительно потерпела — поражение.

Я думаю, что эта историческая правда должна быть восстановлена в сценарии Антоновской и Черного. И если она будет восстановлена, сценарий Антоновской и Черного можно будет квалифицировать как одно из лучших произведений советской кинематографии.

11. X.48.И. Сталин» [\[340\]](#).

Во время войны, точнее, во второй ее половине, Сталин читал произведения Константинэ Симоновича Гамсахурдиа — признанного мэтра грузинской художественной литературы. Член Грузинской академии наук, он писал на родном языке большие романы о преобразованиях в деревне, перевел на грузинский «Божественную комедию» Данте. Но больше всего Гамсахурдиа прославился писаниями исторических произведений. Два романа — «Десница великого мастера» на русском языке и первый том романа «Давид Строитель» на грузинском языке — находятся ныне в сталинской библиотеке-архиве.

В Грузии роман «Десница великого мастера» вышел в 1939 году и, скорее всего, после одобрения Сталиным, в 1944 году был издан на русском языке для всесоюзного читателя. Возможно, именно поэтому замечаний и помет Сталина на русском издании практически нет. Роман же «Давид Строитель», кажется, так и не был переведен при жизни вождя, хотя первый том вышел в Тбилиси в 1942 году. Сталин сделал на нем много замечаний на грузинском и русском языках. Писатель закончил этот роман-эпопею в четырех томах только в 1958 году, то есть после смерти сановного цензора.

Действие романа «Десница великого мастера» разворачивается во времена царя Георгия I, правившего в начале XI века. Именно в его время был возведен в древней столице Грузии, в городе Мцхета, соборный храм Светицховели, в архитектуре которого впервые нашли отражение национальные черты. Согласно историческим источникам, храм был возведен под руководством выдающегося царского зодчего Фарсмана Перса. Попав в плен к грузинам, он принял христианство и построил несколько архитектурных шедевров. По воле писателя храм Светицховели строит подмастерье Перса, грузин Константинэ Арсакидзе. По мнению писателя, именно его рука — «десница великого мастера» — высечена в камне на фронте храма. Сталин перечитал весь русский вариант романа и только в самом конце сделал одно замечание. Царь Георгий из рода Багратидов перед смертью жалуется на непонимание со стороны соотечественников: «Грузии я отдал отрочество свое и юность, но грузины звали меня «абхазом», а абхазцы — «лазутчиком картлинцев», — меня, Багратиона, лаза» [\[341\]](#). Лазы — наименование одного из родственных племен, но Сталин, видимо, был

недоволен самоидентификацией царя. Подчеркнув название племени, он напротив этой фразы поставил знак вопроса. Этническое происхождение царского рода Багратидов, выходцев из Турции, неясно. Некоторые исследователи, помимо грузинских, ищут армянские, иудейские или персидские корни. Для Сталина этот вопрос решался однозначно.

Как уже говорилось, в XII веке при царе Давиде Строителе феодальная Грузия достигла пика своего могущества. Именно этому царю и его эпохе и была посвящена еще одна историческая эпопея Гамсахурдиа. Несмотря на войну и перегруженность делами верховного командования, Сталин находит время для чтения, правки и злых комментариев в адрес автора этого исторического романа. Текст буквально испещрен замечаниями грамматического и стилистического характера, написанными разными карандашами. Это лишний раз подтверждает, что Коба и к старости свободно читал по-грузински и хорошо чувствовал стилистику языка автора-грузина. Особенный поток замечаний вызвала глава, в которой автор предложил свою трактовку исторической эпохи времен Давида Строителя. Сталин испещрил все ее страницы по-русски и по-грузински, наставив массу знаков вопроса, многочисленных крестов и реплик типа: «Глупость », «Че-ну-ха », «Тэк-с », «Неправда », «Ха-ха-ха », «Напротив » и т. д. [\[342\]](#) Мне неизвестно, довели ли до сведения автора все эти замечания вождя?

* * *

Примерно в то же военное время Сталин с интересом познакомился с учебником для старших классов национальной школы «История Грузии. С древнейших времен до начала XIX века». Учебник, изданный в 1943 году на грузинском языке, был написан группой ведущих историков и вышел под редакцией академика С. Джанашия. То, что Сталин читал учебник именно во время войны, косвенно подтверждает надпись, сделанная его рукой на последних чистых листах книги:

«3000 тонн икры
60
180,000 пудов» [\[343\]](#).

В СССР во все времена икра осетровых и лососевых рыб была равноценна золотому запасу страны, но особое значение она приобрела именно во время войны. Возможно, поэтому маршал Сталин лично вел учет

ее добычи и запасов, так же как он в это же время вел учет вооружениям и боеприпасам.

Сталин почему-то особенно интересовался генеалогией царского грузинского рода. Во всяком случае, он тщательным образом изучил генеалогическое древо Багратидов, помещенное в качестве приложения к учебнику. Обвел карандашом имена наиболее выдающихся его представителей, начиная с Георгия II и кончая последним правителем независимой Грузии Ираклием II. Как всегда, с большим вниманием изучил схематические карты, наглядно показывающие расширение границ и сфер влияния феодального Грузинского государства в период его наибольшей экспансии. Обвел цветными карандашами названия городов и княжеств не только центральной части собственно Грузии, но и расположенные на территории греческой Колхиды, Северной Армении, Абхазии и Кавказской Албании. Параллельно с обычным, ставшим уже автоматическим редактированием текста отмечал для себя на грузинском языке наиболее интересные или спорные места.

Как это ни странно, но древнейшую историю Грузии и грузинского народа Сталин, видимо, и в зрелые годы знал не очень хорошо. Возможно, она еще недостаточно была изучена серьезными профессионалами-историками. Перед войной история и культура Древней Грузии стали изучаться очень интенсивно. Сталин восполнял свои пробелы в знаниях обычным для себя способом: читал и рецензировал художественную литературу, школьные учебники, энциклопедии и научно-популярные работы.

Рассказывая о первых этапах истории грузинского народа, авторы учебника не могли пройти мимо истории государств Урарту и Ассирии. В главе, посвященной этим государствам, наряду с грамматической правкой грузинского текста Сталин подчеркнул утверждение авторов о том, что в IX веке до н. э. Урарту было основано хеттско-субарскими племенами ^[344]. В учебнике проводилась мысль, что Урарту — это детище хеттско-субарских племен мусков и тубалов, которые и были прямыми предками современных грузин. Об армянах и других кавказских племенах не было упоминаний вообще. В то же время знаменитые уже тогда на весь мир клинописные урартские таблички и бронзовые крылатые сфинксы, чьи фотоизображения также помещены в учебнике, были отнесены к «халдейской», то есть к ассирийской, культуре. Сталин подчеркнул имена урартского царя Менуа и его сына Аргишти, подчеркнул и название причерноморского племени киммерийцев, совершивших набег на Урарту, причем тут же написал перевод: «*Кимерийцы — Кимры*» ^[345]. Здесь он обнаружил знакомство с яфетической теорией академика Марра.

Также внимательно вождь прочитал раздел, описывающий территорию Грузии в античные времена. Отметил названия греческих колоний Фазис, Диоскурия и других городов. В конце раздела, через всю страницу размашисто, как резолюцию, написал по-русски: *«Почему авторы умалчивают о том, что Митридат и Понтийское государство были правителем и государством греческим?»* [346]

Особое внимание уделил начальным этапам становления Грузинского (Иберийского) государства. Авторы учебника использовали традиционную полулегендарную схему, согласно которой иберийский царь Парсман I, родом из Парфии, приходился родным братом царю Понта Митридату, которого тот и посадил на трон. Сталин отметил эти моменты, очень похожие на обстоятельства призвания норманнского Рюрика и его братьев на правление в русские Новгород и Киев. В разделе о распространении христианства в Грузии подчеркнул текст и написал на полях по-грузински: *«Рабыня Нина Каппадокийская познакомила жену царя Мириана с христианством»* [347]. Возможно, он предлагал добавить в текст учебника канонический факт, хорошо ему знакомый из уроков в духовной семинарии. Вообще же главку о христианстве в Грузии Сталин редактировал наиболее основательно. Вычеркнул несколько сомнительных строк, а в том месте, где авторы говорили о прогрессивном значении принятия христианства для феодальной Грузии, добавил, что в первую очередь оно способствовало *«отмене рабовладения»* [348].

Уже в эти годы он считал себя большим знатоком в области происхождения и истории языка и письменности. Там, где авторы изложили свою версию происхождения грузинской письменности и ее развития в эпоху правления царицы Тамары, на полях он поставил вопрос на русском языке: *«Когда переходят от иероглифической письменности к фонетической?»* [349]

С карандашами в руке Сталин прочитал еще несколько разделов учебника. В основном они были посвящены оборонительным войнам Грузии против нашествий Тамерлана, турок, персов. В этих разделах замечания незначительные. Добравшись до XIV — XV веков, Сталин, возможно, потерял интерес к учебнику или его отвлекли государственные дела. Как уже говорилось, тщательно изучил генеалогическое приложение, помещенное в конце книги.

Очередной пик интереса к истории Грузии наступил в 1950–1952 годах. Сталину уже за 70 лет, но он все так же уверенно начинает раскачивать очередную псевдонаучную, а на самом деле злобно-пропагандистскую волну. Меняется лишь тематика. К старости его все больше интересовали собственные истоки. Если в зрелые годы он занимался переписыванием своей личной биографии, истории партии, России, был инициатором пересмотра всемирной истории, то на склоне лет его умственный мир все больше занимала история родной Грузии. Особое внимание он уделял истокам, началу, то есть происхождению грузинского народа и государства, а заодно как бы и собственным, личным истокам. Впрочем, он никогда не забывал, кто он и откуда родом. Я думаю, что знаменитая кампания против так называемой «яфетической теории» академика Марра и его школы была первоначально вызвана не только желанием разделаться с монополизировавшим советское языкознание односторонним научным направлением и утвердить самого себя в звании великого ученого. Невзлюбив Марра за почти не скрываемый научный снобизм и высокомерие даже по отношению к нему, Вождю и Учителю, он к тому же не принял марровскую трактовку происхождения языка и культуры именно грузин. Марр сближал происхождение языка и культуры различных кавказских народов. В частности, он искал и находил единство в истоках армянской и грузинской филологии. Марр был академиком с дореволюционным стажем, возглавлял с 1919 года и до самой смерти в 1934 году Академию истории материальной культуры. Он был одним из тех, кто открыл на территории Армении в районе озер Ван, Гарни и Варнак древнейшие памятники Урарту. Сохранилось письмо Марра Сталину, в котором чувствуется менторская интонация. До войны Коба не мешал утверждаться «культуку» Марра в языкознании и кавказоведении. Но с годами он уже сам все более безапелляционно судил, критиковал, насмехался над выводами и предположениями маститых ученых. Искал скрытый злой умысел или сознательное умалчивание за каждой строкой научного исторического труда, посвященного Грузии и Кавказу. Окружающие, зная его особую подозрительность, старались услужить и, проявляя «бдительность», инициативно сигнализировали вождю обо всемстораживающем.

* * *

Сталин любил Грузию, но это совсем не предполагает, что он особенно любил грузин, как и вообще людей. Любовь к Грузии была иносказательным выражением любви к себе. **Самолюбование**, нарциссизм — неотъемлемое

свойство истинного националиста. Почти каждый год он ездил в Грузию отдыхать, наслаждаться ее природой, климатом, солнцем, кухней, воздухом. Дочь пишет, что последний раз отец приехал на родину летом 1951 года. «Он отдыхал, и я видела, как он наслаждался сладким воздухом Грузии, ветерком с Куры, пробегавшей рядом с Ликанским дворцом, где он останавливался... Ему было уже семьдесят два года, но он очень бодро ходил своей стремительной походкой по парку, а за ним, отдуваясь, ковыляли толстые генералы охраны.... Завтракал и обедал он, — как всегда летом, — в саду, где-нибудь под деревом. Он просил ловить в Куре свежую рыбу, вспоминал грузинские названия рыб и наслаждался воспоминаниями» [\[350\]](#). Коба всегда любил Грузию, но «терпеть не мог “феодалов” почестей, оказываемых ему грузинами» [\[351\]](#). Он не верил в искренность даже своих соотечественников. А более тяжкого греха, чем фальшь по отношению к нему, для него не существовало.

О том, что историю своей маленькой горной родины он рассматривал всего лишь как предысторию своей грандиозной личной судьбы, хорошо иллюстрирует уже цитировавшаяся поэма Г. Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». В «Прологе» поэмы кратко пересказывается древнейшая история Грузии, в ее уже знакомом нам варианте. Вот как там говорится о древнейших пращурах грузин:

*Здесь пришельцы очаг положили,
Что из края далекого хеттов
Принесли на мерановых крыльях,
В боевые кольчуги одеты.
Шли в потоках кровавых по плечи,
В ураганах, сметающих полки их,
За плечами у них — Междуречье
И Галисия, Каппадокия.*

.....
*Былое в прахе, травы свесились...
Мечи разбиты, стяги брошены...
О, сколько здесь, под сенью персиков,
Азийских, римских орд положено!
Все также гроздей сок желтеет,
Кура вскипает пеной заново
Над Искандера сном, Помпея,
Сном диадоха, Чингисхана [\[352\]](#).*

Я не имею возможность процитировать весь исторический пролог поэмы, переведенной, напомню, в 1947 году. Но любому, даже не очень искушенному в истории читателю становится ясно, что от древних хеттов до Великого Сталина был пусть длинный, но прямой путь. И в победах над знаменитейшими врагами его предков есть частица и его победы, а значит, сияния славы.

Глава 5. Женщины кобы

Что есть любовь?

Вначале не собирался писать ни об амурных похождениях Сталина, ни о его взаимоотношениях с женщинами. Конечно, я, как и многие, не лишен естественного любопытства и с интересом читал у различных авторов о его первой и второй женах и о дочери Светлане. О других женских персонажах биографии Сталина известно совсем мало или, как выясняется, ничего не известно. Впрочем, сплетни, тем более если они обличены в интригующую форму, занимают свое и вполне почетное место в мировой историографии. Классический пример — книга древнеримского историка Светония «Жизнь двенадцати цезарей», наполненная интереснейшими сплетнями об интимной жизни римских правителей. Сплетня, словно абордажный мостик, злорадно заброшенный пиратствующим историком или обывателем на борт настигнутого наконец-то гигантского корабля-призрака. Но только глупец может рассчитывать на то, что впереди его ждет легкая победа и все глухие интимные тайны, как затхлые трюмы, будут беспрепятственно вскрыты. Как правило, здесь ожидает множество сознательно расставленных ловушек, искусно замазанных пятен, а главное — масса грязи. Современная околоисторическая литература почти сплошь принадлежит перу обыкновенных литературных сплетников. Сплетен о личной жизни Сталина циркулирует сейчас в несколько раз больше, чем о жизни всех двенадцати римских цезарей, вместе взятых.

Итак, тему: Коба, Сталин, женщины, любовь — я сначала как бы вывел за скобки. Но так же неожиданно, как это иногда бывает во время археологических раскопок, нечаянные важные находки в местах, казалось бы, исхоженных и не раз разворошенных предшественниками, изменили мое отношение к этим сюжетам. Они вдруг предстали в качестве существенных для глубинного промера сталинской души.

* * *

Как бы ни была интересна каждая женская судьба сама по себе, для целей нашего исследования более значима совместная судьба «Ее» — женщины и «Его» — Сталина. Интересен самый момент переkreщивания судеб и порождаемая этим переkreщиванием душевная энергия, ее вспышка, распад. Ни одна женщина, вторгнувшаяся в душевную жизнь мужчины, не

может затем быть произвольно им изгнана или затушевана. Часто, хотя и не всегда, именно образ близкой когда-то женщины начинает исполнять роль совести. Для многих образ умершей матери, жены или бросившей любовницы становится зеркалом для души, своеобразной внутридушевной иконой, к которой в определенную минуту обращаются всем существом. Не случайно в христианском пантеоне образ заступницы Девы Марии ближе именно страждущему.

Не секрет и то, что отношение человека к противоположному полу вообще есть одно из главных проявлений его глубинных душевных сил и свойств. Отношение мужчины к женщине: матери, любовнице, жене, дочери, бабушке, теще, к случайной знакомой, коллеге по работе и т. д., пусть мимолетное и платоническое, это физическое проявление одного и того же трудно фиксируемого, но очень осязаемого душевного чувства. Во всех перечисленных возрастных, родовых и социальных символах женственности прослеживается единое для любого мужчины отношение к породившему его самого и порождающему от него началу. К тому же Сталин был кавказцем, а там особенно обладание женщиной есть высочайший жизненный приз. Случайно или нет, но в большинстве своем женщины, с которыми он сравнительно надолго связывал свою жизнь, были очень молодыми, даже не вышедшими из отроческого возраста. Любил ли их Коба и что для него было любовью?

Природа нас устроила так, что человек никогда не видит самого себя. О другом (или другой) мы судим, прямо и непосредственно наблюдая, слушая, общаясь, контактируя в разных формах, вплоть до телесного прикосновения. Как результат — получаем очень стабильный, объемный и в то же время бесконечно изменчивый, текучий образ «другого». Но о себе, о собственном образе, мы имеем возможность судить лишь опосредованно, и лишь через него — «другого». Помимо того что мы не видим себя как целое, объемно, разом всю свою фигуру, мы, что важнее, никогда не видим своего живого, подлинного лица. В лучшем случае мы видим только его напряженное отражение в зеркале, на фото— и киноплёнке, то есть собственную легенду о себе, свою «личину». Так все мы, добросовестно занимаясь самообманом, пытаемся «ваять» собственный образ. На самом же деле подлинный, органичный, развивающийся образ видят и оценивают только другие, причем «видят» его на границе сознания. Так психология личности, психология индивидуализации личности перетекает в психологию ее социализации, то есть ее включения в клеточную ткань общества. Михаил Бахтин, всю жизнь постигавший тайну образа «другого», в черновиках записал: «Простая формула: Я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть

необычайную сложность взаимоотношений участников... этого события» [\[353\]](#).

Для мужчины огромное значение имеет то, как его воспринимает и оценивает женщина, каким она его видит. Та самая женщина, которая всегда единственная, но в единстве своем многолика. Воспринимает ли она его как желанного, а если отвергает, то в каком обличье — матери, жены, дочери, любовницы, продавщицы, одноклассницы, соратницы по революционной борьбе, соседки по дому?... Если же принимает или отвергает, то за что и какого? За что можно полюбить малоперспективного, с надменным прищуром глаз начетчика-семинариста, будущего сельского священника? Или мужчину со многими физическими недостатками, совсем не красавца, не имеющего серьезного образования, профессии, денег, положения? Как воспринимает очень молодая, совершенно неразвитая, неграмотная девушка-подросток, выросшая в Восточной Сибири, у полярного круга, в таежной енисейской деревушке, уже зрелого мужчину, невыразительно «рубящего» коротенькие фразы с грузинским акцентом, сильно отличающегося внешностью и повадками от привычного облика деревенского мужика-добытчика славянского или финно-угорского типа? Или как видит недавняя столичная гимназистка своего уже стареющего мужа, с еще большими физическими недугами (прихрамывающего, с плохо гнущейся рукой), которого даже незнакомые с ним женщины в один голос признают за необыкновенного красавца и гения, почти за человека-бога. Можно ли полюбить в этом «боге» человека, от которого не то что с любовью рожать, но которого смертельно опасно просто завлекать обычной женственной кокетливостью, естественной расчетливостью, необходимораздражающим подзадориванием? Известно, что ум, власть, деньги, положение, надежность избранника — это самые распространенные и вполне необходимые предпосылки для стабильной женской любви. Но когда в человеке чего-то уж слишком, чего-то чересчур, когда ум перехлестывает в злобную и жесткую горячность, граничащую с безумием, а надежность — в манию или когда власть деперсонифицируется настолько, что от человека и мужчины остается только символ, «живой портрет», то может ли идти речь о любви к нему, символу и портрету? Что должно происходить в душе женщины, тем более очень молодой и неопытной или, напротив, пережившей своего первого мужа и уже нарожавшей от него детей, что должно происходить в их душах в тот момент, когда их судьба пересекается с судьбой такого человека-бога? Что в ней берет верх: благодарность, страх, благоговение, усиленная сексуальность — далилово торжество женской силы?

О том, способен ли был сам Сталин любить, по отношению к кому и в каких формах его любовь проявлялась, не писал, кажется, никто. Только дочь вспоминала: «...его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду. Он мало с кем был так нежен, как со мной, — должно быть, когда-то он очень любил маму. Еще любил и уважал свою мать» [354]. И действительно, в его письмах к матери, второй жене и дочери проскальзывают известные человеческие, любовные нотки. Разумеется, здесь речь идет не о трудноуловимом метафизическом или религиозном понятии «любви», а о любви мужской, одновременно и плотской, и отвлеченно-романтической, и спонтанно-душевной, и рационально обузданной. Но именно из этой любовной «смеси» и состоит немалая часть потаенной человеческой души.

Со времен семинаристской юности и до самой смерти было в Кобе что-то особо притягательное. Совершенно ясно, что женщины не искали в нем и не могли найти каких-либо особых физических или выдающихся интеллектуальных достоинств. Тем более в те времена, когда он скитался по тюрьмам и ссылкам или скрывался на нелегальных квартирах. Все его материальное благополучие многие предреволюционные годы заключалось в длиннополом демисезонном пальто, ярко-красном шарфе, по преданию, связанном еще матушкой Кеке, и фетровой шляпе. На некоторых сибирских photographиях он предстает в этом «пижонском» и неуместном по климатическим условиям обличье. У него не было своего постоянного жилья, денег, профессии, будущего. Его интеллектуальный багаж был также незначителен. Покинув семинарию, он нигде больше не учился. Он практически не занимался и самообразованием, столь обычным для большинства революционеров, а тем более для ссыльных поселенцев. В ссылках он почти ничего не писал и не овладел никаким ремеслом, если не считать охоту и рыбалку. Так за что же, до появления в «большой» власти, женщины могли ценить этого странного человека? Похоже, именно за «странность», то есть за те особые, незримо излучаемые душевные свойства, которые ценятся всеми женщинами мира выше материальных, интеллектуальных или физических достоинств. Он был в их глазах бескорыстным «страдальцем», борцом и поэтому вызывал **«со-чувствие»**. А сочувствование — самый верный и надежный путь к женскому сердцу и телу. Даже самая опытная и искушенная женщина, которую не прельстишь умом, остроумием или богатством, не всегда устоит перед гордым, притесняемым, нищим, смелым и пусть косноязычным, но **страстным** проповедником. Сочувствие, вызываемое не убожеством и беззащитностью, а страстностью и жертвенностью — перед такой «приманкой» не устоит и еще только созревающая женская душа. Она сама может выступить в

качестве активной, роковой искусительницы, отвечающей на призыв. При этом «проповедь», ее суть и смысл, вторичны, важен он, вызывающий. Не обладай женщина способностью «со-чувствия», то есть способностью откликаться, сопереживать мужчине, история лишилась бы тысяч пламенных революционеров, не признанных в свое время гениев, великих полководцев. Да что там говорить — семья до тех пор семья, пока женщина сочувствует мужу как мать, даже если он старше ее на несколько десятков лет. Так что женское сочувствие — высший и незаменимый эликсир любви. При условии, что он, избранник, действительно испытывает нужду в этом эликсире.

Сам же Коба, как и миллионы других мужчин, ценил в женщине в первую очередь молодость, материнское, родовое, сексуальное. О чувствах предпочитал не говорить, — «это для баб...» [\[355\]](#)

Мать и дитя

Сохранилось редкое свидетельство о раннем детстве вождя. Будучи в последней приполярной ссылке в деревне Курейке в 1914–1916 годах, Сталин в присутствии охранника рассказывал местным детям о себе: «... был капризный, иногда плакал, жилось плохо» [\[356\]](#). Мальчик Сосело был болезнен, капризен и оберегаем от жестокого отца матерью, которая в свою очередь нуждалась в сыновней защите. Однажды, когда отец в очередной раз избивал мать, сын бросил в него нож. Отец с криком погнался за ним, но мальчика спрятали соседи [\[357\]](#). Конечно, его капризность и конфликты с отцом могли иметь обычный, возрастной характер. Однако агрессивное поведение отца и еще более агрессивное ответное поведение сына, скорее всего, было связано с матерью, любовь которой они не сумели поделить. Дом и вся обстановка жизни была угнетающе нищенской. В крохотной лачуге (едва ли десять шагов в длину), в ее единственной комнате стояли «стол, четыре некрашенных табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар...» [\[358\]](#) Будучи в Гори много лет назад, я видел этот дом, если не ошибаюсь, с земляным или кирпичным полом и дерновой крышей. Уже тогда мне было неясно, где же здесь пространство для ребенка, где он играл, спал. Спал с родителями на одной-единственной кровати-тахте? Даже на полу там не было места. Неожиданное пояснение дали все те же услужливые авторы юбилейного жизнеописания вождя. Оказывается, малолетний Сталин спал в подвале, который к тому же имел отдельный вход с улицы и не был соединен с горницей: «В нижнее, подвальное, помещение ведут семь ступенек: ступеньки идут винтом, полуповоротом. Совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, находящиеся на уровне

панели... Подвал — низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина. В середине, подпирая балки потолка, стоит кривой столб. Три ниши, где хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов на зиму и разные домашние вещи. В стене, совершенно черной от копоти, очаг. Стоит единственная поцарапанная, некрашенная табуретка...» [359] В этом описании поражает не столько нищета и убогость жизненной обстановки, столь обычной и для царской, да и советской России, сколько холодность и даже жестокость родителей, отселявших младенца от матери на всю долгую ночь. Ясно, что, взрослея, сын вряд ли мог мириться с таким насильственным отторжением от дневного света, воздуха и от матери. Скорее всего, она все чаще брала его к себе в постель, тем самым оттесняя отца и вынужденно отдаляя от себя супруга. Положение усугублялось еще тем, что вместе с ними в доме жили два ученика отца по сапожному делу. Когда Сосело было около пяти лет, я предполагаю, что именно из-за тесноты и семейных неурядиц родители решили подыскать другое жилье. С тех пор они начали кочевать по Гори [360]. Кончилось все это тем, что отец после долгих запоев и бешеных драк с матерью, сыном, с соседями уехал в Тифлис и больше в семью не вернулся. Сосо тогда было около 11 лет.

Об отце Сталин никогда никому не рассказывал, хотя в полицейских анкетах указывал, что он умер только в 1909 году, то есть когда Кобе шел тридцатый или тридцать первый год [361]. Был ли отец на его свадьбе, общался ли с внуком, знал ли о революционной деятельности Кобы, не женился ли сам второй раз? Ничего не известно, неизвестно даже, как он умер и где похоронен. Светлана Аллилуева считает, что он был убит в драке. Вызывают большие сомнения подлинность недавно обнаруженной могилы и тем более фотографии Виссариона Джугашвили.

А Сосо, похоже, лет до пятнадцати, то есть до отъезда в Тифлисскую духовную семинарию, поневоле разделял одно ложе с матерью. Речь идет о том, что столетиями, как в нищей крестьянской России, так и на некоторых южных окраинах империи, дети спали бок о бок на одном ложе с родителями, которые здесь же рожали, болели и умирали, вблизи с ними, растущими и мужающими. Мать же Сталина не только внешне выглядела как монашка, но, скорее всего, после ухода мужа, когда ей было лет 26–28, действительно провела все дальнейшие годы своей 77-летней жизни в аскетическом одиночестве. Говорят, что она была очень набожна и поэтому часто общалась с местными священниками, от которых получала действенную помощь.

Мать родилась в крестьянской семье Глахи Геловани, где было еще двое сыновей. О своих дядях Сталин никогда не вспоминал и их судьба толком неизвестна. У матери были густые каштановые волосы, большие

темные глаза и рыжие веснушки. Поскольку ее собственная мать Мелания умерла рано, она с юности умела много трудиться и самостоятельно поддерживать существование. Но женских навыков гармоничной супружеской жизни, видимо, получить от нее не успела. Как и для многих одиноких женщин, сын стал центром ее мира и забот. Именно по ее настоянию и с помощью местных священников он попал в духовное училище, а затем в семинарию. Когда в 1902 году он в первый раз был арестован и с непривычки сильно напугался, именно к ней он посылал умоляющие о помощи записки, и именно она, и опять не без помощи настоятеля местной церкви, вызволила его. Да так, что он даже не был судим.

Несмотря на свою бедность, мать находила возможность присылать ему в Сибирь продуктовые посылки и даже иногда баловать бутылкой замечательного грузинского вина. Один из жителей сибирского села Курейка, которого Сталин, будучи в ссылке, как-то угостил, запомнил на многие годы вкус этого виноградного вина. Раньше он никогда ничего подобного не пробовал. Судя по тем посылкам, которые она продолжала ему отправлять уже в Кремль, в посылках в Сибирь были его любимое ореховое варенье, грузинские сладости и фрукты.

Его письма к матери дореволюционной поры не сохранились. Сама она не знала русского языка, была неграмотна, и за нее, очевидно, писали другие. Впрочем, в Грузии сейчас хранятся ее воспоминания, якобы написанные на грузинском языке ее рукой. Скорее всего, мать и сын любили друг друга, но это не мешало им иметь собственные мнения о каждом. Мать, как большинство волевых родителей, выстроивших в своем воображении будущность ребенка, до конца своей жизни не могла простить ему, что он сломал свою священническую карьеру из-за женщины или революции. Он тоже навсегда запомнил ее попреки и то, как она частенько жестоко лупила его за дерзкие и грубые шалости. После революции они почти не встречались.

Сталин никогда не приглашал ее в Кремль. Даже в гости. В сохранившихся письмах Надежды Аллилуевой к Кеке (так она ее называла) раз или два звучит нота сожаления о том, что свекровь опять не смогла приехать к ним. При этом Аллилуева сама объясняла причину — вредность для здоровья кавказской старухи московского климата. Думаю, что эту мысль внушал матери и жене Сталин. И сам он, отправляя коротенькие записки на грузинском языке примерно раз в полгода, а то и раз в год, никогда в них не звал ее в Москву.

Записки почти сплошь стандартны по смыслу, да и по форме:

«18 /IV 22

Мама — моя!

Здравствуй!

Будь здорова, не допускай к сердцу печаль.

Ведь сказано: “Пока жив — радовать буду свою фиалку, умру — порадуются черви могильные”.

Эта женщина — моя жена. Постарайся не дать ее в обиду.

Твой Сосо» [\[362\]](#).

Написано по восточному красиво, но если вдуматься, — по-сыновьи холодно. О своей женитьбе, которая произошла еще в 1919 году, он пишет так, как восточный князь сообщает об отправке с похода домой своей новой наложницы. И все же этот литературный, но почти трепетный тон так необычен для грубого и чаще зло-ядовитого Кобы.

Судя по запискам, он любил мать, но, как многие, любил на расстоянии и только тогда, когда она напоминала о себе, в остальное же время полностью выключив ее из своей такой насыщенной событиями жизни. Как хороший сын, он позаботился о ней. Ее поселили в Тифлисе, в бывшем доме генерал-губернатора. Правда, она, по своей многолетней привычке к тесноте, занимала в нем всего одну комнату, где за ширмой у железной кровати молилась, принимала многочисленных иностранных гостей и где стены были увешаны фотопортретами ее сына. При ней находился целый штат прислуги и разноплеменных приживалок, ее старинных знакомых. Судя по тому, что ее время от времени посещал сам правитель Грузии и Кавказа Лаврентий (так она называла Берию), ее жизнь тщательно охранялась, а сама она была под непрерывным и заботливым надзором. Дважды в неделю ее посещала Нина Берия. Их сын Серго Берия позже со слов родителей вспоминал, что Екатерина Джугашвили, несмотря на свою необразованность, любила рассуждать о политике и даже как-то заявила окружающим: «Я задаю себе вопрос, что мой сын не поделил с Троцким!» [\[363\]](#) Короче, она жила как вдовствующая грузинская царица, любила «великосветские» сплетни и подчеркивала свою независимость. Одевалась она просто, предпочитая праздничное национальное платье: «черный платок с белыми кружевными лечаками, по суровому грузинскому обычаю, квадратом обрамлял ее строгое выразительное лицо» [\[364\]](#).

Время от времени ее навещала Надежда, но только однажды, в июне 1935 года, к ней привезли всех детей Иосифа. «Возможно, — вспоминала Светлана Аллилуева, — что инициатором поездки был Берия, мы останавливались у него в доме. Около недели мы провели тогда в Тбилиси и полчаса были у бабушки... Она жила в каком-то старом, красивом дворце с

парком; она занимала темную низкую комнату с маленькими окнами во двор. В углу стояла железная кровать, ширма, в комнате было полно старух — все в черном, как полагается в Грузии. На кровати сидела старая женщина. Нас подвели к ней, она порывисто нас всех обнимала худыми, узловатыми руками, целовала и говорила что-то по-грузински... Понимал один Яша и отвечал ей, — а мы стояли молча... Мы скоро ушли и больше не ходили во “дворец”, и я все удивлялась, почему бабушка так плохо живет? Такую страшную железную кровать я видела вообще впервые в жизни» [365]. В архиве Сталина есть фотография — внуки вокруг бабушки, лежащей на кровати. Видимо, она была больна и уже не вставала.

Вскоре, в октябре того же 1935 года, сам Коба неожиданно посетил мать. Для нее это было так необычно, что для подготовки визита был вначале прислан Берия. Скорее всего, как и в случае с внуками, это был прощальный визит, так как Кеке последнее время постоянно болела. Если Берия и проявлял инициативу, то, скорее всего, потому, что боялся — патрон может не застать мать живой. И действительно, прожила она после визита внуков и сына около года.

Визит сына к матери был скромно, но исчерпывающе освещен в центральной печати. Ему были посвящены две хорошо написанные статьи в «Правде», но, конечно, не без ставшего уже обычным репортерского лизоблюдства. В то время «Правду» фактически редактировал сам Сталин, через своего ближайшего помощника Мехлиса.

Первая короткая заметка была опубликована на второй странице газеты под скромным названием «Мать». Описанная в ней обстановка и эмоциональная окраска мало похожи на описание Светланы Аллилуевой: «Мы пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад — 17 октября — здесь был Сталин. Сын. 75-летняя мать Кеке приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

— Радость? — говорит она. — Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна была испытать я — мать?

Мы сидим в просторной светлой комнате, посередине которой — круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья. Над кроватью — портреты сына. Вот он с Лениным, вот молодой, в кабинете...

— Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь — вот эта — и вошел он. Он долго целовал меня, и я тоже. — Как нравится тебе наш новый Тифлис? — спросила я. — Он сказал, что хорошо вспомнил о прошлом, как жили тогда. Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь, и было

сыро. Питались плохо. Но никогда, никогда не помню, чтобы сын плохо относился ко мне. Всегда забота и любовь. Примерный сын!

Весь день прошел весело. Иосиф Виссарионович много шутил и смеялся, и встреча прошла радостно...» [\[366\]](#)

Такое впечатление, что речь идет о протокольной встрече двух старых дипломатических знакомцев, а не о свидании любимой матери с обожаемым сыном. И действительно, эта встреча, как и встреча с внуками, была публичной, напоказ! Они обставлялись и проводились как этапные политические и государственные «мероприятия». Ни внуки, ни сын не оставались ни минуты наедине с бабушкой и матерью. Как в первом, так и во втором случае ответственным лицом за «мероприятие» был Берия.

Однако Сталин не удовольствовался столь скромной и краткой информацией о сыне и его матери. Через два дня в «Правде» вновь было дано, но уже развернутое сообщение ТАСС: «...На удобном, обтянутом ковровой тканью диване за столом сидит скромно одетая пожилая женщина в роговых очках. Голова ее покрыта черным платком. Перед нашим приходом она просматривала газету. Мы пожимаем ее старческую руку. При упоминании имени сына глаза загораются радостью. В ее взоре и ласка и гордость.

— Моя встреча с Сосо... Я не видела его уже порядочно времени, нездоровится мне, чувствую себя слабой, а при встрече с ним так обрадовалась, будто крылья выросли...

Зябко закуталась в шалевую накидку. Годы берут свое... Малейшая прохлада может повлиять на ее здоровье.

— Приходит наш Лаврентий (секретарь крайкома ВКП(б) Л. Берия), — продолжает она, — и говорит, что пришел Сосо, что он уже здесь и сейчас войдет. Открылись двери, и на пороге показался он, мой родной... Смотрю и не верю своим глазам. Он тоже обрадован... Неожиданно как-то я заметила в волосах моего сына серебряные пряди. Я даже спросила: “Что это, сын, поседел, что ли?” А он отвечает: “Ничего, мать, седина, — это не важно. Чувствую себя прекрасно, ты не сомневайся в этом”.

Потом сын-вождь попросил мать прислать орехового варенья для Светланы, расспрашивал о знакомых и близких, а затем, вместе с сопровождающими его лицами, ушел осматривать новый Тбилиси.

— Скоро Сосо и товарищи вернулись с прогулки по городу. Опять много беседовали, — продолжала мать. — Угостила я его хорошо. Не забыла дать на дорогу и банку орехового варенья для Светланы.

Но день был короток. Скоро наступила минута прощания. Подошел Сосо ко мне и крепко, крепко меня поцеловал...» [\[367\]](#)

Судя по газетному отчету, они действительно не виделись много лет. Так много, что он успел поседеть. В отчете не говорилось, что мать не удержалась и бросила сыну упрек: «А жаль, что ты так и не стал священником»... И здесь же Светлана Аллилуева добавляет: «Он повторял эти слова с восхищением; ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг, — к земной славе, к суете» [\[368\]](#). Может быть, действительно нравилось ее особо кавказское материнское упрямство, но он не мог не чувствовать и некую двусмысленность в этом упреке. Она же не могла не понимать, какой славы и могущества достиг ее мальчик, и все же упрекала.

Я не понаслышке знаю, как долго на Кавказе могут не общаться друг с другом самые близкие и горячо любящие родственники. Даже смерть не всегда полностью умирят их.

Больше мать и сын не увидятся. Он попрощался с ней навеки еще при ее жизни. Он не поехал и на похороны — в полный мах шла кровавая жатва тридцать седьмого года. Но похоронили ее по-княжески, возле церкви Святого Давида, рядом с могилой Грибоедова и княгини Чавчавадзе. Это небольшое мемориальное кладбище расположено в красивейшем месте Тбилиси, на Давидовой горе. Говорят, что позже Сталин расспрашивал чету Берия о последних днях жизни матери [\[369\]](#). Значит, вспоминал.

Грех семинариста?

У меня есть веские основания утверждать, что Сталина из предпоследнего класса духовной семинарии Тифлиса исключили на двадцать первом году жизни не за революционную деятельность, как это он утверждал сам в официальной биографии, или из-за того, что не смог оплатить обучение, как об этом сказано в архивных семинарских бумагах. Напомню — за него, как за бедняка, все годы платило духовное ведомство. Почему же об этом вновь встал вопрос на последнем году обучения? Есть документы, на основании которых можно предположить, что у будущего священника где-то около 1898 года родилась внебрачная дочь, за что его, возможно, под «благопристойным» предлогом и изгнали.

16 апреля 1938 года на имя Поскребышева была направлена «совершенно секретная» служебная записка. Об особом характере этого документа говорит хотя бы то, что письмо собственноручно написал один из крупных работников НКВД СССР того времени В. Иванов. На бланке наркомата карандашом Иванов начертил:

«Служебная записка.

В ЦК ВКП(б)

Тов. Поскребышеву.

Посылаю вам письмо Михайловской М., полученное нами на имя тов. Сталина.

В. Иванов» [\[370\]](#).

Вот текст послания почти 60-летнему Сталину, написанного чернилами на нескольких тетрадных листах в «косую» линейку. Все стилистические и грамматические особенности я, по возможности, сохраняю:

«Многоуважаемый товарищ Сталин.

Игрой судьбы, или игрой стечения обстоятельств я являюсь родной теткой мужа очень близкого Вам по крови человека. Если вы помните Вашу юность и раннюю молодость (а это никогда не забывается) [\[371\]](#), то Вы, конечно, помните маленькую черноглазую девочку, которую звали Пашей. Она Вас хорошо помнит. Мать Ваша говорила по-грузински и эта Паша эти слова запомнила: Милая дорогая детка.

Я познакомилась с Пашей и ее матерью в первые годы Революции. Это была высокая стройная черноокая красавица грузинка, смелым и открытым взглядом. На мой вопрос к ее матери — почему Паша такая черненькая, так как мать ее была светлая, мать Паши ответила, отец ее грузин. Но почему же Вы одни? На этот вопрос мать Паши ответила, что отец Паши посвятил себя служению народа, и Вы это Сталин. Эта Паша послала свои детские карточки через секретариат Вам, но они кажется, к Вам не попали.

Откуда я все это знаю? Позавчера ко мне приходит высокая женщина в платочке скромно одетая. Паша как Вы изменились, похудели? На эти мои вопросы она ответила: муж умер, ребенок мой умер, мать, которая была единственным близким человеком и ту недавно похоронила. Я одна, одна, на целом свете, и заплакала. Я приехала в Москву, чтобы выполнить завет матери, передать свои детские карточки т. Сталину. На мой удивленный вопрос, — а разве он Вас знает? — она ответила, — даже очень хорошо, когда я была маленькая. Я внимательно взглянула на Пашу и вижу, что у ней Ваше лицо т. Сталин. То же общее выражение открытого смелого лица, те же глаза, рот, лоб. Мне стало ясно, что Паша близка Вам по крови. Сестра, или дочь, или племянница. Но оставлять ее в таком положении нельзя. В дни молодости Вы пережили не мало, и поймете, что значит нужда. А Паша, потеряв мать, впала в такое отчаяние, что забросила работу, она машинистка. Забросила свои дела, и лишилась даже площади. Я сказала

Паше, что попасть к тов. Сталину трудно. Паша сказала, я хочу на него только взглянуть, чтобы мне вернули мою площадь. Паша как-то умудрилась ее потерять.

Она тщетно пытается добиться с Вами свидания с 20 марта и ее письмо к Вам, т. Сталин, и ее детские карточки, до сего времени находятся в секретариате. Она значится под фамилией моего племянника: Прасковья Георгиевна Михайловская.

Но вот несчастье, она пропала. Она вчера ушла от меня в 10 утра, и не вернулась. Весь день и всю ночь я прождала ее. Страшно беспокоюсь, не случилось ли несчастье с ней. Она могла попасть под трамвай, желая добиться свидания к Вам, она доведенная тщетностью этого могла покончить собой. Что с Пашей, где она, помогите разыскать ее. В Вашем секретариате с ее детскими карточками, может быть указан ее адрес, где она проживала в Москве. Там ее дальше без прописки не держат. Я предложила ей временно поселиться ко мне. Ходила в домоуправление в 6 веч. — домоуправ. на замке. На следующий день несу ее паспорт в 10 утра — опять та же картина, заперто. Днем не могла потому предъявить, что Паша ушла с паспортом и не вернулась. Она всегда живет в Рудни Саратовской губ.

Ради Вашей матери, которой была близка эта девочка в прошлом, нужно найти, куда она пропала. Очень жаль, что Вы не видели Пашу, когда я ее увидела первый раз — 18 летняя красавица. Смерть ее матери очень ее изменила. Кто бы она Вам не была — племянница, сестра, но поразительное с Вами сходство доказывает, что она близка Вам по крови. К Вашему сведению сообщаю, что своей молодостью и красотой Паша не торговала, а всегда жила честным трудом и потому такой родственницей можно гордиться. Теперь я понимаю, почему мне всегда казалось, что где-то раньше я знала Вас. Это выражение смелого открытого лица и есть выражение Ваше и Паши, если в прошлом Паше, как и Вам, пришлось пережить немало. Необходимо разыскать, где сейчас Паша и дать ей отдохнуть.

По Вашему приказанию Пашу разыскать нетрудно. Она каждый день звонит в секретариат. {Надо} предложить ей, чтобы она пришла. Если конечно она жива и с ней не случилось несчастье. У меня, ее вещи, подушка и одеяло и то, что она не пришла ночевать, меня страшно беспокоит. М. Михайловская» [\[372\]](#). Указан московский адрес.

Не подлежит сомнению то, что о письме было доложено Сталину. На записке Иванова рукописная резолюция: «Архив». Уже одно то, что его не уничтожили как не имеющее серьезного значения, а, напротив, направили в личный архив вождя, говорит само за себя. Письмо написано малограмотной женщиной и не очень вразумительно, но все же ясно, что

она, ссылаясь на мать Сталина, напоминает ему о событиях 1898–1899 годов. Поскольку Прасковье (Паше) «в первые годы революции» было около 18 лет (именно тогда М. Михайловская впервые с ней встретилась), то и год ее рождения падает, скорее всего, на 1899-й, то есть именно на тот год, когда Сталин был исключен из духовной семинарии. Как известно, у Кобы не было ни сестер, ни племянниц, ни других близких кровных родственников. То, что Михайловская не знает, как обозначить степень родства Паши, можно отнести на счет наивной хитрости пожилой женщины, оставляющей «свободу» выбора в этом щекотливом вопросе самому Сталину. Ссылка на то, что мать Кобы знала о существовании девочки и даже как-то принимала в ней участие, вряд ли можно отнести на счет фантазии автора письма или женщины, претендующей на роль первой дочери вождя. Конечно, Кеке к этому времени (1938 г.) уже была мертва и не могла подтвердить или опровергнуть свидетельство Михайловской, но ссылка на фотографии и письмо к Сталину, переданные Пашей в секретариат (откуда, видимо, они были отправлены в НКВД), слишком серьезный довод, чтобы отвести всю эту историю. И конечно, то, что руководство НКВД СССР сочло необходимым в деликатной форме переслать Сталину это письмо, возможно уже после ареста Прасковьи (после ее «внезапного» исчезновения утром в апрельские дни 1938 года), говорит о многом. Исчезновение Прасковьи Михайловской и мало скрытый, но отчаянно преодолеваемый ужас малограмотной тетки ее покойного мужа, нацарапавшей послание в защиту несчастной женщины, красноречивее массы более определенных фактов. Для меня особенно убедительно прозвучала заключительная фраза об оставленных подушке и одеяле и материнское сочувствие не только к Паше, но и к Сталину, которому в молодые годы тоже «пришлось пережить немало». И это все, что пока можно рассказать о Паше, возможно, первом сталинском ребенке, испортившем ему духовную карьеру и развернувшем ее в революционное русло.

В романе Владимира Успенского, в котором густо перемешаны слухи, рассказы, домыслы и факты, говорится, что на родине вождя якобы помнили о его неблагоприятном поступке: «Речь шла об изнасиловании несовершеннолетней девушки из-за чего, мол, Джугашвили выгнали из семинарии, а близкие и знакомые подвергли его презрению» [\[373\]](#). Очень может быть, что именно эта история, о которой семинарское начальство по понятным причинам предпочитало не распространяться, и послужила той отправной точкой, с которой начинается реальный отсчет революционной судьбы Кобы. В конце концов, в революцию приходят столь же неисповедимыми путями, как и в любую другую сферу общественной и духовной жизни. Кавказ, как и весь Восток, чадолюбив. Детей, даже

«незаконных», любят не меньше официально признанных. Бедная как мышь Кеке, может быть, пыталась хоть как-то помочь маленькой Паше, чья мать была явно не из состоятельных слоев? Кто знает? Сам же Коба вспомнил о ее существовании, скорее всего только ознакомившись с этим письмом. Дальнейшее — покрыто еще более густым мраком.

Лидия перепрыгина — малолетняя любовница «оськи корявого»

В первый раз он обвенчался законным браком, по православному обряду, в 1906 году, когда ему исполнилось 27 лет, на очень молоденькой пышной грузинке, с поволокой в глазах, Екатерине Сванидзе. Говорят, что родом она была из деревни Диди-Лило, откуда были родом дед и отец Кобы. Очень может быть, что это был брак «по сговору» родителей, точнее — матери. Конечно, лишь по случайности ее звали так же, как мать Сталина. Через год от нее родился сын Яков, а через два месяца Като (Екатерина) умерла. На фотографии похорон Коба выглядит убитым горем.

В промежутках между официальными и неофициальными женитьбами и параллельно с ними Сталин не упускал случая завести любовницу. В 1910 году он жил в Баку с партийной соратницей и дворянкой Стефанией Леонардовной Петровской, с которой познакомился еще в сольвычегодской ссылке в 1908 году. Именно оттуда она последовала за Сталиным на Кавказ. Когда их арестовали, именно он просил у местного жандармского начальства разрешить официально на ней жениться [\[374\]](#). Но брак не состоялся. В 1933 году, возможно, именно она проходила по «делу Слепкова» [\[375\]](#).

Наиболее известны его амурные похождения в сибирских ссылках, где он чувствовал себя особенно заброшенно и одиноко. Во время пребывания во второй сольвычегодской ссылке в 1910–1911 годах у него родился сын Константин от молодой вдовы Матрены Кузаковой. После революции Сталин тайно поддерживал их. Все в той же вологодской ссылке в 1912 году он отбил у своего товарища и в будущем самого близкого клеветника В.М. Молотова девушку Марусю, о чем тот не забывал до самой смерти. Там же в Вологде у него случился и более продолжительный роман с не очень красивой и не очень молодой Полиной Георгиевной Онуфриевой [\[376\]](#). Были и другие более или менее длительные связи. Так что женщины его любили. Но об истории, о которой я сейчас расскажу, до недавнего времени мало кто знал.

Работая в архиве Сталина уже несколько лет, я как-то решил просмотреть документы, связанные со слухами о его провокаторской дореволюционной деятельности. В 1956 году в американском журнале «Лайф» появилась фотокопия документа, якобы доказывающая связь Сталина с тайной царской полицией. Произошло это на фоне начавшейся

борьбы за разоблачение «культа личности Сталина». Тогдашний руководитель государства Н.С. Хрущев отдал распоряжение председателю КГБ Ивану Серову разобраться с этим вопросом. В июле 1956 года Серов направил письмо на имя Хрущева, в котором, опираясь на мнение экспертов, доложил, что документ, опубликованный в «Лайф», фальшивый. Одновременно с этим Серов писал: «Кроме того, по рассказу гражданки Перелыгиной было установлено, что И.В. Сталин, находясь в Курейке (крохотная деревня в Восточной Сибири. — *Б.И.*), совратил ее в возрасте 14 лет и стал сожителем».

В связи с этим И.В. Сталин вызывался к жандарму Лалетину для привлечения к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней.

И.В. Сталин дал слово жандарму Лалетину жениться на Перелыгиной, когда она станет совершеннолетней. Как рассказывала в мае месяце с.г. Перелыгина, у нее примерно в 1913 году родился ребенок, который умер. В 1914 году родился второй ребенок, который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал, и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина Давыдова, который усыновил родившегося мальчика Александра. За все время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время Александр служит в Советской Армии и является майором» [\[377\]](#).

На документе сохранились визы девяти руководящих членов партии и правительства, в частности Булганина, Кагановича, Маленкова, Молотова, Микояна, Ворошилова и других. После этого на записке Серова поставили гриф, означающий высшую степень секретности: «“Особая папка”. Общий отдел ЦК КПСС. 18 июля 1956 г.». Возможно, по инициативе Молотова было решено не обнародовать эти факты, поскольку сохранилась резолюция именно с его подписью: «В архив президиума ЦК. В. Молотов. 18.VII.56». Никто из членов ЦК никогда об этой истории не рассказывал. И это понятно. Разоблачение «культа личности» пошло по инициативе Хрущева не по линии дискредитации личности, как это произошло с Берией, а по более серьезной политической линии. Напротив, личные достоинства Сталина, в частности его бытовой аскетизм, остались для народа вне сомнений. Свою роль здесь сыграла и «мужская солидарность» — почти у каждого члена Политбюро были свои семейные и сексуальные тайны.

Возникает вопрос: насколько достоверны сведения Серова? Действительно ли в жизни Сталина была эта девочка, был ли от нее ребенок, насколько аморальны были поступки будущего «вождя»?

В середине 1956 года быть причастным к интимной жизни Сталина было уже неопасно. Но и настаивать на своей причастности к его судьбе, и

потому нагло обманывать высших чинов советской тайной полиции и государства Лидии Перелыгиной не было большого смысла. Но я обнаружил и более серьезные аргументы, подтверждающие в основном ее показания и в то же время значительно уточняющие их.

Из второй редакции официальной биографии Сталина мне еще раньше было известно, что его выслали в Курейку не в 1913-м, а в марте 1914 года вместе с другим видным большевиком Яковом Свердловым [\[378\]](#). Вот что там говорится:

«3 февраля 1913 года Сталин был арестован на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. На этот раз царское правительство высылает Сталина в далекий Туруханский край на четыре года. Сталин вначале живет в станке Костино, а затем, в начале 1914 года, царские жандармы, опасаясь нового побега, переводят его еще севернее — в станок Курейка, к самому Полярному кругу. Здесь он проводит 1914, 1915 и 1916 годы. Это была самая тяжелая политическая ссылка, какая только могла быть в глухой сибирской дали» [\[379\]](#).

То, что Сталин впервые появился в Курейке в марте 1914 года, подтверждается и другими источниками. Впрочем, и сама Перелыгина сомневалась в точности даты встречи со Сталиным. Сохранилось письмо Свердлова сестре, перехваченное полицией, в котором он писал о будущем переезде в Курейку: «Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее, севернее Полярного круга на 80 верст. Только двое будут на станке (в деревне. — *Б.И.*) и при нас два стражника» [\[380\]](#). Курейка до сих пор существует, но в действительности она расположена несколько южнее полярного круга. К каждому из ссыльных приставили по индивидуальному жандарму. Это был исключительный случай, так как по правилам полагалось одного жандарма на пятнадцать ссыльных. До этого и Сталин и Свердлов так часто и дерзко убегали из мест ссылок, что их решили сослать в самый отдаленный на тот момент пункт и приставить по персональному надсмотрщику. Жандарма, который охранял Сталина, действительно звали Иван Иванович Лалетин.

Сначала Свердлов и Сталин поселились вместе в доме братьев крестьян Тарасевых, где вместе со ссыльными проживало еще четверо. Через месяц ссыльные разъехались. Дело в том, что между Свердловым и Сталиным начались трения. Свердлов в то время писал: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили... Парень хороший; но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда, но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев» [\[381\]](#). Спустя много лет после революции старшая сестра Надежды, Анна Аллилуева, вспоминала: «Коба рассказывал, как жил он со

Свердловым в ссылке... По неписаному распоряжку тот, кто отправлялся за почтой, освобождался от домашних работ.

— Любил я ускользнуть лишний раз на почту, — посмеивался Сталин. — Свердлову поневоле приходилось хозяйничать — топить печку, заниматься уборкой...»

Сталин совершенно спокойно позволял себе и ребяческое жульничество, в котором он, все так же посмеиваясь, сам признавался:

«— Сколько раз старался провести тебя, увильнуть от хозяйства. Проснусь, бывало, в свое дежурство и лежу, как будто заспался... — говорил Сталин.

— А ты думаешь, что я этого не замечал? — добродушно и весело рассмеялся Свердлов. — Прекрасно замечал» [\[382\]](#).

Вскоре Сталин, по собственной инициативе, перебрался в пристройку дома, принадлежавшего тоже многодетной семье, фамилия которой в разных источниках пишется по-разному, но очень похоже: «Перекрытины», «Перелыгины», «Перепрыгины». Деревенские жители, вплоть до хрущевской поры не имевшие паспортов, фамилии соседей часто перевирали, иногда насмешливо. В большинстве архивных источников пишется, и современные потомки этой семьи помнят ее написание, в транскрипции «Перепрыгины». Так буду писать и я. В семье не было взрослых, она состояла из семерых осиротевших подростков и детей: пяти мальчиков и двух девочек.

В тот же день, когда я обнаружил докладную записку Серова, зашел в букинистический отдел большого книжного магазина в Москве, где судьба преподнесла мне еще один сюрприз. Там приобрел книгу, изданную в самый разгар войны, в декабре 1942 года в Сибири, в Красноярске. В советское время этот город стал административным центром края, в котором находилась деревня Курейка. В Красноярске располагался и архив департамента полиции, в котором хранились документы о пребывании Сталина в ссылках. Книга «И.В. Сталин в Сибирской ссылке» была написана по поручению Красноярского краевого комитета ВКП(б) уже маститым партийным историком М.А. Москалевым. Издать книгу о вожде пятнадцатитысячным тиражом без его ведома в то время было немыслимо. Вышла книга под редакцией друга Москалева секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) К.У. Черненко — того самого, который после смерти Брежнева и Андропова в 1984 году стал на несколько месяцев Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Мне повезло еще раз. Направив запрос в бывший Красноярский партархив, а ныне Центр хранения и изучения документов новейшей

истории Красноярского края, я получил дополнительные сведения о приполярном периоде жизни вождя [383].

Хотя книга действительно была отпечатана в 1942 году, в продажу она не поступила. В соответствии с принятой практикой ее контрольный экземпляр направили на имя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова. Авторы получили замечания от работников ИМЭЛ и Управления пропаганды. Доработали книгу, вновь отправили в Москву. Прошел год — нет ответа. Черненко пишет запрос: «Год тому назад направлены сигнальные экземпляры книги “Сталин в Сибирской ссылке”... до сих пор мы не получили ответа. Убедительно прошу сообщить Ваше мнение о книге и возможности ее издания» [384]. В самом конце декабря 1943 года — новый запрос [385]. Наконец, судя по письму Всесоюзной книжной палаты в Красноярск от 16 сентября 1944 года, отпечатанный тираж книги Москалева был разрешен к распространению [386]. Два года книга лежала на складах. Сам факт издания книги прошел малозаметно, совсем не так, как появление книг о Сталине Л. Берии, А. Барбюса, Л. Фейхтвангера. Наступили другие времена, и сделать головокружительную карьеру или приобрести мировую славу одной причастностью к биографическому воспеванию вождя было уже трудно. Если в предвоенное десятилетие Сталин активно занимался «ваянием» собственного образа в его различных хронологических срезах: детство, юность, подполье, революция, Гражданская война, «Полководец», «Вождь»... то с началом войны Сталин притормозил эту деятельность. В первые годы войны сам ее ход был плачевен, а затем еще долгое время был неясен окончательный итог. Поэтому, несмотря на постоянные напоминания различных биографов и издателей его собрания сочинений, Сталин отмалчивался и ждал. И только в 1944 году, когда все явственнее стала обозначаться победа, Сталин счел нужным вернуться к дальнейшей разработке собственного гештальта. При этом сместил часть чиновников идеологических ведомств за «нерасторопность». Но сдержанное отношение Сталина к деятельности красноярских партийцев могло быть связано и с тем, что, во-первых, автор был уже знаком Сталину по предыдущим работам, во-вторых, он был по национальности евреем, в-третьих, потому, что стало очевидно — автор волей-неволей ознакомился с некоторыми щекотливыми тайнами биографии вождя.

В феврале 1940 года Сталин разразился большим гневным письмом «не для печати» в адрес журнала «Историк-марксист», в котором была опубликована статья Москалева «И.В. Сталин во главе бакинских большевиков». Статья, по его мнению, была полна ошибок, а главное, незаслуженно завышала роль Ворошилова и некоторых других бакинских

деятелей в большевистской организации [\[387\]](#). Его не могло не насторожить и то, что спустя два года однажды одернутый им автор вновь берется за сталинскую тематику.

А в 1942–1944 годах, в самое, казалось бы, неподходящее время, на идеологических совещаниях принимаются решения полномасштабного возрождения великодержавно-русского, пропагандистского клише и, как его неизбежного дополнения, антисемитской составляющей. Первое, что было сделано, — перекрывались всякие карьерные поползновения евреев, тем более в сфере идеологии и тем более в такой опасной близости к образу самого вождя. И хотя книгу в конце концов разрешили к распространению, она не получила никакого политического резонанса, а сам автор позже все же был репрессирован.

Как рассказал мне внук профессора Москалева, Михаил Викторович Москалев, которого я знал, когда он был студентом, его дед в 1942 году оказался в Красноярске по распоряжению правительства как человек, включенный гитлеровцами в список евреев, подлежащих немедленному уничтожению. Но в 1947 году он был арестован и посажен в советскую тюрьму уже как «троцкист». В семье сохранилось предание о том, что в 1942 году, после выхода книги, М.А. Москалеву позвонил секретарь Сталина А.Н. Поскребышев, который сообщил об отрицательном отношении вождя к этому изданию. В семье сложилось мнение, что это и послужило истинной причиной ареста. Но мне представляется, что с мотивировками ареста историка надо еще разбираться. В 1947 году благополучно вышла другая книга М.А. Москалева — «Русское бюро ЦК РСДРП(б)» [\[388\]](#). Не забудем, что именно с 1947 года началась открытая, масштабная и постоянно нараставшая, вплоть до смерти Сталина, борьба с «безродным космополитизмом». Думаю, что профессор Москалев был наказан «по совокупности» еще и за то, что почти наверняка узнал в Красноярске «лишнее».

* * *

В книге Москалева опубликованы фотографии молодых Сталина и Свердлова, фотографии и рисунки поселков, домиков и интерьеров, в которых проживал Сталин в разных сибирских ссылках и, конечно, в Курейке: фотографии музея вождя, жителей деревни, помнивших его. И книга и фотографии вышли в не очень хорошем полиграфическом исполнении, что было связано с войной и провинциальной издательской базой и что никогда в мирное время не допускалось по отношению к

изданиям о вожде. Правда, внук историка рассказал, что у них в семье хранится экземпляр книги в отличном полиграфическом исполнении. Так что и во время войны делалось различие между массовым и элитным изданиями.

Накануне войны в Курейке или в областных городах встречались не только старожилы, помнившие ссыльного Сталина, но и жили Перепрыгины-Давыдовы. Явно с их слов и слов других жителей села Москалев писал в 1942 году: «К пасхе (март 1914 года. — *Б.И.*) перешел Иосиф Виссарионович к Перепрыгиным.... У Перепрыгиных пять мальчиков и две девочки-сиротки, без отца, без матери. Жили бедно, скудно, день со щами, два со святым духом. Корову держали, — один только толк, что корова на дворе, а квас на столе.

Если бы не помощь Иосифа Виссарионовича, умерли бы с голоду. Он часто поддерживал их. Наловит рыбы — делится. Перепрыгины-то было и стеснялись, а он слова не даст вымолвить: “Бери, ешь”.

У Перепрыгиных часто молодежь собиралась на вечеринку. Услышит Иосиф Виссарионович песни, откроет дверь и поет. Страсть любил песни» [\[389\]](#). В пристройке, где жил Сталин, отдельного входа с улицы не было. Так что открыть дверь он мог только в единственную жилую и проходную комнату-избу Перепрыгиных.

Петь он действительно любил, особенно когда был навеселе. Но если учесть, что в Курейке было всего 8 домов, в которых проживало 38 мужчин и 29 женщин четырех-пяти фамилий, то «молодежь» — это десятка два детей и подростков, включая Перепрыгиных, а Сталину уже стукнуло 36 лет. Он был далеко не юноша. Одна из двух «племянниц» — девочек-сироток, о которых пишет Москалев, и есть малолетняя любовница будущего вождя. И рыбой он вряд ли спасал от голода Перепрыгиных, а делился ею скорее как жилец и «родственник». Более взрослые подростки сами были, как и все жители деревни, прирожденными рыбаками и звероловами. В Сибири в те времена жили бедно, грязно, но сытно.

Конечно, отношения взрослого мужчины с 14-летней девушкой-подростком не могли оставаться неизвестными населению крохотного станка. Тем более приставленному к Сталину для надзора жандарму. Действительно ли Сталин дал заверения Лалетину в том, что женится на девочке, когда она станет совершеннолетней (то есть в 1916–1917 гг.), утверждать теперь трудно. Впрочем, все мужчины в подобных ситуациях довольно легко дают обещания, а Сталин к этому времени уже шесть лет как потерял первую жену и был формально свободен. Но тот факт, что у него был серьезнейший конфликт с жандармом Лалетиным, говорит о многом. Москалев цитирует воспоминания разных сельчан, в том числе и Марьи

Петровны Давыдовой, о назревавшем тяжелом конфликте. Марья Давыдова, скорее всего родственница Якова Давыдова, будущего законного мужа Лидии Перепрыгиной, о котором упоминается в записке Серова.

В 1942 году Москалев аккуратно процитировал маленький фрагмент рассказа:

«Колхозница Мария Петровна Давыдова вспоминает:

— Однажды Иосиф Виссарионович взял у моего брата ружье и хотел сходить на охоту. А охота у нас рядом, тайга начинается под окном. Жандарм Лалетин налетел на Иосифа Виссарионовича, обнажил шашку и хотел его обезоружить. Брать ружье товарищу Сталину не разрешалось. Но товарищ Сталин не отдал ружья жандарму, а возвратил его брату. Помню, тогда жандарм порезал Иосифу Виссарионовичу руки». О том, что Кобе в горячке порезали шашкой руку, запомнили и другие жители станка. Невольно вспоминается предание о Тимуре — Тамерлане, который в молодости спасся тем, что ухватился за обнаженное лезвие сабли, занесенной над его головой. Перед войной, когда гробницу Тамерлана вскрыли, предание о «железном хромце» подтвердилось.

Другим жителям села также врезался в память этот конфликт: «Особенно ревностно выполнял приказания начальства держиморда, свирепый и жестокий охранник Иван Лалетин. Курейские старожилы помнят этого стражника с большими рыжими усами и окладистой рыжей бородой» [\[390\]](#).

Дело в том, что согласно инструкции охранник обязан был дважды в день посещать поднадзорного: в десять часов утра и вечером. Лалетин же «часто ходил проверять Сталина не вовремя и вваливался в его комнату без стука». Захаживал и ночью. Он очень боялся, что Сталин в очередной раз сбежит из ссылки. Во время своих визитов он должен был поднимать на ноги весь дом, так как единственный вход в жилище Сталина вел через теплый хлев, а затем через единственную и убого обставленную горницу хозяев. Вечерние и ночные посещения особенно должны были раздражать Сталина, если охранник заставал его не одного. Отношения накалились до того, что Сталин пытался распускать руки, силой выталкивал его на улицу и охранник опять обнажал оружие — шашку.

«— Как-то вечером весной 1914 года, — вспоминает колхозник Федор Андреевич Тарасев, — мы наблюдали такую картину: жандарм пытался к Енисею и трусливо махал обнаженной шашкой впереди себя, и товарищ Сталин шел на него возбужденный и строгий, с сжатыми кулаками. Оказывается, в этот день товарищ Сталин сидел, работал и не выходил на улицу. Жандарму показалось это подозрительным, он и решил проверить.

Без спроса ворвался в комнату, и товарищ Сталин в шею выгнал этого мерзавца» [\[391\]](#).

Что так разозлило Сталина, над чем он так сосредоточенно работал, что даже срывался и набрасывался с кулаками на вооруженного жандарма? Хочу обратить внимание на достовернейший факт — за время последней ссылки Сталин ничего серьезного не написал и даже заметно интеллектуально деградировал. Дальше смутных замыслов о продолжении работы по национальному вопросу дело не пошло. Хотя материалами коллеги его снабжали. К концу ссылки накопилось два-три мешка с книгами, большая часть которых валялась под кроватью. Но почему, собственно, мужчина — надзиратель — не может войти без стука в помещение ссыльного мужчины, даже если он занимается недозволенной интеллектуальной деятельностью? Пусть и невежливо, но вряд ли это повод для опасных драк с вооруженным охранником. В это же самое время, в той же Курейке и других местах ссылки, Яков Свердлов без каких-либо помех писал и публиковал статьи и целые политические трактаты. И не он один.

Стычки с жандармом начались только после переселения Сталина в дом Перепрыгиных в начале весны и продолжались до мая 1914 года, когда после неоднократных «настоятельных требований товарища Сталина» и Свердлова пристав Кибиров, чей пост находился в двухстах километрах от Курейки, в селе Монастырском, был вынужден заменить стражника. Возможно, это было сделано из-за опасения, что дело может дойти до кровавой развязки. Или же Коба нашел иной, одному ему известный, но убедительный подход к начальству? Так или иначе, вместо Ивана Лалетина прибыл покладистый и сообразительный молодой жандарм Михаил Александрович Мерзляков, который сам был потомком ссыльного поселенца, скорее всего уголовного. Мерзляков вообще не заходил к Сталину в дом, а ждал, когда тот явится к нему с визитом. Часто отпускал его в тайгу на несколько недель одного на охоту или рыбалку. Это разрешалось, если ссыльный направлялся вниз по течению Енисея, то есть на север. Мерзляков, обремененный большой семьей, охотно ездил вместе с Кобой в длительные «побывки» в соседние селения и поселки, где тот встречался со знакомыми ссыльными. В будущем судьба вознаградит его за проявленную деликатность. В феврале 1930 года, в разгар коллективизации, Мерзляков обратился к Сталину с письмом, в котором напоминал о былых своих заслугах перед ним и просил защитить от произвола местных властей. «Прошу тов. Сталина, — писал он, — довести до сведения нашего сельсовета о том, что я действительно имел с Вами дружеские отношения во время службы в Туруханском и не делал противодействия [\[392\]](#), которые сведения для меня нужны для вступления в колхоз “Красный ключ”, я

думаю, Вы меня выручите, я думаю, я для Вас не был и не буду чуждым элементом, я считаю, Вы меня не забыли, какой я был» [\[393\]](#). Мало того, что он бывший жандарм и к тому же был стражником самого вождя, он попадал под разряд «кулаков» и был бы непременно репрессирован. Сталин не поленился написать простым карандашом доброжелательное письмо-воспоминание на имя местного начальства. Факт сам по себе примечательный, если учесть, что он в эти годы все больше и больше приходил в бешенство, когда даже ближайшие родственники обращались к нему с просьбами о заступничестве.

Небрежно, параллельно размышляя о чем-то еще (на бумаге следы каких-то расчетов), Сталин писал:

«В сельсовет дер. Емельяновой Красноярского района и округа.

Михаила Мерзлякова знаю по месту ссылки в селе Курейка (Турух. край), где он был в 1914–1916 гг. стражником. У него было тогда единственное задание от пристава — наблюдать за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке). Понятно поэтому, что в “дружеских” отношениях с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее, я должен засвидетельствовать, что если мои отношения с ним не были “дружескими”, то они не были и враждебными, какими обычно бывали отношения между ссыльными и стражниками. Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые “указания” и “предписания”. Все это я считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами.

Так обстояло дело в 1914–1916 гг., когда М. Мерзляков, будучи стражником, выгодно отличался от других полицейских» [\[394\]](#).

После этого письма Мерзляков превратился в «ударника» колхозного строительства и умер своей смертью. Так что Сталин мог быть благодарным. Не трогал Сталин и семью Перепрыгиных-Давыдовых, хотя письмо Мерзлякова без сомнения напомнило ему о них в 1930 году.

* * *

В своем послании Сталин не совсем искренен и точен. Из чужаков в Курейке, кроме него и Свердлова, был еще «ссыльнопоселенец из бродяг» Василий Ивасяк [\[395\]](#). Сталин с ним сдружился. Не случайно именно в это время он избирает еще одну кличку — псевдоним Васька, Василий [\[396\]](#), которым потом будет время от времени пользоваться, особенно в период

Великой Отечественной войны. И своего второго сына он назовет Василием. Вообще Коба, в отличие от многих революционеров из интеллигентов, легко находил общий язык с уголовниками, бродягами, охранниками и полицейскими, с представителями коренных сибирских народов, с таежниками и вообще с малоразвитыми и малокультурными людьми. Он легко становился для них авторитетом, о чем свидетельствует и данная ему в Сибири точная кличка: Оська Корявый. Он сам о ней рассказал Молотову [397]. И на Кавказе одной из первых его кличек была Чопур — корявый, щербатый. В тюрьмах и ссылках (в которых Сталин провел, с 1912 по 1917 год, в общей сложности *восемь* лет) живущие рядом невольно становились «социально близкими элементами», как их стали торжественно величать в Сталинскую эпоху. До революции Коба не раз предлагал привлекать их (и уголовников, и полицейских) к революционной подпольной деятельности. Никогда со времен своих отсидок и ссылок его не отвращала и не ужасала атмосфера российской тюрьмы, пересылки, этапа и самой ссылки. Он на своей шкуре изучил все слабости российской тюремной системы и поэтому со знанием дела ужесточал советскую, но уже социальную систему в целом. ГУЛАГ являл собой синтез коллективного обобщенного опыта бывших революционеров, и не в последнюю очередь — Сталина.

Жизнь в Курейке и отношения со стражником Мерзляковым были очень даже замечательные. Настолько хорошие, что Сталин, совершив перед этим пять успешных побегов из ссылок, на этот раз решительно отказывался бежать, несмотря на настойчивые понуждения и недоумения Ленина и Крупской. Васька объяснял им, что устал, болен и хочет дожидаться официального конца ссылки, так как легальному легче заниматься революционной деятельностью. На самом деле именно в Курейке у него остановился туберкулезный процесс в легких. Целыми днями он занимался рыбалкой, охотой, на недели уходил в тайгу к местным полярным кочевникам, постоянно ездил вместе с Мерзляковым в большое село Монастырское и другие пункты на встречи и вечеринки со С. Спандаряном, Л. Каменевым, В. Швейцер, членами большевистской фракции Государственной Думы, со своими кавказскими земляками из других революционных партий. И они время от времени приезжали к нему в Курейку на пароходе или на собаках по замерзшему Енисею. Вера Швейцер, отбывавшая в те же годы ссылку в «соседнем» селе Монастырском (в двухстах километрах южнее), так описала одно из своих путешествий в Курейку к Сталину: «Мчались под нескончаемый вой волков... Вот и Курейка. На берегу, там, где мелкая изломанная порогами быстрая речка Курейка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько

деревянных домишек, стоявших далеко друг от друга. У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил товарищ Сталин. Мы подъезжали. Собаки, заведя впереди жилье, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу нам вышел товарищ Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего дома лениво вышел охранник, медленно и важно подошел к нам» [\[398\]](#). Она же подробно описала как будто бы благополучное сталинское жилье, жарко натопленное хозяйскими дровами, и огромного трехпудового осетра, только что пойманного Кобой в личной проруби на Енисее. Куда и зачем он должен был бежать, тем более что шла Первая мировая война? Правда, ему из-за врожденных физических недостатков фронт, похоже, не угрожал. Самым страшным была тоска одиночества, от которой, по словам Свердлова, человек впадал в мозговую спячку и доходил до состояния анабиоза. Но не похоже, чтобы Сталин переживал в Курейке нечто подобное.

* * *

С начала 30-х годов и до смерти Сталина работа по собиранию документов и воспоминаний о дореволюционной деятельности вождя велась во всевозрастающем масштабе. Этим занимались и местные партийные работники, и специально присылаемые из Москвы эмиссары. Поскольку местные жители были сплошь неграмотными, то воспоминания записывались с их слов. Это следует учитывать, так как не все, что они рассказывали, оставалось на бумаге. В июне 1936 года были записаны воспоминания Мерзлякова, которые, как я понимаю, никто из исследователей до настоящего времени не видел. Они настолько безыскусны и полны такими характерными бытовыми деталями и многозначительными подробностями, что я решил их процитировать почти полностью. Не забудем, что здесь мы имеем дело с наблюдателем-профессионалом, с цепкой, опять-таки профессиональной памятью, и (как того требовало когда-то начальство от бывшего охранника) объективно описывающего обстановку. Я по возможности сохраняю просторечный стиль автора.

Рассказ Михаила Александровича Мерзлякова:

«В 1891 году мой отец ссыльный поселенец (свободный) со мной приехал в г. Красноярск и поселились на 25 км от Красноярска, в Зеледеевской волости с. Емельяново.

В 1914 г. я выехал г. Таруханск с целью избежать мобилизации на войну так как из Таруханского края на войну не брали. В том же году поступил в

полицейское управление на должность стражника. В начале июня 1914 г. был назначен в поселок Курейка, где был в ссылке И.В. Сталин (Джугашвили). Пристав Таруханска Кибиров, при откомандировании в Курейку приказал в Курейке наблюдать и отвечать за Джугашвили, наблюдать зорко так как этот Джугашвили очень ненадежен, уже не раз бежал из ссылки. В Курейке было 8—10 домиков, проживали домохозяева следующие: Калашников Афанасий, мещанин Иванов, Перепрыгины 5 братьев и 2 сестры — все батрачили, 6 семей Тарасевых: Яков, Степан, Михаил, Федор и др.

Поселился я в доме у Тарасева Михаила. Из полит. ссыльных проживали Свердлов Я.М. и Джугашвили И.В., жили они без семей, жили в разных квартирах. И.В. Сталин у Перепрыгиных (батраков): Ионы, Дмитрия, Ивана и Георгия, сестер: Наталии и Лидии. Домик Перепрыгиных был маленький, старый, грязный. Спал И.В. на деревянной койке. Освещение состояло из керосиновой 5-и линейной лампочки.

Летом И.В. любил рыбачить и кататься на лодке, ловил рыбу переметами, рыболовные принадлежности доставал у приезжавших торгашей, покупал на месте, сам заготавливал лесу, любил ездить в местечко Половинка, что ниже по течению км на 18, туда я его отпускал одного, временем я не ограничивал, иногда он на рыбалке пробывал дней до 15.

Свердлова охранял стражник Хорев, который проживал в доме Сотникова, Свердлов любил купаться с лодки, кататься на лодке рано по утрам, ходил всегда в очках, к рыбной ловле охоты не проявлял. При мне Свердлов проживал около 2 лет и отпросился у Кибирова выехать к жене в Монастырское. Последняя там учительствовала в пансионе, где воспитывался мой сын Геннадий.

И.В. очень любили местные жители, очень часто ходили к нему, ходил он к ним, часто просиживали у И.В. целые ночи. Он любил слушать примитивную музыку и порой веселое времяпрепровождение жителей. И.В. сам готовил себе пищу, рубил дрова, чай кипятил в чайнике на железной печке. Избушка была плоха, а поэтому грязноватая, всегда был в ней дым, стекла в окошках побиты, закрывались дыры дощечками, газетами, корочками от книг, самим И.В. Жил он скромно, скудно, кормовых денег ему не хватало, местное население ему помогало, И.В. каждый раз за продукты платил жителям деньгами, помогал им деньгами в нужде, особенно батракам Перепрыгиным. Почту я задерживать не имел права и всегда ему передавал. Почта... приходила раз в месяц, ему всегда что-нибудь присылали. Присылали посылки с медикаментами, которыми И.В. делился с местным населением, были случаи, когда И.В. сам лично помогал лекарством людям, заливал раны йодом, давал порошки. В Таруханском

крае, на каждых 15-ть ссыльных прикрепляли одного стражника, а к тов. Сталину и Свердлову по одному. К тов. Сталину приезжали инородцы (тунгусы) напр. Мандаков Гавриил и др. Привозили рыбу и оленьё мясо, за что И.В. щедро расплачивался с ними. И.В. любил рыбу называемой пеляткой, которая водилась в при енисейских озерах.

С инородцами И.В. часто беседовал и подолгу, о чем они беседовали мне не известно. Знаю только, что им советовал мыться, бриться, стричь волосы так как последние были очень грязные. Помню, одного он побрил и снабдил мылом. Инородцы его уважали, хорошо отзывались о нем. В село Монастырское И.В. выезжал со мной раз 10 за все пребывание его в Усть-Курейке {и} моего пребывания там, в качестве стражника, приставленного лично к тов. Сталину. Летом ездили на лодке. Лодку тянули собаки, а возвращались на веслах. В дороге И.В. с нами был разговорчив, шутил. Зимой ездил на лошадях, ночевали на станках, на одном из них в 37 км от Курейки, где жил Оденцов мы часто останавливались. С ним И.В. был знаком по иркутской тюрьме (за что и как попал Оденцов в Туруханский край не знаю). Жил Оденцов на стане Канашеля. И.В. иногда по 3 дня проживал вместе со мной у Оденцова, последний жил с семьей. С Оденцовым И.В. делились воспоминаниями об иркутской тюрьме, в моей присутствии вспоминали строгости режима иркутской тюрьмы. О политике при мне говорить стеснялись. В Монастырском И.В. встречался с политическими ссыльными, с какими, где — мне не известно, закупал там продукты, бывал там подолгу, иногда до 5–7 дней.

Где он в эти дни, у кого жил, ночевал — мне неизвестно. Сам И.В. приходил в управление, говорил мне о том, что надо ехать обратно, и мы уезжали. По дороге население к И.В. относилось хорошо; стлали ему лучшую постель (перины, заячьи одеяла), хорошо кормили. Проезжавший по Курейке служитель культа — никогда к Джугашвили не заходил. Если приезжали в Курейку начальники, купцы то останавливались у Тарасева Михаила, дом которого считался дворянской квартирой, Курейка была самая отдаленная и суровая ссылка для политических.

Стражник Лалитин ^[399], у которого я принял Джугашвили и оружие, мне наказывал строго наблюдать за И.В. так как он собирается бежать, но я строгость к нему не проявлял. Лалитин проверял Джугашвили каждое утро, иногда и ночами, за что И.В. просил Кибирова снять Лалитина, обижался на его и Свердлов, в результате чего Лалитина сняли и заменили мною. Мне известно, что Сталина в Курейку сослали потому, что он был серьезный политический ссыльный, для того, чтобы его лучше изолировать от других ссыльных, чтоб не мог оттуда сбежать. По моим наблюдениям И.В. бежать из Курейки не собирался так как это было безнадежно.

До Сталина и Свердлова в Курейке из ссыльных никого ни когда не было. В начале 1917 года я, возщик и И.В. поехали на лошадях в Монастырское, откуда И.В. больше не вернулся, а я получил новое назначение...

Тов. Сталин, будучи в Курейке много читал и писал, что писал и читал — мне не известно. Книгами он запасался в Монастыр{ском}, там же закупал канцелярские принадлежности и, кроме того книги и журналы получал по почте. В Курейку приезжал к тов. Сталину из станка Горошиха какой-то ссыльный, долго находился у него, фамилию ссыльного я не помню. И.В. очень любил детей, дети часто собирались у него, с ними он играл, ласкал их, бывало, расставит руки в сторону и бегают с ними по избе.

В обращении с местным населением И.В. был очень вежлив, не называл как мы: “Тришка”, “Мишка” и т. п., а называл: Григорий, Михаил, а взрослых и пожилых людей наз{ывал} по имени и отчеству. Во время читки газет иногда говорил И.В.: “Румыния снова хорохорится”. Курил всегда из трубочки с изогнутым мундштуком, курил простую махорку и иногда др. табаки. Носил черную шляпу, френч и брюки, черные диоганаливые, сапоги английского фасона — широкий носок. Мылся в курной (по черному) бане у соседа так как у Перепрыгиных своей бани не было. Зимой ходил в сапогах, а для выездов местное население давало ему унты и сокуй. Последние были сделаны из оленьих шкур. И.В. брил бороду, носил усы, на голове носил большие зачесанные назад волосы, волосы были красивые. В Курейке местных жителей заедали комары и мошка, и В.И., спасался от них в тюлевой черной сетке, от мошки не было спасения и в доме, по этому И.В. спал под пологом.

Точно не помню, но, кажется, И.В. получал кормовых по 15 руб. в месяц, я же получал 50 руб. в месяц, этих денег мне никогда не хватало, а И.В. тем более, — поэтому находился в постоянной нужде. В присутствии детей И.В. рассказывал о своем детстве, говорил, что я был капризный, иногда плакал, жилось плохо. В Курейке И.В. частенько ходил на прогулку, но далеко в тайгу не уходил так как заедали комары. На лодке катался один, в этом отношении был бесстрашный, даже местные жители удивлялись, как он в большие волны сам справлялся, его сильно бросали волны. Ширина Енисея у Курейки — 5 км., {И.В.} переезжал один на другую сторону в лавчонку за продуктами и, особенно за табаком, которого у нас часто не хватало. Пищу готовил И.В. Сталин исключительно сам. Приезжавшими купцами, начальством не интересовался, разговоров у него с ними не было.

Однажды, я слышал анекдот, рассказанный тов. Сталиным такого порядка: о том, что у одного барина заболели зубы, и он своего слугу посылал за врачом, но забыл его фамилию, сквозь боль говорил, что

фамилия врача Конев или Жеребцов, а в итоге она оказалась Овсянников, но ведь лошадь ест овес, есть, значит, что-то общее между этими фамилиями. Мы очень крепко смеялись так как тов. Сталин рассказал очень интересно, говорил он другие анекдоты, но их я не помню...

Зимой И.В. участвовал в устройстве “катушки”, сам катался на ней и любил это время провождение. Перчаток у него не было, а чтобы не отморозить руки, он завязывал рукава, кроме того, И.В. любил кататься на лыжах.

Мне 62 года, в 1929 году я вступил в колхоз...» [\[400\]](#) Далее Мерзляков повествует о своих злоключениях и письме Сталина в его защиту.

Воспоминания Мерзлякова позволяют объяснить многие особенности, предсказать некоторые черты и стиль поведения будущего всемогущего правителя. Ему действительно неплохо жилось, несмотря на отдаленность ссылки и суровость климата. С появлением Мерзлякова у него была почти полная свобода передвижения. Он десятки раз ездил, пусть и в сопровождении стражника (почти — друга), в различные населенные пункты и беспрепятственно встречался с соратниками и друзьями. Но особенно интересен рассказ о любви Сталина к охоте и рыбалке.

* * *

Если у него не было никакой городской, цивилизованной профессии, то охота и рыбная ловля стали его не только важным подспорьем для существования, они стали средством для воспитания и развития особых черт характера. Длительные отлучки с одним из братьев Перепрыгиных в тайгу, с оружием, умение выследить, подстеречь и убить зверя, способность терпеливо ждать, пока рыба попадется на крючок, а потом, несмотря на ее величину и силу, затащить на лед или целеустремленно переплывать в лодчонке, в одиночку (с больной рукой и легкими!) пятикилометровый беспокойный Енисей за желанной пачкой махорки — все эти качества охотника и рыболова мы без труда найдем у политика Сталина. Хозяин Кремля терпеливо, иногда годами «водил» на невидимом крючке очередную политическую жертву, «прикармливал» ее всяческими должностями, посулами и обещаниями, то натягивал, то вновь отпускал «лесу», а затем, когда жертва думала, что все обошлось, рывком «подсекал» ее. Так действуют опытные рыбаки, когда имеют дело с крупной добычей. Иногда тактика из рыбацкой легко менялась на охотничью, но это сути не меняет. В 1917 году в Петрограде, а затем в Кремле появился грузин Коба, прошедший воспитание не только в православном духовном училище, не

только в ссылках и тюрьмах и не только в конспиративном подполье, но и в сибирской приполярной тайге. Позже дочь писала: «Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь» [\[401\]](#).

Охотник или рыбак — это древнейшие человеческие профессии, объективно требующие навыков убийства и первично удовлетворявшие в человеке самые жгучие плотоядные потребности. Позже, в Кремле, Сталин говорил соратникам, что нет большего удовольствия, чем выследить врага, уничтожить его, а потом выпить вина. Такой «охотник» без сомнения не только понимал смысл ницшеанской мысли о преимуществах местонахождения по ту сторону добра и зла, но и собственным путем постигал ее, освеживая очередную парную тушу и запивая удачу чаркой. И еще штрих к его бестрепетному отношению к живой плоти. Житель Курейки Ф.А. Тарасев вспоминал, что однажды, когда он уехал, его корова объелась какой-то травы и ее пришлось зарезать. «Иосиф Виссарионович с соседями прирезал нетель, а мясо прибрал и посолил, сделал все как хороший хозяин» [\[402\]](#). Впоследствии именно так: «Хозяин» с большой буквы, называло его кремлевское окружение.

Став во главе государства, Сталин, как и Ленин, Троцкий, Бухарин и другие, стал вести себя как аристократ новой формации и пусть редко, но занимался охотой и рыбалкой, теперь уже проводя свободное время. Сохранились фотографии начала 30-х годов, на которых он запечатлен с ружьем или удочкой в окружении охранников-егерей и чаще всего в сопровождении К. Ворошилова. Как-то работники Оперативного отдела ОГПУ преподнесли ему в дар альбом с большим количеством таких фотографий. Но позже он, видимо, вообще перестал охотиться. Молотов в старости вспоминал: «В Сталине от Сибири кое-что осталось. Когда он жил в Сибири, был рыбаком, а так — не увлекался. Незаметно было, да и некогда» [\[403\]](#). А к чему теперь нужна была охота? Да и времени действительно не хватало. Ведь для него отныне вся страна, на просторах которой он мог производить «отстрел» сотнями и миллионами, стала охотничьим угощем. Он отбирал в жертвы самых значительных и ярких «особей»: из интеллигентов, бюрократов, рабочих, крестьян, партийцев... Отстреливал или рационально содержал их до поры в лагерях и зонах. Еще в Курейке пойманную однажды Мерзляковым беременную зайчиху он разумно рекомендовал не убивать, пока та не родит зайчат. Но зайчиха, не вынеся неволи, сдохла, о чем мстительно помнил Мерзляков лет двадцать. Позже Сталин так же относился к проблеме использования интеллектуальных способностей «врагов народа», давая им возможность выложиться под бдительным присмотром «на воле» или в «шарашке». Но

как же все в нашем мире неоднозначно и непрямолинейно! Рационализированное зло иногда вдруг коварно и призрачно, иррационально оборачивается добром.

Во время Великой Отечественной войны его «охотничьи» инстинкты обернулись иной стороной. Несмотря на ошеломляющие удары Гитлера, несмотря на глубочайшие раны, он, как кошка, рысь или пантера, продолжал яростно сопротивляться, пока не подстерег момент Сталинграда. «Зверь Сталина» оказался сильнее и изворотливее «зверя Гитлера». Кто бы из генералов ни разрабатывал и ни осуществлял этот план, конечное решение и вся историческая ответственность за сражение лежала лично на нем, на Сталине. Он сам, своей дикой волей к власти, взвалил на себя эту ответственность. Но кровоточащие раны были нанесены, конечно, не ему лично, а телу народному. На те годы, пока шла война, «зверь Сталина» был отвлечен от терзания тела народного, что и спасло страну не только от гитлеризма, но и от многолетия «тридцать седьмого года».

В каждом человеке притаился до времени зверь, но не каждому дано, а главное, не каждый пойдет на то, чтобы вскормить его человечиной. Говорят, до сих пор на террасе его дачи в Кунцеве стоит прислоненное у окна ружье. Коба до глубокой старости любил пострелять из него в обнаглевших ворон. Это все, что осталось от его бывшего увлечения.

* * *

Кобу арестовывали семь раз. В тюрьмах и ссылках он был шесть раз. Бежал пять раз ^[404]. Он так часто убегал, что сам он и его официальные биографы при подсчетах постоянно путались. Это хорошо видно по сохранившимся архивным документам. Столь частые побеги дали основание некоторым современным исследователям подозревать его в связях с полицией. И все же — это домыслы. Не только Коба, все революционеры довольно легко убегали из мест царских ссылок. Из тюрем — редко, а вот система ссыльных поселений была еще не отработана. Не было и концлагерей. Практически не было современных средств связи, дорог, внутренних войск. Все ссыльные, у кого было желание, здоровье и немного денег, довольно легко договаривались с местными жителями, и те их охотно доставляли за две-три тысячи километров до ближайшей железнодорожной станции на собаках, на лодке или на лошадях. Много раз убегал Свердлов, весьма дерзкий и романтичный побег из Сибири совершил Троцкий. Сталин сам со смехом рассказывал, что однажды договорился с ямщиком о том, что тот вывезет его за такую плату — на каждом полустанке

он должен был выставить «по пол-аршина» водки, а на каждой станции «по аршину» (то есть рюмки выстраивались в длину). Так что в тот раз Коба бежал на манер загулявшего купчишки или опереточного гусара. Учитывая это, в советское время все местное население Сибири было так или иначе задействовано в охране и надзоре за населением ГУЛАГа. Те, кто нарушал общие требования, сами становились гулаговскими сидельцами.

Возвращаясь к воспоминаниям Мерзлякова, обратим внимание на то, что уже тогда обнаруживается привычка Кобы к ночным застольям и гулянкам, во время которых он не чурался никакой компании, особенно молодежной, а пил, плясал, пел и курил свою любимую трубку. В такие моменты Оська Корявый был не только по-грузински, но и по-русски простонародно «душевным» человеком. Когда он стал Хозяином, он просто перенес в Кремль привычки и атмосферу крохотной и убогой Курейки. В Кремле все окружавшие его первые лица были много моложе (кроме Калинина) и всегда приходили на «вечерку» без жен. Молотов не раз описывал, как Сталин за столом с удовольствием вспоминал обстоятельства жизни в сибирской ссылке и любил потчевать особо избранных гостей кунцевской дачи сырой строганиной из мороженой рыбы, привезенной прямо из Сибири, нельмой или, возможно, той самой «пеляткой». И его любовь к русской бане оттуда же, из Сибири. Согласно записи в медицинской карте, в 1915 году его поразил сильнейший приступ ревматоидного артрита, так что баня ему помогла. Из Сибири даже кинематографическая интонация его «авторитетного» для окружающих туземцев речения типа: «Румыния снова хорохорится». И рисковая смелость, которой он, без сомнения, обладал, — оттуда же. Тарасев рассказал, что однажды во время ледохода они вдвоем поехали на лодке ставить переметы. Поставив, решили отдохнуть. Когда проснулись, оказалось, что их со всех сторон окружила вода и до лодки, привязанной к дереву, надо добираться через широкую протоку. Сталин не стал паниковать, а, предварительно сняв переметы, дошел вместе с Тарасевым до лодки по горло в ледяной воде. Но безрассудно заходить далеко в тайгу он все же опасался.

В Сибири же он получил и самый главный, ключевой для формирования сталинской психологии народный «урок». В 1935 году накануне очередной и самой страшной волны репрессий Сталин вдруг резко меняет направленность официальной пропаганды. Отныне, заявляет он, «кадры решают все». Он вдруг ощутил «голод в области людей». В своей установочной речи на встрече с выпускниками военных академий 4 мая 1935 года Сталин неожиданно припомнил эпизод из своей сибирской жизни: «Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было

весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый “остался там”. На мой вопрос: “Как же так, остался?” — они с тем же равнодушием ответили: “Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть”. И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что “надо бы пойти кобылу напоить”. На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: “Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу”. Вот вам штрих, — завершил рассказ Сталин, может быть малозначительный, но очень характерный» [\[405\]](#).

Вольно или невольно Сталин в своей речи «передернул» смысл простонародного отношения к жизни и смерти, к ценности человека. Мужики смиренно, как к должному, отнеслись не к гибели товарища, а к той силе, которая погубила его, но если надо, то поможет родить новых людей. («На все воля Божья: Бог — дал, Бог — взял».) Сталин же сохранял в памяти этот эпизод, как доказательство простонародного пренебрежения человеческой жизнью, ее малой значимостью для коллектива, для народа в целом. Этот неправильно понятый сибирский «урок» Сталин распространил на всех подданных, для которых он сам выступал как вполне реальная неодолимая «высшая» сила. При этом он не только инициировал массовое уничтожение людей, но и как «Отец» пытался с помощью властных рычагов влиять на деторождение, запрещая аборт и ограничивая разводы. В 1936 году, когда вышел закон, началась нелепая кампания по прославлению его инициатора. Вот какие печатали «приветствия» в его адрес: «Преисполненные глубокой благодарностью за сталинскую заботу о семье, о детях, женщины-матери от всего сердца благодарят партию и советское правительство и лучшего друга советских женщин, отца счастливой детворы товарища Сталина» [\[406\]](#).

Из своего детства я помню, как часто по ночам передавали по всесоюзному радио запись юморески А.П. Чехова «Лошадиная фамилия». Так вождь до конца жизни «рассказывал» подданным через эфир все тот же чеховский «анекдот».

* * *

В Красноярском архиве сохранились записи воспоминаний жителей села, с которыми Коба общался. И все очевидцы как-то по-особенному

рассказывают о Перепрыгиных. По воспоминаниям И.М. Тарасева: «Общался И.В. Сталин больше всего с Перепрыгиными и Тарасевой Ольгой Ивановной, которая всегда стряпала ему хлеб, печенье. Муку И.В. Сталин покупал в лавке (магазине). Приносил И.В. Сталин стряпать к Тарасевой О.И. потому, что Перепрыгины — девочки были маленькие и стряпать не могли» [\[407\]](#).

Другая жительница станка Елизавета Яковлевна Тарасева вспоминала: «Иосиф Виссарионович часто под угром (берегом. — *Б.И.*) сидел на камешке и глядел, как починяют сети. Было у меня две коровы, так Иосиф Виссарионович брал у меня молоко, сметану иногда брал, рыбу — «жить-то надо было». Сама я ходила к Перепрыгиным — сиротам, где жил Иосиф Виссарионович. Иногда показывала Лидии, как и что надо делать.

Часто звал меня И.В. к себе: “Бабка, иди к нам чай пить”. Ну, я и хожу, раз человек приглашает, так что же. Бывало, скажет Иосиф Виссарионович: “Лидя, Лидя, бабушку корми хорошо”. А я скажу, — “Ну что я, голодна, что ли”.

В обращении с людьми Иосиф Виссарионович был хорош, особенно хорошо относился к перепрыгинским ребятам — что напрасно зря сказать.

Был Иосиф Виссарионович веселым. Как только соберут вечерку, так и его приглашают... и везде он участвовал. Ходит, бывало, по берегу и поет:

*Уж я золото хороню, хороню.
Чисто серебро хорошо, хорошо.*

И т. д.

А голос у него хороший.

Петра моего учил плясать. Снимет свои сапоги и скажет: “Ну-ка, Петя, попляши у меня”» [\[408\]](#).

В этих рассказах Лидия Перепрыгина выглядит хлопотливой молодой хозяйкой в доме Кобы.

А вот ключевая зарисовка, противоречащая бодрому описанию Веры Швейцер: «Осип Виссарионович жил у сирот Перепрыгиных. Изба была маленькая, темная. Зимой окна забивали досками. Русская печь дымила. Холодно. Ребята часто прибежали ко мне греться. А Осип один ходит в дыму. Сидит в пальто и жмурится. Но всегда веселый» [\[409\]](#). Так что его жилье напоминало больше нору. Удивительное дело, будущий великий индустриализатор, коллективизатор и генералиссимус, будучи взрослым мужчиной, не был в состоянии хоть как-то наладить свой быт, привести в

порядок и почистить свое многолетнее жилье. Постепенно он опускался. Его нищета (или неряшливость?) доходила до того, что он долгое время, может быть даже много лет, пользовался одним-единственным полотенцем. Но все же как истинный «учитель народов» он уже тогда «наставлял» местных остяков и тунгусов в элементарных правилах гигиены.

* * *

В том же архиве обнаружили и две записи с воспоминаниями главной героини этого сюжета — Лидии Платоновны Перепрыгиной (Давыдовой), относящиеся к 1950 и 1952 годам. В первой записи, сделанной, возможно, в связи с реорганизацией дома-музея Сталина в Курейке, Лидия Перепрыгина подробно описала родительский дом, пристройку, в которой жил Коба, и расположение мебели в них. Похоже, что по этому плану и была воссоздана обстановка в лачуге вождя. Делавшие запись работники Норильского комбината сочли нужным добавить: «Лидия Платоновна Перепрыгина-Давыдова — вдова, имеет 8 детей, самой младшей дочери 13 лет. С некоторой долей горечи рассказала, что до сих пор ей не выдают пособия за многодетность» [\[410\]](#).

Обратим внимание на то, что в 1914 году, когда она сошлась с Кобой, ей в действительности было не более 13–14 лет (в архивных документах указан год рождения — 1900-й). И она уже, видимо, не в первый раз жалуется на тяжелое материальное положение. Напомню, что и Серов доложил Хрущеву о том, что Сталин ей никогда материально не помогал.

В других, более подробных воспоминаниях, записанных в сентябре 1952 года, в целом повторяется содержание других рассказчиков, но есть и любопытные детали: «Ранней весной в 1914 году на двух лошадях... были привезены из станка Костина в самую тяжелую ссылку на станок Курейка И.В. Сталин и Яков Михайлович Свердлов. Приехали в дневное время. Жители станка Курейка, хотя и не первый уже раз встречали ссыльных царским правительством людей, на этот раз были очень встревожены. По станку Курейка прошел слух, что привезли политических ссыльных... Никому из ссыльных не было столько теплого внимания со стороны жителей, как т. Сталину... До приезда т. Сталина, у Перепрыгиных стоял на квартире ссыльный — т. Тобоха — пожилой старик... Среди этих детей-сирот и жил И.В.Сталин до конца (декабрь) 1916 года. У И.В. Сталина была отдельная комната, деревянная кровать, стол и табуретка... Белье носил белое в полоску и майки — тельняшки... Когда И.В. Сталин уезжал, то литературу всю не мог увезти. После, находясь в Туруханске, И.В. Сталин

попросил, чтобы мы отправили в Туруханск к И.В. Сталину остальные книги. Я отправила еще два мешка с надзирателем Мерзляковым. И.В. Сталин нам сообщил, что эти два мешка книг получил.... В свободное время И.В. Сталин любил ходить на вечеринки. Всегда был веселый, любил танцевать, играть, петь песни... Ходил в гости на именины. Выпивал помаленьку, любил детей, всегда их угощал конфетами... Уехал И.В. Сталин в декабре 1916 года, вечером с надзирателем Мерзляковым. Разрешение на выезд ему привез Мерзляков из Туруханска». Так как Перепрыгина была неграмотной, то за нее расписалась: «зав. партийной библиотекой Г{ородского} К{омитета} ВКП(б)...» [\[411\]](#)

Помимо трогательных интимных деталей: знакомство с видом нижнего белья Кобы, хорошо известная его кавказская привычка после пира одаривать детей сладостями и очень доброжелательного на тот момент тона Лидии, обратим внимание и на то, что расстались они, судя по этому, мирно. Больше того, позже Лидия, по просьбе Кобы, отправила ему в Туруханск еще пару мешков с книгами. Так что о скором возвращении любимого и женитьбе речь как будто тогда не шла. Впрочем, непонятно, почему Коба с охранником выехали из Курейки на ночь глядя? И почему это обстоятельство так запомнилось Лидии? Зимой в Приполярье ночь практически круглосуточная. Просто проводы затянулись на весь день. Об этом вспоминали другие жители. Дело в том, что Коба выехал в Красноярск не по «вызову», а как доброволец-призывник на фронт. Это обстоятельство впоследствии он тщательно маскировал, об этом не смели говорить и большинство мемуаристов. Ведь он официально всегда был ленинцем и циммервальдцем, то есть сторонником поражения своей страны в войне империалистической, которая должна была перерасти в войну гражданскую. Судя по воспоминаниям Б.И. Иванова, записанным в 1954 году, туруханские ссыльные уже в 1916 году были знакомы с письмом Ленина о Циммервальдской резолюции, но Сталин избегал открыто выражать свое отношение к ней [\[412\]](#). И вдруг призыв в армию заведомого инвалида и как будто бы циммервальдца... Именно поэтому с ним как «призывником» местные жители на дорогу выпивали, то есть «гуляли».

Почему так быстро (1917 год) после отъезда Кобы Лидия выходит замуж за Давыдова? Может быть, Сталин откупился от нее или сама по себе женщина была особо дефицитна в Приполярье? В той же Курейке женщин было на треть меньше, чем мужчин, и выйти замуж даже с прижитым ребенком не было проблемой. Но все, наверное, было еще проще. Воспрепятствовать его «призыву» на войну она не имела никакой возможности, и ждать возвращения немолодого, нищего и больного Кобы с фронта она явно не была намерена. Да и вернется ли кавказец в Сибирь,

даже если останется цел? Наконец, время рождения Александра, по словам Лидии, — 1914 год, а по словам ее внука — ноябрь 1917 года, плохо согласуется со временем прибытия Сталина в Курейку и его отъезда оттуда. Так что серьезные сомнения в том, что Александр действительно был сыном Кобы, пока остаются. Правда, сам Сталин был большой мастер по части маскировки многих пунктов своей биографии, в чем мы не раз уже убеждались. Например, похоже, что по его инициативе был изменен год рождения Константина Кузакова, причем так, что тот, по официальной версии, родился на год-два раньше того времени, когда в доме вдовы Матрены Кузаковой появился ссыльный Джугашвили [\[413\]](#). И дату рождения своего законного первенца Якова он перенес на год позже; в результате получилось, что он родился после смерти матери Екатерины Сванидзе. Современные историки много копий сломали вокруг вопроса о причинах переноса на год вперед и собственного дня рождения Сталина. Я сам видел, что во всех дореволюционных полицейских анкетах он честно указывал дату и год своего рождения: 6 декабря 1878 года [\[414\]](#). Но после революции, когда возникла необходимость упорядочить и выстроить свою биографию заново, дата рождения была им изменена. Сталин явно долго размышлял над этим вопросом, о чем свидетельствуют его карандашные пометы под биографическими датами. А первопричина, на мой взгляд, проста — в свое время матушка Кеке пошла на маленькую хитрость, так как при зачислении в духовное училище в 1888 году Сосо мог показаться переростком. По документам ему на тот момент шел одиннадцатый год [\[415\]](#). Так, возможно, наивная хитрость матери позже породила целую сеть сталинских хронологических хитросплетений и неизбежных рокировок. Получилось, что он отныне стал ровесником своему заклятому врагу Л. Троцкому. И волны истерии, которые поднимались им и его окружением каждый день рождения и особенно в каждое юбилейное десятилетие, тоже были привязаны к этой фальшивой дате. Вообще же он часто назначал своим волевым решением день «свершения» тех или иных исторических событий примерно так же, как Ленин назначил 25 октября 1917 года «социалистическую» революцию в России. Даже День Победы над Германией он решил сделать своим, личным — назначив его и продлив войну (!) на несколько дней по сравнению с общесоюзническим днем. Примеров жонглирования датами или искусственного подтягивания к ним исторических и бытовых событий можно привести немало. Как выясняется, даже умер он не на семьдесят четвертом, а на семьдесят пятом году жизни, украв этот год у себя и у мировой истории. Продолжалась игра в очередные «эпохальные свершения и события» вплоть до конца СССР.

Поздней осенью 1916 года (по другим сведениям — 12 декабря [\[416\]](#)) Сталина вызвали в Красноярск под предлогом медицинского освидетельствования призывной военной комиссией. Если Лидия Перепрыгина действительно ждала от него второго ребенка, Сталин, скорее всего через Мерзлякова, сам организовал эту поездку. Пристав Кибиров почему-то выдал ему фальшивую справку, и Сталин и еще восемь «призывников» (в том числе гражданская жена Спандаряна В. Швейцер, Л. Каменев, Б. Иванов, В. Панюшкин, Филинов) ехали из Монастырского до Красноярска две тысячи километров в разгар сибирской зимы около двух месяцев (с 15 ноября до конца декабря 1916 года). Поскольку самих жителей Туруханского края в армию никогда не призывали, то ссыльных «призывников» провожали очень торжественно, как образцовых патриотов. Для девяти человек был организован целый караван из 10–12 саней. Каждый ехал в специально оборудованном и утепленном возке. Сопровождало их два стражника. Из казны всем выдали «сибирские шубы, оленье сапоги... такие же рукавицы, шапки оленье». По дороге их везде хорошо угощали и обустроивали. «Начальником края, приставом Кибировым, — рассказывал Иванов, — была дана телеграмма по всем этим поселкам, чтобы для нас были приготовлены постели, пуховые подушки... молоко, рыба, мясо. Встречали нас хорошо» [\[417\]](#). Двигались по льду Енисея не спеша, останавливаясь во всех населенных пунктах, где их шумно встречало местное население, соратники и знакомцы. В 1951 году был восстановлен маршрут, по которому двигался веселый караван. От Курейки до Красноярска насчитали 29 населенных пунктов. В том числе — Подкаменная Тунгуска, рядом с которой за несколько лет до того упал знаменитый Тунгусский метеорит [\[418\]](#). И везде гуляли и пили. Среди путешественников оказалось два музыканта, которые всю дорогу играли на гитаре и мандолине. Обо всем этом (кроме любовницы и метеорита) поведали участники событий Б.И. Иванов и Вера Швейцер. Воспоминания Иванова, похожие на протокол допроса, хранятся в Красноярском архиве [\[419\]](#). В. Швейцер поделилась своими воспоминаниями в книге, которая вышла в 1940 году. В той самой, на которой сделала дарственную надпись Светлане Сталиной и которая до сих пор находится в библиотеке вождя: «Дорогой Светлане Сталиной от автора. Вот какова была подлинная жизнь в борьбе за партию, за коммунизм» [\[420\]](#).

* * *

Разумеется, в Красноярске из-за физических недостатков и болезней Сталина признали совершенно непригодным к военной службе. Кажется, только один Иванов и попал в казармы. До окончания срока ссылки оставалось еще несколько месяцев, но Сталин упросил начальство (именно упросил, сохранилось его прошение, полное почтения к полицейскому начальству), чтобы его поселили в городе Ачинске. Он почему-то очень не захотел возвращаться в Курейку, к женщине, которая имела или ждала от него ребенка и на которой он как будто бы обещал жениться. Выходит, большой любви не было.

А вот как весь этот сложный сюжет изложен в «Краткой биографии» вождя: «В декабре 1916 года Сталин, мобилизованный в армию, по этапу направляется в г. Красноярск, а затем в г. Ачинск. Здесь его застаёт весть о Февральской революции. 6 марта 1917 года Сталин выезжает из Ачинска, с пути шлет приветственную телеграмму Ленину в Швейцарию.

12 марта 1917 года Сталин, мужественно перенеся все невзгоды туруханской ссылки, снова в Питере — революционной столице России» [\[421\]](#).

* * *

В декабре 2000 года я кратко рассказал об этой истории российской журналистке Элле Максимовой. После того как интервью опубликовали в газете «Известия» [\[422\]](#), Максимова сообщила мне, что ей стало известно от возможного внука Сталина Юрия, что его отец Александр умер в 1987 году. Александр как будто знал о своем происхождении, но всю жизнь очень боялся репрессий. Сталин дважды пытался забрать его в Москву. Первый раз — после окончания Гражданской войны. Второй раз — в начале 30-х годов. Как я думаю, это могло быть в том самом 1930 году, когда Мерзляков своим обращением напомнил Кобе обо всей этой истории.

Первый раз ребенка не отдала мать, так как Сталин требовал, чтобы сама она оставалась в Сибири. Ведь Сталин уже был официально и счастливо женат на Аллилуевой, а появление еще одной, неграмотной, обремененной детьми таежницы в Москве, когда он уже стал одним из первых чиновников государства, было, конечно, нежелательно. Второй раз сын якобы убежал в тайгу, узнав, что его разыскивает НКВД. Рассказанной мною истории Лидии и Кобы были посвящены две газетные заметки Эллы

Максимовой ^[423], одна из программ германского телевидения сделала об этом передачу, затем ее подхватили английские, немецкие, американские и российские издания. При этом, конечно, многое искажая, а главное, произвольно расставляя акценты.

Одновременно я вновь перечитал литературу, в которой хоть что-то говорилось о пребывании Сталина в Сибири. Известно, что новое знание по-новому раскрывает давно виденное и слышанное. Светлана Аллилуева еще в 1968 году писала: «Тетки говорили мне, что во время одной из сибирских ссылок он (Сталин. — *Б.И.*) жил с местной крестьянкой и что где-то теперь живет их сын, получивший небольшое образование и не претендующий на громкое имя» ^[424]. О ком здесь идет речь — о Константине Кузакове или Александре Давыдове? Константин вместе с матерью и ее старшими детьми после революции был вызван Сталиным в Москву, получил приличное образование и занимал крупные партийно-государственные должности, в частности на Центральном телевидении. Так что речь идет, скорее всего, об Александре. Известный российский биограф Сталина Дмитрий Волкогонов в 1992 году написал: «В местах своей последней ссылки, так рассказывал мне старый большевик И.Д. Перфильев, сосланный в эти края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам “вождь”, разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте. Мне не удалось установить: проявлял ли Сталин заботу об этой женщине, чей путь пересекся с этапной дорогой ссыльного революционера...» ^[425] Здесь речь идет о сталинской «последней ссылке», то есть о Перепрыгиной. И мы теперь точно знаем — даже пальцем не пошевелил всемогущий вождь, чтобы помочь пусть даже не сыну, а той девочке, которая три года дышала с ним рядом и делила постель в прокуренной, закопченной, холодной и грязной избе.

И все же, о моральной стороне всей этой истории судите сами. Я не сторонник размашистых аллюзий, но этой житейской истории есть в чем-то близкая литературная параллель, изложенная Ф.М. Достоевским в «Бесах». Напомню содержание девятой главы романа. Интеллектуально изысканный и не очень молодой вождь тайной революционной организации Ставрогин совращает 14-летнюю девочку-подростка, неухоженную и забитую Матрешу. Конец трагичен — девочка повесилась, а для «пламенного революционера» Ставрогина это был последний шаг перед организацией убийства соратника по партии — «перерожденца и предателя». Несмотря на очевидный факт совращения Сталиным малолетней Лидии, жизнь не все литературное отражает зеркально.

Ранние браки и сексуальные связи в Российской империи, как во многих странах мира, были обычным явлением. Вспомним знаменитый рассказ няни Татьяны Лариной из пушкинского «Евгения Онегина» — в первой половине XIX века в русской деревне совершенно спокойно выдавали в «тринадцать лет» за еще более молодого мужа. На Кавказе ранние браки вообще были обычным явлением. Моя бабушка по отцу, родившаяся в маленьком дагестанском ауле примерно в 1895 году, была насильно выдана тоже в тринадцать лет за деда — он ее выкрал. Ее первые два ребенка умерли, так же как два мальчика умерли у Кеке и один у Лидии Перепрыгиной.

А мемориальные дома-музеи И.В. Сталина и Я.М. Свердлова были открыты в Курейке еще в 1939 году, после чего хлынул поток организованных партийными органами туристов. Сам станок начал преобразаться: «Здесь имеется сельский совет, почтовое отделение, семилетняя школа, радиоузел, кинопередвижка. Работает рыболовецкий колхоз им. Сталина... Близ Курейки в подсобном хозяйстве великолепно выращиваются рожь, овес, картофель и др. культуры. Коровы-рекордсменки дают по 25–30 литров молока в день. В станке ведется большое строительство — построен прекрасный павильон-футляр для домика-музея И.В. Сталина. Построено здание 7-летней школы и интернат для учащихся с других станков, построены жилые домики для учителей. Строится большой сельский клуб» ^[426]. Так восторженно писала в 1952 году в исторической справке научная сотрудница партийного архива крайкома КПСС П. Белогурова о тех самых местах, где случилось это романтическое сталинское увлечение. В справке она процитировала и стихи поэта Лисовского:

*Не вставал бы светел, беспечален
Новый день для жителей станка,
Если б только не товарищ Сталин,
Живший здесь в избушке рыбака...*

И это воистину так. После смерти Сталина все закрыто и заброшено. Курейка все больше возвращается в свое первобытное состояние.

1917: Любовь и октябрьская революция. Аллилуева

Сталин как до революции, так и после нее любил время от времени предаваться воспоминаниям. В 1926 году он выступил с небольшой речью в «Главных железнодорожных мастерских» Тифлиса, в которых когда-то до

революции вел пропагандистскую работу. Эмоционально приподнятая речь целиком была построена на воспоминаниях пережитых личных ощущений. Вот каким «буревестником» и «мастером» революции рисовал себя Сталин перед аудиторией: «Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — тов. Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции» [\[427\]](#). Но патетика слов почти всегда расходится с подлинной патетикой жизни.

* * *

Приехав из Сибири в Петроград 12 марта 1917 года, Коба поселился в семье старого знакомого и будущего свекра Сергея Яковлевича Аллилуева. Первый раз он встретился с семьей Аллилуевых в Тифлисе в самом конце 1903 — начале 1904 года (по другой версии — в 1905 году), после первого побега из ссылки и через два с лишним года после рождения Надежды Аллилуевой [\[428\]](#). Специально акцентирую на этом внимание, так как среди многочисленных легенд и слухов, которые окутывают семейную жизнь Сталина, есть злостная сплетня о том, что он якобы был любовником Ольги Евгеньевны Аллилуевой и поэтому Надежда, будущая жена Кобы, чуть ли не была одновременно его дочерью [\[429\]](#). Сталина, как древнеримских императоров, постоянно преследуют подозрения в грехе инцеста. Но с первой встречи и до весны 1917 года отношения с семейством Аллилуевых действительно были очень дружественные. Аллилуевы много раз встречались с Кобой на Кавказе, а потом, когда он был в Курейке, именно через них Коба, как и многие ссыльные большевики, получал из специального фонда помощи материальную поддержку партии и через них вел переписку с партийными лидерами. Аллилуевы же по возможности одевали его, снабжали лекарствами и деньгами. Еще в Курейке Коба получил хороший костюм, в кармане которого нашел приветственную записку от сестер. Отношения с их матерью Ольгой Евгеньевной действительно сложились теплые и доверительные. Об этом

свидетельствует одно из писем, датированное 25 ноября 1915 года: «Для Ольги Евгеньевны. Очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я, освободясь из ссылки и приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея за все» [\[430\]](#). Просмотрев не одну сотню личных писем и записок Сталина, не могу не отметить, что это довольно редкое письмо по своему искренне благодарственному тону. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, прибыв в марте 1917 года из Ачинска в Петроград, Коба напрямик направился к Аллилуевым на квартиру.

У Аллилуевых было четверо сыновей и две дочери. Самый младший ребенок — Надежда. Когда весной 1917 года у них на квартире появился Сталин, ей было только пятнадцать лет и она училась в частной гимназии. Судьба семьи Аллилуевых была довольно типична для семьи революционера. Они часто переезжали с места на место, главу семейства постоянно арестовывали, сажали и ссылали. Мать тоже была активна. Но в этой активности было нечто особенное. Время от времени она бросала детей и мужа и увлекалась каким-нибудь ярким человеком или уходила с головой в общественную деятельность. Позже стало ясно, что многое в ее поведении связано с импульсивной и не очень здоровой психикой.

Когда Коба появился на квартире Аллилуевых в Петрограде, он застал там только двух сестер. Отец в это время получил хорошую работу и целыми днями пропадал. Мать, бросив все, работала в военном госпитале, братья, повзрослев, разбрелись кто куда. Перед этим две молоденькие девушки скитались то в Москве, то еще где-то у знакомых, так как у отца не было работы, а матери и братьям было не до них. Поэтому, когда темпераментный и веселый «сибиряк» Коба появился у них на квартире, это было воспринято девушками как дар судьбы. Надежда не оставила воспоминаний, ее письма, хранящиеся в архиве Сталина, скорее всего лично им были тщательно отфильтрованы после ее самоубийства. Но ее старшая сестра, «упущенная» занятым войной Сталиным, издала в 1946 году книгу воспоминаний, литературно обработанную Ниной Бам. Книга вышла огромным тиражом — сорок тысяч экземпляров — и в том же самом году, в каком появились посмертные мемуары ее отца. Но в отличие от мемуаров Сергея Аллилуева, санкционированных лично Сталиным (они вошли в список официальной литературы о вожде), ее мемуары вышли без его одобрения. Она, видимо, «загипнотизировала» своей фамилией редакторов издательства «Советский писатель». Узнав о книге, Сталин разъярился. В «Правде» появилась разгромная рецензия будущего академика Федосеева. Анну Сергеевну арестовали, и она просидела в одиночной тюремной камере

почти десять лет. При Хрущеве ее выпустили полусумасшедшей старухой. О ее судьбе и о судьбах других членов семьи Аллилуевых с большим чувством и тактом рассказала Светлана Аллилуева.

Что же так взбесило Сталина в книге Анны Аллилуевой? Скорее всего, не то, что автор мемуаров, не будучи общественной деятельницей и тем более революционеркой, как многие мемуаристы, попыталась героизировать прошлое, преувеличить свою значимость. Это невооруженным глазом видно, даже если бегло просмотреть книжку. Специфический характер автора особенно четко проявлен в дарственной надписи: «Дорогая Светлана, у тебя есть все данные к тому, чтобы продолжать то, что сделал дедушка и что сделала я. Желаю тебе успеха в этом нужном для истории деле. Тебе это будет легче, чем нам. Твоя Аня» [\[431\]](#).

Это про нее Сталин сказал дочери, когда она спросила, за что посадили тетку: «Знала слишком много, болтала слишком много». И действительно, Анна Сергеевна, помимо уже процитированного диалога Сталина и Свердлова о нечистоплотном лукавстве Кобы в Курейке и необычно теплого его письма в адрес Ольги Евгеньевны, выболтала и другие любопытные детали из личной жизни вождя.

В петроградской квартире, в присутствии двух девушек Сталин, что называется, «распустил хвост» и принялся живописать о своих приключениях в Курейке (не обо всех, конечно) и об обстоятельствах своего путешествия в Красноярск. Именно тогда он высказал версию о том, что их загулы по дороге из Курейки были всего лишь прикрытием для нелегальной революционной деятельности и что на фронт его не взяли из-за страха перед его революционным авторитетом, «а потом придрались к руке». Тут же была изложена версия с детской травмой руки. В результате все очень хорошо и логично связалось в рассказе Кобы о своей необычной жизни, а он сам явно произвел большое впечатление на девушек. Коба казался им суровым, мужественным, одиноким и пусть не очень молодым, но овеванным романтикой революционером и борцом.

В рассказе он, конечно, не мог обойти и своего сибирского пристрастия к охоте и рыбной ловле, причем не без элемента бахвальства. «Они звали меня, — рассказывал девушкам Сталин о братьях Перепрыгиных, — Осипом и учили ловить рыбу. Случилось так, что я стал приносить добычи больше, чем они. Тогда замечаю, хозяева мои шепчутся и однажды говорят: “Осип, ты слово знаешь”. Я готов был расхохотаться. Слово! Они выбирали место для ловли и не уходили — все равно, шла рыба или нет. А я иду на ловлю, ищу места: рыба идет — сижу, нет ее — ищу другое место... Это я им и сказал. Кажется, они не поверили. Они думали, что тайна осталась при мне». Коба повествовал о суровой, но прекрасной сибирской природе:

бурных, как океан, реках, бесконечных лесах, ветрах и вековечной зимней тишине под «молчаливым небом севера».

В 1917 году ему уже было 37–38 лет, а он как был, так и остался романтиком, немножко поэтом и в то же время постепенно набиравшим вес партийцем, «революционером-практиком».

Пока Ленин, Троцкий, Зиновьев и другие были в эмиграции, Муранов, Каменев и Сталин, оттеснив более молодых, Шляпникова и Молотова, возглавили петроградскую партийную организацию, редакцию «Правды» и стали претендовать на выработку общепартийной позиции. А эта позиция была достаточно умеренной и «соглашательской». В том смысле соглашательской, что они готовы были идти рука об руку вместе с другими революционными и социалистическими партиями. Самое же главное — начали переговоры о новом объединении с меньшевиками. Для Сталина, как и для большинства грузин социал-демократов, раздор между большевиками и меньшевиками уже давно представлялся результатом личных амбиций лидеров движения, лишь для вида прикрываемых идейными соображениями. Троцкий в ответ на злобные выпады Сталина в период борьбы с «троцкизмом» злорадно процитировал письмо Кобы от 24 января 1911 года из очередной ссылки, которое было перехвачено тифлисской полицией. Это письмо было опубликовано в 1925 году не в меру услужливой местной газетой «Заря Востока». Тогда Сталин писал: «О заграничной “буре в стакане”, конечно, слышали: блоки Ленина — Плеханова, с одной стороны, и Троцкого — Мартова — Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения — тот работай, остальное приложится. Это, по-моему, к лучшему» ^[432]. Подлинность этого письма не вызывает сомнений, хотя в архиве Сталина его следов я не обнаружил.

Совершенно естественно, что Троцкий воспринимал это письмо и другие факты идейных «колебаний» Кобы как доказательства его непоследовательного ленинизма, как тенденцию к «соглашательству» с идейными противниками. В пылу борьбы он забывал свой же очень верный тезис о необходимости свободы слова и творчества в любом политическом движении, тем более в таком радикальном, как российская социал-демократия. Вслед за Сталиным, который сделал своим ударным пунктом борьбы с Троцким его закоренелый «меньшевизм», последний пытался ответить ему тем же. С позиций сегодняшнего дня то, что Коба, так же как Троцкий, а позже Каменев, Зиновьев, Бухарин, был способен критически относиться к самым почитаемым лидерам движения, говорит скорее в его

пользу. В то же время это письмо отражает не только индифферентное отношение грузинских социал-демократов к разногласиям между российскими меньшевиками и большевиками. Оно психологически компенсирует определенную ущербность, которую чувствовали революционеры, непосредственно работающие в России («практики»), по отношению к тем, кто был за границей и главным образом полемизировал в печати, интриговал и тем самым раскалывал движение («теоретики»). Вплоть до конца 20-х годов Сталин постоянно противопоставлял себя-«практика» оппонентам-«теоретикам». В последние предреволюционные годы глухие разногласия между теми, кто действовал на российской арене, проводил годы в тюрьмах и ссылках, и теми, кто в относительной безопасности руководил ими из-за границы, становились все более ощутимее. Современные историки, в том числе и зарубежные, зачарованные большевистской фразеологией и схемами советской партийной историографии, забывают, что в действительности разногласия и борьба внутри Российской социал-демократической партии шли не только и не столько в идейном, сколько в групповом, клановом, поколенческом планах. «Большевики — меньшевики», «старики — молодежь», «практики — теоретики», «эмигранты — россияне» — по этим и подобным им линиям шла борьба за влияние в партии, облакаемая в идейные разногласия. К этому добавлялись вполне естественные личные амбиции лидеров. Поэтому не было ничего странного в том, что представители старшего поколения «практиков» оттеснили «практиков» молодых от руководства большевистской печатью и фактически партией в марте 1917 года. Затем вновь прибывшие из-за границы «теоретики» в лице Ленина и его окружения оттеснили от руководства партией всех молодых и старых «практиков». Так в партии большевиков крутилось колесо внутрипартийной борьбы за лидерство. В любых коллективах борьба за лидерство ведется по одним и тем же схемам. Но и в этой борьбе был для Сталина один пункт, уязвлявший его самолюбие. Невооруженным глазом был виден гораздо более высокий культурный и теоретический уровень партийцев, вернувшихся из эмиграции, хлебнувших там воздуха политической свободы, закончивших знаменитые на весь мир университеты, научившихся мыслить и чувствовать не провинциально. И это был один из тех психологических моментов, который исподволь воспитывал в курейском сидельце чувство зависти и озлобленности. К 1931 году, когда с ленинским эмигрантским «набором» было в основном покончено, Сталин именно это поставил себе в заслугу.

Из интервью с Эмилем Людвигом:

«**Людвиг.** Ленин провел долгие годы за границей, в эмиграции, Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроения народа, но зато мало знали Европу.

Сталин. Ленина из этого сравнения надо исключить. Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью... как Ленин... Всегда, когда я к нему приезжал за границу, — в 1906, 1907, 1912, 1913 годах, я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России.

Тех товарищей, которые оставались в России... гораздо больше в нашей партии и ее руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты. Ведь у нас в партии осталось мало эмигрантов. На 2 миллиона членов партии их наберется 100–200. Из числа 70 членов ЦК едва ли больше 3–4 жили в эмиграции... Пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров, рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной. Я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее» [\[433\]](#). Мне трудно судить о том, что все же полезней для революционера: просиживать в кафе и почитывать литературу на десятке языков или — сидеть годами по деревенским избам, больше общаясь с женской частью трудового народа?

* * *

После приезда Ленина в Петроград Сталин, в отличие от Каменева, не повел открытую борьбу за сохранение своей линии (и лидерства) на объединение меньшевиков и большевиков. Однако он продолжал вести переговоры с членами ВЦИК, а главное, сохранял с ними, в основном с грузинами Чхеидзе и Церетели, личные отношения. Я думаю, что на «примиренческую» позиции толкала Сталина не только политическая ситуация, но и нежелание вновь рисковать жизнью и относительным благополучием ради теоретических построений заграничного вождя.

Поэтому Сталин вместе с Каменевым старались отстраниться от ленинского радикализма и даже придержать его особенно резкие полемические выпады. Ленина все это бесило.

Как известно, Ленин имел совершенно другой взгляд на развитие ситуации в России и на действия большевиков. В своих «Апрельских тезисах» он был радикален и непримирим: курс на социалистическую революцию и никаких политических союзников, кроме Троцкого и его сторонников, то есть «промежуточных» между большевиками и меньшевиками социал-демократов. В этой ситуации Сталин пытался лавировать. Поскольку Ленин был занят политической борьбой, партийной публицистикой и теоретической подготовкой захвата власти, то практическим руководством «Правдой» все более занимался Сталин. И хотя он формально вновь стал придерживаться ленинской позиции по отношению к другим левым партиям, а позже и по отношению к вооруженному восстанию, он, говоря словами Евангелия, был по отношению к нему «не холоден и не горяч».

Большинство современных исследователей считают (как полагал в свое время Троцкий), что по всем животрепещущим вопросам у Сталина между мартом и октябрём 1917 года просто не было своего четко сформулированного мнения. В этом они видят проявление его политической беспринципности и теоретической беспомощности. А откуда, собственно говоря, у Сталина могло быть четко сформулированное мнение по важнейшим теоретическим вопросам исторической эпохи? Вся его интеллектуальная работа в последней четырехлетней ссылке заключалась в чтении старых газет, редких писем и вялых попыток что-то читать из серьезной литературы. Ленин, Троцкий, Зиновьев, Луначарский, Покровский и другие большевики, прибывшие из-за границы, прекрасно ориентировавшиеся в мировой политике и в мировом социалистическом движении, с легкостью вошли в революционную жизнь Петрограда. Сталин же был не просто провинциал, до того считаное число раз побывавший в столице и очень короткое время бывавший за границей, а человек, который после сибирского «медвежьего угла» враз оказался в центре революционных исторических событий. Учитывая это, упрекать его в «двуличии», непонимании ситуации 1917 года или в антиленинской тенденции, в приверженности к политической линии Каменева и т. д. несправедливо, а главное — фактически идти тем же путем, каким шли бывшие революционеры, позже сводившие счеты друг с другом. Однако все серьезные историки, писавшие об этой эпохе, оказались втянутыми в неуместную полемику о том, кто из ленинцев был «большим» большевиком. Я же не вижу причин для того, чтобы упрекать Сталина (как и других

колебавшихся большевиков) в отсутствии четко выраженной политической линии. К тому же Сталин был плохим оратором, поэтому не мог и не хотел выступать перед большими аудиториями, в отличие, скажем, от Троцкого, Ленина, Каменева или Зиновьева. Он был посредственным партийным журналистом, писавшим невыразительные, дежурные статьи. И хотя он в это время постоянно печатался по-русски в центральных большевистских органах, его статьи малоинтересны и эмоционально бледны. Все, в том числе и Троцкий, утверждают, что он был хорошим тактиком и организатором. Но его организаторские способности не шли ни в какое сравнение со способностями того же Троцкого или Свердлова и были очень специфичны — он хорошо умел вести скрытую, закулисную работу. И эти его качества оченьгодились в переговорах с меньшевиками, особенно с грузинами и особенно в то время, когда надо было спасти Ленина после неудач июня 1917 года, когда надо было подготовить для него нелегальную квартиру у Аллилуевых или помочь переправиться в другое тайное убежище. Коба был хороший и надежный конспиратор, и именно за это Ленин его ценил и неизменно поддерживал в первых рядах своей партии. Все это по-человечески сближало его с Лениным, но политически Ильич в тот момент был увлечен Троцким, и только им.

Мне кажется, эта политическая «любовь» Ленина к Троцкому накануне октябрьских событий сыграла не последнюю роль в отчуждении самых близких до того членов его партии. Выступление Каменева и Зиновьева против ленинского плана восстания, полузавуалированная их поддержка Сталиным в «Правде», отражает не только страх перед последствиями в случае неудачи, но в первую очередь их ревность и опасение остаться на вторых-третьих ролях в случае удачи альянса Ленина — Троцкого. Ведь когда в июле 1917 года Троцкий еще только замаячил на большевистском политическом горизонте, именно они, включая Сталина, были самыми решительными сторонниками немедленного захвата государственной власти под прикрытием восстания «вооруженных масс» [\[434\]](#). Но уже к октябрю 1917 года происходит открытый поворот на сто восемьдесят градусов самых надежных, не раз проверенных ближайших сподвижников Ильича — Зиновьева и Каменева, при закулисной поддержке Сталина. Недаром Каменев, направивший по соглашению с Зиновьевым заявление в газету М. Горького «Новая жизнь» с протестом по поводу вынесенного 10 октября решения о вооруженном восстании, писал: «Не только я и Зиновьев, но и ряд **товарищей — практиков** (выделено мной. — *Б.И.*) находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и

революции шагом»... Сталин уже тогда был в негласном союзе с Зиновьевым и Каменевым. Я думаю, не в последнюю очередь благодаря этому союзу «практиков», заключенному еще в 1917 году, Сталин пришел к власти в 1922 году, а затем успешно громил Троцкого.

Ленин знал о неустойчивых настроениях своего протеже-«практика» и поэтому дисциплинировал его важными должностями в партийной иерархии, постепенно превращая в свое доверенное лицо. Позже Ленин, припоминая колебания Сталина, насмешливо называл его «демократом» и «старым фракционером» ^[435]. Двусмысленную политику Сталина накануне Октября Троцкий позже называл «осторожным лавированием».

Таким образом, летом — осенью 1917 года Сталин был на виду, хотя и не стал политическим деятелем первого ряда. Он входил в состав центральных партийных и советских органов, где больше слушал и прислушивался к тому, что говорят другие.

* * *

В 30-х годах, когда Троцкий вплотную приступил к работе над книгой о Сталине, он много страниц посвятил «загадочному» поведению Кобы в октябрьские дни 1917 года. Ни один исследователь жизни и деятельности Сталина не может обойти стороной эту «загадку». Сталин сам «задал» ее, тщательно маскируя предоктябрьский период своей жизни. Загадка же состоит в том, что неясно, где он провел время с 24 на 25 и на 26 октября 1917 года (по старому стилю). Чем он в это время занимался? Вот что по этому поводу пишет Троцкий: «В последнюю неделю перед восстанием Сталин явно маневрировал между Лениным, Троцким и Свердловым, с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым — с другой. Редакционное заявление 20 октября, бравшее под защиту противников восстания от ударов Ленина, именно у Сталина не могло быть случайным: в вопросах внутрипартийного маневрирования его мастерство является неоспоримым. Как в апреле, после приезда Ленина, Сталин осторожно выдвинул вперед Каменева, а сам молча выжидал в стороне, прежде чем заново ангажироваться, так теперь, накануне переворота, он явно готовил себе, на случай возможной неудачи, отступление по линии Зиновьева — Каменева. Сталин доходит по этому пути до грани, за которой открывается разрыв с большинством ЦК. Эта перспектива пугает его. Вследствие этого Сталин спешит восстановить полуразрушенный мост к левому крылу ЦК. Застраховав себя слева, Сталин в последнюю минуту отходит в тень: он выжидает. Все новейшие историки, начиная с Ярославского, тщательно

обходят тот факт, что Сталин не присутствовал в Смольном на заседании ЦК 24-го и не взял на себя никакой функции в организации восстания! Между тем этот факт, неоспоримо установленный документами, как нельзя лучше характеризует политическую личность Сталина и его приемы» [\[436\]](#). «Сталин в Смольном вообще не показывался», — подводил итоги Троцкий [\[437\]](#). Он прав, не было Сталина в эти дни и в редакции «Рабочего пути». Его подписи нет на документах Петроградского ВРК и других документах тех дней. О нем ни разу не вспоминает Джон Рид, написавший знаменитую репортерскую книгу о революции «Десять дней, которые потрясли мир». Рид посмертно был обвинен в фальсификации, а его книга запрещена. Не упоминают Сталина и другие очевидцы и мемуаристы. Где же он был и чем занимался в эти судьбоносные дни и часы? По моему мнению, он был на квартире сестер Аллилуевых.

* * *

Как и у всех, у него, параллельно внешней, политической жизни, разворачивалась своя личная жизнь, которая осенью 1917 года все больше и больше захлестывала его.

Когда в начале лета отец и сестры Аллилуевы решили перебраться в другую, более обширную квартиру, Коба настоятельно просил, чтобы одну из трех комнат передали ему. Прошло всего лишь несколько месяцев, как Коба покинул Лидию Перепрыгину и ее семейство, но удивительное дело, ситуация во многом напомнила Курейку. Как и в Курейке, теперь он приходил одновременно и к молодым людям и к себе домой. Приходил поздно вечером или даже ночью, причем не только по причине бурных революционных событий, но и по своей старинной житейской привычке. Даже если девушки спали, он их тормошил: «Неужели спите? — слышался голос Сталина. — Поднимайтесь! Эй вы, сони! Я тарани принес, хлеба»... «Мы вскакивали, — вспоминает Анна Аллилуева, — и, накинув платья, бежали в кухню готовить чай». Часто, чтобы не будить родителей, рассказывала она, «мы собирались в комнате Иосифа» [\[438\]](#). И тогда он вновь повествовал о Сибири и Курейке, о собаке Тишке, о том, как уважительно относились к нему остяки и с каким удовольствием сосали его остывшую трубку. Он красочно рассказывал о том, как вместе они ужинали сырой мороженой рыбой, а Тишка получал рыбью голову, или о том, как он однажды заблудился в пургу на Енисее и чудом вышел к домам, и вновь — о природе, тишине, морозах, но, конечно, ни слова о Лидии Перепрыгиной. А ведь не прошло и полгода, как он оставил ее и ребенка в такой бесконечно

далекой теперь Курейке. Не прошло и полгода, как у него завязался новый и, похоже, очень бурный роман с молоденькой недоучившейся гимназисткой. И это в самый разгар октябрьских событий. Он был старше Надежды на двадцать три года. Похоже, он ничего не мог с собой поделать, его вновь неодолимо тянуло к почти детской юности и женской невинности. Наверняка хотелось после стольких лет мытарств по чужим углам, тюрьмам и конспиративным квартирам семейного тепла и стабильности.

Судя по фотографиям и воспоминаниям, девушка — не красавица, но была миловидна. Судя же по гимназически прилежным письмам, которые она писала ему уже в более зрелые годы, Надежда Сергеевна была наблюдательным человеком, но особыми талантами не отличалась. Она родилась на Кавказе, в Грузии, там же провела детство, и поэтому многие местные обычаи и традиции ей были знакомы. И хотя она была русской, в ее облике чувствовался восточный налет. Троцкий считал, что ее мать была грузинка. Русская и польская аристократия XIX века в таких случаях традиционно создавала легенды о роковых связях своих предков с цыганами и цыганками. Похожий «цыганский» миф существовал и в семье Аллилуевых.

Без сомнения, и Надежда была сильно увлечена немолодым, грубоватым, но неординарным кавказцем. К тому же он становился все более заметным политическим деятелем. Возможно, по этой причине отец, в отличие от матери, не возражал против их связи и даже против того, что в сентябре 1917 года Надежда фактически бросила гимназию. После революции и переезда правительства в Москву она стала работать в качестве секретаря Сталина в Наркомнаце, ездила с ним в Царицын, одно время работала в секретариате у Ленина. В 1919 году, когда ей исполнилось 18 лет, они оформили свои отношения. Затем она рожала детей, училась, а главное — была официальной женой могущественнейшего человека эпохи. Судя по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, Молотова и других, по мере того как она старела, Сталин терял к ней интерес и почти наверняка изменял. К тому же у нее был ранний климакс, она страдала приливами крови и головными болями ^[439]. Многие ли здоровые мужчины способны удержаться от искушения, тем более если власть и, казалось бы, безграничные возможности сами по себе, без мужских ухищрений, соблазняли приближающихся женщин?

Надежда Аллилуева и Софья Андреевна толстая

О смерти Надежды Аллилуевой написана масса литературы. Существуют десятки версий ее гибели, в том числе и та, согласно которой, случайно или намеренно, сам Сталин ее и застрелил. Разумеется, почти каждый человек в состоянии аффекта может перейти незримую черту. И

страстный венецианец Отелло, прежде чем убить жену, был вполне добропорядочным гражданином республики. Беспрецедентная жестокость созданных сталинским режимом фабрик рабства и смерти, иезуитская «игровая» технология сталинских судилищ как бы усиливают подозрения в причастности вождя к смерти жены. К этим подозрениям подталкивает и особое пристрастие Сталина к образу Ивана Грозного, с легкостью поменявшего в стране строгого православия с десятком официальных жен. К тому же, по воспоминаниям дочери, Сталина всю жизнь мучило чувство вины за смерть жены. Похоже, что это чувство действительно его мучило. Однако оно было связано не с тем, что Сталин якобы собственноручно застрелил супругу, а с тем, что он не предугадал возможности ее самоубийства. В то же время его сводило с ума то, что она посмела покончить жизнь самоубийством, то есть ее своеволие. Внутренне приняв на себя некоторые атрибуты бога, он, как бывший семинарист, отлично знал, что самоубийство есть смертный грех, бунт против Него, дарующего жизнь. Самоубийца не только бунтует. Нередко он стремится своей смертью «наказать» или бросить тень на того, кто мог стать причиной рокового шага. Поэтому тени почти всех крупных политических деятелей, покончивших жизнь самоубийством (например, Томский, Гамарник и др.), Сталин продолжал преследовать и после их смерти. Их злой, для него, дух вместе с ними окончательно не умирал. Но там была понятна причина самоубийства — страх перед ним, Сталиным, страх перед пытками, в том числе и пыткой-судилищем. Этот страх он перетолковывал для себя и окружающих в страх разоблачения их предательства. Но жена? По какой причине она покончила с собой? За что она хотела его наказать? У меня есть косвенные доказательства того, что он долгое время настойчиво искал ответ на эти вопросы, причем исключал мысль о ее прямой женской или политической измене. Но в ее косвенном, человеческом предательстве он не сомневался, хотя и недоумевал — за что, почему?

* * *

Надежда Аллилуева покончила с собой 8 ноября 1932 года. Через десятки лет дочь пишет об этом событии со слов очевидцев, а Вячеслав Молотов также спустя десятилетия делится своими собственными воспоминаниями. Других достоверных свидетельств сейчас нет.

Это был уже второй случай самострела в сталинской семье. Перед этим покончить с собой пытался Яков, который отделался легким ранением. Яков конфликтовал с мачехой. Говорят, его попытка самоубийства произвела на

Аллилуеву тяжелое впечатление. А Сталин якобы издевательски заметил: «Ха, не попал!» Это саркастическое «Ха!» или грузинское «Хе!» часто встречается на страницах книг с его пометами. Как пишет дочь, все произошло на банкете в честь XV годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй ты, пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «“Я тебе не — Эй!” — и встала, и при всех ушла вон из-за стола» [\[440\]](#). Свидетелями этой сцены была масса сидящих за столом людей. Дочь пишет, что Полина Молотова рассказала ей о том, как она вышла вслед за Аллилуевой во двор Кремля и в течение некоторого времени утешала ее. Но наутро Аллилуеву нашли застрелившейся у себя в спальне. По версии дочери, мотивы самоубийства — идейные разногласия, осознание того, что Сталин оказался морально «не тем» человеком, и... неослабевающая любовь к нему. Эти противоречия и привели к душевному надлому.

Молотов, который всю сцену в Кремле наблюдал сам и с которым жена, без сомнения, делилась впечатлениями от разговора с Аллилуевой, вспоминает о мотивах самоубийства иначе.

«— Причина смерти Аллилуевой, наиболее вероятная — ревность», — то ли спрашивал, то ли констатировал Ф. Чуев.

«— Ревность, конечно, — отвечал Молотов. — По-моему, совсем необоснованная. Парикмахерша была, к которой он ходил бриться. Супруга этим была недовольна, очень ревнивый человек. Как это так, почему? Такая молодая...

У нас была большая компания после 7 ноября 1932 года, на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль.

Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время. На нее все это действовало, что она не могла уж себя держать в руках. С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось.... Про эту парикмахершу.... Почему он вечером так заигрывал.... А было просто так, немножко выпил, шутка. Ничего особенного, но на нее подействовало.

Она очень ревновала его. Цыганская кровь. В ту ночь она застрелилась» [\[441\]](#).

Конечно, она ревновала. Здесь была и парикмахерша, и жена маршала Егорова, и, я думаю, не только они.

Чуев задал Молотову вопрос и о посмертном письме Аллилуевой:

«— В народе упорно говорят о письме, которое она оставила. Говорят, кроме Сталина, только Молотов читал.

— Что она оставила? Первый раз слышу. М-да. Придумают» [\[442\]](#).

На реальности существования предсмертной записки особенно упорно настаивала Светлана Аллилуева. Она пишет, что в первые дни Сталин не находил себе места из-за бешенства, вызванного тем, что мать оставила ему это письмо. «Очевидно, она писала его ночью, — утверждает Светлана Аллилуева. — Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, *но оно было* (выделено Аллилуевой. — Б.И.), об этом говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог подумать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет» [\[443\]](#).

Если кто и видел это письмо кроме Сталина, то это могли быть только экономка К.П. Тиль, первой вошедшая в спальню Надежды, и няня, помогавшая экономке переносить тело с пола на кровать и приводить его в порядок. Затем в спальне появилось слишком много свидетелей, чтобы при них можно было посметь читать какие бы то ни было послания.

Через четыре года после самоубийства Аллилуевой, в 1936 году, была издана книга «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1910» [\[444\]](#). Станный интерес проявил генсек к этому дневнику.

* * *

Это был самый тяжелый для супругов Толстых год, в течение которого Лев Николаевич особенно отдалился от жены и семьи, а затем покинул их, чтобы умереть. В предисловии, написанном сыном, С.Л. Толстым, он вспоминал, что во второй половине 1910 года отношения между супругами осложнились. Причин было много, но некоторые стали определяющими: ревность матери к секретарю Толстого В.Г. Черткову и патологические черты ее характера. «Моя мать была склонна к истерии, — вспоминал С.Л. Толстой, — а с годами она все больше утрачивала свое душевное равновесие; надо предполагать, что этому способствовал и разлад ее с отцом... не проходило дня, когда она не жаловалась бы в своих разговорах и дневниках на бессонницу, невралгические боли в разных частях тела, усталость, раздражение и т. п.... а временами она теряла самообладание, так что в некоторых словах и поступках ее нельзя было признать вменяемой» [\[445\]](#).

Сталин прочитал и предисловие, и дневник, наполненный стенаниями мятущейся, истеричной, но вменяемой души. Однако пометы оставил только

на той части дневника, где была помещена «Предсмертная записка» и следующие за ней поденные записи. Софья Андреевна, мучимая ревностью и одиночеством, всерьез задумалась о самоубийстве и поэтому изложила на письме мотивы и способы осуществления задуманного: «Перед моим воображением проходили все способы самоубийства, — пишет она в «Предсмертной записке», — лучше всего казалось потонуть в волнах моря; не нравилось мне самоубийство на рельсах под вагонами, хотя думала я ехать в Столбовую и там лечь под поезд... думала ехать в Тулу, просить у губернатора разрешения купить пистолет... и застрелиться прямо в висок...»

«Надо написать мужу, недавно ездившему с Чертковым осматривать лечебницу для сумасшедших женщин, что хорошо ли он изучил эту лечебницу, так как Чертков, вероятно, найдет удобным меня туда поместить.... Но нет, я не дамся, у меня есть опий...»

«Я боюсь его (мужа. — Б.И.); боюсь его злых глаз, устремленных на меня за нарушение его радостей; этих глаз, которые теперь всегда смотрят на меня враждебно, а когда-то смотрели безумно страстно...» [\[446\]](#)

Софья Андреевна не покончила с собой ни одним из возможных способов. Но интересен сам ход рассуждений кандидатки на самоубийство и предпочтение, отданное пистолету. Не случайно в следующем за «Предсмертной запиской» тексте Сталин синим карандашом жирно отчеркнул:

...

«Люди! обожающие Льва Николаевича, дети! знайте все, что он меня убил, убил духовно и убьет телесно: что в нем огромный ум, громадный талант, большая впечатлительность, но нет сердца. В молодости еще сильнее в нем была эта чувствительность, впечатлительность, а главное страстность; но все это притупилось. И убитая духовно, бог даст умру и телесно. Дай-то господи! Оглянись на терзающие мое сердце страдания!» [\[447\]](#)

В тексте, отмеченном Сталиным двойными жирными синими линиями, Софья Андреевна бросает упрек, который, возможно, показался ему

знакомым или по предсмертной записке Надежды, или по тем словам, которые она бросала ему в последние дни. Их смысл был выражен фразами: «Он меня убил, убил духовно и убьет телесно», «В нем огромный ум, громадный талант, большая впечатлительность, но нет сердца». Как самый близкий к генсеку человек, Надежда Аллилуева первой почувствовала в нем перемену задолго до рокового дня. Она так же, как и в первые дни знакомства, все еще видела в нем ум, громадную впечатлительность, страстность, но у него исчезло «сердце», то есть умерла душа. Видимо, нечто похожее было в предсмертной записке Аллилуевой, или Сталину почудилось, что она перед самоубийством могла рассуждать так же, как Софья Андреевна. Вот еще фрагменты дневника, отмеченные карандашом вождя:

...

«А мне надо подняться духом, понять, что перед смертью и вечностью так не важны интриги Черткова и мелкая работа Льва Николаевича унижить и убить меня.

Да, если есть бог, ты видишь, господи, мою ненавидящую ложь душу, и мою не умственную, а сердечную любовь к добру и многим людям!»

Возможно, именно здесь ключ — муж ведет «мелкую работу» с тем, чтобы «унизить и убить» жену. Измена супруга воспринимается как акт унижения и как стремление избавиться от нее, нелюбимой.

Сталин отметил:

...

«Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой» [\[448\]](#).

Так писала Софья Андреевна Толстая в дневнике, в котором Сталин искал ответы на вопросы, которые он задавал тени своей несчастной супруги. Но, судя по всему, окончательного ответа он так и не услышал.

«Еврейский» след в биографии вождя

Очень скоро после самоубийства Надежды Аллилуевой за рубежом поползли слухи, что Сталин снова, но тайно женился. Эти слухи проникли на страницы печати, главным образом эмигрантской. Как о вполне достоверном факте, об этом пишет и Александр Бармин, добавив, что женился Сталин на сестре Кагановича [\[449\]](#).

Осведомлена была об этих слухах и Светлана Аллилуева. «Нет ничего более неправдоподобного, — писала она в эмиграции, — чем распространенная на Западе версия о “третьей жене Сталина” — мифической Розе Каганович. Не говоря уже о том, что в семье Кагановича я никогда не встречала никакой “Розы”, предположение, что отца могла увлечь интеллигентная женщина-еврейка (по этой версии — врач), говорит только о полном незнании натуры отца. Для него увлечение подобного рода было просто исключено... Он не проявлял симпатий к агрессивным дамам, делавшим попытки заинтересовать его» [\[450\]](#).

Память о матери, откровенно идеализированной дочерью, всю жизнь тяжело переживавшей ее самоубийство, не позволяет ей допустить мысль о возможной, третьей женитьбе отца. Конечно, она допускала, что и после смерти матери у него могли быть женщины и даже постоянные любовницы, но только не «законная» жена. О Валентине Истоминой, появившейся вскоре после смерти матери, она без малейшего признака ревности вспоминает: «Появились новые лица, в том числе и молоденькая курносая Валечка, рот которой целый день не закрывался от веселого, звонкого смеха. Поработав в Зубалове года три, она была переведена на дачу отца в Кунцево и оставалась там до его смерти, став позже экономкой (или, как было принято говорить, “сестрой-хозяйкой”»)» [\[451\]](#).

Истомина была дородна, опрятна и молчалива [\[452\]](#) — поздний сталинский идеал женской функции. С 34–35 года, то есть восемнадцать лет, она жила рядом со Сталиным. Ни одна женщина не была при нем столь долго, но звания жены офицер НКВД так и не удостоилась.

В отличие от отца, Светлана, как она сама подчеркивает, никогда не была антисемиткой, но оговорка, которую допускает, — отец не терпел «агрессивных дам», невольно выдает расхожий штамп и стереотип. Аллилуева хочет сказать, что отец не мог быть связан с еврейкой, так как они все «агрессивны», то есть навязчивы.

С. Аллилуева, имевшая, по собственному признанию, множество близких друзей-евреев и далеко не платонически, страстно влюбившаяся в 16 лет (как мать!) в последнем классе школы в уже зрелого киносценариста Александра Каплера, родившая своего первого сына Иосифа от законного мужа-еврея, не допускает мысли о том, что и отец мог, оставаясь убежденным антисемитом, быть искренне увлечен просто женщиной, без родо-племенного штампа. Но разве в США убежденные расисты-рабовладельцы (в том числе и евреи) не рожали детей от черных рабынь? И даже случалось смертельно влюблялись в них! «Правая рука» Гитлера и антисемит Йозеф Геббельс был влюблен и был ответно преданно любим молодой еврейкой. Еврейкой была и первая, самая страстная любовь Муссолини, родившая ему дочь. С древнейших времен вся человеческая история говорит о том, что в своих отношениях мужчина и женщина никогда не учитывают ни национальных, ни расовых, ни социальных, ни культурных, ни экономических, ни религиозных, ни нравственных, ни медицинских, ни каких-то иных запретов и ограничений. Точнее — они их учитывают, но только в том смысле, что они их упорно и плодотворно (в подлинном смысле слова) преодолевают. Я не знаю более серьезного аргумента в пользу первичности общечеловеческого космополитизма, основанного на первичности природной биологии. Ни Бог, ни Природа не поставили здесь запретов. Этническая история России, Европы и США — яркая тому иллюстрация. Похоже, что запреты устанавливает человек не без наущения дьявола.

Не смог обойти вопроса о третьей жене Сталина и Ф. Чуев, который задал его и Молотову и членам семьи Кагановича. Он спросил Молотова: «Говорят, что Сталин женился на **дочери** Кагановича?» (выделено мной. — *Б.И.*). Молотов ответил: «Это из белогвардейских газет. Нет, это чушь, конечно, явная чушь...» Тут же Чуев комментирует: «Майя Лазаревна Каганович говорила мне, что это давние сплетни, и дома у них боялись, как бы они не дошли до Сталина. “А я тогда была пионеркой”, — улыбается героиня молвы. Удивительный все-таки у нас народ!» — добавляет Чуев [\[453\]](#). Как мы видели на примере Перепрыгиной и других женщин Сталина, юный возраст избранницы («пионерки») был скорее стимулом, чем служил помехой. К тому же в 1935 году в семье Кагановичей неожиданно появился приемный сын Юрий, а в семье Сталина — юная Истомина. Еще при жизни вождя в сплетнях на эту тему речь шла то о дочери Кагановича, то о его сестре. А сестра у «железного наркома» действительно была, но, родив от законного мужа шестерых детей, она умерла еще в 1926 году.

Об этой истории можно было бы забыть как об очередном домысле, если бы не странная записка, отправленная за день до кончины Сталина на

имя Маленкова. Мало кто знал 4 марта 1953 года, что Сталин доживает последние часы, и поэтому вряд ли кто осмелился бы выступить в роли наглого самозванца. Но именно в этот день на имя Маленкова пришла записка:

«Уважаемый тов. Маленков!

Я дочь Анны Рубинштейн (бывш. жены т. Сталина) ввиду его болезни прошу дать мне возможность его увидеть. Он знает меня с детства.

Р. Свешникова

(Регина Костюковская дев. фамилия)

Мой адрес:...

Если нельзя его увидеть, то прошу Вас меня принять. У меня есть неотложное дело.

4. III. — 53 г.» [\[454\]](#).

Письмо, кажется, осталось тогда без ответа. Дмитрий Волкогонов, написавший обширную биографию Сталина, с легким недоумением процитировал его. Оставим и мы его без комментария, отнеся весь этот сюжет к тем бесчисленным тайнам, которыми так любил окружать себя наш герой. Кто она — Анна Рубинштейн? Какова ее судьба? Как согласовать нараставший с каждым годом антисемитизм Сталина и жену (правда — «бывшую») с откровенно еврейской фамилией? Имеет ли она отношение к семейству Кагановича? Я надеюсь, что эта тайна когда-нибудь раскроется. Лариса Васильева, поэтесса и известная исследовательница многовековой интимной жизни Кремля, не могла не прокомментировать слухи о третьей жене Сталина. «Сплетня о тайной жене Розе Каганович, похоже, распространялась германскими спецслужбами в антиеврейских целях» [\[455\]](#), — считает она. Я думаю, что фашистские и советские спецслужбы действительно к этим слухам причастны. Но для советских спецслужб нелепости служили средством для запутывания следов, попыткой отвести внимание от реального лица, а для немецких — это была политическая игра на антисемитизме.

Но к мотивам сталинского антисемитизма волей-неволей придется не раз возвращаться. Ведь и он никак не мог обойти «еврейский вопрос». Вернее, он был одним из тех государственных деятелей, кто наряду с древнеримским императором Нероном, средневековыми римскими папами, королем Филиппом II Испанским... Гитлером в очередной раз приступил к «окончательному решению еврейского вопроса». Этот «вопрос» занимал значительное место в политических играх, а главное, был одним из краеугольных камней его мировоззрения и историософии.

Сексуальная подоплека «дела Енукидзе»

Вне зависимости от взглядов Сталина на национальные проблемы, отношение к женщине как к реальному сексуальному партнеру и как к резервной части производительных сил его государства мало чем отличалось от обычного российского мужского прагматизма. Конечно, семья как зыбкий островок человеческих отношений частично сглаживала те безумные крайности, которые допускало по отношению к женщине советское государство, заставляя ее физически трудиться часто на более тяжелых и грязных работах, чем мужчин. И все же, как христианско-крестьянская, так и мусульмано-крестьянская традиции выдвигают в женщине на передний план не интеллектуальное, а семейное, то есть сексуально-родовое начало. Другое дело, что свой обычный мужской шовинизм Сталин прикрывал лукавой демагогией. Но это та демагогия, которой в той или иной степени грешит большинство мужчин. Это очень верно подметила С. Аллилуева в своем отце: «Современная мыслящая женщина, отстаивающая свой взгляд на жизнь, казалась ему чем-то противоестественным в *его* доме. Правда, официально он нередко высказывался в пользу женского равноправия, когда надо было поощрить массовый труд. Его изречения — вроде “Женщины в колхозах — большая сила!” — украшали все деревенские клубы. Но дома он высказывался иначе.

Когда Василий сказал ему, что развелся с первой женой из-за того, что “с ней не о чем говорить”, отец расхохотался: “Ишь ты, идейную захотел! Ха! Знали мы таких идейных... селедок, — кожа да кости!” Это было при мне; но вслед за этим отец и сын пустились в непристойную дискуссию, и я ушла», — вспоминала С. Аллилуева. «Отец вообще никогда не проявлял интереса и симпатии к образованным женщинам. Он не выносил гувернанток, которых мама брала в дом. Мама была исключением, потому что ей самой удалось душевно вырасти и развиваться после замужества и превратиться из наивной гимназистки в зрелого, интеллигентного человека; отец этому ничем не содействовал. Уровень его запросов по отношению к женщинам был более упрощенным...

Говоря Василию об “идейных селедках”, отец имел в виду независимых, политически-активных женщин первых лет революции, которые постепенно исчезали в СССР в 30-е годы. Теперь мерой того, что может достигнуть женщина в стране социализма, стали трактористка Паша Ангелина, сборщица свеклы Мария Демченко, сборщица хлопка Мамлакат Нахангова и летчица Валентина Гризодубова» [\[456\]](#).

Можно ли осуждать вождя за то, что он не любил «селедок», а любил женщин с четкими формами? Можно ли его осуждать за то, что он не любил специально подобранных женой непривлекательных гувернанток? Об их внешности сообщает сама же С. Аллилуева. Его можно понять даже в том

случае, если он в действительности не проявил большого восторга по поводу поступления в советский вуз жены, между прочим, не закончившей гимназии. В перспективе он мог получить дипломированную жену при недоучке генсеке. Во многих семьях именно такое «интеллектуальное» неравенство становится причиной раздора. Короче говоря, не только Сталин, но и многие мужчины как в прошлом, так и в настоящем не любили и не любят женщин, демонстрирующих превосходство своего интеллекта. Возможно, эта нелюбовь была унаследована ими еще от праотца Адама, которой был соблазнен Евой, первой вкусившей от древа познания добра и зла и сделавшей тем самым первый роковой шаг, расщепивший сознание на интеллект и чувственную душу? Возможно, с тех пор начался процесс естественного отбора женских особей, поскольку мужчина, напуганный особо пронизательным женским интуитивным умом Евы, теперь чаще выбирает себе не самую интеллектуальную, а самую душевную и сексуальную спутницу. Выдающийся ум редко приносит женщине семейное счастье.

Пожалуй, это единственный случай, когда можно позволить себе шуточный тон по отношению к сексуальным предпочтениям вождя.

* * *

У моего отца была любимая присказка: «У них (вождей) любая ложь на правду похожа». В этой фразе «правда» всей Сталинской эпохи. Даже сейчас очень трудно отделить домыслы, клевету и достоверные факты в судебных делах репрессированных Сталиным людей. Безгрешных людей, как известно, нет и быть не может, тем более среди тех, кто властвует. Другое дело, каков характер этих грехов. Троцкий как о достоверном факте писал, что Сталин собирал в своем личном архиве досье с компроматом на каждого крупного партийно-государственного деятеля [\[457\]](#). Потом за ним это же повторяли многочисленные исследователи. В современном архиве Сталина я таких дел не видел, и если они не уничтожены после его смерти, то, скорее всего, до сих пор хранятся в недрах архивов спецслужб или в Архиве Президента РФ. Генрих Ягода в бытность свою наркомом внутренних дел действительно собирал материалы на высших партийных деятелей, инициируя вербовку в качестве информаторов прислуги, шоферов, любовниц. С тех пор это стало устойчивой российской традицией. Когда же его самого арестовали, то при обыске нашли сотни порнографических фотографий, десятки кинофильмов такого же содержания — предметы, которые ныне продаются в секс-шопах. Материалы о сексуальных

похождениях Яна Рудзутака, Авеля Енукидзе, Льва Карахана до сих пор хранятся в закрытых архивах ^[458]. И все же доля истины есть и в том, что Сталин также собирал у себя документы на самых крупных своих врагов. Но делал это после того, как расправлялся с ними. Он явно старался подбирать такую информацию, которая раскрывала бы будущему исследователю, сколь двуличной и гнусной была душонка осужденного врага и сколь нечистоплотен был его моральный облик, чтобы показать, как велико было терпение и великодушие вождя. До сих пор производят неизгладимое впечатление личные письма и прошения на его имя о снисхождении и помиловании приговоренных к смерти большевистских вождей.

Для того чтобы поднять на головокружительную высоту волну репрессий 1937 года, Сталин-«буревестник» начал «раскачивать» ситуацию загодя, с 1934 года. Сейчас не время говорить обо всех обстоятельствах раскачки этой волны, отмечу только, что начал он ее очень энергично.

В мае 1934 года по инициативе Сталина была образована правительственная комиссия для разработки принципиально новых учебников истории СССР. В том же году Сталин лично поручил Берии написать лживую историю о своей дореволюционной деятельности в Закавказье, которая затем была торжественно обнародована летом 1935 года. Но гребень волны «1937 года» начал разбег с убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.) и продолжился арестом и осуждением Зиновьева и Каменева (16 декабря 1934 г.), «Кремлевским делом» (январь — июнь 1935 г.), а затем — дискредитацией одного из самых близких сталинских друзей — Авеля Сафроновича Енукидзе (зима — лето 1935 г.). Как раз к этому времени подоспела и книга Берии.

Авель был всего лишь на год-два старше Сосо, они дружили еще со времен работы в революционных организациях Тифлиса и Баку. Авель был крестным отцом Надежды Аллилуевой, то есть по традиционным понятиям почти родственником, и поэтому со Сталиным он всегда был на «ты». В архиве Сталина действительно есть папка с документами Енукидзе, явно препарированная по распоряжению хозяина. В ней содержатся документы, датированные с 1924 года, согласно которым видно, что ряд членов Политбюро: Зиновьев, Каменев, Троцкий, Цурюпа, Молотов и другие неофициально получали значительные суммы денег на отпуск и лечение. Дело в том, что Енукидзе с 1922 и до середины 1935 года занимал должность секретаря Президиума ЦИК СССР и фактически через него проходили основные блага, которые он распределял с санкции Сталина и своего непосредственного начальника М.И. Калинина, а часто и по своему усмотрению. Как секретарь ЦИКа, он по должности подписывал все, в том

числе самые подлые законодательные постановления, часто просто продиктованные Сталиным. Так, например, было подписано постановление об «упрощении» судопроизводства, принятого после убийства Кирова, после чего перестали соблюдаться даже формальные процедуры. Я не знаю достоверных случаев, когда бы Енукидзе активно сопротивлялся принятию подобных решений. Но роль неофициального защитника гонимых он выполнял исправно. Советские деятели разных калибров и члены их семей знали, что если нужны средства, теплые должности для близких, путевки, а главное — если требуется замолвить слово за репрессированного родственника, то надо обращаться к Авелю. Знали также, что он, одиноко живущий в своей квартире в Кремле, был большой любитель очень молодых женщин и что можно использовать эту его слабость.

Вторая группа архивных документов содержит переписку Сталина и Енукидзе. Особо доверенных лиц (на то время, пока они оставались таковыми): свою жену, Молотова, Бухарина, Рыкова, Кагановича, Енукидзе и других — Сталин просил писать во время своего отсутствия в Москве или во время их поездок по стране, требуя, чтобы они нелицеприятно сообщали обо всем виденном или слышанном. Среди такого рода писем Авеля Сталину находятся трогательные записки Кобы, заботящегося о здоровье и своевременном отдыхе друга и родственника.

Третья группа документов содержит завязку «дела Енукидзе»: его брошюру «Большевистские нелегальные типографии», вышедшую в начале декабря 1934 года с провокационными пометами Мехлиса и Сталина и объяснительная записка автора брошюры. Дело явно оформлено таким образом, чтобы доказать потомкам, что Енукидзе, находясь у государственной кормушки, симпатизировал врагам, что доверчивый вождь заботился о здоровье и отдыхе друга и во всем ему доверял и что негодяй Авель сознательно фальсифицировал историю большевиков Закавказья, с тем чтобы принизить роль Сталина и преувеличить свою. Как видим, Сталин предугадывал моральные оценки «дела Енукидзе» будущими историками и с помощью специально подобранных архивных документов пытался посмертно опорочить бывшего друга и обелить себя. С 1940 года, после окончательного уничтожения деятелей революции и Гражданской войны, Сталин почти перестал прибегать к «архивным инсценировкам». Подобная «инсценировка» означает, что ни один документ в деле не является подложным, все подлинное, но зато они так подобраны, что в целом создают лживую картину.

Возня вокруг истории большевизма в Закавказье, в которой ключевую роль сыграл Лаврентий Берия, была важным, но лишь одним слоем в «деле Енукидзе». Вторым слоем была его связь с «врагами народа», то, что он

оказывал содействие их молодым родственницам и якобы им самим и даже участвовал «в заговоре» против Сталина. Последнее тем более примечательно, что Енукидзе никогда ни в одной оппозиции не участвовал. Именно за «связь» с «врагами народа» он и был на скорую руку расстрелян в 1937 году.

В марте 1935 года, когда всюду закрутилось его «дело», был распространен проект сообщения Политбюро ЦК, которое выработали Сталин, Молотов, Каганович и Ежов. Последние трое — наиболее доверенные люди Сталина и самые беспринципные негодяи. Главный упор в сообщении делалось на то, что при попустительстве Енукидзе в аппарате ЦИК окопалась контрреволюционная молодежь из бывших княгинь, дворянок, детей белогвардейцев и других враждебных групп. Многих из них, говорилось в проекте, «тов. Енукидзе лично принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал» [\[459\]](#). Сталин сделал все, чтобы содержание этого письма стало широко известно не только членам Политбюро, но и кандидатам в члены Политбюро, особенно М. Горькому и, судя по всему, еще более широкому кругу людей. Ответное письмо Горького, гневно осуждающее Енукидзе и поддерживающее Сталина, было распространено по инициативе последнего среди партийной верхушки [\[460\]](#). Наряду с этим письмом Сталин сам содействовал распространению слухов о сексуальных увлечениях недавнего близкого друга. Если по поводу обвинений в искажении истории большевистских организаций Закавказья Енукидзе в январе 1935 года сначала пытался сопротивляться, то против обвинений в моральном разложении выступить не посмел. Уже 22 марта 1935 года, то есть на следующий день после появления «проекта сообщения», Енукидзе направил письмо в Политбюро, в котором признал правильность критики в свой адрес. Но слухи продолжали шириться, и особенно после доклада Ежова на июньском пленуме ЦК. В этих «слухах» была масса пикантных подробностей, о которых даже Ежов «скромно» умолчал. Но о них 28 июня 1935 года написала в своем дневнике Мария Анисимовна Сванидзе (жена А.С. Сванидзе — брата первой жены Сталина): «Потом (Сталин. — *Б.И.*) спросил меня — “Довольна ли я, что Авель понес наказание” и улыбнулся — он знал, как я его презирала всеми фибрами души за его разложение личное, за его желание разлагать всех вокруг себя.

Я сказала то, что думала. Сказала, что я не верила в то, что наше государство правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд (кроме Ц.К., конечно, где всегда все правильно оценивалось), а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали, нравов и быта. Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на н{аш} быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам

развратен и сластолюбив — он смрадил все вокруг себя — и ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, не достижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом, — будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и, наконец, докатился до девочек 9—11 лет, развращая их воображение, растлеывая их, если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым признакам, нравившимся Авелю. Чтобы оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем — шел широко, навстречу мужу, бросавшему семью, детей или просто сводил мужа с ненужной ему балериной, машинисткой и пр. Чтобы не быть слишком на виду у партии, окружал себя беспартийными (аппарат, секретарши, друзья и знакомые из театрального мира). Под видом “доброты” благодетельствовал только тех, которые ему импонировали чувственно прямо или косвенно. Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков — стоило ему поставить интересную девочку или женщину и все можно было около его носа разделять» [\[461\]](#).

Из этой гневной филиппики видно, что слухи о сутенерской роли Авеля Енукидзе широко циркулировали по Москве задолго до начала его «дела». Кстати, об этом хорошо был осведомлен и Троцкий, который хоть и находился за границей, но, как он говорил, через сеть «сообщающихся сосудов» владел достоверной информацией. Правда, он считал, что не мораль является истинной причиной падения Енукидзе, а тайное сочувствие бывшим членам оппозиции. Он ошибался, просто-напросто Енукидзе непростительно много знал личного о вожде, и о его прошлом, и о его настоящем. И в прошлом, и в настоящем он ему теперь мешал одним лишь фактом своего присутствия.

Когда Авеля расстреляли, Троцкий написал хорошую статью, посвященную его памяти: «Газетная травля против Енукидзе совершенно неожиданно началась вскоре после процесса Зиновьева — Каменева в 1935 году. Его обвинили в связи с врагами народа и в бытовом разложении. Что значит “связь с врагами народа”? Весьма вероятно, что Енукидзе, человек доброй души, пытался прийти на помощь семьям расстрелянных большевиков. “Бытовое разложение” означает стремление к личному

комфарту, преувеличенные расходы, женщины и пр. И в этом могла быть доля истины» [\[462\]](#).

Как я уже говорил, Сталин виртуозно умел перемешивать правду и ложь, раздувать менее значимые и скрывать истинные причины гонений. И в этом случае причины гонений на Авеля состояли не только в том, что он действительно был неудобен как высокопоставленный советский чиновник, обросший многочисленными связями. И не только в том, что он мешал начать широкомасштабную фальсификацию истории, и тем более не в том, что он действительно помогал родственникам гонимых. Это, без сомнения, делалось открыто и с согласия Кобы, а не за его спиной. Убежден, что помимо этого и Абель и Коба в свое время по-мужски сошлись на любви к юным, скорее даже — чересчур юным особам. Теперь, когда мы проследили некую тенденцию в интимной жизни Сталина, нетрудно поверить в то, что Абель поставлял девочек не только безымянным «нужным людям», но и другу молодости — Кобе.

Когда Сталин бесстрашно и безошибочно ударил Енукидзе за вполне очевидные для всех признаки «бытового и морального» разложения, он тем самым не только убрал важнейшего свидетеля, но и обезопасил себя от возможных разоблачений с его стороны. И совсем не случайно именно в том же 1935 году среди обслуги вождя появляется Валентина Истомина. Для всех становится очевидным, что он приличным образом навсегда обустроил свою интимную жизнь. Однако слухи о том, что Сталин втихомолку постоянно заводил интрижки то с артистками театров, то с танцовщицами из кордебалета, продолжают циркулировать и в наше время. Но о том, что он был склонен к педофилии, знали, возможно, только Енукидзе и Каганович. Один за свое знание «по совокупности» поплатился жизнью и честью, другой был вознагражден смертью в собственной постели и в преклонном возрасте.

* * *

Среди тех эпохальных достижений, которые Сталин ставил себе в заслугу, было «решение» в СССР женского вопроса. Вновь откроем второе издание «Краткой биографии» вождя, в которой его заслугам в решении женского вопроса уделяется почти такое же внимание, как заслугам генералиссимуса в годы войны. «Большой заслугой Сталина нужно считать тот факт, — говорится там, — что в этот период, в период первого разворота индустриализации, когда нужно было мобилизовать все трудовые силы народа для решения великих задач, он поставил во весь рост женский

вопрос, вопрос о положении женщин, работниц и крестьянок в хозяйственной и общественно-политической жизни общества и, подняв его на должную высоту, дал ему правильное решение» ^[463]. Далее авторы процитировали две статьи вождя, вошедшие в его собрание сочинений. В одной из них, впервые опубликованной в «Правде» 8 марта 1925 года, то есть к Международному женскому дню, начинающий вождь вдавался в своеобразный исторический экскурс: «Ни одно великое движение угнетенных не обходилось в истории человечества без участия трудящихся женщин. Трудящиеся женщины, самые угнетенные из всех угнетенных, никогда не оставались и не могли оставаться в стороне от большой дороги освободительного движения. Освободительное движение рабов выдвинуло, как известно, сотни и тысячи великих мучениц и героинь. В рядах борцов за освобождение крепостных стояли десятки тысяч женщин-тружениц. Неудивительно, что революционное движение рабочего класса, самое мощное из всех освободительных движений угнетенных масс, привлекло под свое знамя миллионы трудящихся женщин». Из этого приветствия видно, что Сталин, как и большинство политиков-мужчин того времени, рассматривал женщин в качестве «вспомогательной» силы рабочего класса. Иначе говоря, рабочий класс для него — это исключительно пролетарии-мужчины. Впрочем, в этом же приветствии он сам так и заявил: «Трудящиеся женщины, работницы и крестьянки, являются величайшим резервом рабочего класса». В те годы Сталин ставил задачу: «Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок, действующую бок о бок с великой армией пролетариата...» ^[464] К началу коллективизации женская часть «армии», видимо, уже была выкована. На Первом съезде колхозников-ударников Сталин по-простонародному, «по-мужицки» поставил перед съездом и сам тут же окончательно решил женский вопрос. «Женский вопрос в колхозах большой вопрос, товарищи, — по “учительски” приподняв указательный палец, заявил “великий друг детей и женщин”. — Я знаю, что многие из вас недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними. Но это ошибка, товарищи, серьезная ошибка... Женщины в колхозах — большая сила. Держать эту силу под спудом значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело... они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхоза — неравенство, в колхозах — равенство прав. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы, и пусть они берегут колхозный строй как зеницу ока» ^[465].

Грудастые передовые доярки, дородные ударницы свекловичных и пшеничных полей не только заполнили экраны кинотеатров, не только «взобрались» на бетонные постаменты, держа в руках целые снопы колосьев, но и периодически приглашались на правительственные приемы к «самому», в Кремль. На одном из них вождь позволил себе слегка, по-мужски пококетничать. «Мне вот 56 лет, — сказал он, — уже видал виды, видал достаточно трудящихся мужчин и женщин. Но таких женщин я не встречал... Только свободный труд, только колхозный труд мог породить героинь труда в деревне». Далее он чуть ли не буквально воспроизвел мнение Мальвы, героини одноименного рассказа Горького, о рабской женской доле в дореволюционной деревне, противопоставив эту долю жизни в советском колхозе. «Только колхозная жизнь могла сделать труд делом почета, только она могла породить настоящих героинь-женщин в деревне. Только колхозная жизнь могла уничтожить неравенство и поставить женщину на ноги. Это вы сами хорошо знаете. Колхоз ввел трудодень. А что такое трудодень? Перед трудоднем все равны — и мужчины, и женщины. Кто больше трудодней выработал, тот больше и заработал... Вот это и значит освобождение женщины-крестьянки...» [\[466\]](#)

Как известно, в колхозах женщина действительно стала основной тягловой силой. Одна из моих родственниц всю жизнь проработала в сталинском колхозе. Труд от зари до зари, «палочки» в трудовом табеле вместо продуктов и денег, дополнительный труд на подсобном участке, чтобы дети не умерли от голода.

Раздел 2. Потаенные «диалоги» Сталина с классиками художественной литературы

Глава 1. «Под розой», или художественная литература в зеркале сталинской сексуальности и философии жизни

Наедине с собой, или сексуальность воображения

Для древних историков и аналитиков, от библейских пророков до античных и средневековых хронистов, роль сексуальности в движении исторического человечества не была тайной и не требовала ни особой аргументации, ни особой доказательности. Более чем за полторы тысячи лет до Шекспира и за более чем две тысячи лет до Фрейда история любви Антония и Клеопатры, любовной ненависти Нерона и его матери, страстных отношений Калигулы и его сестер и т. д. были объектами пристального изучения именно историков, и не только с точки зрения морализующего и нравственного, но и с точки зрения политики и государственного управления. Для их читателей любовные увлечения древних царей и цариц, сексуальные пристрастия императоров, их фаворитов и фавориток вполне очевидно определяли причудливость зигзагов истории царств и королевств, а значит, и их подданных. Эта очевидность для древних исследователей и читателей в Новое время, и в особенности в XIX веке, сыграла скверную штуку с европейской исторической наукой. Увлекаясь изучением мощных социальных сил, казалось бы, только и определяющих движение человеческого общества, то есть историей экономики, внутренней и внешней политики, историей войн, духовной и материальной культуры, профессионалы стали откровенно пренебрегать изучением истории тайных и явных человеческих страстей как чем-то случайным и даже предосудительным, а главное, якобы не имеющим существенного исторического значения. Тогда же историческая наука оставила обширную область человеческой сексуальности медицине и психоанализу. Фрейд со своих позиций попытался вернуть проблемы сексуальности в параллельное с историческим русло, написав небольшие эссе о Леонардо да Винчи, Достоевском и других известных людях. Это было смелое, яркое, пусть и двойственное с точки зрения трактовки исторических фактов раскрытие проблемы. С тех пор, вплоть до наших дней, многочисленные попытки психоаналитиков вторгаться в историю, в объяснение ее через личность государственного деятеля и его интимную биографию кажутся мне заранее заданными, клишированными психоаналитическим инструментарием, и чаще всего малоубедительными. Даже работы выдающихся

психоаналитиков, содержащие интереснейшие наблюдения, такие как книга Э. Фромма о Гитлере или Д. Ранкур-Лаферриера о Сталине, оставляют ощущение искусственного приспособления легко объяснимых с точки зрения житейского быта или исторической науки фактов к хлипким конструкциям стандартного психоанализа ^[467]. В качестве примера сошлюсь на одну из глав книги Ранкур-Лаферриера, в которой развернуто целое психоаналитическое действо на основании того лишь, что Сталин предпочитал носить сапоги и вообще особое внимание уделял своим ногам. Мы находим здесь все мыслимые ассоциации, возникающие у автора: и битье ногами в сапогах сына (?), и простонародное выражение: «грузин-гуталинщик»(?), и «Сталин, конечно же, никому не собирался позволять *наступать* на себя»(?), и т. п. И хотя Сталин действительно до войны чаще носил сапоги, но при анализе этой знаковой привычки вождя предпочтение лучше все же отдавать более простым объяснениям. Как я уже писал, сталинское пристрастие к сапогам связано, с одной стороны, с модой эпохи военных диктаторов и диктатур. Начиная с Наполеона I в начале XIX и до середины XX века ботфорты или сапоги как часть военизированной одежды носили очень многие авторитарные политические деятели. Аналоги военизированной одежды и ее деталей носили и в древности, и в Средние века, и позже. Диктаторская власть всегда демонстрировала силу, а сила — это армия, а военная форма — ее знак. С другой же стороны, повышенное внимание Сталина к ногам связано было с патологией, но не психического, а физиологического характера, что, конечно, взаимосвязано, но не так уж прямолинейно. Можно вспомнить и другие факты, когда какие-то случайно проговариваемые слова исторического героя, его нелогичные, с точки зрения исследователя, действия, нестандартные привычки и т. д. трактуются как ребусы, якобы скрывающие психическую патологию. Однако чем более искусно составлен психологический ребус, тем более широкий простор он дает для прямо противоположных толкований и прочтений. Пока же психоанализ в существующем виде, возбуждая интерес постановкой проблем, не приносит подлинного удовлетворения при решении задач исторического исследования. А между тем состояние исторических источников, особенно Нового и Новейшего времени, часто позволяет проникать в глубину сознания изучаемого субъекта, не покидая твердую почву факта, прямого свидетельства и их непосредственной интерпретации. Так что наука история имеет все основания вновь претендовать на свой аспект в раскрытии сексуальности, этой чувствительной точки человеческой души, на изучение ее тайного и явного влияния на историю общества.

Уже в предыдущих разделах книги я затрагивал отдельные аспекты сталинской сексуальности. Но они рассматривались там в контексте его

внешней биографии, то есть в контексте публичности, в контексте его взаимоотношений главным образом с близкими женщинами. Рисунок повешенного за половые органы Брюханова, а тем более перипетии любовных связей Сталина с незрелыми женщинами раскрывают сексуальные пристрастия и предпочтения, говорят о том, какое большое значение занимало в его философии жизни сексуальное господство и особенно женщина — это реально овладеваемое и подчиняемое внешнее существо. Но внешняя, видимая для другого, даже для очень близкого человека, жизнь никогда симметрично не отражает скрытые физиологические, интеллектуальные и душевные процессы. А ведь к женщине тяготеет не только тело, чувственность души и разума. Еще в большей степени мужчина тяготеет к женщине с помощью воображаемого, через сексуальный образ, то есть неконкретно телесное. Впервые этот вождь образ даже примитивно абстрактен. Каменные «венеры» — символический концентрат женских детородных органов неолитической эпохи — прямо говорят об этом. Но речь идет не только об изображении, будь то в скульптуре, на полотне или на фото— и киноплёнке. Как известно, в высокой поэзии и прозе, столь насыщенных соблазнительными намеками, эротического напряжения не меньше, чем в самых знаменитых порнофильмах нашего времени. Развитое воображение, подстегиваемое мощным словом мастера, предположим литературы, рождает приливы чувственности и сексуальной медитации не менее мощные, чем реальные контуры тела, его запахи и ландшафт. Известно, что эротическое воображение дает мощные импульсы развития всем другим видам воображения, без которых не может быть самого творчества.

У нас есть небольшая возможность поучаствовать в сталинских эротических медитациях, перелистывая вслед за ним страницы признанных мастеров мировой литературы. И это несмотря на то, что он четырежды начертил карандашом на обложке книги Анатоля Франса запрещающий символ: «Sub rosa».

* * *

«Sub rosa» — именно так, латинскими буквами, Сталин четыре раза написал на обложке издания, на котором действительно был изображен бутон распутившейся розы. В буквальном переводе это старинное французское выражение означает: «под розой». Такое название Франс хотел дать циклу диалогов, написанных в духе античности: о Боге, Природе, Метафизике, Войне, Стыдливости, Церкви, Старости и других. Цикл был

задуман в самом конце Первой мировой войны. После смерти писателя разрозненные тексты и собранные писателем цитаты были изданы с комментариями отдельной книгой во Франции, а затем и в СССР. У нас она вышла под названием: «Последние страницы. Диалоги под розой». Афористическая проза Франса произвела на Сталина глубокое впечатление. О его серьезнейших размышлениях и эмоциях по поводу раздумий Франса о Боге я уже писал. Однако Сталин был увлечен и другими его мыслями настолько, что, перечитывая предисловие французского издателя, из которого он узнал, что автор не успел дополнить книгу еще двумя диалогами о Любви и Смерти, сокрушенно заметил: *«Жаль, что не успел!». »* [\[468\]](#)

Откуда взялось такое маньеристское, избыточно-изысканное для современного читателя название книги? Французский издатель объяснил его происхождение, процитировав один из словарей XVIII века, в котором было сказано, что «...роза была эмблемой тайны и скромности и что в Средние века дамы, отличавшиеся при жизни скромностью, изображались на надгробиях с розой в руке».

«Тайна» была естественной средой жизни Сталина. Она окутывала все, что было связано с ним, с людьми его окружавшими, с его страной. Она была обязательной частью государственной, партийной деятельности и, конечно, семейной жизни. Никто не смел проникать в его истинные политические замыслы, а тем более знать их конечные цели. Они были сугубо засекречены. Поэтому, когда истинные цели наконец становились ясными для окружающих, это производило ошеломляющее впечатление. В такие моменты пропаганда и молва в очередной раз приписывала ему дар прозорливца и пророка.

Но если публичная власть, не только авторитарная, но и самая либеральная и демократичная, вынужденно, хотя бы до времени, окружает некоторые свои действия завесой тайны, поскольку они, став общеизвестными, могут потерять всякий смысл, то внутренняя жизнь любого человека, произвольно и бесконтрольно прорывающаяся наружу, тем более нуждается в сокрытии, то есть в самозащите. Конечно, закрытый пласт душевной и интеллектуальной жизни простирается гораздо дальше чистой сексуальности. Значительнейшая часть несексуальных эмоций и переживаний, интеллектуальных игр протекает также очень скрытно и вне общения, то есть наедине с собой. Именно там, то есть в переживании бытия наедине с собой, в этом скрытом пласте формируется индивидуальная философия жизни. Причем эту тайную жизнь никак нельзя считать только отражением жизни фрейдистского подсознания, то есть игрой бессознательного. Философия жизни — тайна, но тайна хорошо

осознаваемая. Она есть плод диалога с самим собой, который неизвестно, когда и как начинается, как протекает и когда заканчивается.

Реабилитируем в своих правах внутренний диалог с самим собой как с воображаемым другим, как инструмент, вырабатывающий философию жизни. «Другой» — это отражение тебя самого во всем том, что тебя же составляет и окружает. По существу, это акт волевого принуждения к диалогу любого избранного для этого объекта. К подобного рода диалогу принуждается все: проходящий вдалеке путник, морской пейзаж, звучащая мелодия, читаемый текст, отдельные персонажи повествования, действие на экране телевизора... Внутренний мир человека — это во многом мир внутренней речи. Бинтуя свой порезанный палец, мы «беседуем» с ним, а он в свою очередь «отвечает» нам нашим же эмоциональным голосом боли, рациональным рассуждением о процессе лечения и физиологически согласно участвуя в действиях всего тела.

Взрослый человек находится в постоянной готовности к диалогу внутри себя, но как бы «с другим», тем более если затрагивается область сексуального. В этом случае образ «другого» в душе мужчины (в стандартной ситуации) — это образ женский. С этой точки зрения Сталин, без сомнения, был традиционно ориентированный, гетерогенный мужчина. Его явно привлекали литературные и художественные сцены, в которых женщина играла объектную сексуальную роль.

Вид реального обнаженного тела или его изображения на картине, его движения на экране, его словесное описание создает во внутреннем диалоге с ним эмоционально напряженный и часто вожденный образ «про запас». Этот «запас» (женских или мужских) образов постоянно возбуждает и подпитывает сексуальную жизнь любого человека. Недаром в XVIII — XIX веках большинство классиков мировой литературы захватила мечта о рациональном воспитании «высоких» и «нравственных», то есть «правильных» и «здоровых», чувств с помощью реалистических или натуралистических литературных видений и ярчайших сексуальных образов. Но сама идея воспитания чувств, идея изгнания одних образов и культивирования других была реализована человечеством гораздо раньше того, чем она была поставлена крупнейшими писателями и художниками нашего времени. Великие аскеты древности, библейского и в особенности христианского мира (и не только они) умели воспитывать себя (и других) через подавление и вытеснение сексуальных образов (искушений, дьявольских соблазнов) и культивирование в себе образов, как они считали, нравственных и благодатных. В молодости Сталин изучал историю церкви и деяния ее подвижников. Но в своей жизненной практике, в борьбе с самим собой он, как и многие, оказался неспособным следовать их строгим путем.

Так образовался разрыв между семинарским воспитанием, его психологическими установками и той жизнью, которой, как мы помним, жил молодой революционер, а потом вождь. Как и у многих, этот разрыв между воспитанием и реальностью порождал ханжество. Оно было неотъемлемой частью его философии жизни.

До сих пор остается глубочайшей тайной внутренняя образно-сексуальная, эмоционально-эротическая жизнь вождя «всех времен и народов». Сталин скрывал ее от других точно так же, как скрывает ее большинство людей. Но, в отличие от основной массы, он, став главой государства, тщательно маскировал ее под аскезу. На протяжении всей публичной жизни Генерального секретаря всеми средствами пропаганды подчеркивалась его особо аскетическая скромность с претензией на жертвенность во имя марксистско-ленинских идей, благосостояния советского народа и могущества социалистического государства. В сознание масс упорно вдвигался образ Сталина как уникального вождя-аскета, почти нищенствующего (вспомним его поношенную одежду), почти монаха, бдящего ночами в кремлевской «келье» (кабинете) «о мире во всем мире». Но в то же время этот «аскет» почему-то с явным удовольствием фиксировал «на память» и всячески поощрял, когда окружавшие его люди, «соратники», эти потенциальные враги, позволяли себе сексуальные вольности, заводили любовниц, бросали старых жен. Конечно, любой ханжа втайне обожает «клубничку». Но здесь все проще — ведь в сексуальных пристрастиях и тайнах кроются самые чувствительные, стыдные слабости любого человека. Поэтому-то каждый скрывает свои истинные помыслы на сей счет, маскирует соблазнительные образы и видения не только от других, но даже как бы и от самого себя.

После угрозы смертью и мучениями близких именно сексуальные тайны позволяли успешнее всего манипулировать советским человеком и дискредитировать его. Не случайно при Сталине в СССР, в соответствии с библейской доктриной, все сексуальные отклонения были объявлены преступными и преследовались в уголовном порядке. На всех крупных политических процессах подсудимым обязательно предъявлялись обвинения в половой распущенности, особой похотливости, а то и в мерзких половых преступлениях. Незадолго до ареста стареющий Николай Бухарин женился второй раз на очень молодой Анне Лариной. Судя по воспоминаниям последней, Сталина радовала и забавляла ситуация политической облавы на увлеченного женой молодожена. На самом же процессе уже упоминавшийся профессор Д.Д. Плетнев был обвинен в том, что он якобы склонял свою пациентку к сожителству и даже укусил ее во время медицинского осмотра за обнаженную грудь. Накануне процесса и во

время его этот «инцидент» всерьез обсуждался на страницах центральной партийной печати. После убийства Троцкого в Мексике в СССР был распушен слух о том, что его якобы убил собственный садовник в порыве праведного гнева за свою поруганную дочь. Но Сталин (его разведка), видимо, так и не узнал об интимном письме 58-летнего Троцкого своей жене Н. Седовой, которое еще при его жизни было передано им в архив в Амстердаме. Это редкий документ, раскрывающий подлинные эротические чувства и видения крупного политического деятеля ^[469]. Впрочем, Троцкий никогда и не выстраивал свой образ под светского монаха и аскета.

Не так откровенно, как Троцкий, но и Сталин оставил доселе неизвестные свидетельства своей душевной эротической жизни. Внешне, для окружающих, даже очень близко его наблюдавших, он выглядел всегда целомудренно. Жена, потом Валентина Истомина — это почти все, что они могли видеть. Для миллионов же людей Сталин с 1932 года был монашески одинок и верен памяти погибшей супруги. И все же личный аскетизм, так демонстративно подчеркиваемый им, маскировал то самое ханжество, которое нередко есть признак вполне обычной сексуальной неудовлетворенности. Казалось бы, почему? Ведь подобно властителю древности, только захоти он, любые формы половой близости могли бы быть ему доступны, не говоря уже о женской любви. У меня нет никаких данных, говорящих о его сексуальных отклонениях или нетрадиционных половых связях. Конечно, время от времени на страницах бульварной литературы появляются домыслы о половых извращениях того или иного диктатора XX века. Процесс демонизации образов диктаторов XX века зашел так далеко, что современному человеку все труднее осознать — все они мало чем отличались от обычных людей своей эпохи как в слабостях, так и в силе. Разница, конечно, есть, но она сконцентрирована не в интеллектуальных и душевных особенностях этих деятелей. Главное — то, как эти вполне обычные человеческие особенности определяли индивидуальный стиль государственного деятеля, тем более если он, этот государственный деятель, есть крайнее воплощение диктатуры и насилия. Так ли уж неизбежно то, как это силится доказать современный психоанализ, что тираническая личность порождается сексуальными комплексами садонарциссического, некрофильского или иного рода?

Анатолий Франс и Сталин «о стыдливости»

Тот же издатель книги Франса процитировал и иное толкование средневекового французского оборота: «под розой». Он напомнил, что согласно древнегреческой мифологии бог любви Амур подарил богу молчания Гарпократу цветок скрытно распустившейся розы как знак запрета на раскрытие тайных любовных дел его матери Венеры. «Отсюда вошло в

обыкновение, что к дверям помещения, где собрались близкие между собой люди для взаимного услаждения и развлечения, прикрепляли розу, как знак того, что можно говорить обо всем и с полной свободой, так как беседа останется в четырех стенах и не будет вынесена наружу. Поэтому роза является символом молчания, и выражение *sub rosa* означает, что не должно опасаться нескромных сплетников и переносчиков» [\[470\]](#). Но именно этот средневековый завет и нарушал А. Франс своей незаконченной книгой, в частности в диалоге «О стыдливости».

В нем собраны цитаты нескольких авторов: Монтеня, Табарена, Овидия. Кремлевского читателя привлекли отрывки из «Метаморфоз» Овидия и комментариев к ним Франса. «У женщин особенные причины для стыдливости», — утверждал Франс и в подтверждение цитировал Овидия:

«Две противоположные причины побуждают женщину к стыдливости: она скрывает место, где гнездятся ее недомогания, поток своих нечистот; и она скрывает цветок своей красоты, своего тела. И она правильно поступает в обоих случаях».

...

«Затем, немногие из них знают, как прекрасна нагота».

«Они уверены, что красоту придает наряд, и убедили в этом мужчин» [\[471\]](#).

Самоуверенный комментарий Франса и известную строку из Овидия Сталин выделил скобкой на полях слева. Поэтическая аналогия предмета мужского вождения с цветком так завлекла вождя, что на следующей странице он отчеркнул резкой вертикальной чертой и даже прокомментировал такой текст:

...

«Наконец, в материалах набросана параллель между человеком и цветком».

«Растение с гордостью показывает то, что человек скрывает».

«У многих растений орган любви — блеск и благоухание».

«В растительном мире существуют, может быть, виды столь же совершенные, как человек, но их мораль другая, чем у нас».

Сталинский комментарий: *«Оригинально весьма...»* [\[472\]](#)

Сталин-поэт не мог не знать, что в традициях классической поэзии, особенно восточной, женщину постоянно сравнивают с благоухающим цветком, чаще — с бутоном розы. Но в трактовке Анатоля Франса он нашел новый для себя, более обнаженный сексуальный поворот, тот самый, о котором Троцкий высказался предельно откровенно. Изображение стилизованной розы на обложке книги, рядом с которой Сталин оставил сразу четыре своих автографа, как бы намекает на объект мужского вожделения. Похоже, что, как и для большинства мужчин, именно запах определял стартовый момент его сексуального воображения. Как вспоминала его дочь, Сталин терпеть не мог искусственные запахи женской косметики и парфюмерии, которые искажают истинную конфигурацию запаха человеческой плоти. Может быть, этим и объясняется одобрительная раздумчивость его интонации: *«Оригинально весьма...»* ?

Сталин в поисках сексуального в поэзии и прозе Максима Горького

Среди книг из библиотеки Сталина с его пометами есть несколько значительных авторов, которых трудно заподозрить в особом, тем более извращенном пристрастии к эротической стороне жизни. Тем не менее именно на страницах их произведений Сталин оставил убедительные свидетельства о своем интересе к сексуальным сторонам душевного бытия. Я обнаружил их не только на книге А. Франса, но и на произведениях М. Горького, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого.

Об отношениях Сталина с Горьким написано немало. Из недавних работ следует назвать книгу Е. Громова «Сталин. Власть и искусство» [\[473\]](#). Тем не менее все современные оценки взаимоотношений писателя и вождя восходят к оценкам, данным в воспоминаниях С. Аллилуевой: «В последние годы отец перечитывал Горького, но говорил о нем с раздражением. А давно,

когда хотел польстить Горькому, собственноручно написал на его сказке «Девушка и смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете. И. Сталин».

Не знаю, польстило ли Горькому такое превознесение его малоудачной небольшой поэмы, но могу с уверенностью сказать, что ничто в искусстве не было дальше от понимания моего отца, чем романтическое воспевание женщины и любви. Горький писал о любви и о женщинах много, искренне, глубоко. Это была значительная часть его жизни и мировоззрения. Для отца все это было безразлично. Но так как Горького с трудом зазвали из-за границы в СССР и необходимо было привлечь его на сторону партии, отец не скупился на комплимент, над растолковыванием которого долго бились потом советские литературоведы: как ни верти, Гете был тут ни при чем» [\[474\]](#). И в наше время продолжается работа по растолковыванию этих, не совсем точно процитированных Аллилуевой, строк Сталина. Внесу и я свою лепту.

В библиотеке Сталина, помимо отдельных сочинений Горького о Ленине, сборников его рассказов и публицистических заметок, находилось многотомное собрание сочинений писателя, изданное в конце 20-х годов. Из него к настоящему времени сохранились только два тома, да и то, видимо, потому, что на них были рукописные пометы и штампы личной библиотеки вождя. Второй том собраний сочинений (1927 г.) включает в себя дореволюционные рассказы писателя. Том седьмой (1929 г.) — роман «Мать». В архиве Сталина сохранился также макет неопубликованной книги «Стихов» М. Горького, подготовленный к печати в 1950 году. Я уже не раз обращал внимание читателя на то, что Сталин чуть ли не до последнего дня своей жизни с удовольствием исполнял функции верховного цензора. Несмотря на то что в 1950 году ему было уже за семьдесят лет, а неотложных государственных дел накапливалось все больше и больше, он все же счел необходимым лично просмотреть макет сборника стихотворений «пролетарского» писателя.

Почти в каждое крупное произведение Горький любил вводить небольшие стихотворные тексты. Иногда это были фольклорные записи, а иногда — стилизации под народные частушки и распевы. Помимо этого Горький сам писал стихи классическими размерами или в форме западноевропейских баллад. Но наиболее известны ставшие хрестоматийными в советскую эпоху произведения, написанные в манере белого стиха: «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и другие. То, что они еще до войны вошли во все школьные учебники литературы, не могло произойти без санкции Сталина. Я не буду касаться личных взаимоотношений вождя и писателя или выявлять истинное отношение к произведениям последнего. Судя по заинтересованности, с которой Сталин

читал или редактировал произведения Горького, многое ему было все же по душе и даже приводило в восторг, но что-то оставляло равнодушным — обычная читательская реакция.

Макет «Стихотворений» Горького представлял собой сборник поэтических текстов, собранных работниками Института мировой литературы АН СССР, включавший белые стихи и произведения фольклорного характера. Располагались они в хронологическом порядке. Первое, на чем задержалось внимание сановного цензора, была известная поэтическая сказка «Девушка и смерть». Семидесятилетний Сталин и в 1950 году ничего не имел против строк:

*...Девушка сидит богиней вешней.
Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.*

В тексте этой поэмы составители решили поместить фотокопию обнаруженного ими в архиве Горького более раннего издания, на котором Сталин размашисто начертал: «Эта штука сильнее, чем “Фауст” Гете (любовь побеждает смерть). 11/X—31 г. И. Сталин» [\[475\]](#). В 1950 году тремя такими же размашистыми чертами синего карандаша он выкинул из сборника фотоиллюстрацию со своей «резолюцией». Здесь же в сборнике был помещен и групповой фотопортрет: Ворошилов, Горький, Сталин в кабинете писателя, в день, «когда А.М. Горький читал свою сказку». Фотография неудачна, на ней Сталин и Ворошилов выглядят непривлекательно, и, скорее всего, поэтому он и ее несколько раз перечеркнул карандашом, тем самым запрещая печатать [\[476\]](#). Е. Громов, опубликовавший эти документы, сделал вывод: читатель Сталин в 1931 году был в подпитии и потому опрометчиво дал неадекватную оценку сказке, сравнив ее с величайшим мировым шедевром. Через двадцать лет от завышенной оценки отказался [\[477\]](#). Думаю все же, вывод неточен. Не верны и оценки дочери.

Почему в 1931 году 50-летний Сталин вообще вспомнил о поэме Гете? Сказка Горького не вызывает никаких прямых ассоциаций с поэмой. В библиотеке Сталина я также не обнаружил этого произведения Гете, хотя Сталин был, без сомнения, с ним знаком. И все же сравнение возникло совсем не по пьяному недомыслию вождя. В поэме речь идет о совращении

с помощью дьявольских чар невинной девушки пожилым Фаустом. В результате девушка, убившая невинный плод нечистой любви — своего младенца, погибает сама. Даже не очень развитый читатель художественного произведения почти всегда бессознательно ассоциирует себя и свои жизненные ситуации с образами и ситуациями художественного произведения. Напомню, что Сталин по крайней мере несколько раз в течение жизни был в ситуациях, похожих на историю Фауста и Магдалины. Поэтому, когда он услышал замечательную, по моему мнению, сказку Горького в авторском исполнении, то отметил не ее поэтическое превосходство, а, так сказать, превосходство философское, идейное — любовь «околдовывает» смерть. Но через двадцать лет ему уже и самому показалась нелепой та давняя реплика. В течение этих двадцати лет той же самой рукой, которой он делал такую многозначительную надпись о любви, Сталин прямо и косвенно подписал смертные приговоры миллионам соотечественников, в том числе когда-то любимым людям. При этом ни его былая любовь, ни привязанность никого не спасали. Скорее наоборот — именно они самым надежным образом предрекали от него же смерть. Смерть привиделась Горькому в традиционном образе склочной старухи, но наяву она явилась в личине седеющего мужчины, который с возрастом становился только ненасытней.

* * *

В конечном счете редактура Сталина свелась главным образом к тому, что он выкинул все белые стихи и оставил, за редким исключением, почти все, даже слабые рифмованные произведения. Похоже, поэзию, а точнее стихи, он воспринимал только в традиционной рифмованной форме. В русской поэзии белый стих приживался трудно, и даже в середине XX века многие профессионалы и любители поэзии не считали такую форму полноценно стихотворной. Так что подход Сталина в этом вопросе был достаточно традиционный и не отражал каких-либо вкусовых пристрастий. Но исключая из сборника эти как бы неполноценные поэтические произведения, Сталин внес дополнительные предложения, написав на чистом листе макета:

- «1) “Варенька Олесова”,
- 2) “Мальва”».

Специалисты из Института мировой литературы при подготовке сборника «Стихотворений» проигнорировали эти произведения. В то же время Сталину они почему-то сразу же припомнились.

И тот и другой рассказы относятся к романтическому периоду творчества писателя. В каждом есть не очень значительные стихотворные вкрапления, которые Сталин и имел в виду, вспомнив о них, редактируя сборник. Второй том собраний сочинений Горького, с его рассказами, находился в той части архива вождя, который долгие годы хранился в Архиве Президента РФ, а теперь передан в РГА СПИ.

Несмотря на то что книга вышла еще в 1927 году, в 1950 году Сталин явно просмотрел это издание в очередной раз. На внутренней стороне последней обложки чей-то рукой написано: «Поступила 9.VII.1950 г.». Видимо, именно в это время он передал ее в Институт мировой литературы со своими предложениями. В те или иные годы, но именно Сталин разрисовал лист с «Оглавлением» ставшими уже привычными карандашными росчерками и разводами, говорящими о задумчивом настроении хозяина библиотеки. В «Оглавлении» он также отметил крестиками названия этих двух рассказов и выделил рассказ «Зазубрина» [478]. На отдельных страницах тома сохранились отчетливые следы загнутых углов, а тексты вкрапленных в повествование разухабистых стихов-частушек отчеркнуты карандашом. Похоже, что вождь и эту книгу не раз перечитывал, а последние отметки сделал в 50-х годах, в связи с подготовкой горьковского сборника стихотворений.

Варенька Олесова — молоденькая приятельница родной сестры приват-доцента Полканова. Сей господин приехал к сестре в ее деревенское имение. В разгар жаркого лета у нее умер муж. Немолодой ученый-сухарь незаметно для себя влюбляется в девушку, благоухающую полевыми цветами, лесом, раскаленным солнцем и прохладными водами реки. Точнее все же будет, если мы отметим — он влюбляется потому, что она инстинктивно его искушает, к концу рассказа доведя приват-доцента до исступления. Сталин загнул верхний угол страницы, на развороте которой описывалась первая встреча героев:

«...А вот и Варенька!

Она явилась в дверях в легком белом платье, пышными складками падавшими с ее плеч к ногам. Костюм ее был похож на детскую блузу, и сама она в нем смотрелась ребенком...

Ипполит Сергеевич молча поклонился ей и, пожимая ее руку, обнаженную до локтя, ощутил нежный аромат фиалок, исходивший от нее.

— Вот надушилась, — воскликнула Елизавета Сергеевна.

— Разве больше, чем всегда? Вы любите духи, Ипполит Сергеевич? Я — ужасно! Когда есть фиалки, я каждое утро рву их и растираю в руках, это я научилась еще в гимназии... Вам нравятся фиалки?

— Я никогда не думал над тем, нравятся они мне или нет, — пожав плечами, сухо сказал он...» [\[479\]](#)

Светлана Аллилуева неоднократно вспоминала об устойчивой неприязни Сталина к женской косметике и парфюмерным запахам. Даже ей, дочери, он запрещал пользоваться духами. Похоже, что в этой сцене с цветочными, то есть естественными, ароматами, исходящими от молодой женщины, Сталин нашел подтверждение своего понимания естественной женственности. В этом же рассказе Сталин отчеркнул справа и слева понравившиеся ему сентиментальные вирши местного поэта, который жеманно заявил хозяйке дома, что «хотел бы прочитать те стихи, которые теперь слагаются у меня...»:

*Твоей спокойной красоты
Холодный блеск меня тревожит...
.....
Ты осмеешь мои мечты?
Ты не поймешь меня, быть может?
.....
В твоих очах — участия нет,
В словах — холодный смех мне слышен...
И чужд тебе безумный бред
Моей души....
А он так пышен!
В нем песен вихрь, в нем жизнь моя!
Он весь проникнут буйной страстью
Решить загадку бытия,
Найти для всех дорогу к счастью... [\[480\]](#)*

Если Сталин предлагал такие стихи внести в сборник, значит, он или к старости потерял вкус к истинной поэзии, или, что более правдоподобно, его поэтическое чутье навсегда осталось на уровне 15-летнего семинариста провинциального духовного училища. Интерес к поэзии он не терял никогда, о чем свидетельствует то пристальное внимание, с которым следил почти за всеми крупными или хотя бы знаменитыми поэтами эпохи (Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Маяковский, Д. Бедный, А. Твардовский, К. Симонов и т. д.). Другое дело, что этот интерес мог иметь прямо противоположные следствия: губительно (для живой души и творчества) вознести на советский Олимп — или ужасающе опустить в бездну ГУЛАГа

и смерти. Но в данном случае нас интересуют не достоинства стихотворения, в котором Горький явно пародирует салонную поэзию конца XIX века, а декларируемая в них «возвышенность» страстных чувств к женщине. Здесь Сталин перепутал, как и во многих других случаях, искреннюю страсть и жеманную патетику.

Рассказ Горького завершается описанием сексуальных медитаций героя: «...лежа на постели, он невольно представлял себе Вареньку такой, как видел ее на крыльце, с руками, поднятыми как бы для объятий, с грудью, трепещущей при блеске молний. И снова думал о том, что если б он был смелее с ней... Он читал где-то, как однажды это было, она вошла среди ночи и отдалась, ни о чем не спрашивая, ничего не требуя, просто для того, чтобы пережить момент». Наконец, описание ослепительной девичьей наготы в сцене купания и позора приват-доцента, подсмотревшего эту сцену. «Перед ним, по пояс в воде, стояла Варенька, наклонив голову, выжимая руками мокрые волосы. Ее тело, розовое от холода и лучей солнца, и на нем блестели капли воды, как серебряная чешуя. Они медленно стекали по ее плечам и груди, падали в воду, и, перед тем как упасть, каждая капля долго блестела на солнце, как будто ей не хотелось расстаться с телом, омытым ею. И из волос ее лилась вода, проходя между розовых пальцев девушки, лилась с нежным ласкающим ухо звуком» [\[481\]](#). Поскольку отчетливых письменных следов сталинского внимания к этим сценам я не обнаружил, то не буду комментировать то, что в дополнительных пояснениях не нуждается.

* * *

Рассказ «Мальва», написанный Горьким в те же, последние годы XIX столетия, пронизан солнцем, запахами моря, гниющей рыбы, белизной прибрежного песка и парящих чаек. В сущности, и этот рассказ все о той же неукротимой и непредсказуемой женской любви и ненависти, ее мстительности и о принципиально невозможной для нее свободе. Именно в любви женщина стремится к свободе, но через нее она как раз и становится поработенной. Сколько бы раз женщина свободно ни отдавалась мужчине, неизбежно и немедленно она становится его рабой. В этом скрытая философия горьковского рассказа, хотя сам автор, скорее всего, не предполагал такого понимания. Но если Варенька Олесова — это невозможный и сугубо мужской идеал юной, одухотворенной, интеллигентной дикарки, то Мальва — яркий цветок простонародной свободной любви.

Мужик Василий Легостаев, ушедший из деревни на заработки, а затем бросивший жену и детей, несколько лет живет на морской песчаной косе, где работает караульщиком на рыбном промысле. К нему с материка раз в неделю наведывается Мальва с «зелеными глазами», «смешная и милая, как сытая кошка». Внезапно к отцу из деревни приезжает взрослеющий сын Яков. Выстраивается роковой треугольник со сценами ревности, битьем женщины и ее неприятием мужского права на ограничение женской чувственной свободы. Сталин загнул лист со словами героини: «А замужем баба — вечная раба... А здесь я ничья... Как чайка, куда захочу, туда и полечу! Никто мне дороги не загородит... Никто меня не тронет!» Василий тут же напомнил ей: «А как тронет?» ^[482] Мстя отцу и сыну, Мальва демонстративно уходит к дерзкому пьянице, смелому и свободному босяку, огненно-рыжему Сережке. Таков сюжет.

Сталин синим мягким карандашом двойными вертикальными чертами отметил разбитные частушки, которые пела Мальва, разжигавшая отца и сына:

*— Милый мой... скорей иди
Да-ах! Прижмись к моей груди!*

.....
*— Не-е жалей моих грудей,
Двоих белых лебедей!* ^[483]

Псевдодекадентские вирши из «Вареньки Олесовой» и фривольные частушки из «Мальвы» Сталин предлагал включить в сборник стихотворений Горького. Сборник ни при жизни Сталина, ни после его смерти так и не вышел. Но гораздо важнее для понимания душевного и интеллектуального мира нашего героя — факт цепкого удержания в его памяти гетерогенных литературных образов.

Читая Салтыкова-Щедрина

Живая любознательность Сталина проявлялась даже в деталях. Он постоянно отслеживал публикации не изданных при жизни автора произведений. В то же примерно время, когда вышла книга незаконченных диалогов Франса, в СССР был опубликован сборник «Неизданный Щедрин». С момента его публикации в 1931 году он стал настольной книгой вождя ^[484]. В первую очередь он использовал его в качестве источника насмешливых сентенций и сатирических филиппик, направленных в адрес политических оппонентов и своих, советских бюрократов. Оппозиционно

настроенные партийные и государственные деятели, в первую очередь троцкисты, обвиняли Сталина и сталинцев в бюрократическом перерождении, заменившем господство власти капитала властью советского чиновника. Карл Радек, еще будучи «троцкистом», первым взял прозу Салтыкова-Щедрина на вооружение. Как и во многих подобных случаях, Сталин сделал встречный демагогический ход: в его речах, звучавших со всех партийных трибун, тема борьбы с бюрократизмом становится одной из основных. Именно тогда во многих довоенных выступлениях словоблудие по поводу злобредности выпестованной им же партийно-советской бюрократии сдабривается цитатами из произведений великого русского сатирика. На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, собравшемся в ноябре 1936 года, он смачно цитировал и комментировал текущую политику с помощью произведений Щедрина и Гоголя. Красочно объясняя, как зарубежные журналисты запутались между «правым» и «левым», комментируя проект Конституции 1936 года, он сослался на дворовую «девчонку» Пелагею из гоголевских «Мертвых душ», не отличающую одно от другого. Эпизод дважды прерывался громовым смехом подобострастной аудитории, хотя этот образ Сталин использовал уже раз пять или шесть в других выступлениях [\[485\]](#).

Основной набор щедринских цитат был почерпнут Сталиным из «Сказки о ретивом начальнике, как он сам своими действиями в изумление был приведен». В том же докладе, посвященном Конституции, потешаясь над корреспондентом одной из немецких газет, заявившим, что СССР — это не государство, а некое «географическое пространство», Сталин так перелицевал сатирическую сказку: «В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во “вверенной” ему области “порядок и тишину”, истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? (*Общий смех, аплодисменты.*) Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтобы духу ее не было вовсе? (*Общий смех.*) И, сказав это, положил резолюцию: “Закреть снова Америку”! (*Общий смех.*) ...Этим господам (из газеты. — *Б.И.*) СССР давно уже намозолил глаза... Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует (*общий смех*), и если

ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтобы духу ее не было вовсе?» [\[486\]](#)

Сталин довольно основательно исчеркал текст этой сказки и превратил в крылатые такие выражения, как «Бабушка надвое сказала», «Пишите, мерзавцы, доносы», «Горе тому граду, в котором начальник без расчета резолюциями сыплет, но еще того больше горе, когда начальник совсем никакой резолюции положить не может», и т. д. В 1949 году на юбилейной выставке в связи с 70-летием вождя и явно по его инициативе эта часть книги с пометами была представлена на всеобщее обозрение [\[487\]](#). Многие авторы, пишущие о Сталине, упоминают об этом экспонате, но ни он сам, ни исследователи не цитировали других произведений Щедрина из того же сборника и также с пометами Сталина. Наиболее тщательно он проштудировал сатирические зарисовки: «Глуповское распутство» и «Каплуны».

Первый рассказ начинается с воспоминаний некоего знатного молодого человека, воспитание которого мать доверила «мосье Жоливе», нещадно колотившего его за малейшую шалость. Вскоре молодому человеку «удалось поймать... мучителя с горничной. С тех пор все изменилось. Я не только заставил Жоливе на коленях просить прощения, — повествует дворянин Простаков, — но еще завладел его любовницей...» С первой же страницы рассказа интерес вождя к сюжету стал возрастать, о чем свидетельствуют небольшие беглые отметки (ручкой и карандашом) в тексте, фрагменты которого я воспроизвожу.

Молодой человек повествует об особом, «изумительном» мастерстве француза, который, ни слова не зная по-русски, «однако ж дар убеждения такой имел, что не было, кажется, на селе ни одной крестьянской бабы, которая бы противостояла бы ему».

По закону избранного жанра Щедрин делает моментальный переход от скабрезной истории похотливого дворянина Российской державы к назидательной истории заката распутной Западной Римской империи, которой в конечном счете завладели «пастуховы дети», то есть дети варваров. Для России, предрекал писатель, надвигаются времена своих варваров, своих «пастуховых детей». Далее в повествовании рисуется образ Петрушки, этого грядущего господина России, а пока дворового и кандидата в любовники стареющей барыни Любови Александровны. Символом Российской империи периода упадка стала родина барыни и Петрушки — город Глухов, который «разлагается, ибо собственное его распутство точит его». Затем разворачивается история свращения верного слуги «Пьера», который «лопает себе, и думает, что так тому и быть должно». Вдова мучается по ночам, она не спит, и «сладко» ей, когда слышит она, как

Петрушка на сундуке за перегородкой ворочается. «Петруня, а Петруня! — говорит она, — встань да посмотри-ка в окно: никак кто глядит!» «— Петруня! А Петруня! Чтой-то словно мне робко! — шепчет она, — как бы ты лег на полу...» «Ох, да и светла же, тепла же была ночь темная, длинная!..» Летит взгляд Сталина и его рука с пером над страницами щедринского текста, цепляясь за что-то, эхом отзывающееся в душе: соблазнительные крестьянки, размягченная барыня, усердный, но наглый Петруня...

...Отныне «Петруня» требовал, чтобы все, включая Любовь Александровну, величали его «Петром Афанасьевичем», и во всеуслышание заявлял: «Я, говорит, у барыни первый человек есть! Я, говорит, с барыней что желаю, то и сделаю!» Так стал Петрушка, этот грядущий российский Хам и властитель, помыкать благодетельницу-барыню: «Отвяжись, мол, ты, старые дрожжи!» Но Любовь Александровна, этот символ «дряхлающей, но еще жаждущей любви и жизни «Империи»... стремится устроить себе утеху домашнюю, такую утеху, которая была бы всегда под руками. А под руками что? Под руками Петрушка, у которого только что черный ус над губой начинает прорезываться... Петрушка, черноволосый, чернобровый и черноглазый; глаза у него так и искрятся, так и жгут, а пухлые малиновые губы так и манят... «Ах, чорт побери да и совсем!» — в волненьи произносит Любовь Александровна и даже повертывается на стуле». А «Петрушка властный, Петрушка, собирающийся унести на плечах своих вселенную», обладает еще и кое-каким умишком. «...Этот умишко подсказывает, что если Любовь Александровна возвысила его до себя, стало быть, они квиты. Отсюда: «Любка! пляши!», «Любка! пой песни!»

...

«Не в силах простолюдин постичь, — издевается сатирик над своим братом-дворянином, — такие понятия, как “равен” и “не равен”, “квит” и “не квит”».

Последний кусочек фразы Сталин многократно отчеркнул еще и вертикальными линиями на полях книги. Почему? Уж не потому ли, что в эти годы и он многих «возвысил до себя» и многие из них, по его мнению, так и не разобрались в понятиях: «равен» и «не равен», «квит» и «не квит»?

Со своими «петрунями», в том числе женского пола, у Сталина был свой счет.

Под конец сексуально-сатирического повествования Щедрина — очередное ядовитое сравнение великого Рима с величавым Глуповым, заставившее Сталина многократно подчеркивать щедринский текст: «Еще намердись у нас городничий целый овин сжег единственно для того, чтобы показать начальству, как у него команда исправно действует. Чем не Нерон! А третьевадись земской исправник с целой стаей собак в суд вломился, — чем не Калигула! Нет уж, если мы возьмемся за дело, да начнем пересчитывать, — никакому Риму не устоять перед нами в отношении доблести!.. Но Рим, несмотря ни на величие свое, ни на доблесть сынов своих, все-таки пал от руки пастуховых детей...: Боже! Ужели та же участь предстоит и Глупову?» [\[488\]](#)

* * *

Ныне мало кто помнит (за исключением специалистов) все подробности рассказа Салтыкова-Щедрина «Каплуны». А между тем этот рассказ, написанный в 70-е годы XIX века, положил начало беспощадному осмеянию российской интеллигенции, как правого, так и левого толков. Щедрин точно подметил духовную и связанную с ней политическую импотенцию тех, кого Ленин брезгливо именовал «мягкотелыми либералами», нередко потом ссылаясь именно на произведения Щедрина. На фоне тех исторических событий, которые произошли в России с середины XIX века, и интеллигент-писатель (Щедрин), и интеллигент-революционер (Ленин) имели серьезные основания для таких крепких выражений. В своих послереволюционных речах Сталин предпочитал говорить о «гнилой интеллигенции», но и о «потенции» не забывал.

Щедрин в лучших традициях античной сатиры, для которой характерно смелое совмещение эротических и политических образов, привел к общему знаменателю качества физиологических, духовных и интеллектуальных кастратов. По этому поводу сатирик даже стишок сочинил, который и предпослал в качестве эпиграфа:

*Кастраты все бранили
Меня за песнь мою,
И жалобно твердили,
Что грубо я пою...*

Специалисты в области истории партии с удовольствием цитировали эту виршу в студенческой аудитории, начиная рассказы о зловредности буржуазных либералов. Пишу сейчас об этом как очевидец.

«Каплуны-люди встречаются во всех слоях, на всех ступенях глуповского общества. Чтобы сделаться каплуном, нужно очень немного. Нужно выбрать идейку с булавочную головку, возлюбить ее, как самого себя, и затем, с спокойною совестью, мерить этим огромным масштабом все явления, проходящие перед глазами» [\[489\]](#).

Замечает это сам Щедрин или нет, но в своем сатирическом эссе он ставит все ту же «гамлетовскую» проблему русской интеллигенции, суть которой вождь моментально ухватил: «...жгучий вопрос эпохи, идти ли на сделку с установившимися формами жизни, признать ли, что и в них есть нечто хорошее и примиряющее, или откровенно взглянуть на них, как на старый хлам, негодный даже для справок?» [\[490\]](#) Российская интеллигенция, вне зависимости от ее умонастроения, в массе своей отвечает на «жгучий вопрос эпохи» одинаково бессильно. «Веселые каплуны (консерваторы. — *Б.И.*) курлыкают»: «Не насильствуйте, не волнуйтесь, не забегайте вперед»; «угрюмые каплуны (либералы. — *Б.И.*) курлыкают»: «Жизнь, которую мы знаем и с которой имеем дело, есть старый выветрившийся хлам; кроме того, что он отвратителен, он еще и бесполезен»... Несмотря на различие в содержании обоих курлыканий, отмечает сатирик, у них есть общее — отрицание деятельного личного участия в этой жизни. Для него каплун, кастрат есть то же, что бесплодный болтун, «курлыкающий» недееспособный человек. Это сравнение, эта писательская метафора, сближающая физиологическую импотенцию с духовной, попала в самую точку сталинского сопереживания. Деятельность и еще раз деятельность во всем, как демонстрация акта плодотворности в политической борьбе, в государственной сфере, в личной жизни, во взаимоотношениях с окружающими, как доказательство мощной личной потенции и воли. Отсюда это брезгливо-злое отношение сначала к дореволюционным «курлыкающим» меньшевикам и либералам, затем к «болтунам» оппозиционерам и, наконец, ко всем тем, кто хоть в чем-то критичен или подозрительно нерасторопен, а значит, не деятелен.

Замечательный образчик сталинских рассуждений о связи политики и мужской потенции, о «плюсах» и «минусах» при сложении сил содержится в тексте его доклада на XV Всесоюзной партийной конференции (ноябрь 1926 г.). Громя недавно объединившийся против него блок троцкистов и зиновьевцев, он потешал аудиторию: «Конечно, с точки зрения арифметики они должны были получить плюс, ибо сложение сил дает плюс, но

оппозиционеры не учли того, что, кроме арифметики, есть еще алгебра. Что по алгебре не всякое сложение сил дает плюс (*смех*), ибо дело зависит не только от сложения сил. Но и того, какие знаки стоят перед слагаемыми. (*Продолжительные аплодисменты.*) Получилось то, что они, сильные по части арифметики, оказались слабыми по части алгебры, причем, складывая силы, они не только не увеличили свою армию, а, наоборот, довели ее до развала.

Чем была сильна зиновьевская группа?

Тем, что она вела решительную борьбу против основ троцкизма. Но коль скоро зиновьевская группа отказалась от своей борьбы с троцкизмом, она, так сказать, оскопила себя, лишила себя силы.

Чем была сильна группа Троцкого?

Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года и против их рецидива в настоящем. Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева, она оскопила себя, лишила себя силы.

Получилось сложение сил оскопленных. (*Смех, продолжительные аплодисменты.*) » [\[491\]](#).

Каждый человек, непосредственно общавшийся со Сталиным периода власти, изо дня в день проходил нечто вроде теста на «потенцию». Но при этом «выбраковывался» как раз не обессилевший, а тот, кто казался опасным именно своей духовной или интеллектуальной потенцией. Патологическая подозрительность Сталина — это не признак латентной паранойи, а скорее «синдром кастрации» в том смысле, как его трактовал Фрейд. Конечно, Сталин вряд ли был знаком с той частью психоаналитической теории Фрейда, где тот развивает идею жестокого преследования стареющим самцом, возглавлявшим древнейшее обезьяно-человеческое стадо, подросших в нем мужских отпрысков. Фрейд считал, что следы этой незапамятной угрозы кастрации до сих пор присутствуют в подсознании мужской части современного человечества [\[492\]](#).

Оставим психоаналитикам исследовать реальность сталинского синдрома кастрации, связывая его не только с отчетливой тенденцией жестоко подавлять волю претендующих на власть коллег-мужчин, но и с пристрастием к грубым мужским шуткам, к матерной брани, со сладострастным отношением к незрелым женщинам, с красноречивым рисунком подвешенного «Брюханова» и с не менее красноречивым текстом к нему. Но здесь же отметим очередной парадокс — я обнаружил непосредственное свидетельство того, что Сталин был знаком с психоаналитической теорией сексуальности, но не через знакомство с

трудами Зигмунда Фрейда, а через... того же Щедрина и Льва Николаевича Толстого.

Даже к толпе, к «массе», он относился как мужчина к «женщине». Он почти физиологически чувствовал восхищение и тягу ее к себе и, похоже, сам испытывал высшее напряжение сладострастных сил, когда вступал с нею, то есть с толпой, с массой, в единение. Многие вожди человечества испытывают нечто подобное. При этом важна не только сила «магнетизма», исходящая от лидера, но и его особый стиль поведения — мужественного кокетства. Вспомним, как в молодости Коба мечтал быть **вознесенным** над толпой с красным знаменем в руках, как он кокетничал перед ней на трибуне Мавзолея во время многочасовых демонстраций, как он кокетливо прищуривался перед миллионами людей, глядящими на него сквозь объектив кинокамеры. В том же фельетоне Щедрина Сталин отчеркнул себе на память почти целую страницу особенного, «эротического» текста:

...

«Нельзя сказать себе: выйду к толпе и увлеку ее в ту или другую сторону. Толпа не вдруг и не всю открывает грудь свою: как ни распутна она с первого взгляда, но любит, чтоб за ней походили, чтоб к ней относились вежливо. Надобны сверхъестественные силы, чтоб увлечь толпу сразу, а много ли найдется деятелей, обладающих этими силами? Огромное большинство деятелей — простые труженики, для которых толпа представляет любезнейший и сподручнейший предмет разработки, но которые и сами еще недавно были в толпе. Толпа ревниво оберегает предания прошлого и туго решается на риск, потому что уже не мало она порисковала на своем веку, но мало извлекла из того для себя пользы. Мудрено ли, что человек, имеющий дело с этой плотною массою, неслышно для самого себя проникается инстинктами толпы? Мудрено ли даже, что, вместо того, чтоб увлечь толпу за собой, он сам станет в ее ряды! Но не смейтесь ему, не порицайте его слишком поспешно, ибо он не пропал без вести. Положим, что сам он засосался на дно, положим, что он и не выплывает никогда, но

мысль, им брошенная, все-таки принесет свой плод, но минутное противодействие, оказанное им толпе, все-таки сделает ее более податливую... хотя бы для последующих деятелей. В этом случае, он не более, как жертва, принесенная новому Ваалу, но жертва не бесследная, ибо кровь ее утучнила почву» [\[493\]](#).

Весь этот абзац отчеркнут на полях справа волнистой чертой.

Старый сатирик предвосхитил многие психоаналитические и пропагандистские разработки XX века. Говорят, что Геббельс в последние дни рейха предлагал свои услуги СССР в качестве «гения» пропаганды. Сталин много раньше Гитлера и Геббельса и в теории и на практике понял психологический исток единения «героя и толпы». У щедринской толпы «обнаженная грудь», особая «плотность», она как женщина «распутна», «порисковала на своем веку», «любит, чтобы за ней походили» и «относились вежливо». Она «туго решается на риск», поскольку ее столько раз обманывали герои-соблазнитель. Поэтому она хоть «податлива», но прежде, чем отдаться очередному соблазнителю, очень «расчетлива». А герой-соблазнитель «собрал силы сверхъестественные», для того чтобы «она», этот «любезнейший и сподручнейший предмет разработки», приняла его мысль, которая должна «принести свой плод». И пусть обессиленный герой, сделав дело, сам растворится и исчезнет в ней, он все же «сделает ее более податливой» для нового оплодотворения идеями и эмоциями. То, что Салтыков-Щедрин предчувствовал в теории, вождь тысячу раз испытал на практике. Я думаю, что он любил писателя не столько за острую критику человеческих и государственных пороков, сколько за глубинное проникновение в массовую психологию.

Щедрин, Франс и Сталин «О старости»

Щедрин провел прямую параллель между одряхлевшей Римской империей, стареющей Российской державой, разлагающимся городом Глуповым и похотливой барыней Любовью Александровной. И подобно тому как империи, для того чтобы продолжить свое существование, необходимо обновление, пусть даже и путем появления на исторической арене новых людей — «петрушек» и «иванушек», та же потребность прилива новой молодой и горячей крови испытывает любой стареющий организм. Сталин читал рассуждения Щедрина о старости, бегло подчеркивая отдельные места: «Подобно Любови Александровне, Глупов сморщился и одряхлел; подобно ей, он чувствует, что жизненные начала, которыми пробавлялся до сих пор, иссякли, и что для того, чтобы не

лишиться возможности продолжать жить, необходимо, чтобы скверная, густая кровь, до сего времени поддерживавшая организм, обновилась новой, свежей струей, непричастною глуповскому мирозерцанию, не подкупленной ни глуповскими устными преданиями, ни глуповскою историей... Отсюда зуд во всем теле, тот возбуждающий зуд, который с особенной настойчивостью сказывается в старческих организмах. Ах! Был бы ты молод, размотал бы ты, по ветру развеял бы думушку черную, да и пошел бы себе, подплясывая, по дороге жизни торенной, уезжанной, а теперь вот при твоей старости, да при твоей слабости, и развеять-то некуда и размотать-то некому: засела, проклятая, в самую центру, и жжет, и точит там, а ты няньчись с ней, носи ее с собою, будь рабом своей недавней крепостной холопки!» [\[494\]](#)

Тема старости, как и любви, бессмертия, как и другие вечные темы, притягивающие и пугающие любого человека, волновала Сталина не только в своей всеобщей, абстрактно-исторической форме, как тема упадка и одряхления, но и вполне конкретно, как человека пожившего и пожилого.

Один из разделов упоминавшейся книги Франса посвящен старости. Франс, как и Сталин, прожил долгую жизнь, но задумался о предвестниках заката только за несколько месяцев до кончины. Напомню, что Сталин читал книгу французского писателя в возрасте около 55 лет, но для него эта проблема психологически была актуальнее, чем для литератора, которому было за семьдесят. Большинство соратников, окружавших Сталина, да и врагов были моложе, а потому потенциально имели большие перспективы. Но еще важнее было то, что он к этим, уже вполне зрелым годам только-только почувствовал сладостный вкус безграничной власти и увидел ее столь же безграничные перспективы. Его отец в лучшем случае дожил до 45–50 лет, а сын чаще примеряет себя именно к отцу. Поэтому неудивительно, что в зрелые годы вождь при случае задумывался о старости. Да и что такое, наконец, старость, каковы ее признаки, в какие годы она подступает к человеку, чем грозит?

Франс собрал обширную литературу о старости. Составитель книги перечислил с десятков имен от Аристотеля до Казановы. В сохранившихся фрагментах диалога Франс от своего лица, «Пессимиста», обсуждает эти проблемы с неким «Оптимистом». «Оптимист» должен защищать старость, на невзгоды которой жалуется Франс. Сталин отметил карандашом эту литературную условность и углубился в чтение.

Франс описывает встречу с другом, с неким Жоржем Куртелином, который, несмотря на то что был намного моложе писателя, громко поносил свою старость, «как врага рода человеческого».

...

«“Что бы вы сказали, Куртелин, — спросил я его, — если бы имели мой возраст?” У Куртелина достало ума ничего не ответить... Я тоже молчал... Но, поверьте, мое молчание есть более горькое обвинение против старости, чем гневные вопли Куртелина. Старость, по моему, есть худшее из зол; она отнимает у человека мужественность, силу, способность к наслаждению, все блага жизни вплоть до любопытства, которое для большинства людей есть единственное основание и оправдание их жизни» [\[495\]](#).

Сталин с этой посылкой писателя охотно согласился, отчеркнув ее на полях. Это видно из последующей части диалога, на которой нет помет и в которой «Оптимист» пытается доказать, что у старости есть свои преимущества. И все же старость, по мысли писателя, страшна не только тем, что она лишает возможности ощущать полноту жизни, а тем, что она вплотную приближает человека к смерти. А что там, за ней?

«Большая разница — думать, что смерть приведет нас к разгневанному богу, или вернет в небытие, из которого мы вышли.

...

«— Как вы это понимаете? Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада».

«— Именно так. Всем хотелось бы жить вечно» [\[496\]](#).

Здесь уже далеко не в первый и далеко не в последний раз Сталин вплотную сталкивается с обсуждением вопроса о следующем за смертью выбором: гневный Бог или «Ничто», небытие или ад? Зарегистрируем вслед за Сталиным эту мысль и ее диспозицию для последующего анализа психоинтеллектуальных упражнений вождя.

Поскольку перед Сталиным лежала книга, составленная на основании черновиков и подготовительных материалов писателя, то в ней оказались собраны внутренне противоречивые тексты и положения. Это относится, в частности, к проблеме определения того, что считать старостью, с какого возраста она настигает человека, каковы особенности психики и интеллекта стариков?

...

«— Определять старость? — вопрошает Франс. — Берегитесь это делать. Блез Паскаль предупредил нас, что ошибочно давать определение тому, что ясно само по себе».

Сталин сбоку, рядом с вертикальными линиями, приписал саркастическое: «Хе!» ^[497] Все-таки попытка определения старости содержится в следующем афоризме Франса:

...

«Старости достигают немногие и пребывают в этом состоянии недолго. Этот некрасивый маленький хвостик имеет небольшое значение в жизни. Некогда это значение было еще меньше. В первобытные времена стариков не существовало. Их нет также среди диких зверей» ^[498].

И этот фрагмент был отчеркнут на полях вождем.

Дальше предлагается обсуждение вопроса — с какого возраста начинается старость? На этом вопросе Сталин не стал особо задерживаться, так как Франс ограничился банальностями в духе того, что годы жизни и внутренние ощущения человека решительно не совпадают. В конечном счете весь этот круг вопросов свелся к такому высказыванию: «...старее других тот, кто ближе к смерти. И это не всегда бывает тот, кто старее

годами». Но все же и в этом разделе Сталин пометил, видимо, не встречавшееся ему ранее слово:

«Несколько лет назад, в экваториальном море нашли саргассу длиной во много сотен метров, которая прожила, может быть, много веков...» [\[499\]](#) Слева от текста Сталин поставил знак вопроса. Иначе говоря, его не удивил сам факт долгой жизни растения, но зато можно зарегистрировать факт очередного пробела в школьном образовании вождя. Такие диковинные для себя слова и необычные выражения он постоянно брал на заметку.

Но вот Франс приступает к характеристике душевных и умственных сил стариков. Здесь Сталин полностью солидарен с полюбившимся писателем. Анатолий Франс утверждал:

...

«Старики скупы: для этого есть разумное основание. Они боятся всякой потери, не надеясь больше приобрести что-нибудь» [\[500\]](#).

Редкий случай — Сталин трижды согласно отмечает это нелестное для стариков умозаключение. Франс написал:

...

«Умственные силы стариков понижаются одновременно с телесными. Да и может ли быть иначе? Мы это видим у самых знаменитых людей. Если восторгаются их последними произведениями, то причина заключается в том, что их известность возросла и что в деле, столь сомнительном, как литературная оценка, они приучили к своим недостаткам» [\[501\]](#).

И эта негативная оценка способности старости жить за счет накопленного в молодости интеллектуального капитала и заслуг одобрена

Сталиным. В одном из писем 1925 года Сталин так писал о людях, еще работавших с ним бок о бок: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых “вождей” тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т. д. — таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли» [\[502\]](#).

Об особом, почти ритуальном уважении народов Кавказа к своим старикам Сталин, конечно, знал. Но сам он был совершенно индифферентен к подобным традиционным взглядам. Старчество для него давным-давно ассоциировалось с усталостью, с потерей потенции, с умственным упадком, «отмиранием» и даже — с паразитированием. Вот, например, как он характеризовал стариков в целом в самом конце 1923 года, в те дни, когда самый главный «Старик», то есть Ленин, был еще жив: «Говорят иногда, что стариков надо уважать, так как они дольше жили, чем молодые, больше знают и лучше укажут. Я, товарищи, должен сказать, что этот взгляд совершенно неправилен. Не всякого старика надо уважать, и не всякий опыт нам нужен» [\[503\]](#). Против этого трудно что-либо возразить — действительно, не всякий старик достоин уважения за прожитую жизнь. Но у Франса речь идет не о моральных качествах человека (при чем здесь возраст?), а о физиологии как причине разрушения жизни, о причине ее упадка. Франс писал, а Сталин отмечал:

...

«Это общераспространенная глупость думать, что старики благоразумны. Они боязливы, не большие. Разум их слабеет» [\[504\]](#).

На самом же деле вся ценность старчества заключена в его прошлом, и там она навсегда остается. Франс замечает:

...

«Мне приходилось слышать от стариков вещи, достойные внимания только в тех случаях, когда это были вещи, сохранившиеся у них от прошлого времени, воспоминания или прежние наблюдения» [\[505\]](#).

Высказывания Франса довольно мрачно представляют старость, стариков и их качества. Но эта мрачность снимается небольшим анекдотом из жизни композитора Гуно, по-французски изящно рассказанным Франсом. Его соль в том, что:

...

«Чем старше становишься, тем более отодвигаешь назад начало старости» [\[506\]](#).

Во время первой постановки оперы «Фауст» один из зрителей спросил композитора: сколько лет должно быть тем персонажам, что поют в хоре стариков и дрожанием своих членов изображают крайнюю дряхлость? Гуно, которому тогда самому было около сорока, ответил, «что они находятся в крайней старости, что им лет шестьдесят или пятьдесят пять».

«Через тридцать лет, слушая ту же оперу вместе с композитором, Жюль Симон задал ему тот же вопрос. Гуно, бывший тогда уже на склоне лет, отвечал ему: “Мои старцы — настоящие старцы. Им лет восемьдесят или девяносто”» [\[507\]](#). На этот анекдот Сталин отреагировал на полях справа легкомысленным: «Хи!»

Но не столь легкомысленным было его отношение к этой проблеме в жизни, выходящей за границы его интимного мира. «Старость», как и ее оппозиция — «молодость», старость как последний шаг к смерти, старость как символ дряхлости и косности занимали особое место в его философии жизни. Оно сильно отличалось от того места, которое занимали в ней власть, сексуальность, Бог, революция, азарт, интрига и другие — душевные и чувственные — наполнители. В политике, как известно, возраста нет, и поэтому он принимал в расчет возраст (причем чужой) только в зависимости от политической конъюнктуры. Он с одинаковым ожесточением расправлялся и со старыми партийными кадрами, и с молодыми лидерами комсомола, и даже с детьми. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитый

Указ Верховного Совета СССР о возможности приговора к расстрелу детей начиная с 12-летнего возраста. На дореволюционном Кавказе это примерно тот возраст (13 лет), когда мальчик начинает считаться мужчиной, поскольку способен держать оружие и жениться, а девочка может быть выдана замуж. А раз так, раз они взрослые, значит, они подсудны и подрасстрельны. Так что никаких моральных запретов в связи с возрастом для Сталина не существовало. Себя же, внутренне, он ощущал бодрым, вечно молодым, мощным сгустком энергии и воли. Да, он задумывался о смерти, но и о возможности бессмертия; его мучили физические недуги, но он размышлял и о медицинских возможностях бесконечного продления жизни. Когда же надвигавшаяся старость его все же пугала, он прогонял это привидение ночными гулянками, молоденькими женщинами, сладострастным уничтожением более молодых соперников и на худой конец — бодряческими заклинаниями. Эти ритуальные заклинания произносили не только верноподданные. Он сам демонстрировал бодрость как основу своей философии жизни. Вот образчик одного из таких заклинаний (цитата из письма к Демьяну Бедному): «Философия “мировой скорби” не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие. Нашу философию довольно метко передал американец Уитмен: “Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил”. Так-то, Демьян» [\[508\]](#).

Глава 2. Размышления по поводу помет Сталина на страницах романа Л.Н. Толстого

«Ха-ха» графу Толстому от товарища Сталина

Книга Л.Н. Толстого «Воскресение», находящаяся ныне в архиве Сталина, вышла в издательстве «ACADEMIA» с рисунками Л.О. Пастернака в 1935 году. В верхнем правом углу титульного листа сталинского экземпляра красным карандашом нарисована рамка, а в ней надпись почерком, похожим на руку вождя: «Св. Ст.» (Светлана Сталина). Возможно, он обращал внимание дочери на эту книгу или предполагал ее подарить. В 35-м году дочери было около 10 лет, слишком юный возраст для восприятия философского романа. Скорее всего, эта надпись, как и другие пометы, красным карандашом была сделана значительно позже 1935 года. Мне сначала показалось, что эти пометы принадлежат повзрослевшей Светлане Аллилуевой. Но другие пометы и надписи простым карандашом, без сомнения, сделаны рукой Сталина. В книге много бумажных закладок, но кто их туда положил — Сталин или архивисты и исследователи, сказать теперь трудно. Если большинство книг, о которых я уже упоминал, он впервые прочитал после революции, то с романами Толстого вполне мог познакомиться и раньше. Многие мемуаристы упоминают произведения Толстого, якобы входившие в круг чтения будущего вождя. В дореволюционном публицистическом наследии Кобы я не обнаружил следов его серьезного знакомства с классиками русской художественной литературы. Гоголь и Чехов — вот, пожалуй, и все. Зато после революции, и особенно в период между серединой 20-х и концом 30-х годов Сталин читал и перечитывал по несколько раз многие выдающиеся художественные произведения эпохи. О том, как плохо дети знают внутреннюю и интеллектуальную жизнь своих родителей, лишний раз говорит такой факт — спустя много лет после смерти отца Светлана Аллилуева заявила, что «в искусстве, кроме чистой пропаганды, отца больше всего привлекали, как жанр, сатира, юмор... Отец не любил поэтического и глубоко-психологического искусства. Я никогда не видела, чтобы он читал стихи... Не видела на его столе Толстого или Тургенева» ^[509]. Заявление о Толстом тем более кажется странным, если учесть сталинскую надпись на книге: «Св. Ст.». Следовательно, и пометы красным карандашом принадлежат не ей, а отцу. Эту книгу дочь никогда не видела. Наибольшее количество

русской и зарубежной классики Сталин прочитал перед Второй мировой войной, когда дочь была еще очень юной и поэтому не способна была оценить интеллектуальный уровень жизни отца. В то же время, как это часто происходит во многих семьях, взрослея, дочь все более отчуждалась от родителя и все меньше имела желания и возможности заинтересованно наблюдать и вникать в его внутреннюю жизнь. Отсюда следует, что он с 1935 года этот роман внимательно прочитал дважды и с карандашом в руке.

Фигура Толстого издавна интересовала видных большевиков. Дело не только в том, что он был крупнейшим писателем и мыслителем эпохи, но и в том, что в отличие, предположим, от Ф. Достоевского, Толстой терпимее относился к социалистическим идеям в целом и до 1905 года с осторожным пониманием приглядывался к революционному движению. Толстой подметил истоки социалистических идей в евангельском христианстве и приложил свою руку художника к написанию портретов добросовестно заблуждающихся, с его точки зрения, революционеров-страстотерпцев. Антигосударственная, антицаристская, антиклерикальная направленность проповеди Толстого была близка большинству революционеров. Ленин, как известно, сочувственно отозвался на смерть писателя в 1910 году. Сталин не мог не читать хотя бы отдельные публицистические произведения Толстого, широко печатавшиеся до революции в газетах. Наверняка он читал и какие-то художественные произведения, о чем свидетельствуют однокашники Кобы по семинарии. То же «Воскресение» сначала публиковалось частями в популярном журнале «Нива» и в различных газетах. До революции вышло около сорока изданий этого романа, впрочем, сильно искаверканных цензурой. Но Сталин, скорее всего, прочитал роман только в середине 30-х годов в этом самом академическом издании, которое и сейчас находится в его архиве.

Очевидно, роман получил сильный отзвук в душе Сталина, вызвал серьезные раздумья и воскресил воспоминания о годах ссылки, тюрем, этапов. Воспоминаниям о пройденных этапах и тюрьмах он любил предаваться еще до революции. И после революции он иногда уносился мыслями в смрадную атмосферу тюремных камер, вспоминал совместные попойки с «благородными» уголовниками, коллег-революционеров разных партий и различных калибров. Но некоторые строчки романа не только высвечивали картины прошлого, а делали как бы прозрачными, просветляли его собственные смутные мысли по важнейшим жизненным, политическим и философским вопросам. Не все, конечно, Сталин воспринимал в романе всерьез, что-то вызывало взрывы издевательского хохота. Что ж, ведь и Ленин, говоря с уважением о Толстом «как зеркале русской революции», насмешничал над его любовью к «рисовым котлеткам», над его

«революционной мягкотелостью» и дряблым «непротивлением злу насилием». Тогда Ленин писал: «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества...» [\[510\]](#)

Сталин, читая роман, расхохотался трижды — и каждый раз по самым существенным пунктам толстовской этики.

Первый раз — пробегая глазами знаменитое начало романа, в котором описывается весна в городе, а по существу противопоставляется животворящая естественная природа каменному индустриальному противоестеству городской цивилизации и ее бюрократии. Именно в этом месте, жирно отмеченном на полях сталинским карандашом и раскатисто крупными буквами: «ХА-ХА-ХА », находится ключевая для философии Толстого фраза:

...

«Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священно и важно в это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом» [\[511\]](#).

Может быть, Ленин или другие высоколобые большевики в свое время настроили Кобу на столь веселый лад по отношению к толстовской этике, или Сталину самому почудились знакомые по семинарии ханжески нравоучительные поповские нотки, — не знаю. Второй взрыв смеха вызвал пассаж Толстого в конце заключительной части романа. Толстой описывает, как князя Нехлюдова (главного героя романа, прошедшего, рядом с Катюшей Масловой, как по крестному пути в Иерусалиме, по царским тюрьмам России) вдруг озаряет понимание способа спасения от огосударствленного зла. Остро заточенным простым карандашом Сталин подчеркнул текст, а сбоку на полях приписал «ХА-ХА» по такому поводу: «И с Нехлюдовым случилось то, что часто случается с людьми, живущими духовной жизнью. Случилось то, что мысль, представлявшаяся ему сначала как странность, как парадокс, даже как шутка, все чаще и чаще находя себе подтверждение в жизни, вдруг предстала ему как самая простая,

несомненная истина. Так выяснилась ему теперь мысль о том, что единственное и несомненное средство спасения от того ужасного зла, от которого страдают люди, состояло только в том, чтобы люди признавали себя всегда виноватыми перед богом и потому неспособными ни наказывать, ни исправлять других людей. Ему ясно стало теперь, что все то страшное зло, которого он был свидетелем в тюрьмах и острогах, и спокойная самоуверенность тех, которые производили это зло, произошло только оттого, что люди хотели делать невозможное дело: будучи злы, исправлять зло. Порочные люди хотели исправлять порочных людей...» [\[512\]](#)

Странно было бы, если бы эта толстовская мысль не вызвала у Сталина, прошедшего через те же царские тюрьмы, взрыв саркастической реакции. Вся его жизнь, как и жизнь большинства революционеров, тем более большевиков, была положена на алтарь борьбы с насилием средствами насилия же. Но не российские революционеры и тем более не Сталин первыми открыли этот способ преобразования мира. И хотя Маркс после вереницы всемирно-исторических революций прямо заявил, что насилие есть повивальная бабка истории, он тоже не первооткрыватель. Человечество коллективно вносит в мировое историческое пространство все более весомую меру насилия простым фактом своего существования. Просто жить — это значит ежеминутно, ежечасно совершать насилия над собой, над окружающими, над природой. И чаще такого рода насилие есть всего лишь способ отстаивания своего права на жизнь. Все дело в мере, и все живое, кроме человека, знает эту меру. Мера насилия, способствующая всеобщей жизни и коллективной организации, не должна превышать меру, сверх которой начинается угнетение, рабство, умерщвление. Всю свою историю человечество мечется в поисках этой меры, раз за разом все более загребая в сторону безмерного насилия.

Я не думаю, что похожие мысли сопровождали сталинский смех. Может быть, он рассмеялся потому, что отлично помнил, как порочные люди пытались вытравить из него «зло» в семинарии? Еще более порочные люди «исправляли» его в тюремных камерах, и это он помнил. То же самое было во время революции и после нее — красные пытались исправить белых, а те — красных... Но в то же время, если кто-то не будет постоянно пытаться исправлять зло насилием и наказывать, люди, как голодные крысы, сожрут друг друга заживо.

Скорее же всего, ход его мысли был такой: все это «пустяки» (любимое словечко), прекраснодушная болтовня. Надо быть «практиком» на своей земле, дело надо делать — «лес рубят, щепки летят», новое всегда строят с помощью топора, даже «царство божие на земле», и т. д.

В третий раз он рассмеялся, когда Толстой процитировал мысли Нехлюдова, раз за разом перечитывавшего Нагорную проповедь Христа, которая устанавливала, как считал Толстой, «...совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожилось все то насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо — царство божие на земле» [\[513\]](#). Двоекратное «ха-ха» вам на это, Лев Николаевич, от товарища Сталина!

В остальном Сталин серьезно отнесся к роману. Характер помет позволяет выявить те проблемы, которые больше всего волновали вождя, и вопросы, на которые он в эти задымившиеся по его инициативе большой кровью годы искал в «Воскресении» ответы.

«Народ» Льва Толстого

Сталин не мог пройти мимо толстовского образа-видения, врезающегося в память навечно:

...

«Из всего того, что видел нынче Нехлюдов (в тюрьме. — Б.И.), самым ужасным ему показался мальчик, спавший на жиже, вытекавшей из парахи, положив голову на ногу арестанта» [\[514\]](#).

Так, не увлажняя ханжески глаз, Толстой-Нехлюдов увидел разом и настоящее, и будущее состояние своего народа. Но главным, что отслеживал Сталин в этой теме, был мотив вины и покаяния перед обиженным народом. В разгар дискуссии политзаключенных о том, можно ли силой навязывать людям пути их освобождения из рабства, Нехлюдов задает вопрос молчавшей Катюше Масловой о том, что она (бывшая проститутка) думает о народе.

...

«— Я думаю, обижен простой народ, — сказала она, вся вспыхнув, — очень уж обижен простой народ» [\[515\]](#).

Обижен же простой народ тем, что живет в тяжелейших, почти скотских условиях, лишенный средств пропитания, то есть земли и самого необходимого. Нехлюдов-Толстой с нарастающим удивлением как бы заново разглядывает крестьянский быт, хотя сам был потомственным помещиком и крепостником:

«— А что вы обедать будете?

— Что обедать? Пищца наша хорошая. Первая перемена хлеб с квасом, а другая — квас с хлебом, — сказала старуха, оскаливая свои съеденные до половины зубы.

— Нет, без шуток, покажите мне, что вы будете кушать нынче.

— Кушать? — смеясь, сказал старик... — Покажи ему, старуха».

...

Барин поспешил уйти: «— Ну, прощайте, — сказал Нехлюдов, чувствуя неловкость и стыд, в причине которых он не давал себе отчета» [\[516\]](#).

Фразу о чувстве стыда Сталин также отметил на полях простым карандашом. И другую, близкую по смыслу мысль, Сталин таким же способом выделил. Из моральных соображений Нехлюдов продал свою землю крестьянам по дешевке, но не испытал удовлетворения от содеянного:

...

«Чем он был недоволен, он не знал, но ему все время чего-то было грустно и чего-то стыдно» [\[517\]](#).

Стыд не оставил Нехлюдова даже тогда, когда он решил отдать оставшуюся землю крестьянам бесплатно, но:

...

«Мужики молчали, и в выражении их лиц не произошло никакого изменения», — подмечает Сталин вслед за Нехлюдовым [\[518\]](#).

Роман «Воскресение» — это по-толстовски воображенное покаяние. И первым, перед кем кается Толстой-Нехлюдов, стал «народ», представший пред ним в облике крестьянства.

Именно в те годы, когда Сталин с простым карандашом в руке штудировал «Воскресение», СССР трясло от недавних последствий коллективизации и индустриализации, вообще лишивших крестьян собственной земли и выкинувших значительную их часть в города, в жерло советской технической модернизации. Другая их часть гибла в сибирских лагерях или умирала голодной смертью в колхозах. Испытывал ли Сталин чувство вины, пусть втайне, пусть наедине с самим собой? Может быть, он, как и Нехлюдов, испытывал стыд перед крестьянами и поэтому с таким вниманием фиксировал все симптомы его моральных недомоганий? Думаю, все наоборот. Ему было важно то, что чувство стыда испытывал помещик, «частник», собственник земли. Значит, и крестьянин как «собственник» так же не имеет морального права на землю, но, в отличие от моралиста и интеллигента Нехлюдова, никакого чувства стыда не испытывает. Сталин неплохо понимал крестьянскую психологию и поэтому не проявлял по отношению к нему, крестьянину, никакого пиетета, хотя пропаганда твердила обратное. Ни в юности, ни позже Сталин не имел прямого отношения к земледельческому труду (как и к любому другому), но он сам был потомком крестьян, много жил среди них в ссылках, до революции постоянно встречался с выходцами из деревни в индустриальных городах Закавказья. Он любил, когда со стороны в нем подмечали черты крестьянской хитрованности. Думаю, не без подсказки «крестьянскую» основательность подметили в нем и А. Барбюс, и Л. Фейхтвангер, и другие «иконописцы» прижизненного сталинского образа. В художественных фильмах он часто изображался с лопатой в руке, возделывающим свой сад-огород, обрабатывающим розы и плодовые деревья. И в жизни он иногда любил демонстрировать гостям свою любовь к сельхозработам в оранжерее и на участке. Но крестьян-народ он содержал в своем государстве как новый «всесоюзный барин»: государственная барщина, государственный оброк, солдатчина, беспаспортное крепостное состояние.

Самодовольство аристократии

Как известно, Нехлюдов в романе Толстого медленно и с трудом освобождается от моральной нечистоты своего класса. Долгий путь к «воскресению» сопровождается рецидивами, возвращениями в привычный мир довольства, уюта, культуры. Именно на описаниях барственных рецидивов задержалось внимание Сталина. Нехлюдов после мытарств с этапниками, по тюрьмам и дорогам Сибири, и «долгого лишения не только роскоши, но и самых первобытных удобств», приходит на прием в сановный дом:

...

«Эта тонкая лесть (хозяйки. — Б.И.) и вся изящно-роскошная обстановка жизни в доме генерала сделали то, что Нехлюдов весь отдался удовольствию красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и понятности отношений с благовоспитанными людьми своего привычного круга, как будто все то, среди чего он жил в последнее время, был сон, от которого он проснулся к настоящей действительности» [\[519\]](#).

...

«И Нехлюдову, после хорошего обеда, вина, за кофею, на мягком кресле, среди ласковых и благовоспитанных людей, становилось все более и более приятно. Когда же хозяйка, по просьбе англичанина, вместе с бывшим директором департамента сели за фортепиано и заиграли хорошо разученную ими 5-ю симфонию Бетховена, Нехлюдов почувствовал давно не испытанное им душевное состояние полного довольства собой, точно как будто он теперь только узнал, какой он был хороший человек» [\[520\]](#).

Напомню, что Сталину второй половины тридцатых годов тоже были знакомы подобные чувства «довольства собой» и открытия самого себя в обстановке пиров и застолий как «хорошего человека». С годами его все больше тянуло к суррогатам великосветских раутов и «интеллигентских» вечеров с пианино, на котором играл Жданов, с певцами и артистами и т. п. аксессуарами. Но, в отличие от Нехлюдова, он этим не возвращался в привычную среду веками обустроенной жизни. В действительности все было наоборот — он был вырван силою обстоятельств из нищеты, ссылок и опасностей и вознесен на вершину людской пирамиды так, как ни графу Толстому, ни князю Нехлюдову не снилось. Не отставали от него и другие крупные советские сановники. Впрочем, опасностей там, наверху, было много больше.

Внимание Сталина задержалось еще на одном из образов благополучного класса людей. Это был Сковородников, один из тех чиновников, кто принял решение оставить без изменения, «из нравственных» соображений, несправедливый приговор Катерине Масловой:

...

«Сковородников был материалист, дарвинист, и считал всякие проявления отвлеченной нравственности или, еще хуже, религиозности не только презренным безумием, но и личным себе оскорблением» [\[521\]](#).

Сковородникову была противна не столько сама женщина, сколько ситуация — «возня с этой проституткой», ее присутствие в Сенате, желание Нехлюдова жениться на ней. Судя по этому тексту Толстого, быть материалистом и дарвинистом, испытывать неприязнь к «отвлеченной нравственности» могли не только революционеры и большевики, но и представители «эксплуататорских классов». Сталин взял себе эту мысль на заметку, но обратил ли он внимание на то, что человек, придерживающийся таких «прогрессивных» взглядов, без всякого зазрения совести походя совершает подлость?

Карандаш Сталина отметил и художественную характеристику нового класса людей, который был представлен молодым купцом-золото-промышленником, являвшим собой «совершенно новый и хороший тип

образованного — прививка европейской культурности на здоровом мужицком дичке» [\[522\]](#).

Формула исчисления нравственности революционера

Продолжая традиции классического европейского романа XIX века, Толстой каждой фигуре придавал не только живой человеческий облик, но еще и нагружал ее (иногда сверх меры) признаками типического. Так, Нехлюдов символизировал мечущуюся, умную душу человека, стремящуюся к воскресению. Катюша Маслова — наивная, поруганная любящая душа, выбирающаяся из гнилого болота на твердую почву нравственного существования. Дети, рожденные распутной матерью Катерины, формальным образом крещенные и тут же сознательно брошенные ею на голодную смерть, — символы родины и ее народа. Образы революционеров в «Воскресении» вместе и в отдельности символизируют некие фундаментальные, как представляется Толстому, черточки типичных революционеров. При тяге Сталина к каноническим формам умозаключений он не мог пройти мимо обобщающих наблюдений Толстого, характеризующих духовный мир революционеров. Но обратим внимание на то, как Сталин трансформирует размышления писателя.

По наблюдению Толстого-Нехлюдова, среди революционеров, как и среди обыкновенных людей, было три рода: искренне борющиеся с существующим злом, эгоистичные и тщеславные люди и большинство — любители риска, авантюрной игры своей судьбой и жизнью. Но вместе они отличались тем, «что требования нравственности среди них были выше тех, которые были приняты в кругу обыкновенных людей. Среди них считалось обязательными не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но и готовность жертвовать всем, даже своею жизнью, для общего дела». Не будем излишне придирается к непоследовательности Толстого, зачислившего в круг высоконравственных людей и тех, кто пошел в революцию из эгоизма и тщеславия. Любое сложное явление не может быть рассмотрено формально, непротиворечиво. Именно клубки противоречий являются сутью очень сложных явлений. И в этой книге о Сталине я не способен избежать вопиющих противоречий, особенно в оценках. Очень надеюсь, что именно они откроют нечто большее в характере вождя и в сущности сталинизма.

В типографии книга Толстого была набрана мелким, убористым шрифтом, плотно расположенным на странице. Поэтому Сталин, вопреки обыкновению, после первой страницы романа вынужден был отбросить карандаш с любимым толстым грифелем и использовать карандаш тонко заточенный, оставляющий заметные, но слабые отметины. Вслед за только что процитированным текстом Сталин подчеркнул: «И поэтому те из этих

людей, которые были выше среднего уровня, были гораздо выше его, представляли из себя образец редкой нравственной высоты; те же, которые были ниже среднего уровня, были гораздо ниже его, представляли из себя часто людей среднего уровня, притворяющихся и вместе с тем самоуверенных и гордых» [\[523\]](#).

Внимание Сталина сфокусировано на первой части фразы, на том, как Толстой характеризует разряд революционеров высокой нравственности, и отключается там, где речь идет о противоположном полюсе. Пока Толстой предложил всего лишь общую теорию вычисления уровня нравственности. Но вот он понуждает своего героя применить ее на практике. И Нехлюдов занялся исчислениями уровня духовного потенциала одного из революционеров:

...

«Умственные силы этого человека — его числитель — были большие; но мнение его о себе — его знаменатель — было несоизмеримо огромное и давно уже переросло его умственные силы».

И здесь же Сталин на полях слева тоненько приписал собственноручно выведенную формулу:

«Ум

—

Самомнение»

[\[524\]](#)

.

Толстой так увлек Сталина своими нравственными исчислениями революционного сознания, что недавний революционер и нынешний вождь проследил эту линию романа до самого конца.

Один из героев романа — революционер, подвергшийся строгому нравственному анализу «по Толстому», встал на путь борьбы из тщеславия, из желания первенствовать. «Сначала, — пишет Толстой, а Сталин подчеркивает, — благодаря своей способности усваивать чужие мысли и

точно передавать их, он в период учения, в среде учащихся и учащихся... имел первенство, и он был удовлетворен». Затем, когда он перестал учиться и усваивать чужие мысли, то потерял первенство. Чтобы его вернуть, он переменял взгляды, стал красным и занял положение руководителя партии. «Раз выбрав направление, — читает Сталин далее с карандашом в руке, — он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался. Все ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомненно... Самоуверенность его была так велика, что она могла только отталкивать от себя людей или подчинять себе. А так как деятельность его происходила среди очень молодых людей, принимавших его безграничную самоуверенность за глубокомыслие и мудрость, то большинство подчинялось ему, и он имел большой успех в революционных кругах. Деятельность его состояла в подготовке к восстанию, в котором он должен был захватить власть и созвать собор... Товарищи уважали его за его смелость и решительность, но не любили. Он же никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если бы мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним» [525].

Я теряюсь, я не знаю, как все это непротиворечиво объяснить. На кого или на какие представления проецировал Сталин характеристики Толстого? На кого-то из своих врагов? Но какой смысл искать у писателя то, о чем он и сам постоянно твердил со всех партийных трибун? Но еще в большей степени я не могу поверить в то, что он вдруг увидел собственное отражение в толстовском зеркале. Признаться, пусть и наедине с собой, что ты начетчик, перепевающий чужие мысли, способный только на то, чтобы морочить голову незрелым юнцам, что ты самоуверен и с легкостью кардинально меняешь политическую окраску, и что безобразно падок на лесть и поэтому хорошо относишься только к тем, кто преклоняется пред тобой, признаться во всем этом невыносимо, невозможно. Невозможно не только Сталину с его гипертрофированным комплексом нарциссизма, невыносимо признаться вообще любому человеку. Еще Достоевский в «Идиоте» устами одного из героев (Ганечка) заявил, что лучше человека обвинить в каких угодно смертных грехах и преступлениях, считать его отпетым негодяем, чем заподозрить в нем отсутствие хоть каких-то талантов и способностей. Признать это — все равно что добровольно самоуничтожиться. Чувство самосохранения распространяется не только на нежную человеческую плоть, как бы она ни была безобразна, но и на душу и на интеллект, как бы они ни были ущербны. Даже если человек знает, что он

не умен, уродлив и нечестен, он будет убеждать других и еще больше себя в обратном. Но так же как тело иногда невозможно сохранить без серьезного хирургического вмешательства, так и душа требует, чтобы и ее хоть иногда очищали от скверны. Неужели здесь Сталин наедине с самим собой позволил себе самокритично посмотреть на свое отражение в зеркале, подставленном семидесятилетним Толстым? В конце книги, где автором была проставлена дата ее завершения: «16 декабря 1899 года», Сталин дописал: «70-ти лет».

Обратим внимание на ту часть процитированного текста Толстого, в котором он сравнивает своего революционного вождя со старым самцом-обезьяной, вырывающим «все способности» у молодых особей, только бы они не мешали проявлению его способностей. В своей текущей кадровой политике Сталин точно придерживался рецепта старого самца-обезьяны. Так Лев Николаевич Толстой объяснил стареющему вождю смысл психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и метод борьбы за либидо в обезьяно-человеческом стаде.

И снова женщина

Все романы Толстого населены большим числом женщин; иногда они играют равные с мужскими образами роли. В двух романах — в «Анне Карениной» и в «Воскресении» — женщины главные героини. В первом случае — аристократка, бегущая от серых буден и возмечтавшая о свободной любви, во втором — проститутка, стремящаяся к обыденному счастью. В русской классической традиции романа, которой следовали и Толстой, и Достоевский, и большинство известных отечественных писателей XIX — XX веков, проститутка, или «падшая женщина», женщина «легкого поведения», «содержанка», «соблазненная и покинутая» и т. д. — существо страдательное, жертва злой воли, житейских или социальных обстоятельств. Культивирование страдальческого образа проститутки в российском общественном сознании было связано, с одной стороны, с христианской традицией, с образом Марии Магдалины — одной из первых поверившей в божественность Христа, раскаявшейся и потому причисленной к сонму святых дев. С другой же стороны, оно связано с реалиями крепостной и особенно посткрепостной России, когда женщины низших сословий становились в барских усадьбах и городских особняках жертвами сексуального насилия и соблазна, а главное — жертвами обнищания городского и сельского населения. Судя по распространенности сюжета, история соблазненной барином воспитанницы, гувернантки или молодой горничной была довольно типична, и так же типично было декларируемое сочувствие. Но, пожалуй, только Толстой спроектировал городской проститутке не крестный путь по мукам, на манер Достоевского,

с параллельным духовным возрождением через сострадание к ближнему, а — каторжный этап рядом с близким человеком, дорогу в революцию. Не знаю, стала ли хоть одна представительница древнейшей профессии профессиональной революционеркой (история на этот счет отмалчивается), не знаю и того, встречал ли их Коба на своем революционном пути? Но Катерина Маслова, на мой взгляд, довольно блекло описанная 70-летним графом, почти не привлекла к себе внимание Сталина. Только на одной странице романа дважды зацепился его карандаш за текст. Ближе к концу этапа, когда все отчетливее проявляются признаки морального выздоровления и Нехлюдова и его жертвы — Масловой, для нее открывается перспектива новой духовной жизни, а сама она начинает высоко оцениваться праведными женами-революционерками. Сталин небрежной кривой чертой отметил на полях диалог Нехлюдова и одного из революционеров:

«— Что же я могу сказать? — сказал Нехлюдов. — Я рад, что она нашла такого покровителя, как вы...

...

— Вот это-то мне и нужно было знать, — продолжал Симонсон. — Я желал знать, любя ее, желая ей блага, нашли ли бы вы благом ее брак со мной?

— О да, — решительно сказал Нехлюдов.

— Все дело в ней, мне ведь нужно только, чтобы эта пострадавшая душа отдохнула, — сказал Симонсон...» [\[526\]](#)

Диагноз духовного и нравственного воскресения Масловой, поставленный влюбленным мужчиной Симонсоном, вызывает интуитивное недоверие, что почувствовали, видимо, не только Нехлюдов, но и писатель и вождь. Поэтому Толстой заставляет Марию Павловну, как идеал девственной женской нравственности в романе, подтвердить диагноз:

«— Она? — Марья Павловна остановилась, очевидно, желая как можно точнее ответить на вопрос. — Она? — Видите ли, она, несмотря на ее прошедшее, по природе одна из самых нравственных натур... и так тонко чувствует...» [\[527\]](#)

Перед нами сугубо мужское умозаключение, вложенное Толстым в уста женщины. Вряд ли хоть одна «добропорядочная» женщина позволит себе

простить другой женщине полноту испытанной ею сексуальной свободы, а затем признать ее нравственной, то есть равной себе. Другое дело мужчина, — когда он видит заинтересовавшую его женщину, он мыслит ее доступной для себя, то есть свободной, даже если ему известно, что это не так. Здесь лежат истоки мужской «теории» расщепления женской сущности: при невозможности навечно закрепления за собой желанного женского тела, хотя бы претендовать на «вечную» верность менее осязаемой женской души. Тело может передаваться многим, душа же — сама по себе. При любых обстоятельствах она может оставаться высоконравственной. Толстой здесь лишь художественно выразил то, о чем начинает додумываться любой подросток с момента полового созревания. Полюбивший Маслову Симонсон поступил именно так, как поступает большинство мужчин, предполагающих, что именно они силой своей любви смогут удержать при себе и тело, и душу женщины. Более рассудочным Нехлюдовым двигало великодушие, которое вечно ожидает ответной благодарности. Читая роман во второй раз уже с красным карандашом в руке, Сталин вновь задержался на взаимоотношениях любовного «треугольника»:

«Нехлюдов предлагал ей брак по великодушию и потому, что было прежде; но Симонсон любил ее такую, каковой она была теперь, и любил просто за то, что любил» [\[528\]](#). Вспомним, что Сталин в свое время не пошел на «брак по великодушию» с Лидией Перепрыгиной.

Недаром авторами всех господствующих социальных теорий выступают мужчины. Не случайно и то, что все прогрессистские социальные теории исходят из того же мужского оптимизма — прошлое человека и человечества, как бы оно ни было греховно и безнравственно, преодолимо и возрождение всегда возможно. Для бывшего профессионального христианина, практика-большевика и бабника Сталина толстовская мысль была близка и понятна.

* * *

В соответствии с той же «мужской» философией, когда свобода женщины рассматривается как ее сексуальная свобода для тебя, а ее нравственность как проявление любви и верности тебе, выстраивается и другой, казалось бы, противоречащий первому тезис. Мы помним, как еще Светлана Аллилуева отмечала, что Сталин публично выступал за равноправие женщин, но на самом деле не любил женщин самостоятельных, считал их по большей части существами недалекими, а в семье был

сторонником патриархальных отношений между супругами. Поэтому не удивляет то, что Сталин отметил в романе и такой пассаж:

...

«Хотя он принципиально и был за женский вопрос, но в глубине души считал всех женщин глупыми и ничтожными, за исключением тех, в которых часто бывал сентиментально влюблен так, как теперь был влюблен в Грабец, и тогда считал их необычайными женщинами, достоинства которых умел заметить только он» [\[529\]](#).

Несмотря на то что Толстой вещает здесь от имени души мало любимого им персонажа, каждый, как и Сталин, может найти знакомые мысли и ощущения. Для любовного чувства нужно, чтобы объект любви выделялся на общем фоне. А при отсутствии яркого накала у любовного объекта психологически гасится окружающий «фон». И тогда действительно все остальные женщины на время влюбленности кажутся глупыми и неинтересными.

Что бы ни твердили сторонники равноправия полов, в человеческом обществе господствуют вечные мужские идеалы женщин. И дело здесь не в мужском шовинизме, а тысячелетиями выработанных представлениях о человеческом счастье, которое достигается в момент наиболее полного слияния «Его» и «Ее». Этот момент, это почти полное единство двоих способна выстроить именно женщина, а не мужчина. Поиски такого единства гонят наиболее активных мужчин от одной женщины к другой. Мужская мечта абсолютной совместности изложена Толстым через такой женский образ:

...

«Но, раз полюбив и выйдя замуж за самого, по ее убеждениям, хорошего и умного человека на свете, она, естественно, понимала жизнь и цель ее точно так же,

как понимал ее самый лучший и умный человек на свете...

И ей казалось, что она действительно так думает и чувствует, но, в сущности, она думала только то, что все то, что думает муж, то истинная правда, и искала только одного — полного согласия, слияния с душой мужа, что одно давало ей нравственное удовлетворение» [\[530\]](#).

Даже Толстой не смог предусмотреть того, что через десять лет после опубликования этих строчек он во имя высших нравственных соображений бросит постаревшую жену, с которой ему за многие десятилетия совместной жизни так и не удалось достичь полного душевного слияния. Утопия может быть не только инженерной или социальной, но и нравственной. Мужская нравственная утопия тем и хороша, что она универсальна. Как и подавляющему большинству мужчин, она была близка и Сталину, который, конечно же, изменял жене и при ее жизни и после смерти, но в мечтах не прочь был иметь при себе верную женину душу. Она же выстрелом в висок убила ее или... отпустила на волю.

Тюрьма как зеркало Российского государства

Не может быть никаких сомнений, что, отправляя на каторгу и на расстрел миллионы людей, Сталин делал это в здравом уме, расчетливо, холодно и заранее взвешивая все последствия. Ужесточая из года в год советский тюремный и лагерный режимы, он, конечно, помнил начальную, так сказать, точку — уровень жестокости царской тюрьмы и каторги. Советские тюрьмы по этому показателю на порядок превосходили царские. Это, по крайней мере, доказывает, что он не испытывал ни малейшего сочувствия к тем новым страдальцам, которых часто знал лично. Считается, что закоренелый убийца и садист — это человек, лишенный воображения, потому и сострадания, не способный представить себя в роли жертвы и перенести на себя чужие боли и страхи. Сталин же сам побывал в роли жертвы репрессивной государственной машины. Правда, жертвы, заслуженно, с точки зрения того, дореволюционного государства, понесшей наказание. Ведь он с товарищами делал все, что было им по силам, чтобы его разрушить.

Проведя в тюрьмах и ссылках в общей сложности около восьми лет, он наверняка встречал невинно осужденных людей, их на российской каторге всегда было с избытком. В России во все времена это были жертвы

судебных ошибок, злой воли какого-нибудь негодяя или рокового стечения обстоятельств. Неизвестно, сочувствовал ли он этим людям там, в Сибири, или когда встречался с ними в камерах царских тюрем. Но то, что он особенно злобно ненавидел невинно осужденных его судьями, общеизвестно. Как утверждает дочь, ненавидя, он просто вычеркивал людей из своего сознания. Я не думаю, что Сталин был способен волевым усилием действительно забывать имена или лица убиенных и замученных по его вине. Похоже, что на это вообще никто не способен. Толстой в дневнике за 1905 год записал: «Я получил радость или оскорбление. В настоящем нет ни радости, ни оскорбления, оно начинает действовать только в воспоминании. Из бесчисленного количества впечатлений, которые я получал, я очень многие забыл, но они оставили следы в моем духовном существе. Мое духовное существо образовано из них...» ^[531] Душа-индивидуальность соткана из огромного количества впечатлений, над которыми мы не властны, пока их оценивает совесть, участвующая в каждом нашем поступке. Но по мере огрубения, а затем омертвления души совесть подменяется рацией, то есть расчетом. Именно это происходило с душой Сталина. Он был расчетлив и поэтому был способен переводить того или иного человека из той части своего сознания, где располагались эмоции со знаком «плюс» и люди, к которым он испытывал временное расположение и доверие, в ту часть, где сосредоточились эмоции со знаком «минус» и люди, к которым он испытывал неприязнь и которых страшился. Поскольку этот процесс не был спонтанен, то есть душевен, как у большинства людей, а рационально регулировался рассудком, то при необходимости он легко переводил и мертвых и живых людей из одной символической «камеры» своего сознания в другую. Вспомним хотя бы историю с К.К. Рокоссовским и другими командирами Красной армии, которых он накануне войны после пыток вернул из ГУЛАГа ^[532]. Подлые законы, незаконные постановления и инструкции, расстрельные списки, подписанные им и соратниками, опубликованная статистика жертв Лубянки, воспоминания и другие документы — все это свидетельствует: звание генералиссимуса ему в первую очередь следовало бы присудить за беспрецедентное в истории истребление невинных людей, а затем уж за победу над Германией. Но есть ли доказательства, что все свои злодеяния он совершал, находясь в здравом уме? Они есть, и они бесспорны.

Древнейшая историческая традиция пытается объяснить жестокости, творимые тиранами, психическими отклонениями, спровоцированными внезапным овладением безмерной властью. В этом наблюдении есть очень много правды. И действительно, даже в демократических системах новый государственный лидер проходит определенную адаптацию к власти через

ряд промежуточных ступеней. Когда этого по каким-либо причинам не происходит, может начаться процесс формирования авторитарной личности, даже в рамках демократии. В системах же изначально авторитарных (в том числе и монархических) времени на адаптацию к власти нового правителя может практически не быть. И тогда велика вероятность рождения кровожадного монстра из человека, который до власти не казался общественно опасным и вел себя как обычный представитель своего круга. Несмотря на то что вхождение Сталина, как и всех большевистских лидеров, во власть было с психологической точки зрения стремительным и, по существу, явилось как бы одномоментным переходом из глубин стесненного подполья в разряженную атмосферу властной верховной свободы, Сталин был в какой-то степени адаптирован к ней. В период Гражданской войны он, недавний сиделец станка Курейка, занимал крупные партийные и государственные должности, распоряжался судьбами и жизнями тысяч людей. В эти и последующие несколько лет он по уровню жестокости мало чем отличался от других лидеров советского государства. Но, когда Коба пришел к единоличной власти, все стало решительно меняться.

Загадку рождения жестокого диктатора из обычного человека решают двумя способами. О первом я уже говорил — объявляют, что данный субъект изначально был неадекватен, и поэтому в благоприятной среде до предела развиваются его садистические наклонности. Во втором случае обвиняют окружение: трусливое, подхалимажное и продажное, которое, потакая человеческим слабостям, формирует из незаурядной личности человека-волка. К случаю со Сталиным применялись оба объяснения (Л. Троцкого, Н. Бухарина, Н. Хрущева), но мне кажется, они к нему совершенно не подходят. Я думаю, они не подходят и для объяснения большинства других случаев феномена единоличной диктатуры.

Внутренняя жизнь человека устроена таким образом, что она может расщепляться на отдельные параллельно сосуществующие отсеки. В одном из «отсеков» живет и развивается интеллект и беспринципный политикан, в другом — скромный семьянин, а представится случай — развратник, в третьем — вдумчивый, великодушный человек, способный многое понять и простить, но принципиально не подающий милостыни нищему, и т. д. И совсем не обязательно, что кто-то из них раз и навсегда возьмет верх над всеми остальными. Они легко могут ужиться и, как правило, мирно сосуществуют друг с другом. Все люди это хорошо знают и спонтанно отрабатывают сдвоенные или строенные качества души и все их оттенки дома, на работе, в компании, в метро или на дороге в автомобиле... Так устроен любой человек, будь он правитель или бродяга.

Сталин, читающий роман Толстого в конце страшных 30-х годов, наедине с книгой и ее персонажами был не чужд сопереживания и сострадания. Но оно, это сострадание, относилось не к людям из крови и плоти, а к литературным героям. В этот момент в нем оживали воспоминания, а с ними — его подлинная душа — все тот же недавний семинарист, а теперь революционер Коба, правда, уже постаревший и умудренный житейским опытом, но не утративший отзывчивости и даже сентиментальности. Сцены тюремной жизни и всей обстановки, мастерски описанные Толстым, были узнаваемы и вызывали живейший отклик. Сталин наверняка всю жизнь помнил, как испугался тюрьмы, когда был арестован в первый раз, и о том, как впоследствии пообвыкнув, тюрьму и этап воспринимал уже как обыденность. Для Катерины Масловой переход от распутной и, как говорит Толстой, «развратной, роскошной и изнеженной» жизни на воле к жизни в остроге сначала с уголовниками, а затем с политическими, несмотря на тяжесть условий, не казался очень ужасным. Скорее даже, эта новая жизнь была хорошей, так как приносила моральное удовлетворение. Сталин отчеркнул красным карандашом:

...

«— Вот плакала, что меня присудили, — говорила она. — Да я век должна бога благодарить. То узнала, чего во всю жизнь не узнала бы» [\[533\]](#).

Каким-то странным образом тюрьма, описываемая Толстым, превращается не просто в место мучительства и страдания виновных и невинных, а чуть ли не в место особой святости, то место, где бытовые грешники, встречаясь с идейными праведниками, приобщаются к ним. Известно, что в царских тюрьмах такое иногда происходило. В те времена уголовный мир испытывал некоторое уважение к миру политзаключенных, так как и власти, и тюремщики содержали последних в чуть более благоприятных бытовых и моральных условиях. Поэтому Сталин со знанием дела лишал советские тюрьмы малейшего ореола святости, административно возвышая в лагерной иерархии уголовников («социально близкий элемент») над политическими. «Политические» зэки сталинского времени из полусвятых страдальцев за народ периода царизма

превращались официальной пропагандой и условиями заключения в самых «опущенных» и затравленных «врагов народа».

Толстой рассказывает — Катюша видела, что люди, окружающие теперь ее, были много лучше и чище людей, которых она встречала на воле. Упоминавшаяся уже Марья Павловна, как и сама Маслова, страдала невинно, взяв чужую вину на себя, и теперь «была озабочена только тем, как бы помочь кому-нибудь в большом и малом. Один из теперешних товарищей ее... шутя, говорил про нее, что она предается спорту благотворения» [\[534\]](#). Красный карандаш Сталина по привычке зацепился за необычное выражение: «спорт благотворения».

Очищающее воздействие тюремной атмосферы, людей ее населяющих испытывает по воле Толстого не только Катерина Маслова, но и Нехлюдов. Еще при первом чтении Сталин простым карандашом отметил:

...

«О чем бы он ни думал теперь, что бы ни делал, общее настроение его было это чувство жалости и умиления не только к ней, но и ко всем людям.

Это чувство как будто раскрыло в душе Нехлюдова поток любви, не находивший прежде исхода, а теперь направлявшийся на всех людей, с которыми он встречался» [\[535\]](#).

Мое воображение отказывается представить — Сталин мог в эти годы, нет, не чувствовать, а хотя бы размышлять вслед за Толстым о любви, жалости, а главное — об умилении. Но если это не так — чего ради он фиксирует свою руку, внимание, эмоциональный центр на этой части текста? Может быть, и он через жалость и сопереживание близкой женщине когда-то испытал описываемую Толстым вселенскую любовь к людям? Толстой утверждает, что на такую любовь к людям способен не каждый. Осмелюсь высказать сомнение — мне кажется, что гениальное воображение художника в очередной раз завело Толстого в манящую перспективу нравственной утопии. Христианская тема любви к людям в догматической и абстрактной форме была знакома Иосифу по лекциям и проповедям семинарских учителей. Но тогда тема любви «к человецам» звучала как

прелюдия проповеди любви и служения государству и его символам, включая царя, начальство и тюрьму. Думаю, и здесь, в романе, он отмечает знакомые мотивы, но звучащие теперь на прямо противоположном фоне морального оправдания революционного движения и гневного осуждения государственной машины, власти и церкви.

Как и большинство нравоучений, толстовская проповедь сильна именно критикой, отрицанием и осуждением. Его критика государственной власти, которая, как оборотень, под предлогом борьбы с людскими пороками тысячекратно умножает их, производит неизгладимое впечатление на любого читателя. По Толстому, тюрьма, как государственный институт наказания за преступления, на самом деле выполняет прямо противоположную роль:

...

«Точно как будто была задача, как наилучшим, наивернейшим способом развратить как можно больше людей, — думал Нехлюдов, вникая в то, что делалось в острогах и этапах. Сотни тысяч людей ежегодно доводились до высшей степени развращения, и когда они были вполне развращены, их выпускали на волю, для того чтобы они разносили усвоенное ими в тюрьмах развращение среди всего народа» [\[536\]](#).

Отчеркнуто на полях слева.

...

«Единственное объяснение всего совершающегося было пресечение, устрашение, исправление и закономерное возмездие, как это писали в книгах. Но в действительности не было никакого подобия ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого. Вместо пресечения было только распространение преступлений. Вместо устрашения было поощрение преступников, из

которых многие, как бродяги, добровольно шли в остроги. Вместо исправления было систематическое заражение всеми пороками. Потребность же возмездия не только не смягчалась правительственными наказаниями, но воспитывалась в народе, где ее не было»
[\[537\]](#).

Здесь же с левой стороны листа, рядом с линией, отчеркивавшей последний процитированный текст, Сталин печатными буквами и тем же простым карандашом написал: «Л.Т.» (Лев Толстой). Так он обычно помечал авторский текст, который предполагал использовать в дальнейшем. Именно в эти годы пропаганда твердила о необыкновенных достижениях сталинских воспитателей из ОГПУ-НКВД по перековке разного рода преступников в добропорядочных граждан. Напомню, что вообще вся советская страна объявлялась зоной переплавки старого «буржуазного» индивидуалиста в нового «коммунистического», коллективистского человека. Даже серьезные люди на Западе с интересом наблюдали за процессами, происходящими в СССР. Зигмунд Фрейд, не веривший в возможность искусственного переформирования психики человека, тем не менее с интересом следил за всем тем, что происходило в России в этой сфере.

До революции состояние царских тюрем не было тайной ни для своих граждан, ни для иностранцев. Революционный процесс, развернувшийся во второй половине XIX века, привел к тому, что в тюрьмах появилась масса людей из дворянских и разночинных слоев, громко возмущавшаяся порядками, творившимися в них. В результате европейский мир стал более пристально наблюдать за российскими тюремными нравами, находя их жесткими и варварскими. В романе Толстой выводит двух иностранных миссионеров-проповедников. Тот из них, к которому Толстой относится доброжелательно, посещает ту же тюрьму, в которой оказалась Маслова. Но перед этим он просит разрешения на посещение тюрьмы у знакомого Нехлюдову генерала. Английский миссионер заявляет ему:

«— Я предпочитаю посещать тюрьмы вечером, — сказал англичанин, — все дома, и нет приготовлений, а все есть как есть.

— А, он хочет видеть во всей прелести? Пускай видит. Я писал, меня не слушают. Так пускай узнают из иностранной печати, — сказал генерал и подошел к обеденному столу, у которого хозяйка указала места гостям» [\[538\]](#).

Интерес иностранцев к российским мерзостям был не меньшим и в XX веке. Но Сталин умело использовал их любопытство, специально приглашая различных знаменитостей, которых окружали особенной заботой, часто элементарно подкупали и водили по «потемкинским» деревням. А потом в печати появлялись их восторженные репортажи и книги. Но тюрьмы и лагеря были для иностранцев почти всегда запретной зоной. Поэтому в середине 30-х годов были организованы специальные пропагандистские акции — Максим Горький совершил торжественные поездки по Беломорканалу и на Соловки и вопреки очевидным фактам освятил своим международным авторитетом сталинскую тюрьму и каторгу.

* * *

Художник может себе позволить логические неувязки, так как именно на стыке, казалось бы, несовместимых противоречий рождается действительно непротиворечивый образ явления. Толстого не смущают противоречия, когда он, с одной стороны, утверждает, что вся тюремно-полицейская система бюрократического государства множит и множит своим насилием людские преступления, ненависть и разврат, а с другой — именно благодаря этому же насилию, но в борьбе с ним идет возрождение и воскресение падших душ. Согласно логике получается — не будь государственного насилия, не было бы возможным в результате страдания духовное воскресение. И в то же время людские пороки, искореняемые насилием, поднимают ответную, еще большую волну зла и насилия. Пометы, сделанные красным карандашом, большей частью относятся к этому глубочайшему в своем противоречии тезису Толстого. Нехлюдов наблюдает, как в колонне, идущей этапом в Сибирь, люди выбиваются из сил, страдают удушьем, подвергаются издевательствам. И охранники, которые не были злодеями, а были самыми обычными людьми, просто старательно исполнявшими свой служебный долг, не испытывали ни малейшего сострадания к заключенным. Скорее наоборот:

«Они не сделали этого (не оказали помощь. — Б.И.), даже мешали делать это другим только потому, что они видели перед собой не людей и свои обязанности перед ними, а службу и ее требования, которые они ставили выше требований человеческих отношений» [\[539\]](#).

Сталин подчеркнул эти и следующие слова все тем же красным карандашом. На протяжении романа Толстой несколько раз возвращается к образу искусственно вымощенной камнями, лишенной растительности земли как символа государства, создающего противоестественные институты насилия над естественной человеческой природой.

...

«То же самое и с людьми, — думал Нехлюдов, — может быть, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства — любви и жалости друг к другу» [\[540\]](#).

И наконец, вывод, отчеркнутый Сталиным двумя красными вертикальными чертами на полях:

...

«Все дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви; но с людьми нельзя обращаться без любви так же, как нельзя обращаться с пчелами без осторожности» [\[541\]](#).

Примечательно, что тут же за отмеченной фразой о любви к людям идет текст: «Не чувствуешь любви к людям, сиди смирно... занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми», но Сталин этот текст никак не

отметил. Похоже, что себя он соотносил с толстовским пасечником, со знанием дела, любовно вычищающим из человеческого улья «трутней». А «народ» (как это полагалось в соответствии с российской интеллигентской традицией) — единственно подлинных тружеников, достойных нового царства, — он, конечно, любил. У нас всегда и все заявляют о любви к народу и о действиях исключительно во имя его интересов. На любви к народу (а не народа к ним!) настаивала не только интеллигенция (и либеральная и консервативная), но и царское правительство, и государственная церковь. И все они в этом не были оригинальны: традиционно в России элементарное уважение к человеку по большей части подменяется «любовью к народу». Такая любовь мало что стоит любящему, так как объект любви не уточняем в своем абстрактном множестве.

Последняя отметка, сделанная красным карандашом, относится как раз к толстовскому образу «нового мира» и населяющему его трудовому народу: «“Да, совсем новый, другой, новый мир”, — думал Нехлюдов, глядя на эти сухие, мускулистые члены, грубые домодельные одежды и загорелые, ласковые и измученные лица и чувствуя себя со всех сторон окруженным совсем новыми людьми с их серьезными интересами, радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни» [\[542\]](#).

Почти так же, такими же словами (исключая «домодельную одежду») и с той же интонацией, о народе говорили сталинские идеологи, писали литераторы, живописали художники-реалисты и школьные учителя литературы. Этот обобщенно-лучезарный лик «простого народа», как пряничная печатка перешел по наследству от аристократически мыслящих интеллигентов (и славянофилов и западников) XIX века к советским мастерам идеологии. Не только стараниями Льва Толстого, но в еще большей степени стараниями других выдающихся российских деятелей разного толка, абстрактный «народ» все в большей степени вытеснял собою единого Бога, постепенно перевоплощаясь в национальный символ — «народ-богоносец». В книгах Достоевского этот идол перерос вселенские масштабы. Как для государственных деятелей, так и революционеров разных мастей борьба во имя «народа» и для блага «народа» стала бесспорным оправданием любого, в том числе и самого безбожного, гнусного поступка против человека.

И все же мне так до конца осталось непонятным — что значила для Сталина вся эта толстовская проповедь любви? Какое практическое значение она для него имела? Или это была своего рода бесплодная тренировка духа, который давно уже не подавал признаков положительной жизни? А может быть, отец просто хотел помочь дочери написать школьное сочинение на тему: «Лев Толстой...» Подобрал для нее цитаты, отмечая их красным карандашом, а потом, за государственной суетой, забыл их ей передать? Тогда эти тексты всего лишь символизируют отеческую заботу о правильном понимании дочерью классика русской литературы. До ее взросления роль заботливого отца он действительно старался исполнять исправно. И все же это не так. Когда мы перейдем к сталинскому анализу творчества Достоевского, то убедимся, что и там одной из тем, волновавших его, была любовь к людям.

От «учителя из Назарета» к «учителю из Тифлиса»

Я все больше убеждаюсь, что втайне Сталин тосковал по христианству. Нет, совсем не так, как возможно тоскует по нему мучающаяся неверием душа. И совсем не в том смысле, что он втайне продолжал его исповедовать, вынужденно демонстрируя казенный атеизм. Но, несмотря на свою безмерную свободу и власть, он не все мог позволить себе делать и все мысли выражать открыто. Ведь даже Господь чем-то ограничен, хотя бы бесконечным временем и бесконечным пространством. Советский вождь также был ограничен своим историческим временем и своим географическим пространством. Как и обычный человек, он не волен был менять исторические условия, а получил их по наследству. Сначала старый, а затем и новый режим каждый на свой манер успешно освобождались от ограничений, связанных с религиозной моралью. Властителю Сталину уже досталось послереволюционное, то есть вполне атеистическое, обезбоженное пространство-время России. И в этом качестве оно его полностью устраивало в публичной жизни, так как не создавало конкурентов ни со стороны Бога, ни со стороны Христа, ни дьявола. А наедине с собой он был совершенно свободен и нередко позволял себе вновь и вновь поразмышлять над учительским словом Христа. Но одно дело, когда вслушиваешься в слова Христа юношей, другое — зрелым мужем; одно дело, когда ты готовишься стать профессиональным христианином, то есть священнослужителем, другое — когда ты стал профессиональным революционером и Генеральным секретарем атеистической партии.

У Толстого христианский Бог присутствует на каждой странице романа. Не случайно Ленин обозвал писателя — «помещик, юродствующий во Христе» ^[543]. Сам Толстой проповедует от имени Христа, отвергая одни способы служения Ему и предлагая свои. Антиклерикализм Толстого

общеизвестен. Почему и за что его отлучили от православной церкви и предали анафеме, знал любой его современник, читающий газеты или посещающий храм. Рука Сталина не отреагировала на сцены богослужения в тюремной церкви, на нелепости, по мнению Толстого, связанные с таинствами евхаристии, то есть превращения хлеба и вина в тело и кровь Бога. Не отреагировал он на глубоко прочувствованную Толстым фальшь внешней обрядовости богослужения, не затрагивающей ни чувства, ни разум ни у тех, кто служит, ни у тех, кто им внимает. Наверняка все это было хорошо Сталину знакомо. Но вот Толстой описывает миссионера из Европы господина Вольфа. Он специализируется на образованных кругах и проповедует в светских салонах нечто вроде евангелизма. Живая душа Нехлюдова, не принимающая фальши государственной церкви, еще в большей степени не способна переварить умилительную патоку речей заезжего словоблуда. Немного послушав его, Нехлюдов поспешил покинуть салон, а Сталин отметил:

...

«Нехлюдову стало так мучительно гадко, что он потихоньку встал и, морщась и сдерживая крик, вышел на цыпочках и пошел в свою комнату»
[\[544\]](#).

Другого проповедника — англичанина, конфессию которого Толстой не считал нужным обозначать, Нехлюдов вынужденно сопровождает на заключительном круге своего сошествия в российскую преисподнюю. В тюрьме, среди сцен разложения и насилия, где воздух насыщен миазмами парши, дыханием туберкулезных и тифозных больных, где покойники лежат вперемешку с дровами и тряпьем, англичанин с текстами Евангелия в мешке нелеп и даже смешон. Они становятся свидетелями драки в одной из камер, и тогда англичанин считал нужным припомнить слова Христа об обидчике, которому он запретил мстить, а, напротив, предложил подставить другую щеку. Толстой заставляет православный люд ничего не знать об этой заповеди Христа и даже насмеяться над ее формулой. На предложение следовать ей Нехлюдов и англичанин слышат в ответ:

«— Этак он тебя всего измочалит.

...

— Ну-ка, попробуй, — сказал кто-то сзади и весело засмеялся. Обищий неудержимый хохот охватил всю камеру; даже избитый захохотал сквозь свою кровь и сопли. Смеялись и больные» [\[545\]](#).

Может быть, единственное, что ни под каким предлогом никогда не принимал Сталин, даже в теории, как и большинство людей на земле, была проповедь непротивления. Именно она вызвала его саркастическое «ха-ха», о чем я говорил вначале. А непринимаящий эту заповедь, тем более если он как будто во всем остальном следует евангельским путем, рано или поздно сойдется с Великим инквизитором. Две тысячи лет христианство терпит моральное фиаско именно потому, что христиане везде и всегда творят насилие в равной мере, как и нехристиане. В этом смысле Толстой ближе всех вернулся к истоку вероучения и именно за это был осмеян и отлучен.

Невозможно представить себе, что при обилии церквей, бывших в России, в том числе на селе, при наличии довольно разветвленной сети церковно-приходских и воскресных школ, при регулярном богослужении в военных казармах и тюремных храмах в массе своей люди ничего не слышали о главной заповеди Христа. Конечно же, не раз слышали и знали ее с рождения, но знали умом, а не сердцем и потому ничего как бы и не слышали. В этом массовом потоке обрядовости, когда между Богом и человеком стояла огосударствленная иерархия, крайне редко наступало просветление. Оно произошло с Нехлюдовым, который в очередной раз, принимаясь самостоятельно читать Евангелие, как-то вдруг, сразу прозрел. Такое может случиться с каждым, кто настойчиво и пытливо вопрошает Учителя из Назарета. Нехлюдов открыл наугад, «как Бог на душу положит», Евангелие от Матфея и начал читать главу XVIII. «Учитель из Тифлиса» внимательно перечитал эту главу и пометил в ней простым карандашом только третий и тринадцатый стихи:

«3. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное» [\[546\]](#).

...

«13. И если случится найти ее (заблудшую овцу. — Б.И.), то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяти не заблудившихся» [\[547\]](#).

На этот раз «Учитель из Тифлиса» брал себе на заметку, в свой умственный арсенал, фразу, которую он слышал много раз, но которая теперь в годы его всемогущества приобретала новое звучание. «Будьте как дети», то есть надо «умалиться», как дитя, которое Христос поставил для примера перед учениками. С каждым годом в сталинской пропаганде, в его публичном лексиконе все чаще звучал призыв «к вере». Требовалось верить то в возможность построения социализма в одной стране, то в скорое построение коммунизма, то в победу на войне, то в победные марши пятилеток и т. д. Но все эти требования веры и призывы к народу означали одно — внушение веры в него, Сталина, ведущего народы за собой. Чистая вера (вера старшему), не замутненная критическим разумом, — качество детской души. И если Христос призывал взрослого очиститься от сомнений и тем самым стать подобно ребенку истинно верующим, то Сталин всю силу этой детской веры людей «в царствие небесное» направил в нужное ему русло веры в вождя и его царство. И тогда с советскими людьми произошло то, что Толстой сказал о действиях революционеров 1905 года: «Ребячество без детской невинности» [\[548\]](#). Детская глупость (ребячество) хуже глупости взрослого, поскольку она помножена на наивность и злой азарт.

То же самое и с притчей о заблудшей овце. Сталин знал, что одно из иносказательных имен Христа — «добрый пастырь». Именно в эти годы имя «Пастырь» Сталин старательно приспосабливал к своему публичному образу. Одно из произведений А. Казбеги, так же любимое вождем, как и «Отцеубийца», называлось «Пастырь». И Анри Барбюс широко использовал образ «пастыря народов» в своей книге. Если Христос в каждом враге своего вероучения видел заблудшую овцу и был особенно рад ее новообращению, то для Сталина все враги были скорее тучными баранами, которые, так или иначе, предназначены на заклание в жертву ему.

Так «Учитель из Тифлиса» пытался рационально использовать теперь уже некоторые идеи и образы «Учителя из Назарета». Толстой, который, как известно, также не избежал прельщения учить и наставлять людей, в «Исповеди» покаялся: «Теперь мне смешно вспоминать, как я вилял, чтоб исполнить свою похоть — учить, хотя очень хорошо знал в глубине души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что сам не знаю, что

нужно» [\[549\]](#). Похоть учительствования — не самый тяжелый порок из тех, коим всю жизнь сладострастно предавался вождь.

* * *

Недоучка поп, изгнанный из церкви, на манер миссионера таскал в мешке по местам своих ссылок том «Капитала» Маркса. Лет через двадцать — тридцать на кунцевской даче или в кремлевском кабинете Сталин отчеркнул фразу как будто выписанную Толстым из его биографии:

...

«Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своем мешке» [\[550\]](#).

Даже омертвевшая душа человека — несказанная тайна.

Глава 3. Сталин и Достоевский

Если на книге Л. Толстого «Воскресение» Сталин оставил в общей сложности более тридцати помет и замечаний, то на одном из томов романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» — больше сорока. Эта книга хранится ныне в той части библиотеки Сталина, которая находится в Государственной общественно-политической библиотеке (бывшая библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Поскольку остатки сталинской библиотеки до сих пор толком не разобраны, то я был первым, кто обнаружил на этой книге пометы вождя. Сам по себе факт, что в сталинской библиотеке находятся произведения Достоевского и следы размышлений над ними, для меня не был неожиданным. О его интересе к произведениям великого писателя сообщали Светлана Аллилуева и Дмитрий Шепилов. Но воспоминания Аллилуевой на сей счет носят гипотетический характер. Вот что она пишет в одной из своих книг: «...о Достоевском он сказал мне как-то, что это был “великий психолог”. К сожалению, я не спросила, что он имел в виду — глубокий социальный психологизм “Бесов”, или анализ поведения в “Преступлении и наказании”?».

Наверное, он находил в Достоевском что-то глубоко личное для себя самого, но не хотел говорить и объяснять, что именно. Официально в то время Достоевский считался писателем абсолютно реакционным» [\[551\]](#). Этот разговор мог состояться или в конце войны, или, что скорее, после нее, и поэтому отражал уже свершившийся поворот, который произошел как во внутренней, душевной жизни Сталина, так и в его внешней жизни, то есть государственной политике. Дело в том, что Достоевского, как и Толстого, Сталин читал и перечитывал еще перед войной с Германией. Война же многое изменила не только в его оценках внешнего мира, но и в самооценках. Скорее всего, «Братьев Карамазовых» он с карандашом в руке прочитал раньше, чем «Воскресение» Толстого.

В настоящее время в библиотеке Сталина находятся три книги Достоевского: «Дневник писателя за 1873 и 1876 годы», вышедший в 1929 году, и два тома — девятый и десятый из полного собрания художественных произведений. Именно в этих томах был опубликован роман «Братья Карамазовы», с первой по четвертую части с эпилогом [\[552\]](#). На страницах «Дневника писателя» и на десятом томе собрания сочинений сталинских помет нет. После смерти вождя все эти книги были сохранены исключительно из-за того, что на них остались оттиски штампа библиотеки

Сталина. Видимо, на остальных томах собрания сочинений таких штампов не было, и поэтому их выкинули из сталинской библиотеки. А помет, возможно бывших и на других книгах писателя, специалисты, принимавшие библиотеку, не заметили, как не заметили они пометы и рукописные реплики Сталина на девятом томе. Здесь, без всякого сомнения, все пометы принадлежат руке Сталина и сделаны карандашами двух цветов: сначала красным, а затем синим. Это значит, что и «Братьев Карамазовых» Сталин читал в два приема, но, в отличие от «Воскресения», читал роман Достоевского последовательно, а не перечитывал второй раз заново. Читал он его между 1927-м, то есть годом выхода, и 1941-м — годом войны. Вероятно, это произошло в середине 30-х годов, так как и характерный убористый подчерк, и стиль помет, и круг интересующих его вопросов во многом схожи с теми, которые выделяются на страницах «Воскресения» Толстого. И хотя обе части девятого тома «Братьев Карамазовых» Сталин прочитал от начала до конца, пометы оставил только на «Книге второй. Неуместное собрание» (красным карандашом) и на «Книге шестой. Русский инок» (синий карандаш). Обе части связаны с одним персонажем романа. Это старец Зосима.

«Неуместное собрание»

Опять загадка. Почему Сталин не реагирует на главы романа со всемирно известными интермедиями о Великом инквизиторе и о метущихся душах Ивана и Дмитрия Карамазовых, казалось бы, более близких ему по своему эмоциональному накалу и умонастроению? По мнению многих критиков, Достоевскому гораздо более удались те части романа, в которых он, от имени своих персонажей, излагал богоборческие, нигилистические и социалистические идеи. И наоборот, консервативная линия — защита мира божьего таким, каким он был создан, вложенная в уста иеросхимонаха Зосимы, как и сама фигура старца, выглядят слабее. Как справедливо, хотя и витиевато выразился по этому поводу один из современных писателю критиков, «немалое мы видим в новом романе возлияние и деревянного масла» [\[553\]](#). Может быть, все дело в том, что в Сталине никогда не умирал не только романтик-революционер Коба, но и семинарист с библейским именем Иосиф, мечтавший совершить особый этико-исторический подвиг и искавший для этого подходящий образец? Вчитаемся в то, что отмечал и комментировал стареющий 55-летний партийный вождь.

В той части романа, которую автор назвал «Неуместное собрание», описывается встреча в монастыре старца Зосимы и его окружения с семейством Карамазовых и их знакомцев. Через встречи и диалоги старца с ними, а также с другими посетителями — верующими и с маловерами, с людьми из разных слоев общества, с помощью просвечивающего душу

взгляда «прозорливца» Зосимы, Достоевский оттесняет читателя от отрицательно заряженного полюса богоборческого рационализма к положительному полюсу христианской гармонизации всечеловеческой любви. Удивительное дело — именно тема «любви» вновь почти болезненно влечет Сталина. Но здесь уже не та земная любовь к женщине, как у Горького или Франса, или похотливая, как у Салтыкова-Щедрина, и не рационально-философская любовь к человеку и трансцендентальному Богу, как у Толстого, а любовь безотчетная, то есть религиозная, незримо, но осязаемо, согласно Достоевскому, разлитая в божьем мире для верующего. Может быть, священник, пусть и не состоявшийся, и даже, возможно, в юношеских мечтах — монах, с жадностью ловит в лепете старца мысли о любви, о стыде и лжи, о счастье? И что же он в них находит? Вновь, как у Толстого, Сталин отмечает мотивы жгучего «стыда» перед самим собой и новый мотив — «неискренности», в том числе перед собой. Два замечания Зосимы поразили Сталина. Старший Карамазов-отец, развратник и шут, пытается ерническими речами вывести из себя окружающих, и в первую очередь монаха. Наблюдавший его какое-то время старец несколькими репликами ставит диагноз: «Не стесняйтесь, будьте совершенно как дома. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо от сего лишь все и выходит» [\[554\]](#). Федор Павлович Карамазов, потрясенный его прозорливостью, поясняет, что он действительно испытывает подобные чувства: «Именно мне все так и кажется, когда я к людям вхожу, что я подлее всех и что меня все за шута принимают, так вот давай же я и в самом деле сыграю шута, не боюсь ваших мнений, потому что все вы до единого подлее меня!» [\[555\]](#) Столь настойчивая фиксация Сталина на описании чувства стыда в разных художественных произведениях говорит о том, что оно, видимо, было не чуждо для вождя времен «1937 года». И «шута» он любил разыгрывать, доходя иногда до показного самоуничижения и ёрничанья, совершенно искренне полагая, что окружающие люди, особенно оппозиционеры, много подлее его. Следы такого шутовства мы можем найти даже в официальных текстах публичных выступлений. Так, речь на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в октябре 1923 года, он начал с фиглярских словесных фигур: «Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалеют сил... Что ж, пусть ругаются на здоровье. Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина... Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине» [\[556\]](#).

Вслед за многочисленными свидетельствами самого Сталина и его современников, я уже не раз обращал внимание читателя на особо обостренное отношение к искренности окружающих его друзей и врагов.

Обвинениями в предательстве, в неискренности, двурушничестве, в обмане, в тайном сочувствии врагу или в затаенном предательстве были пересыпаны все его речи и установочные статьи в периодической печати; они были главными обвинительными пунктами на большинстве громких процессов. Но ту же самую претензию он, оказывается, предъявлял и к самому себе!

«Главное, самому себе не лгите», — говорит чуть позже Зосима старшему Карамазову. Отметив эти слова, Сталин читал далее: «Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, стало быть входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям, и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому. Лгущий себе самому прежде всех и обидеться может» ^[557]. Буквально все здесь как будто о характере самого вождя, и он, похоже, это осознает.

«И ведь знает человек, — продолжает Зосима, — что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навыдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...» ^[558] Думаю, что Достоевский раскрыл Сталину, как и каждому, кто вникает в его речи, один из главных механизмов «беспричинного», «спонтанного» зарождения вражды. Но, так же как и Достоевский, который так тонко расписал все нюансы этого механизма, а сам грубо по-человечески ненавидел многое и многих, Сталин, поняв это умственно, в практической жизни, напротив, распалял в себе малейшие признаки обиды. Но мы всему этому все меньше и меньше должны удивляться, обратившись на мгновение для примера хотя бы к себе и вспомнив, как иногда приятно быть обиженным и лелеять мечту о мести, прикидывая меру своих возможностей. А «иноку» Иосифу была приятна «тайная» проповедь старца, сладостно воскрешавшая в душе интонацию давних семинарских учителей: «Главное, убегайте лжи, всякой лжи, лжи себе самой в особенности (здесь старец обращается к женщине-посетительнице. — *Б.И.*). Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту. Брезгливости убегайте тоже и к другим и к себе: то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается» ^[559].

Публицисты, близкие к официальным церковным кругам, обвиняли Достоевского в том, что он очень произвольно срисовал образ старца Зосимы с реального монаха Оптиной пустыни отца Амвросия. Для

художника такие обвинения мало что значат, но Достоевского обвиняли еще и в том, что он искажает основы православия устами Зосимы, а это для христианского мыслителя гораздо существенней. Известнейший публицист и реакционный идеолог того времени Константин Леонтьев (он сам себе давал такое определение — «реакционный»), хорошо знавший отца Амвросия, в своих философских статьях и письмах утверждал, что образ Зосимы не имеет ничего общего с прототипом, а главное — писатель извратил фундаментальные идеи православия. Особенно еретичной он считал проповедь Достоевского о грядущей победе христианства во всем мире и наступлении в связи с этим общечеловеческого братства и любви на земле. Леонтьев усмотрел здесь признаки социализма и проповедь идеалистического космополитизма, не имеющего, с его точки зрения, отношения к истинному православию. И действительно, в проповеди старца Зосимы любовь становится средством преобразования, перевоспитания порочного человека, что как бы предполагает затем и изменение социальной обстановки. По существу, здесь — зеркальное отражение прогрессистских, социалистических идей, согласно которым изменения общественных условий человеческого существования (не важно — насильственное или эволюционное) ведет и к изменению внутреннего мира человека, включая его этику, мораль, нравственность. Леонтьев очень зорко подметил взаимосвязь: «Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору “Карамазовых”, надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство общества. Христианство же не верит безусловно ни в то, ни в другое, то есть ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле» [\[560\]](#). Таким образом Достоевский, оказавший огромное влияние на молодое поколение россиян, косвенным образом поддерживал революционный общественный настрой, поскольку призывал не просто к любви сострадательной, то есть пассивной и жалостливой, а к «любви деятельной», активной, преобразующей, то есть агрессивной. В отличие от проповеди Толстого, в его проповеди «любовь» волей-неволей становилась синонимом воинственного прозелитизма, направленного на коренное преобразование души человека, человечества и мира. Здесь Достоевский очень сближался с проповедью «деятельной любви» Мартина Лютера [\[561\]](#). И именно это, деятельное, агрессивное, подчиняющее себе начало привлекло Сталина в проповеди Достоевского:

«Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

— Как? Чем?

— Опытom деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможенo зайти в вашу душу» [\[562\]](#).

Но что это за деятельная и самоотверженная любовь к ближнему, с помощью которой можно «убеждаться» в бытии Бога и в бессмертии души? Конечно же, это не та корыстная любовь, которая требовательно ждет ответной благодарности. Одна из посетительниц старца Зосимы в «припадке самого искреннего самобичевания» так прямо и сознается:

...

«Одним словом, я работница за плату, я требую тотчас же платы, то есть похвалы себе и платы за любовь любовью.

Иначе я никого не способна любить» [\[563\]](#).

Сталин отметил и эту реплику. Действительно, мало кто способен совершать добрые поступки, не получая встречного тока. Но проникательный Зосима почувствовал здесь лукавство, желание посетительницы заслужить похвалу за высказанную искренность:

«Если же вы и со мной теперь говорили столь искренно для того, чтобы, как теперь от меня, лишь похвалу получить за вашу правдивость, то, конечно, ни до чего не дойдете в подвигах деятельной любви; так все и останется лишь в мечтах ваших, и вся жизнь мелькнет как призрак» [\[564\]](#).

Разобравшись с искренностью искренности посетительницы, Зосима предлагает развернутую характеристику того, что понимается под «дейтельной» любовью: «Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень. Жалею, что не могу сказать вам ничего отраднее, ибо любовь деятельная сравнительно с мечтательною есть дело жестокое и устрашающее. Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей

свершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная — это работа и выдержка, а для иных так пожалуй и целая наука» [\[565\]](#). Работа и выдержка — вот качества, которые Сталин особенно ценил в себе и людях. Конечно, как и всякий человек, он иногда позволял себе ничего не делать, то есть лень. Некоторые даже отмечали в нем длительные периоды ленивой задумчивости и прострации. Временами его захлестывали эмоции (все же кавказский человек!), причем не только приступы злобы и ярости, но и искреннего веселья, юмора и радости от полноты жизни. Но в целом он был чрезвычайно деятельным человеком, поскольку больше всего на свете любил власть. И терпением, выдержкой обладал отменной, чем резко отличался от многих своих кавказских соплеменников. Удачливый политический палач, изощренный социальный садист, осторожный и дерзкий интриган, он еще задолго до войны был убежден в особом своем предназначении, в особой исторической миссии, возложенной свыше на него. Все удачливые правители с древнейших времен и до наших дней явно или втайне считают себя любимцами богов, Провидения и даже Бога единого. Все более догадываясь, что он является ставленником и орудием «тайного замысла» высших сил, он к концу 30-х годов становился все более счастливым, а потому все более подозрительным. Его вера в себя была защищена вереницей удач и исполненных желаний, которые буквально преследовали его в последнее предвоенное десятилетие. И он очень боялся, что кто-то украдет его удачу. Отмечу, что счастье, которое он испытывал как победитель, как человек, который все может, показалось ему равным тому счастью, которое испытывает праведник, который перед лицом Бога тоже все может. Конечно, поводы для счастья разные, но чувства-то сходные. Именно поэтому Сталин не мог пройти мимо такой сентенции старца:

...

*«Все праведные, все святые, все святые мученики
были все счастливы» [\[566\]](#).*

Церковь, государство, социализм. Рим и Москва. Запад и Восток

Об отношении Сталина к церковным организациям, особенно к православной церкви, в последние годы пишется много. В некоторых работах заметна даже тенденция сблизить позиции церкви и советского

государства времен сталинского правления и, особенно, в годы Великой Отечественной войны. На самом же деле Сталин подходил к церкви, причем любой — и православной, и мусульманской, и иудейской, и к другим конфессиям, — сугубо прагматически. Придя к власти и несколько укрепившись в ней, он в середине 20-х годов перешел от хаотичных репрессивных действий времен Гражданской войны и первых послевоенных лет к политике планомерного снижения влияния церкви и конфессий на жизнь советского общества. Еще в конце Гражданской войны было принято решение о несовместимости членства в партии с религиозными верованиями. Не следует забывать и того, что в целом религиозные конфессии отнеслись к новой, атеистической власти враждебно. В 1922 году была создана Комиссия по антирелигиозной пропаганде, во главе которой был поставлен один из ближайших сталинских клевретов Емельян Ярославский. В 1925 году под его же началом был создан Союз воинствующих безбожников, который занимался не только делом пропаганды, но и инициировал массовые антирелигиозные кампании и репрессивные действия в отношении деятелей всех конфессий. Эта шумная деятельность проходила под прямым контролем партийных и государственных органов, а все крупные мероприятия осуществлялись с санкции Политбюро ЦК и, конечно, Сталина.

В 1927 году во время беседы с американской рабочей делегацией Сталин на настойчивые вопросы о возможности совмещения веры в Бога и членства в компартии с раздражением, а потому откровенно заявил: «Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс.

Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кто-то из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким коммунистам не место в рядах нашей партии» [\[567\]](#).

Однако, как и по отношению к другим важнейшим вопросам, Сталин вел себя крайне двусмысленно и по отношению к религии. Очень характерно его письмо, направленное М. Горькому в самом начале 1930 года, то есть практически в то же время: «Вы совершенно правы, что у нас, в нашей печати, царит большая неразбериха в вопросах антирелигиозной пропаганды. Допускаются иногда сверхъестественные глупости, льющие воду на мельницу врагов. Работы в этой области

предстоит уйма. Но я не успел еще переговорить с товарищами-антирелигиозниками насчет Ваших предложений» ^[568]. Письмо впервые было опубликовано в 1949 году среди важнейших сочинений вождя, на излете религиозной «оттепели». Это, конечно же, не случайно. Постоянные противоречия между его действиями и словами, между публичными высказываниями и теми мыслями, о которых не знали даже самые близкие люди, до сих пор вводят в заблуждение наивного российского читателя. Среди его публичных выступлений мы не найдем развернутых высказываний антирелигиозного характера. Но через год-полтора после письма Горького и ответа ему в стране началась так называемая антирелигиозная «пятилетка» 1932–1936 годов. А среди «товарищей-антирелигиозников», с которыми вождь собирался взыскующе переговорить, самым главным был все тот же Ем. Ярославский. В современном архивном фонде Сталина есть документы, раскрывающие его деловые связи с Ем. Ярославским не столько по линии антирелигиозной деятельности, которую последний возглавлял вплоть до своей смерти в 1943 году, сколько по линии борьбы с различными оппозиционерами, особенно на почве истории партии, истории революции и биографии вождя. Все эти документы красноречиво говорят об особой, рабской преданности Ярославского своему патрону, принимавшему ее как должное.

Уничтожение молитвенных домов, мечетей, синагог, церквей и церковнослужителей продолжалось во всевозрастающих масштабах вплоть до Великой Отечественной войны. Во время войны Сталин, как всегда, без какого-либо стеснения использовал религиозно-патриотические чувства верующих граждан в своих целях, в данном случае в целях победы. Никакие сантименты, связанные с семинарским прошлым вождя или религиозный страх перед Богом, были здесь ни при чем. Но зато была вполне реальная опасность того, что немцы воспользуются случаем и привлекут на свою сторону притесняемые советской властью церковные круги. И в чем-то они не ошиблись. Важно было и более тесное сближение с веротерпимым Западом. Учитывая то и другое, Сталин пошел на общее послабление в отношениях с религиозными организациями. Не должно быть никаких иллюзий, будто бы Сталин, как бывший семинарист, явно или тайно испытывал искренние положительные чувства по отношению к церкви и ее иерархам. Известный эпизод времен войны, когда Сталин с почтением принял в Кремле священнослужителей Русской православной церкви и милостиво разрешил провести Собор, на котором наконец-то дозволил избрать патриарха, — всего лишь иллюстрация политической гибкости и изворотливости вождя. В 1944 году были созданы Совет по делам религиозных культов и Совет по делам Русской православной церкви при

Совете министров СССР. Вплоть до 1947–1948 годов в стране продолжалась религиозная «оттепель», во время которой была разрешена деятельность сотен религиозных общин и учреждений разных конфессий. С 1948 года и до смерти Сталина «оттепель» вновь сменилась жесткими ограничениями и гонениями. Эта небольшая справка о политике Сталина по отношению к церкви необходима в качестве фона, о котором нельзя забывать, исследуя пометы вождя на книге Достоевского. Как человек внутренне свободный, он позволял себе поразмышлять над такими вопросами, на которые для большинства его сограждан был наложен запрет.

* * *

Одна из тем, которая веками волнует российское общество с момента принятия христианства в качестве официальной религии, — это тема взаимоотношения церкви и государства. Во второй половине XIX века она была, как никогда, актуальна и потому обсуждалась одновременно во многих плоскостях. Как известно, Греко-российская православная церковь (так она в те времена именовалась) с упразднением Петром I патриаршества возглавлялась особым церковно-государственным органом — Священным Синодом. В церковных и интеллектуальных кругах вопрос о соотношении государственной и духовной власти был предметом постоянного обсуждения и ожесточенных споров. Другим предметом, так же вызывавшим полемику в печати, и особенно в философско-публицистической литературе, был вопрос об отношении православия к католицизму и наоборот. В то же время и тот и другой вопросы дискутировались в связи с нараставшими в Европе и России социалистическими, либеральными и революционными движениями, ростом бытового атеизма. Достоевский устами Зосимы и его коллег по монастырю изложил суть этих споров и свое видение их разрешения. Сталина они также заинтересовали, и, конечно, далеко не случайно.

В монастыре разыгрывается диспут о перспективах во взаимоотношениях церкви и государства, участниками которого стали, с одной стороны, монахи, а с другой — Иван Карамазов и либерал Миусов. Поводом для споров послужила статья Ивана Карамазова, в которой тот прослеживал связь древней христианской церкви и языческого Римского государства. Как известно, христианская церковь после нескольких веков борьбы и гонений была интегрирована Константином Великим в языческое государство с соответствующими же языческими атрибутами и традициями. С тех пор на протяжении двух тысяч лет отношения государств и церкви

продолжали оставаться сложными. То, что государство несет в себе первородное зло, понимали многие христианские мыслители и подвижники задолго до утопистов-социалистов, анархистов и коммунистов. Однако если революционеры видели выход в отрицании или насильственном уничтожении и церкви и государства как орудий порабощения и насилия, то деятели церкви мечтали об иных путях. Вот и Достоевский устами Ивана Карамазова утверждал, что согласно духу христианства «не церковь должна искать себе определенного места в государстве... а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь...» Тем самым, по мнению автора, церковь и общество, достигнув такого перевоплощения, сделают окончательный шаг от язычества к всеобщему христианству. Один из участников дискуссии уточняет смысл статьи Ивана Карамазова и позицию того автора, с кем Карамазов спорит:

...

«То есть в двух словах, — упирая на каждое слово, проговорил опять отец Паисий, — по иным теориям, слишком выяснившимся в наш девятнадцатый век, церковь должна перерождаться в государство, так как бы из низшего в высший вид, чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. И если же не хочет того и сопротивляется, то отводится ей в государстве зато как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, — и это повсеместно в наше время в современных европейских землях. По русскому же пониманию и упованию надо, чтоб не церковь перерождалась в государство как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы способиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие и буди, буди!» [\[569\]](#).

Слева же, перед чертой, рукой Сталина приписано красным карандашом: «Ф.Д.» , то есть перед нами тот же способ, каким он отмечал особо значимые для себя тексты Толстого.

Сталин сразу почуял в этом диспуте не только древнейший спор о примате духовной или светской власти в обществе, но и некую аналогию со

своим становящимся царством. Ведь отныне и в СССР традиционной церкви отводился еще более тесный угол, чем в европейских государствах. Но еще важнее был как бы заново поставленный историей вопрос о соотношении государственной (светской) и «духовной» (партийно-идеологической) власти в его советском обществе.

Участники диспута обсудили возможные преимущества, которые появились бы у того общества, которое бы сумело достичь всеобщего оцерковления. Предположили, что в таком случае церковно-общественный суд не посылал бы преступников на каторгу и на смертную казнь, не рубил бы голов, как суд современного государства, а отлучал бы преступников и от людей, и от церкви. Это, по их мнению, исключило бы бессмысленную жесткость государственного насилия и в то же время вычеркивало бы преступника из христианского братства, что для верующего человека нестерпимо. «Теперь, с другой стороны, возьмите взгляд самой церкви на преступление, — заявил Иван Карамазов, — разве не должен он измениться против теперешнего, почти языческого и из механического отсечения зараженного члена, как делается ныне для охранения общества, преобразиться, и уже вполне не ложно, в идею о возрождении вновь человека, о воскресении его и спасении его...» [\[570\]](#)

Зосима говорит почти теми же словами, что и герой романа Толстого, о бессмысленности государственной системы наказаний. По его мнению, только перед «церковью современный преступник и способен сознать свою вину, а не то что перед государством».

...

«Только сознав свою вину как сын Христового общества, то есть церкви, он сознает и вину свою перед самим обществом, то есть перед церковью» [\[571\]](#), — уточнял Зосима, а Сталин отметил его вывод скобкой.

Многие современные писателю критики, особенно консервативного толка, упрекали Достоевского в преклонении перед народами Европы и их культурой. В то же время раздавались упреки в несправедливом отношении писателя к западным церквям и особенно к католичеству. Как мы помним, в старших классах Тифлисской духовной семинарии преподавали «Обличительное богословие», в котором излагалась критика с позиций

официального православия догматов иноверческих христианских конфессий. Достоевский заставляет прозорливца и умницу Зосиму произносить заведомые глупости, только бы доказать читателю коренное различие между Западной и Восточной церквями. Так, например, древнехристианскую идею, развиваемую потом и европейскими гуманистами, и либералами, и социалистами, и анархистами, и большевиками о том, что любой преступник и любое, даже уголовное, преступление есть в конечном счете восстание против несправедливостей существующего общественного устройства, Зосима-Достоевский приписывает мифическим «иностранным деятелям» его времени. Он даже утверждает, что, в отличие от России, в Европе общество относится к преступнику с «ненавистью и полнейшим к дальнейшей судьбе его, как брата своего, равнодушием и забвением». Не забудем, что сам Достоевский пробыл четыре года на российской каторге и ее порядки и «преимущества», так же как Сталин, в отличие от графа Толстого, испытал на себе самом. Сталин отметил очередной ход мысли Зосимы, который связал безразличие католической церкви и всего западного общества к падшему со всеобщим омирщвлением духовной жизни Запада. Зосима излагал внимающим:

...

«Таким образом, все происходит без малейшего сожаления церковного, ибо во многих случаях там церквей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть» [\[572\]](#).

Похоже, что Достоевский-Зосима придерживался хорошо знакомого многим советским гражданам мнения о возможности исчезновения преступлений и преступников в новом, окончательно оцерковленном (а у нас в «коммунистическом») обществе. Без сомнения, грядущий христианский мир Достоевского-Зосимы очень напоминает призрачные грезы о коммунистическом обществе советской эпохи. Но об этом чуть позже. Пока же, вслед за участниками диспута и следящим за ними вождем, до конца проследим и мы за особо любимыми мыслями Достоевского о

государстве и церкви, воплощенными, как ему представлялось, в различных подходах Запада и Востока, Рима и Москвы.

«Совершенно обратное изволите понимать! — строго проговорил отец Паисий, — не церковь обращается к государству, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле — что совершенно теперь противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет» [\[573\]](#).

Действительно, то древний спор. На протяжении тысячелетий Вселенскую церковь потрясал диспут о первенстве церкви или государственной власти. Сталин выделил слова: «То Рим и его мечта», то есть мечта католицизма о превращении церкви во всемирное государство. Отец Паисий вполне справедливо напоминает, что в Евангелии есть место, где дьявол различными посулами искушает Христа. Согласно евангелисту Матфею, третье, наиболее великое искушение состояло в том, что он предложил Христу стать всемирным владыкой и тем самым как бы соединить в своем лице всемирную духовную и светскую власть, то есть сделать то, к чему как будто бы стремятся римские папы. Христос отверг это искушение, но именно в этот соблазн «папо-цезаризма» впали, по мнению православия, католики. Впрочем, последние обвиняли Восточную церковь в «цезаре-папизме», поскольку в православных государствах власть правителя и царя была выше власти и авторитета церкви. Достоевский видел возможность преодоления этого противоречия на пути Восточной, Русской православной церкви, которая, по его мнению, была способна переродить остатки языческих государств в мировое христианское сообщество. Отсюда и пророчество-лозунг: «От Востока звезда сия воссияет!» Но для Сталина эта формула означала нечто совсем иное и не столько символическое, сколько политическое. Дело не только в том, что советская Россия традиционно рассматривалась ее вождями, в том числе и Сталиным, как Восток, и соответственно ее всемирно-историческая миссия виделась в продвижении социализма на Запад, то есть в Европу и Америку. Дело еще и в том, что в эти 20—30-х годах предпринимались попытки поднять колониальные народы Азии, то есть Востока против западных империй. Эти попытки предпринимались в рамках концепции экспорта революции в отдельные колониальные страны и победы социализма в мировом масштабе. Так мессианская идея русского православия в трактовке Достоевского сошлась под карандашом вождя с мессианской идеей советского социализма.

Кроме оппонентов Достоевского, и сам писатель осознавал связь своих и вообще евангельских идей с теми идеями социализма, которые захлестнули Европу и Россию в XIX веке. Ненавистный Достоевскому герой романа — либерал и западник Миусов иносказательно уличает монахов в тайном исповедании социализма. Он рассказывает им о своем разговоре в Париже с неким полицейским-сыщиком, который признался, что не так опасается социалистов и революционеров безбожников, как социалистов-христиан. «Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ!» — заявил сыщик Миусову. Выслушав эту историю, монах понял ее так:

«То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? — прямо и без обиняков спросил отец Паисий» [\[574\]](#).

И хотя Сталин почти не ввязывался в дискуссию с примыкавшими одно время к социал-демократам мыслителями типа Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и даже с большевиками вроде А. Луначарского, А. Богданова, М. Горького и с другими «богостроителями» и «богоискателями», пытавшимися получить некий новый синтез христианства и социализма, он об этих поисках, без сомнения, имел представление. В одной из дореволюционных публикаций (1909 г.), которую Сталин признал своей, а именно в «Резолюции Бакинского комитета о разногласиях в расширенной редакции “Пролетария”» говорится, что «так называемое “богостроительство”, как литературное течение, и вообще, привнесение религиозных элементов в социализм, — является результатом ненаучного и потому вредного для пролетариата толкования основ марксизма». Бакинский комитет «подчеркивает, что марксизм сложился и выработался в определенное мировоззрение не благодаря союзу с религиозными элементами, а в результате беспощадной борьбы с ним» [\[575\]](#). Так что Сталин давно знал о попытках соединения христианства и социализма и на идейном уровне относился к ним по-ленински отрицательно. Милосердный Бог, «боженька», как издевательски отзывался на это имя Ленин, и для Сталина был «пятым колесом в телеге» его социализма. Не случайно Сталин отмечает слова Ивана Карамазова о нелепости, с его точки зрения, такого смешения:

«...что вообще европейский либерализм, и даже наш русский либеральный дилетантизм, часто и давно уже смешивает конечные результаты социализма с христианскими. Этот дикий вывод, конечно, характерная черта» [\[576\]](#).

В конечном счете весь социализм XIX века, как политическое движение, свелся к выяснению происхождения богатства и бедности и к определению путей преодоления социальной несправедливости в распределении материальных благ. Как известно, было предложено всего

два-три рецепта для преодоления этого неравенства. В том числе не забывали и о самой древней библейской рекомендации:

«Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его» [\[577\]](#). На полях слева Сталин приписал: «О-о-ох!!», а на полях справа: «Ф.Д.».

Разве можно поверить в то, что богач, которому Христос еще две тысячи лет тому назад отказал даже в сравнении с верблюдом, пролезающим в игольное ушко, вдруг уже в наше время устыдится своего богатства? И так же, как при чтении похожего места в книге Толстого, Сталин рассмеялся. Он, как и тысячи, миллионы людей в России и во всем мире, прекрасно знал, что богатые никогда добровольно не отдадут нажитое и что есть только один способ исправить мировую несправедливость — отобрать силой и сделать так, чтобы богатых не было вообще. Все другие способы казались половинчатыми и исторически бесперспективными.

«Из бесед и поучений старца Зосимы»

(«Русский инок» и «народ-богоносец» по Достоевскому и Сталину)

Знал ли Сталин свой народ, которым правил, с которым беспощадно расправлялся и которого эксплуатировал во имя себя, своей власти и великодержавной гордыни? Постоянно совершенствуя на свой лад государство, он разработал такую систему эксплуатации своего народа, какую не сумел изобрести ни один древний и современный правитель, если иметь в виду не рабов, а обычных подданных. Как я уже говорил, слово «народ» было одним из самых нагруженных в системе сталинской пропаганды и в целом — советской идеологии. Обычно, наряду с собирательным именем «советский народ», не забывали и об отдельных народах, а точнее — нациях, населявших СССР. От имени «народа», во имя «народа», именем «народа» выступала и действовала правящая партийно-государственная верхушка, противопоставляя ему, народу, «врагов народа», отщепенцев, предателей, вредителей, шпионов. Широко употреблялись словосочетания типа «простой народ», «трудящиеся», «простые труженики», которым противопоставлялись буржуазная интеллигенция, бывшие привилегированные классы, попы, «эксплуататоры». Причем первых требовалось «беззаветно», то есть безотчетно, бессознательно, инстинктивно, любить, а вторых — так же безотчетно ненавидеть. О чудовищной фальши сталинской идеологии красноречиво свидетельствует известный факт — в лагерях и тюрьмах сидели люди всех национальностей, а русских людей и «простого народа» было несравненно больше, чем каких-либо иных. Массовость репрессий достигалась за счет уничтожения самой

многочисленной национальности и самых многочисленных социальных слоев, вне зависимости от национальности. «Качественность» репрессий достигалась уничтожением наиболее ярких и, как правило, талантливых или волевых, независимых, а значит, и наименее осторожных личностей любой национальной или социальной принадлежности. Необходимый темп репрессий достигался за счет планомерно спускаемых из центра разнарядок на аресты по всем регионам страны. Всей этой до тонкостей продуманной системой достигалась всеобщность, неотвратимость и избирательность «наказания свыше», подобно тому, чем постоянно грозит Господь, как утверждает большинство церквей, уличенным в преступлениях грешникам или целым народам. Как верховный распорядитель этой системы, то есть особого, невиданного прежде механизма угрозы и исполнения «наказания» всего советского народа, Сталин уже одним этим как бы уподоблял себя «богу», а народ — «пастве».

Вообще же за последние двести — сто пятьдесят лет не было в общественной жизни России слова более смутного терминологически и столь сильно эмоционально окрашенного политически, чем слово «народ». Его, то есть народ, страстно желали защищать, спасать, освобождать, за него надо было с кем-то бороться. В то же самое время от народа ждали стойкости, избавления, понимания, революции, верности, спасения, смирения, вселенской любви... Идеологическая химера, рожденная в раздробленной, феодальной Европе эпохи Возрождения, размножившаяся на необъятных просторах многонациональной России XIX века, принесла неизмеримо большие разрушения, чем все стихийные бедствия за тот же промежуток времени. Один из глубочайших наших мыслителей прошедшего XX века Лев Шестов по этому поводу саркастически заметил: «Русский народ все же большая “идея”, ковер-самолет, на котором не один читатель или писатель совершил свое заоблачное путешествие» [\[578\]](#). К его списку я бы добавил правителей, политиков, полководцев, публицистов, идеологов, погромщиков всех мастей и калибров. И действительно, это трепетное слово толковали то расширительно, беря за основу родоплеменные признаки, географию, культуру, язык, конфессию, рынок; то, напротив, сужая до нации, отдельных классов и даже избранных слоев. Я уже обращал внимание на то, как, например, Лев Толстой (и народовольцы) ставил знак равенства между словами русское «крестьянство» и русский «народ». Ленин, говоря о народе, подразумевал то пролетариат, то пролетариат с беднейшим крестьянством, а то и совсем расплывчато — всех «эксплуатируемых», отправляя в царство Аида остальных. Николай Данилевский объявил самодостаточной культурно-исторической «личностью» славян, германцев или иной этнос. Эта идея была разно

модифицирована, но одинаково с восторгом принята В. Соловьевым, Н. Бердяевым, Н. Лосским, Л. Карсавиным, С. Франком... список может быть очень длинным. Франк дал такую вот изящную формулировку: «...мы находим теперь правильное отношение не только к отдельным людям и общественным порядкам, но и к коллективным, **сверхиндивидуальным живым организмам**. То, что раньше мы в лучшем случае лишь смутно ощущали, мы теперь понимаем и видим именно, что эти сверхиндивидуальные целые суть **живые духовные существа** (везде выделено мной. — *Б.И.*), которые имеют свою собственную ценность и судьба которых определяет нашу личную судьбу» ^[579]. В данном случае Франк говорит о православной церкви, но если не знать этого, то неискушенный читатель решит, что речь идет о едином многоклеточном организме. Константин Леонтьев был склонен, говоря о народе, подразумевать русскую православную, то есть духовную, аристократию. Царизм, как имперская идеология, ставил знак равенства между «народом» и лояльными подданными, а внутри выстраивал конфессиональную иерархию. А на практике, в жизни, уже тогда, еще до рождения немецкого нацизма (так же питавшегося традицией философии «сверхличности», «народа-аристократа», восходящей к Фридриху Ницше, Отто Вейнингеру, Г.С. Чамберлену, Освальду Шпенглеру, братьям Юнгер, Альфреду Розенбергу...), теоретические воззрения материализовывались в завоевательные походы, в погромы, в изгнание и уничтожение малых иноверческих народов, населявших Российскую империю, в физическое уничтожение после революции целых классов и групп живых людей всех национальностей. И все во имя «народа». Во имя этого идола от сорока до шестидесяти миллионов человек потеряла великая Россия только в сталинскую эпоху. Какие еще человеческие жертвы будут ему преподнесены в будущем?

Достоевский имел свое, особое мнение по поводу того, кого наделять именем «народ», а довоенный Сталин, автор брошюры «Марксизм и национальный вопрос», внимательно к нему прислушался.

Один из разделов своего романа Достоевский озаглавил: «Из бесед и поучений старца Зосимы». В поучения старца Сталин углубился с особым вниманием. Они состояли из отдельных небольших «бесед», имевших собственные названия:

«д) Нечто об иноке русском и о возможном значении его».

«Русский инок» — «благотворный» хранитель неискаженного «образа Христова», который скоро явится для «спасения земли русской». В миру же богатые ушли в «уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо прав-то дали, а средств насытить потребности еще не

указали». Пока же «неутоление потребностей и зависть... заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут». Но проповедник верует: если ко всему человечеству придет спасение «от востока», то есть от православной Руси, то сам русский народ будет спасен и возрожден православными «иноками», которые до времени ждут «в уединении». Так предрекал Зосима. Нетрудно понять, что Сталин увидел здесь намек и пророчество на свой счет. Ведь это он, «инок» (бывший семинарист), пребывавший до времени «в уединении» и приготовленный «в тишине» (в ссылках), «на день и час, и месяц и год» явился, «поколебавшийся правде мира». «Сия мысль великая», — сам себя возвышал Зосима, повторяя в который раз: «От востока звезда сия воссияет». Сталин отметил для себя, что Зосима-Достоевский пророчествовал в те самые годы, когда родился и возрастал во младенчестве Сосело-Осечка. Первая публикация романа была осуществлена по частям: в 1879, 1880, 1881 годы, о чем сообщалось в примечаниях [\[580\]](#). Сталин все три даты старательно подчеркнул. Я уже говорил, что он любил игру в даты, но не только в игру на перестановки и подтасовки. В его бумагах встречаются иногда странные записи цифр, из которых следует, что он, может быть, пытался найти «закономерности» и скрытый телеологический смысл в вехах собственной биографии [\[581\]](#).

Все тот же монах Зосима выразил кредо писателя в двух обширных тирадах, выхваченных Сталиным из его длинного, как покаяние, многостраничного монолога:

...

«А от нас и издревле деятели народные выходили, отчего же не может их быть и теперь? Те же смиренные и кроткие постники и молчальники восстанут и пойдут на великое дело. От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом. Если же народ в уединении, то и мы в уединении. Народ верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Это помните. Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте

сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ богоносец» [\[582\]](#).

Как всегда, когда речь шла о важной для него мысли, Сталин на полях, слева от карандашной черты, пометил: «Ф.Д.».

Удивительно, каким «великим» пророком оказался писатель, предсказавший появление «спасителя» из недр церковной среды. Оттуда действительно явился некто, но не в образе кроткого юродивого «Христа ради» праведника, а в личине беспощадного «вождя». И этот самый вождь с удовлетворением отметил то место проповеди, где Зосима заявляет, что задача спасителя земли Русской состоит в том, чтобы показать пример «братолюбивого общения»:

«...а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого» [\[583\]](#). (Подчеркнуто синим карандашом.) Удивительно, как все же непрозорлив оказался великий писатель. Душу свою Сталин не только никогда не выводил на «подвиг братолюбивого общения», а, напротив, погреб ее под стальными плитами холодной рассудочности. Не знаю, как Ленин, но Сталин уж точно не был умом гениален, в том добром смысле, который имеет в виду Достоевский. Тем более он никогда не был искренен сердцем, а с христианской точки зрения он был отступником, атеистом и богоборцем, был гонителем церкви, его воспитывавшей и когда-то кормившей. И тем не менее не только иноверческие народы, но и «народ богоносец» принял его, терпел и массовой частью своей обожествлял. В общем, Достоевский оказался ничуть не лучшим пророком и прозорливцем, чем Лев Толстой, и не меньшим, чем он, утопистом. Но для Сталина была интересна совсем не эта, псевдопровидческая сторона творчества Достоевского. Ведь он подчеркивал карандашом строки романа спустя пятьдесят лет после их первого опубликования, когда ложность пророчества стала более чем очевидна.

В 1929 и в последующие годы атеистической истерии говорить о православной Руси, затаенно ждущей своего вселенского исторического часа, было, по крайней мере, безнадежно, а для вождя большевистской партии и мирового пролетариата просто даже нелепо и смешно. Но для Иосифа Джугашвили, именно в эти годы прикинувшего на свои сутулые плечи хитон «Учителя народов», требовалась подходящая паства, то есть «избранный» им и для него «народ богоносец», через посредство которого он мог бы нести в мир «идеи социализма». Из всех 60 народов империи (так он их пересчитал в 1936 году) только два народа могли в теории

претендовать на подобную историческую роль: евреи и русские. Но поскольку среди тех ближайших, кто не только не принял его папства, а даже просто не принял его первенства, были в основном евреи, сами возмечтавшие миссионерствовать во главе с «Зиновьевым — Каменевым» или «Иудушкой Троцким», то он, ощущая уже в себе полную силу, все больше склонялся в сторону русского народа. Правда, как всегда до поры прагматично, не отказался в предвоенный и военный периоды и от использования еврейского фактора. Здесь мы впервые регистрируем глубинные, но очень давние душевные толчки, которые, постепенно материализуясь в текущую политику и идеологию, привели к пароксизмам «борьбы с космополитизмом» 1947–1953 годов.

«е) Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями».

В этом подразделчике романа Сталин отметил еще более многозначительный фрагмент:

«Так что неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает, умирительно плачет. Не то у высших. Те во след науки хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нет у тебя бога, то какое же тогда преступление? В Европе восстанет народ на богатых уже силой, и народные вожаки повсеместно ведут его к крови и учат, что прав гнев его. Но “проклят гнев их, ибо жесток”. А Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его» [\[584\]](#).

Во всей этой претендующей на очередное пророчество тираде ключевое слово для Достоевского, как и для Сталина: «смирение». Он его и подчеркнул. То, что в исторической реальности все было наоборот, что не в Европе, а в России народ, напоенный вражеской кровью православным царем во время мировой войны, а затем еще большей, но уже братской кровью, разномастными вожаками Гражданской войны, первым в Европе восстал на богатых и образованных, — совсем не это произвело впечатление на Сталина. Он уцепился за ту якобы фундаментальную черту русского народа, которую Достоевский назвал «смирением». И странное дело, в справедливость этого качества верили и продолжают верить и сейчас, в наше время, не только те, кто, как и Достоевский, присвоили себе право приписывать «народу» как некоей сверхличности (а по существу, себе, раз они сами принадлежат к этому народу) богоизбранничество, мессианство и другие исключительные качества. Этот завистливый «юдаизм» Достоевского был подмечен тогда же, в его время, Константином Леонтьевым, а затем Николаем Бердяевым. Напомню слова последнего: «Юдаизм в христианстве

есть подстерегающая опасность, от которой нужно очищаться. А всякий исключительный религиозный национализм, всякое религиозно-национальное самомнение есть юдаизм в христианстве. Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства. И в русском христианстве есть много юдаистических элементов, много ветхозаветного» [\[585\]](#).

Но если вся древняя библейская история евреев служит жестким, назидательным уроком Господа самовольному и «жестоковому» избранному для этого урока народу, то Достоевский, заискивая перед Учителем, будто первый ученик в народных классах, уверяет его в исключительнейшем смирении и кротости перед ним народа своего, русского. Но, так и не успев дожидаться исторического ответа, он апостольским жестом дарует ему (и себе) титул новоизбранного «народа богоносца». Отсюда, хотя и не только отсюда, известный антисемитизм и антиполонизм Достоевского. Иудеи и славяне-католики были в его глазах потенциальными соперниками среди народов Российской империи («Востока») по части претензий на «богоизбранничество».

Вообще же вся эта сторона религиозного национализма писателя (и не только его) — сплошное недоразумение с исторической точки зрения. Русский народ, как и любой другой, был ничуть не менее «жестоковыйный», чем народ иудейский, разумеется, если не рассматривать себя и свой народ абстрактно, как некую исторически страдательную функцию. Как и многие великие народы, бывшие до него и рядом с ним, это народ-завоеватель и народ-революционер, смиряющийся только перед своими земными владыками, да и то лишь на определенных условиях. На замечание Эмиля Людвига, что русский народ триста лет терпел династию Романовых, Сталин вполне резонно ответил: «Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Степана Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 года, революция в феврале 1917 года, Октябрьская революция» [\[586\]](#). Не только кровавые бунты, стихийные народные восстания, революции, но и государственные войны всю историю периодически сотрясали «смиренную» Россию. Количество и размах этих потрясений был ничуть не меньшим, а много большим, чем размах народных восстаний в странах Западной Европы. Достоевский, в отличие от Сталина, не знал или не хотел знать революционную историю своей страны.

Неужели Сталин мог искренне поверить Достоевскому, говорившему об особом, евангельском смирении избираемого им народа? Ведь только-только не то что на его глазах, а сквозь него самого прошла многолетняя Гражданская война, где «смиренные» православные русские беспощадно

дрались, вперемешку с другими, покоренными народами, на фронтах всех цветов. Вряд ли он тогда, в 30-х годах, действительно уверовал в блаженное народное смирение. Иначе он не стал бы добывать его, это самое «смирение», с такой невиданной в истории жестокостью и ненавистью. Он всю жизнь помнил и никогда даже не пытался вытеснить из своего сознания то, как его кавказские земляки, он сам и другие народы империи воспринимали русских. «В старое время, — говорил он в 1935 году, — ... политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ — русский народ — господствующим, а все другие народы — подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика» ^[587]. Даже когда он в 1936 году представлял «свою» Конституцию, опять напомнил, что русский народ воспринимался им, грузином, и после революции как народ-завоеватель: «Ныне действующая Конституция, принятая в 1924 году, есть первая Конституция Союза ССР. Это был период, когда отношения между народами не были еще как следует налажены, когда пережитки недоверия к великороссам еще не исчезли...» ^[588] Бывший наркомнац принимал самое непосредственное участие в разработке Конституций 1924 и 1936 годов. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и элементы пропагандистской игры: до революции были волчьи законы, а при нем, добром «пастыре народов», наступила эпоха дружбы народов.

Но личный опыт «1937 года», а затем Великой Отечественной войны заставили Сталина произнести эмоциональный парафраз речи отца Зосимы «о смирении». Цитирую знаменитый тост, произнесенный им 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».*)

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы

поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего Правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.*)» [\[589\]](#).

Так «Отец, Любимый Вождь, Гений всех времен и Учитель народов» окончательно определился в отношении избранного «народа богоносца», как архетипа сверхличностной национальной массы, в «идеальном» единстве своем якобы обладающей особо выдающимся «умом, стойким характером и терпением». Как мы помним, именно эти качества Сталин выделял и особенно ценил в себе самом. Так «Учитель из Тифлиса» обрел и наделил «народ свой» собственным образом и подобием.

Те приятные качества, которые приписываешь себе, ты ищешь и с легкостью находишь в собственном народе, в своих родителях, детях, друзьях. То, что подозреваешь в себе гнусного, с легкостью обнаруживаешь у соседа, у врагов и у других народов. И в том и другом случае источник оценок один. Однако есть и разница: не отрекаясь до конца от своего грузинства, Сталин с годами все больше становился «русским». Об этом пишут дочь, Молотов, военачальники, об этом красноречиво свидетельствует предвоенная, военная и особенно послевоенная пропаганда. Отзвуки этой пропаганды до сих пор греют душу русским сталинистам и смущают души русским либералам. Но никто не осознает того, что не он стал русским по духу, а, напротив, в людях, причисляющих себя к русским, он стал подмечать только те качества, которые любил и ценил в себе, но востребовал от них то, что отвечало нуждам текущей политики. Разумеется, делал он это неосознанно, интуитивно, как неосознанно востребуют те или иные качества любые вожди народов: от политиков до художников и проповедников. В любом народе есть все и всего с избытком. И как только выделяется лидер (персональный или коллективный — не важно), он, востребуя те или иные качества, формирует их в устойчивые, на данный исторический момент, свойства народного характера. Меняется вызов времени, международная и внутренняя ситуация, меняются лидер, идеология, с ними всегда меняется «характер» народа. Такая смена характера не всегда происходит гладко и безболезненно, особенно на стыке поколений. Моисей водил «народ свой», а по существу, кучку беглых трусливых рабов, сорок лет по пустыне, пока не воспитал из

них жестоких завоевателей, которых возглавил Иисус Навин. Гитлер завершил воспитание нескольких предшествующих поколений немцев, преобразив по своему подобию уравновешенных, миролюбивых и расчетливых бюргеров и земледельцев XVIII — XIX веков в чрезвычайно стойких, дерзких до безрассудства, беспощадных завоевателей. Отцы-основатели США наложили свой образ (американца) трудолюбивого, напористого, простованного фермера на людей разных рас, национальностей, религий, культур. Ныне этот народ сплоченно созидает, в том числе и оружием, первую всеземную империю. Русские князья и цари, разноплеменные церковные иерархи актуализировали в таком же разноплеменном православном народе те качества, которые хотели видеть в данный исторический момент в себе самих. Они формировали душевный облик народа не только по своему образу, но и на потребу текущей внутренней и внешней политике. Главным же мотивом такой политики была война, иногда оборонительная, но чаще наступательная. Большевики же с легкостью нашли и востребовали в русском и в других народах империи, отличавшихся даже особо стойким национализмом, искреннюю поддержку космополитическим идеям мировой революции и всемирного интернационала. Любой народ — это одновременно коллективное «все» и «ничто». Его «душа», «разум» и «воля», даже физический «образ», есть проекция потребного образа первенствующих. Сталин интуитивно все это понял, избрав «народ свой».

«ж) О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным».

Литературный и философский метод Достоевского состоит в том, чтобы циркулярно обсуждать одни и те же вопросы, периодически углубляя и расширяя их толкование. В этой части проповеди Зосима говорит о взаимосвязи мира земного и греховного с мирами иными, божественно одухотворенными. В качестве посредника между ними, между грешным человеком и Богом служит «инок». Так что «инок» Достоевского — это как бы духовный санитар, у которого помимо молитвы — одно могучее средство. Рецепт такого средства Сталин подчеркнул и с боку приписал синим карандашом «Ф.Д.»:

«Смирение любовью — страшная сила, из всех сильнейшая, подобно которой и нет ничего» [\[590\]](#).

Дети, птицы, животные, бесконечный океан жизни, как и смертные грешники, — все достойно молитвы и заступничества. Перед всеми инок смиренно просит прощения и не смеет отчаиваться. Православный инок Достоевского обязан, как закарпатский иудей-хасид, вечно находиться в приподнятом, радостном настроении от ощущения радости близости Бога и

красоты Его творений. «Други мои, просите у бога веселья. Будьте веселы как дети, как птички небесные», — рекомендует Зосима [\[591\]](#).

И уж совсем крамольную мысль отмечает марксист Сталин, популяризатор диалектического и исторического материализма, непримиримый борец с «идеализмом» и оппортунизмом разных мастей. Зосима говорит о непостижимых тайнах, связывающих наш мир «с миром иным, с миром горним и высшим», и добавляет:

«Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле» [\[592\]](#).

Опровержением этого тезиса, дважды отмеченного карандашом, философ Сталин займется в ближайшие двадцать лет своей жизни.

«з) Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца».

...

«Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за это преступление стоящего перед ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможен стать и судиею» [\[593\]](#). Слева на полях комментарий: «Один за всех?»

Пока Сталин «не открывал рот», пока молча, хотя и многозначительно подчеркивал и отчеркивал текст, можно было многое домысливать и толковать за него. Но вот знаки более ясные. И что же — он не понимает многого из того, о чем говорит писатель. О чем здесь толкует Зосима? «Не судите, и не судимы будете» — вот о чем он говорит, без ссылки на эту евангельскую заповедь. Правда, эта заповедь у Достоевского развернута в любимое мыслителем и бывшим каторжником направление: не судите и не осуждайте не потому, что истину знает только Бог, а потому, что «всяк перед всеми виноват». Правда и то, что Христос выразил эту мысль иначе, совсем не как формулу духовной круговой поруки. Запретив побивать камнями неверную жену и посоветовав каждому поискать бревно в глазу своем, он поставил всех перед Богом (а не перед людьми!) в равные условия. Сталин

же перевел весь этот пассаж в «мушкетерское»: «Один за всех...» Здесь он демонстрирует достаточно примитивный, прямо скажем — узкий умственный кругозор. Не помогло и начальное церковное образование.

Зосима дал еще два практических совета остающемуся на земле иноку. С одним из них Сталин был давно знаком, а с появлением в Кремле следовал ему постоянно. Тем не менее Сталину, видимо, было приятно услышать такое поощрение из уст старца:

...

«Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: “я не исполнил, что надо было”, то немедленно восстань и исполни» [\[594\]](#).

Конечно, старец имел в виду совсем не ту деятельность, которой занимался вождь, любивший ночную жизнь. Он говорил о терпении и терпимости, о готовности пострадать самому даже от врага и за врага. Нет ничего удивительного в том, что кульминацией христианской проповеди в романе стала мысль о запрете мщения врагам. И эту великую христианскую заповедь отметит карандашом человек, уже тогда прославившийся необыкновенной мстительностью, завистливостью и злопамятностью. Пусть он эту заповедь никогда не принимал практически, но ведь отметил же:

«Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримою, даже до желания отомщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей» [\[595\]](#).

Многое, очень многое понимал товарищ Сталин, занимаясь душевными разминками и такими же гигиеническими процедурами поздно ночью на даче в Зубалове или Кунцеве. В каждом человеке множество параллельных миров, которым никогда не суждено пересечься.

«и) О аде и адском огне, “рассуждение мистическое”».

Мы вместе с Достоевским и Сталиным подошли к кульминации проповеди монаха. О каких редчайших для современного человека вещах, рассуждает в романе праведник Зосима! Сталин буквально вцепился в этот текст, правда, чуть скорректировав название. Слова «рассуждение мистическое» он карандашом взял в кавычки. Любые формы «мистики» и

«поповщины» терпеть не мог Ленин, а за ним и все мыслявшие большевики. И для Сталина «мистика», «идеализм» были синонимами досужей и вредной болтовни. Но то, что читал у Достоевского человек, всерьез готовившийся до зрелого, двадцатилетнего возраста стать священником, то есть попом, «болтовней» назвать не мог. Отсюда кавычки, то есть писатель, мол, выразился фигурально, а на самом деле — рассуждение философское и вполне практическое. И здесь Сталин был прав. Нет ничего мистического в том, что ад и рай были размещены писателем в одной и той же бесконечной точке — в человеческой душе. Еще читая первые разделы романа, Сталин уже там отметил рассуждения писателя об этих предметах.

Вспоминая об одном из поворотных эпизодов своей молодости, Зосима рассказал о некоем «таинственном посетителе», который признался ему в совершении давнего убийства. Он убил из чувства мести женщину, которую любил, но которая отвергла его. Эпизод «преступления и самонаказания» для Достоевского навязчивый, кочующий из одного его великого произведения в другое. И признание в преступлении происходит почти в одних и тех же словесных и ситуационных формах. Зосима вспоминал:

«А он именно на головную боль жаловался.

...

Я... знаете ли вы... я... человека убил» [\[596\]](#).

(Отчеркнуто синим карандашом.)

Говорят, до войны Сталин много раз посещал оперу Мусоргского «Борис Годунов», а после войны настоял, чтобы ее возобновили. Его якобы очень волновал эпизод признания царя Бориса в убийстве царевича Дмитрия. Действительно ли его возбуждала сцена видений «кровавых мальчиков», утверждать теперь невозможно. Еще меньше есть прямых доказательств того, что Сталин лично, сам кого-то убил в революционной молодости или в зрелые годы. Правда, есть одна любопытная психологическая зацепка. Все тот же дотошный немецкий журналист Эмиль Людвиг задал Сталину витиеватый вопрос: «Прошу Вас извинить меня, если я Вам задам вопрос, могущий Вам показаться странным. В Вашей биографии имеются моменты, так сказать, “разбойных” выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково ваше отношение к нему, как “идейному разбойнику”? [\[597\]](#)» Сталин ушел от прямого ответа,

предпочитая порассуждать о Степане Разине. Но Людвиг наверняка читал в эмигрантской литературе воспоминания кавказских земляков вождя о его «подвигах» в революционном подполье. Однако прямых доказательств нет. Но то, что Сталин при чтении вновь и вновь фиксируется на сценах признания в убийстве, на сценах покаяния и душевных мук, факт, как видите, бесспорный. Еще любопытней его фиксация на том эпизоде романа, где рассказчик дает оценку характера убийцы:

«...и, будучи характера сильного, почти забывал происшедшее; когда же вспоминал, то старался не думать о нем вовсе» [\[598\]](#).

Иначе говоря, по Достоевскому, человек с сильным характером способен волевым актом на время вытеснять из своего сознания, то есть памяти, тяжкие эпизоды собственной биографии. Иметь сильный характер — это значит уметь **не думать** о них, даже если они навязчиво, то есть произвольно, всплывают в памяти. Это не совсем то, о чем говорит Фрейд, утверждающий, что забвение — это полное вытеснение в подсознание травмирующих психику воспоминаний. На самом же деле, как утверждает вся великая мировая художественная литература, ни один из жизненных эпизодов не покидает навсегда сознание человеческой души, явно или втайне поддерживая или подтачивая своими страстями разум и тело. На это, собственно, и рассчитана теория покаяния как способа жизненного очищения и оздоровления, а для верующего — как единственного способа восхождения в «Царство Божие». Если же психическая травма надежно вытеснена в подсознание, то добровольное покаяние, то есть осознание вины, невозможно. Тогда нужна помощь со стороны — колдуна, священника, политработника, психолога, а чаще просто душевного и родного человека. Другое дело, что, зная и помня о своей вине, мало кто способен искренне раскаяться даже наедине с собой, а тем более публично. Публичное покаяние есть глубоко травмирующий, опасный для личности акт, напоминающий рискованную хирургическую операцию. Он всегда затрагивает не только личностную, но и социальную сферы жизни, то есть многих и многое не только в тебе, но и вне тебя. Сталин это отлично знал из своей семинарской практики и потому, как инквизитор, принуждал врагов публично каяться, что приводило к саморазрушению. Недаром «таинственный посетитель» отца Зосимы признается:

...

«— Решимость моя три года рождалась, — отвечает мне, — а случай ваш дал ей только толчок» [\[599\]](#).

(Синий карандаш.)

Его мучили вполне понятные сомнения в необходимости именно публичного покаяния. То есть вопрос о том, так ли уж необходимо свою личную, внутридушевную, психическую проблему выносить в социальную сферу. Если мучения совести уже есть наказание, и даже, как утверждается, более серьезное, чем наказание по суду, то чего же еще требовать?

«— Да нужно ли? — воскликнул («таинственный посетитель». — Б.И.), — да надо ли? Ведь никто осужден не был, никого в каторгу из-за меня не сослали, слуга от болезни помер. А за кровь пролитую я мучениями был наказан. Да и не поверят мне вовсе, никаким доказательствам моим не поверят. Надо ли объявлять, надо ли?» [\[600\]](#) В ответ на вопрос Сталина: «Да надо ли?» — Зосима указывает на Евангелие от Иоанна, глава XII, стих 24:

...

«Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» [\[601\]](#).

Сталин отметил и этот стих.

Публично покайся, «таинственный посетитель» вскоре так же таинственно, но закономерно, с точки зрения Зосимы, и с облегченной душой умирает. Его признания таинственным образом никто не принимает всерьез, а потому он спасает свое «доброе» имя и детей от позора. Таковы плоды всенародного покаяния «таинственного посетителя».

Проблема «преступления и покаяния» все же каким-то боком касалась сталинской души. В связи с этим вспоминается одно из постоянных требований публичного раскаяния, которое он предъявлял «жестоковейшим» оппозиционерам. Он требовал их «идейного разоружения» перед народом, партией, ЦК, перед вождем. Даже в этом он как бы воспроизводил формы церковной жизни. Ему явно доставляло огромное удовольствие, когда знаменитые партийно-государственные бонзы

на судилищах каялись в грехах, выворачивая из своего затравленного душевного нутра дикие смеси из правды и небылиц. Вспоминается и иное: когда послевоенный Сталин просмотрел вторую серию кинофильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», он запретил ее к показу. Одной из главных претензий к режиссеру стали сцены раскаяния царя, с которым вождь, без сомнения, себя ассоциировал. По его тогдашнему мнению, грозный царь не мог себя вести как интеллигент-неврастеник. Но все это говорит об огромном грузе вины, с которым жил и умер нераскаявшийся вождь.

Рай

Посетитель Зосимы интересен все же не тем, что он искренне раскаивается в преступлении, а тем, как он фиксирует состояние своей души в пространстве двуполюсного мира. Того самого, уже знакомого нам мира, где есть «плюс» (Бог, добро, рай) и «минус» (дьявол, зло, ад).

«Слушаю я это и думаю про себя (рассказывает Зосима. — *Б.И.*): “Это он наверно хочет мне нечто открыть”. “Рай, говорит, в каждом из нас затаен, вот он теперь и во мне кроется, и хочу — завтра же настанет он для меня в самом деле и уже на всю мою жизнь”» ^[602]. (Подчеркнуто синим карандашом.)

Возможность достижения рая незаметно переносится Достоевским из мистической, потусторонней, в практическую, земную область. Ведь если напрячься, а главное — захотеть, то уже сейчас можно достичь рая личным самоусовершенствованием и тем самым создать рай здесь, на земле. А далее рецепт прост: братолюбивая гармония, общечеловеческая солидарность, коллективизм, равенство, советский лозунг: «человек человеку друг, товарищ и брат». И этот рецепт «реакционного» писателя Сталин берет на заметку, поскольку он мало чем отличается от декларируемых рецептов якобинцев, народовольцев, социал-демократов, большевиков-коммунистов:

...

«Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернули на другую дорогу» ^[603].

На верхнем поле листа по поводу всех этих замечательных мыслей о земном рае Сталиным написано: «Самоусовершенствование?»

Здесь в пору задуматься каждому: у всех ли душа от рождения так тонко настроена, что сама, без ошибок и тренировок, без испытания

крайних чувств и страстей, а значит, проступков, с легкостью определяет, где плюс, а где минус? Пожалуй, и впрямь предполагается абсолютная свобода в познании добра и зла, а с ней-то и возможность самоусовершенствования. Но все ли свободно, то есть по своей воле, способны пойти этим путем, да и пойдут ли вообще? А если не пойдут? Зосима точно знает, что многие, очень многие не пойдут по пути самоусовершенствования и братолюбивого единения, а, напротив, каждый постарается отъединиться один от другого. Гордыня индивидуализма, которым особенно страдают богатые и образованные безбожники, — это путь к самоубийству. А для души, согласно христианской доктрине, самоубийство предполагает безвозвратную дорогу в ад. Предостерегающе звучит голос Зосимы:

«...а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение». Сбоку справа на полях Сталин прокомментировал: «Миллион одиночек?» [\[604\]](#) (Или «одиночеств?» , окончание написано неразборчиво.)

Авторитет гениального писателя таинственным образом начинал работать в пользу советского социализма, идеологии коллективизма и даже — сталинской коллективизации сельского хозяйства. Сталину оставалось только согласно отмечать те места в книге, которые пророчески предвещали коллективистский дух новой социалистической эпохи:

...

«Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо непонимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности. Но непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как естественно отделились один от другого» [\[605\]](#).

«Верующие бабы», или Спасенные из ада

В философии Достоевского женская душа имеет бóльшую самостоятельность и ценность, чем в этике Толстого. Женская душа лишь один из способов осуществления человеческой души как таковой. Но, в

отличие от мужских душ, женская душа, даже самая падшая и ущербная, находит у Достоевского большее сочувствие и сострадание. Легче впадая в грех, она легче очищается от него. Даже если женщина совершает у Достоевского смертный грех человекоубийства, он мотивирован не низменными страстями и гордыней, а притеснениями со стороны убитого и действительными страданиями женщины, вынужденной убить. Зосиме, как духовному санитару и лекарю, легче исцелить больную женскую душу, поскольку она более открыта и не склонна к тем осложнениям, которым подвержена душа мужская. Чудо прилюдного душевного и физического исцеления, и даже исцеления разума, демонстрирует старец в толпе «верующих баб». А мы помним, что греховная, то есть больная, душа, затягивающая с собой в болезнь и тело, и разум, — это душа человека, при жизни погружающаяся в ад. Поэтому Зосима выступает не только в роли наставника, лекаря и Учителя народа, но в чем-то и в роли Спасителя. Иисус исцелял бесноватых; ту же способность демонстрирует Зосима. Пусть монах не воскрешает мертвых, но и он, как Иисус, с легкостью избавляет от мук душу матери, потерявшей ребенка. Как Спаситель, он отпускает смертные грехи кающейся убийце и благословляет младенческую чистоту девочки Лизаветы. Этот фрагмент романа также несет на себе следы сталинских размышлений.

Из толпы народа, собравшейся у крыльца кельи, выводят кликушу, то есть отечественную разновидность обуянной бесом женщины. Достоевский от своего лица рассказывает о впечатлениях детства, когда ему часто приходилось видеть и слышать таких кликуш. Он вспоминал о том, что существует мнение о притворстве этих женщин или о сговоре между ними и корыстными церковниками.

...

«Но впоследствии я с удивлением узнал от специалистов-медиков, — замечает Достоевский, — что тут никакого нет притворства, что это страшная женская болезнь и, кажется, по преимуществу у нас на Руси, свидетельствующая о тяжелой судьбе нашей сельской женщины, болезнь, происходящая от изнурительных работ слишком вскоре после тяжелых, неправильных, безо всякой медицинской помощи родов; кроме того, от безвыходного горя, от побоев и пр., чего

иные женские натуры выносить по общему примеру все-таки не могут» [\[606\]](#).

Сталин на полях справа отчеркнул этот текст. Может быть, Сталину пришлось наблюдать таких кликуш у себя в Гори или в Тифлисе в храме во время богослужений? Хотя на Кавказе это явление встречается реже. Может быть, он вспомнил, как уже не раз испытал на себе свирепость женской экзальтации, когда его приветствовали народные массы? Кинохроники XX века сохранили многочисленные кадры бьющихся в конвульсиях женских фигур, истеричных женских лиц, молодых и не очень юных, приветствующих Гитлера, Муссолини, Сталина, Мао, битлов, проповедников разных мастей и других массовых символов мужественности. Но в России кликушество не было всего лишь обычной формой временного массового психоза женской части народа. Оно было, как справедливо поясняет Достоевский, следствием тяжелейшего положения женщины в народной крестьянской среде. По сути, это было своего рода бегство от действительности, то есть подлинное помешательство, приостановить которое, пусть на время, была способна вера в чудо.

...

«А потому и всегда происходило (и должно было происходить) в нервной и конечно тоже психически больной женщине непременно как бы сотрясение всего организма ее в момент преклонения пред дарами, сотрясение, вызванное ожиданием непременно чуда исцеления и самую полную верой в то, что оно совершится. И оно свершалось хотя бы только на одну минуту» [\[607\]](#).

Достоевский описывает, как после чуда минутного исцеления окружающая толпа женщин впадает в буйный восторг уже по отношению к целителю-чудотворцу.

Исцеление бесноватой — лишь начальная стадия спасения опущенных в ад душ. Прозорливец тут же, походя, спасает от соблазна душегубства одну из матерей, пожелавшую возвратить себе сына, долго не подававшего

вестей, путем кощунственного акта — выставив в храме свечку за упокой его души. Здесь же он отпускает грех раскаивающейся убийце садиста-мужа и тем отворяет дверь из темницы ада очередной больной женской душе. На эпизоде о кающейся убийце и мотиве прощения Сталин опять задержался более внимательно:

«Она глядела молча, глаза просили о чем-то, но она как бы боялась приблизиться.

— Ты с чем, родненькая?

— Разреши мою душу, родимый, — тихо и не спеша промолвила она, стала на колени и поклонилась ему в ноги.

— Согрешила, отец родной, греха боюсь» [608].

В русском языке много слов и интонаций, передающих особо близкую степень со-чувствования. Из всех них слова «родненький», «родненькая» выражают наивысшую степень близости, сочувствия и сострадания. Эти слова мне ни разу не встретились ни в опубликованных произведениях Сталина, ни в его письмах, ни в архивных документах, не вспоминают о них и мемуаристы. Может быть, мне не повезло, и более внимательные исследователи со временем обнаружат их в лексике вождя. На сегодняшний день широко известны такие наиболее человеческие его слова: «братья и сестры», «друзья мои». С ними он обратился в начале войны ко всему советскому народу. Эмоционально потрясшие страну, они тоже были из того же, церковного лексикона. Исследуя сталинское публицистическое наследие, Михаил Вайскопф проследил контекст, в котором встречается обращение «братья и сестры» начиная с 20-х годов. Он пришел к выводу, что Сталин употреблял это «патристическое» обращение, как правило, к тем, кто ниже всех стоял по рангу после «товарищей», «граждан» и т. д. [609] Циник не тот, кто демонстративно и часто со страстью переступает через моральные ценности и запреты, а тот, кто холодно и расчетливо использует их в качестве подручных средств.

Помимо непосильной для многих борьбы с собственной неискренностью и брезгливой ненавистью к самому себе, да и к другим, старец в соответствии с христианской проповедью призывал особенно любить раскаивавшихся грешников. И эту заповедь стареющий Иосиф, видимо соскучившийся по евангельскому слогу, подчеркнул в книге. Три года женщина-убийца просит прощения у Бога, а страх посмертного наказания все так же гложет ее: «— Ничего не бойся, никогда не бойся и не тоскуй», — увещевает ее Зосима. «Только бы покаяние не оскудевало в тебе — и все бог простит. Да и греха такого нет в мире и не может быть на всей земле, которого бы не простил господь воистину кающемуся. Да и совершить не может, совсем, такого греха великого человек, который бы

истощил бесконечную божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил божью любовь? О покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе. Веруй, что бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит. А об одном кающемся больше радости на небе, чем о десяти праведных, сказано давно... Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил; примиришься с ним воистину. Коли каешься, так и любишь» [\[610\]](#). Следует ли напоминать, что ни одному публично или закулисно раскаявшемуся «врагу народа» Сталин не даровал ни свободы, ни жизни, ни прощения. Сотни тысяч расстрелянных «врагов» до сих пор «стоят» в фантастической очереди на публичную реабилитацию, то есть посмертное прощение по-нашенски, по-отечески. Но может быть, это он лично для себя не исключал раскаяния в душе, пред лицом Бога? Может быть, читая Достоевского, Толстого, евангельские тексты, он хотя бы в своем воображении иногда «проигрывал» такой сценарий? На этот вопрос у меня нет пока ответа.

Проведя сеанс спасения грешниц, Зосима, по воле Достоевского, на миг расслабился душой, пообщавшись с бескорыстной женщиной из народа, пришедшей взглянуть на старца и передать через него лепту — шестьдесят жертвенных копеек:

«— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. Непременно исполню. Девочка на руках-то?

...

— Девочка, свет, Лизавета.

— Благослови господь вас обеих, и тебя и младенца Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, милые, прощайте, дорогие, любезные» [\[611\]](#), — отметил Сталин красным карандашом.

Ад

Местоположение ада, как и рая, там же — в душе человеческой. «Таинственный посетитель» понял это еще в тот момент, когда расчетливо отводил от себя подозрения в убийстве.

...

«Затем с адским и с преступнейшим расчетом устроил так, чтобы подумали на слуг: не побрезговал взять ее кошелек...» [\[612\]](#).

Сталин чуть заметно, походя, отметил этот текст.

Мысль, что ад, как и рай, есть всего лишь крайние состояния души, Зосиме очевидна. Наивысшее адское страдание, которое способна испытать живая душа, — это нелюбовь, точнее — невозможность любви. В том разделе проповеди, которую Зосима озаглавил «Ад и рай», он эту мысль обстоятельно разъяснил:

«Отцы и учителя, мыслю: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить” [\[613\]](#). Рукой Сталина, слева на полях: *«то есть разочарование, неверие»*. Ну, здесь уж совсем упрощает «великий» философ и теоретик! Хотя в то же время это зависит от того, как на его комментарий взглянуть. Может быть, он хотел сказать: если он сам разочаровался и не верит больше в Бога, значит, и его душа должна страдать и уже при жизни находиться как бы в аду? Ничего из того, что мы знаем сейчас о Сталине, не говорит о жестоких душевных муках совести, якобы поражавших его. Да и в романе Достоевского все намного глубже и многозначительнее. Зосима речет о том, что только раз дается человеку жизнь, чтобы заявить: «Я есмь и я люблю». Но если человек не поверил в бесценный дар «деятельной любви», если его существо «взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным», то и отошедший от земли попадет в ад, но не в ад физический, а духовный.

...

«Говорят о пламени адском материальном: не исследую тайне сию и страшусь, но мыслю, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылось бы ими страшнейшая сего мука духовная. Да и отнять у них эту муку духовную

невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри. А если б и возможно было отнять, то мысля, стали бы от того еще горше несчастными» [\[614\]](#).

Отмечено на полях справа.

Сама по себе идея такого рода «виртуального» ада Сталину понятна, поскольку она мало чем отличается от тех мук совести, которыми так или иначе, пусть мимолетно, как прививкой от кори, но приходится переболеть любому на земле. Поэтому, пройдя воспитание у праведников в духе «деятельной любви», и самые черствые души обретут, наконец, рай, но в отраженном, неполноценном виде. А вот для гордых и свирепых, «приобщившихся сатане и гордому духу его всецело», ад приготовлен на веки вечные не потому, что их на это осуждает милосердный Бог, а потому, что они сами себя к аду приговаривают. Вот какими словами об этом говорит Зосима: «Для этих ад уже добровольный и ненасытимый; те уже доброхотные мученики. Ибо сами прокляли себя, прокляв бога и жизнь. Злобою гордостью своею питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Но ненасытимы во веки веков и прощение отвергают, бога, зовущего их, проклинают. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было бога жизни, чтобы уничтожил себя бог, и все создание свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...» [\[615\]](#) Вот такого-то как раз ада Сталин не боялся. Не только не страшился, а даже предпочитал его, как одну из возможных форм **существования** . Намного больше адского существования он боялся полного небытия, абсолютного **ничто** . Напомню, что в книге Франса он именно эту мысль отметил:

«Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада» [\[616\]](#).

Загубивший столько невинных душ, ставший причиной стольких смертей, он банально боялся смерти и согласен был на любые муки ада, лишь бы **быть вечно** .

* * *

На этом рассуждения иеросхимонаха Зосимы заканчиваются. Заканчивается и роман, действие которого прошло в городе Скотопригоньевске и его окрестностях, о чем автор сообщил в первых частях своего повествования. Сталин запомнил эту географическую ремарку и в самом конце аккуратно приписал: «*Город Скотопригоньевск* ».

Ах, эти странные совпадения: в Москве, оказывается, была улица Скотопригоньевская. По ней в 30-х годах вывозили из города трупы расстрелянных людей.

Вождь против писателя

С годами отношение Сталина к Достоевскому менялось. В разрозненных бумагах Сталина, собранных с его стола во время заседаний Политбюро ЦК, есть любопытная запись, сделанная его рукой зеленым карандашом:

«Памятники:

1) Чехову

2) Толстому

3) Достоевскому

Памятник

М. Горькому» [\[617\]](#).

Даты нет, но перечень находится среди бумаг, относящихся к первой половине 20-х годов. Скорее всего, он сам проявлял инициативу и предлагал соорудить в Москве памятники своим любимым писателям. Как известно, памятник Достоевскому при жизни Сталина так и не был поставлен. Я думаю, что главной причиной была сначала «сомнительная» репутация писателя, использовавшего православную лексику и страдавшего откровенно демонстрируемыми грехами антисемитизма и антисоциализма. Но и тогда книги Достоевского не входили в индекс запрещенных. Думаю, что здесь значительную роль сыграла позиция Горького. До революции он был одним из самых ярких публичных критиков творчества и политических пристрастий Достоевского. Но после революции, особенно в начале 30-х годов, он активно выступал против замалчивания и запрещения творчества писателя. В библиотеке Сталина есть экземпляр книги: «М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941 год». Книгу с дарственной надписью прислал составитель профессор С.М. Брейтбург. В книге впервые опубликовано письмо Горького в Госиздат от 29 сентября 1928 года, с предложением издать романы «Бесы» и «Братья Карамазовы». Любопытна мотивировка — несмотря на то что Достоевский «неряшливый» писатель, но это лучшие его произведения. Кроме того, его нельзя запрещать по причине, что все равно «молодежь будет читать как подпольную литературу» и т. д. Так что произведения Достоевского до войны издавали, и не раз.

Но ближе к войне, когда антисемитизм исподволь начал превращаться в фактор государственной политики и, казалось бы, напротив, должен был

способствовать популярности творчества писателя, Достоевский был негласно запрещен. Рефлексирующая проза Достоевского, ее христианские и внешне антисоциалистические мотивы никак не вписывались в обновленное мировоззрение Сталина. Эволюция его мировоззрения завершилась в период войны. Закончились и внутридушевные игры с чувствами вины, покаяния, с Богом и дьяволом, с добром и злом. Эту эволюцию можно представить в виде графической линии, начальную и конечную точки которой обозначают те самые плюсы и минусы на книгах А. Франса и Г. Александрова. Напомню, как противоположно они были оценены вождем в начале и в конце этого пути. Но этот путь, длиной менее чем в десять лет (от середины 30-х до середины 40-х годов), был насыщен таким количеством убийств, сначала внутри страны, а затем на фронтах войны, первопричиной которых был он, Генеральный секретарь, глава правительства и Верховный Главнокомандующий, что всякая рефлексия, даже в качестве потайной душевной зарядки, теряла какой-либо смысл. Поэтому нет никакого противоречия в цитируемых выше воспоминаниях С. Аллилуевой. Он продолжал считать Достоевского великим писателем, но уже абсолютно неприемлемым идеологически для его народа.

Я думаю, что Дмитрий Шепилов, крупный партийный функционер послевоенной формации, в общем, верно передает полученную им через Андрея Жданова послевоенную оценку Сталиным творчества Достоевского:

«...Жданов говорил примерно следующее:

Вчера товарищ Сталин обратил внимание на то, что в выходящей новой литературе очень односторонне, а часто и неправильно, трактуется вопрос о творчестве и социологических взглядах Федора Достоевского. Достоевский изображается только как выдающийся русский писатель, непревзойденный психолог, мастер языка и художественного образа. Он действительно был таким. Но сказать только это — значит подать Достоевского очень односторонне и дезориентировать читателя, особенно молодежь.

Ну, а общественно-политическая сторона творчества Достоевского? Ведь он написал не только “Записки из мертвого дома” или “Бедные люди”. А его “Двойник”? А знаменитые “Бесы”? Ведь “Бесы” и написаны были для того, чтобы очернить революцию, злобно и грязно изобразить людей революции преступниками, насильниками, убийцами; поднять на щит людей раздвоенных, предателей, провокаторов.

По Достоевскому, в каждом человеке сидит “бесовское”, “содомское” начало. И если человек — материалист, если он не верит в Бога, если он (о ужас) социалист, то бесовское начало в нем берет верх, и он становится преступником. Какая гнусная и подлая философия. Да и Раскольников —

убийца — является порождением философии Достоевского. Ведь “Бесы” только по своей грязно-клеветнической форме отталкивали либералов. А философия в “Преступлении и наказании” по существу не лучше философии “Бесов”.

Горький не зря называл Достоевского “злым гением” русского народа. Правда, в лучших своих произведениях Достоевский с потрясающей силой показал участь униженных и оскорбленных, звериные нравы власть имущих. Но для чего? Для того, чтобы призвать униженных и оскорбленных к борьбе со злом, с насилием, тиранией? Нет, ничуть не бывало. Достоевский призывает к отказу от борьбы, к смирению, к покорности, к христианским добродетелям. Только это, по Достоевскому, и спасает Россию от катастрофы, которой он считал социализм.

А наши литераторы кропят творчество Достоевского розовой водицей и изображают его чуть ли не социалистом, который только и ждал Октябрьской революции. Но это же прямая фальсификация фактов. Разве не известно, что Достоевский всю жизнь каялся в своих “заблуждениях молодости” и замаливал своих грехи — участие в кружке Петрашевского? Чем замаливал? — поклепами на революцию, рьяной защитой монархии, церкви, всяческого мракобесия.

Товарищ Сталин сказал, что мы, конечно, не собираемся отказываться от Достоевского. Мы широко издавали и будем издавать его сочинения. Но наши литераторы, наша критика должны помочь читателям, особенно молодежи, правильно представлять себе, что такое Достоевский» [\[618\]](#).

После войны Достоевского практически перестали печатать. Лишь со смертью Сталина его творчество постепенно вернулось к советскому читателю.

Заключение. О воскрешении Григория Отрепьева в личине Генерального секретаря

В истории России лишь однажды случилось так, что на царском троне оказался человек, причастный к духовному сословию. Даже властный митрополит Филарет Романов вынужден был оставить мечту о светской власти и благословить на царство своего сына Михаила. Даже гордыня патриарха Никона, возмечтавшего диктовать свою волю государственной власти, была с легкостью усмирена царем Алексеем Михайловичем Тишайшим. Но однажды это все же произошло. Выходцем из церковного сословия был Григорий Отрепьев, он же царевич Дмитрий, он же Лжедмитрий I.

Сталин очень возмутился, когда в одном из первых проектов нового школьного учебника истории авторы, как бы сами сомневаясь в подлинном происхождении царевича, окрестили Лжедмитрия Дмитрием Названным [\[619\]](#). Не важно, был ли он рожден Иваном Грозным или нет, важнее другое — Отрепьев действительно был беглым монахом. «Рано осиротев, — пишет академик С.Ф. Платонов, — он постригся в монахи и бродил по монастырям, пока не добрался до Москвы. Там он был принят в Чудов монастырь в Кремле и познакомился с московской жизнью». Бежав из Москвы в Польшу, он расстригся, объявил себя царевичем. Затем с помощью бояр, поляков и при поддержке московского люда занял престол. На троне, вопреки распространенному мнению, идущему от пушкинского «Бориса Годунова», он не вел себя как ставленник поляков; не принял сам и не навязывал москвичам католицизма, а, напротив, вел себя вполне патриотично и по-христиански, держал поляков-католиков на расстоянии и готовил поход на магометанский Крым. Любопытно и то, что, будучи воспитан монахами и сам до зрелых годов пребывавший в этом сане, он, как пишет Платонов, не любил обрядовую сторону жизни царского двора. В то же время современники рассказывали, «что царь отличался необыкновенным умом и деловитостью, чем будто бы удивлял бояр» [\[620\]](#). Отрепьев вскоре был убит, причем теми же, кто призывал его в Москве на царство.

Никакой связи между Григорием Отрепьевым и Иосифом Джугашвили нет. Между ними вообще нет ничего общего, разве что и тот и другой были воспитанниками церкви, и тот и другой отреклись от нее, оба волею

случайных обстоятельств и личных качеств достигли высшей государственной власти. А дальше их жизненные линии резко расходятся: прах Отрепьева развеян пушечным выстрелом над Красной площадью, а душа предана анафеме. Прах Сталина покоится с миром и почетом на той же площади у древних стен Кремля. И в другом, еще более важном их судьбы расходятся. Несмотря на то что Отрепьев был монахом, он даже не мечтал о том, чтобы сосредоточить в своих руках духовную и светскую власть одновременно. А вот Сталину это удалось вполне. Так что известное определение Маркса о «привычке» истории повторять всемирно-исторические события дважды, сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса, в данном случае верно, но если его перевернуть наоборот. Фарсом выглядит мимолетное царствование расстриги Григория Отрепьева, а многолетней трагедией — правление бывшего ученика православной духовной семинарии Иосифа Сталина.

Если и было в Сталине что-то подлинное, свое, то это только то, что он получил в детстве от родителей, а главное — от семинарского, фактически монашеского образа жизни и воспитания. Хотим того или нет, но мы ничего не поймем ни в поворотах его политической биографии, ни тем более в сталинском и даже в постсталинском периоде истории страны, если не будем учитывать всегда скрыто присутствовавшего «православного» фактора. В его мышлении легко сочетались стереотипы грузинской народной культуры, поэзии, национальной литературы и истории с догмами православной церкви, с марксистскими конструкциями, с тюремной и подпольной политической романтикой, с великодержавием русской имперской истории и т. д. Но наиболее мощный, базовый пласт его душевно-интеллектуального содержания был все же заложен русской православной церковью. Точнее, он был заложен ее провинциальными учителями, официальными учебниками, столетними стереотипами, фобиями, обрядовостью и историческими традициями. Они заложили наиболее устойчивые структуры мышления, системы оценок и предпочтений. Стереотипы мышления наиболее достоверно выявляются в лексике. Сталинская же лексика, даже тщательно приглаженная и вычищенная в собрании сочинений, насыщена аллюзиями и прямыми цитатами из Священного Писания. Вот их небольшой перечень: «Раза два споткнешься, а там и привыкнешь самостоятельно шагать, как “Христос по воде”», «А вы сами разве не кричали: распни, распни большевика?», «Окружили мя тельцы мнози тучны», «Отделить овец от козлищ», «Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом» и т. д. и т. п. [621] Все его статьи, публичные речи, спонтанные высказывания в узком кругу буквально пересыпаны подобными парафразами и прямыми цитатами

из Священного Писания. И даже ностальгическая любовь к церковному пению, которая преследовала его всю жизнь, была оттуда, из семинарской молодости. Молотов вспоминал: «Мы все трое были певчими в церкви. И Сталин, и Ворошилов, и я. В разных местах, конечно. Зато потом, уже в Политбюро, все мы трое пели: “Да исправится молитва Твоя...” — и так далее. Очень хорошая музыка — пение церковное» [\[622\]](#). И все же, даже находясь в органичном для себя образе новоявленного «Учителя народов», он не имел ничего от подлинного, «Доброго Пастыря». Автор послесловия к одной из книг К. Маркса процитировал в 30-х годах эмоциональные строчки малоизвестного в России немецкого поэта XIX века:

...

Первек

Сталин обвел их карандашом. «Русский инок», тщательно отмечавший в произведениях Толстого и Достоевского мысли о христианской деятельной любви к людям, включая врагов, в то же самое время, в те же самые годы и, может быть, в одни и те же часы и даже мгновения пылал самой темной злобой и ненавистью ко всем, даже к самым близким. Помните его: «Мягко забитый, злобно зацелованный»! Ведь и это написано в те же 30-е годы. Есть и совсем прямые высказывания о подлинном чувстве, доминировавшем в его огосударственной душе. «Вы, г-н Уэллс, — заявил он писателю, — исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей». Здесь-то он как раз не одинок. А вот как понять и как объяснить, каким образом в нем совмещалось чувство ненависти с пристальным интересом ко все покоряющей любви? Кого и когда он так долго любил, чтобы теперь так ласково ненавидеть?

Может быть, после долгих десятилетий сначала светлой христианской, а затем жертвенной подпольно-революционной любви к людям, и только Гражданская война и особенно борьба за власть раздули в его душе темный огонь ненависти? А до того он был вполне обычным, даже сострадательным человеком? Ничего подобного!

Я уже писал, что в сталинской библиотеке и архиве сейчас нет ничего такого, что послужило бы основанием для достоверного суждения о круге чтения молодого Кобы и его духовном и интеллектуальном уровне. Но есть одно исключение. Речь шла об отдельных номерах легального марксистского журнала «Просвещение» за 1911–1914 годы. В те годы, скорее всего, именно этот журнал, где несколько раз он печатался сам, был одновременно главным источником его политического и культурного образования. С десятков тонких книжечек журнала, которые Коба сохранил со времен своих ссылок, испещрены его замечаниями. Одна из статей Григория Зиновьева, с пометами Сталина, опубликованная в мартовском номере «Просвещения» за 1913 год, в очередной раз навела меня на мысль о парадоксе совместимости несовместимого, об органическом слиянии неслиянного. То «слияние льда и пламени», что невозможно в природе, на что она ставит непреодолимые запреты, вполне совокупно в человеческой душе и разуме. Как может священник и поэт, пусть и несостоявшийся ни в том, ни в другом качестве, но прекрасно чувствующий звучание «божественного глагола», как он может одновременно пылать злобой и возжигать ею людские сердца?

Зиновьев написал небольшую заметку (точнее, рецензию на книгу Фр. Меринга, издавшего переписку Маркса) о сложных взаимоотношениях Карла Маркса и поэта Фердинанда Фрейлиграта. Сталин, скорее всего, читал этот номер журнала в Курейке в своей каморке, прикорнув у керосиновой лампы или при свете летнего приполярного солнца, сидя на бревне, валявшемся перед домом Перепрыгиных. И, как всегда, с карандашом в руке.

«В течение почти целых двух десятилетий, — писал Зиновьев, — великий основоположник научного социализма связан был узами самой тесной дружбы с великим поэтом, певцом революции — Фердинандом Фрейлигратором» ^[623]. Далее Зиновьев рассказывает о полемике, которая разгорелась между друзьями Маркса — Рервегом и Фрейлигратором о месте поэта в социальном движении. Фрейлигратор в отличие от Маркса и Рервега настаивал на свободе поэта от партийных догм. По словам Зиновьева, Рервег отвечал на это:

«Поэт не может стоять по ту сторону добра и зла, в предстоящей революции он должен быть по сю или по ту сторону баррикады, он должен иметь определенное знамя. Выберите другое знамя, чем мое, это я пойму. Но — только выберете, станьте определенно с нами или против нас» — таков был смысл ответа Рервега ^[624], который заканчивался нарочитым подчеркиванием того, что «мои лавры, это — лавры партии» ^[625]. Сталин рядом с этим текстом поставил знак NB.

Зиновьев отметил, что Маркс имел в виду не организацию, а «разумел партию в великом историческом смысле слова», то есть движение как таковое. Сталин выделил слова Зиновьева о том, что следует различать революционера «по чувству» и революционера «по разуму»:

...

«Фрейлиграт после того, как примкнул к Марксу, остался революционером чувства, меж тем, как Маркс явил миру исполнскую фигуру человека знания, человека науки, человека, который соединил в себе пламенную страсть революционного борца с несокрушимой убежденностью прокладывающего новые пути реформатора ученого» [\[626\]](#).

Зиновьев пишет, что Маркс понял причину отступничества Фрейлиграта в том, что поэт почувствовал на себе ненависть врагов социализма, тогда как ожидал по отношению к себе, поэту и революционеру, всеобщую любовь и обожание. Маркс внушал поэту: «И тем не менее, всякий поэт, чем бы он ни был, как человек, нуждается в аплодисментах, в admiration (восхищении)» [\[627\]](#).

Сам же Маркс в таком восхищении как будто не нуждался, так как привык к нападкам врагов. Один из них, продолжает Зиновьев, некто Бетта, «...усиленно старался облить грязью Маркса, изображая его “виртуозом ненависти”... Маркс обыкновенно с презрением проходил мимо этого лая литературных шавок» [\[628\]](#).

В следующих словах Маркса Сталин явно почувствовал переключку с собственными мыслями и поэтому отчеркнул их на полях:

...

«...Что до меня, то я привык отвечать за свою партию и видеть, как мое имя забрасывают грязью за нее. Я привык постоянно видеть, как мои частные

интересы всегда страдают из-за интересов партии»
[\[629\]](#).

...

«Поэт остается верен своей старой точке зрения. Социалист чувства, он продолжает считать определенность — узостью, практическую обстановку борьбы в данных тяжелых условиях — жалкой прозой и грязью, о которую не стоит рук марать, партию — “клеткой”» [\[630\]](#).

И все же главная причина ухода поэта из движения была та, что он, в отличие от Маркса и Рервега, не хотел пылать ответной страстной ненавистью к врагам. Да, по убеждениям он был революционером и коммунистом, но не рассудочным, как Рервег или Сталин:

...

«Фрейлиграт был революционером из поэтической интуиции, революционером лишь чувства, Маркс же — революционером из глубочайшего проникновения в историческое развитие общества и государства. Их свела революция и взаимное уважение к отваге, и твердость характера каждого из них. Когда же по всей линии победила контрреволюция, — мало-помалу наступило отчуждение и вступило сильнее то, что их всегда разъединяло. То, что постиг Маркс своим гениальным умом, того не мог постичь Фрейлиграт своей поэтической фантазией...» [\[631\]](#).

Здесь Зиновьев процитировал, а Сталин отметил итог, который подвел Меринг о соотношении чувства и разума на примере взаимоотношений революционера-поэта и революционера-теоретика, так и не ставшего

«практиком». Для нашего же героя, для Сталина, и для меня поучителен сам факт: в конце XIX — начале XX века крупнейшие политические деятели революционного социалистического движения рассуждают о том, как соотносятся «чувства» и «знания» (то есть разум), а главное, какое место занимает в нем «ненависть». Сталин явно уловил, что здесь, во взаимоотношениях поэта и мыслителя, лежит нечто более глубокое, чем об этом сказано у Зиновьева. Недаром он так упорно фиксируется на «чувстве», причем в особенности на чувстве ненависти. В чем же тут дело?

Может быть, нам поможет это понять то, что немецкий христианский философ начала XX века Макс Шелер, почитатель Ницше и Достоевского, назвал диковинным французским словом «ресентимент»? Оно означает состояние души, противоположное тому, которое передается французским же словом «сентимент», то есть чувствам любви, душевного тепла, благородства, высокого порыва. Ресентимент — это постоянное, но не осознаваемое воспроизведение в человеческой душе затаенных чувств и эмоций злобы и ненависти. Как утверждает Шелер, ресентимент, «не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода» ^[632]. В ряду тех, кого Шелер считал особо подверженным ресентименту, чуть ли не первыми стоят «социально ориентированные священники». Он пишет, что их любовь к «сырым», «к нищим духом», к беднякам, к угнетенным на самом деле «не что иное, как замаскированная ненависть, вытесненная зависть, злоба и т. д. по отношению к противоположным явлениям — «богатству», «силе», «жизненной энергии», «полноте счастья и бытия» ^[633].

В связи с этим уместно напомнить, с каким сарказмом Сталин реагировал на идеи Толстого и Достоевского о желательности встречного материального и духовного движения богатого и бедного. И одновременно мы наблюдаем, как тщательно Сталин фиксирует замечания Достоевского о ненависти и брезгливости к себе, о спонтанной вражде к людям вообще, о зависти, о почти маниакальной способности распалать в себе реальные и воображаемые обиды. Но это не значит, что человек ресентиментного типа лишен понимания положительных ценностей. Совсем нет. Они, эти подлинные, положительные ценности, как бы постоянно просвечивают сквозь ресентимент. Так, по крайней мере, утверждает Макс Шелер. Как видим, Сталин действительно не утратил способности умственно, в качестве интеллектуальной физкультуры рассуждать о добре и зле, о любви, о душевных муках и т. д. Модель Шелера не плохо подошла к подлинной душевной оболочке как Сталина-поэта, так и Сталина-семинариста. Но это-то и настораживает. Разве не отыщется в душе каждого человека темный уголок, где втайне цветет плесень ресентимента? Другое дело, когда она

захватывает не часть, а почти все пространство омертвевшей души, питая своим гнилым ядом самый разум.

Здесь не место вдаваться в подробности того, все ли большевистские лидеры были подвержены ресентименту, то есть действовали из чувства ненависти, зависти и мести к власти имущим, богатым и сильным мира сего или же — из подлинного чувства сострадания к угнетенным? Но то, что в Сталине, который воспитывался с юности как будущий христианский священник, но переориентировался затем на мирские, социальные проблемы революционера, чувство ресентимента было определяющим, не вызывает никакого сомнения. Именно из него, из этого чувства можно безошибочно вывести ту, с годами всевозрастающую ненависть, которая для своего удовлетворения требовала все большее количество жертв. Обратим внимание и на то, что самые страшные годы «сталинщины» падают на зрелые годы его жизни, когда ему уже переваливает за пятьдесят. Обычно чувства человека к этим годам становятся все более сбалансированными и сглаженными. Не то с человеком ресентиментного типа. Поэтому-то на последние два десятилетия жизни приходится всевозрастающее пламя его ненависти. Именно в эти годы он и становится тем «государственным убийцей», каким его видел наяву Хрущев. У меня нет никаких сомнений, что в конце жизни он не только предполагал планово, то есть не спеша, «окончательно решить» еврейский вопрос (а попутно и другие «национальные» проблемы), но и так же планомерно, холодно и расчетливо вел дело к мировой ядерной войне, чтобы окончательно решить вопрос с капитализмом и стать мировым владыкой. Ожидания скорого всемирного финала «старого», капиталистического мира, неизбежность новой и «последней» войны всеми способами поддерживались в народе. Светлана Аллилуева вспоминала реплику близкого товарища ее братьев, которую он произнес в последний год жизни отца: «Эх, сейчас бы самое время начать, чтобы отвоеваться, — пока жив твой отец. Сейчас мы непобедимы!» Об этом жутко было подумать всерьез, — пишет она, — но очевидно, такие настроения были и в правительстве» ^[634]. Во всех этих замыслах Сталина не было ни грана безумия, во всяком случае, с медицинской, клинической точки зрения. Из вполне обычного чувства зависти к богатым, впервые зародившегося в его еще детской душе, из ущемленного национального достоинства, в благоприятных условиях разгорелось пламя адской ненависти, пожравшее миллионы людей. Не меньшее опустошение произвело заражение этой ненавистью не только окружавших его соратников, но и нескольких поколений советских людей, страстно занимавшихся взаимным уничтожением. Но все это совсем не мешало ему думать о себе как о новом спасителе человечества, во имя его возлагающем

на невидимый алтарь свою душу, разум и терзаемое болезнями тело. «Спаситель» — так на весь мир кощунственно назвал его в своей книге Анри Барбюс. К концу жизни «Спаситель» вряд ли уже помнил, что сам же когда-то подчеркнул насмешливое замечание Достоевского по психологически схожему поводу:

«Он вполне искренне любил опять человечество» [\[635\]](#).

* * *

Теперь мы можем позволить себе определить сталинизм в терминах романа Достоевского как современное воплощение идей «цезаре-папизма». Сосредоточение в одном лице Генерального секретаря верховной светской и духовной власти дало эффект, о котором не мог и мечтать Великий инквизитор, порожденный воображением писателя. Но отдадим должное и тому и другому. Если Великий инквизитор поставил вопрос о созидательной силе зла в теоретическом и историческом планах, то Сталин, «величайший практик», использовал эту силу как силу конструктивную. С помощью насилия он практически, то есть инженерно, строил мистический, призрачный социализм, вполне в духе Великого инквизитора. Возможность такого поворота в русской истории была предугадана самым серьезным критиком христианских идей Достоевского. Константин Леонтьев еще в мае 1890 года писал из той самой Оптиной пустыни, где Достоевский встретил прототип отца Зосимы: «Иногда я думаю (не говорю — мечтаю, потому что мне, вкусам моим это чуждо, а невольно думаю и беспристрастно предчувствую), что какой-нибудь русский царь — быть может, недалекого будущего — станет во главе социалистического движения (как Св. Константин стал во главе религиозного...) и организует его так, как Константин способствовал организации христианства... Но что значит “организация”? Организация значит — принуждение, значит — узаконение хронического, постоянного, искусно и мудро распределенного насилия над личной волей граждан... И еще соображение: организовать такое сложное, прочное и новое рабство едва ли возможно без помощи мистики» [\[636\]](#). Знал бы Леонтьев, к чему приведет реальное скрещивание социализма с «царизмом» в большевистской России, то проклял бы себя за свое же гениальное пророчество.

Мистическая сторона сталинской теории социализма («религиозный атеизм»), как выразился тот же Леонтьев [\[637\]](#) и практическая сторона организации личного царства Генерального секретаря — предметы дальнейших исследований.

Философия возвращения

Об историческом гештальте, историческом пространстве и тварях истории

Основная черта всего человеческого — искание реальности. Где ищется и находится реальность, это обуславливает все различия между людьми.

Отто Вейнингер¹

Пять лет его образ живет со мной. Пять лет он во мне, в центре, рядом, вокруг. Гнусное существо. Был хром и болезнен. Левая рука не разгибалась и сохла. Часто простужался — значит, был потлив. Его империя (моя родина): кровь, вонь, марши, миллионы лопат, штыков, потоки речей и океаны трупов. Сейчас моя душа насыщена всем этим. Случайный взгляд, брошенный в книгу, читает о нем. Нечаянный взгляд, брошенный в лицо прохожего, подмечает знакомые черточки. Взгляд на экран телевизора селекционирует варианты сталинских образов: вот шекспировский «Ричард III», Вахтанговский театр, Михаил Ульянов в главной роли. Он хром, расчетлив и дерзко, но осмотрительно идет к власти — как Сталин. Или кокетливый рекламный телеролик: Тамерлан грустит у рукотворного кургана человеческих черепов. Он хром и беспощаден — как Сталин. И булгаковскому Воланду Маргарита перед бесовским саммитом растирает покалеченную во время изгнания с небес ногу с такими же сросшимися двумя пальцами левой ступни и болезненным коленом, как у Сталина. В конце концов, я уже столько лет прикасаюсь к страницам книг и документов, которые листал, читал, исписал и измял Иосиф Сталин. Как бы тщательно я ни мыл руки после каждого посещения архива или его библиотеки, частицы кожного сала его покрытых рыжеватыми волосками пальцев неизбежно проникли в меня. Я тешу себя мыслью, что это всего лишь профессиональная грязь историка-архивиста. Я обнаруживаю пепел от его трубки или папиросы, который упал между страницами 28 марта 1938 года, или смотрю на пятно от подстаканника, оставленное им на страницах другой книги, и тоже знаю точную дату. Он делал десятки, сотни, тысячи закладок из тонких полосок розовой или серой советской бумаги, которые нарезал сам или их резали его секретари: Мехлис, Бажанов, Двинский, Таль, Поскребышев... Они же затачивали десятки цветных и простых

карандашей, которыми он исчеркал, часто с огромным смыслом, сотни, возможно, тысячи книг. Во всем этом мы уже не раз с вами убеждались. Везде, где он жил, у него были огромные библиотеки. Он был начитанным человеком. Ценил удачное слово и глубокую мысль. Он лично заботился о своем архиве, значит, все время думал и заботился о будущем. Из своего настоящего он пытался им управлять, то есть управлять нашими судьбами и судьбами наших потомков. И чтобы к нему самому, к его делам и эпохе мы все и те, кто за нами, относились так, как он задумал. Сталин был убежден, что его стальная воля способна взнуздать не только его настоящее, но даже наше настоящее и будущее.

* * *

Эта книга всего лишь маленький штрих, демонстрирующий всемогущество, которым обладает историк-архивист над тем, кого он воскрешает для инобытия из груды архивных документов, книг, истлевающих мыслей, чувств и ветоши прошедшей эпохи. Он способен заполнить все умственное пространство человечества гештальтами исторических героев, образами восставших или поработанных масс. Он может воскресить сцены любви и гибели супружеской пары, жившей две тысячи лет назад в Помпеях, или восстановить из небытия точнейшие образы лежащих в растаявших руинах дворцов и городов. Воскресить не как плоть, но как лик и образ, как душу, как чувство.

С каждым новым часом, днем, с каждым новым годом, с каждым новым веком прошлое все более массивно заполняет наше настоящее и все больше вытесняет будущее. Осмотрительнее! Прошлое все чаще возвращается к нам как будущее, потому что мы сами его трусливо востребуем в качестве желанного гештальта. Нам, россиянам, не хватает государственного таланта, общественного чутья и исторического творчества, чтобы вырваться из системы бесконечного возвращения к тирании.

В этой книге «мой» Сталин — это осколок зеркала, демонстрирующий возможности исторического отображения, того зеркала, за амальгамой которого толща настоящего.

* * *

Историческое пространство решительным образом отличается от жизненного пространства человека. Жизненное пространство — это

географическое (точнее, астрономическое) пространство или же, что то же, жизненная среда с ее изменяющимися во времени вещами, природой и самим человеком.

Когда Бог творил мир, а затем человека по образу и подобию своему, он не только дал ему пару ушей, нос, более или менее пышную шевелюру и все остальное, но и передал способность творчества — божественную способность творить миры и населять их несуществовавшими до него вещами и тварями. С тех пор люди творят миры деревень и городов, электроники, детской игрушки, одежды, оружия и т. д., то есть всего того, чего природа (Бог) никогда не создавала и вряд ли нуждалась в том, чтобы все это создавать. Больше того, все эти вещи в человеческом обществе эволюционируют, то есть развиваются во времени, как эволюционирует и развивается сама жизнь. Неизвестно, делегировал ли Бог человеку свою творческую энергию в полной мере, но способность человека к вещному творчеству поразительна, и она, без сомнения, «божественна».

Однако намного поразительней способность человека в творении нового и особого исторического пространства. Она сродни способности к воскрешению и частичному одухотворению своих объектов (последнее особенно важно), что намного выше творения новых, но слабо одухотворенных вещей.

Формирование исторического пространства началось в тот момент, когда пришло ошеломляющее осознание временности своего пребывания в этом мире. С каждым мигом, с течением времени все изменяется, все разрушается и умирает, и только в социальной памяти и в истории, как в ее коллективной упорядоченной форме, сохраняется и накапливается преобразованная квинтэссенция наличного бытия. Историческое инобытие, то есть бытие в истории, и есть историческое пространство. Его свойства решительно отличаются тем, что время в нем обратимо в любой миг, и не только обратимо от настоящего к прошлому и обратно, но может быть синхронизированно пространственно. В любой миг я могу перенестись в любую эпоху, любой город, общаться с любым жившим на земле человеком. И это будет не мистическое переселение душ, медитация, не фантастическое или художественное видение, а с каждым историческим мигом все более точный, все более богатый и более сущностный Образ бывшего. Бывшего не потому, что это когда-то «было», а потому, что эта «быль» (преобразованная реальность) от поколения к поколению все более стремительно и массивно прорастает из прошлого, многократно расширяя настоящее.

Поясним: речь идет о доступной всем способности в воспоминаниях обращаться к любому эпизоду своей жизни, которой в действительности уже нет, но которая удивительным образом с каждым мигом нарастает в

памяти: нашей, окружающих людей, вещах среды обитания, становясь новой пронзительной реальностью.

Вечность в человеческом измерении — это все то же Прошлое, в котором все уже было, неумолимо будет и каждый мыслимый миг — есть. Ведь только с позиции Вечности я могу разом, в единый миг обозреть и осознать всю пятитысячелетнюю (пока еще — пятитысячелетнюю) историю цивилизации. Историческое пространство не знает временности в обыденном смысле. Если говорить точнее, время там совершенно другой природы — оно неподвижно — подвижно. (Нет прощения моему косному языку!) Пространство там возрастает в ничтожных долях, но время нарастает гигантскими стоячими валами, а скорость времени равна скорости мысли. Не забудем, что «время, — как говаривал философствующий самоубийца Отто Вейнингер, — развивается только таким образом, что количество прошедшего все растет, а будущего все уменьшается, но никогда наоборот»¹. Эта мысль в равной степени справедлива как по отношению к жизни одного человека, так и по отношению ко всему человечеству и его миру.

* * *

Было бы ошибкой думать, что переход в историческое пространство равносителен «переходу» в потусторонний мир. Историческое пространство — это, по существу, оформленное и в какой-то степени осознанное, то есть актуализированное, прошлое нашего настоящего. Это наша теперешняя общечеловеческая память. Наше прошлое и, предположим, прошлое Сталина отличается не только той прибавкой, которой выросла история с момента его смерти. За это время наше прошлое расширилось по всем «азимутам» и стало много подробнее.

Имея различную природу, можно даже сказать, разные материи, мир прошлого и мир настоящего взаимно проницаемы и неразделимы. Больше того, все люди и вещи (и живые и мертвые) синхронно сосуществуют в обоих мирах. Объясняя эту мысль, используем старый платоновский образ (хотя и совершенно в ином смысле) с пещерой, костром, людьми, сидящими перед ним и потому отбрасывающими тени на стены.

Точно так же, как тени непосредственно связаны с реальными людьми и вещами, имея совершенно другую материальную природу, так и объекты исторического пространства соотносятся с объектами реального мира. То, что присутствует в этом мире по отдельности и все вместе, от мельчайшей частички материи до бесконечных космических объектов в их совокупности,

отбрасывает свою «тень» в прошлое в виде ретроспективного образа (гештальта). Только поэтому любой объект, существующий в настоящем, может служить для познания прошлого, то есть являться историческим источником. Он сохраняет в себе реликтовую память о предшествующих состояниях, расшифровать которую и призван исследователь.

Все, что есть здесь и сейчас, имеет свою историю, свое прошлое, свое историческое инобытие. И наоборот, то, что имеет историю, хоть как-то присутствует в материализованной форме «остатка» или «следа». Таким образом, ощутимой, неинтуитивной границы между двумя сферами реальности нет, как интуитивна граница между человеком и его тенью. На этом аналогия с платоновской пещерой заканчивается. Стоит только убрать свет, и тени исчезнут. Совершенно иначе разворачиваются события в пространстве истории после смерти человека или распада вещей.

* * *

Как известно, даже физически ничто не исчезает бесследно. (К сожалению, это не утешает.) В историческом же пространстве существование поддерживается всей социальной памятью человечества, а возможно, и всей памятью мира (Бога). Даже когда кто-то или что-то человечеством забывается, это не означает, что они безвозвратно потеряны в бездне абсолютного времени. На смену забвению рано или поздно придет воспоминание, а за ним и воскрешение в историческом пространстве. Для каждого родившегося возвращение к вечной жизни, но уже к жизни в истории неизбежно. Неизбежно, вне зависимости от того, праведник он или тварь смердящая.

Историческая наука претендует на то, что она учит «правильно», то есть научно, достоверно вспоминать. Возможно, это и так, но историческая наука аморальна и патологически конъюнктурна. Во все времена она карала «вечным забвением» сирых и слабых, то есть основную массу людей, тех, кто не смог завладеть общественным вниманием настолько, чтобы стать объектом поклонения, стать кумиром. Способов, каким это внимание достигается, существует множество, но не многие могут ими воспользоваться. Наиболее эффективный — поставить людей в зависимость от своих действий, желаний, эмоций, страстей, то есть добиться господства над ними. Здесь тысяча нюансов — от прямого принуждения тиранической власти до эстетического и интеллектуального воздействия на них волей творческой личности. В основе всегда лежит жажда сохранить себя в человечестве, то есть воля к бессмертию. К бессмертию, но не в Боге, не в

Вечном покое, то есть в подлинной, но неизведанной Вечности, а в пространстве истории, которое человечно и потому перманентно. В нем, как в потустороннем христианском мире, вечной памятью первыми награждаются или великие праведники (рай), или, что чаще, жуткие грешники (ад), а остальные (то есть те, что помельче) ждут Страшного суда. Надо надеяться, дождутся.

* * *

В историческом пространстве облик вещей, людей и явлений решительным образом отличается от их облика в физическом мире (напомним — человек и его тень). В последнем, как известно, вещи существуют в трех измерениях и в четвертом — во времени. В историческом же пространстве они имеют особое измерение — ретроспективу. Ретроспектива — это не элементарно вывернутая наизнанку, то есть в прошлое, перспектива. Ретроспектива занимает промежуточное положение между способом существования в реальном времени (видимый мир) и в Вечности (в Боге). Как уже говорилось, в ретроспективе объекты никогда не исчезают, а могут быть лишь «забыты», то есть отодвинуты коллективным сознанием или непроизвольно вытеснены им в подсознание — в миф, в сакральное, в психоз. В отличие же от Вечности, где все достигает высшей точки и потому уже не нуждается в развитии, и где все обо всем знает и помнит, ретроспективные объекты постоянно развиваются, обогащаются и усложняются. Ретроспектива — это единственная форма и условие существования в историческом пространстве. Здесь без примера вновь не обойтись.

* * *

Гай Цезарь, родившись и натворив все, на что он был способен, с тем, чтобы надежнее войти в историю, войдя в нее, стал «жить» совершенно иной жизнью и живет ею уже более двух тысяч лет. При этом он становится все более исторической личностью. Как творение истории, он «насыщается» историзмом в том смысле, что все большее влияние оказывает на ход текущей век за веком общественной жизни. Можно даже сказать, что сейчас его образ, его гештальт намного богаче и мощнее, чем был при жизни. В самом деле, при жизни он с большим усилием добился того, чтобы стать правителем Римского государства и оказать влияние на его судьбу. Однако

его историческое бытие, его «тень», его ретроспективу нельзя поставить ни в какое сравнение с жизнью телесной ни по силе влияния на умы людей, ни по охвату их количества, ни по географии, ни по времени воздействия. В Римской империи жило всего несколько миллионов, причем далеко не все даже слышали его имя. Его действия прямо касались главным образом правящей элиты, армии, населения столицы, провинциальных властей. Но вот он убит. (Ах, эти «мартовские иды», о которых сейчас должен знать каждый школьник от Сиднея в Австралии до Якутска в Сибири!) С его именем началась гражданская война, в которую была вовлечена значительная масса населения. И с этого же мига началось его существование в новом качестве. Дальнейшее известно. Стоит лишь обратить внимание на то, что на его «тень», на его образ, на его гештальт равнялись не только русский царь Петр I, француз Наполеон I, австрияк Гитлер, грузин Джугашвили, итальянец Муссолини, но и целый сонм правителей во всех частях света. Он, в форме исторической «твари», постоянно живет в душах сотен поколений ученых и студентов, профессоров и домохозяек, писателей и артистов. Он бесчисленное количество раз воскресает, умирает, рождается и перевоплощается в душе читателя и зрителя, в душе актеров на сценах театров и экранах кино, телевизора. Сотни тысяч скульптурных и живописных портретов. И все это многократно воспроизводится различными эпохами и народами и не гаснет со временем, а лишь бесконечно наращивает и обогащает ретроспективу императора. Иначе говоря, гештальт Цезаря эволюционирует и разрастается. А это и есть форма доступной нашему разуму вечной памяти, но не Вечного покоя. Быть может, бесконечная инкарнация в социальной памяти человечества, в его субъективном историческом пространстве и есть та форма, которая предусмотрена Творцом в качестве предельного наказания смертному? Кто знает? Но тогда человеческая память не может быть только сферой наказания. Она должна быть еще и местом искупления и вообще — воздаяния. Уж не чистилище ли она на самом деле?

* * *

Ясно, что историческое пространство формируется не только специалистами, то есть историками, оно создается всем творческим потенциалом социальной памяти человечества. Тем самым человечество не только не дает Цезарю истаять во времени, уйти в Вечный покой, оно еще и отягощает его образ фактами и связями, о которых ни он, ни его

современники даже не подозревали. Воистину все тайное, все тщательно скрываемое рано или поздно становится явным.

Ретроспективное воздействие исторического «Образа» на судьбы человечества трудно оценить без учета того, что при этом ставится: моральный плюс или минус. Но в любом случае оно огромно и не безобидно. Здесь кроется огромный соблазн для потенциального тирана и злодея любого калибра.

Иосиф Сталин только-только начал свой посмертный исторический путь. При жизни он панически боялся смерти и был готов на любые муки ада, только бы не уйти в Ничто. Но, несмотря на свои недюжинные умственные способности, несмотря на свое религиозное образование и воспитание, он никогда не задумывался над тем, что его (как и всех людей) ждет историческое «чистилище». И что там-то, в историческом пространстве, он будет полностью лишен своей знаменитой «стальной» воли. И что там он, как все смертные, может стать «игрушкой», простым «объектом» в чьих-то неподконтрольных и более сильных руках. Сильных не той беспрецедентной властью, которой он обладал при жизни сам, а просто самим фактом жизни после его смерти. На этом пути он пройдет через тысячи, миллионы человеческих душ и сознаний, и каждый будет его судить до тех пор, пока существует человечество. А это значит, что он никогда не уйдет в Ничто, в Вечный покой. Тем самым нет и не будет ни ему и ни ему подобным ни вечного забвения, ни Вечного покоя. Он получил то, чего хотел.

Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина

Добро и зло как-то связаны со смыслом жизни.

Людвиг Витгенштейн

1. История и проблема морали

С прошлым надо «разговаривать». Оно мстит не за то, что мы его искажаем, преувеличиваем или умаляем. Оно жестоко мстит за то, что его замалчивают, не дают по его поводу высказаться. Обращение к прошлому, к оценке давних деяний, распутывание тайн — это одна из форм исповеди и покаяния, а исповедь может быть принята или нет. Когда она принимается, в обществе наступает момент разрядки, катарсиса, и оно освобождается от тяжкого груза, и даже омолаживается, и получает способность двигаться дальше. А двигаясь без оглядки дальше, оно вновь и вновь приходит к очередному выбору: то добра, то зла. Человеческая история — это не только история развития и накопления материальных и культурных ценностей, но и развитие, и накопление в себе на протяжении всей истории человечества доброго и злого.

* * *

С какого-то времени в европейской исторической науке мораль и история стали не совместимы. Может быть со времен Никколо Макиавелли? Не думаю. Он только открыто высказал то, в чем и до него были убеждены все, а именно: во имя общего народного блага государственный деятель (вождь, лидер) имеет право выйти за границы добра, справедливости, порядочности. Макиавелли всего лишь доказательно оформил древний тезис — силой зла обережем слабость добра: свое государство, своих граждан, их покой, культуру. Такова инстинктивная реакция любого человека на любую опасность, боль, страх. А ведь государство может быть преступным, граждане развращены, культура деградирована, «покой» обеспечен невинной кровью. Кто об этом не знает, в особенности те, кто заглядывает в анналы древних историков? Уже они понимали, что человек в истории ничто, «объект», и чаще всего объект мнимый, если он выведен из поля «добра — зла». Вспомним хотя бы библейские книги Царств, историю Маккавеев, труды историков Древнеримской империи или Византии периодов упадка. Тем не менее общечеловеческая практика задолго до Макиавелли всегда различала государственные и частные интересы и мораль. Так думали все вожди и большинство политиков, военачальников, крепостных, рабов, патрициев и самураев... (имя им легион) задолго до Макиавелли. Но в отличие от флорентинца, они были согласны и в том, что

не только князья мира сего, но и они сами, люди обычные, ради сбережения добра-справедливости имеют право и волю совершать зло: око за око, зуб за зуб. Великий немецкий поэт И.В. Гёте посвятил свою лучшую поэму Мефистофелю, этому сверхчеловеческому гению зла, который не без лукавства представлялся:

*Я — часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.*

Осознанно пользоваться услугами зла в благих целях стало обычной практикой именно для европейской культуры. Те общества, которые мы относим к культурам Востока, в этом смысле всегда были менее ханжескими. В Новое время Россия все больше демонстрирует принадлежность к европеизму.

Только Лев Николаевич Толстой спохватился в конце XIX века и, призывая образ Иисуса Христа, стал проповедовать непротивление злу насилием, уверяя всех, что неделанием можно обустроить человечество наилучшим образом. В «Философском дневнике» он записал в самые первые годы XX века: «В сущности, все верующие в доброго Бога не могут не верить в то, что в мире нет зла и, главное, что ни один человек не может сделать зла другому. Я не мог бы ни верить в Бога, ни жить в таком мире, где Нерон, Екатерина, глупый Николай могут делать несчастья людей. Этого не может быть. А если есть, то нет ни разума, ни Бога» [\[638\]](#). Несчастья, которые причинили людям Нерон, Екатерина, Николай, всего лишь мелкие пакости по сравнению с теми, к которым причастны Сталин, Гитлер, Мао Дзэдун... Толстой не дожил до того времени, когда в XX веке миллионы людей освоили и испытали на себе такую глубину насилия-зла, до которой человечество не смогло опуститься за все предыдущие тысячи лет. А между тем не было бы сопротивления небывалому злу еще большим озлоблением и насилием, не избежали бы злой доли и те, кто не сопротивлялся.

Сейчас речь не о вечной борьбе света и тьмы, о господствующей в мире диалектике светотени. Меня как историка все более озадачивает другой вопрос: откуда это общечеловеческое, всеобщее и, без сомнения, благодатное знание? Нет, не знание того, что считали добром, а что злом и почему так считали различные категории граждан древневавилонской, британской, российской и других старых и новых империй, республик, султанатов и княжеств? Конечно, само по себе исследовать состояние

морали в разных государствах и культурах очень важно, но я пока не знаком ни с одной научно-исторической работой на подобную тему. Эмпирическое воспитание и неопозитивистское умонастроение современных историков исключают подобного рода и духа исследования как в России, так и за рубежом. Считается, что главное — описать то, что было и как это было и если твой герой достиг поставленной цели, то и средства, употребленные им, оправдывают «издержки». Разрыв между моралью личности и моралью «коллектива» наметился еще со времен древнейших проточеловеческих сообществ. С тех пор государство (любое) как высшая форма организации совместного проживания, первоначально в целях самосохранения принуждая граждан к сосуществованию (к законности), рано или поздно порабощало их самих, а во внешней жизни, по отношению к другим нациям и государствам испокон веков отрицало всякую мораль, что всегда принималось как должное. Только древние пророки на примере библейской истории впервые показали теснейшую связь личной, общественной и государственной морали, неизменно отмечая доброе и злое в каждом отдельном человеке, народе, царстве, как на базовые причины подъема и упадка государства — общества — личности. На другом конце земли люди совершенно иной культуры и религии, в Древнем Китае, Конфуций и другие мудрецы пришли к тем же выводам. Пал Древний Израиль, пало множество христианских и иноконфессиональных государств, перемешались народы, преобразилось до неузнаваемости большинство этнических типов, все более определяющей становится роль личностей (персон) в истории не только отдельных стран, но и всего мира. Именно поэтому вслед за древними историками я считаю, что если первопричиной очередного подъема в развитии государства является увеличение потенциала добра и падение заряда зла, то первопричина упадка любых государств заключена в критическом перенапряжении потенциалов между добрым и злым, ведущим к неизбежной общественной катастрофе. Все остальное, экономика, политика, культура и т. д. производны от указанной первопричины. Здесь религиозная точка зрения точнее и глубже отражает историческую реальность, хотя и ею не охватывается весь трагизм будущности человечества, связанный с противостоянием добра и зла в нашем мире.

Разумеется, у государства как такового, как у некоей организации нет и не может быть морали, но его постигают катаклизмы, когда катастрофически падает уровень морали у его руководителей. «Преступления, совершаемые государством, без сравнения хуже, жесточе всех тех, которые совершают частные люди, — утверждал Л. Толстой. — Главное же то, что те знают, что они преступники, а эти гордятся, величаются своими преступлениями» [\[639\]](#).

Из работы в работу я с умыслом цитирую проникновенные слова Николая Бердяева (и эту книгу я начал с них) о радикальном разрыве между моралью личной и моралью государства, а точнее — моралью государственных деятелей, моралью «князей мира сего». Здесь Бердяев увидел «самую большую ложь мировой истории» ^[640]. Толстой и те, кто за ним, правы: двуличие — самая характерная черта большинства заметных государственных деятелей всемирной истории, а они только люди, точнее, каждый из них всего лишь человек, пусть и обладающий большими полномочиями. Как и все люди, они наделены достоинствами и поражены пороками, которые справедливо ассоциируются с пороками и достоинствами руководимого ими государства. Государство становится прогрессивным или преступным только в зависимости от того, какого характера поступки совершают (какую проводят политику) руководимые им вожди и подвластные им люди. Нацистская Германия — недавний тому пример. Благодаря своим руководителям и потворствующим им гражданам государство может быть преступным, двуличным, эксплуататорским или социально сбалансированным, терпимым и даже мудрым. Двуличность советского государства заключалась в том, что его руководители обещали создать рай на земле, то есть построить социализм. Вл. Соловьев как будто предчувствовал подстерегающий соотечественников великий соблазн. По словам С. Франка, он, «критикуя учение Толстого, однажды точно подметил: хотя государство и не может создать рай на земле, но его назначение в том, чтобы предотвратить превращение ее в ад» ^[641]. Сталинское руководство не только не предотвращало, а, пропагандируя красоту райских куш социализма, возводило свое государство на человеческих костях и планировало его по адским лекалам.

Только в Новое время и только европейцы почти религиозно уверовали в бесконечный прогресс человечества, рассматривая все погибшие цивилизации как восходящие ступени, ведущие от варварства к вершине современного европейского мира. Кондорсе и Гегель, каждый со своей стороны, дали философское обоснование этого оптимистического тезиса. В свою очередь, Маркс подвел под идею бесконечного прогресса одну из самых глубоких историософских моделей: модель последовательно восходящих общественно-экономических формаций. Правда, Гегель говорил о ступенчатом прогрессе Мирового Духа, а Маркс о спиралеобразном развитии материи, преобразуемой трудом человека. Но и у того и у другого властителя дум последних двух веков исчезли такие «ненаучные» понятия, как понятия повседневного добра и зла, то, без чего жизнь человека любой эпохи теряет смысл и становится невыносимой. Гегель был слишком восторженным философом и как прижизненный «небожитель»,

рассматривал эти понятия всего лишь как высочайшие, а потому бесплотные абстракции, указывая и Богу подчиняться закону прогрессивного возрастания, через оплодотворение Духом избранных цивилизаций. Исторический материализм Маркса толкал его к конвертации материального добра в материальное зло и обратно, в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений. От времен Макиавелли до Маркса и далее людские слезы, горе, свобода, радость, высота человеческого духа или низость морального уродства и пролитая кровь для историка постепенно потеряли всякое значение. А «князья мира сего» где насилием, а где воспитанием и подкупом нейтрализуют чувство добра и зла не только у способных профессионалов, но и у рядовых граждан. В начале XIX века в Европе Жюль Мишле, а у нас Николай Карамзин были, пожалуй, последними крупными историками, открыто высказывавшими любовь и ненависть к своим героям. Их обзывают «морализаторами» и «сентименталистами» (и они были таковыми), но у людей всегда была и будет потребность на моральную оценку поступков и личное чувство к людям и делам прошлого. Европейские историки (включая российских) не только не знают теперь, как обо всем этом писать, но не видят смысла в рассмотрении вопросов морали. «Эмоция» стало бранным словом и синонимом «истерии», ангажированности, а о действительной любви или об отвращении к предмету своего интереса нет и намека. Историческая наука все более напоминает анатомический театр, куда заходят специалисты исключительно по производственной необходимости, но, в отличие от патологоанатомов, они даже обоснованного заключения о причинах болезней и смерти общества дать не способны. Мудрый Томас Карлейль очень удачно назвал такие исторические сочинения «дистиллированными газетами» [\[642\]](#). А ведь историческое повествование зародилось именно как творческий рассказ, насыщенный метафорами, образами, поэзией, страстью, оценками, а главное, философскими и психологическими умозаключениями, ощутимо корректирующими поведение и мышление будущих поколений. История, конечно, ничему не учит, да учат историки, и учат добру или злу. Часто толчком для выбора того или иного морального полюса становятся все те же: ум, глупость, продажность, честность, но в первую очередь талант. Подлинный талант к историческому сочинительству, как в государственных и иных делах, редкость необычайная, и он выдается только в совокупности с честностью. Я много раз подмечал, как люди, имевшие бойкий писательский стиль или не джужее трудолюбие, писали глыбы бездарных и лживых сочинений в угоду политическому режиму или из коммерческого интереса, а чаще по причине отсутствия какого-либо таланта вообще. Это имитаторы. Они и

есть основные источники фальсификации истории, наносящие вред не только науке, но и всему обществу и даже человечеству. Кроме честности, искренности и таланта противопоставить массовой фальсификации истории не только в науке, но и в художественном творчестве нечего.

Конечно же, не случайно древние хронисты, ветхозаветные и античные историки, христианские апостолы-историки и историки Древнего Китая в большинстве своем мыслили категориями добра и зла и бесстрашно брали на себя роль судей. Они чувствовали, что все, о ком они писали, в том числе и они сами, всегда находились между двумя напряженнейшими полюсами своей души. А иначе, как понять, почему люди столь разных эпох, культур и верований, включая язычников и стихийных атеистов, не имевшие на протяжении столетий, а то и тысячелетий даже опосредованных контактов, оценивали примерно одинаковыми понятиями добрые и злые поступки, ощущая себя чем-то вроде магнитных стрелок в невидимых, но всеми ощущаемых токах высокого морального напряжения? Для меня ответ очевиден — в душе каждого человека от рождения есть чувствительнейший, но глубоко запрятанный механизм дающий почувствовать ему, с чем он имеет дело, что он совершает сам, какое добро или зло совершали люди иной, даже чуждой ему, очень древней культуры.

То, о чем идет речь, рождается вместе с человеком и никогда не умирает в нем. Этот механизм, составляющий сердцевину каждой души, действует как **моральный закон**. От него невозможно укрыться даже за самой толстой броней равнодушия и клокочущей справедливостью ненависти, его невозможно забыть даже во сне. Эммануил Кант тайну этого закона поставил вровень с тайной происхождения необъятной Вселенной. «Две вещи наполняют душу всегда все новым и все более сильным благоговением, — писал он, — чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Так написал философ, считавший (и не без основания) врожденный антагонизм между людьми благодатным двигателем общественного прогресса. Однако даже более чем через двести лет после смерти Канта никто так и не приблизился к пониманию сути морального закона, именно как закона (категорического императива), а не как прекраснотушной проповеди о пользе и вреде абстрактного добра или мелочного зла. Будем помнить, что моральный закон предписан для всех людей, без исключений, но он не есть очередное учение, подобно учению того же Канта о том, что есть добро, а что зло. Учить этому невозможно и не надо, — со времен неандертальцев (а может быть, и раньше) каждое существо, наделенное душой, уже знает, что это. Другое дело, что выбирает оно каждый раз что-нибудь одно.

2. Моральный закон есть закон выбора

Все люди, к какой бы они культуре или религии ни относились, от рождения понимают, что есть добро, а что зло и как они поступили в том или ином жизненном выборе. Примерно так же все знают, что истина есть, но никто не знает: что есть истина? Понимание разницы между добром и злом диктует любой жизненный выбор: это врожденное знание-действие, действие «морального закона во мне», который, по сути, представляет собой базовый инстинкт человека, которым тот наделен от рождения. Человек единственный из живых существ может волевым усилием подавить в себе практически любые инстинкты и позывы: самосохранения и страха смерти, голода, размножения, агрессии, альтруизма, жадности, эгоизма и т. д., и этим он отличается от животных. Но сугубо человечески осознанный, но все же инстинкт (!) выбора рационально подавить нельзя. Даже отрешение от мира и его соблазнов в самых крайних формах все равно есть **выбор-действие**, как выбор между добром или злом. На своем историческом материале я пришел к убеждению, что **инстинкт выбора** — это самый мощный из всех инстинктов и самый ответственный, так как подавляя или высвобождая все остальные инстинкты и желания, человек выбирает их как добро или зло для себя, для других, для потомков. Здесь ключевое слово «выбирает». Инстинкт выбора несет функцию регулятора всей духовной, интеллектуальной и физической жизни человека, с момента рождения и до смерти. Инстинкт заключен не в том, **что** конкретно выбирает человек, а в том, что сам по себе принцип **выбора** заложен в человеке, как обязательный, как принудительный механизм. Это любой выбор, в любой жизненной ситуации, во время которого внутренний анализатор помимо воли оценивает каждый поступок, слово, мысль, жест, маркируя их, как события благоприятные или нет, как добрые или злые. Оценивает помимо воли и оценивает на пределе человеческой честности (совести). Я заговорил о честности, хотя всем известно, что нет более лживого и коварного существа, чем человек. История человечества началась (в библейском варианте) с выбора любви, но одновременно и с сознательной лжи и обмана. Чаще всего и больше всего человек обманывает самого себя и лжет самому себе. Но кто тот, кому он пытается лгать или перед кем раскаивается? Для обыденного сознания это «внутренний человек», это совесть, для научного сознания это фрейдистское «сверх-Я», а для религиозного сознания это присутствие, это «дыхание Бога» (Толстой). Разные понятия обозначают одно и то же.

Здесь необходимо вспомнить о том, что во второй половине XIX века Фридрих Ницше внес существенное уточнение в формулу Макиавелли: великий человек не только может творить зло во имя утверждения добра. Он обязан перешагнуть через то и другое, обретая «божественную» свободу подлинного творца. Но не только сам Ницше, но и его могущественные adeпты XX века не смогли ни на йоту выйти за границу, очерченную крайними точками: точкой «добра» и точкой «зла». Моральный закон накладывает непреодолимые ограничения на все наши действия, слова и мысли. Можно убедить себя, что тебе безразлично то, к чему приводят твои поступки, что ты свободен от всяких моральных ограничителей ради всеобщего блага, что можно уничтожить какую-то группу людей или целые народы для счастья других, но это всегда иллюзия. Моральный закон на то и закон, что не подчиняться ему нельзя. Неумолимая сила этого закона не в том, что он ограничивает свободу воли человека, а в том, что, будучи абсолютно свободен, человек вынужден (всегда!) выбирать, **понимая**, что выбираешь. Не выбирать нельзя! Не понимать того, что выбираешь, не можешь! А вот лгать об этом можешь сколько угодно и кому угодно, начиная с самого себя. Всего этого Кант не принял во внимание, трактуя категорический императив как абсолютную общечеловеческую константу.

Любая реакция живого организма на изменения внешней или внутренней среды есть реакция выбора. Но только человек каждый жизненный миг флуктуирует между добром и злом, и эти колебания становятся тем большими, чем больше человек пытается выйти за границы добра или зла. При этом границы как некоей черты, за которую нельзя выйти, или вершины, на которую можно раз и навсегда взойти, не существует. Невозможно покинуть само поле «добра-зла». Поэтому каждый на своем жизненном пути ощущает себя подобным путнику в знойной пустыне: по мере приближения к очередной вершине добра или достижения предельной глубины зла эти полюса, как миражи, отодвигаются все дальше и дальше, причем добро восходит все выше, а зло низвергается все ниже. Нет и не будет пределов для возрастания в душе каждого человека, как и во всей человеческой вселенной, ни для подъема к вершине духа, ни для падения в бездну мерзости. С этой точки зрения история людей есть история постоянного возрастания полюсов, к которым люди, поколение за поколением, во всей полноте приносят свой жизненный опыт. Они делают свой выбор всегда осознанно и свободно, понимая, какого рода лепту и к какому полюсу они ее в данный миг подносят. Отсюда подлинная история людей есть история выбора, она началась с выбора и закончится им. Она началась с надрыва в незамутненной, цельной (животнообразной) душе первобытного человека, как первого проблеска **разумного** выбора-вопроса:

взять или не брать в руку палку или камень; сорвать или не трогать плоды древа познания добра и зла? Когда-нибудь история человечества закончится расколом сознания, не способного совместить в себе предельное величие исторически накопленного добра и всю глубину совершеннейшего зла.

А пока между добром и злом существует диалектическая связь, но это не связь по типу перелива одного в другое и обратно. Это связь, к которой стремится добро, ради нивелировки, «снятия» ярости исторического зла. Зло же по мере исторического развития человечества стремится к радикальному отчуждению от добра. По этому поводу современный французский философ Ж. Бодрийяр размышляет так: «В то время, как Добро предполагает диалектическую связь со Злом, Зло базируется на самом себе, на полной несовместимости с Добром. Зло, таким образом, оказывается хозяином положения. И принцип Зла, господство вечного антагонизма, одерживает триумф» [\[643\]](#).

С моей точки зрения этот триумф всегда временный, по крайней мере, до тех пор, пока добро жизни не потеряет способности «обволакивать» персонифицированное зло, удерживая его в общем поле.

3. Сила добра и очарование зла с историософской точки зрения

Как только мы пытаемся рассказать, как в конкретной исторической ситуации то или иное действие, решение или явление воплощаются в светлом или темном секторе морального поля, мы попадаем в тупик. Исторический контекст, в котором совершается выбор, бесконечно изменяет ситуацию, поскольку сам контекст — это часть исторического процесса и он сам формируется в той же системе моральных координат. Как в королевстве кривых зеркал улыбка красавицы отражается рядами жутких ухмылок, так от исторического контекста отражаются факты, каждый из которых порождает неограниченное количество вопросов, которые, в свою очередь, ставят очередные вопросы, и так до дурной бесконечности. Верными или ошибочными были решения Сталина во взаимоотношениях с Гитлером в предвоенные годы, включая подписание Пакта о ненападении? Ответ на любой из таких вопросов (а их множество) порождает череду национальных, классовых, конфессиональных или клановых исторических бухгалтерий, которые попеременно предъявляют встречные счета своим контрагентам: «наш» счет в ответ на «их» счет, и так до бесконечности. Скудная и не добрая эта бухгалтерия, ведомая век за веком в угоду сиюминутным потребностям эгоистичных политиков и записных идеологов от науки. Человеческой бухгалтерии добра или зла быть не может, а есть только **понимание** истинно доброго и истинно злого. Счет же ведется мимо нашей воли.

По поводу того, что считать добром, а что злом, высказано огромное количество мнений. Мне ближе всего релятивистская точка зрения, очень удачно сформулированная Л. Толстым, который размышлял так: «Сознавать себя можно определенной формы куском льда и водой. В первом случае солнце — зло, во втором — величайшее благо» [\[644\]](#).

Но мы сознаем себя живыми существами, и поэтому для нас абсолютное благо — это жизнь, а зло — то, что ей противостоит.

Добро — это то, что всеми людьми на земле и в прошлом, и в настоящем, и в будущем всегда принималось, принимается и будет приниматься за истинное сокровище, за высшую ценность, которой тем не менее владеют все люди. Тот, кто отнимает это сокровище, совершает зло. Самой большой ценностью для всех людей на земле является жизнь, и поэтому общечеловеческое благо, истинное добро есть то, что дает,

поддерживает и преумножает жизнь. Для человека жизнь — это единство физической, духовной и интеллектуальной составляющих; это все, что развивает и расширяет сферу жизни.

Истинное зло — это то, что мешает жизни, то, что причиняет смерть. Не смерть сама по себе есть зло, а именно то, что является ее причиной, подобно змею-искусителю в райском саду. Человек, причиняющий страдания или смерть, есть источник и проводник зла. Политика Сталина (и не только его, конечно) объективно способствовала развязыванию Второй мировой войны с ее миллионами убиенных, не говоря уже о жертвах «политических» репрессий и жертвах «великих» социальных преобразований.

В человеческом мире добро не симметрично злу. Две половины единого морального поля не равны ни в количественном, ни в качественном, ни в сущностном отношениях. Жизнь как высшее проявление добра является достоянием всех, поэтому добро растворено во всех людях и присутствует даже в злодеях, как дыхание жизни (Бога). Поэтому в процессе исторического развития добро возрастает вместе с ростом жизни и всего того, что обыденно-необходимо для ее поддержания и развития. В свою очередь, зло персонифицировано, экстраординарно, и, в отличие от добра, оно слабо разлито во всем человечестве, но легко концентрируется в отдельных личностях или группах личностей, которые втягиваются в орбиту зла. Тем не менее зло, достигая необычайно высокой концентрации в отдельных людях и исполнителях их злой воли, все равно не может достичь таких масштабов, как добро жизни во всех ее проявлениях, в повседневных заботах, в детях, в труде, а главное, в любви. Только поэтому сила добра неодолима даже самой могущественной, гениальной злой волей (гордыней!), миллионными армиями, изощренной техникой угнетения, порабощения и насилия. Однако зло имеет свою сильную сторону. Это его особая эстетика, это очарование зла (или очарование злом), которое тем сильнее, чем страшнее и чудовищнее насилие. Под очарование зла попадают не только те, кто прямо содействуют источнику зла, но часто и сторонние наблюдатели, а главное, его жертвы. Очарование злом зарождается из противоестественных, извращенных чувств, когда страх рождает восторг, боль переходит в удовольствие, отвращение вызывает болезненную любовь. К этому следует добавить тоску вечно незрелых душ по сильному и беспощадному (беспощадному по отношению к другим, разумеется) покровителю. Сталинизм (как и вообще — вождизм) — наглядный пример последнего тезиса даже в наши дни.

4. Природа культа личности живого Сталина. Очарование злом

Большое зло обладает такого рода очарованием, которое на годы, а иногда и на века сохраняет свое обаяние. Не имея возможности остановиться, пусть кратко, на самых мрачных и характерных проявлениях зла в истории человечества, затронем наиболее важную сферу для коллективной жизни людей — концентрат зла в сфере государственной деятельности на примере культа Сталина.

Как и все люди на земле, Сталин не был прирожденным злодеем. До тех пор, пока он не попал в самый центр советской политической власти, мера зла и мера добра, которой он отмерял свою дореволюционную жизнь, мало отличалась от той, которую позволяли себе люди его круга: семинаристы духовного училища в Тифлисе, революционеры-подпольщики, потом лидеры большевистской партии, захватившие власть в стране и развязавшие Гражданскую войну. Правда, все этапы этого пути сопровождались творением все большего зла, а революция и Гражданская война повязали его, как и всех участников, большой кровью. До середины 20-х годов XX века его мера добра и зла была примерно равна мере других политических лидеров второго ряда как со стороны красных, так и со стороны белых. Первый ряд, без сомнения, занимали Ленин, Троцкий, Колчак, Деникин и др., втягивавшие значительные массы сограждан в братоубийственную бойню. Личное и по-своему уникальное падение Сталина началось в тот момент, когда волею случая был сделан первый шаг к формированию из заурядной, малообразованной и неразвитой личности одного из самых кровавых диктаторов в истории человечества.

Если во главе партийно-государственного аппарата он оказался в результате интриг внутри Политбюро и практически случайно, то дальнейшие события развивались по классической схеме, которую с теми или иными нюансами использовали все диктаторы мира. Заключая череду временных союзов с одними партийными (властными) группировками против других, он в очень короткие сроки «сосредоточил в своих руках необъятную власть» (так написал Ленин в известном «Письме к съезду»). А ведь сказано было: «Любая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Почти все известные в истории диктаторы опирались на опыт предыдущих единоличных правителей в их борьбе с другими формами правления. Формы и методы диктаторской власти

развиваются и оттачиваются по мере развития цивилизации, точно так же, как совершенствуются, например, формы демократии, теократии, олигархии или тоталитаризма и т. д., о чем уже говорилось в начале книги. Не случайно Сталин именно в эти годы особенно много читал исторической литературы, проявляя заметный интерес к деяниям тиранов, диктаторов и узурпаторов. Тогда его интересовали не методы захвата (власть-то уже в его руках), а их способы пожизненного владения властью, способы их самооправдания, когда они приписывали себе права на жизнь подвластных людей и оценки историков (потомков) на этот же предмет.

Сталин получил в наследство от ленинского Политбюро систему контроля над обществом нового, особого качества. Помимо обычных управленческих и хозяйственных функций, советская система правления приобрела совершенно новые элементы: государственную партию; особо мощную тайную полицию, способную контролировать чуть ли не каждого гражданина; массовую рабоче-крестьянскую армию, лишенную кастовой чести. Необычность такой системы заключалась еще и в том, что каждая из этих сил контролировали друг друга через взаимное прорастание друг в друга. Партия имела свои ячейки во всех силовых структурах, в армии и госаппарате; спецслужбы имели своих осведомителей и особые подразделения в армии, партии и госаппарате на всех этажах; армия выполняла не только задачи внешней обороны и нападения, но и внутригосударственные, карательные функции. А всех их контролировала небольшая группа партийных лидеров, что придавало партийным органам значительный приоритет перед другими «силовиками». Обладая огромной властью, члены Политбюро все же не представляли собой группу диктаторов или охлократов. После смерти Ленина эта форма правления стала отдаленно напоминать правление Директории времен Великой французской революции. Но стоило только одному из членов Политбюро оттеснить другие ключевые фигуры этой вершущей власти, как он без лишних усилий и военных переворотов становился диктатором нового, невиданного типа.

К концу 20-х годов Сталин лично распоряжался уже не только всей мощью бюрократического аппарата, но и вооруженными силами, органами госбезопасности и партии. Последнее было особо важным, так как партия осуществляла не только формирование единой идеологии, но и создавала особый духовный и моральный климат в стране. Кто владел партией, тот владел моралью (совестью) и получал возможность манипулировать чувствами граждан. Началась беспрецедентная ломка глубинной общечеловеческой морали советских людей путем пропагандистского жонглирования полюсами «добра-зла». Так, без особых усилий Сталин

оседлал красного «дракона о трех головах», покорив с его помощью, и физически и духовно, собственный народ. Мне достоверно известно, что на первых порах Сталин искренне предполагал без помех со стороны оппозиции и быстрыми темпами единолично осчастливить свой народ, построив для него земной рай, то есть «социализм в одной, отдельно взятой стране». Но те мероприятия, которые он при отсутствии государственного таланта и доброй воли насильственно провел (партийные чистки, коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию) стали злой насмешкой над демократическими и социалистическими преобразованиями в заждавшемся истинного обновления обществе.

Устраняя своих реальных и мнимых оппонентов, он довольно быстро заболел обычной болезнью диктаторов — страхом за собственную жизнь и опасениями потерять сладостность абсолютной власти. Год от года эти страхи нарастали и толкали к наращиванию репрессий, которые в свою очередь приводили к сгущению атмосферы страха. Гордыня заурядной личности, получившей в свои руки бесконтрольную и необъятную власть, привела к страшной социальной катастрофе за всю историю человечества. По своим последствиям она сопоставима с катастрофой, в которую вверг Германию Гитлер. И тот очаровал немцев своим специфическим обаянием зла. Сила этого обаяния ужасает.

Бытовая человеческая гордыня всегда порождает культ: в семье, в небольшом сообществе, в собственной душе. Но люди, внезапно овладевшие необъятной властью, загораются сатанинской гордыней, толкающей их к неукротимому самообожествлению. На протяжении всех тридцати лет правления Сталин сознательно и планомерно выстраивал культ собственной личности как «гения всех времен и народов». Главными орудиями подобного строительства стали ужас и страх, которые он наводил на своих собственных сограждан и которые очень быстро парализовали всякие позывы к сопротивлению. Ужас внушался грубо сфальсифицированными «открытыми» политическими процессами, массовыми расстрелами по приговорам внесудебных органов, «разнарядками» на массовые аресты и репрессии, спускаемыми с самого верха. По самым скромным подсчетам сталинских чекистов, за годы его правления было репрессировано более 3,3 миллиона человек. Эти цифры не внушают доверия, но и такие людские потери сопоставимы с потерями в крупномасштабной войне. Страх, который примерно каждые десять лет достигал очередного пика, теми же волнами поднимался, когда по прямому указанию Сталина забивали до отказа все новые и новые фабрики смерти и лагеря рабского труда системы ГУЛАГа. Страх, пропитавший всю общественную жизнь, многочисленные идеологические кампании,

«промыывавшие» не столько мозги людей, сколько освобождавшие их затравленные души от моральных запретов и табу, превращал людей в массовых истериков, мазохистов и доносителей, все более и более влюблявшихся в своего «вождя и учителя». К этому надо добавить изнуряющий труд и скудость существования. Все способствовало притуплению общечеловеческого механизма восприятия добра и зла у людей, живших в творимом вождем мире. Но нет и не будет в мире силы, способной разрушить или извлечь из человеческих душ моральный императив. Насилие над ним ведет к распадению личности, а насилие над массовым сознанием приводит к коллективным психозам. К концу правления Сталина его культ личности подпитывался уже не только голым ужасом и страхом, а выращавшими из них суррогатной «любовью» и «уважением». Образ нового Ивана Грозного поднялся из преисподней, наполняя души народов СССР ликующим восторгом. И этот новый образ царя был вызван из бездны лично Сталиным. Кульминация восторга совпала с победой в Отечественной войне, потери от которой затмили страдания и ужас репрессий. Остроносая маска белокительного генералиссимуса и золото звезд на его погонах прикрыли позор двухлетних поражений и двадцативосьмимиллионную жертву. Ни одна страна в мире не потеряла такое количество жизней, сколько потерял СССР за годы властвования Сталина.

Но это очарование злом вскармливало и другими средствами. Из них наиболее важными были прельщение особым, «идеальным» образом личности Сталина и картинами будущего «коммунистического» общества. Именно с интуитивного неверия большинства в коммунистическое будущее, построенное сталинскими методами, началось разрушение его империи как идеи. Однако когда Хрущев на XX съезде КПСС слегка приподнял завесу, скрывавшую реальность культа Сталина, то мир ужаснулся, но большинство наших сограждан ни на минуту не задумались о своей прямой и косвенной причастности к источнику зла.

5. Культ мертвой личности и его угасание

Любить и уважать образы своих покойников или возводить их в культ — это совершенно разные вещи. Культ мертвого Сталина вызрел не из прижизненного культа и уж тем более не из любви и уважения народа к его государственным делам, как это пытаются представить современные сталинисты. Не случайно посмертный культ Сталина пережил свои периоды подъема и спада. Он то вдруг приходил в упадок, а то возрастал, но всегда под воздействием двух факторов: тайны и пропаганды. После смерти кумира его культ продолжал жить механической жизнью еще три года, поскольку ни один луч правды не проникал в его смертные тайны. В этом были заинтересованы политические наследники Сталина, тщательно скрывавшие все его преступления. После «разоблачения» в 1956 году одна из сталинских масок, скрывавшая масштабы репрессий, была приподнята. И если при жизни Сталина жертвы и палачи перманентно менялись местами, что поддерживало в обществе высокий уровень единодушной «любви» к вождю и всеобщей ненависти к «врагам», то после XX съезда общество естественным путем разделилось на антисталинистов и сталинистов. Тайна сталинской власти как власти беспредельного зла была публично приоткрыта и по воле тогдашних руководителей стала частью не менее лживой официальной пропаганды. При Брежневе произошла «мягкая» смена курса и сталинистские настроения стали оживать в части общества, одновременно встречая глухое противодействие другой его части. При Горбачеве ситуация вновь изменилась: были раскрыты многочисленные архивные документы, стали известны механизмы и масштабы репрессий, имена ранее табуированных деятелей были реабилитированы. Тут же в общественном настроении возобладали антисталинистские тенденции. Очередной поворот начался в 2000-е годы. Проводниками современного суррогата сталинизма стали наиболее сохранившиеся структуры советского прошлого, то есть спецслужбы и коррумпированные технологии политпропаганды, обитавшие когда-то в рядах демократов и антисталинистов. Коммунистическая партия и Советская армия не смогли пережить перестроечные годы, а заменившие их структуры пока неэффективны. Но под воздействием основных пропагандистских каналов образ Сталина вновь стал воздыматься в массовом общественном сознании, воспроизводя глубоко лживую, мефистофелевскую формулу о зле, творившем через насилие добро людям и победы стране. Сейчас мы находимся накануне очередного поворота к антисталинизму, но не только

потому, что образ воплощенного зла замылил глаза наивным соотечественникам, но и потому, что виртуальный Сталин застит дорогу идущим ему вслед. В результате посмертный культ личности Сталина, как и во времена Хрущева, оказался сейчас под двойным ударом: с одной стороны, тех, кто пытается бороться с самой идеей «благодатной» тирании, а с другой — надеющихся перевоплотить ее (идею сталинизма с человеческим лицом) в личину нового вождя.

Развитие культа мертвого Сталина хорошо иллюстрирует диалектику добра и зла в исторической перспективе, когда череда его разоблачений и воскрешений ведет к постепенному снижению в общественном организме концентрации токсинов зла. Рано или поздно наступит время катарсиса, разрядки напряжения, вызванного трагедиями сталинской эпохи. Тогда придет новое время, и большинство россиян будет относиться к Сталину примерно так же, как сейчас относится к хану Батыю или Ивану IV — любопытно, но и только. Ни подлинной любви, ни искренней злобы и страха. Но и тогда не сбудутся слова пушкинского Нестора: «Добру и злу внимаю равнодушно...» Из поколения в поколение в душе каждого человека все исторические герои будут все так же «бороться» за то или другое место. Поэтому небольшая группа адептов продолжит курить фимиам перед своим кумиром так же, как сейчас во Франции ничтожное количество бонапартистов покланяется праху Наполеона или монголов праху Чингизхана. Сказано было: не сотвори кумира, а я осмелюсь переиначить: не сотвори из себя кумира, все равно уйдешь в равнодушие. Так жизнь нейтрализует зло, но оставляет в подсознании народов уродующие души раны. Чем глубже каждый такой рубец, тем сильнее разрыв в поле «добра — зла», шаг за шагом приближающий окончательную гибель общества, а с ним и государства. Обозревая финальные картины существования не только национальных государств, но и отдельных цивилизаций, везде замечаешь роковой перевес полюса зла над полюсом добра, что и служит подлинной причиной разрухи, оскудения полноты жизни. Ее видно не только наблюдателю со стороны (историку), но в особенности современнику событий.

* * *

Сущность добра — это источник жизни и сама жизнь. Жизнь на земле разрастается и качественно, и количественно: развивается общечеловеческая цивилизация, которая все в большей степени способна поддерживать рост рождаемости, продолжительности жизни, уровень благосостояния,

интеллект и взаимопонимание и т. д. Экспансия жизни рано или поздно перехлестнет границы земли со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но исторические провалы и пропасти зла, выкопанные Сталиным, Гитлером, Мао, Чингизханом, Нероном, Цинь Шихуанди и другими, еще не раз углубятся очередными вождями, богдыханами и фюрерами в непредсказуемое время, в неизвестной стране, во всеземном государстве или на другой планете. Так в исторической перспективе расстояние между двумя полюсами будет расти, но диалектическая связь между ними сохранится еще очень долго. Это позволит добру раз за разом, цикл за циклом постепенно гасить жгучесть жала зла и тем снимать перенапряжение между полюсами, ведущее к всеобщей катастрофе. Но когда-нибудь настанет миг разрыва.

Здесь заканчивается книга в книге.

1 Толстой Л.Н. Философский дневник. 1901–1910. С. 164.

2 Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 170.

3 Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 97.

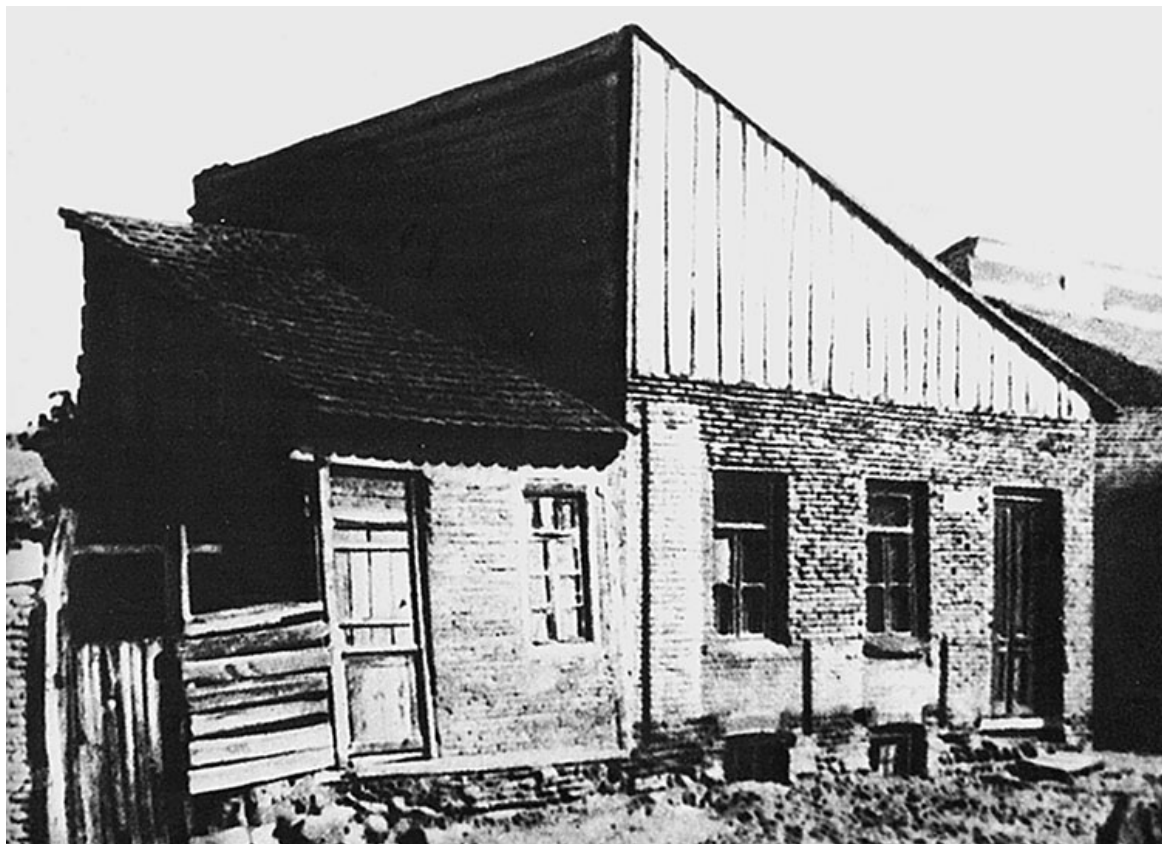
4 Франк С. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 465.

5 Карлейль Т. Этика жизни. Знамение, 1999. С. 402.

6 Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 205.

7 Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 210.

Вкладка

Дом в Гори, где родился И.В. Джугашвили

Екатерина Георгиевна, мать И.В. Джугашвили

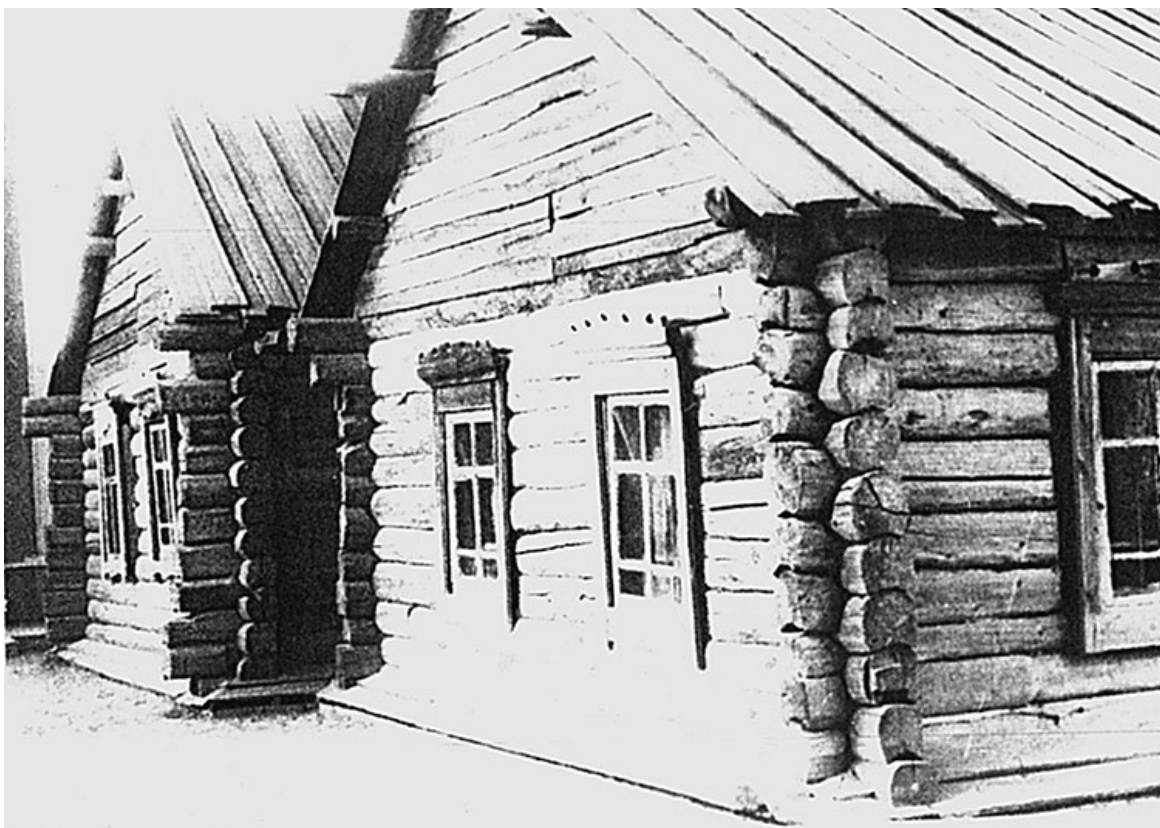
И.В. Джугашвили в 1894 г.

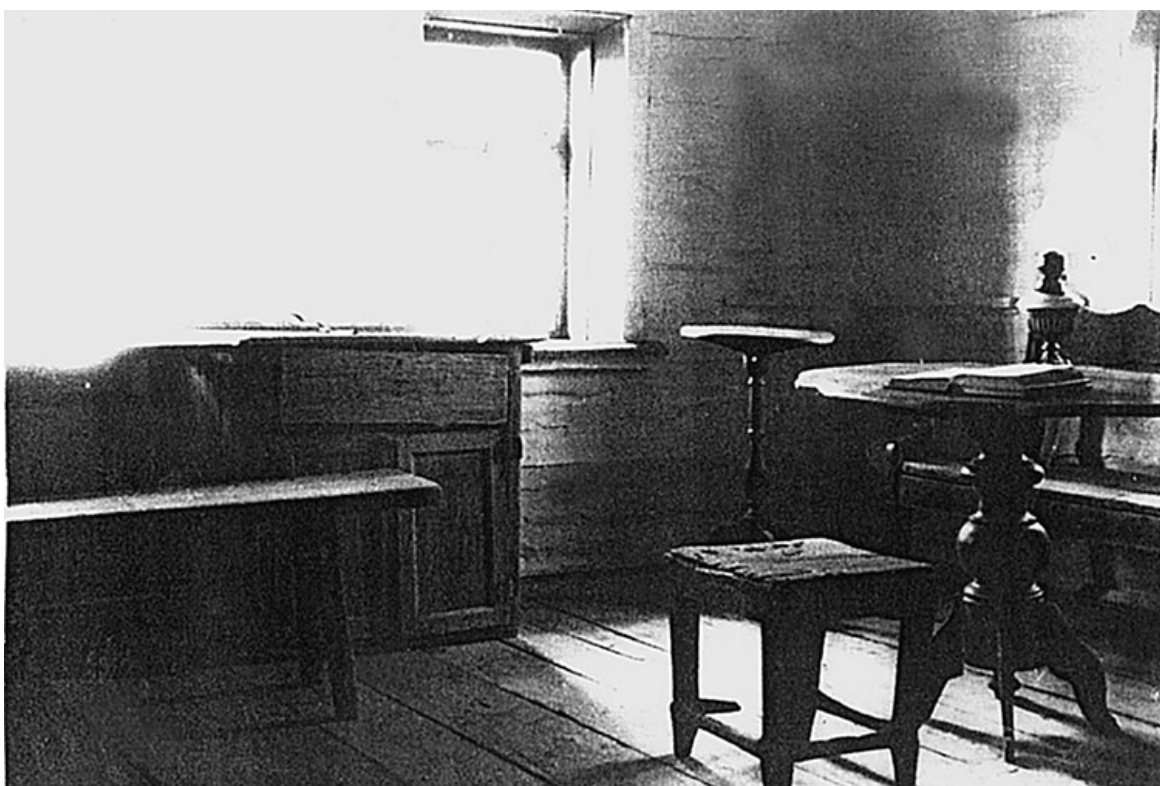
И.В. Сталин в 1902 г.

И.В. Сталин во время его туруханской ссылки. 1913–1916 гг.

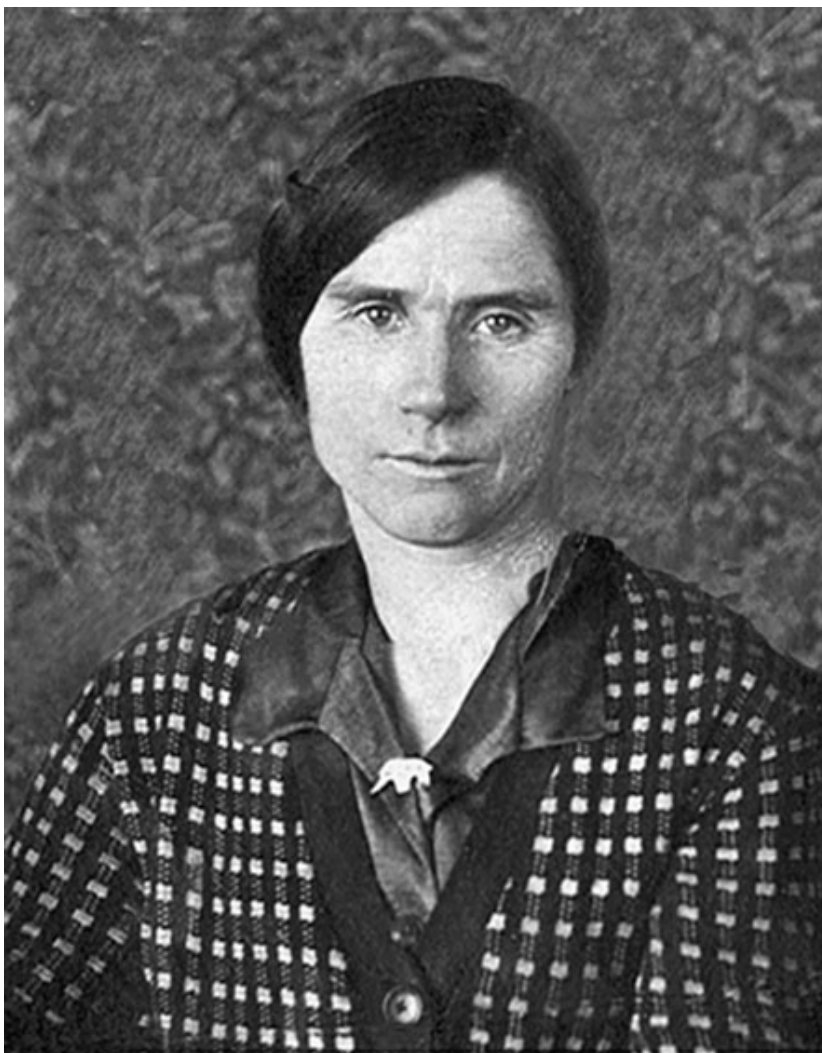
Макет дома Перепрыгиных в Курейке, в котором жил И.В. Сталин

Восстановленный интерьер комнаты, где располагался И.В. Сталин в доме Перепрыгиных

И.В. Сталин в туруханской ссылке (рисунок)

Лидия Перепрыгина (Давыдова), любовница И.В. Сталина. Курейка.
1913–1916 гг.

Александр Давыдов. Возможно, он был внебрачным сыном И.В. Сталина

которой жил И.В. Сталин

ОСОБАЯ ПАПКА

Сов. секретно

СЕКРЕТНО ПРИ КИСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

По сообщениям ТАСС от 20 апреля и 20 мая 1956 г. в американском журнале "Лайф" был помещен фотоснимок находящегося в распоряжении редакции подлинника документа "Особого отдела департамента полиции" царской России о И.В. Сталине о том, что он являлся агентом канцармского управления.

При этом в журнале "Лайф" изложено содержание письма от 12 июля 1913 года № 2988 за подписью заведующего Особым отделом департамента полиции ЕРЕМИНА в адрес начальника Висейского охранного отделения А.Ф. ЖЕЛЕЗНИКОВА.

Комитетом госбезопасности проведена проверка этого сообщения и установлено следующее:

ЕРЕМИН с 1910 года по июнь 1913 года действительно служил заведующим Особого отдела департамента полиции, а затем был переведен на службу в Финляндию. Таким образом, дата в приведенном документе из журнала "Лайф" не совпадает на месяц.

Проверен также журнал исходящей корреспонденции Особого отдела департамента полиции за 12 июня 1913 года, по которому документ за № 2988 не отправлялся. Все номера исходящей корреспонденции за июнь месяц 1913 года не четырехзначные, а пяти и шестизначные.

Документ за подписью ЕРЕМИНА адресован начальнику Висейского охранного отделения Алексею Федоровичу ЖЕЛЕЗНИКОВУ.

Н. С. Хрущеву

18/6/56.

Первая страница совершенно секретного донесения Н.С. Хрущеву за подписью председателя КГБ при Совете министров СССР И. Серова

И.В. Сталин на палубе крейсера «Червона Украина» Черноморского флота. 25 июля 1929 г.

И.В. Сталин, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев

На многих фотографиях И.В. Сталин запечатлен работающим над книгами

Сталину - 2 бедны
с крепкой любовью.
28/12 1912.
ХН
Белый.

Евдокимов
13/12 1912.
Петр

**Протоколы Объединительного Съезда
Российской Социалдемократической
Рабочей Партии,**

состоявшегося въ
 Стокгольмъ въ 1906 г.

МОСКВА.

1907.14

АНАТОЛЬ ФРАНС

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

ДИАЛОГИ
ПОД РОЗОЙ

«ПЕТРОГРАД»

Книги из библиотеки И.В. Сталина

notes

Примечания

Бульвар Гордона. Еженедельник светской хроники. № 25 (269). 22 июня
2010 г.

Емельянов Ю. Сталин перед судом пигмеев. 2-е изд., расшир. и испр. М., 2008. С. 395–396 и др.

Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. М., 1990; Его же : Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990; Его же : Портреты революционеров. М., 1991; Авторханов А. Загадка смерти Сталина. М., 1992; Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. В 2-х книгах. 4-е изд. М., 1996; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990; Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1989; Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. М., 1996; Антонов-Овсеенко А. Сталин без маски. М., 1990; Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Радзинский Э. Сталин. М., 1997; Громов Е. Сталин. Власть и искусство. М., 1998; Яковлев Н.Н. Сталин: путь наверх. М., 2000; Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001 и др.

Назову некоторые: Историософия сталинизма // «Новые вехи», № 1, 1998; В марте, когда умер Сталин // «Знание — сила», № 3, 1998; В поисках человека на роль спасителя отечества // «Новые вехи», № 2, 1998; Товарищ Сталин, не учусь, потому что нет штанов, или О документах, лишенных «актуальности» // «Знание — сила», № 2–3, 1999; Сталин. Портрет на фоне его библиотеки и архива // «Новая и новейшая история», № 3, 4, 2000; Сталин. Болезни, смерть и «бессмертие» // «Новая и новейшая история», № 6, 2000; Вождь с копытом. Заметки на полях истории болезни Сталина // «Общая газета», 1–7 марта, 2001; Коба и его женщины. Роман вождя в туруханской ссылке // «Родина», сентябрь, 2001; Рисунки Сталина // «Родина», январь, 2002 и др.

Сталин И.В. Соч. Т. 8. М., 1948. С. 175.

См.: Бердяев Н. Творчество и объективизация. Минск, 2000. С. 261.

Булгаков М. Соб. соч. в пяти томах, т. 3. М., 1990. С. 513.

Два взгляда из-за рубежа. Жид А. Возвращение из СССР. Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 1990. С.196, 201.

Два взгляда из-за рубежа. Жид А. Возвращение из СССР. Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 1990. С.237.

Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997.

Сталин И.В. Соч. Т. 9. М., 1948. С. 283.

Кьеркегор С. Повторение. М., 1997. С. 7–8.

Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. 2-е изд. М., 1936. С. 17.

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 99.

Ракоши М. «Видел, как возникает культ личности» //Источник. № 1. 1997. С. 114.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 145. С. 251.

Сталин И.В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 122.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 251. Л. 25.

История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1952. С. 339.

См.: Васильев Г. Ленин и Сталин о роли научного предвидения //Под знаменем марксизма. 1939. № 2. С. 41–62.

О Ленине. М., 1945. С. 10.

Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М., 1935. С. 213.

Моммзен Т. История Рима, т. III. ОГИЗ, 1941. С. 394.

Моммзен Т. История Рима, т. III. ОГИЗ, 1941. С. 384.

Бердяев Н. Указ. соч. С. 129.

Сталин И.В. Соч., т. 1, М., 1946. С. 122.

Бердяев Н. Указ. соч. С. 129.

Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. XII.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 235.

Тарле Е. Наполеон. М.: ОГИЗ, 1942. С. 5, 6.

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом //Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 414–415 и др.

Вригт фон Г.Х. Три мыслителя. СПб., 2000. С. 99.

Указ. соч. С. 247–248.

Сталин И. Соч., т. 13. С. 119.

Сталин И. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом. 3 июля 1934 г.
Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 3.

Маркс К. Собрание исторических работ, изд. С. Скимунта. б. г. и м.
изд. // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 208. Л. 143.

См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

См.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 9.

Думаю, что именно германский опыт времен Первой мировой войны, и в особенности опыт СССР и фашистской Италии, позволили Гитлеру так стремительно и рационально заложить основы национал-социалистического тоталитарного государства. Недаром тот же Л. Рамос утверждал, что тотальная государственность определяет «железную мощь советской власти» и «мускулатуру фашистской» (см.: Хосе Ортега-и-Гассет. Камень и небо / предисл. Гелескул А. Собеседник жизни. М., 2009. С. 9). Эрнст Юнгер, блестящий германский философ и ведущий идеолог тоталитаризма, близко стоявший к высшим нацистским кругам, перед войной писал, что тотальность — «это вмешательство, смысл которого состоит в уничтожении всего, что не может быть понято как функция государства, мы встречаем сначала в России и в Италии, а затем у нас дома» (Юрген Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация. СПб.: Наука, 2000. С. 451).

XI съезд Российской коммунистической партии (большевиков).
Стенографический отчет. М., 1922. С. 33 //Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. «Библиотека И.В. Сталина».

XI съезд Российской коммунистической партии (большевиков).
Стенографический отчет. М., 1922. С. 33 //Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. «Библиотека И.В. Сталина».

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 81.

Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 288.

Сталин И.В. Беседа с председателем Американского газетного объединения «Скрипс-Говард ньюспейперс» г-ном Рой Говардом // Правда. 6 марта 1936 г.

- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., М., 1979. Гл.
2.

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 27.

См.: История СССР, т. 2. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма / Под. ред. М.В. Нечкиной. 3-е изд., М., 1954. С. 327.

Лоренц К. Указ. соч. С. 230–231.

Соловьев В.С. Несколько слов в защиту Петра Великого //Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1989. С. 418.

Бердяев Н. Указ. соч. С. 97.

Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 558.

Маркс К. Собрание исторических работ.

Приведу и современный, более осмысленный перевод: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» // Маркс К. Избранные произведения в двух томах. Т. II. Парт. издат. М., 1993. С. 246.

Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 9.

Троцкий Л. Указ. соч. С. 79.

Толстой А. Праздник идей, мыслей, образов // Собр. соч. в 10 томах. М., 1959. Т. 10. С. 218.

Платонов С.Ф. Иван Грозный. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.: изд-во УРАО, 1998.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Московский рабочий, 1991. С. 79.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С.120.

Сталин И.В. Краткая биография. 2-е изд. испр. и доп. М., 1948.

Здесь и далее все подчеркивания в цитатах и фрагментах текстов принадлежат Сталину.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 28.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 30.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 30.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 37.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 30–31.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 31–32. См. также: Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М.: изд-во АПН, 1989. С. 157.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 32–33.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370, с. 41.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 1. Ед. хр. 2510.

Как утверждают некоторые мемуаристы, Сталин всю Гражданскую войну проходил с томиком Ницше в кармане. Как и в случае с Макиавелли, сам факт знакомства с теми или иными идеями ничего не доказывает до тех пор, пока не обнаруживается прямая реакция на них.

Сталин И.В. Соч. Т. 6. М.,1947. С. 11.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 358. Л. 76.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 316.

Указ. соч. С. 151.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 36.

РГА СПИ. Ед. хр. 350.

РГА СПИ. Ед. хр. 121. С. 537. Ед. хр. 132. С. 138. Ед. хр. 158. С. 34.

Микоян Анастас. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 356.

Микоян Анастас. Указ. соч. С. 576.

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 2. 4-е изд. М., 1996. С. 446.

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 305.

К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М., 1940. С. 177.

РГА СПИ. Ед. хр. 188, 266, 183.

РГА СПИ. Ед. хр. 380. С. 278.

И.В. Сталин сам о себе. Редакционная правка собственной биографии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 113–128.

И.В. Сталин. Краткая биография. С. 18.

Указ. соч. С. 65, 92, 93, 95; И.В. Сталин сам о себе. С. 127.

И.В. Сталин сам о себе. С. 117.

И.В. Сталин. Краткая биография. С. 96; РГА СПИ. Ф. 71. Оп. 10. Ед. хр. 261. Л. 93.

Указ. соч. С. 118, 131, 162, 238, 242.

Малашенко Л., Экшут С. Весь синклит // Родина. Дайджест. Сборник разных лет. Пилотируемый номер. 1998. С. 8—10.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 25. Л. 100.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 111.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 73. Л. 151.

См.: Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 160.

Барбюс А. Сталин. 2-е изд. М., 1936. С. 354–355.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 31, 31 об. Пользуюсь случаем выразить благодарность историку В.А. Невежину, указавшему мне на этот документ.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л.30.

Из воспоминаний А.Л. Мясникова, участника консилиума у постели И.В. Сталина // Литературная газета. 1989. 1 марта.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 14.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Московский рабочий, 1991. С. 46.

Иванов В. Красная площадь // Новый мир. М., 1937. Кн. 11. С. 259–261.

«Агент английской разведки случайно встретил Вас...» // Источник.
1996. № 3. С. 162.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 109.

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 304.

До сих пор в литературе утверждается, что рост Сталина не превышал 160 сантиметров. См.: Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. Пер. с англ. М., 1996. С. 75.

До сих пор в литературе утверждается, что рост Сталина не превышал 160 сантиметров. См.: Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. Пер. с англ. М., 1996. С. 37.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1496. Л. 166–167.

См.: Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. 2-е изд. М.—Л., 1930. Фото.

Чуковский К. Дневники 1930–1969. М., 1995. С. 86.

О деле так называемого «Московского центра» // Известия ЦК КПСС.
№ 7. 1989. С. 69.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 47.

«Меня встретил человек среднего роста...» Из воспоминаний скульптора М.Д. Рындзюнской о работе над бюстом И.В. Сталина в 1926 г. // Голоса истории. Музей революции. Сб. научн. трудов. Вып. 23, кн. 2. М., 1992. С. 116.

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 82.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 83.

«Меня встретил человек среднего роста...». С. 113.

Указ. соч. С. 116.

Указ. соч. С. 115.

Сталин И.В. Краткая биография. С. 120–121.

Бармин А. Указ. соч. С. 304.

См.: Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. Пер. с англ. М., 1996. С. 109.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп 11. Ед. хр. 1289. Л. 23.

Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 544.

См.: Радзинский Э. Указ. соч. С. 36; РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 7
об.

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 166.

См.: Радзинский Э. Указ. соч. С. 69, 36, 30.

В. Молотов вспоминал: «Рука у него была нормальная, но ее держал вот так, какая-то операция, видимо, была в детстве. Он под фэтон попал...» // Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 297.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 675. Л. 1—23.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1483. Л. 100 об. Есть серьезные основания предполагать, что акт был фальсифицирован, как это считает А.А. Фурсенко: «Историк А.А. Фурсенко рассказывает» // Вопросы ИЕИТ. № 2. 2000. С. 131, 142.

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 1–2.

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1279. Л. 18.

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 4–6.

Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М., 2000. С. 18.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 98.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 22.

Микоян А. Указ. соч. С. 357.

РГА СПИ. Ед. хр. 1289. Л. 6.

РГА СПИ. Ед. хр. 1289. Л. 6 об.

Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2. 3-е изд. М., 1994. С. 254.

«Конечностно-поясная, или ювенильная, форма (мышечная дистрофия Эрба) встречается часто. Первые симптомы появляются, как правило, в 14–16 лет, прогрессируют сравнительно быстро: значительное ограничение работоспособности наступает в 20—25-летнем возрасте. Слабость и атрофия мышц наблюдается сначала в мышцах таза, затем в проксимальных отделах ног — в дальнейшем процесс распространяется на мышцы плечевого пояса. Иногда парезы в ногах и руках появляются одновременно... Мышцы лица и сердечная мышца чаще не поражаются. Интеллект не страдает» // (Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2. 3-е изд. М., 1994. С. 254).

«Конечностно-поясная, или ювенильная, форма (мышечная дистрофия Эрба) встречается часто. Первые симптомы появляются, как правило, в 14–16 лет, прогрессируют сравнительно быстро: значительное ограничение работоспособности наступает в 20—25-летнем возрасте. Слабость и атрофия мышц наблюдается сначала в мышцах таза, затем в проксимальных отделах ног — в дальнейшем процесс распространяется на мышцы плечевого пояса. Иногда парезы в ногах и руках появляются одновременно... Мышцы лица и сердечная мышца чаще не поражаются. Интеллект не страдает» // (Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2. 3-е изд. М., 1994. С. 32.)

Алилуева С. Указ. соч. С.10.

«Заменить вас некем». Письма М. Горького И.В. Сталину // Источник.
№ 5. 1999. С. 115–116.

Бармин А. Указ. соч. С. 321.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 792. Л. 146.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 128 об.

«Заменить вас некем». Письма М. Горького И.В. Сталину. С. 116–117.

Аллилуева С. Только один год. С. 312.

Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950. М., 1997. С. 441.

Троцкий Л. Указ. соч. С. 55.

Из переписки Н.В. Валентинова-Вольского с Б.И. Николаевским // Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 214.

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 304.

РГА СПИ. Там же. Л. 4.

РГА СПИ. Там же. Л. 47.

«Неврозы... — группа заболеваний, в основе которых лежат временные, то есть обратимые, нарушения нервной системы, возникающие под влиянием психотравмирующих воздействий. Появлению Н. способствуют ослабление защитных сил организма, длительное переутомление. Они чаще развиваются у лиц с акцентуациями характера (усиление его отдельных черт). Основными клин. формами Н. является неврастения, истерический невроз и невроз навязчивых состояний» // (Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2, 3-е изд. М., 1994. С. 42).

«Неврозы... — группа заболеваний, в основе которых лежат временные, то есть обратимые, нарушения нервной системы, возникающие под влиянием психотравмирующих воздействий. Появлению Н. способствуют ослабление защитных сил организма, длительное переутомление. Они чаще развиваются у лиц с акцентуациями характера (усиление его отдельных черт). Основными клин. формами Н. является неврастения, истерический невроз и невроз навязчивых состояний» // (Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2, 3-е изд. М., 1994. С. 42).

Врач и его пациент. Воспоминания И.А. Валединского о И.В. Сталине // Голоса истории. Редкие материалы в фондах Музея революции. Сб. научных трудов, вып. 23, кн. 2. М., 1992. С. 122.

«Организм Сталина вполне здоровый». Послесловие публикатора // Источник. № 2. 1998. С. 71.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 134.

РГА СПИ. Там же. Л. 16 об.

«Организм Сталина вполне здоровый», с. 72.

Врач и его пациент. Воспоминания И.А. Валединского о И.В. Сталине.
С. 125.

Бородулин В.И., Тополянский В.Д. Дмитрий Дмитриевич Плетнев // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 43.

См.: Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. С. 189.

Из переписки Н.В. Валентинова-Вольского с Б.И. Николаевским. С. 215–216.

Микоян А. Указ. соч. С. 563.

Из письма Н. Седовой-Троцкой в редакцию «Социалистического вестника» от 18 мая 1959 г. // Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 211.

Смит Д.М. Муссолини. М., 1995. С. 107–108. Выражаю искреннюю благодарность М. Вайскопфу, обратившему мое внимание на это место в книге Смита.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1483. Л. 1—23.

РГА СПИ. Ф. 71. Оп. 10. Ед. хр. 261.

Микоян А. Указ соч. С. 354.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11.

Сходное описание обстоятельств смерти вождя оставил П.В. Мозгачев — заместитель коменданта дачи Ближняя, который работал в охране Сталина с 1938 г. Правда, Хрущева, приехавшего по вызову охраны вместе с Берией и Маленковым, он не упоминает. См.: Шефов А. Две встречи // «И примкнувший к ним Шепилов». М., 1998. С. 156.

Эту версию первым выдвинул А. Авторханов вскоре после кончины Сталина. С тех пор она в разных модификациях часто воспроизводится в некоторых исследованиях (См.: Авторханов А. Загадка смерти Сталина // Новый мир. № 5. 1991. С. 184–233. Его же . Еще раз о «Загадке смерти Сталина» // Новый мир. № 12. 1991. С. 235–242).

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997.
С. 265.

Указ. соч. С. 264.

Кончина. Из воспоминаний А.Л. Мясникова, участника консилиума у постели И.В. Сталина // Литературная газета. 1 марта. 1989.

РГА СПИ. Ф. 78. Оп. 8. Ед. хр. 140. Именно это издание, которое хранилось в советское время в закрытых хранилищах, воспроизведено массовыми тиражами в России в постперестроечное время.

Бармин А. Указ. соч. С. 337.

Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. С. 337–381.

См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 249, 432.

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 86.

Так в тексте.

Сталин И.В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 227–329.

Сталин И.В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 316.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп.11. Ед. хр. 1637.

«И примкнувший к ним Шепилов». М., 1998. С. 154.

Шарапов Ю. Пятьсот страниц в день... // Московские новости. 18 сентября 1988.

Молотова спрашивали: «Сталин немецкий знал немножко?

— В Европе бывал. Понимал.

— Когда Риббентроп говорил, он понимал?

— Нет, не понимал. И я не понимал» // Сто сорок бесед с Молотовым.

С. 257.

Бармин А. Указ. соч. С. 307.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 268–269.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 211. Л. 40.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 17.

Российский государственный архив новейшей истории (РГА НИ). Ф. 5.
Оп. 16. Д. 745. Л. 122.

Сталин И.В. Краткая биография. М., 1948. С. 11.

Радзинский. Э. Указ. соч. С. 49.

Сталин И.В. Краткая биография. С. 9.

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. 4-е изд. М., 1996.
С. 51.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281.

Сталин И.В. Указ. соч., т. 2. С. 403.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990, С. 113–114.

Яковлев А. Цель жизни. 2-е изд. М., 1968. С. 184–185.

ГРА СПИ. Ф. 558. Оп.1. Ед. хр. 2510. Л. 2–3.

Шарапов Ю. Пятьсот страниц в день... С. 16.

Микоян Анастас. Указ. соч. С. 351.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 82–83.

Аллилуева С. Указ. соч. С. 20.

Красиков С. Возле вождей. М., 1997, С. 85.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 296.

Шарапов Ю. Указ. соч.

Бармин А. Указ. соч. С. 317.

Красиков С. Указ. соч. С. 91.

Шефов А. Две встречи // «И примкнувший к ним Шепилов». Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 157.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1487. Л. 106–108.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1487. Л. 124.

РГА НИ. Ед. хр. 745. Л. 126.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Справка о приеме личной библиотеки И.В. Сталина в Центральный партархив.

РГА НИ. Ед. хр. 745. Л. 125.

Медведев Ж., Медведев Р. Бумаги Сталина: жизнь после смерти? // Книжное обозрение. 11 ноября 1999. С.19.

Шарапов Ю. Указ. соч.

Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории.
Краткий путеводитель. М., 1993. С. 237.

Макимова Э. Личный фонд Сталина становится общедоступным. Но почему лишь частично? //Известия. 1999. 30 октября. С. 6.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1486. Л. 136.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1486. Л. 148–149.

Антонов-Овсеенко А. Берия. М., 1999. С. 445.

РГА СПИ. Ед. хр. 1487. Л. 109.

РГА СПИ. Ед. хр. 1487. Л. 122.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 335.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1288.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1545, 1546, 1547.

Сталин И.В. Соч. Т. 15. 1941–1945. М., 1997; т. 16. 1946–1952. М., 1997.

Шохина В. Моя маленькая сталиниана // Независимая газета. 1998. 5 марта. С. 7.

Мероприятия отличаются большой скромностью... «О подготовке к 70-летию И.В. Сталина» // Источник. 1996. № 5. С. 79.

Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992.

Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 193.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 1, 3.

См.: О деле так называемого «Московского центра» // Известия ЦК КПСС. № 7. 1989. С. 68

«О так называемом «кремлевском деле» // Известия ЦК КПСС. № 7. 1989. С. 86–93.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 293.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 332.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 4.

Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 15–16 и др.

Шпеер А. Воспоминания. Смоленск — Москва, 1997. С. 226.

Сталин И.В. Краткая биография. С. 239.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 52.

Сталин И.В. Краткая биография. С. 163.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 11.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 319.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45. С. 345.

Аллилуева С. Только один год. С. 123.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Московский рабочий, 1991. С. 181.

Шефов А. Две встречи. С. 157.

Сталин И.В. Избранные сочинения в 3-х томах. Т. 1. М., 1999. С. 3–4.

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939. С. 25. «На правах рукописи» // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина (ГОПБ ОР БС).

РГА СПИ. Ф. 558. Оп 1. Ед. хр. 2218; Вопросы истории. № 11. 1953.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 913. Л. 1.

См., например: Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 216, 283 и др.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 186; Ед. хр. 2719; РГА НИ. Ф. 5. Оп. 16.
Ед. хр. 745. Л. 124.

Леонидзе Г. Сталин. Детство и отрочество. Эпопея. Книга первая. Пер. с грузинского Н. Тихонова. М., 1947. С. 107.

История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма // Под ред. М.Н. Нечкиной. 3-е изд., испр. и доп. М., 1954. С. 327.

Барбюс А. Сталин. 2-е изд. М., 1936. С. 21.

Гомилетика — церковно-богословская наука, излагающая правила церковного красноречия или проповедничества // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Репринтное издание. СПб., 1992. С. 660.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 97.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1279. Л. 51.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 113–114.

«Имя это ко мне подходит». И.В. Сталин о своем псевдониме // Источник. № 5. 1999. С. 79; В.В. Похлебкин в книге, переполненной домыслами, приводит версию происхождения этого псевдонима от фамилии Е.С. Сталинского — переводчика и издателя поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (Тифлис, 1888–1889). Однако между выходом книги и появлением псевдонима проходит 20 лет, и усмотреть здесь прямую связь достаточно трудно. В данном случае я склонен верить самому Сталину. См.: Похлебкин В. Великий псевдоним. М., 1996. С. 81–89.

См.: РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 905. Л. 99.

Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 52.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 704. Л. 15–19.

Жгенти Б. Александр Казбеги // Казбеги А. Избранные произведения.
Пер. с груз. Тбилиси, 1955. С. 5—15.

Сталин И.В. Краткая биография. 2-е изд. М., 1948. С. 8.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 113.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1278. Л. 2, 3, 7.

Казбеги А. Избранные произведения. Тбилиси, 1955. С. 239–240.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 827. Л. 17–18. Письма М. Шолохова Сталину были опубликованы в журнале «Родина» в 1992–1994 гг.

Казбеги А. Указ. соч. С. 289.

По воспоминаниям Кетеван Орахелашвили // Антонов-Овсеенко А.
Берия. М., 1998. С. 67.

Казбеги А. Указ. соч. С. 287.

Указ. соч. С. 257.

Указ. соч. С. 219.

Сталин И.В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 39.

Казбеги А. Указ. соч. С. 258–259.

Сталин И.В. Краткая биография. С. 7.

История СССР. С. 338.

Мошевец (от «хеви» — ущелье) — грузины-горцы, живущие в верховьях Терека и прилегающих ущельях.

Казбеги А. Указ. соч. С. 306.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1278. Л. 2.

Казбеги А. Указ. соч. С. 314, 318.

Указ. соч. С. 268.

БСЭ. 1-е изд. М., 1937. Т. 13.

БСЭ. 2-е изд. Т. 19. С. 364.

Казбеги А. Указ. соч. С. 436.

Правда. 2 января. 1991.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Библиотека журнала «Источник». {Берлин — Москва}, 1993.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1995. С. 28.

Указ. соч. С. 55.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп.11. Ед. хр. 917. Л. 1.

Роберт Слассер, автор книги «Сталин в 1917 году» (М., 1989), также выразил сомнение в авторстве одной из статей, опубликованной в третьем томе сочинений Сталина (см. с. 52–54).

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 911. Л. 15; Ед. хр. 910. Л. 5 об.

Сталин И.В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 10.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 905. Л. 99—100.

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 399.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 910. Л. 132, 133.

Очень обстоятельно мемуарную литературу использовал А.В. Островский: «Кто стоял за спиной Сталина?» (СПб.—М., 2002). Книга Островского очень похожа на достопамятный по советским временам жанр расширенной «биографической хроники». Отдавая должное его исследованию, открывшему массу неизвестных деталей в дореволюционном периоде жизни И. Джугашвили, в той части, где он опирается главным образом на мемуаристику сталинской эпохи, он кажется наименее убедительным. Автор лишний раз показал, что эти мемуары ничего не добавляют нового ни в плане идейной эволюции Сталина, ни в плане многих неясных пунктов его биографии: истинных причин изгнания из семинарии, его детских и юношеских недугов и пристрастий, ранних этапов идейной эволюции, конкретного содержания революционной деятельности, личных взаимоотношений и т. д. Особенное недоумение вызывает тот факт, что автор практически проигнорировал мемуары грузинских революционеров, уничтоженных или «забитых» Сталиным, которые публиковались с начала 20-х и до начала 30-х годов, таких как А. Енукидзе, Ф. Махарадзе, И. Орахелашвили, Б. Мдивани и другие. Сталин большую часть этих мемуаров собрал в своей личной библиотеке.

Сталин И.В. Указ. соч. С. 11.

Указ. соч. С. 13.

Указ. соч. С. 22–23.

Указ. соч. С. 33.

Сталин И.В. Соч. Т. 2. С. 129.

Указ. соч. Т. 1. С. 53.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 256–264.

Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 85–86.

Указ. соч. С. 179.

Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 40.

Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 269.

Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 27–31.

Указ. соч. С. 50–51.

Указ. соч. С. 51–52.

Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре. М.: Изд-во АН СССР, 1937
// Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких
книг. Библиотека И.В. Сталина.

Аллилуева С. Только один год. М., 1995. С. 337.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 706. Л. 31.

Чавчавадзе И. Повести и рассказы. Пер. с грузинского Е. Гогоберидзе. М., 1937. С. 20 // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина.

Указ. соч. С. 3–4.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 387. В архивной описи допущена ошибка при переводе названия брошюры.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 326. Здесь также неверно указано название.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 5. С. 305.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 5, с. 538–542.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 6.

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 159.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 186. С. 27.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 186, с. 40.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 186, с. 32.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр.7.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 186, с. 54–55.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 186, с. 22.

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 186, с. 93.

РГА СПИ. Оп.11. Ед. хр. 159. Л.4–8.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 51. С. 280.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 50. С. 467–472.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382, с. 29.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382, с. 30.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382, с. 55.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382, с. 79.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382, с. 80.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382, с. 81.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 151–152.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990, с. 55.

Леонидзе Г. Сталин. Детство и отрочество. С. 9—10, 13.

Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 241.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 121.

Аллилуева С. Указ. соч. С.152.

Центр хранения и изучения документов новейшей истории
Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 356. Л. 22.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 313.

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939.
На правах рукописи. С.17 // Государственная общественно-политическая
библиотека. Библиотека И.В. Сталина.

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939.
На правах рукописи. С.17 // Государственная общественно-политическая
библиотека. Библиотека И.В. Сталина.

См.: Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.—М., 2002. С. 94.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 111 и др.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Родина, 1993. С. 6.

Берия С. Мой отец Берия. М., 2002. С. 37.

Федоров Е. Картлинская повесть. Л., 1940. С. 122. На правах рукописи
// РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 730.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 154.

Дорофеев Б. Мать // Правда. 23 октября. 1935.

Беседа с матерью товарища Сталина // Правда. 27 октября. 1935. С. 3.

Аллилуева С. Указ. соч. С. 121.

Берия. С. Указ. соч. С.38.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 775. Л. 9.

В скобках текст зачеркнут. Все подчеркивания принадлежат автору письма.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 775. Л. 10–13.

Успенский В. Тайный советник вождя. Роман-исповедь в пяти томах. Т. 1. СПб., 2000. С. 26.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1290. Л. 31–32.

См.: Ильинский М. Нарком Ягода. М., 2002. С. 197.

В 1949 году у нее была изъята книга П. Когана «Очерки по истории западноевропейских литератур» (Т. 1. М., 1909) с пометами Сталина и две открытки с репродукциями произведений Родена и «игривыми» посланиями Сталина Онуфриевой (РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1657. Л. 14).

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1288. Л. 15–16.

В первом варианте биографии Сталина, написанной И. Товстухой, об этом периоде сказано кратко: «1913, 1914, 1915, 1916 гг. Сталин проводит в туруханской ссылке, в селе Курейка» (Сталин. Сб. статей к пятидесятилетию со дня рождения. М-Л.: Госиздат, 1929. С. 19).

И.В. Сталин. Краткая биография. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1948. С. 55.

Цит. по кн.: Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М., 1971. С. 97 (ЖЗЛ).

Цит. по кн.: Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М., 1971. С. 98 (ЖЗЛ).

Аллилуева А.С. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1946. С.115 // Библиотека И.В. Сталина.

Благодарю работников Центра хранения документов новейшей истории Красноярского края.

ЦХИДНИ КК. Ф. 26. Оп. 13. Д. 297. Л. 65.

ЦХИДНИ КК. Ф. 26. Оп. 13. Д. 297. Л. 128.

ЦХИДНИ КК. Ф. 26. Оп. 14. Д. 445. Л. 227.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1509. Л. 82–84. В том же письме, за те же «ошибки» Сталин разносит и статью Е.Н. Городецкого «Сталинская школа революции», опубликованную им в «Правде» от 4 февраля 1940 г.

Москалев М. Русское бюро ЦК РСДРП(б). М., 1947.

И.В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск: Краевое изд-во, 1942. С. 147–148.

И.В. Сталин в сибирской ссылке. С. 142–143.

Указ. соч. С. 143.

Здесь и далее подчеркнуто Сталиным карандашом.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 773. Л. 79.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 773. Л. 81. Это письмо Сталина было опубликовано по «отпуску» в книге Москалева в подстрочном примечании. (См.: И.В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск, 1942. С. 144–145.)

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 144.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 139.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 241.

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия», 1940. С. 20–21 // Библиотека И.В. Сталина.

Таково написание фамилии в тексте.

ЦХИДНИ КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 356. Л. 11–23.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 96.

ЦХИДНИ КК. Д. 349. Л. 5.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 258.

И.В. Сталин. Краткая биография. С. 44.

Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б).
Т. III. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 64.

Сталинская забота о женщине, матери, ребенке. Свердловск, 1938. С. 47–48.

ЦХИДНИ КК. Д. 347. Л. 2.

ЦХИДНИ КК. Д. 340. Л. 1, 2.

ЦХИДНИ КК. Д. 354. Л. 7.

ЦХИДНИ КК. Д. 353. Л. 1–3.

ЦХИДНИ КК. Д. 354. Л. 1–4.

ЦХИДНИ КК. Д. 368. Л. 3–5.

См.: Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 73–75.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 87, 111, 126.

Косвенно это подтверждается в записке уже упоминавшегося Книжника-Ветрова, где говорится, что отец Сталина забрал его из первого класса духовного училища помогать по сапожному делу, когда тому исполнилось 12 лет (РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1279. Л. 40).

Городецкий Е., Шарапов Ю. Указ. соч. С. 97.

ЦХИДНИ КК. Д. 368. Л. 5–8.

ЦХИДНИ КК. Д. 294. Л. 1.

В РГА СПИ хранится полный текст его воспоминаний. Сталин любил «шутки ради» отправлять бывших соратников в те же места, где они сидели при царизме. Туда же в Туруханский край он отправил в начале 30-х годов и Л. Каменева.

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания
подпольщика. Титульный лист.

И.В. Сталин. Краткая биография. С. 56–67.

Сибирский потомок Сталина // Известия. 8 декабря 2000.

Сталин — мой дед // Известия. 20 января 2001; Тайна родословной Юрия Давыдова // Время МН. 1 февраля 2001.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 330.

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. 4-е изд. М., 1996.
С. 41.

ЦХИДНИ КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 289. Л. 20.

Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 175.

Алилуев С. Пройденный путь. М.: ОГИЗ, 1946. С. 108 // Библиотека И.В. Сталина; Аллилуева А.С. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1946. С. 38 // Библиотека И.В. Сталина.

Васильева Л. Кремлевские жены. Факты, воспоминания, документы, слухи, легенды и взгляд автора. 2-е изд, исправленное. М., 1999. С. 203–204.

Аллилуева А.С. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1946. С. 117 // Библиотека И.В. Сталина.

Аллилуева А.С. Воспоминания. Титульный лист.

Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 88.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 120–121.

Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1989. С. 135–174.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 257.

Троцкий Л.Д. Кем и как был совершен Октябрьский переворот // Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991. С. 327.

Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 328. Мой учитель Е.А. Луцкий, посвятивший свою научную жизнь поминутному изучению истории октябрьских событий, считал, что 24 октября было два заседания руководящего ядра партии, на втором из них присутствовал Сталин. У меня нет оснований не соглашаться с ним по поводу количества заседаний ЦК, но присутствие Сталина — всего лишь предположение, не подкрепляемое документально. См.: Луцкий Е.А. Мемуарные источники о заседании ЦК РСДРП(б) 24–25 октября 1917 г. // Советские архивы. 1980. № 4. С. 26–31; Его же. Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 24–25 октября 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 81–90.

Аллилуева А.С. Указ. соч. С. 188.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Изд-во «Родина», 1993. С. 177.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 88.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 250.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 250.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 92.

Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1910. М.: Сов. писатель, 1936 // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 59.

445

Указ. соч. С. 7.

Указ. соч. С. 71–72.

Указ. соч. С. 76.

Указ. соч. С. 77.

Бармин А. Указ. соч. С. 312.

Аллилуева С. Только один год. С. 331.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 101.

Аллилуева С. Только один год. С. 331.

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 253.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1486. Л. 135.

Васильева Л. Дети Кремля. 2-е изд. М., 1999. С. 108.

Аллилуева С. Указ. соч. С. 336, 337.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Моск. рабочий, 1991. С. 241.

См.: Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 338.

См.: «Заменить вас некем». Письма М. Горького И.В. Сталину // Источник. № 5. 1999. С. 117.

См.: «Заменить вас некем». Письма М. Горького И.В. Сталину // Источник. № 5. 1999. С. 117.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Изд-во «Родина», 1993. С. 182.

Троцкий Л. Указ. соч. С. 233.

Сталин И.В. Краткая биография. М., 1948. С. 120.

Сталин И.В. Соч. Т. 7. М., 1947. С. 48–49.

Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ. 1939. С. 419–420.

Сталин И.В. Речь на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителями партии и правительства. 10 ноября 1935 г. // Правда. 11 ноября 1935.

Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992;
Ранкур-Лаферрьер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование.
М., 1990.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 11.

Цитата из письма Троцкого от 19 июля 1937 года жене (второй) Наталии Седовой, не требующая комментариев: «С тех пор, как приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный х Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я, весь, помимо него, с нежностью думаю о старой, о милой п Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко е тебя и языком, и х Простите, Наталочка, эти строчки, кажется, первый раз в жизни так пишу Вам. Обнимаю крепко, прижимаю все тело твое к себе. Твой Л.» // Родина. Дайджест. Сборник разных лет. Пилотируемый номер. 1998. С. 29.

470

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 9.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 63.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 64.

Громов Е. Сталин. Власть и искусство. М., 1998.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 338.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 383. Л. 10а.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 383. Л. 40а.

Громов Е. Указ. соч. С. 93–95.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617. С. 328.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617, с. 94, 95.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617, с. 124–125.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617, с. 166, 168.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617, с. 210.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617, с. 211–212.

О любви Сталина к сатире Щедрина упоминает и С. Аллилуева (Только один год. С. 337).

Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1939. С. 522–523.

Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1939, с. 519–521.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. Л. 226–304.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. Л. 13–29.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. Л. 61.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. Л. 64.

Сталин И.В. Соч. Т. 8. М., 1948. С. 243.

Фрейд З. Психология. Религия. Культура. М., 1992. С. 206.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. С. 72–73.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. С. 29–31.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 39.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 41.

Указ. соч. Л. 42.

Указ. соч. Л. 42.

Указ. соч. Л. 43.

Указ. соч. Л. 44.

Указ. соч. Л. 44.

Сталин И.В. Соч. Т. 7. М., 1947. С. 45.

Сталин И.В. Соч. Т 6. М., 1947. С. 17.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 45.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 45.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 45.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 45.

Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 273.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 337.

Ленин В.И. ПСС.Т. 17. С. 210.

Толстой Л. Воскресение. Роман. ACADEMIA. 1935. С. 11 // РГА СПИ.
Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 353.

Указ. соч. С. 406.

Указ. соч. С. 407.

Указ. соч. С. 378.

Указ. соч. С. 368.

Указ. соч. С. 199.

Указ. соч. С. 194.

Указ. соч. С. 207.

Указ. соч. С. 393.

Указ. соч. С. 395.

Указ. соч. С. 258.

Указ. соч. С. 393.

Указ. соч. С. 346.

Указ. соч. С. 368.

Указ. соч. С. 369.

Указ. соч. С. 373.

Указ. соч. С. 373.

Указ. соч. С. 342.

Указ. соч. С. 370.

Указ. соч. С. 366.

Толстой Л.Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. 22. М., 1985. С. 197.

Например, Рокоссовскому во время «следствия» выбили девять зубов, сломали три ребра и разбили молотком пальцы ног. Но это не помешало ему в бытность министром обороны Польши санкционировать массовые расстрелы польских офицеров. См.: Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 389–390.

Толстой Л.Н. Воскресение. С. 339.

Указ. соч. С. 340.

Указ. соч. С. 344.

Указ. соч. С. 379.

Указ. соч. С. 380.

Указ. соч. С. 394.

Указ. соч. С. 322.

Указ. соч. С. 323.

Указ. соч. С. 324.

Указ. соч. С. 311.

Ленин В.И. Указ. соч. С. 209.

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 244.

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 401.

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 404.

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 406.

Толстой Л.Н. Избранное. Ростов-на-Дону, 1998. С. 288.

Толстой Л.Н. Избранное. Ростов-на-Дону, 1998. С. 14.

Толстой Л.Н. Воскресение. С. 364.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 337.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 и 1879 годы. М.—Л.: Госиздат, 1929; Его же. Полное собрание художественных произведений, тт. IX, X. М.—Л.: Госиздат, 1927. Братья Карамазовы // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XV. Л.: Наука, 1976. С. 488.

Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений, т. IX. М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 45 // Государственная общественно-политическая библиотека. Библиотека И.В. Сталина.

Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений, т. IX. М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 45 // Государственная общественно-политическая библиотека. Библиотека И.В. Сталина.

Сталин И.В. Соч. Т. 10. М., 1949. С. 172–173.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 46.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 46.

Указ. соч. С. 59.

Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 317.

См.: Кюнг Г. Великие христианские мыслители. СПб., 2000. С. 245.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 58.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 58.

Указ. соч. С. 59.

Указ. соч. С. 60.

Указ. соч. С. 57.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 133.

Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 176–177.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Т. 1. Части 1 и 2. М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 64 // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина.

Указ. соч. С. 65.

Указ. соч. С. 66.

Указ. соч. С. 67.

Указ. соч. С. 68.

Указ. соч. С. 69.

Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 167.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 71.

Указ. соч. С. 311.

Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Ницше: pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 485.

Франк С. Сочинения. Минск — М., 2000. С. 242.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 321.

См. напр.: Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 24. Л. 29.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 310.

Указ. соч. С. 300.

Указ. соч. С. 311.

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 27.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 110.

Сталин И.В. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства // Правда. 6 декабря. 1935.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1939. С. 513.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: ОГИЗ, 1947. С. 196–197.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 315.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 315.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 316.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 316.

Указ. соч. С. 317.

Указ. соч. С. 317.

Указ. соч. С. 300.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 112.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 302.

Указ. соч. С. 303.

Указ. соч. С. 305.

Указ. соч. С. 305.

Указ. соч. С. 298–299.

Указ соч. С. 299.

Указ соч. С. 299.

Указ соч. С. 299.

Указ. соч. С. 49.

Указ. соч. С. 49.

Указ. соч. С. 53.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 88–92.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 52.

Указ. соч. С. 54.

Указ. соч. С. 301.

Указ. соч. С. 318.

Указ. соч. С. 318.

Указ. соч. С. 319.

Франс А. Указ. соч. С. 41.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 22. Л. 57.

Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 93–94.

Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 8 августа 1934.

Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб., 2001. С. 147–150.

Подробнее см.: Вайскопф М. Указ. соч. С. 156, 163.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 133.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 21.

Имеется в виду Рервег.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 22.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 22.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 24.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 25.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 26.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 27.

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 27.

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 10.

633

Указ. соч. С. 91.

Аллилуева С. Только один год. С. 135.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 87.

Леонтьев К. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 502.

Указ соч. С. 503.

Толстой Л.Н. Философский дневник. 1901–1910. С. 164.

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 170.

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 97.

Франк С. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 465.

Карлейль Т. Этика жизни. Знамение, 1999. С. 402.

Бодрийярд Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 205.

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 210.